
ФАНТАСТИКА
2008
ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕВ
ЛЕОНИД
КАГАНОВ
СВЯТОСЛАВ
ЛОГИНОВ
ЕВГЕНИЙ
ЛУКИН
ВЛАДИМИР
МИХАЙЛОВ
Г. Л.
ОЛДИ
И ДРУГИЕ...
ФАНТАСТИКА 2008
ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ

ЛАБИРИНТ

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ

ФАНТАСТИКА 2008

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ХРАНИТЕЛЬ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Ф22

Серия «Звездный лабиринт» основана в 1997 году

Составитель Н.А. Науменко

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн С.В. Шумилина

Подписано в печать 02.11.07. Формат 84x108 1/32.
Усл. печ. л. 40,32. Тираж 20000 экз. Заказ № 5958.

Фантастика 2008 : [сб.]. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА:
Ф22 ХРАНИТЕЛЬ, 2008. — 765, [3] с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 978-5-17-044281-2 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-9713-6748-2 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
ISBN 978-5-9762-3831-2 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)

Поклонники отечественной фантастики!

Перед вами — двенадцатый сборник популярного альманаха «Фантастика», с неизменным успехом выходящего уже шесть лет!

Это — весьма необычный сборник. В него вошли не только новые рассказы, повести и статьи Василия Головачева и Евгения Лукина, Евгения Малинина и Владимира Михайлова, Леонида Каганова и творческого дуэта Г.Л. Олди, но и произведения всех финалистов последнего конкурса «Роскон-Грелка».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© ООО «Издательство АСТ», 2007

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ

Сергей Палий
КАРАНТИН

Жизнь на планетах, обращающихся вокруг красных гигантов, как правило, быстро угасает. Она словно чувствует скорую гибель самой звезды и готовится разделить ее участь.

Жизнь вообще хрупкая штука.

Скажу честно: когда я узнал о предстоящей миссии на Гуште, мне стало немного не по себе. Всякое поговаривали об этой планете. Кто-то утверждал, будто на ней водятся хищные рептилии величиной с бегемота, другие рассказывали о поселениях первых колонистов с Земли-Прима, а некоторые вообще считали Гушту самой странной и загадочной планетой в открытой области галактики.

Слухи, сплетни, байки, домыслы.

Командование, как обычно, делилось информацией неохотно. Даже наш ротный утверждал, что знает только координаты объекта и вводные по внешним условиям: атмосфера кислородно-азотная, пригодная для дыхания без спецсредств, сила тяжести, температура, давление, влажность — в пределах допустимой нормы для планет класса «оптима». Флора и фауна изучены мало.

Достоверно нам было известно, что лет сорок назад Гушту пытались колонизировать как перспективный мир. Вторая планета в системе остывающего гиганта класса М3, расположенного в 14 парсеках от перевалочной базы на Сириусе В. Идеаль-

© С. Палий, 2007

ные условия. Щедрые залежи ториевых руд и ортита. Отсутствие разумной жизни.

В общем, лакомый кусочек для корпораций-переработчиков...

На Гушту высадился универсальный челнок-эксплорер с группой ученых и вояк. Они разбили первичную базу в районе экваториальных гор и принялись заниматься своим делом — разнюхивать что к чему.

Через семь суток разведчики должны были отправить на Сириус бот с данными начальных исследований, но на перевалочной базе так ничего и не дождались.

Прошел месяц — никаких вестей.

Решено было послать спасательную экспедицию.

Она тоже канула в неизвестность. В министерстве по делам дальней экспансии больше не хотели финансировать дорогостоящие проекты по освоению Гушты — ведь денежки уплывали в никуда.

Программу прикрыли, так и не узнав, что произошло с первыми двумя экспедициями. Родственникам пропавших без вести выплатили денежную компенсацию.

С тех пор и стали постепенно растекаться слухи о всяческих аномалиях в окрестностях красного гиганта, и пилоты-фрахтовщики передавали друг другу дурацкие побасенки об инопланетянах и прочую несусветную чепуху.

Несколько десятков смельчаков-старателей отправлялись к Гуште на небольших тральщиках с минимумом экипажа, чтобы поживиться халявными рудными богатствами, но вернулись лишь двое. Оба были с явными признаками умственного расстройства и, словно заводные, талдычили о каком-то божественном проявлении...

— Мересце, ты чего глаза такие умные сделал? — обратился ко мне командир нашего взвода сержант Паводников. — Бабу свою вспоминаешь?

— Нет у меня бабы.

Паводников осклабился во всю веснушчатую харю.

— Конечно, кто ж дурня с такой фамилией в мужья возьмет!

Я сплюнул на пол и отвернулся, насколько позволяли фиксирующие кронштейны. Ну да, странная у меня фамилия для русского — Мересце. Виталий Мересце.

По всему десантному боту прошла вибрация, затем его основательно тряхнуло.

— Отклепались, — прокомментировал Лешка, молодой боец, сидевший слева от меня.

— Жрать охота, — сказал Давид Лопатиков. — С самого L-перехода голодом морят, гады. Крейсер три с лишним часа на орбите уже болтается, а харчей так и не дали.

— Сядем — хозовики сухпай вручат тебе, — отрезал Паводников, вцепляясь в прочные трубы кронштейна. — Едрить... Ненавижу тошниловку...

Я смотрел прямо перед собой, не фокусируя взгляд на бледнеющей роже Лопатикова. Уже давно для себя определил: при посадке лучше не закрывать глаза, но и не сосредотачиваться на чем-то конкретном. Иначе может наизнанку вывернуть.

— Св-в-виньи, — сквозь болтанку проворчал черноусый Ренат Камалев, — на скафах экономят... Вот в плотные сейчас войд-д-дем, трещинка какая-нибудь в обшивке об-б-бнаружится... И пиндец... Заживо сгорим за полсекунды.

— Заткнись ты, пехтура неотесанная! — злобно гаркнул Паводников. — Будет трещинка — тебе никакой скафандр не поможет...

Гул за стенкой усиливался. Желудок подскочил к глотке — бот начал резко снижаться, пробивая вольфрамокерамитовым брюхом атмосферу.

Пилотам хорошо, у них амортизация в креслах — ого-го! А нашего брата штурмовика загоняют в десантный отсек на пластиковые скамейки и закрепляют жесткими кронштейнами — вот и весь сервис.

— О-ох ё... — Сержанта Паводникова вырвало прямо на собственный камуфляж. — Гушта, мать ее, херушта... И какого черта им здесь надо?..

— А что тебе ротный сказал? — спросил я, стараясь не прикусить язык от тряски.

— Цель: захватить первичную экваториальную базу и укрепиться на ее территории до прибытия «ботаников», — отплевываясь, ответил сержант. — Они там что-то изучить хотят.

— Странно, — хмыкнул Лешка. — Сорок лет не совались, а теперь — приспичило.

Корабль мотнуло так, что весь взвод клацнул зубами. Кто-то застонал и матюгнулся, приложившись затылком о борт.

— Я слышал, что спецы из «Роскосмощита» недавно разведбот сюда отправляли, — крикнул Ренат. — Он с орбиты снимков наделал, и что-то там заинтересовало наших военных ксенохренологов...

— Ладно, хорош лясы точить! — скомандовал Паводников, борясь с очередным рвотным позывом. — Сядем — разберемся.

Деревня обнаружилась в семи километрах от места посадки. Скрытая огромными скальными карнизами, она была незаметна с орбиты, поэтому на снимках зонда «Роскосмощита», конечно же, отсутствовала и стала для всей нашей штурмовой группы полной неожиданностью.

Пока инженеры и интенданты разбивали лагерь, наш взвод, по приказу ротного, отправился в разведку к поселению.

Это действительно было целое поселение — уже за несколько километров виднелся дымок, стелящийся вдоль единственной улицы, по обе стороны которой ютились дома. От небольших хлипких хижин до крепких двухэтажных коттеджей. Чуть поодаль, возле излучины небольшой речки, молотила лопастями водяная мельница. Там и тут горели фонари на столбах, разгоняя розовый вечерний полумрак.

Исполинское багряное солнце, словно гора, нависло над планетой, отдавая ей последние крохи тепла перед непродолжительной ночью. Сутки на Гуште длились всего 15 часов.

Что удивительно — люди совершенно не скрывали своего присутствия. А ведь никто на Сириусе не предполагал, что здесь обосновалась целая община.

— Вот те на... — в который раз покачал головой Давид Лопатиков. — Не ждали, не гадали.

— Ты в оба давай гляди, — посоветовал Паводников, поправляя ремень штурмовой винтовки. — Еще не известно, что это за хуторок такой.

— Если наличествует разумная жизнь, значит, есть бабы, — философски изрек Лешка.

Давид усмехнулся.

— Я те дам... бабы! — Сержант театрально нахмурился. — Сначала обстановку разнюхать надо.

Взвод обогнул гигантскую отшлифованную ветрами глыбу и резво потрусил под горку. Мне пришлось прибавить шагу, чтобы не отставать.

Растительность на Гуште была скудная. Вокруг виднелись только редкие рощицы светло-фиолетовых деревьев, кажущихся черными в алом свете огромного солнца. По форме они напоминали земные кипарисы. Суховатую глинистую почву покрывал ковер из жухлой бледно-голубой травки с малюсенькими стебельками, больше похожей на мох. Текущая по долине речка с кристально прозрачной водой смотрелась на фоне этой бедности как-то негармонично — словно свежий штрих на выцветшем полотне старой картины.

— Комаров-мошек нет — это хорошо, — оглядывая причудливый кустарник с игольчатыми листьями, сказал Ренат. — А то меня однажды на Земле-Квинта куснула какая-то летающая тварь — неделю в медблоке валялся под капельницей. И никакие прививки от инопланетной фауны не помогли.

— Да, здесь вообще как-то тихо, — согласился я. — Обратили внимание, что живности не видать?

— Ага. Мертвая земля. Интересно, что эти аборигены жрут...

— Какие на фиг аборигены! Не видишь, что ли — наши. Или колонисты, или старатели обосновались. А может, бандюганы от ментов скрываются.

Возле крайних деревенских домиков Паводников сделал знак рукой, и взвод остановился.

— Мересце, Лопатиков — со мной. Остальным — ждать здесь, — скомандовал сержант. — Оставаться на связи. В контакт с местным населением без приказа не вступать ни в коем

случае. И стволами не размахивайте особо — мало ли кто тут живет. Перепугаете народ...

Мы втроем двинулись вдоль покосившегося заборчика, который выполнял скорее функции ограничителя территории, чем защищал владельцев одноэтажного сруба.

Солнце почти опустилось за горную гряду, оставив над ее зубцами лишь гигантский покатый бок вишневого цвета. Скальный карниз нависал над головой темной громадиной, заставляя то и дело скашивать на него глаза. Эти сотни тонн камня будто бы давили на макушку своей безжизненной массой.

На улице никого не было видно. Неподалеку слышались всплески от лопастей водяной мельницы и скрип ее передаточных механизмов.

— Чего они здесь мелят-то? — шепотом удивился Давид, включая подствольный фонарик. — Эту сиреневую труху, что на полях растет?

— Да кто их зна...

Я не договорил.

Девчонка возникла перед нами так неожиданно, что я чуть было не пальнул в нее в упор. Паводников глухо выматерился.

Надо заметить, что мы сами испугались гораздо сильнее, чем местная.

Лет семи, русоволосая, худющая, в потертом техническом комбезе с выцветшей нашивкой российского космофлота на воротнике. Чтобы одежка пришлась впору, девчонке пришлось круто закатать штанины и обрезать рукава по локоть.

С полминуты она с любопытством разглядывала нас, щурясь от света фонариков и покручивая на указательном пальчике четки. Мы молча ждали, выставив вперед стволы.

Я вдруг представил, как, должно быть, нелепо выглядит эта картина со стороны: трое здоровенных штурмовиков держат на прицеле беззащитного ребенка. Опустил РК-7 стволом вниз. Поставил винтовку на предохранитель.

— Здравствуйте, — произнесла наконец девчонка, не переставая перебирать четки. — Староста живет в конце улицы. В большом доме с железным петушком на крыше.

— Спасибо, — тупо сказал Паводников, тоже опуская оружие.

— Пожалуйста, — ответила девчонка и пошла прочь.

— Эй... — окрикнул ее Давид.

Она остановилась и обернулась.

— Ты... — Он на миг запнулся. — Ты здесь давно живешь?

— Как родилась, так и живу, — пожала плечами девчонка. — Я видела, как ваши корабли садились. Там, за Червячной грядой. Вы идите к старосте. Идите-идите. Дядя Клеменс вам все объяснит.

Мы переглянулись.

— Спасибо тебе, — повторил Паводников.

— Пожалуйста.

Она скрипнула калиткой и исчезла во дворике.

Сумрак стремительно опускался на экваториальные горы Гушты. Редкие облачка на небе меняли цвет с розового на пунцовый.

— Я чуть дураком не стал, когда она... когда увидел ее, — признался Давид, вытирая пот со лба.

— Интересно, откуда она знает, что мы прилетели на космических кораблях, если все время здесь безвылазно жила... — Я задумчиво почесал подбородок, соображая. Что-то очень странное сквозило во всей этой деревушке, что-то аномальное. Вообще само ее существование было каким-то... неправильным.

— Чем гадать, пошли к этому пресловутому старосте. Дядя Клеменс... ну и имечко, — хмуро сказал Паводников. После чего озвучил мои сумбурные мысли: — Что-то во всем этом не так. Никак не могу уловить — что именно.

Мы двинулись по направлению, указанному девчонкой. Сержант вызвал по коммуникатору базу и вполголоса принялся докладывать обстановку заму ротного.

Диск звезды-гиганта скрылся за хребтом.

Темнело все быстрее.

Дверь оказалась не заперта. Мы вошли в палисадник и с удивлением обнаружили по обе стороны от каменной дорожки ровненькие грядки, засеянные какой-то явно сельскохозяйственной культурой. Увесистые плоды поблескивали маслянистыми боками в тусклом свете электрического фонаря.

— Может, мельница на реке — вовсе не мельница, — предположил Давид.

— А что? — изумился я.

— Небольшой генератор. Электричество же есть.

— Тебе не по фигу? — раздраженно бросил сержант. — Пошли в дом.

Мы постучали, и почти сразу изнутри донесся звук шагов.

На пороге возник пожилой мужик в оттянутых на коленях трениках и шерстяной безрукавке. Он хмуро оглядел нас исподлобья, задержал взгляд на короткоствольных «эркашках» и слегка отступил в сторону, давая войти в прихожую.

Если бы у меня в мозгу колом не торчала мысль, что наша штурмовая группа находится на другой планете за десятки парсеков от Земли-Прима, то можно было подумать, будто мы — припозднившиеся туристы — зашли купить литр-другой самогона к местному плотнику где-нибудь в рязанской глухомани.

— Староста? — поинтересовался Паводников, оглядывая стены, отделанные термопластиковыми панелями. Такие обычно использовались для шумоизоляции и утепления внутренних помещений на военных шаттлах.

— Русские, значит, — не ответив, кивнул мужик, как бы соглашаясь сам с собой. — В комнату проходите. Есть будете?

— Нет, — быстро сказал Паводников. — У нас к вам несколько вопросов.

— Ну еще бы, — усмехнулся хозяин. — Было бы чудно, если б вы просто на чаек заглянули за дюжину парсов от Сириуса.

Мы расположились в просторной зале, практически лишенной мебели и декоративного убранства. Несколько малоудобных раскладных стульев из арсенала комплекса первичного поселения, который был на всех кораблях дальней экспансии, масляный обогреватель, тщательно вымытые чашки и тарелки да несколько десятков уже виденных нами плодов, сушащихся на большом металлическом кожухе с трафаретной надписью «АГАТ-19. РОССИЯ».

«Ого, — подумал я, — да это же с борта первых колонистов. Интересно...»

— Клеменс? — спросил Паводников.

— Так меня зовут, — согласился мужик. — Я староста у поселенцев. Здесь остаются все, кто хочет, никого не выгоняем. Я член экспедиции АГАТ-19. Наш челнок-эксплорер приземлился на Гуште сорок один год назад. Вы, наверное, слышали о пропавших ученых, которые должны были сделать первые шаги к освоению этой планеты. Мы их сделали. Только не нужно было сюда соваться, ясно вам?

— Почему? — тут же уточнил Паводников.

— Бражку хотите? — предложил староста, игнорируя вопрос.

Лицо у него было грубое, будто сплеча вырубленное старостью. Глубокие, но немногочисленные морщины нисходили от крыльев носа и кончиков губ. Когда он вдыхал, они слегка расходились в стороны. Из-за этого складывалось ощущение, что Клеменс то и дело наполняется внутренней яростью. Весь облик создавал отталкивающее впечатление, не располагал к разговору.

— Нет, мы при исполнении не пьем, — соврал сержант. — Скажи-ка, дружище... Мы девчонку встретили местную сейчас. Откуда она знает про космические корабли, если родилась и выросла здесь? Не верю, что из твоих поучительных мемуаров.

— Вы, надо полагать, думаете, будто первыми приперлись сюда, чтобы добраться до объекта? — Староста неприятно осклабился.

— Был кто-то до нас? — подозрительно прищурился Паводников.

— За последний год вы — пятая военная экспедиция. Всем захотелось вдруг Стелу пощупать. Американцы были, индусы, китайцы...

— Врешь. Если бы здесь побывали другие, остались бы корабли.

— Мы разбираем их на свои бытовые нужды, а что не пригождается — в Хрустальку швыряем. Так речка местная называется.

— А люди? — не унимался Паводников. — Куда делись те, кто, по твоим словам, прибыл раньше нас?

— Я уже упоминал: все, кто хочет, остаются в поселении.

— А... а кто не хочет?

— Прутся к Стеле. В карантин.

Паводников помолчал, переваривая информацию.

— Куда? — наконец переспросил он.

— В карантинную зону, в центре которой, возле руин первичной базы, находится объект, — терпеливо разъяснил Клеменс. — Стела. Биомеханическая штуковина. Метров десять в высоту. Генерирует апериодические низкочастотные ЭМ-колебания. Происхождение неизвестно, предположительно — представитель местной фауны. Именно она, по всей видимости, заинтересовала ваше командование.

У меня давно на языке вертелся вопрос.

— А почему вы до сих пор не покинули планету на прибывавших кораблях? Или хотя бы не отправили весточку, что живы-здоровы?

— Живы, — как-то странно взглянув на меня, ответил Клеменс. — Но здоровы ли?

— То есть?

— Здесь не все так просто, как вам кажется, уважаемые коллеги. Стела — представитель ноофауны. Разумной жизни...

— Бред! — не сдержался я. — На Гуште нет разумной жизни!

— Бред, говоришь?.. — Клеменс встал со стула и вышел из залы. Через минуту он вернулся с небольшим радиоприемником в руке. — А это тоже бред?

Он нажал на сенсор питания, и из динамика донесся чистый, практически без помех, голос...

Я вздрогнул.

Паводников с Давидом уставились на меня дико расширившимися глазами.

«Bellum internecinum... Bellum internecinum... Bellum internecinum...» — повторял голос вновь и вновь.

Мой голос.

— Что здесь происходит? — выдавил через минуту Лопатиков.

— Много чего происходит, — вздохнул староста, выключая приемник. — Уже на протяжении трех лет этот сигнал исходит из эпицентра карантинной зоны. От Стелы. На одной и той же волне.

У меня в голове шумело. Мысли слились в бессвязный поток. В ушах отрывистым тиканьем маятника звучал собственный голос, кажущийся одновременно чужим.

— В карантине не все ладно со временем, — сказал Клеменс. — Там вообще происходят очень странные вещи. Стела видит нас. Видит то, что внутри нашей души, чувствует самые отдаленные ее закоулки, ловит скрытые желания. Вы ведь знаете, что у звезд-гигантов, как правило, не бывает планетных систем? Очень редко можно встретить жизнь на таких планетах. А уж вероятность возникновения жизни разумной — просто мизерна даже в масштабах галактики. Только представьте себе, каким может быть такой разум? Отвергнутый, погибающий, нечеловеческий...

— Что значат слова, которые... мы слышали? — не обратив внимания на философствования старосты, спросил Паводников.

— Это латынь. Что значат?.. Bellum internecinum — истребительная война. — Клеменс помолчал. — Стела — это одинокий, гаснущий, но чрезвычайно могучий разум, крайне обиженный на все сущее. Закомплексованный тиран, если хотите. Поэтому мы не улетаем отсюда... Такую страшную заразу нельзя выносить за пределы карантина.

— Псих какой-то, — вынес вердикт ротный, дослушав запись разговора с Клеменсом до конца. — Отрабатываем основную схему. По карте я не совсем понял: на транспортерах туда попасть можно?

— Исключено, — ответил Паводников. — Мы глянули с возвышенности в бинокль... Скалистая местность. Сплошные завалы.

— Значит, утром — марш-бросок. — Ротный напыжил широкий лоб. — От деревеньки до первичной базы километров пятьдесят. За двое суток доберемся и займем объект. Непонятно, на кой хрен вообще нас посылали... Могли бы сразу «ботаников» забросить.

— Этот старик говорил, что там небезопасно, — вставил слово Лопатиков. — Показывал здоровенный шрам на животе. Похоже на следы от осколочного ранения...

— Слушай, солдат. Ты вроде здравомыслящий человек, — устало изрек ротный. — Ну кто там может быть? Привидения с пулеметами, что ль?

— А сигнал? — сказал я. — Голос и правда был очень похож на мой.

— Я тебе в «Саундмейке» за десять минут такую лабуду склепаю, — раздраженно отмахнулся ротный. — Как дети, ей-богу! Придурок, слетевший с катушек, нагнал страху, а они и обделались... Все, отбой. Завтра вставать рано.

Мы вышли из штабной палатки и молча пошли к боту. Почти все уже заснули. Только инженеры до сих пор настраивали какую-то скан-аппаратуру под своим тентом, да часовые мерцали огоньками сигарет, прохаживаясь по периметру базы.

Уже входя в шлюз корабля, я замер. Мне показалось, что вдалеке кто-то закричал — протяжно и жалобно.

Поднимающийся следом Давид налетел на меня.

— Ты чего? — спросил он.

— Слышал?

— Не понял...

— Забудь.

Сплюнув на землю, я зашел в кессон и со злостью бросил винтовку на пол. Выругался вслух.

— Виталь, ты в норме?

— Палец отбил, — соврал я, активируя air-lock на внутренней перегородке.

Отчего же так жутко?

От чужого крика, который скорее всего вообще померещился? Или от собственного голоса, услышанного час назад из радиоприемника?

А может, оттого, что ротный сегодня ни разу не взглянул никому из нас в глаза?..

За короткую гуштовскую ночь мы толком не выспались. Утром на улице оказалось довольно свежо и завтракать пришлось на борту шаттла.

После горячего бульона и сытной каши хотелось повалять-ся, нагоняя жирок, а не совершать марш-бросок в глубь ано-

мальной зоны. К тому же у меня не шел из головы этот дурацкий голос.

— Слушай, Виталик, — спросил Давид, — а ты не уточнил, на какой частоте староста поймал эту странную передачу?

Я отставил кружку с чаем в сторону и взглянул на Лопатикова.

— Черт возьми, мне и в голову не пришло... Попросить, что ли, связистов посканировать эфир? Может, найдут чего...

— Как хочешь.

— Хватит жрать! — Паводников был помят, небрит и зол. Ему удалось поспать не больше трех часов. — На построение по форме номер три через две минуты у штабной палатки!

— Что это с ним? — удивился Лешка, забрасывая свою «эркашку» за спину.

— Климакс, — шепотом произнес Ренат.

Мы заржали.

— Камалев! — рявкнул сержант, резко оборачиваясь.

— Я! — Ренат вытянулся.

— Когда вернемся с операции — сутки «губы»! Вопросы есть?

— Никак нет!

— Кру-у-угом! — Паводников потер веснушчатую физу ладонями. — Я те дам... климакс. Скоморох херов!

Возле штабной собрались два взвода — наш и еще один штурмовой. Плюс полторы дюжины инженеров, интендантов сопровождения, медиков и санитаров.

— Местность незнакомая, ориентироваться придется только по картам, составленным из орбитальных снимков, — объявил ротный. — Поселение обойдем с южного края и двинемся строго на запад. Развалины первичной базы находятся в полусотне километров — поэтому вечером придется разбить лагерь и переночевать в горах. Первый, второй взводы, получите сухпай у начпрода. Третий штурмовой остается здесь и дожидается ученых, чтобы эскортировать их.

— Разрешите обратиться? — Лопатиков сделал шаг вперед.

— Ну?

— Как действуем при обнаружении вероятного противника? Без предупреждения?

— Да какого к демонам противника? — Ротный прошелся взад-вперед, глядя в землю. — Если уж кого-то и встретим — огонь открывать только в случае крайней необходимости или по моему приказу... Наслушались баек, салабоны. Отставить мистику! Занимаем объект, дожидаемся «ботаников» и летим домой трахать баб. Задача ясна?

— Так точно! — дружно гаркнули пятьдесят глоток.

— Все, поскакали. Резвее, мать вашу, резвее!

Первый привал мы устроили возле деревушки. Из местных на нас вышли поглазеть только пара стариков и вчерашняя девчонка с четками. Некоторые бойцы принялись строить ей рожи, гогоча в полный голос.

— Дураки, — в конце концов крикнула девчонка, чем вызвала новый приступ смеха.

— А ты — малявка! — обидно высунув язык, ответил кто-то из второго взвода.

Девчонка покрутила пальцем у виска и убежала прочь.

Наша небольшая армия двинулась дальше.

Вышагивая в ногу, солдаты тихонько переговаривались между собой. Многие вообще не понимали, зачем понадобилось отправлять полсотни головорезов к какой-то заброшенной базе, словно их там поджидал по меньшей мере отряд спецназа.

Через километр мы вышли на небольшое скалистое плато. Практически в самой его середине был вбит столбик с табличкой. «Карантин» — коротко и ясно предупреждала надпись, сделанная белой краской.

— Там что, вирус какой-то? — спросил у меня Лешка.

— Хочется верить, что нет.

— Все равно жутковато. — Парень передернул плечами. — Когда враг виден и реален, не очень страшно. А вот так... когда табличка, и непонятно, что там дальше... Мерзостное чувство.

Я вгляделся в узкий проход между двумя утесами, изгибающийся и уходящий вправо. Тишина давила. Шарканье солдатских берцев по сухой земле только подчеркивало ее. А впереди, за поворотом, словно притаился кто-то коварный, ждущий своих новых жертв.

— Мересце, ты чего ворон считаешь? — злобно окрикнул меня Паводников. — Смотри... споткнешься, хавало разобьешь.

Я тряхнул головой, отгоняя вязкие мысли. И правда, напридумывал себе ерунды всякой. Ну случайно оказался у старосты запись голоса, похожего на мой — что ж теперь описаться и под крылышко к маме забиться? Я все-таки солдат, а не курица!

Неожиданно зачесалось правое плечо. Да так, что пришлось сбросить с него винтовку и остервенело поскрести ногтями под камуфляжем.

— Ты чего шаг сбиваешь? — недовольно проворчал Давид и тут же, извернувшись, заскреб у себя под лопаткой.

— На себя посмотри, — усмехнулся я. — Может, здесь эпидемия чесотки — потому и карантин.

— Разговорчики в строю! — крикнул сержант. — Тоже на «губу» хотите, как Камалев? Или по морде схлопотать?

Дальше мы шли молча.

Там и тут вперемешку торчали нагромождения скал и заросли все тех же «кипарисовых» деревьев. Кое-где попадались довольно большие открытые участки, инфернально освещенные красным диском солнца.

До самого вечера мы топали вперед, лишь дважды останавливаясь на привал. Когда стало смеркаться, побросали вещмешки и стали готовиться к ночевке. Хозовики раскочегарили несколько примусов и принялись готовить ужин.

Тревожные ощущения и предчувствия уступили место усталости и приятной боли в мышцах. Ничего не происходило. Никто на нас не нападал, не пытался убить. Вокруг просто-напросто не было ни души — лишь мертвые горы и противная голубенькая травка под ногами. Из неудобств можно было назвать только одно: приступы чесотки, которые проявились к вечеру практически у всех.

— Говнюк этот ваш староста Клеменс... или как его там... — раздраженно прогундосил Лешка, чуть ли не до крови раздирая кожу на лбу. — Наболтал всякой дряни про разумную жизнь, а про обыкновенную чесотку не заикнулся. Изверг.

Язвы зудели невыносимо. К утру практически все бойцы в группе были испещрены кровоточащими болячками и гнойничками. У кого-то обнаружилось всего по одному небольшому

нарыву, а у некоторых все тело было покрыто красными пятнами и сыпью.

Медики взяли у нас анализы крови и мочи, пропустили через свою хитроумную полевую аппаратуру и лишь пожали плечами. По их заверениям все члены группы были абсолютно здоровы.

— Любезнейший, вы что, издеваетесь? — с тихой яростью в голосе поинтересовался ротный у командира медотделения.

— Я... я сам диву даюсь, — растерянно пожал плечами тот. — Все показатели в норме. У солдат даже количество антител в крови не увеличилось. Это первый на моей памяти случай такого странного отклонения в системе гуморального иммунитета...

— Не парь мне мозги заумной чушью! — взорвался ротный. — Это зараза какая-то?

— Сложно сказать. Местная микрофауна не изучена. Нас забросили на Гушту в такой спешке...

— Ну так вколите бойцам какую-нибудь сыворотку! Я что, должен смотреть на то, как сорок этих обезьян будут чесаться всю дорогу, словно вшивые?

Командир медотделения приказал своим подчиненным приготовить раствор универсального Р-антидота, который часто использовали для комплексного обеззараживания организма в чужих мирах. Гарантий это, конечно, никаких не давало, но могло хоть как-то поднять настроение у озлобленных на неожиданный недуг солдат.

— Нет, ты видал, как меня перекорежило? — разжевывая галету, возмутился Лешка. У паренька пол-лица было покрыто бордовой коркой.

— Это что! Сюда гляди! — Ренат расстегнул портупею и стянул штаны. На ногах, чуть выше колен у него обнаружилось четыре язвы размером с пятирублевую монету. — А главное — сзади, на ляжках, такие же блямбы, но побольше! Во! Прямо-таки симметрия!

Я потрогал внешнюю сторону правого бицепса, ощутив пальцем неприятный бугор на коже. Захотелось почесать, но я пересилил это желание, решив, что этим сделаю только хуже.

У Давида язва проявилась под лопаткой, у Паводникова вообще вся нижняя половина тела покрылась гадостной сыпью и нарывами.

После того как всем солдатам впрыснули дозу антидота, ротный скомандовал:

— В походную колонну по трое — ста-а-ановись! До объекта осталось всего пятнадцать километров... Ша-агом марш!

Сегодня небо затянуло тучами, поэтому громадного диска звезды не было видно. И пейзаж, окрасившись в грязно-серые тона, стал окончательно похож на земной. Только в земной природе почти нет таких мест, где не слышно щебетания птиц, шуршания мелкой живности, жужжания насекомого, и даже сам воздух кажется мертвым...

Во время перехода через одно из глубоких ущелий случилась неприятная история. Один из инженеров — рослый молодой бугай, которому впору было в штурмовики идти — неожиданно уселся на каменистое дно пересохшей речки и принялся раскачиваться из стороны в сторону.

Я уже не раз видел подобное: люди часто теряют рассудок на войне. Но тут ситуация вырисовывалась совсем иная: ведь никаких боевых действий не было и в помине, обстановка оставалась спокойной, хотя и несколько напряженной.

— Дружище, что с тобой? — мягко спросил один из медиков, подходя к мотающемуся туда-сюда инженеру. — Устал?

Тот замер, машинально почесал нарыв на кадыке. Вскинул безумный взгляд и прошептал:

— Bellum internecinum.

Я непроизвольно содрогнулся. Настолько неожиданно было снова услышать эти слова.

— Что теперь? — вздохнув, подошел ротный.

— Его всего лихорадит...

— Там что-то не так! — перебил инженер, показывая рукой в сторону нескладного клиновидного уступа. Его взор снова стал осмысленным.

— Ты хорошо знаешь латынь? — спросил медик.

— Латынь? — Парень, казалось, был искренне удивлен. — Так себе, учил кое-что в школе...

Командир медотделения, внимательно наблюдавший за всей сценой, отвел в сторонку ротного и шепнул:

— Боец явно не в себе. Его нужно срочно назад вести, а то натворит чего-нибудь.

— Не военная операция, а цирк какой-то! — насупился ротный. — Паводников, Геневаликус, подите-ка сюда.

Командиры обоих штурмовых взводов побросали недокуренные сигареты и поспешили к нему.

И в это время клацнул первый выстрел.

Сначала мне показалось, что это просто переломилась сухая ветка под чьим-то ботинком, но в следующую секунду я увидел, как сошедший с ума инженер заваливается на спину, с изумлением глядя в небо. Из его шеи прыскал фонтанчик ярко-алой крови.

— Снайпер! — крикнул кто-то.

Вдалеке щелкнуло еще раз. И еще. В метре от меня взлетела земля от ударившей пули. Солдаты растерянно завертели головами, выискивая противника. Раздался целый шквал криков...

— К скалам!

— Уходите к северному краю долины...

— Твою мать. Наповал.

— Борька! Да бросай ты свой котелок на хер...

— Взводы, разбиться по схеме один-два! Инфрасканеры врубайте, олухи!

— На четыре часа смотри! За уступом...

Рядом со мной рухнул замертво еще один незнакомый солдат, схватившись за живот. Возле левой гряды скал раздался оглушительный взрыв — кто-то подорвался на мине. Застрекотал пулемет.

Я ринулся в сторону, стараясь не бежать по прямой траектории, чтобы не становиться легкой мишенью для притаившегося снайпера. Сердце бешено бухало в груди.

Нас ждали! Нам устроили полноценную засаду. Грамотную, по всем тактическим правилам военного искусства...

Пальба продолжалась. Некоторые из наших отстреливались вслепую, короткими очередями.

Я заметил Паводникова и Лопатикова, которые залегли за естественным бруствером возле нагромождения валунов, и бросился к ним. Грохнулся рядом, прижимая голову к земле, и наконец-то снял винтовку с предохранителя.

Надо же... А ведь я просто-напросто растерялся! Черт возьми, я же не зеленый курсант, у меня семь боевых операций за плечами... Я просто обязан был действовать четче! Я штурмовик! Я всегда должен быть готов дать отпор... Здесь же, в этой сраной карантинной зоне, все пошло наперекосяк...

— Сканеры показывают семнадцать целей! — донесся голос из-за каменной глыбы. — Расстояние сто метров. Приближаются...

— По схеме один-два! Оглохли, что ли? — гаркнул Паводников. — Ребятки, а ну-ка собрались, собрались!.. Лопатиков, со мной! Попробуем за булыжниками укрыться и подобраться к ним...

Схема один-два означает, что работать нужно по трое: инженер с инфрасканером и пара штурмовиков. Мы с Ренатом взяли в свою группу крепыша средних лет и заняли удобную оборонительную позицию в расщелине между скалами.

Ждать долго не пришлось.

Через минуту сканер засек четыре цели в опасной близости. Они двигались четко на нас — видимо, тоже запеленговали.

— Прикроешь, — хрипло сказал Камалев и, пригнувшись, сместился на три метра в сторону от меня и инженера.

Все произошло так быстро, как это бывает только на войне, когда напряжен каждый нерв и восприятие окружающей действительности немного меняется...

Двое в камуфляжах показались из-за угла. Первый несколько раз саданул в полумрак из автомата, а второй без промедления жахнул из небольшого подствольного гранатомета. Снаряд с шипением грохнулся неподалеку от Рената и разнес бы Камалева в клочья, если бы он за миг до того не успел шлепнуться ничком на землю.

Шарахнуло. Скалы многократно отразили звук, создав полноценное боевое крещендо. Сверху посыпалась щебенка.

Камалев поднялся в полный рост, фыркая от пыли. Воротничок его камуфляжа слегка дымился, защитной сферы на голове не было.

— Ложись, идиот! — заорал я.

Но Ренат меня не слышал. Из ушей у него текла кровь, и, кажется, бедолага вообще слабо понимал, что произошло.

Контузило не по-детски...

Очередь из автомата прошила его ноги, буквально перерубив пополам.

Из-за валуна донесся душераздирающий стон и трехэтажные проклятия. Я высунулся и прицельно отрядил атакующим щедрый свинцовый ливень с широким разбросом по фронту. Двоих отшвырнуло метров на пять, еще одного, кажется, задело — он вскрикнул и откатился из зоны поражения.

— Что там? — спросил я у инженера, оборачиваясь.

— Отступают вроде...

Толчок.

В голове на мгновение помутилось, и я оперся левой ладонью о шершавую стену расщелины, чтобы не упасть. Винтовка почему-то отлетела в сторону. Что-то неприятное и теплое заструилось под камуфляжем.

Лишь через минуту я понял, что ранен. Пуля зацепила правую руку ниже плеча. Довольно глубоко, но — навылет...

Мы потеряли в стычке восьмерых. Еще пятеро были серьезно ранены.

Молодому Лешке — бабнику и балагуру из нашего взвода — осколком снесло полголовы. Давиду Лопатикову пуля угодила под лопатку... Их тела лежали в сторонке, рядом с остальными убитыми, накрытые большим куском брезента.

Ренат сидел, привалившись к скале, и разглядывал свои простреленные ноги, перебинтованные от голени до бедра. Сквозь марлю проступили бурые пятна.

— Точно по болячкам попали, — с мрачной обидой в голосе произнес он. — И не слышу ни черта... Контузило. В башке — словно колокол громыхает.

Я поправил правую руку, подвязанную к груди. В голове крутилась какая-то мысль, но мне все никак не удавалось ухватить ее. Мысль о некой закономерности... или системе во всей этой коловерти.

— Значит, староста не врал, — сказал Паводников, с остервенением расчесывая ногтями язвочки. — Значит, и правда до нас сюда прилетали другие. Вы только гляньте: засаду-то устроил спецназ объединенной военной группировки «Евроспейса». Уроды! Сукины дети...

Я невольно покосился на истерзанные пулями трупы в серых камуфляжах, на рукавах которых можно было различить неприметные эмблемы с перекрещенными терновыми веточками.

— Почему они напали на нас? — задал риторический вопрос Ренат.

Я снова оглядел поле боя, посмотрел на выставленных по периметру часовых, на санитаров, суетящихся возле тяжелораненого штурмовика. Вертлявая мысль о какой-то упорядоченности событий опять мелькнула в мозгу и исчезла.

— Вот тебе и беззаботная прогулочка, — покачал головой сержант. Веснушек на его перепачканной физиономии практически не было заметно. — Жалко, никого из них живым не удалось взять... Я б ему устроил викторину «веселый скальпель».

К нам подошел ротный. У него было очень странное выражение лица: вроде бы такое же суровое и чуть брезгливое, как обычно, но если приглядеться, в мимике можно было уловить что-то совсем не свойственное этому черствому человеку... Вину? Разочарование? Или даже... стыд?

А еще ротный словно бы постарел на пяток лет.

— Паводников, проверь свой хронометр, — попросил он. Именно попросил, а не приказал.

Сержант удивленно глянул на командира, пожал плечами и воззрился на часы. Нахмурился, постучал по циферблату пальцем. Констатировал:

— Сломался. Механика отказала. Интересно, раньше такого не случалось.

— Он не сломался. Здесь со временем не все в порядке.

Я сначала не поверил своим ушам. Чтобы ротный уверился в каких-то паранормальных штучках! Да ни в жизни!

Взглянул на свой хронометр.

Цифры на жк-дисплейчике продолжали меняться, отсчитывая мгновения, а вот тоненькая секундная стрелка замерла. Это было очень необычно, учитывая, что всем кварцево-электронным механизмом управлял один микрочип.

— Нам во что бы то ни стало нужно добраться до первичной базы и занять оборону, чтобы «ботаники» могли исследовать объект, — сказал ротный, отрешенно глядя в сторону. — Они прибудут на Гушту через несколько часов и под прикрытием третьего взвода отправятся сюда.

— Батя, ты что-то не договариваешь, — не по уставу обратился к нему Паводников. — С чего ты завел волынку про нелады со временем?

— Плохи дела, ребята. — Ротный опустился на корточки, и мне стало видно большую ромбовидную язву на его левом виске. — Командование «Роскосмощита» следом за нами направило не только ученых.

— А кого еще?

— Десантуру и полк тяжелой пехоты. При поддержке линкора «Мономах» и четырех фрегатов среднего радиуса...

— Ни фига ж себе! На кой ляд такой парад?

— К сожалению, это не парад. Сейчас в системе Сириуса В базируется боевая эскадра «Евроспейса», 2-й космофлот американцев, китайские десантные корабли и истребители сопровождения...

Мы уставились на ротного, как на ополоумевшего. Такие силы сроду не собирались! Тем более — рядом друг с другом!

— Да что же здесь происходит? — воскликнул Паводников, поднимаясь на ноги. — Какого черта этот долбаный объект понадобился ни с того ни с сего всем вокруг?

— Есть основания полагать, что... он действительно... разумный, — не повышая тона, произнес ротный. Вздохнул и добавил: — Тут дело вот в чем... Неделю назад ростки подобных Стел стали появляться на Земле-Прима.

— Че-его-о? — протянул сержант, сморщившись. — Стало быть, все басни Клеменса про Стелу — вовсе не басни... Но... но там-то откуда эта пакость взялась?

— Помнишь, двое старателей вернулись с Гушты несколько лет назад?

— Это те придурки, что о божественном проявлении твердили?

— Именно. Только, боюсь, никакое это не божественное проявление, а наоборот — печать самого дьявола...

Паводников с опаской посмотрел на ротного.

— Батя, ты себя хорошо чувствуешь?

Тот проигнорировал вопрос. Медленно проговорил:

— Видимо, шизанутые кладоискатели занесли споры этой дряни на Землю... Прошел инкубационный период, и теперь вот... появились всходы.

— Ерундистика какая-то... — Сержант с силой потер пальцами покрасневшие от переутомления веки. Вдруг он резко отнял руки от лица. — И ты обо всем этом знал с самого начала? Знал и не предупредил нас о возможной засаде?

Мне показалось, что ротный слегка улыбнулся.

— Я знал, что мне полагалось знать, сержант, — ответил он спустя несколько долгих секунд. — Ты штурмовик, и никто не заставлял тебя выбирать эту профессию. А раз выбрал — не ной, как баба при родах.

— Восемь пацанов полегло. — Испачканное лицо Паводникова, кажется, посерело. — Ты знал о засаде?

— Отставить, сержант, — холодно произнес ротный, вставая. — По имеющимся разведданным, считалось, что наша группа прибудет первой и не встретит сопротивления...

— Да если верить словам этого старосты Клеменса, сюда уже целый год военные со всего мира шастают...

— Штабисты ошиблись, — коротко ответил ротный. — И как бы я их ни ненавидел, есть приказ занять объект и удерживать его до прибытия ученых. И наша группа должна его выполнить до того, как на орбите разразится бойня между армадами кораблей... Поднимай бойцов, нужно двигаться дальше. Будем прощупывать инфрасканерами каждый сантиметр... Но,

думаю, без боя Стелу не взять. Скорее всего территория уже захвачена одной из претендующих сторон.

Паводников взял себя в руки и процедил:

— Есть — двигаться дальше...

— Это же безумие, — вставил наконец я. — Она же просто-напросто путает нас, стравливает друг с другом...

Ротный впервые с начала операции взглянул мне в глаза и сказал:

— Именно поэтому нашим «ботаникам» нужно как можно скорее изучить единственную взрослую особь. Иначе тысячи ее детенышей стравят людей на всей Земле.

Масштабы предстоящей катастрофы с трудом укладывались у меня в голове.

— Но почему нельзя просто уничтожить их? — тупо спросил Паводников. — Шарахнуть ракетами или плазмой выжечь?

— Всю Землю-Приму предлагаешь выжечь? — Ротный невесело усмехнулся. — Поздно, сержант. Это болезнь, а не вторжение. Они как микробы, понимаешь? По одному их уже не перестрелять. Если уж вынесли заразу за пределы карантина — придется искать вакцину.

Он замолчал.

И тут голос подал Ренат, не проронивший ни слова во время всего разговора.

— Я понял, — сказал он, осторожно трогая свои пробитые пулями ноги. — Это стигматы.

У меня пробежал озноб по всему телу. Рана на руке стрельнула болью до самых пальцев. Мысль, то и дело убегающая от меня, наконец выкристаллизовалась в мозгу страшным узором.

— Какие стигматы? — непонимающе уставился на Камалева ротный. — Не хватало, чтоб ты мне тут еще с катушек слетел...

— Язвы эти пресловутые! Они показывают будущее. Вы же сами говорили, здесь не все нормально со временем, помните...

— И что?

— Нарывы и болячки возникают на тех местах, куда попадет пуля или осколок. Я сначала не мог понять закономерности, а потом подумал: мы слышали голос Виталика из прошлого, предупреждавшего об истребительной войне. Предупреждавше-

го не только нас, но и всех остальных — латынь хоть и мертвый, но, как известно, наиболее универсальный язык...

— Почему не английский, умник?

— В последние полтора столетия его уже нельзя назвать международным. Тогда как латынь, наоборот, стала популярна, даже обязаловку в школе ввели... Не в этом суть! Мы слышали голос Витальки. Не могли слышать, но слышали. Это же получается цикличность: он сейчас знает, что скажет когда-нибудь... А если предположить, что время тут может течь вспять, то это «когда-нибудь» будет в прошлом. Тут почти классический временной парадокс... Нечего на меня так пялиться — я проходил такое на факультативе по экспериментальной физике, пока не вылетел из универа... Так вот, я подумал, если мы могли слышать голос из прошлого, то теоретически объект в зоне карантина способен предсказывать и будущее.

Ротный подрагивающим пальцем машинально почесал шероховатость на виске.

— Глядите, — продолжил Ренат, разглаживая свои черные усы, — у меня язвы появились на ногах, и спустя несколько часов по ним пальнули из автомата.

— Замолчи, — еле слышно произнес Паводников.

Камалев не услышал — последствия контузии быстро не проходят.

— Лешке полбашки снесло — именно там были его нарывы. Давиду Лопатикову пуля угодила под лопатку — он все утро спину чесал. Мересце вон — бицепс зацепило...

— Заткнись! — громко сказал сержант, задрав тельник и глядя на свои бока и живот, усыпанные язвами.

Ренат осекся и посмотрел на взводного. До него постепенно начало доходить, каких глупостей он только что наговорил.

— Ребята, простите меня дурака...

Мы все смотрели на Камалева со смесью испуга, ярости и неспешно приходящего понимания в глазах.

— Господи, я... я ведь совсем не подумал...

Вокруг уже стали собираться другие солдаты. Задирая рукава, закатывая штанины, расстегивая кители и разглядывая свои нарывы.

С ужасом прикасаясь к ним.

К стигматам войны.

— Разве была команда «разойтись»? — выдавливая слова сквозь зубы, проговорил ротный. Жилка на его виске пульсировала. Совсем рядом с уродливой язвой неправильной формы.

— Но мы же не в строю... — удивленно обронил один из бойцов.

— А зря. — Ротный медленно поднял с земли свою «эркашку», проверил магазин и рявкнул: — Два санитара, инженер и отделение штурмовиков остаются с ранеными! Остальным, слушать мой приказ! В походную колонну по трое — ста-а-ановись! До объекта — долбаных пять километров... Расчет один-два в авангарде и замыкающим! Через час мы обязаны захватить развалины первичной базы и занять круговую оборону... Ша-агом марш!..

Мы шли между мертвых скал, чеканя шаг. Сознание собственной никчемности для великих жерновов судьбы и неведомого, лишенного эмоций и чувств разума Стелы лишь злило нас.

Нужно было выстоять в этой истребительной войне против таких же, как мы, солдат. Выстоять в маленькой бессмысленной войне, чтобы предотвратить тотальную и еще более бессмысленную. Такое часто случается у людей...

Жизнь на Гуште угасала.

Жизнь вообще хрупкая штуковина...

А я выбивал берцами пыль из сухой почвы и думал только об одном: когда же произнесу слова, услышанные из крохотного динамика приемника? Успею ли сказать их?

Вот бы успеть! Так хочется крикнуть эти слова во всю глотку! Из прошлого в будущее! Чтобы хоть как-то предупредить остальных — тех, кто обязательно пойдет следом...

Но я не знаю — получится ли?

Ведь у меня на теле есть и второй стигмат...

Чуть-чуть левее солнечного сплетения.

Андрей Рузанкин
НЕНАВИЖУ ТЕЛЕФОН!

Прошло пять лет, как я нахожусь здесь. У меня нет ни имени, ни фамилии, ни отчества. Нет родственников и друзей.

Я — двадцать седьмой. Целыми днями сижу в кабинете и отвечаю на шквал телефонных звонков. Времяпровождение не обременительное, но нудное. Номер для отдыха — рядом. Выйти из комплекса нельзя, кругом охрана. Но внутри есть небольшой лесок, со спрятавшимся под кронами сосен озером. Здесь можно провести свободное время.

Развлечений немного: библиотека, компьютер с ограниченным набором программ, телевизор. Доступен Интернет, но под строгим контролем. А охрана не спит, проверено на горьком опыте.

Досуг провожу однообразно. Валяюсь на диване с книгой или играю на компе. Словно в наказание, на моей машине установлена та самая стрелялка, что помогла очутиться здесь. И я часами, тупо, с остервенением, мочу монстров. Без удовольствия, словно выполняя тяжелую, грязную работу. Тот, давний поединок, не прошел даром. Но о нем позже.

Время от времени общаюсь с товарищами по несчастью. Говорят, нас стало тридцать. Значит, после меня здесь появились еще трое. А недавно пошли слухи об исчезновениях. Вроде бы пропали несколько «посвященных». Проверить невозможно, но дыма без огня не бывает.

© А. Рузанкин, 2007

Мы — работники службы «телефона доверия». Преданно служим техническому монстру, внутренне ненавидя его. Главные адепты и заклятые враги. Каждый из нас мечтал уничтожить телефон. И каждый потерпел поражение в честном поединке с НИМ. С тем, кого за глаза зовут «Абонент».

Пять лет жизни я отдал ЕМУ, верный своему слову. За это время я преодолел солидный отрезок «пути». И понял, что смогу уйти отсюда. Все, что хотелось высказать, занесу в тетрадь. Если задуманное удастся, ОН прочтет мои записи.

Хроника становления

Я странный. Меня не понимают и считают ненормальным. Не краду деньги и не бросаю мусор мимо урны. Не возмущаюсь в очереди и уступаю старушкам место в трамвае. Не курю и не наркоман. Но это ничего не значит в глазах окружающих. Дело в том, что я совершил непоправимое. Покусился на самое святое в сегодняшней жизни — на телефон.

Этап: «Хроник»

Я с детства не любил его. Возможно, по мере взросления удалось бы примириться с неизбежным. К сожалению, не сложилось. Родители считали себя великими педагогами. При любой возможности они заставляли звонить родственникам. Долгое время спасало отсутствие телефона. Не было его в квартире! Но те редкие звонки, когда требовалось идти к соседям и под пристальными взглядами чужих людей брать трубку, погружали в пучину уныния. Если же я пытался обойтись без любопытных ушей и скрепя сердце шел к телефону-автомату, то... Неожиданно выяснялось, что в имеющихся на весь район пяти автоматах ловить нечего. У трех оборваны трубки, четвертый гордо несет табличку «не работает», а пятый с завидным упорством поглощает монеты. При этом вовсе не собирается ни соединять тебя с собеседником, ни выплевывать мелочь в окошко с лживым названием «возврат монет». Как правило, поход по телефонам-автоматам оканчивался ничем.

Шли годы...

Школа закончилась, и учителя распрощались с учениками. Зато другое государственное учреждение не замедлило напомнить о долге перед Родиной. Тогда это называлось: «Почетная обязанность!». Бланк повестки бросил на нары призывных пунктов и раскрыл двери казарм. Стильную одежду сменила функциональная. Легкомысленные кроссовки капитулировали перед кирзачами. Команды: «Кругом! Шагом, марш! Смирно!» — убили живое общение. Семьсот тридцать дней «в сапогах». Армейская служба.

И там, вдали от дома, это исчадие ада, именуемое средством коммуникации, попило моей кровушки вволю. Стоишь дневальным «на тумбочке», и тебя постоянно достают звонки. С командного пункта, автопарка, столовой, да и еще бог весть откуда. И это в то время, когда ты с частотой замкнувшего реле вскидываешь руку к виску или, реагируя на чужих офицеров, орешь дурным голосом: «Дежурный по роте — на выход!!!».

Думаете, мучения кончились с окончанием службы? Как бы не так! А вы пробовали позвонить из института и попытаться получить позарез нужную формулу по сопромату? Кто пробовал — поймет. Остальным объяснять бесполезно.

В это же время — о ужас! — наш дом телефонизировали. В прихожей возле двери обосновался красный, угловатый, громко трезвонящий монстр. Помимо перечисленных недостатков, он обладал скверной слышимостью.

Молодость — пора бесхитростных забав. У меня появилась девушка. К несчастью, у нее тоже был телефон. К чему приводит общение по проводам вместо реального, объяснять не нужно.

Как бы в насмешку судьба уготовила мне работу, связанную с постоянными телефонными переговорами. Более того, на рабочем столе стоял только один аппарат, обслуживающий два номера. Его приходилось переключать с одной розетки на другую. Постоянные вопросы: «А куда я попала?» — и: «На месте ли Владимир Иванович» — страшно бесили меня. Отчаянно хотелось указать, в отверстие какой именно части тела попала звонившая и в каком конкретно учреждении должен находиться искомый индивидуум. Сдержаться удавалось не всегда...

Событие, круто изменившее жизнь общества, явилось в мир тихо, без помпы. Как робкая поросль на старом пожарище. Трудно поверить — пройдет совсем немного времени, и черные краски сгинут в буйстве зелени. Пришел Его Величество СОТОВЫЙ. Будучи дорогой игрушкой, он не досаждал, оставаясь привилегией бандитов и политиков. Но постепенно дешевел, становясь доступным простым смертным. Соты разрастались, охватывая страну пусть невидимой, но очень липкой паутиной. Попавший в сеть, пропадал навсегда...

Человечество подсело на сотовый наркотик. Дешевый, сладостный, доступный. Втянулось с радостью, искушаемое рекламой и не желающее думать о последствиях. Последние не заставили себя ждать.

Сотовый убил радость живого общения. Обыватели перестали нуждаться в обществе себе подобных. Хомо сапиенс стремительно превращался в хомо сотикус. Люди превратились в говорящих зомби. Пустые глаза, сотовый у уха. В кафе они умудрялись перекусить между разговором. В общественном транспорте разрывались между телефоном, кондуктором и желанием не проехать нужную остановку. Идущие по улице, ведя оживленный разговор, старались не угодить под колеса. Сидящие за рулем, отвечая на звонок, пытались не задавить первых. Как правило, это удавалось.

Долго смотрел я на медленную деградацию человечества. Вначале равнодушно. Потом с раздражением и досадой. Но когда все разговоры свелись к обсуждению новой модели сотового, не выдержал. Захотелось уничтожить электронное исчадие ада. И даже память о нем развеять в прах. Появилась мечта — вернуть людям прелесть общения. Когда, глядя в глаза собеседника, не натыкаешься на остекленевший взгляд, а видишь блеск глаз и ощущаешь живое течение мысли.

Вскоре решение было принято. Перчатка брошена. Война объявлена. Живые против зомби. Сапиенс или сотикус.

Этап: «Искатель»

Я с жаром принялся за дело. Вначале изучил современную технику. Ту, что могла соперничать с ненавистным сотовым.

Увы, путь оказался тупиковым. Даже новейший видеофон является правнуком телефона. А телепортатор могут позволить лишь единицы. Те, кто приобрел личную АЭС. Такие люди существовали и пользовались последними достижениями техники. Но, как и первые мартовские лучи, погоды они не делали.

Затем пришло время изучения религии. Начиная от древних Вед и кончая современным учением Хаббарда. Это привело только к одному. Я убедился в хитрости составителей религиозных доктрин. В остальном — полное фиаско. Все ссылки на использование левитации и мгновенного перемещения в пространстве были тщательно искажены. И, увы, сделаны непригодными к использованию.

От религий цепочка потянулась к философским учениям. «Остановись мгновенье, ты прекрасно!» — просил классик. И человеку, столько почерпнувшему из сокровищницы знаний, стоило остановиться. И я, несомненно, сделал бы это, услышь хоть одно предостерегающее слово. Но сказать его было некому. Родня — далеко. Знакомым — некогда. А с возлюбленной я расстался. Она слишком любила болтать по телефону. Мудрый совет не прозвучал и движение по пути познания не прекратилось.

Изучение трудов по магии и волшебству оставило четкое ощущение: «Трачу время зря!». Зато эзотерические учения подсказали — я на правильном пути. Ведь вершина любой эзотерической системы — выход из тела. Свободное блуждание нашего «духа», он же «астральный двойник», где угодно. Отсюда всего один шаг до визуального общения на расстоянии. Прошло несколько лет, в череде семинаров по эзотерике, и шаг был сделан. Теперь выход из тела стал казаться забавой для начинающих. Но чтобы стать таким «начинающим», стоило потрудиться. Соискатель должен упорно работать над собой в течение года, полностью отказавшись от никотина и алкоголя. Ясно, что для широких масс этот метод не подходит. Не в Китае живем, в России... Именно поэтому была разработана оригинальная методика. Простейшая в пользовании, но дико сложная в научном обосновании. «ВОЛ» — техника визуального общения людей. Достаточно произнести кодовую фразу в определенной тональ-

ности или напеть нужный мотив, как происходит чудо. Сознание раздваивается. Основное «Я» позволяет вести обычный образ жизни: ходить, есть, реагировать на опасности. Вторая составляющая сознания, так называемое «Я—там», может в это же время пообщаться с нужным человеком. Вне зависимости от расстояния. Увидеть, поговорить, продемонстрировать объемное изображение. Даже почувствовать запахи!!! Недоступными оставались лишь тактильные и вкусовые ощущения. Но к ним, честно говоря, я и не стремился.

Этап: «Посвященный»

Счастливый и одухотворенный, я стал продвигать детище в жизнь. Для начала решил одарить открытием близких людей. Их реакция сравнима с ушатом ледяной воды, окатившим мою просветленную голову. Правду глаголет старая истина: «Нет пророка в своем отечестве». Озадаченный, я попытался осчастливить всех, с кем был знаком. Пусть чуть-чуть и едва. Не тут-то было... Те, кто составлял абсолютное большинство, говорили: «Старик! Зачем тебе все это надо? Сотовый стоит копейки, весит граммы и очень удобен. А ты советуешь петь какие-то странные мелодии. Забудь об этом!». Другие вроде бы соглашались попробовать. Но, увидев обращающийся к ним бестелесный призрак, сильно пугались. Одни закатывали истерику, другие — впадали в ступор. Стыдно признаться, чтобы связаться с нужным человеком, приходилось пользоваться вызовом, аналогичным телефонному. Вначале вопрос подсознанию вызываемого: «Не желаете ли, дорогой друг, пообщаться со мной?». И только после подтверждения — визуальное общение. Выражаясь образно, ВОЛ пытался сдвинуть тяжеленную арбу людских пристрастий и привычек.

Не сдаваясь, я приступил к обучению всех желающих. Точнее, попытался начать. К моему удивлению, народ не ломанулся неисчислимыми толпами за халявной возможностью. Более того, желающих обучиться практически не находилось.

Газетные объявления: «Обучу технике визуальной связи на расстоянии» тоже не имели успеха. Такая же участь ждала и

организованные мною семинары. Зато не замедлили появиться те, кто предпочитает не светиться. Не афиширует свое существование и деятельность. Еще бы. Для любого «рыцаря плаща и кинжала» визуальная связь без применения технических средств была бы просто Божьим даром.

Первыми появились «Большие дяди с рыбьими глазами». Они вели себя культурно, вежливо и почти без угроз. Так, легкие намеки на крупные неприятности. Затем упор на внешних и внутренних врагов. В конце концов согласился обучить их контору тонкостям ВОЛа. Но не сложилось. Они потребовали эксклюзивности обучения и полной секретности. Вовремя вспомнил, что изобретателя пороха умный монарх держит взаперти. В тайном месте. Чтобы соседям секрет не выдал. Во избежание... Пришлось отказаться. Тогда вызвавший меня «на беседу» и такой любезный полковник ГБ перешел к неприкрытым угрозам.

Иметь во врагах всесильное ведомство не хотелось. Пусть к этому стремятся отдельные подвижники и заложники совести. Я — «посвященный», а не шизофреник-мазохист. Быстро сориентировавшись, принял ответные меры. Из памяти говорящего незаметно извлек сведения о высоком начальстве. В обычной ситуации прорыв в чужую психику невозможен. Но в любом правиле бывают исключения. Угрозы и агрессия открывают маленькие дверцы в чужом подсознании. Я не замедлил воспользоваться представившейся возможностью.

Запрос: «Данные по непосредственному руководителю?»

Информация: «Генерал В.И.Р., пол, возраст, семейное положение. Должность и звание. Награды и отличия. Телефоны: рабочий, домашний и, конечно, сотовый. Куда ж от него, поганца, денешься. Адрес, краткое досье».

Считал информацию и, осмыслив, наметил тактику воздействия. Вперед!!!

Уход в ВОЛ, и появление фантома перед глазами ошарашенного В.И.Р. Надо отдать должное, он оказался сильной личностью. Несмотря на шоковое состояние, наотрез отказался свернуть операцию. Пришлось пообещать, что буду появляться каждую полночь. Причем не бесплотным, молчаливым призраком, а с воплями, стонами, воем... Раскрашу роскошную обитель ге-

нерала кроваво-красной и траурно-черной палитрой. Не забуду о бодрящем запахе свежей крови и зловонии тления. Короче, качественные ночные представления с упором на элементы фильма ужасов. Возможно, с привлечением в зрители членов семьи.

Мужественный, волевой человек — абы кого не берут в космонавты. Не страшащийся никого и ничего в реальности. Он убоялся мира иллюзорного. И дрогнул. И уступил.

Сидящий перед моим «Я» полковник услышал зуммер вызова и поднес сотовый к уху. Выслушал, изменился в лице. Несмотря на терзавшие сомнения, возразить не решился. Ответил: «Есть» и, пожелав успехов в дальнейших исследованиях, отпустил с миром.

Визит к полковнику был первой ласточкой. Вскоре «большие дяди» пошли потоком. Они различались цветом кожи, национальностью и акцентом. Представляли несопоставимые по могуществу страны. Поклонялись разным богам и имели непохожие идеалы. Общим было только одно — требования. Полная секретность и эксклюзивное использование техник ВОЛа.

Представителей секретных служб сменили лидеры не менее тайных террористических организаций. Справиться с ними оказалось сложнее. Но фанатизм слеп и потому уязвим. Найти шатающийся кирпич в здании очередной античеловеческой доктрины — не задача для «посвященного».

Затем настал черед политиков, а чуть позже криминала. Последними в хвост очереди пристроились люди бизнеса.

Как правило, общение проходило спокойно, без неожиданностей. По уже описанному сценарию. Впрочем, душе не прикажешь. Некоторых, особенно приглянувшихся мне людей, я обучил. Но, помня о необходимости «защиты от дурака», давал не всю информацию. Ограничил использование подбором нужного звукоряда конкретным личностям. Не распахнул дверь настежь, а вручил личный ключ. Пользоваться сам — можешь. Передать другому — нет. Своеобразная «проверка на экологичность». Спросите: «Зачем я это сделал?». Отвечу: любой художник нуждается в признании таланта. ВОЛ — мое творение. И я — его художник.

Этап: «Противостояние»

Так продолжалось около года, пока однажды не случилось событие, круто изменившее мою жизнь.

Теплым летним вечером я гулял в парке. Дневная жара уже спала, а до ночной прохлады было еще далеко. Солнце садилось, и величавые сосны потянулись длинными тенями к моим ногам. Запах раскаленного асфальта сменился ароматом хвои. Легкий ветерок принес свежесть. Дышалось легко и свободно. Народу поубавилось. Молодые мамаши с колясками и вездесущими елозами уже закончили прогулки. Пенсионеры прекратили шахматные баталии и покинули парковые скамейки. А толпы шумной молодежи, будоражащие тишину диким хохотом, еще не появились.

В одиночестве бродил я по опустевшим аллеям, наслаждаясь покоем. Спокойствие во всем. Даже суетливые белки перестали скакать по веткам, иногда спускаясь вниз и выпрашивая подачки. Только в немногочисленных кафешках бурлила жизнь. Воздух оглашали убогие мелодии бездарных хитов. Под бессмысленные слова, рвущиеся из динамиков, народ накачивался третьесортным пивом. Выпив кружку, наливал по новой, заедая убогое пойло сухариками, таранькой, кальмарами и прочим пищевым мусором.

На одной из относительно спокойных аллеек я и повстречался с ним. С тем, кто определил мою судьбу на несколько долгих лет.

Одет дорого, но не броско. Светло-серый костюм, двойка, явно от прославленного кутюрье. Ну, в крайнем случае пошит на заказ. Даже дорогой бутик для этого круга людей — моветон. Стильный темно-серый галстук, слепящая безукоризненной белизной рубашка. Не ускользнули от моего внимания перстень с бриллиантом и старающийся остаться неприметным «ролекс». Сотового не наблюдалось, но по малозаметному выступу пиджака угадывалось — он на месте.

Действительно, сотовый на поясе носят только мелкие торговцы, в кармане рубахи — тинейджеры, а в сумочках-барсетках — мелкий чиновный люд. Встреченный мной человек явно

принадлежал к элите общества. Чувствовалось, что за поворотом парковой аллеи, закрытой для проезда автомобилей, стоит черный «гелендваген». Ну, в крайнем случае тоже «мерс», только «шестисотый». Нашпигованный накачанными молодцами в черных костюмах. С припухлостями под мышкой. С глазами, навсегда упрятанными за темными стеклами однообразно-стильных очков.

Незнакомец критически оглядел мой помятый, купленный на распродаже костюм, и едва заметно усмехнулся. Но не презрительно, как ожидалось в подобной ситуации, а по-доброму, с пониманием. Среднего роста, коротко стриженный, с чуть начинающей седеть темно-русой шевелюрой. Острый взгляд серых с голубизной глаз привлекал и одновременно пугал. Осанка и манера держаться вызывали уважение. В незнакомце чувствовались несокрушимая воля и необоримая сила. Чем-то неуловимо он напоминал молодого Берию, хотя явно был славянского происхождения. Он поздоровался. Я ответил.

— Столики под открытым небом располагают к беседе, — многозначительно намекнул неизвестный.

Я не неврастеник. Не страдаю мнительностью. Но, услышав предложение незнакомца, ощутил неприятную внутреннюю дрожь. Противно заныло под ложечкой. Согласился... Что-то подсказало мне: «Согласись. Упрямство обойдется слишком дорого!». Когда небожитель с вершин власти нисходит до простого смертного, тому необходимо согласиться на беседу. Информация не бывает лишней, да и для здоровья полезнее.

Незнакомец выбрал отдельно стоящий столик и заказал минералки. Расторопный официант, словно из воздуха, вынул пару поллитровок «Борской». Странно... Приведись мне делать заказ, я выбрал бы именно эту воду. Чуть солоноватую, отлично утоляющую жажду. Несколько неожиданное совпадение.

Сев на хранящие дневное тепло пластиковые стулья, мы стали с интересом изучать друг друга.

«Кто ты — человече?» — подумал я. Судя по виду, преуспевающий владелец крупной фирмы или глава преступной группировки. Возможно, известный политик. Но внимательно посмотрев в лицо незнакомца, понял, что ошибся. Бездонный

взгляд отливающих сталью глаз, гордая посадка головы и улыбка не оставляли сомнений. Это равный по силе духа человек. Возможно даже, как и я, «посвященный».

До этого момента мне не доводилось встречаться с равными, и я несколько опешил. Не от большого ума, а скорее от растерянности, я сказал себе: «Ну что, прощупаем Неизвестного?» — и выйдя из тела, нырнул в ВОЛ.

Перед моим «Я — там» возник зеркальный шар. На первый взгляд он казался монолитным. Посмотрим внимательнее... Я тщательно исследовал сферу со всех сторон, в надежде найти хоть какое-нибудь повреждение. Царапину, трещинку, щелку. Все было тщетно. Защита незнакомца оказалась непреодолима для меня! Я вернулся в тело. Увы, попытка прощупать сознание незнакомца окончилась неудачей.

В реальном мире прошли секунды. Я с опаской глянул на сидящего напротив. Он изменился. Глаза искрились весельем. Незнакомец, несомненно, почувствовал попытку проникновения и явно осознал ее результат. На миг глаза его затуманились, и я ощутил дискомфорт. Что и говорить, ощущение не из приятных. Воображение сразу пришло на помощь и нарисовало странную картину.

Внутри меня находится огромный детский мяч. На разноцветную игрушку прыгает маленький карапуз, стараясь сплющить. Мячик вырывается и, распрямляясь, сбрасывает шалуна. Глаза сидящего напротив обрели мысль, и мини-футбол закончился.

— У вас оригинальная защита, — похвалил таинственный собеседник. — Никогда не видел ничего подобного. Будто бронированный сейф поместили в огромный куб студня. Пытаешься добраться до замка, а студень не пускает. Причем становится то твердым, как гранит, то упругим, как губчатая резина. А то возьмет и расступится. Ты пронзаешь его и проваливаешься в пустоту. Очень необычная защита, а главное — непреодолимая.

Спасибо за хорошую оценку скромных возможностей, поблагодарил я. Оставаться в долгу не в моих правилах, и я вполне искренно ответил на комплимент:

— Ваша защита тоже впечатляет. Она не блещет изысками, зато подкупает совершенством. Сфера — вершина формы.

Он кивнул, принимая похвалу на свой счет.

— Почти как легенда о двух мечах. Мече разрушителе и мече, обходящем препятствия, — услышал я в ответ.

А ты не так прост. Начитан и блещешь эрудицией. Ясно, твой имидж «крутого» — маскировка. Под ней скрывается «посвященный». Равный мне по силе. Черт! Ситуация вышла из-под контроля. Надо выпутываться из нее, пока не увяз окончательно. Мысли лихорадочно метались, как мухи над навозной кучей. Я оставался в прострации, пока в голову не пришла неожиданная идея. Как мне показалось, удачная. «Интересно, знаешь ли ты притчу о двух выдающихся самураях? Если знаешь, то мы с полуслова поймем друг друга и любой вопрос решим мирным путем». Отпив минералки, я, хитро прищурившись, спросил:

— Простите, уважаемый, не вы ли будете Миямото Мусаси?

Мой оппонент на секунду растерялся, затем, подумав, рассмеялся и ответил:

— Да, а вы, конечно, Ягю Дзюбэй?

Теперь улыбнулся я.

— Ну что ж, — удовлетворенно возвестил незнакомец. — Хорошо, что мы поняли друг друга. Идти в корчму нам не придется. Мы и так сидим в кафе. А облавные шашки «го» мы вполне сможем заменить. На что-нибудь другое, более устраивающее нас обоих. Не подумайте, что я имею что-нибудь против этой древней красивой игры. Она великолепна. Не случайно, что именно ее переняли японцы у китайских мудрецов. А какие названия: «дамэ», «атари», «секи», «ко». Не игра — поэзия. — Мой собеседник только что не облизнулся. Так сидит кот над блюдцем густой сметаны, предвкушая удовольствие. — Но, к сожалению, длинновата. Я не располагаю стольким свободным временем.

Незнакомец прервал монолог и внимательно посмотрел мне в глаза:

— Согласны?

— Хорошо, — не стал возражать я.

— Тогда давайте познакомимся и спокойно обсудим нашу проблему.

Я кивнул.

— Для удобства общения условимся о следующем. Вы зовете меня «Абонент». Я вас — «Двадцать седьмой».

— Почему Двадцать седьмой? Что за странный номер? — Мои глаза удивленно расширились.

— Ничего странного. Уверяю вас, что уже сегодня вы это поймете, — успокоила странная личность, назвавшаяся абонентом. — Вы — враг «сотового». Ненавидите его и мечтаете уничтожить.

Неизвестный ожег меня резким взглядом. Словно хлестанул плеткой.

— Я фанатик, посвятивший жизнь развитию сотовой связи. Более того, я неофициальный владелец сотовой паутины нашего шарика. Ваши намерения уничтожить «сотовый» вынуждают меня принять серьезные меры.

Абонент сделал глубокомысленную паузу. Видимо, чтобы я проникся...

— Не забывайте о том, что я знаю о вас все, а вы обо мне ничего. Я давно слежу за вами и знаю о делах, пристрастиях и привычках. Я спокойно смотрел на ваше обучение и на первые робкие попытки выхода из тела. Затем вы стали «посвященным» и создали систему ВОЛ. Я слегка встревожился, но крайних мер решил не принимать. Кстати, вас никогда не смущали некоторые странности? Люди, которых вы пытались обучить, шарахались от вас, как от чумы? А то, что все ваши семинары проваливались? Смущало? Правильно! Это моих рук дело. И что тайных агентов, террористов, политиков и бизнесменов должно было быть в сотни раз больше. А к вам тек тоненький людской ручеек, причем из личностей, наиболее спокойных и покладистых. Это вас тоже не удивляло? Удивительная наивность для «посвященного». Впрочем, это нормально. Достигший высот в духовной жизни забывает о реальности. Все визитеры проходили строгое сито моего отбора. И все было бы хорошо, отсылай вы их с порога подальше. Но вы изменили правила игры. У вас, видишь ли, проснулось чувство непризнанного художника. Как результат вы обучили ВОЛу несколько человек. — Уловив удивление в глазах собеседника, подтвердил: — Да, знаю скольких и конкретно кого. — Абонент с досадой глянул на меня. — Спа-

сибо хоть за то, что не научили их нести знание дальше. Ситуация могла пойти лавинообразно и выйти из-под контроля. К счастью, этого не произошло. Именно поэтому вы сейчас живы и даже находитесь в добром здравии. А я трачу на вас драгоценное время, — почувствовав недоверие, решил объяснить подробнее. — Думаете, вы неуязвимы? Не воображайте несбыточного! Для простых смертных — да. Но среди «посвященных» вы равный среди себе подобных. Для меня не составит большого труда сменить вам этот свет на тот. Поверьте. Весь вопрос в том, что у нас, «посвященных», своя мораль. Поэтому я не могу банально замочить вас в каком-нибудь темном переулке. Но выход есть! Проверенный и надежный. — Я терпеливо ждал конкретного предложения. И оно последовало: — Я предлагаю вам «состязание равных». Выиграете вы — я отказываюсь от всемирной сотовой паутины. Более того, приложу все силы, чтобы ВОЛ распространился. Стал привычным в разных слоях общества и широко шагнул в жизнь. Выигрываю я — вы забываете о системе и начинаете заниматься тем родом трудовой деятельности, который покажется мне целесообразным. Согласны?

— Да, — коротко подтвердил я. — Тем более что выбор невелик. Или состязание с непредсказуемым результатом. Или в лучшем случае пышные похороны, а в худшем — заброшенный лог в глухом лесу.

— Правильно мыслите, — отдал он должное моей сообразительности. — Но последняя ситуация это далеко не худший случай. Уж вы поверьте моему опыту.

Я обреченно пожал плечами. Что же тут скажешь? Информации — ноль. Придется принять на веру. Как говаривали в местах, не столь отдаленных: «Не веришь? Прими за сказку!». Будем считать, что принял.

— И еще одно. Всего минуту внимания, пожалуйста, — предложил он.

— Внимательно слушаю...

— Поскольку состязание предлагаю провести я, то вы выбираете его вид. Если силы равны, то следующий вид единоборства предложу я. Случись так, что и он окончится вничью, кинем жребий. Согласны?

— Конечно! — возликовал я. Победа сама просилась в руки. Главное, не ошибиться с выбором. Я ненадолго задумался, а потом с воодушевлением резюмировал: — Мой вид состязания — игра «уголки».

Произошедшее следом озадачило. Увидев зажегшиеся надеждой глаза у воспрянувшего духом конкурента, он улыбнулся. Добро так, с пониманием. И неожиданно похвалил мой выбор:

— Стоящая игра. Необычная. Знаете, — констатировал он очевидное, — вы явно тяготеете к восточной культуре. Из всех шашечных игр, вы выбрали самую нехарактерную для европейца.

Этап: «Единоборство»

Да, я действительно люблю эту необычную и красивую игру. В ней за кажущейся простотой скрывается океан возможностей для опытного игрока. Нет жестко поставленных ограничений и не надо уничтожать «армию» противника. Цель — опередив соперника, перегнать девять фишек с одного конца шахматной доски на другой. Вроде бы ничего сложного нет. Но у вашего партнера та же задача. Вскоре ваши «войска» сталкиваются и упираются друг в друга. С этого момента начинается самое интересное. Поиск лазеек, обманные маневры, обратные отскоки. Да, мало ли приемов игры, незнакомых дилетанту. Попробуйте в час пик в узком городском автобусе сделать невозможное. Быстро провести группу пассажиров с задней площадки на переднюю, одновременно пустив им навстречу такую же компанию. Бить морды и скакать по сиденьям нельзя. Ходить по ногам и головам — тоже. Нечто подобное происходит при игре в «уголки».

Но опытный игрок может совершить невозможное. Вошедшие быстренько просочатся сквозь толпу, расточая улыбки и не толкаясь. А я не просто хороший игрок. Я — мастер. Именно поэтому я выбрал необычную игру на состязание. Была смутная надежда, что соперник не является ее поклонником и ценителем. В этом случае он обречен.

Увы, я оказался неправ. Дальнейшие события подтвердили это.

Перед началом игры мы сконцентрировались и представили огромную голографическую проекцию шахматной доски. Действительно, зачем таскать с собой громоздкий деревянный ящичек, когда и доску, и фигуры можно представить в воображении?

Я играл белыми и представил свои фигуры в виде группы светловолосых викингов. В рогатых шлемах и со здоровенными топорами в руках. Как бы в отместку соперник поместил в своем углу доски племя дикарей. Огромных чернокожих каннибалов с копьями в мускулистых руках. Могучие торсы едва прикрывались тростниковыми юбочками. Особенно колоритно выглядел вождь. Его нос был аккуратно проколот и украшен человеческой костью.

Игра началась. Я провел быструю лобовую атаку, успев провести двух викингов на его территорию. Он применил тактику глухого охвата и намертво закупорил центр. Я вынужденно пустил фигуры по флангам. Отходы, подставки, блокировки и многоходовые комбинации принесли успех. Я закончил первым. Но, к сожалению, этого было недостаточно для победы. Начав вторым, он имел в запасе один ход и, виртуозно использовав его, свел партию вничью. Доска с фигурами растаяла в воздухе. Прощайте воинственные дикари севера. Не поминайте лихом, чернокожие дети Африки. Вы не сумели выявить победителя.

Абонент с облегчением вздохнул и удовлетворенно подвел итог:

— Играете вы великолепно. И игру подобрали отличную. Беда для вас только в том, что я тоже очень люблю «уголки». В противном случае мои шансы были бы невелики. Но продолжим. Теперь моя очередь выбора.

Он не задумался даже на секунду. Ясно, тактика поединка продумана заранее:

— Я выбираю старый добрый «DOOM». Не третий, не четвертый и, разумеется, не первый. Второй! Сражаться будем на территории уровня: «Системы контроля». Если запамятовали, то напомню. Это первый лабиринт из серии «Эволюция». Уровень сложности — легкий.

Я слегка приободрился.

Уловив блеск воодушевления в моих глазах, он посоветовал:

— Не радуйтесь заранее. Разумеется, я в курсе, что вы западаете по этой старой стрелялке. Отлично знаю, что хорошей графике предпочитаете захватывающий сюжет и играбельность. А конвульсивному дерганью лазерной мыши противопоставляете долбеж по клавишам. Как говорится, на вкус и цвет... Но, боюсь, весь ваш опыт бесполезен.

Я не смог сдержать гримасы легкого недоумения, и оппонент не замедлил пояснить:

— Играть будем не на компах и не по локалке. Выйдя из тела, мы внедрим свои «Я — там» в виртуальную оболочку игры и окажемся в начале этапа. Цель проста. Пройти территорию лабиринта, перебив монстров, и нажать на красненькую кнопочку с надписью «EXIT». Вышедший из лабиринта становится победителем.

Одарив меня стальным взглядом, уточнил:

— Все ясно?

— Разумеется, — с некоторой обидой ответил я. — Что ж тут непонятного? Не первый год клаву топчем.

Он удовлетворился ответом и продолжил:

— Тогда небольшая просьба. Не начинайте палить в меня сразу.

— Это еще почему?

— Стоит немного осмотреться, как вы поймете, что пройти уровень в одиночку не реально.

— И что же вы предлагаете?

— Очистить территорию от мутантов и только потом вволю поохотиться друг за другом. Впрочем, — спохватился он, — это только пожелание. Вы вольны поступать так, как посчитаете нужным. Начинаем?

— В бой! — решительно бросил я.

Выход из тела, мерцание, блики и наконец... О-о-о! Такого я даже не мог представить. Эстетика, изящество, красота...

Я оказался на округлой веранде. Могучие каменные столбы подпирают высокую крышу. Оконные проемы без стекол и даже без признаков существования рам. Ясно, так и задумал неведомый строитель. Полы гулкие, из грубо обработанного серого

гранита. Почему-то стилизованные под броневые листы, густо усеянные заклепками.

«Что за странная фантазия? Не полы, а горячечный бред свихнувшегося архитектора, — озадаченно размышлял я. — Оригинально, нет слов, но как-то слишком мрачно».

Под окнами весело искрилось ультрамарином рукотворное озеро. Водный ров в защищенном донельзя средневековом замке. Вот ближайшая ассоциация, пришедшая мне в голову. Озерцо оказалось вытянуто подковой и зажато между верандой и наружной каменной стеной.

Та впечатляла. Составленная из грубо отесанных, но довольно плотно пригнанных каменных валунов. Какой неведомый строитель возвел эти неприступные стены? Я присмотрелся. Обтесанные вручную глыбы казались фальшивыми. Ясно, средневековый антураж — обман. Здесь царство техники и продвинутых технологий.

За стеной, на расстоянии пары часов ходьбы, возвышались величественные горы. Голые, без растительности, со шрамами оползней и сахарными снеговыми шапками на вершинах.

Я окинул взглядом горизонт. Куда ни глянь, мрачные, унылые горы. Только по центру веранды проглядывал узкий просвет. Долина? Неизвестно... Каменная стена надежно хранила тайну.

Что и говорить, работа программистов игры даже на экране впечатляла. А уж в реальности...

Ощущая ноздреватую шероховатость пола, я ежился от ледяного ветра, налетающего с горных вершин и заставляющего вскипать бурунами небольшое озерцо. Бр-р-р. Холодно и неуютно.

Рядом я уловил мерцание. Воздух сгустился, потемнел, и на веранде возник ОН. Видимо, задержался с выходом из тела.

Я внимательно осмотрел коллегу по игре, покосился на себя и опять перевел взгляд на потенциального противника. Да... Просто нет слов. Такого разочарования я давненько не испытывал.

Абонент выглядел потрясающе. Точно сошедший с рекламных плакатов, призывающих на контрактную службу в штатовский спецназ. Отутюженная, с иголочки, форма, умело расцве-

ченная камуфляжными пятнами. Удобные высокие ботинки на шнуровке. Явно титановыми вставками в подошве. Хочешь, по огню пробежать можешь или по кольям — ничего не случится. Голову венчал сферический шлем с опускающимся защитным стеклом. «Пуленепробиваемый, — мелькнула мысль. — И стекло бронированное!» Кисти рук защищены перчатками. Черными, с открытыми пальцами, не стесняющими движений ладони.

Но что возмутило больше всего: в наплечной кобуре покоился мощный «Зиг-зауэр». Штучное оружие, уникальное как по техническим характеристикам, так и по цене.

Соперник огляделся, прошелся, сделал несколько махов и приседаний, проверяя, как сидит экипировка. Достал пушку и, проверив обойму, перезарядил. Оставшись довольным, внимательно оглядел мою скромную персону и задумчиво протянул:

— Да... Вон оно, как бывает.

Как не удивляться. Рядом с бравым «Джи-Ай» уныло стоял невысокий солдатик, облаченный в форму давно не существующей Советской Армии. Неподъемные кирзачи-говнодавы. Потертая хэбэшка с несвежим подворотничком. Ремень с гнутой бляхой, свисающий по самые причиндалы. Под левым погоном приткнута сложенная вдвое пилотка. На голове, вы не поверите, стальная каска! Кажется, в таких воевали еще в Великую Отечественную. Откуда такая древность?

Не веря своим глазам и покосившись на ладные ботинки коллеги по состязанию, я снял сапог. Мать твою... портянка! А что с оружием?

Обуреваемый нехорошими предчувствиями, я полез в висевшую на ремне кобуру. Мог бы и не заглядывать. Форма кожаного чехла четко указывала на модель — «макаров». Проверил, обойма полная. Дико захотелось завопить во весь голос: «Люди! Где справедливость?!». Сдержался. Вместо этого подошел к партнеру и, пристально глядя в глаза, стараясь не дать волю эмоциям, зло спросил:

— Что за хрень? Почему такая разница в экипировке и вооружении? Это твои происки?!

Видимо, ожидавший подобного, Абонент возразил. Спокойно, без эмоций. Словно мы все еще сидели в кафе, а не находились в иллюзорном мире:

— Видите ли, подсознание — штука коварная. Я стараюсь выглядеть на все сто. Всегда. Тщательный подбор дорогой одежды и сопутствующих предметов, создающих имидж, — мое кредо. Поэтому подсознание оснастило меня «по полной». Самым лучшим из имеющегося на сегодняшний день. Вы — моя противоположность. Разгильдяй, одевающийся непонятно во что и даже не замечающий убогости внешнего вида. Соответственно требованиям и получите заказ. Я ни при чем.

Переваривая услышанное, я искал аналог случившемуся. Нашел. Ситуация напомнила историю из детской книжки. Два юных бездельника, вместо того чтобы готовить уроки, стали превращаться в насекомых, в надежде повалять дурака. Удалось стать бабочками. Аккуратный мальчик — роскошным дальневосточным махаоном, а грязнуля — невзрачным капустником.

— Экипировка, ладно. А оружие? — не сдавался я.

— Что, оружие?! — возмущенно откликнулся соперник. — Калибр одинаковый. Боезапас по пятьдесят штук на каждого. Трофейные патроны подходят к обоим пистолетам. Таковы условия игры. А то, что вместо мощного ГШ-18 вам в руки попала плюгавенькая милицейская пукалка, я не виноват. Разбирайтесь со своими скрытыми комплексами.

— Хорошо, убедили.

Мы подошли к казавшемуся неподъемным дверному блоку. Люминесцентные лампы по бокам проема издевательски подмигивали, словно дразнили: «Не поднимешь! Не поднимешь!».

— Тяжелая, наверное? — кивнув на дверь, обратился я к соседу.

— Ерунда, — пренебрежительно бросил тот. — Вон там, снизу — сенсоры. Прижми ладонь, и все. Гидравлика поднимет блок, и путь свободен.

«Стой!» — закричал он, увидев, как я, нагнувшись, потянулся к датчику.

Резко отдернув руку, я недовольно спросил:

— В чем дело?

— За дверью несколько мутантов. Шесть солдат, вооруженных пистолетами, и розовый кусака.

— «Розовый кусака»? — переспросил я.

— Да. Плотоядная свинья-переросток. Зубищи, как у саблезубого тигра, рога — бычьи. Взгляд охристых глаз гипнотизирующий. Смотрите, не попадитесь сдуру. Быстро бегает на задних ногах. Очень верткая. Мало того, что попасть тяжело, так еще и на выстрел крепка. Из пистолета не остановишь, пока не вгонишь обойму. Очень опасный зверь. В две пушки мы сможем завалить его, но попадем под перекрестный огонь. Солдаты медлительные, но меткие, и шесть стволов — не шутка.

— Что предпримем? — отдал я инициативу более опытному игроку.

— Выход есть. — Он кивнул на приступок.

Там покоился черный ящик. Красный крест на крышке недвусмысленно намекал — аптечка.

— Транквилизаторы, — подытожил коллега. — Из серии «неистовство». Вкалываешь шприц и на некоторое время превращаешься в берсерка. Абсолютно не чувствуешь боли, силы удесятеряются. Можешь перебить голыми руками взвод противника. — Вопросительный взгляд в мою сторону. — Не желаете попробовать?

— Честно говоря, нет. Я и на компе этой фишкой не пользовался. А уж в реальности...

— Хорошо. Как только я вколю препарат, открывайте люк и отскакивайте с дороги. Могу нечаянно зашибить. Оружие держите наготове. Вдруг потребуется огневая поддержка.

Откинув крышку аптечки, достал лекарство:

— Готовы?

— Да.

— Поехали! — С этими словами Абонент всадил шприц-тюбик в предплечье. Прямо через ткань комбинезона. Резко сдавил.

«Да ты, братец, мазохист! — подумал я. — А главное, чтобы не оказался садистом». Лицо спецназовца окаменело. Глаза зажглись нездоровым блеском.

— Открывай, — прохрипел он.

Резко метнувшись вниз, я прижал ладонь к сенсору. «Вж-ж-жик», — откликнулась гидравлика, и многотонная дверь легко взлетела вверх. Помня об опасности, я перекатился за спасительный выступ, освобождая дорогу. Вовремя. Мимо с грацией гепарда пронесся взбесившийся «Джи-Ай».

Прыгнув в центр коридора, в самую гущу ничего не подозревающих мутантов, он словно мельница на ветру замолотил руками. С чем сравнить увиденное? Шар, сбивающий стройные ряды кеглей? Нет. Смерч, разметавший корабельную армаду? Нет. Мастер кунг-фу, ведущий смертоносный танец среди толпы «плохих парней»? Несколько ближе, но тоже не то. Более всего зрелище напоминало мультик «Остров сокровищ». Джим, впавший в неистовство, крушит пиратскую ватагу. Нечто подобное наблюдалось и здесь.

Мгновение, едва уловимый глазом прыжок, и следующие один за другим — два звука. Сухой от резкого удара и влажное чмоканье — от размазанного по каменной стене мутанта. Жуткая пантомима, сопровождающаяся серийными: «Бац. Чвак... Бац. Чвак... Бац. Чвак...» Стены украсились тошнотворными узорами. Зеленоватой слизью, бурыми, мерзко воняющими кишками, розоватыми мозгами и киноварью кровавых потеков. На некогда чистом полу застыли неаппетитные, измочаленные тушки. Назвать оставшееся телами просто не поворачивался язык.

Последний из монстров совершил запланированный полет, и жуткий танец закончился. Действие транквилизаторов подошло к концу. Истребитель мутировавшей нечисти остановился, пытаясь прийти в себя. Его глаза стали приобретать осмысленное выражение, когда ладно лежащий в ладони «макаров» трижды плюнул свинцовой слюной. Неожиданно появившийся из-за угла седьмой (!!!) охранник завалился на спину, не успев выстрелить.

— Спасибо! — искренне поблагодарил пришедший в себя игрок. — Откуда он взялся? По игре их должно было быть шесть!

Я не преминул напомнить:

— Ты же сам предупреждал: «Не расслабляйся! Возможны неожиданности».

— И то верно, — признал он. — Но одно дело советовать. И совсем другое — помнить о возможных каверзах игры самому.

Мы собрали трофеи. Семьдесят «маслят» в обоймах. Неплохо, целый арсенал. Поделили по-братски. Жаль только, оружия нет. Сгинул мутант, и «пушка» исчезла. Такая вот подленькая вводная. Что ж, о стрельбе «по-македонски» придется забыть.

— Очухался? — спрашиваю.

— Порядок! — показывает кулак с поднятым большим пальцем.

— Куда дальше?

— Давай заглянем наверх лестницы. Да, именно этой. Там смотровая площадка, на которой можно найти изумрудную корону. Правда, она нам не понадобится.

— Тогда зачем лезть?

— Возможно, там скрывается ящер-огнеметчик. Он может спуститься в любой момент и ударить в спину.

— Который огненными шарами швыряется? — спросил я, проявляя эрудицию.

— Да, — короткий, но емкий ответ.

— Помню, помню. Опасная тварь. Ладно, хоть медлительная. Пока повернется, пока шар зажжет, можно успеть отскочить. Беда только оружие очень мощное. Металл плавит. Песок в стекло спекает. А медлительного десантника, — выразительный взгляд в сторону соперника, — превращает в качественно приготовленное жаркое. Или лангет. Кто знает, что эти ящеры больше предпочитают. Словом, это не то существо, которое можно оставлять в тылу.

Аккуратно, стараясь не шуметь, мы ступенька за ступенькой преодолеваем лестничный пролет. Не дожидаясь неприятностей, еще в движении, открываем огонь. Влажное харканье «макарова» перемежается грозным рявканьем «зига». Полное ненависти раскатистое шипение и мягкий шорох сползшего по стене тела.

Абонент не ошибся. На досках настила, оскалившись в предсмертной гримасе, лежал огнеметчик. Чья больная фантазия со-

здала такого урода? Гладкая, без признаков ушей голова. Ничего не выражающие рубиновые глаза со змеиными зрачками. Бульдожья пасть с частоколом акульих зубов. А тело? Было полное ощущение, что с мелкого бурого медведя сняли шкуру и украсили костяными шипами. Как апофеоз абсурдного действия напялили получившееся на прямоходящего ящера. Скажете — бред? Я с радостью соглашусь, если бы не одно «но». Одно из бредовых воплощений лежало перед нами. А сколько их будет еще? Одному Богу известно. Ну, возможно, еще и создателям игры.

Заряжаем пистолеты и, снаряжая обоймы, корректируем план действий. Задача — охранники на балюстраде. Лестницы нет, она не активирована. Спуститься и атаковать монстры не могут. Они как на ладони, а мы в укрытии. Вывод. Спокойно постреливаем из-за угла, стараясь не подвернуться под шальную пулю или огненный шар.

Сказано — сделано! Не прошло и минуты, как мы, поочередно меняясь, стали нашпиговывать мутантов свинцом. Ощущения, как в тире. Палишь, перезаряжаешь, опять палишь, иногда уступая место желающему пострелять. Монстры падали один за другим, даже не успевая ответить или бездарно промахиваясь. Мы расслабились... Как выяснилось, напрасно.

Режущее глаз свечение возникло неожиданно. Еще бы! Огненный сгусток летел из-за угла!!! Так талантливый футболист, закрутив мяч «сухим листом», посылает его в обход голкипера. «Этого не может быть!» — здравый, но ничего не объясняющий вопль изумленного сознания.

К счастью, сработали рефлексы. Тело без участия разума рвануло в укрытие. Я среагировал, но недостаточно быстро. Сгусток мерцающей плазмы ударил в стену, щедро расплескивая вокруг пылающий напалм. Увесистый блин раскаленной субстанции, отлетев, замер, плотно охватив левое предплечье. Пламя охватывает рукав хэбэшки. Горю! Жар донимает. Больно. Больно! БОЛЬНО!!!

Рукав обугливается, отслаиваясь маленькими, тлеющими лоскутами. В нос бьет жуткий коктейль ароматов. Амбре плавящихся волос и приторно сладкий запах горелого мяса.

— А!-А!-А!-А! — забыв обо всем, я катаюсь по загаженному полу, пытаясь сбить пламя. Не сразу, но благодаря былому опыту это удается.

Можно не любить армию. Презирать царящие там порядки. Потешаться над тупостью командиров. Нельзя не признать лишь одного: там хорошо учат. Многому, и в том числе, как потушить горящий напалм.

Ставлю финальную точку, погрузив тлеющий рукав в растерзанные внутренности розового кусаки. Шипение, тошнотворный дымок — и с пламенем покончено. Спасибо тебе, свинья-переросток.

Теперь восстановить здоровье. Нужна аптечка. Где аптечка? Полцарства за аптечку...

Вот же она, в углу. Никто не удосужился подобрать, идиоты. Срываю крышку ящика и прижимаю маленький контейнер к ране. Боль вновь накатывает, но терплю. Только в этом спасение.

Анализ, зуммер, мерцание индикаторов, и в руку впиваются иглы. Одна, две... десять! Впрыскивается раствор и жить становится легче. Огненная пелена, охватившая тело, спадает. Проходит боль. Обгоревшая рука регенерирует прямо на глазах. Удачно успел. Пискнув в последний раз и высветив на дисплее: «ноль», аптечка рассыпается. Небольшой ожог все же остался, видимо, не хватило лекарства. Но это уже мелочь. Еще повоюем. Вот только одежи жаль. Щеголяй теперь, солдатик, в прожженной куртке с обугленным рукавом.

Немного придя в себя, осмотрелся. Да, партнер времени зря не терял. Пока я катался по полу и выл раненым бизоном, он расправился с охраной и, активировав лестницу, захватил балюстраду. Обнаружив тайный рубильник, открыл дверь на задний двор. Успел смотаться туда и запустить программу снятия маскировки. Теперь все тайники и схроны — наши.

Молодец! Но слишком безрассуден. Встретила бы его у компа пара огнеметчиков... И все. Хана! Один ствол на двух косматых? Не смешите меня. Там бы и остался.

Лучезарно улыбаясь, «Джи-Ай» спустился с лестницы. Не переставая набивать обоймы, поинтересовался:

— Оклемался? Я думал, тебе крышка. Ладно, хорошо то, что хорошо кончается. Держи трофеи. — И он высыпал мне в карман горсть маслянистых, таящих смерть, циллиндриков.

— Спасибо, — искренне поблагодарил я. — Куда направимся дальше?

— Видите нишу?

— Вижу. — В каменной стене просматривался прогал.

— Там скрывается пулеметчик. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: идти с двумя «пукалками» на пулемет — безумие!

— А элемент неожиданности?

— Уважаемый! Против шестиствольного «станкача», способного очередью перерубить дерево, не спасет никакая внезапность. Единственное, что может помочь, — более мощное оружие.

— И вы знаете, где им можно разжиться?

— Конечно, — подтвердил соперник. — Впрочем, как и вы сами, — не удержался он от мелкой колкости.

— Знаю, — согласился я. — За этой дверью. — Небрежно ткнул стволом в направлении стальной плиты, украшенной титановым обрамлением.

— Правильно, — похвалил Абонент, словно учитель ответившего на «отлично» ученика. — Там можно найти отличный «помповик».

Я не стал отвечать на подначки. Поединок, по сути, еще не начат. И кто станет победителем, большой вопрос... Цыплят, как известно, по осени считают. А если не устраивает время увядания природы, то вспомним другую пословицу: «Весна покажет, кто где срал!»

Поэтому вместо ядовитого ответа, вертевшегося на языке, смиренно вопрошал:

— И кому достанется ружьишко? Сами понимаете, это серьезный аргумент в решении нашего спора.

Против ожидания всегда вежливый и корректный противник допустил бестактность. Озорно сверкнув глазами и улыбнувшись в тридцать два зуба, он выдал:

— Кто первый встал, того и тапки!

Отлично. Постараюсь завладеть смертоносной игрушкой первым. Главное, не забыть об огнеметчиках, о которых умышленно умолчал визави.

— Будьте очень осторожны — трава ядовитая. Одежду и обувь не снимать. — Абонент явно потешался.

Ну-ну. Продолжайте в том же духе.

Жму кнопку, и люк уносится вверх. Путь свободен. Одновременно влетаем во внутренний двор. Абонент идет вперед, а я осматриваюсь.

Тихо, красиво и никого. Только на горизонте белеют знакомые вершины. Шквалистый ветер вздымает волны на густой траве. Слева устремляется ввысь стена. Плиты выщерблены временем и непогодой. Камень шершавый, в потеках, местами поросший зеленоватым лишайником.

Прямо крепостная стена. Без зубцов и бойниц, но с галереей для обороняющихся. Интересно, кто осмелится напасть на логово мутантов? Неужели есть такие безумцы? Возможно, и есть. Но скорее всего в горах обитают более опасные чудища, чем здесь.

Справа возвышается смотровая башня, напоминающая огромную восьмигранную гайку. На изящных бетонных столбах покоится внушительная крыша. Под ней, на потолке, длинные ряды горящих светильников. Забыли выключить с ночи? Часть ламп разбита и скалится осколками, как акульими зубами. Конечно! Это же та смотровая площадка, где завалили огнеметчика. Вот и славненько. Теперь можно не опасаться брошенных сверху огненных шаров.

Так... Показалось или нет? Что-то белеет в дальнем углу? Всматриваюсь повнимательнее. Аптечка! Вот удача, так удача. Черт с ним, с «помповиком», обойдусь как-нибудь. Но здоровье необходимо восстановить полностью.

Хватаю аптечку, и повторяется знакомая процедура. Анализ, зуммер, пара уколов, и я выгляжу как огурчик.

А что поделывает мой партнер, который соперник? Смотри-ка. Он собрался завладеть ружьем. Неслышно подкрался к башне и осторожно заглядывает за угол. Случившееся потом ошеломило.

Рассерженное шипение, сухой треск зажигающегося шара, захлебывающийся лай «зига». Все произошло столь молниеносно, что звуки сложились в дикую какофонию. «Джи-Ай» отпрянул, и снаряд прошелестел рядом, выжигая в зелени травы, безжизненную дымящую полоску.

Из-за угла появился разъяренный мутант, а Абоненту именно в этот момент приспичило сменить обойму. Надо помочь.

«Макаров» дергается. Раз, другой, третий. На косматой груди появляется пара сочащихся кровью отверстий. «У-У-А-А-А-У-У-У», — третья пуля попала в костяной нарост и с визгом ушла на рикошет.

Злобный клекот, приближающийся сноп огня. Прыжок вперед, переворот через голову. Увернулся. «Так, так, так», — еще три выстрела. Это подключился соперник. Удачно попал и, главное, отвлек чудище.

Шипение, огненный след, и Абонент корчится на траве, пытаясь сбросить горящий ботинок. Вначале тихо, потом начинает ругаться, орать и выть от боли.

Добиваю обойму, целясь монстру в голову. Вообще-то занятие рискованное. Мутант — ящер. То есть пресмыкающееся с маленьким мозгом, хорошо защищенным костяным панцирем. Но мне везет. Одна из пуль находит слабую точку, и голова чудовища взрывается алым фонтаном. Безмозглое тело еще живет своей непонятной жизнью, потом, споткнувшись, падает, накрыв катающегося по траве Абонента.

Невероятно, но густой мех чудища надежно перекрыл доступ воздуха, и пламя погасло. Имей я старую добрую шинель, не сумел бы справиться лучше.

С трудом отвалив с партнера тяжелую тушу, сую в руку аптечку:

— Лечись!

— Спасибо, — шепчут побелевшие губы. В наполненных страданием глазах — благодарность.

Отвернувшись, слышу жужжание зуммера и слабый стон. Запах лекарства приятно щекочет ноздри. Пора искать то, зачем пришли.

Вот она, игрушка. С ладным ложем и длинным стволом. Стоит, прислоненная к стене башни. Рядом, словно семейка опят, среди листвы, желтеет горсть винтовочных патронов.

Беру в ружье, осматриваю... Класс! Это настоящий «винчестер». И не просто, а легендарная девяносто четвертая модель. Пусть ему за сотню, возраст солидный. Пусть скоба-рычаг уступает современным «помповикам». Но именно эта модель являлась одним из величайших достижений конструкторской мысли. Надеюсь, не подведет и сейчас.

Щелк, щелк, щелк. Магазин «винчестера» заполняется смертоносным грузом. Все! Теперь я вооружен и очень опасен. Рисуясь, кладу ствол на плечо. Хорош... Почти что Гойко Митич.

Подхожу к Абоненту. Он оклемался, но аптечка исчезла безвозвратно. Завистливо глядя на заслуженный ствол, констатируя произошедшее, вопросительно предлагает:

— Тапки ваши. Может, и пулеметчика возьмете на себя?

— О чем речь?! Конечно! — Успех вскружил голову, и я необдуманно соглашаюсь на предложение. — Но вы страхуйте! — спохватившись, озадачиваю соперника. — Готовы?

— Йес, — неожиданно перешел на английскую мову странный коллега.

Покидаем негостеприимный, но оказавшийся таким удачливым для меня двор. Теперь можно к долгожданной нише. Я — впереди, визави — на подхвате.

— Зеркальце есть? — неожиданно интересуюсь у партнера.

— Зачем? — обалденевает тот.

— За надом!!! Есть или нет?

— Есть.

— Давайте.

Я рассуждал правильно. Если человек аккуратист по жизни, то и в виртуальной реальности он должен иметь предметы, влияющие на имидж. Логика не подвела. Коллега по игре протянул маленькое, изящно оформленное зеркальце.

Беру в руку и, осторожно вытянув, чуть выдвигаю за край ниши. Что тут у нас творится? Зеркальный кругляш рассеивает мрак неизвестности. Всматриваюсь...

В нише хозяйничает пулеметчик. Бросив беглый взгляд, понимаю — я, молодец! Умница, что не выскочил сразу с «винтом» наперевес. Шансы одолеть монстра исчислялись бы долями процента. Еще бы! Вы видели такое? Я не удосужился. Не пришлось. И к счастью.

Пулеметчик напоминал огромный платяной шкаф, стоящий на ногах-тумбах. Узловатые руки навевали воспоминания о дубовых ветвях. Это громоздкое великолепие было облачено в пурпурный комбинезон и надежно защищено бронежилетом. Именно из-за последнего движения монстра казались нарочито медлительными. Действительно! Куда торопиться, если тело надежно защищено, а руки, силой не уступающие гидроцилиндрам, сжимают шестиствольный пулемет. Его место на борту боевого вертолета. «Апач», «Сикорский» или «МИ» — вот техника, достойная грозного оружия. Но скорострельный «станкач» находится в руках медлительного, несокрушимого, как боевой робот, пулеметчика. Терминатор, возможно, сумел бы справиться с подобным оружием, но всеобщий любимец Рэмбо — отдыхает.

Выждав, пока пулеметчик обернется спиной, выпрыгиваю из укрытия и прямо с пояса, не целясь, начинаю палить в единственное, не защищенное доспехами место. В голову.

Лязгает передергиваемая скоба. Глухо ухает ствол. С визгом уносятся прочь попавшие в бронежилет пули. Монстр ошеломлен и оглушен. Но несмотря на контузию, пытается развернуться и наказать обидчика.

Не выйдет! Один из торопливых выстрелов оказался верным. Тупая пуля вошла в незащищенный затылок, и тяжеленное тело рухнуло вниз, заставив задрожать чугунные плиты.

Я не успел сориентироваться, когда ворвавшийся в нишу Абонент протянул руку к пулемету, держа в другой, готовый к выстрелу «зиг-зауэр». Ствол смотрел в мою сторону.

Что ты хотел сказать, бравый десантник? «Не подходи!», «Пулемет мой!»? А может, просто хотел выстрелить в меня? Не знаю. И не узнаю никогда.

В углу возникло мерцание, и прозрачные челюсти хищника сомкнулись на вытянутой руке. Невидимка!!! Откуда он здесь?!

В игре эти твари появляются только на втором уровне. Видимо, опять гримасы подсознания.

Успел прозвучать одинокий выстрел, когда держащая пистолет рука со смачным хрустом отделилась от тела и исчезла в утробе невидимого чудища. Брызнула пульсирующая струя, и Абонент заорал. Громко, отчаянно. Но не смог заглушить методичное хрумканье, от которого стыла кровь в жилах. Медленно, но верно клацающая пасть приближалась к плечу. Так затачивают карандаш на убогой китайской точилке. Сходит на стружку древесина, но готовый к использованию грифель постоянно обламывается. И так раз за разом. Жадные челюсти уже подбирались к шее несчастного, когда я наконец очнулся. Вышел из состояния прострации и открыл огонь по невидимке.

Скажу честно, зрелище — не для слабонервных. Странное, но завораживающее. Свинец входит в мерцающий туман, смачно чвакает, и из образовавшегося в пустоте отверстия вылетает алая плюха. Растекается и застывает фрагментом киновари на сюрреалистической картине.

Выстрел, второй, третий. Только давит на курок уверенный палец. Только передергивает скобу умелая рука. Только уносятся стреляные гильзы, выброшенные безжалостным экстрактором.

На задворках сознания мелькнула мысль: «Может, оставить монстра в покое? На время. Пусть догрызает соперника. Словно известный мавр, сделает свое черное дело и сможет удовлетворенно уйти в небытие. И я вроде бы ни при чем. Не стрелял, не убивал. Чист, как простыня девственницы».

Несмотря на подленькие мысли, руки сноровисто работали: снаряжали пустеющий магазин и снова заставляли ствол забиться в смертельном кашле.

Каюсь... Занятый своими мыслями, я не уловил момента, когда мертвый невидимка медленно осел. Заряды попали в орущего от боли Абонента. Тот замолчал, и стал запрокидываться навзничь.

Я подскочил к нему в надежде помочь, но не успел. Последнее, что сумел воспринять, стекленеющий взгляд и стихающий шепот мертвеющих губ:

— Это подло! Подло воспользоваться случаем. Подло убивать исподтишка... Подло... — Недавний соперник затих и упокоился рядом с монстрами. Теплая компания.

Не прошло минуты, как тело партнера заискрило и, сделавшись прозрачным, исчезло. Прощай «Джи-Ай». Ты был хорошим бойцом. Ловким, выносливым, целеустремленным. Просто сегодня не твой день. Фортуна на моей стороне.

Еще немного, еще чуть-чуть — и победа в кармане. А с нею такая желанная привычная реальная жизнь. Главное теперь — не погибнуть по глупости. Дойти до выхода из лабиринта.

Я оглядел поле боя. «Зиг-зауэр» и весь арсенал исчезли вместе с хозяином. Обидно, но не смертельно. Попинал ногой, а затем тщательно ощупал тушу невидимки. Противно, конечно, но что делать?

Как и ожидал, ничего полезного не обнаружил. Но заглянув за неожиданно обнаруженный выступ, обомлел: «Мать моя!». Целых две аптечки. Причем больших. Вот смех-то. Абонент склеил ласты в двух шагах от спасения. Такова, знать, его планида.

Но вернемся к пулеметчику. Пора помародерствовать или, говоря культурно, собрать трофеи.

Отстегиваю ремешки и снимаю с еще теплого трупа кофр с лентой и соединенный черным проводом аккумулятор. Не случайно пулеметчик был здоровенным амбалом. Таскать такую тяжесть, не шутка! Пристегиваю громоздкие прибамбасы к бедрам и пытаюсь поднять пулемет.

— У-Е-Е-Е-Е, — тяжеленный, зараза.

Как говаривал мой знакомый: «Да, мы не Шварценеггеры!». А если облегчить «машинку»?

Отстыковав разъем, снимаю батарею. Плавное нажатие на курок — ничего. Чуть сильнее — тишина. Давлю что есть силы — опять облом.

«Не бабахает!!!» — сокрушался классик. Полностью обеими руками поддерживаю его.

А если попробовать иначе? Щелчок, и питание восстановлено. Клацанье пряжки, и громоздкий кофр валится на бетон, выпустив наружу струящуюся змеей ленту. Направляю «станкач» в коридор и жму на курок. Веселое жужжание электропри-

вода меняет картину. Странное «беличье колесо» раскручивается в смертоносном хороводе. Стволы расцветают яркими лепестками, и сильнейшая отдача впечатывает стрелка в стену.

Ударившись головой, теряю сознание. Всего на миг, но этого достаточно. Пулемет выпадает из ослабевших рук и откинутой сошкой пробивает правый сапог. Под стальным напором дробятся кости ступни. Боль заволакивает сознание, как липкая субстанция — армейскую обувку.

— А!-А!-А!-А! — ору от нестерпимой боли, прыгая на одной ноге. С трудом поборов желание пнуть коварную железяку, тянусь к аптечке. Благо, не далеко.

В-ж-ж-ж-ж-ик! — и статус-кво восстановлен. Вновь получаю возможность рассуждать здраво: «Значит, с пулеметом наперевес не получится! А если по-другому? Установить «станкач» в лифте, и лежа на полу, подождать, пока двери откроются. А там залить все живое тугой свинцовой струей! А что, может сработать».

Прихватив аптечки и синий ключ, волоком подтаскиваю шестиствольку к кабине. Аккуратно опускаю поклажу на плиты и беру «винт» на изготовку: «Приготовиться!»

Голубая призма с мягким чмоканьем тонет в глубине замка. Гаснет сияние охранного контура, и дверцы лифта гостеприимно распахиваются.

Резко впрыгиваю в кабину и, уперев ствол в волосатую грудь огнеметчика, жму на спуск. «Бум-м-м-м», — отзываются на выстрел стены. Отдача рвет «винчестер» из рук, но я стою несокрушимым монолитом. Зарядом картечи монстра отбрасывает назад и с размаху швыряет в зеркальную стену. Локоть успевшего сдохнуть чудовища бьет по красной кнопке.

Кто мог предвидеть такое? Только не я...

Створки сомкнулись со змеиным шипением. Кабина лифта дрогнула и отправилась прямиком в ад.

Что противопоставить толпе поджидающих мутантов? «Макаров» с парой обойм? «Винчестер» с десятком патронов? Не прокатит! Единственная надежда на победу растаяла туманом, оставшись за закрытыми дверями. «Обратного пути нет и не будет!» — я знал это слишком хорошо. Оставалось одно. Един-

ственный шанс на тысячу. Презреть страх, боль, панику и попытаться прорваться сквозь строй чудовищ почти что с голыми руками.

Лифт встал, и плавно разъехавшиеся двери выдали пропуск в небытие...

Дальнейшее запомнилось смутно. Многоголосица выстрелов и оскалы монстров. Падающие уроды и рвущая тело боль. Зуммер аптечки и тупые удары свинцовых градин. Сознание заволокло алой пеленой, и истерзанный мозг отключился...

Я очнулся. Удобное пластиковое кресло надежно держало тело, все еще дергающееся в последних конвульсиях. Сердце стучало в районе горла, грозя разорвать артерии сумасшедшим пульсом. «Приди в себя! — потребовало сознание. — Бой в лабиринте окончен, но состязание продолжается!»

Немного успокаиваюсь и, подняв глаза, вижу живого и здорового соперника, освещенного лучами заходящего солнца. Оранжевые отблески создали чудный камуфляж на строгом костюме незнакомца. Абонент смотрит мне в глаза. Взгляд сочувствующий. Увидев, что я пришел в себя, резко меняет выражение. Теперь взгляд осуждающий, с легким оттенком сожаления. Маскирует эмоции, гад! Боится, что прочту истинные чувства.

— Надо же?! Опять ничья, — удивленно воскликнул незнакомец. — Вы сильный соперник, дошли почти до конца. Я наблюдал. Если бы не досадная мелочь, могли выиграть. — Губы раздвинулись в кривой усмешке. — Не вышло. Перефразируя классика, можно сказать: «Пулеметы отстучали похоронную мелодию, и рука, дотянувшаяся до аптечки, была рукой покойника».

Абонент сурово нахмурил брови:

— А со мной подленько поступили.

Я промолчал. Какой смысл оправдываться? Все равно не поверит. Я бы и сам не поверил. А соперник продолжал обличать:

— Не ожидал от вас. Сразу видно вы — начинающий. Опытный «посвященный» никогда не опустится до подлости. Такова наша мораль. Кроме того, неблаговидный поступок отбрасывает нас назад от достигнутой точки «пути». Запомните это.

Он с легкой укоризной поглядел на меня и продолжил:

— Вы достойный противник, — констатировал он уже с уважением. — Никогда не встречал такого.

— А часто приходилось? — полюбопытствовал я. Информация, она и в Африке информация. Вдруг узнаю что полезное.

— Достаточно, — расплывчато ответил мой визави и добавил: — Вы скоро сами все узнаете. Но, — встрепенулся он, — поединок не закончен. Выбираем по состязанию и бросаем жребий. Ваш выбор? — вопросительный взгляд буравил переносицу.

— Решка. «Бой покемонов». Три захода по одному покемону. За заход по три атаки.

— Интересный выбор. — Соперник нисколько не удивился. — Пикачу, Райчу, Няо и прочие... Вы, конечно, Сатоси, а я, разумеется, Кодзиро.

Я удивленно, более того пораженно, вытаращился на говорящего. Единицы ценителей знали настоящие имена героев сериала. Остальные довольствовались убогой американской версией. «Эдак, пожалуй, он и в этом состязании не уступит», — мелькнула упаднические мысль.

— А я выбираю «Бой удавов».

— Кто будет кидать монетку?

— Разумеется, не вы.

— Но и не вы!

— Согласен. Нужен кто-нибудь посторонний. Любезнейший! — обратился он к собирающему пустые бутылки пожилому бомжу. Возможно, тот и не был бомжем — одежда выглядела вполне ухоженной. Но следы пристрастия к зеленому змию явно просматривались на морщинистом лице. — Позвольте оторвать вас от дела. Буквально на одну минуту.

Собиратель тары опасливо приблизился, не выпуская из рук сумку с добычей.

— Будьте добры, подбросьте эту монету так, чтобы она упала на стол и не скатилась, — с этими словами Абонент сунул в грязную руку двухцветную монету. «Юбилейный» червонец, машинально отметил я.

Монета взлетела, блеснула в лучах уходящего солнца и, приземлившись, завертелась волчком. Мы завороженно уставились

на вращающийся диск, напряженно ожидая результата. Шмяк! Ожидаемого числительного не оказалось. Вместо привычного орла-мутанта мне душевно улыбался Гагарин. Не повезло...

— Благодарю вас, — прозвучали слова Абонента, обращенные к пожилому человеку. — Можете забрать монету. На память.

Мгновение, и блестящий кругляш исчез в натруженной ладони. «Вот это реакция, — изумился я. — Сам Копперфильд позавидует!» Добровольный помощник отправился по делам, а мы вернулись к своим баранам.

— Итак... — Неизвестный подчеркнул очевидное. — «Бой удавов». Он введен в память многих моделей «сотового». Но мы будем играть, выйдя из тела. Используем опыт прошлого состязания. Каждый будет удавом определенного цвета. Бой произойдет на ограниченной площади. Цель игры — вцепиться в хвост, а затем поглотить соперника. Съеденная дичь увеличивает длину тела. Проглоченные несъедобные предметы уменьшают скорость. Удар о препятствие — на время парализует. Гильотины укорачивают и могут убить. Игра идет в несколько этапов с постоянным усложнением. Проглоченный или убитый удав — проигрывает. Вперед!!!

Мы оказались на каменистой площадке, щедро присыпанной песком. Крупные песчинки и мелкие камушки стали неприятно покалывать мою ставшую глянцевой кожу. Я превратился в толстого, но не лишенного грациозного изящества изумрудного удава. В противоположном углу площадки лежало свернутое тугими кольцами рубиновое тело. Это был ОН. Абонент.

Извиваясь, я бросился вперед, стремясь зажать соперника в угол. Не успел! Рубиновый удав плавно прошелестел сбоку и едва не схватил меня за хвост. Быстро развернувшись и описав дугу, я клацнул челюстями. Но там, где мгновение назад пульсировал пурпурный кончик, оказалось пусто. Противник ускользнул.

Мы обманывали друг друга ложными бросками. Оттесняли, струились и перекатывались. Вскоре на нашем пути стали попадаться вкусные резвые кролики. А из трещин выросли и злобно ощетинились иглами колючие неудобоваримые кактусы. Сдуру поглотав и тех, и других, мой удав изменился. Он стал

длинным, неуклюжим и очень медлительным. От рокового укуса спасло внезапное появление препятствий. Рубиновый бросился молниеносно и очень точно, но произошло неожиданное. В решающий момент между нами возник булыжник. Об него он со всего маху и приложился.

Используя неподвижность соперника, я все же сумел подобраться к вожделенной цели, но... облом! Перед изумрудным носом очень не вовремя возникла гильотина. Блеск медленно падающего ножа завораживал. Но остаться без головы не входило в мои планы. Сбросив оцепенение, я отвернул.

Постепенно игра усложнялась. Сверху посыпались гранитные глыбы. Они стали пребольно колотить по змеиным телам. Чуть позже из земли вспучились маленькие вулканчики. Шипя газом, они расплескивали вокруг лужи огнедышащей лавы. Потом поверхность ристалища покрылась сетью трещин. Широких и узких, глубоких и не очень. Часть трещин застыла в неподвижности. Но несколько, видимо, особо вредных расщелин быстро перемещались, меняя размеры и форму.

«Ну и фантазия у тебя, любитель трезвонящих побрякушек!» — только эта мысль прокручивалась в мозгах изумрудного змея.

Мы много раз теряли и отращивали хвосты. Ударялись о препятствия и застывали в неподвижности. Приходили в себя и снова бросались в бой.

Не знаю, какие бы еще каверзы придумал автор игры. Прилет инопланетян? Резкое обледенение? Падение ядовитых жаб с неба? Можно предположить все, что угодно. Вот только увидеть все это глазами зеленой тучной змеи не удалось.

Во время очередного броска к такому желаемому рубиновому хвосту меня накрыла туча пепла. Ослепленный, я не заметил, как прямо перед мордой раскрылась глубокая трещина. Чтобы не рухнуть вниз, попытался зацепиться за ближайший валун. Выгнув мускулистое тело петлей, резко бросил его как ковбой — лассо...

Тщетно. Голова с телом уже устремились вниз, когда трещина сузилась. Неожиданно стремительно, а главное — сверху. В мгновение ока я остался висеть над бездной. Как кот за шкир-

ку, пойманный коварной трещиной. Лишенный возможности выглянуть, гадал, остался на поверхности кончик хвоста или нет?

Не повезло! Крохотный изумрудный кончик едва возвышался над каменистой поверхностью. Я понял это, когда почувствовал, как холодные цепкие челюсти вцепились в хвост. Впились и стали медленно поглощать. Соперник поступил как гурман, высасывающий содержимое яйца через иголочное отверстие. Он медленно поглощал тело, оставляя сморщенную, пустую оболочку. «Это конец!» — мелькнуло в угасающем сознании, и я буквально вывалился в реальность.

Этап: «Осознание»

Вновь я осознал себя только за столиком летней кафешки. Абонент сидел напротив, впершись в меня немигающим взглядом удава. Я шевельнулся, и его взгляд обрел осмысленность.

— Очухались? Ну и отлично! — услышал я. — Вынужден сообщить вам о поражении.

Почувствовав, что я не осознал важности услышанного, он жестко припечатал:

— Вы проиграли! Теперь, согласно нашей договоренности, вы хороните ВОЛ в своем сознании. Кроме того, начинаете заниматься тем, чем я сочту целесообразным!

Я понуро кивнул.

— А целесообразным я считаю следующее. — Голос говорящего обрел стальные ноты, и победитель отчеканил: — С завтрашнего дня вы будете работать на меня. В одном из отделений телефонной компании. Жить там же. Номер со всеми удобствами рядом с рабочим кабинетом. На выходе охрана. С правилами распорядка ознакомитесь на месте. Служба, где вам предстоит трудиться, называется «Телефон доверия».

Это было последней каплей издевательства, и я не выдержал:

— Вы заранее знали, что я проиграю?

— Конечно, — последовало утверждение смутной догадки.

— Но почему? — завопил я, пугая остальных отдыхающих.

— Опыт, — не обращая внимания на окружающих, спокойно ответил бывший соперник. — Думаете, что вы уникальны? Отнюдь! Вы двадцать седьмой в длинном ряду психов, одержи-

мых идеей уничтожить телефон. Каждому я предложил состязание. Никто не отказался. И все потерпели поражение! С этой теплой компанией вам предстоит теперь постоянно общаться.

Я был настолько ошарашен услышанным, что глупо спросил:

— Почему все проиграли?

Его глаза стали скучными. Так тускнеют глаза учителя, объясняющего бестолковому ученику элементарную задачу.

— Вы из тех, кто не любит и даже ненавидит телефон. Я отношусь с уважением и просто люблю это чудо техники. А любовь в нашем мире всегда берет верх над ненавистью!

Документы и информация

Из докладной записки охранника.

Объект: Сектор «R». Служба «Телефон доверия».

...Во время утреннего обхода подконтрольной территории было зафиксировано следующее. Произошло ЧП.

Объект, более известный под кодом «Двадцать седьмой», исчез. Детальный осмотр мест проживания и работы ничего не выявил. Датчики слежения не зафиксировали выхода из корпуса. Периметр запретной зоны не пересекался посторонними. Видеокамеры не зафиксировали движения, но записи с носителя удалены. Охрана ночной смены не заметила ничего подозрительного.

В зоне проживания под матрасом обнаружена тетрадь. Проверка почерка подтвердила авторство «Двадцать седьмого». Как вещественное доказательство прилагается к докладной.

В тетрадь вложен лист, заполненный странными знаками. Скорее всего неизвестный шифр. Почерк тот же. Записка прилагается.

Учитывая участившиеся случаи исчезновения «объектов» (№ 5; № 15; №27) за последний год предлагаю: в целях исключения подобных инцидентов в дальнейшем дооснастить охранный контур системами ЛУЧ, СПРУТ и МЕНТАЛ...

Зашифрованная записка

Здравствуйте, Александр Федорович.

Да, уважаемый «Абонент», теперь я знаю ваше имя и отчество. Уверен, вы не удивитесь, увидев зашифрованное послание. «Посвященный» вашего уровня легко прочтет его. А тем, кто не достиг высот познания, эта информация вредна. И потому не будет доступна. Но к делу.

Вспоминая трагические события нашего знакомства, вынужден признать — во многом вы были правы.

Что любовь берет верх над ненавистью.

Что подлость отбрасывает назад.

Что у «посвященных» своя мораль.

Умолчали только о связи морали с уровнем посвящения. Чем выше уровень, тем больше возможности. Но в геометрической прогрессии растет ответственность за совершенные поступки.

Вы предложили мне, как и всем остальным, «Состязание равных». У нас не было шанса на выигрыш. Вы могли легко победить любого из нас даже в первом состязании. Но предлагали еще два. Уверенно, не жалея себя, сражались, создавая у соперников ощущение равенства сил. И только в конце с минимальным перевесом выигрывали состязание.

Я долго пытался понять, зачем такой фарс? И только продвинувшись по пути, понял. Вы оценивали нас как будущих учеников. Послушников, кадетов или монахов, взятых в обучение помимо своей воли и даже не догадывающихся о своем предназначении. Часть испытуемых, «застывшая» в начальной стадии посвящения, была безжалостно отсеяна вами. И только люди ищущие, способные к преодолению тягот «пути», оказались в вашей службе. Не знаю, благодарить вас за это или проклинать. Прошлого не вернешь. И лет, проведенных в комфортном заточении, тоже. Я многое потерял, но приобрел не меньше. Успешно продвигаясь по пути, я повысил свой уровень и сравнялся с вами. Теперь мое слово, данное вам пять лет назад, утратило силу. Я с полным правом отказываюсь от него.

«Посвященный» ВСЕГДА подчиняется собрату, достигшему более высокого уровня. Но НИКОГДА отставшему на «пути». Именно в этом и заключается наша мораль.

Вы больше не властны надо мной. Прощайте. Ваш «Двадцать седьмой». Человек, который ненавидел телефон.

Сообщение. Абонент — технику

Произошла очередная запланированная «утечка». Код объекта «27-П-2». Встречайте.

Шифрограмма. Техник — координатору

...В одном из обучающих центров «воспитуемый» под номером 27, «посвященный» второго уровня, совершил переход на следующую ступень. Годен к дальнейшему обучению.

Координатор. Распоряжение

«Воспитуемого» № 27, прошедшего обучение в отделе «Телефон доверия», отправить в школу «Ментальной разведки». Учитывая уровень «посвященного», зачислить сразу на вторую ступень в ЗНИИ ЧКиРВС.

Перехваченная мыслеформа

...В звездном секторе ОМИКРОН, на третьей планете от светила, зафиксирован рост плотности ментальных сигналов. Принять меры по устранению возможной опасности.

P.S. ЗНИИ ЧКиРВС — Земной Научно-Исследовательский Институт Частичных Коррекций и Разведки Временных Секторов.

Алексей Талан
АТЛАНТЫ

И жить еще надежде,
До той поры, пока
Атланты небо держат
На каменных руках.

Атланты, Александр Городницкий

Веришь — не веришь. Детская игра. Простая и понятная даже для семилетнего ребенка. Ничего сложного.

Прикладываю руку к иллюминатору, забавному анахронизму, и смотрю сквозь полуметровые лупы с фильтрами на Солнечную систему. Отсюда — лишь еще одна искорка в безбрежном черном океане. И не подумаешь, что в ней скрыт целый мир. Но там есть взбитые из воздушной перины облака, соленое море и вкусные пироги на домашней веранде. Там есть все, о чем мы сейчас мечтаем. Любимые, родители, друзья — они все там, в этом крохотном светлячке. Верю ли, что я в силах обеспечить им покой и безопасность? Верю, что скоро вернусь домой, крепко всех обниму и никогда больше не отправлюсь на окраину Вселенной? Да. Все, что у нас есть, — вера в счастье и любовь.

Отворачиваюсь от иллюминатора, и автоматика закрывает стекло герметичной броней.

— Подготовиться к маневрированию! Экстренное ускорение через пять минут!

© А. Талан, 2007

Проходит меланхолия и легкая головная боль. В голову словно дунул свежий ветер — так все стало чисто и ясно. Бегу по коридору к лифту; на дежурном табло мигает оранжевый код, нужно немедленно занять свои места.

У полупрозрачной кабины ждет Кейси.

— Доброе утро, Алекс! — Кейси протягивает руку и улыбается. У него еще не высохли волосы. Общий подъем объявили только пятнадцать минут назад, но на этаже остались лишь мы вдвоем — остальные разбежались кто куда.

Заходим в лифт, Кейси жмет кнопку главной палубы. На мгновение появляется сладкое чувство полета, душа словно уходит в пятки, а у Кейси нелепо поднимается в воздух сноп сбившихся волос. Это мы преодолели мертвое кольцо. Наш корабль, патрульный «Святогор», разделен на два гравитационных колодца, две сферы-модуля, которые создают притяжение, вращаясь в противоположные стороны.

Лифт мягко переворачивается. Теперь висим головой вниз к покинутой нами сфере. Но мы этого, конечно, не ощущаем — невесомость. Через секунду все заканчивается. Ботинки мягко амортизируют об пол, и дверь резко уходит в сторону.

— Хм-м, — бурчит Кейси. — Сегодня много народа.

— Неудивительно, — отвечаю я, — оранжевый код.

Перед рубкой с нашей, спальной южной стороны пусто. Зато у северного лифта выстроилась постоянно прибывающая очередь — пилоты, инженеры, физики и биологи. Последние предпочитают ночью не спать, а вести архиважные исследования. Они — наш балласт, который делает вид, что занят в космосе изысканиями, хотя на самом деле регулярно устраивает заплывы на скорость за бортом в скафандрах и режется в виртуальные игры.

Капитан Рик, подтянутый мужчина сорока лет, машет нам рукой и поднимает правую бровь в задорном фирменном стиле. Это меня немного успокаивает. Значит, все будет в порядке? А тогда к чему такой аврал?

— Побыстрее! — торопит капитан.

Рядом с ним сидят Вячеслав и Кирилл — штурман и оператор. Ребята бессменно отвечают за полет и бесперебойную связь корабля. За ними ряд из шести кресел — для группы пилотов.

Мы с Кейси садимся на свои места во втором ряду. Обмолвиться словечком не получается — грозный взгляд капитана отбивает желание говорить. Кейси выдавливает вымученную улыбку, а я устраиваюсь поудобнее и жду с замиранием сердца. Оранжевый код на «Святогоре» включали лишь один раз, когда после очередной волны Леонидов сразу пятнадцать метеоров устремились в Сферу Человека. У нас тогда как раз кончались торпеды. К счастью, все обошлось. Кирилл, наш оператор, вовремя наладил связь с цепочкой маяков-передатчиков, и пять бесцеремонно улизнувших метеоров перехватили боевые крейсеры.

Угрюмый негр Филипп, японец Ким, немец Джон и итальянец Ролан только еще протискиваются с северного входа. Удивительно притихли обычно шумные молодые кадры науки — им, наверное, впервой видеть оранжевый код. Только сейчас догадались — из уютных застенок лабораторий откомандировали их в самое пекло, на окраину Вселенной.

На самом деле, конечно, никакая это не окраина, а всего лишь пограничная зона рядом с активным потоком метеоров. Тем более мы не боевой корабль, а патрульный, и наши противники — замороженные до абсолютного нуля каменные глыбы. Но гражданских не сложно удивить и этим. Мало ли, какие байки рассказывают про нас...

В третьем ряду — три инженера и три физика. Следующий ряд — три физика и три биолога. Последний — четыре биолога и два медика. Вроде все в сборе.

Достаю из подлокотника усик микрофона с наушником и закрепляю на волосах. То же делают и остальные.

— Поехали, — шепчу личный «горячий код». Кресло тут же мягко опрокидывается и перехватывает прозрачными ремнями. Теперь отсюда выбраться не удастся и очень крепкому атлету. Полимерные ткани гибкие, но по стойкости на разрыв лишь чуть уступают углеродным нанотрубкам, из которых делают тросы орбитальных лифтов. Регулируется растяжимость ремней с помощью электричества. Но это вовсе не означает, что, если что-то выйдет из строя, мы застрянем в креслах навсегда. Через несколько минут после отключения энергии волокна ослабнут и ремни соскользнут на пол.

Украдкой гляжу на табло над приборной панелью перед капитаном и понимаю, отчего так тихо. На табло сменился код. Ярко-красный круг. Символ экстренной опасности. Максимально возможный — следующий, красный квадрат. Он высвечивается, когда случается разгерметизация или пожар.

— Ребята, Леониды сегодня разбушевались. Вероятность попадания в Сферу Человека есть у пяти метеоров.

Мы молчим. Посмотреть сейчас выражение на лице Кейси нельзя. Наши головы крепко и надежно зафиксированы. Переговариваться — значит перебивать Рика. К тому же в эфире — ни звука. Полная солидарность.

— Ситуация в общем-то стандартна. Выпускаем два бота — Алекс и Кейси сегодня по расписанию, а Филипп и Ким пойдут внештатно. Все как обычно — расстреливаем атомными торпедами. — Когда Рик начинает отдавать команды не привычными лаконичными фразами, дело труба. — Четыре часа назад мы засекли космический корабль в пределах светового года, — без всякого перехода признается капитан. — Судя по остаточному излучению, он только что финишировал из гиперпространства. Связь установить пока не удается.

Рик замолчал. Тишина. Раздается негромкое бурчание двигателей и робкая, чуть ощутимая волна вибрации пробегает по всему кораблю. «Святогор» берет курс на проблемную зону метеорного потока Леониды. В кресла мягко, но твердо впечатывает перегрузкой.

— Я считаю, что это десантный корабль Алдарисов, — сказал Вячеслав. — Не удивлюсь, если через несколько часов появится еще штук пять—десять кораблей. Обычно крысы никогда не финишируют в одиночку боевыми.

— Может, обойдется? — жарко шепчет Ролан.

— Разумеется, — снисходительно цедит Ким.

Алдарисы — разумные грызуны. Крысы ростом в полтора метра. Прямоходящие, с купированными эволюцией хвостами. Очень опасная раса. Единственная, которая близко знакома человечеству. Единственная, с которой налажен какой-никакой торговый обмен. И еще — крысы никогда не финишируют боевыми *вхолостую*. У Алдарисов психология хищников.

— За нами — Заря с двухмиллионной колонией, — спокойно говорит Рик. — Четыре месяца назад на ней построили двухходовый стационарный телепортер. Канал на Землю открывается в центре Европы.

Обнаружить такой туннель можно хоть на другом конце Галактики. Как только открывается канал, вблизи планеты и звезды наблюдаются колебания струн. Эти возмущения сразу же фиксируются любым прибором.

Демонтировать телепортер не так-то просто. Это ведь самый настоящий прокол, а не отверстие в песочной горке. Если представить нашу Вселенную как скомканную тряпку, то дырочка, которая соединяет две стороны складки, будет гиперпространственным туннелем. Далеко так прыгнуть все равно не удастся — чудес не бывает, зато может повезти как на «острую» складку, так и на «пологую». В первом случае придется расходовать гораздо меньше ресурсов, зато и далеко уйти не получится.

Туннели можно пробивать лишь в строго определенных областях, да и ведут они всегда в одно место. Так что прыгнуть от Земли в любую точку Вселенной не выйдет при всем желании.

Корабли совершают прокол, тратя уйму энергии. А телепортер пробивает туннель и поддерживает его открытым энергетическими импульсами. Для поддержания входа, в отличие от первоначального пробивания, достаточно небольших затрат энергии, примерно раз в месяц. Так что, дела плохи, — прокол не закроется, хоть ты тресни. А значит...

— Связь с командованием станет возможной лишь через сутки, когда мы выйдем из экранирующих поясов метеоров. За это время боевой корабль Алдарисов приблизится к орбите Зари, первой колонии человечества.

Меня окатило ледяной волной.

— Корабль Алдарисов приближается к нам со стороны потока и доберется к Леонидам через сутки. Хотя никаких признаков агрессии он не проявляет — (да пока и не может! — вставил возмущенно Кейси) — мы должны сбить астероиды *до того*, как крысы подойдут на расстояние торпедного залпа.

Значит, так. Аладарисам лететь до Зари два дня. Нам — один с небольшим.

— Как только боты будут выпущены, мы начнем двигаться в сторону Зари, чтобы доложить орбитальной станции. Мало ли что... — Рик сделал паузу. Не знаю уж, случайно у него вырвалась последняя фраза или намеренно, чтобы встряхнуть нас.

— Через полчаса можно будет отстреливать боты. Ребята, готовьтесь, — сообщает штурман.

— Вопросы! — приказал Рик.

К концу тридцатой минуты мы стояли на стартовой площадке в легких пилотных скафандрах. Рик, в парадной форме с четко отглаженными воротничками, давал последние наставления.

Капитан держался уверенно, но был бледен. Из всего экипажа правду сейчас знали только мы — шесть пилотов, капитан, штурман и оператор.

Пока «Святогор» приближался к Леонидам, из гиперпространства вынырнули еще четыре крейсера Алдарисов, способные в одиночку расправиться с любой *нашей* орбитальной станцией. О кровожадности крыс в Галактике ходили легенды. Они уничтожали слабые и дерзали поколебать величественные расы. Но у любой агрессии должна быть причина. Иначе — уже безумие.

Самый ходовой товар на просторах Галактики — благоприятные для развития белковой жизни планеты. Не секрет, что лет двадцать назад Алдарисов крепко прижали могучие и, слава богу, практически недосягаемые гуманоиды Хризы. Крысы потеряли ряд ценных планет и теперь должны как-то расселять эвакуированные миллиарды. Драться Алдарисы за жизненное пространство будут беспощадно — их враг, Хризы, продолжает давить.

Пора. Я кивнул Рику, и мы с Кейси забрались в кабину небольшого бота. Расстреливать из-за экрана уютного кокпита метеоры не сложно. Один штурман и один стрелок. Устремляем две атомные торпеды в черное пространство. Убеждаемся, что цель поражена, и летим обратно.

— Удачи, парни. — В шлемофоне раздается голос Рика. — Мы ждем вас у Зари!

Капитан быстрым шагом выходит из ангара. Кресла чуть откидывают нас назад и прижимают ремнями. Под руки выезжает панель управления и джойстики. На экране кокпита начина-

ют пробегать зеленые строчки системной информации, а на щитке шлема появляются мои и Кейси медицинские данные. Между нашими креслами раздался голографический объем звездной карты.

— Все в норме, старт разрешаю! — сообщаю я в микрофон.

— Мы готовы! — слышу по рации голос Филиппа.

Кейси умудряется высвободить руку из-под ремней и по-мальчишески помахать коллегам. Ответный жест мы уже не видим. Бронированный металл обшивки накрывает кабину, делая истребитель похожим на гигантскую ртутную каплю.

— Ни пуха, — говорю всем я.

Резкий толчок, и мгновенно теряется вес. Плазменные катапульты, заполонив эфир электромагнитными помехами, выстрелили боты в бездну космоса.

Первый приказ — уничтожить пять метеоров, которые направляются в густонаселенную автоматикой и станциями космическую Сферу Человека. Рутина. Но если с ней не справиться — могут погибнуть сотни и тысячи людей, будет серьезно повреждена космическая инфраструктура. Такое случалось не раз, пока не появились патрули метеорных потоков.

Вторая задача — собрать как можно больше сведений о десанте Алдарисов.

Проверяю скорость и траекторию. Пока бот полностью полагается на заданное катапультой ускорение.

После старта проходит семь минут.

— Пора, — говорю я.

Но Кейси и так без напоминаний тянется к тумблеру и активирует двигатели, чтобы начать маневрирование.

Нам, похоже, не повезло. Человечество, зародившееся в относительно спокойном уголке Галактики, безмятежно развивалось, счастливо полагая, что оно единственно такое уникальное. Когда мы вышли в космос и заявили о себе, оказалось, что никто с распростертыми объятиями нас не ждет. Скорее, наоборот, будут рады, если мы сгинем или хотя бы отвяжемся, вместо того, чтобы приставать с торговыми, военными и прочими пактами. Обмен продукцией — еще куда ни шло. Но кому

выгодно поручаться за расу и тратить на нее время, если она владеет всего двумя планетами и совершенно не умеет воевать?

Установив четыре Контакта, человечество успокоилось. Пережило крушение тысячелетней мечты об эре космических полетов на край света и встреч с мудрыми инопланетянами. Мы не нашли ни одного бога и не встретили ни одного коварного врага. Сейчас все еще куда прозаичнее.

Крысы, зажатые в угол, не повернули носа и от двух жалких планет, находящихся на приличном отдалении от основного ареала. И теперь, похоже, через три-четыре дня, грядет бесславный конец Человека, эдакого безбашенного мечтателя, которому одним равнодушным движением докажут его никчемность.

До встречи с метеорами, которые нужно уничтожить, — еще два часа. Обычно, коротая время, мы с Кейси сражались в виртуальные игры. Но сегодня прикидываем траектории, вычисляем скорости движения и записываем, сколько и в какой последовательности кораблей Алдарисов десантировалось. Два последних, судя по габаритам и неуклюжим пропорциям, — определенно транспортники. Не удивлюсь, если крысы обнаглели настолько, что захватили с собой пару миллиардов жителей. А что, разумно. Если адский огонь пятки лижет, чего ждать-то?

Бот Филиппа и Кима взял на себя три астероида и отошел по широкой дуге влево. «Святогор» полностью пропал с радаров, и теперь с ним связь получится установить лишь у самой Зари. Позади, далеко-далеко, неделя пути — Земля. Впереди — граница Сферы Человека, отмеченная метеорными потоками. Справа и тоже чуть позади, в двадцати семи часах полета, — Заря, первая и единственная колония человечества. Население — всего ничего, два миллиона. Эвакуировать за сутки при всем желании не выйдет и больше десятка тысяч.

Мы и Алдарисы сближаемся. Они все на наших радарах, как на ладони... Как и мы — на их. Восемь крейсеров образовали подобие сферы. Единственно возможное построение в космосе при сегодняшнем развитии военной техники — корабли одинаково защищены товарищами от атак с любого направления. В космосе никогда наверняка не знаешь, откуда явится за тобой противник.

Два гигантских транспортника, вытянутых как баклажаны, — в середине. В таких кораблях умещаются миллионы. В крейсерах же наготове лишь около сотни отборных десантников.

Мне почти не страшно. Неприятно лишь, что придется просидеть в скафандре еще часов тридцать. Теоретически, конечно, находиться в боте можно и без какой-либо защиты. Полный скафандр, то есть шлем и костюм, требуется лишь при возвращении и старте. Но иногда наличие индивидуальной защиты обязательно — так катапультироваться можно в любую секунду.

— Тес, я поймал первый, — сообщил напарник.

Кейси безошибочно выделил из потока вразнобой летящих огромных камней два, самоуверенно нацеленных в Сферу Человека. На экране кокпита каменюги получили яркую фиолетовую окраску. Кейси выбрал один, и тот обзавелся табличкой с красными, постоянно обновляющимися циферками.

— Мне нужно две минуты, держи по вектору, — попросил друг.

— Хорошо. — Я кивнул в ответ.

На объемной звездной карте, проецируемой между мной и Кейси, из начала координат протянулась желтая стрелочка направляющего вектора. Я легонько тронул джойстики, и бот устремился к цели.

— Ровнее, — сосредоточенно сказал Кейси. Я переключил пару тумблеров скоростей и снова взялся за джойстики. Лицо взмокло, и я включил внутренний кондиционер. Никогда так не волновался при рейдах в Леониды.

В объеме карты нарисовалась увеличенная модель крейсера Алдарисов. Видны грозные раструбы твердотельных лазерных пушек, утопленные в корпус пусковые торпедные установки и защитные лазеры-иголки, усеявшие всю поверхность. Нас разделяет метеорный поток и восемь часов полета.

— Ровнее! — громче повторил Кейси. Наш кораблик на карте на пару градусов отклонился от желтого вектора.

Я выбросил все из головы и полностью погрузился в управление кораблем. Я — это блестящая капля, которой плевать, что вокруг нее снуют крысы или взрываются сверхновые.

Моя цель — это упоение полетом, радость от невероятной скорости, наслаждение хищника от погони за жертвой.

— Я готов, — сказал Кейси.

Фиолетовый камушек на экране окрасился в красный цвет и рядом с табличкой появилась фраза: готовность к поражению.

Щелкаю тумблером, фиксирую курс корабля и убираю руки от джойстиков. Напарник вжимает клавишу активации турели и на карте видно, как навстречу метеору летит искорка с мгновенно истаивающим хвостом.

— Меняем курс, второй на подхвате, — бодро сказал Кейси.

Пока торпеда еще мчится вперед, я уже перестраиваю бот на новый вектор.

Только бы крысы не увеличили скорость и не достигли метеорного потока раньше времени, которое мы рассчитали. Мы с Кейси и Филипп с Кимом успешно расстреляли метеоры и теперь отправляемся к Заре. «Святогор» нас не слышит и не видит, но он опередит нас на несколько часов и доложит орбитальной станции. Та — подаст сверхмощный импульс на земные станции.

Космофлот, который мы копили и наращивали назло всем скептикам и пацифистам, отдыхающим на Багамских островах, стал внушительной силой, даже по меркам Алдарисов. Я верю — *наши* должны успеть. Вопреки здравому смыслу, военные год за годом выбивали сумасшедшие суммы на строительство и разработку новейших крейсеров, отрабатывали в космосе нелепые маневры и подглядывали за вооружением вероятного противника — наиболее близких к нам рас.

Вроде бы все ясно — человечество лишь жалкая букашка на давно разлинованной звездной карте Галактики. Куда уж нам тягаться с многомиллиардными расами, вольготно чувствующими себя в объеме нескольких кубических парсеков. Ан нет, неугомонные человечишки что есть силы выкобениваются и грозят безразличной пустоте деревянными палками.

— Как думаешь, «Святогор» успеет? — спрашивает Кейси.

— Успеет, — без тени сомнения говорю я.

Вдруг эфир разрезает голос Филиппа. Мы возвращаемся, их бот идет позади нас и первым получает информацию с радаров.

— Корабли Алдарисов вплотную подошли к Леонидам! Они не собираются их обходить!

Подразумевалось, что крысы не попрут напролом сквозь бешеный, неведомо кем запущенный, каменный поток. Алдарисы должны были обойти Леониды либо над, либо под плоскостью относительно нас. Это заняло бы часов пять.

— Что они делают, Филипп? — спросил Кейси. Вопрос риторический. Ответ невероятен, но возможен лишь один.

— Они расстреливают поток и идут насквозь! Представляешь? Там уже вакуум, наверно, кипит! — доносится до нас горячий голос Филиппа.

— Я подсчитал, они сэкономят четыре с половиной часа, — вмешался спокойный японец. — Есть вероятность, что они потеряют один или два крейсера, но пройдут поток. Они нас заметили и стали действовать на опережение. Похоже, у них и мысли не было, что человечество выставит противометеорные патрули.

— «Святогор» не успеет, крысиные корабли быстрее, — подвел итог Кейси.

В космос не пускают никого ниже офицера, так что ребята подобрались ответственные и толковые. Среди всей четверки нашивки полковника лишь у меня.

Думаю секунды две. Весь мой боевой опыт — безжалостные выкладки на плацу, тренировочные полеты в ближнем космосе и год командировок на патрульном. В общем, десять лет службы, если считать те пять, что я провел в Международной Космофлотской Академии.

Еще мальчишкой я ждал инопланетного вторжения и представлял себя спасителем человечества с обложки фантастической книжки: дымящийся бластер в руке, красотка под мышкой и нога на трупе зеленого врага. Сейчас я готов выпороть того эгоистичного паренька.

— Принимаю на себя боевое командование по штатному расписанию, — четко сказал я и активировал сигнал экстренной тревоги. До этих слов оба бота были независимы друг от друга и подчинялись только «Святогору».

Красный круг поселился в правом верхнем углу экрана кокпита. Вдолбленные в каждого космонавта рефлексы не дадут лишний раз промедлить — символ экстренной опасности подогревает лучше любого адреналина.

— Бот «Беспощадный», принял! — тут же, словно этого и ждал, отозвался Ким. Все правильно. Хоть пилот и Филипп, старшие нашивки у японца.

— Разворот на 360 градусов и подготовиться к атаке.

— Принял! — отозвался Филипп.

Я тронул джойстики и наш с Кейси бот тоже начал разворот.

Крысы сейчас застряли в метеорном поле. Залп может замедлить движение Алдарисов. Весь наш торпедный запас — по сути, минута работы для защитных лазеров крейсеров. Тем более торпеды долетят до крыс, когда они практически пройдут Леониды. Но, кто знает, вдруг именно наши торпеды станут роковыми?

Я думал минуту. В голове крутилась глупая, но неизбежная мысль. А что, если у Алдарисов нет ни малейшего намерения вступать с человечеством в конфликт (по-честному — стирать с карты Галактики)?

Иногда, конечно, есть вещи, с которыми трудно поспорить, даже если очень хочется не верить.

Я решил. И пускай нас осудят потомки.

Пальцы сами откинули крышечку кнопки одновременного отстрела всех торпед.

Ребята ждут моей команды. Я глянул на напарника — Кейси уже навел на радаре торпедные траектории на группу объятых термовспышками кораблей Алдарисов. У парней колебаний нет ни капли. Но я старший по званию. Мне положено сомневаться.

Накатывает ледяная волна и лишает воли. Осторожно, как во сне, накрываю роковую кнопку крышечкой. *Будем верить.*

— Включаем полный форсаж и двигаемся в сторону Зари!

Форсированная скорость означает не только быстрый износ двигателя, но и перегрузку в два g, которую мы будет испытывать в течение восьми часов. Надеюсь, ничего непоправимого с нами не произойдет.

— Принял! — отрапортовал Филипп.

Через четыре минуты Кейси завершил расчеты и мягко утопил кнопку экстренного ускорения. На карте радужным пятном распух один из крейсеров крыс, не выдержав сражения с метеорным потоком и не дождавшись наших торпед.

Дистанция торпедного залпа, если кто не помнит — тридцать тысяч километров. Лазерный луч бьет еще ближе. Бой в космическом пространстве — в первую очередь мастерство пилота. Автоматике не составит труда расстрелять торпеды и точно навести орудия на корабли противника. Просто когда снарядов пара сотен и они летят со всех сторон, защитные системы уже не успевают.

Бой в космосе — шахматный поединок, предсказать исход которого не возьмется ни один компьютер. Корабли, едва подойдя на приемлемую дистанцию, начинают бомбардировать друг друга. Подставить под залп корабль нужно так, чтобы защитная автоматика могла сбить *все* торпеды. Когда тебе начинает казаться, что в траекториях одной-двух ты чуть не уверен, надо без колебаний пробивать гиперпространственный туннель. Направленный атомный взрыв без труда уничтожит или неотвратимо повредит даже самый совершенный корабль землян или Алдарисов.

Но прокалывать пространство можно, если бой ведется в открытом космосе. А если отступать некуда? А если позади — Земля? Что делать тогда?

Я знаю.

Знает каждый.

Надо яростно и без оглядки бросаться в бой. Надо драться, как в последний раз. Кидаться в вихрь бесшумных атомных взрывов и смертельных, режущих обшивку за секунды, лазерных лучей. Бросаться в атаку, не боясь смерти и ни на секунду не забывая — права проиграть нет.

Одна на всех.

Мы мчимся к Заре так, что двигатели между импульсами не успевают остыть и поднимают температуру в кабине. Уже 35 гра-

дусов, но скафандры пока не кондиционируют — экономим ресурс. Через три часа достигнем «Святогора», коснемся его лазерным лучом и отправим рапорт: «Боевая сфера Алдарисов прошла сквозь метеорный поток Леониды и движется к Заре». У «Святогора» после этого останется двенадцать минут до отправки сообщения на орбитальную станцию. Надеюсь, мы все правильно рассчитали.

А пока нужно следить за дыханием. Восемь часов при двух g, да еще в такой парилке, и почувствуешь себя как после тридцатикилометрового марафона.

Я закрыл глаза и стал мечтать, как возвращаюсь домой. Как меня встречает жена, как радостно повисает на шее, и как я клятвенно ей обещаю раз и навсегда завязать с военной карьерой. Я буду самым обычным инструктором по рукопашному бою в каком-нибудь учебном заведении для располневших или отощавших интеллектуалов. Я буду проводить вечера, гуляя с семьей по влажному песку и слушая шум волн. Я стану лежать на диване, пить кофе со сливками и читать захватывающие книжки про приключения в космосе.

А еще я буду очень-очень легким, невесомым, как воздушный шарик.

Я открыл отяжелевшие веки и окинул кабину ошалевшим от перегрузки взглядом. Кейси не спит, а продолжает считать траектории Алдарисов. Молодец, хоть кто-то занимается делом в последние часы существования человечества, а не строит сумасшедшие планы. Мне же делать нечего — полет стабилен и вмешиваться не имеет смысла.

— Гес, гляди. — Кейси медленно указал на карту. Пять крейсеров Алдарисов набирали скорость, оставляя транспортники беззащитными. Корабли крыс мчались к нам, боясь не успеть.

Значит, они потеряли еще один боевой. Но вряд ли это нам поможет. Какая разница — два или три тигра на одну проворную лань? Не стоит, правда, забывать, что лань умеет быстро бегать и очень хочет жить.

— Знаешь, Кейси, мне кажется, я придумал, как спасти человечество от тотального уничтожения.

— В самом деле, Гес? — шутливо спросил друг. — В этом случае ты очень обяжешь меня, моих родителей и бабушку с дедушкой.

Я улыбнулся и стало как-то проще. Кто бы мог подумать, что ответ за судьбу всей расы будет лежать на горстке людей на дальнем фронтире человечества? Людей не самых умных и правильных, не самых добрых и ответственных. Самых обычных.

— А у меня дома осталась жена, — сказал я Кейси. Он это знал и так, просто хочу выговориться. — Я очень хочу ее увидеть и обнять. Мы поженились всего три года назад. По прибытии на Землю разорву контракт и навсегда уйду из Космофлота.

Кейси ничего не сказал.

— Гес, выкладывай свой план. — В шлемофоне раздался ровный голос Кима.

— Я согласен с тобой, Гес, — сообщил через минуту Рик.

Мы стоим в рубке, у приборной доски. Весь остальной экипаж в сборе и давно закрепился в креслах.

На Заре дежурит полный гарнизон на случай внутренних беспорядков. Двести пятьдесят человек молодых десантников, чей опыт — года два тренировок. Каждый из нашего экипажа, даже хилые с виду биологи и инженеры, провел обязательные четыре сезона в тренировочных лагерях Сахары, Прибалтики и Сибири. Отбор в космические войска много жестче, чем в наземные. Как оказалось, не зря космонавтов обучают биться на планетах начитавшиеся приключенческой литературы генералы. Вот так — пришла беда, откуда не ждали. Готовы ли мы встретить ее во всеоружии? Не рано ли расслабилось человечество, лишь вчера разучившееся бояться саблезубых тигров и предусмотрительно оснастив дома обогревом от зимних холодов?

Я полковник. Значит, командовать обороной внизу, на Заре, буду я.

— Глупо, безумно, но у нас все равно ничего другого нет, — сказал Рик. Он выглядит как всегда, волосы уложены аккуратно, на лице — строгое выражение. — Алдарисы мчатся к нам, потеряв в метеорном потоке два крейсера. Они будут драться яростно.

— Да, — говорю я. — Командуй готовность к посадке.

— Связь установлена, — сообщил Вячеслав.

На экране появилось изображение, и капитан включил громкую связь.

— В чем дело, патрульный? Почему оставили пост? — С экрана большого дисплея строго вопрошает сам командующий орбитальной базы. Невысокий, одутловатый и с начинающейся залысиной мужчина. Когда воинская служба успела превратиться в мирную профессию?

— Вторжение Алдарисов! Как единственный боевой корабль в секторе, принимаю командование! — командным голосом четко сказал Рик. Молодчина! Вспомнил давно забытый и условный пункт Устава, в котором управление в нештатных ситуациях переходит не стационарным центрам, как в наземных войсках, а подвижным единицам. Помнится, спорный пункт был.

— Приказываю готовить сверхмощный импульс для рапорта в Командование Космофлота: «Нападение Алдарисов на Зарю с целью захвата телепортера и проникновения на Землю. Состав флота врага — пять крейсеров и два транспортника. Критическое время — семь часов».

Через восемь часов крысы прибудут на орбиту. Но при всем желании наш флот, законсервированный в центре Сферы Человека, никак не успеет раньше. Это понимают все. Нужно во что бы то ни стало задержать Алдарисов перед телепортером хотя бы на час.

Глаза командующего начали моргать. Смысл сказанного Риком дойдет не сразу. Пускай. Гораздо важнее, чтобы рапорт в Центр отправили как можно скорее.

— Через сутки человечество будет стерто с лица Галактики. Руки в ноги и выполнять! — заорал Рик. В любой другой ситуации я бы усмехнулся. Но не в этой. Сейчас было страшно от того, как себя ведет всегда хладнокровный капитан.

На орбитальной базе и не думали растеряться. На экране щелкнули пальцами, подозвали техников и, не прерывая связи, стали отдавать приказания.

— Рапорт будет послан через полчаса, — донеслось из динамиков через минуту.

— После полная эвакуация на поверхность Зари, — хрипло сказал Рик. Похоже, его наконец-то проняло. Не каждый день приходится кричать на тех, кто старше тебя вдвое по званию. — Экипажам всех объектов ближнего космоса приказать вернуться на планету!

— Выполняем! Мы только что получили на радарах корабли Алдарисов, — сообщил командующий. — Впереди пять крейсеров, идущих форсажем.

Скоро сверхмощный импульс орбитальной станции вырвется из раструба генератора, пронесется сквозь пространство и ударит в первое звено цепи маячков-передатчиков.

Верю ли, что есть любовь? Верю. Верю ли, что нужно защищать близких и ограждать от всех напастей? Верю. А верю ли, что через два-три дня человек перестанет существовать? Решаю твердо — нет. Но чтобы подтвердить веру, нужно действовать.

Отжимаю кнопку на крохотном передатчике, и купол нейтрализующего электронику поля охватывает площадь трех с половиной километров. Алдарисы высадятся в прибрежной зоне. Нас мало — их сотни. Но у нас козырь. Враг не подготовлен к ведению боев с использованием лазерных мечей.

Невозможное изобретение, граничащее с фантастикой. Его создали двадцать лет назад и активно стали применять в локальных конфликтах и в борьбе с терроризмом. Открытая информация, которую никто из других рас всерьез не принял. Зато можно гордиться: неугомонному человечеству удалось создать кое-что, способное удивить окружающий мир.

После того как подойдет флот, мы сможем отступить в телепортер.

Над Зарей зависли «Святогор» и орбитальная станция. У них есть кое-какое вооружение, и его вполне хватит, чтобы отвлечь минут на двадцать крейсеры Алдарисов. Но патрульный кораблик и орбитальная станция, у которой лучше всего получаются метеопрогнозы, никудышные противники настоящим боевым кораблям.

Тем не менее даже одна торпеда смертельна и заставит обратить на себя внимание. А в небе Зари — сто двадцать пять торпед в патронниках турелей.

Можно ли верить самому себе, когда стоишь на краю Вселенной? Можно ли поверить своему сердцу, бьющемуся в унисон с той, что рядом? Что нам стоит — протянуть руки и подставить их навстречу солнечному свету? Что нам стоит — замереть на краткий миг и оглянуться? Пропустить мир через всю душу и — поверить?

Не знаю, какое бы я принял решение, если Алдарисы намеревались просто уничтожить этот двухмиллионный поселок. Не знаю, да и... знать не хочу.

Мирные жители ничего не подозревают, полагая, что сейчас на берегу проходит очередная бесполезная тренировочная выкладка. Пробовать эвакуировать хоть несколько тысяч за оставшиеся полчаса — бессмысленно. К тому же Алдарисы плевали на поселок.

Сейчас мы стоим на песке перед океаном. Позади нас в двухстах метрах высится громадина телепортера — выбеленная арка в серое ничто. Рядом с ней — неприметные здания и трансформаторные будки.

Двигаться непривычно, будто сковывают рыцарские доспехи — сила тяжести на Заре в 1,2 раза больше земной. Впрочем, после 2 g можно притерпеться. Я смотрю в небо. Оно такое же обманчиво спокойное, как и на Земле — белые облака и бьющая в глаза синева.

В наших руках лазерные мечи. Нас двести пятьдесят шесть человек. Весь экипаж «Святогора», кроме Рика, Вячеслава и Кирилла, гарнизон из молодых мальчишек, которых оказалось всего двести тридцать да плюс двое с орбитальной станции. Вот и все, что удалось наскрести беспечному человечеству для защиты своей границы. Мы разучились ждать врага, мы допустили слабину, и за это сейчас платим...

Когда бежишь на свет. Когда начинаешь верить в чудо. Когда наконец-то у тебя есть за что идти. За что бороться и за что сражаться...

Я думаю, у нас всегда есть за что идти вперед. Просто порой мы это забываем, и тогда нахалка-судьба с ядовитой ухмылкой решает нам напомнить...

В этой жизни не бывает ровных дорог. В этой жизни не осталось ничего, чтобы мы не смогли понять. У нас остались мы сами. Неразгаданные знаки на мокром асфальте. Радужные блики на каплях слепого дождя.

Нам не будет покоя. Где-то там, за далеким поворотом у самого горизонта, нас ждет новая страница. Яркая и горячая. Обжигающе холодная и безумно красивая. Такая, какую мы выберем для себя. Сами.

Главное — это успеть поверить.

Главное — это успеть протянуть руку.

Главное — это вовремя открыть глаза.

Я смотрю на спокойное, уверенное море. Оборачиваюсь и встречаю взгляды тех, кто стоит за моей спиной. И ясно понимаю, что мы примем этот бой. Безудержный и страшный.

Нам нельзя отступать.

Я смотрю на яркое солнце, на зеленые, как дома, поля, и становится немножко грустно.

Но иначе никак. Мы привыкли идти только одним путем.

Мы привыкли верить только в красивые сказки.

Мы привыкли верить самим себе.

Несмотря ни на что, мы еще не разучились любить. Это наша беда. Это наше спасение.

Ну что же. Пусть так.

Мы готовы?

— Вперед? — шепотом, одними губами, спрашиваю я.

— Вперед!!! — ревут люди.

Нас возмутительно мало.

Лишь горстка на краю вселенной.

Капля света в бездонном океане.

Но ведь у нас есть шанс? У нас может получиться.

Перехватываю удобнее меч и поднимаю руку вверх.

Сейчас.

Еще чуть-чуть.

Небо меняется, и его цвет из безмятежно синего становится багровым.

Десантные капсулы прорезают облака, оставляя турбулентные разводы.

Еще немножко.

С шипением падают в океан каплевидные серые шлюпки.

Десант Алдарисов. Раса, в которую мы не сумели поверить. Раса, которую мы не научились бояться. Враг, который пришел сам.

Где-то там, далеко-далеко, сейчас прилежно учатся в школах дети, сидят в офисах в аккуратных костюмах серьезные мужчины. У них свой мир. Они в него верят.

Вот только на границе сейчас стоим мы.

Нам ведь тоже хочется покоя и свободы. Самую капельку. И дома меня ждет жена.

Алдарисов много. Они не забыли, как проходили восемь часов назад безумный поток Леониды. Они не забыли, как бросили беззащитными два транспортника. Им нельзя проиграть. У них бесценный опыт, набранный в тысячелетних схватках, и врожденная кипящая ярость.

Но отнимать всегда проще, чем создавать, и поэтому — мы в своем праве. Мы — на своей земле.

С нами наша неистовая вера в горячее светлое завтра, наша безудержная любовь и наша воля. Мы обязательно здесь простоим. Те часы, пока будет идти сигнал о вражеском вторжении со сбитых маяков в Центр. Пока будут мчаться самые мощные боевые крейсеры. Пока к телепортеру на Земле подойдут войска.

Я знаю. У нас должно получиться. Вопреки всему.

Алдарисы задержатся на этом песке на два часа. И Флот успеет. И Командор отдаст приказ. Я верю.

Я смотрю на темно-зеленый скафандр, на крысиную морду полутораметрового чужака, неуклюже выбирающегося из воды, и выбрасываю вперед руку. Мой меч зажигается серебристым пламенем и выжигает след ядовитого озона.

— Замереть! — кричу я. — Дождемся, пока подойдут! Держать ряды!

Огромная крыса недоуменно смотрит на отказавшийся работать в нейтрализующем поле бластер. Противник отбрасывает ненужное оружие, делает неуловимое движение. Из лап выносятся длинные металлические когти. Алдарисы сбиваются в кучу напротив нас. С минуту пожирают безумным взглядом, а затем бросаются вперед.

Мы не можем стоять на месте. С каким-то совершенно безумным воплем я бегу вперед. На врага. Так делали наши предки, защищая свои дома. Так же поступаем и мы. И, надеюсь, мы сумеем оставить хоть что-то для потомков.

Василий В. Головачев

ПОДЗЕМНАЯ ПТИЦА

Фантастический рассказ

Памяти ПВ-313

1

Северцев возвращался из экспедиции буквально окрыленным: сбылись все его самые смелые предположения, и он действительно убедился в истинности смелой гипотезы академика Воробьева, что вся Земля пронизана искусственными тоннелями, проделанными в толще земных пород на разных глубинах в эоцене, то есть десятки миллионов лет назад!

О тоннелях Северцев узнал еще в юности, прочитав в газете сообщение о загадочном событии в Подмосковье, в окрестностях Солнечногорска.

Водитель Верешенской сельской администрации Владимир Сайченко обнаружил в озере Бездонном спасательный жилет Военно-морских сил США с идентификационной надписью, согласно которой он принадлежал матросу Сэму Беловски с эсминца «Колуэлл», взорванного террористами двенадцатого октября двухтысячного года в Аденском порту. Тогда погибли четыре матроса, а десять пропали без вести, в том числе и Сэм Беловски.

Каким образом спасательный жилет матроса из Индийского океана попал на территорию России, в Подмосковье, пре-

© В. Головачев, 2007

одолев за три года четыре тысячи километров, объяснить так никто и не смог. Зато ученые выдвинули свою версию, поддержанную авторитетами, в том числе академиком Воробьевым, но она была настолько необычная, что показалась широкой общественности невероятной. Однако ученые не отказались от идеи, собрали факты и сделали несколько экспедиций, прежде чем идея из гипотезы превратилась в научную парадигму.

Северцев, известный путешественник и экстремал, присоединился к группе спелестологов — исследователей искусственных подземных пещер и ходов, в отличие от спелеологов, изучающих естественные пещеры, — уже после того, как были открыты тоннели в Крыму — Мраморная пещера в горах Чатырдага оказалась частью такого тоннеля, — на Кавказе и под легендарной Медведицкой грядой в Поволжье, детально обследованной экспедицией «Космопоиска» под управлением Вадима Черноброва.

После этого Северцев побывал на Новой Земле, на Алтае, на Урале, в Северной Сибири, на Дальнем Востоке и везде находил подтверждения тому, что существует гигантская система тоннелей, соединяющих материки.

В настоящий момент он возвращался из двухмесячной экспедиции, изучавшей горный массив Татры Бескиды на границе Словении и Польши, где был обнаружен вход в тоннель. Сомнений в том, что этот тоннель — искусственного происхождения, ни у кого не возникло. Часть хода сохранила первозданную трапециевидную форму, а стены его были такими гладкими и блестящими, будто их покрыли слоем стекла. Размеры же обнаруженной части тоннеля были таковы, что в нем свободно мог разместиться железнодорожный состав.

Такие же тоннели, соединенные колодцами и шахтами, были обнаружены и в Эквадоре, в провинции Морона-Сантьяго. Северцев там не был, но читал отчет аргентинского исследователя Хуана Морица, в котором описывалась система подземных коридоров и вентиляционных шахт общей протяженностью в сотни километров. На глубине более двухсот метров шахты входили в такие же гладкие, словно покрытые глазурью, тоннели, возраст которых «зашкаливал» за десятки миллионов лет.

Были открыты подобыне выработки и в Чили — в сорока километрах от города Чичуана. Здесь побывал приятель Северцева Дима Храбров, который привез из экспедиции впечатляющий фильм о спуске под землю в районе старых шахт по добыче медной руды. Храбров смог спуститься на глубину около ста пятидесяти метров и снять вход в тоннель, опускавшийся под углом в тридцать градусов в необозримые глубины земли.

Сам же Северцев исколесил практически всю территорию России и стран СНГ в поисках тоннелей и мог теперь с ответственностью заявить, что система эта существует с незапамятных времен. Не было лишь практического обоснования ее создания. Северцев не раз беседовал с разработчиками гипотезы, но и доныне ученые только разводили руками, не зная, для чего кому-то понадобилось пробивать в толще горных пород такие ровные и длинные штреки.

Конечно, кое-какие идеи у спелестологв были. Но Северцев считал их некорректными. К примеру, спелестолог Павел Мирошниченко утверждал, что тоннели созданы древней цивилизацией Земли, существовавшей в начале плейстоцена, в качестве транспортных артерий. Другие ученые говорили о пришельцах, спустившихся с небес и живших под землей вследствие необходимости защиты от солнечного излучения, а также о «цивилизации минералов», которая и оставила после себя следы — тоннели, являвшиеся результатом ее деятельности.

Сам Северцев склонялся к мысли, что тоннели создала предшествующая гиперборейской цивилизация, исчезнувшая как раз около тридцати миллионов лет назад. Тоннели были нужны создателям в качестве бомбоубежищ во время войн с другими цивилизациями Земли. Но уверенным в истинности идей Северцев не был и озвучивать их не торопился. Несмотря на множество свидетельств существования тоннелей, материала для выводов не хватало. Зато хватало стимулов, чтобы и дальше заниматься поисками подземных «червоточин». После встреч с геологами Северцев начал всерьез подумывать о новой экспедиции на Урал, в район Нижнего Тагила, где, по расчетам, должны были сходиться четыре линии тоннелей, ведущих на Даль-

ний Восток, на запад, на юг и на Крайний Север России, к Северному Ледовитому океану.

Из Татр он доехал до Санкт-Петербурга на машине экспедиции, а оттуда сел на «Голубую стрелу», способную доставлять пассажиров в столицу всего за три с половиной часа. И надо же было такому случиться, что в спальном вагоне он нос к носу столкнулся с Вадиком Сурковым, давним школьным приятелем, с которым он когда-то сидел за одной партой и которого не видел уже лет двенадцать.

Вадим его не узнал. И лишь когда Северцев напомнил ему кличку — Сурок, приятель наконец созрел.

— Олег?! Оглобля?!

— Он, — кивнул, улыбаясь, Северцев.

Сурков облапил его, притиснул к широкой груди.

— Осторожней, мужчина, — выдохнул Северцев. — Неправильную мы тебе кликуху дали — Сурок, Медведем надо было звать.

— Так я раньше худенький был, — виновато отозвался Сурков, бородатый, широкий, выпуклый со всех сторон.

— Зато ел больше всех, вот и результат.

Их потеснили входящие пассажиры, и приятели вынуждены были разойтись по своим купе. Потом поменялись местами так, чтобы ехать вместе, и принялись вспоминать былые годы, выставив на столик бутылку водки — Сурков и закуску — Северцев. Олег алкоголь не употреблял, но сделал глоток за встречу, а вот Вадим пил с удовольствием, почти не хмелея, лишь глаза заблестели да щеки покраснели.

— Я геолог, — пожал он круглыми мощными плечами, — часто по экспедициям мотаюсь, а там без спорта нельзя.

Разговорились о нынешнем житье-бытье.

Северцев рассказал о своих похождениях, признался, что археолог из него получился «нестандартный», так как он не любил месяцами сидеть на одном месте и раскапывать древние городища и могилы, зато повидал немало интересного.

— Ну а сейчас ты чем занимаешься? — поинтересовался Вадим, успевший поведать свою историю: учился, женился, родил двух детей — мальчика и девочку, помотался по России-матушке.

Северцев оживился.

— Ты слышал что-нибудь о системе тоннелей, обнаруженных под землей?

— Доносились слухи, — кивнул Сурков, стягивая рубашку; в купе было не жарко, но после выпитого Вадим вспотел. — Но я этим особенно не увлекался.

— Так вот, система существует! Видел бы ты Мраморную пещеру в Крыму! Я там был трижды, нашел продолжение тамошнего тоннеля. А сейчас возвращаюсь из экспедиции из Татр, где также исследовал систему искусственных ходов.

Вадим с любопытством посмотрел на лицо Северцева.

— Серьезно? Ты видел эти ходы?

— Не то слово — видел, я их заснял на видео. Жаль, что многие тоннели затоплены. Не хочется распаковывать сумки, но кое-что я тебе все же покажу.

Олег достал цифровой фотоаппарат, включил, нашел один из последних снимков Бескидского тоннеля, вывел на экранчик.

Вадим посмотрел, хмыкнул.

— Действительно, похоже на метро... А рельсов вы там, случайно, не нашли?

— Шути, шути, — не обиделся Северцев. — А между прочим, эти тоннели тянутся под всеми материками, образуя целую сеть! И строили их десятки миллионов лет назад!

— Кто?

— Не знаю. Может быть, перволюди, великаны, если вспомнить легенды, уж очень большие это коридоры. А может, другие разумные существа, что жили на Земле до людей. Или пришельцы.

Вадим махнул рюмку водки, захрустел маринованным огурчиком.

— Ну и зачем это им понадобилось?

Северцев сконфузился, развел руками.

— Загадка! Гипотез много, толку мало. Наш руководитель экспедиции профессор Васильев предложил гипотезу, что тоннели строили для жилья. Но мне кажется, что причина другая. Приеду домой, отдохну, пороюсь в архивах и снова махну в экспедицию.

— Куда?

— По всем нашим расчетам под Уралом на глубине в полкилометра должен находиться перекресток тоннелей, там сходятся три, а то четыре и пять подземных дорог. Попробуем добраться до него. Вдруг обнаружим там город?

— Шамбалу, блин! — фыркнул Вадим, как-то странно глянув на собеседника.

— Почему бы и нет? — пожал тот плечами. — Не Шамбала, конечно, но один из центров древних цивилизаций. Может быть, там и гиперборейцы жили после гибели Арктиды.

— А где точно располагается этот ваш «перекресток»? Есть расчеты?

— Могу нарисовать. Карта сети имеется, но она тоже в сумке.

— Нарисуй.

— Это западнее Черноисточинска, есть такой городишко недалеко от Нижнего Тагила.

Сурков, встопорщив редкие брови, перестал хрустеть огурцом.

Олег понял его по-своему.

— Там был Вадим Чернобров со своим «Космопоиском», а он очень точен в своих построениях.

— Нет, я верю, просто странно...

— Что?

— Ничего. Рисуй.

Северцев достал листок бумаги и принялся рисовать, сопровождая свои рисунки пояснениями. Сурков внимательно слушал, вдруг из скептически настроенного обывателя превратившись в журналиста, берущего интервью. Во всяком случае, так мимолетно подумал Северцев, отвечая на вопросы Вадима.

— Ну, если это правда... — сказал Сурков, заканчивая «интервью».

— Конечно, правда, — рассмеялся Северцев. — Впрочем, я тебя понимаю. Поверить в такое трудно, а тем более — объяснить, зачем нашим допредкам понадобилось протягивать тоннели под всеми материками.

— Сам-то что думаешь?

— Понимаешь. — Северцев взъерошил волосы на затылке. — Фантазии не хватает! Все попытки объяснения причин стандартны, ни одна меня не устраивает. Чтобы создать такую разветвленную масштабную систему ходов, нужна великая цель. Какая? Транспортные артерии? Не верю! Способ выживания? Может быть, но тоже не верю. Предки прятались в тоннелях во время войн с пришельцами? Бред! Тоннели строили сами пришельцы? Допустим. Но для чего? Чтобы там жить? Не понимаю.

— Ясно, — кивнул Сурков, продолжая разглядывать рисунок. — Интересная штука. А что, если я предложу тебе одну идею?

— Валяй.

— Я не просто геолог...

— Поздравляю. Начальник партии, что ли?

Вадим отмахнулся.

— Я не о том. Слышал что-нибудь о Нижнетагильском НПО?

— Я к нему никаким боком...

— На заводе обкатан первый в мире подземоход.

Северцев присвистнул.

— Ты серьезно?!

— Я был на испытаниях. Мало того, я включен в состав экипажа второго испытательного похода.

— В качестве кого?

— Специалиста по геоморфологии. Я же по образованию геоморфолог. Так вот, к чему это я все говорю? Не хочешь вместе с нами прогуляться по глубинам земли?

— Чего? — удивился Северцев. — Ты-то сам понял, что сказал? Я ведь по образованию археолог, а не геолог. Да и кто меня возьмет? С какого бодуна? В качестве кого?

— Нам нужен СШП — специалист широкого профиля, — не обиделся на «с какого бодуна» Вадим. — Экипаж подземохода состоит из пяти человек, четверо есть, в том числе и я, пятый заболел. Я могу поговорить с начальником экспедиции Скорюпиным, и тебя возьмут.

— С ума сойти! — покачал головой Северцев, сраженный предложением. — Естественно, я «за»! Но что я буду делать?

— Поработаешь фотокорреспондентом, поваром и медбратом. А главное, побудешь проводником, покажешь путь к тому месту, где сходятся твои тоннели. Думаю, начальство заинтересуется твоим рассказом.

— И вы готовы направить туда подземоход? — недоверчиво спросил Северцев.

— Почему бы и нет? — пожал плечами Сурков. — Нам все равно, в каком направлении буравить землю. Конечно, в первую очередь мы выполним научную задачу по изучению мантийных плюмов под Уралом, однако один из них как раз и лежит под Черноисточинском. Я как услышал о нем — аж в груди екнуло! Бывают же совпадения!

— Да уж! — согласился Северцев. — Не зря-таки я тебя встретил. — Он подозрительно посмотрел на приятеля. — А ты не заливаешь — про подземоходы-то? Что-то я не слышал об их разработке.

— Я сам отреагировал примерно так же, когда узнал, — расплылся в улыбке Вадим. — Оказалось — правда! Но... ш-ш-ш! — прижал он палец к губам. — Это секретная техника! Тебе придется подписать кучу бумаг о неразглашении гостайны. Да и вообще скорее всего тебя проверят в спецотделе, не шпион ли.

— Не шпион, — отмахнулся Северцев. — И родственников за границей нету. Все бумаги в порядке. А что такое «мантийный плюм»?

— Плюм — это от английского «plume» — перо. Физически же плюм выглядит как колонна разогретого газо-жидкостного флюида, похожая на пучок перьев, которая поднимается из глубин Земли и выносит на поверхность через вулканические жерла и трещины массы расплавленных пород. Корни плюмов находятся в нижней мантии, глубже, чем слой конвекции, и туда нам пока не добраться, а вот на глубину двух-трех километров наш подземоход опуститься сможет.

— Но ведь на Урале нет действующих вулканов.

— А верхушка плюма — фазовая аномалия — есть, причем близко к сублатеральной границе коры. Урал — это вообще выдавленные десятки миллионов лет назад через разлом коры лавовые массы, с запрятанными в глубине горячими очагами. Уче-

ные до сих пор гадают, что произошло, по какой причине разломилась мощнейшая тектоническая плита.

— Война, — сказал Северцев.

— Что?

— Возможно, земля потрескалась в результате войны древних цивилизаций. Вот и возраст тоннелей тоже насчитывает тридцать с лишним миллионов лет. Вдруг правы спелестологи, и тоннели — самые настоящие бомбоубежища?

— Этот вопрос не ко мне, — фыркнул Вадим. — Я человек практический, фантазировать не умею. Ну как, согласен?

— Абсолютно! — Северцев протянул ладонь, и Сурков ударил по ней своей ладонью.

2

Как оказалось, слова школьного приятеля не расходились с делом. Он в тот же день переговорил со своим начальством, предложил кандидатуру Северцева, и уже на следующее утро, второго августа, Олег имел беседу в Управлении геологоразведки, располагавшемся на улице Михеева, отдельно от Министерства природных ресурсов, с одним из руководителей проекта «Крот». Звали руководителя Борис Захарович Фрадкин, был он молод и энергичен и долго Северцева расспросами не мучил. Они сошлись в главном — в стремлении к постижению тайн и остались довольными друг другом.

В обед Северцев поговорил еще с одним специалистом, теперь уже из другой прикладной области, оберегающей государственные секреты, был проверен на наличие родственников за границей (таковых не нашлось), подписал соответствующую бумагу о неразглашении государственной тайны и к вечеру освободился, слегка обалдевший от стремительного развития событий.

Вечером он встретился с Вадимом в ресторане, а на следующий день улетел в Нижний Тагил.

В то, что он и в самом деле взят в экипаж подземохода, Северцев поверил, лишь добравшись на вертолете до полигона Нижнетагильского научно-производственного объединения и увидев этот самый подземоход.

3

Больше всего этот аппарат высотой с десятиэтажный дом походил на ракету со срезанным носом и без стабилизаторов. По его корпусу вился спиралью желобок, а материал корпуса — цвета кофе, отливающий вишневым накалом, напоминал керамику, а вовсе не металл, и выглядел маслянисто гладким. Северцев даже погладил его пальцем, обходя подземную машину кругом, и убедился, что он и в самом деле гладкий как жидкое стекло.

— Корпус покрыт особым веществом, помогающим создавать слой плазмы, — пояснил главный инженер полигона, наблюдавший за Северцевым. — Этот слой играет роль своеобразной смазки. Кроме того, корпус будет защищен магнитным полем, возбуждающим в слое плазмы такие отталкивающие силы, что подземоходу не страшны даже внутриядерные давления. Я имею в виду ядро Земли. Вообще при создании этой машины были использованы все новейшие технологии, так что перед вами самая настоящая техника завтрашнего дня.

— Ни одно государство в мире не имеет такого аппарата, — добавил Вадим, с гордостью поглядывая на приятеля, будто это он был создателем подземохода.

— А почему вершина тупая?

— Это не вершина, — улыбнулся инженер. — Это корма. Там стоит реактивный двигатель с тягой в две с половиной тысячи тонн, как на космических кораблях. Он будет толкать машину под землей.

— Я не вижу буровых резцов...

— Их нет. Точнее, есть нечто вроде шнека для отвода породы при низких давлениях, а сам бур — энерговакуумный, он распыляет породу струей направленного ядерного распада по методу Леонова.

— Кто это?

— Изобретатель теории упругой квантованной среды. Сам он уже совсем старик и в экспедиции не ходит, а вместо него в экипаж зачислен его ученик Белый. Ну, все, я побежал готовиться к запуску, а ты проведи товарища внутрь, пусть осмотрится.

Инженер исчез за дверью ангара, в котором стоял подземоход, имеющий номер ПВ-314.

Сурков хлопнул Олега по плечу.

— Пойдем покажу интерьеры.

— Как вы его называете? Или у него нет имени, только номер?

— Почему, командир предложил называть его «Грызуном», мы согласились.

— Не слишком красивое имя.

— Какое есть.

У подножия подземной «ракеты» открылся щелевидный люк. На бетонный пол ангара брызнула струя света.

Сурков первым полез в люк, призывно махнув рукой. С чувством странного стыдливого стеснения — будто его обманывали — Северцев последовал за товарищем.

Диаметр подземохода в самой толстой части сигары достигал пяти с половиной метров. Там же располагались одна под другой — по оси машины — кают-компания и жилой отсек, оборудованный специальными койками, которые крепились к стенкам, потолку и полу отсека множеством пружинных растяжек.

Весь подземоход пронизывала шахта подъемника, имеющая выходы в отсеки управления, агрегатный, жилой, исследовательский — с аппаратурой, позволявшей дистанционно изучать горные породы, и десантный, через который можно было во время остановок выйти наружу для изучения попадавшихся по пути пещер и полостей.

Северцев потрогал рукой скафандры в боксе, предназначенные для выхода, похожие на космические, полюбовался дверью вакуум-ядерного бура в носу «Грызуна», — доступ в отсек бура был категорически запрещен, — и сомнения его потихоньку уступили место чувству восхищения. Подземоход существовал реально, он жил, дышал, следил за гостями и ждал команды начать движение. Мечта фантастов прошлого была воплощена в металле.

Вернулись в довольно тесную рубку управления, где располагался футуристического вида пульт, двухметровое вогнутое зеркало локатора овальной формы, напоминающее стеклянный

колодец, уходящий в бесконечность, и три кресла со сложной системой амортизации.

— Здесь будут сидеть командир, пилот и оператор систем безопасности, — сказал Сурков.

— А мы где? — поинтересовался Северцев.

— Мы будем жить в исследовательском отсеке, рядом с камерой десанта.

— Там же тесно как... в душевой!

Вадим хмыкнул.

— А ты привык к роскошным апартаментам?

— Да нет, это я к слову... кстати, полигон и ангар не охраняется? Я что-то охраны не заметил.

— Еще как охраняется! — ухмыльнулся Вадим. — Везде камеры слежения понатыканы, датчики, системы опознавания. А что к нам никто не подходит и документы не проверяет, так это потому, что наши физиономии введены в компьютер опознавания, и охрана нас не трогает. Мы допущены к объекту. Вопросы по существу есть?

Северцев почесал затылок.

— Нет... хотя до сих пор не верится, что это все не сон.

— Стартуем — поверится, — рассмеялся геолог.

4

Старт «Грызуна» снимали телекамеры в ангаре и передавали экипажу, так что Северцеву удалось не только почувствовать его внутри подземохода, но и увидеть со стороны. Правда, ничего особо впечатляющего он не увидел. Все же подземоход стартовал не вверх, а вниз, и его ракетный двигатель включился лишь в тот момент, когда он погрузился в пол ангара и опустился под землю на глубину в полсотни метров.

Вакуумный бур работал практически бесшумно, поэтому внутри подземохода тоже было тихо. Те же, кто наблюдал за стартом издали, могли слышать лишь свистящий шорох и редкие скрипы, постепенно стихающие по мере удаления огромной машины. Вскоре передача с поверхности земли прекратилась, экраны в отсеках переключились на передачу изображения от локатора и боковых телекамер — через компьютер, синте-

зирующий видеокартинку таким образом, чтобы экипажу были видны все трещинки и пустоты в породах, а также сами породы, да еще в объеме, и Северцев, затаив дыхание, сосредоточился на экране локатора и на своей аппаратуре, в которую входили фото-и кинокамеры, датчики подземных звуков, излучений и температур. Вопреки ожиданию, температура по мере погружения «Грызуна» в недра Земли росла медленно, и на глубине ста метров она составляла всего двадцать шесть градусов по Цельсию.

— Интересно, мы туда же вернемся, откуда стартовали? — вспомнил он вопрос, который хотел задать еще во время знакомства с подземоходом.

— Нет, развалим к черту ангар, — ответил Вадим, занятый работой со своим научным хозяйством; в отсеке их было всего двое. — «Грызун» возвращается на полигон, поближе к ангару, а потом его доставляют на базу на специальной платформе.

— Здорово! — сказал Северцев, не вдумываясь в ответ геолога. Эмоции перехлестывали через край, нервная система «дымилась», о таком путешествии он и не мечтал, и в голове мысли не задерживались.

На протяжении часа картина в зеркале локатора и в боковым экранчиках не менялась.

Подземоход опускался строго по вертикали сквозь верхние слои почвы, наносные породы, слои песка и глины, и экраны показывали проплывающие мимо темно-коричневые трещиноватые стены с рисунком пересекающихся прослоек, более темных или более светлых. Потом пошли твердые породы, граниты и гнейсы, и рисунок изменился, запестрел вкраплениями разного цвета, складывающимися в удивительные «мозаичные панно» и «пейзажи».

Изредка подземная «ракета» вздрагивала, как бы проваливалась и тут же замирала на месте, преодолевая более рыхлые породы, и вестибулярный аппарат Северцева начинал бастовать. Но вертикальная вибрация длилась недолго, и он тут же забыл о своих ощущениях, продолжая вглядываться в экраны отсека.

На глубине около двухсот метров подземоход отклонился от вертикали на тридцать градусов и остановился. Кресла в от-

секе автоматически подстроились под это отклонение, и следить за экранами стало неудобно.

— Надень шлем, — посоветовал Сурков, натягивая на голове специальное устройство для прямого наблюдения: сигналы с телекамер подавались прямо на окуляры шлема, и операторы могли работать с аппаратурой, не приспосабливаясь к положению кресел.

Северцев взялся за шлем. Лицевая пластина шлема была непрозрачной, потом налилась светом и протаяла в глубину. Впечатление было такое, будто он вылез из отсека и находится впереди подземохода без защиты. Потом на внутренней стороне лицевой пластины показались стенки отсека, видимые как сквозь толстое стекло, визирные метки, и Северцев начал видеть одновременно внутренности отсека и изображение с видеокамер и локатора. Пришлось потратить какое-то время, чтобы привыкнуть к новому положению.

Подземоход продолжал стоять на месте, и Олег спросил:

— Почему стоим?

— Рекогносцировка, — ответил Сурков. — Надо определить дальнейший маршрут и доложить наверх о нашем положении.

Картинка на экране локатора изменилась еще раз.

Локатор в данный момент смотрел вперед, точно по ходу движения, заглядывая на глубину до пяти километров, компьютер обработал полученный отраженный сигнал, и теперь экран казался иллюминатором подводной лодки, опускающейся в глубины океана.

— Успеем попить чайку, — добавил Вадим, — а то в горле пересохло.

Северцев с удивлением обнаружил, что с момента старта прошло два с лишним часа.

— Мы за это время прошли всего полкилометра? — с разочарованием спросил он. — С какой же скоростью ползет наш драндулет? Двести метров в час? Так мы далеко не уедем.

— Не забывай, что это всего лишь третий испытательный поход. Команда наверху пробует все режимы и следит за работой всех систем. Мы с тобой — только научный балласт.

— А не сбросят нас как настоящий балласт, — фыркнул Северцев, — с борта подводной лодки?

— Не сбросят, — улыбнулся Сурков. — Тут захочешь — ничего за борт не выбросишь. Кстати, все отходы жизнедеятельности проходят напрямик в камеру распада, так что мы никоим образом не засоряем экологическую среду. Что касается скорости, то «Грызун» способен мчаться как рысак — со скоростью до сорока километров в час! Проверено.

— Круто! В таком случае мы дойдем и до ядра.

— До ядра не дойдем, у нас другие задачи. Но в маршрут заложены и координаты Черноисточинска. Посмотрим, существуют ли в действительности твои тоннели.

— Не мои.

— Какая разница? Доставай термос.

Они разлили чай по пластмассовым стаканчикам, съели по бутерброду, запили горячим напитком.

— Как настроение, пассажиры? — заговорил интерком отсека.

— Бодрое! — ответил Вадим командиру.

— Поехали.

Подземоход пришел в движение.

5

Двенадцать часов бодрствования у экрана пролетели незаметно.

Северцев сделал около двух сотен фотоснимков спецаппаратурой отсека и почти заполнил флэшку фотоаппарата, выбирая довольно часто выплывающие на экране изумительно красивые «каменные пейзажи».

За это время подземоход останавливался еще несколько раз, а однажды экипажу даже удалось выйти в подземный грот, через который проходил маршрут. Грот располагался на глубине километра и представлял собой газовый пузырь в магматической породе, венчавшей тот самый «мантийный плюм», о котором говорил геолог.

Ничего интересного, кроме кристаллов пирита, в пещере отыскать не удалось, на тоннель она не походила, и Северцев

остался слегка разочарованным, ожидая появления «объектов с явно выраженными признаками искусственного происхождения». Но тоннелями пока «не пахло», локатор не видел ничего похожего на прямые выработки или шахты.

Легли спать.

Вадим уснул мгновенно.

Северцев долго ворочался, привыкая к новому положению, прислушивался к тихим шелестам, доносившимся в отсек из-за обшивки, пытался представить толщу горных пород над головой, но не смог. Не хватило воображения. В конце концов уснул и он, а проснулся от толчка.

Подземоход резко остановился, койка-гамак закачалась на растяжках, ослабивших рывок.

Северцев подхватился на койке, прислушиваясь к тишине отсека, глянул на соседние койки. В одной спал бортинженер подземохода Андрей Чураков, остальные были пусты. Вадим тоже отсутствовал.

Северцев торопливо натянул рабочий комбинезон, спустился вниз, в свой отсек. Сурков встретил его возгласом:

— Садись за пульт. Похоже, мы наткнулись на тоннель. Честно говоря, я не верил в твои домыслы.

— Это не домыслы, — пробормотал Северцев, ныряя в кресло, развернулся к экрану.

На экране, на фоне малинового «уовра» виднелась черная полоска, пересекавшая экран наискось.

— Тоннель! — прошептал Северцев.

— До него около трех километров, мы сейчас идем чуть выше, но командир готовится повернуть.

— На какой мы сейчас глубине?

— Почти два километра. До базы — шестнадцать, до Черноисточинска — двадцать три.

Северцев покачал головой.

— По нашим расчетам глубина залегания сети тоннелей не превышает полутора километров.

— Ты уверен?

Северцев помолчал.

— Нет.

— Вот и проверим ваши расчеты.

Подземоход, продолжавший двигаться прежним курсом, начал поворот. Кресла снова изменили положение, удерживая ориентацию седоков по вертикали.

— Пойдем в кают-компанию, — предложил Вадим, — чаю попьем.

— А мы успеем?

— «Грызун» идет в режиме «крота», минут сорок в запасе у нас имеется.

— Пошли, — согласился Северцев, ощутив голод.

6

Прямая линия в растворе локатора, похожая на искусственный штрек, оказалась вполне естественным разломом коры длиной около двадцати километров. Подземоход достиг его за час после обнаружения, какое-то время шел параллельно, изучая геометрически правильное явление природы, и лег на прежний курс.

Разочарованный Северцев нахохлился в кресле, переживая нечто вроде угрызений совести. Получалось, что его гипотеза об искусственном происхождении сети тоннелей неверна, и он напрасно уговорил руководителя экспедиции двинуться к Черноисточинску, предполагая под этим городком наличие подземного «города», узла стыковки тоннелей. Добавил переживаний и Сурков, заметив, что для науки отрицательный результат — тоже результат. И Олег, не зная, куда себя деть, угрюмо занялся исполнением своих обязанностей, положенных ему как члену экипажа.

Однако переживания его длились недолго.

Уже через два часа подземоход достиг вершины древнего мантийного плюма под Уралом, расположенной чуть восточнее Черноисточинска, и обнаружил еще две прямые линии в недрах земли, похожие на коридоры. Или на более плотные рудные тела. Линии сходились в одном месте, а это по мысли Северцева подтверждало гипотезу о нахождении здесь узла соединения тоннелей, и он заявил об этом Вадиму.

— Подползем ближе — увидим, — ответил тот сочувственно.

Подземоход ненадолго остановился над горбом плюма, — температура горных пород вокруг сразу подскочила на полсотни градусов, — а потом устремился к удивительно ровным линиям, которые могли быть как тоннелями, так и естественными границами разноплотностных сред или разломами коры.

Однако на этот раз Северцев мог праздновать победу: линии и в самом деле оказались искусственными выработками, ровными, неповрежденными, а самое главное — снабженными системами вентиляции! Несмотря на то, что штреки эти располагались под землей на глубине трех километров, заполняющим их воздухом можно было дышать.

Сначала подземоход остановился рядом с одним из тоннелей, выйдя в параллель с ювелирной точностью (пилот «Грызуна» был мастером своего дела), и экипаж, ошеломленный открытием, — в подземные тоннели мало кто верил, — с час гулял по громадному коридору трапециевидной в сечении формы, уходящему в глубины земли.

Затем подземоход достиг стыка тоннелей, аккуратно «пришвартовался» боком к подземной полости, так что люк выхода оказался прямо в пещере, и Северцев, наконец, увидел узел соединения четырех тоннелей, о чем мечтал еще до похода. Однако городом эту гигантскую подземную выработку назвать было нельзя.

Идеальный шар диаметром около двухсот метров!

Пористые стены, усыпанные кристалликами горного хрусталя, довольно крупными, с палец мужчины, трудно поддающиеся напору. Геонавтам едва удалось выломать несколько штук, так крепко они сидели в породе стен.

Утомленные слепящим глаза сверканием от включенных прожекторов члены экипажа вернулись на борт «Грызуна», и Вадим сказал, прищурясь, когда они сняли скафандры:

— Ну и где же твой город?

— Я надеялся... — ответил разочарованный и смущенный Северцев, вертя в пальцах кристалл.

Вадим засмеялся.

— Не переживай, все равно это колоссальной важности открытие. Тоннели существуют реально, они образуют целую сеть,

разве этого мало? Осталось только объяснить, ради чего предки ее создавали, понеся огромные затраты. Ведь если тоннели пронизывают все материки — масштаб строительства настолько огромен, что невозможно представить цель!

Включился интерком отсека:

— Мужчины, прошу подняться в рубку.

Сурков и Северцев переглянулись.

— Сейчас нам скажут, что мы возвращаемся, — предположил геолог.

— Я останусь, — буркнул Олег.

Вадим снова засмеялся, похлопал его по спине и двинулся к осевому лифту.

Он оказался провидцем.

Командир подземохода Скорюпин объявил им свое решение.

На все исследования «научной группе» давалось двое суток. После этого «Грызун» делал петлю вокруг узла стыковки тоннелей и поворачивал обратно к полигону.

— Но ведь мы не успеем даже... — заикнулся Вадим.

— Дискуссий не будет! — отрезал Скорюпин. — Тестирование систем «Грызуна» закончено, лимит времени исчерпан, собран большой объем данных, обнаружен целый ряд существенных недостатков машины, их надо устранять на базе. Только после этого можно будет думать о новой экспедиции к этому «воздушному шарику».

Скорюпин кивнул на мерцающий в экране сфероид пещеры.

Исследователи вернулись в свой отсек в невеселом настроении, но времени оставалось так мало, что предаваться унынию не стоило. И они включились в работу, начав с составления плана выходов наружу для изучения тоннелей и «стыковочного города».

7

Двое суток истекли практически незаметно.

Командир дал экипажу еще два часа на итоговые разборки исследований, и подземоход двинулся в обратный путь, осторожно обходя искусственную полость и тоннели, созданные не-

ведомыми строителями миллионы лет назад. На расстоянии в полкилометра от шаровидной пещеры «Грызун» повернулся к ней «спиной», устремился прочь, увеличивая скорость до максимальной... и тут же резко остановился!

Собравшиеся было отдохнуть Вадим и Олег — за двое суток они спали не больше четырех часов каждый — замерли, прислушиваясь к шелестящей тишине отсека, посмотрели друг на друга.

— Неисправность? — высказал общее опасение Северцев.

Но он ошибся.

— Пассажиры, быстро в рубку! — раздался голос командира.

Северцев и Сурков, одинаково озадаченные и встревоженные, метнулись из отсека к лифту.

В рубке управления собрались все члены экипажа, с трудом разместившись между креслами командира, пилота и безопасника, как они называли между собой Валентина Бирона, бортинженера, отвечающего за работу систем защиты подземохода.

— Что случилось? — выдохнул Сурков.

Бирон молча ткнул пальцем в экран локатора.

В жемчужном «колодце» экрана виднелась «червоточина» с искрой на остром конце, и эта «червоточина»... росла! Искра двигалась!

— Что это?!

— Это мы у тебя хотели спросить, — скривил губы штурман «Грызуна» Андрей Чураков.

— Оно... движется?!

— Как видишь.

Командир пробежался пальцами по сенсорной клавиатуре управления, и на экране высветился алым столбец символов и цифр.

— Глубина три и две десятых... Размеры: двенадцать в диаметре, двадцать семь по длине... Судя по отражению — тело не металлическое... и движется почти нам навстречу!

— Обалдеть! — сказал Сурков.

— Может быть, мы спим? — эхом отозвался штурман.

— Неужели это еще один подземоход?!

— Второй «Грызун» еще только готовится к пуску...

— А если это не наш?

— А чей?!

— Американский, — буркнул Бирон, нервно теребя бородку.

— Чушь! — взорвался Скорюпин. — У американцев нет таких машин!

— Может, это японцы? — предположил Сурков.

— Ты еще китайцев вспомни.

— Зачем гадать? — не выдержал Северцев. — Давайте подойдем к этому «кроту» поближе и выясним.

Геонавты переглянулись.

— По местам! — решительно скомандовал Скорюпин. — Всем надеть скафандры! Быть готовыми к выходу!

Вадим и Олег скатились вниз, в свой отсек, натянули спецкостюмы, не надевая шлемы, приникли к экрану. Видеосистема «Грызуна» теперь показывала одну и ту же картинку: рябой буро-красно-коричневый «ковер» гранито-гнейсовых пород и «червоточину» в нем — след чужой машины, продолжавшей двигаться прежним курсом — на двадцать градусов левее подземохода и чуть ниже.

8

С час ничего особенного не происходило.

Командир развернул подземоход и направил его к «червоточине», уходившей влево. Машина, проделывающая эту «червоточину», продолжала неутомимо грызть горные породы в прежнем направлении, словно не замечая собрата. Однако слепым этот «крот» или «червяк» не был. Когда расстояние между подземными машинами сократилось до полутора километров, чужак замер, а потом вдруг двинулся к «Грызуну», развернувшись почти на месте! «Грызун» так разворачиваться не умел. Минимальный радиус его разворота равнялся тремстам метрам.

— Интересно, что он задумал? — пробормотал Вадим, давно перестав следить за своими приборами. — Неужели пошел на таран?

— Подземный Талалихин! — фыркнул Северцев. — Японский камикадзе!

Но и Олегу стало не до смеха, когда чужак со сказочной быстротой преодолел полтора километра и вышел точно в лоб «Грызуну».

Командир подземохода остановил бур.

Чужая машина продолжала двигаться навстречу.

— Пассажиры, готовы к десанту? — раздался голос Скорюпина.

Вадим и Олег торопливо надели шлемы.

— Готовы! — доложил геолог. — Что надо делать?

— Если он не остановится — пойдем на таран!

Северцев глянул на спутника, но сквозь конусовидный шлем лица Суркова не увидел.

— Другого выхода нет?

— Предлагайте.

Чужой «крот» приблизился вплотную.

— Мы согласны!

— Внимание! Включаю бур! Приго... — Скорюпин не закончил.

Чужой подземоход остановился, носовым выхлопом уничтожил оставшуюся перегородку между собой и «Грызуном». На экране в облаке редеющего дыма обозначился его острый нос.

Командир прокашлялся.

— Экипаж... — Пауза. — Ваши предложения?

— Включай бур, — мрачно сказал Бирон т. — Если он включит первым...

— Посигналь, — предложил штурман.

— Я выйду! — сказал Северцев.

— Не сходи с ума... — начал Сурков.

— Я выйду и помахаю фонарем, чтобы там поняли, что у нас на борту есть люди.

— Рискованно, — пробормотал Скорюпин, размышляя над решением.

— Кто не рискует, тот не празднует победу, — усмехнулся Олег.

Скорюпин несколько раз включил и выключил боковые осветители; носового прожектора подземоход не имел.

Чужой «крот» не ответил. Боковые телекамеры «Грызуна» не видели его напрямую, но все же геонавты могли оценить, что находившийся впереди механизм ничего в ответ не включает.

— Я тоже выйду, — мрачно сказал Вадим.

— Зачем? — возразил Северцев. — Уж если рисковать, то одному. Тем более что без меня вы обойдетесь.

— Ты у нас прямо герой-камикадзе, — усмехнулся Скорюпин. — Александр, так сказать, Матросов. Однако мы не на войне и впереди не амбразура дота с пулеметом.

Северцев покраснел, мысленно поблагодарив непрозрачную пластину шлема, сквозь которую Вадим не мог видеть его лица.

— Я имел в виду...

— Отставить базар! Выходим вдвоем! Андрей, возьмешь управление на себя!

Штурман промолчал.

— В случае чего — уходите на базу на рысях, — продолжал Скорюпин. — Олег, три минуты на сборы.

Северцев молча метнулся к лифту.

9

Они стояли посреди грота, проделанного в толще горных пород бурами обоих подземоходов, и рассматривали чужую машину, освещенную лучами нашлемных фонарей.

Нос этой машины был острым, в отличие от тупо срезанного носа «Грызуна», и чешуйчатым. Да и вся она, точнее, видимая ее часть, напоминала морду земного зверька — броненосца, а также червя, каждое колечко которого вдобавок еще было покрыто рыбьей чешуей, отсверкивающей в лучах фонарей маслянистой малахитовой зеленью. Однако в сечении «броненосец» был трапециевидным, что сразу напомнило Северцеву форму уже виденных им тоннелей. Не было сомнений: те тоннели тоже делала машина подобная этой! Хотя тут же в голове возник вопрос: не могла же она прокладывать тоннели миллионы лет?..

— Или могла? — вслух подумал Олег.

— Что? — раздался в шлемофоне голос командира, стоявшего рядом.

— Подойдем ближе?

Скорюпин помигал фонарем, направляя луч на чешуйчатый нос подземной машины.

Ничего не произошло.

Тогда Северцев нагнулся, поднял камень и бросил.

Раздался глухой стук, будто камень попал в деревянную стенку.

— Он не металлический? — послышался в шлемофонах разведчиков голос Суркова; весь экипаж, затаив дыхание, сейчас приник к экранам и видел то же, — через телекамеры скафандров, — что и Северцев с командиром.

Олег поднял еще один камень, бросил: прозвучал тот же глухой деревянный стук.

— Странно... — Скорюпин не договорил.

Чешуи на носу подземохода вдруг встопорщились, по ним запрыгали синие электрические змейки.

— Назад! — рявкнул Скорюпин.

Геонавты бросились к своей машине, ожидая мощного разряда энергии в спину, однако этого не случилось.

Что-то лязгнуло, по гроту пронеслась серия тонких свистов.

Беглецы оглянулись.

Под острым носом чужого подземохода образовалось звездообразное отверстие, обрамленное встопорщенными зеленоватыми чешуями.

Скорюпин и Северцев посмотрели друг на друга.

— Нас приглашают в гости, — хмыкнул Олег.

— Не ходите! — предупредил Бирон т. — Это ловушка! Вас не выпустят!

— Смысл? — пожал плечами Северцев.

— Все равно не ходите! Они же не вышли к вам?

— Может, аппарат работает в автоматическом режиме? — робко предположил штурман.

— Проверим! — решительно обронил командир, направляясь к люку в чужой подземоход.

Они преодолели горы камней, обрушившихся на пол со свода пещеры, и лишь подойдя вплотную, оценили размеры подземной машины, принадлежавшей неизвестно кому. Выгляде-

ла она как гигантская живая гора, слепо взирающая на людей черным зрачком люка.

— Что, если это и в самом деле живое существо? — со смешком произнес Северцев. — А это его рот?

— Мал больно, — хмыкнул Скорюпин, задрав голову к дыре люка. — Помоги-ка.

Они начали стаскивать камни в одну кучу, сооружая нечто вроде пандуса. Управились с этим нелегким делом за двадцать минут. Северцев первым поднялся на импровизированный пандус и заглянул в темное отверстие люка, испытывая странное ощущение: страх пополам с любопытством.

Внутри коридора, уходящего в недра подземохода, вспыхнул неяркий лиловый свет, но по-прежнему никто не спешил встречать гостей.

— Я бы на вашем месте не рисковал, — снова напомнил о себе осторожный по натуре Бирон т. — У вас же нет никакого оружия.

— Мы не воевать пришли, — буркнул Скорюпин. — Олег, давай я пойду первым.

— Я уже внутри, — сказал Северцев и ловко перелез через чешуйчатый «ошейник» люка на покатый пол коридорчика.

Дальнейшее произошло в течение секунды.

Коридорчик под ногами Олега, бугристо-гладкий, влажный, коричнево-бордовый, похожий на глотку кита, вдруг конвульсивно сжался, так что разведчик не мог двинуться с места, и его понесла вперед непреодолимая сила!

Что-то крикнул вслед Скорюпин.

Олег хотел ответить, но не сумел: перехватило дыхание...

10

«Глотка кита» вынесла его в какое-то темное помещение и оставила в неглубокой выемке в полу.

Северцев выдохнул, расцепил судорожно сжатые челюсти, выпрямился, сжимая кулаки и вертя головой в полной темноте. Фонарь погас и не желал включаться. Лишь в глазах прыгали и вращались огненные колеса.

— Командир! — позвал Олег.

— Здесь я! — сдавленно ответил Скорюпин, и Северцева сбила с ног какая-то масса.

— Черт! Кто здесь?!

— Говорю же — я! — отозвался Скорюпин, оказавшись той самой массой. — Темно, а фонарь не работает.

Тотчас же стены помещения засветились изнутри нежным опалом, и геонавты наконец смогли оглядеться.

Они находились внутри помещения странной формы — посреди дольки апельсина, пересекающейся с еще двумя такими же дольками. Мало того, в стенах этого помещения из матового стекла — с виду — виднелись перепоночки и зернышки, довершающие «апельсиновое» впечатление. Посреди срединной «дольки» из пола вырастало сооружение из того же материала, напоминающее оплывшую тушу слона и кресло одновременно. А в этом кресле сидел...

— Здрасьте! — пробормотал Северцев, сглатывая.

Существо в кресле не пошевелилось.

Больше всего оно напоминало слизня с головой крокодила из старых фантастических фильмов о «Чужом».

— Извините, что мы без спроса... — продолжил Скорюпин.

— Он... оно нас не слышит. Помнишь фильмы «Чужой» и «Чужие»?

— Не помню.

— Я видел в детстве, этот зверь — копия «Чужого»... Это пришельцы!

— Не знаю, пришельцы это или нет, но он, по-моему, мертв!

Однако и Северцев, и Скорюпин ошибались.

Во-первых, то, что они приняли за кресло и за существо в нем, таковыми не были. Это стало понятно уже через минуту, когда «слизень-Чужой» заговорил с ними.

Во-вторых, к пришельцам с небес эта техника не имела отношения. Как будто...

«Слизень» вдруг покрылся слоем извилистых электрических змеек (Северцев и Скорюпин невольно отступили), над ним колечком всплыл световой нимб, и гости услышали хрустящий, ломкий, посвистывающий «голос»:

— Эли ггео уно о-о-о...

— Что?! — машинально отозвался Скорюпин.

Северцев усмехнулся.

— Он предложил нам по чашечке кофе.

— На каком языке он говорит?

— Ни на одном из известных, насколько я понимаю. И это вообще не язык. Я имею в виду — не звук.

— А что?

— Телепатическая связь.

Скорюпин осторожно двинулся к «слизню» с устрашающей головой, вытянул руки в стороны.

— Мы не вооружены... можете нас не опасаться... кто вы?

«Чужой» покрылся новым слоем искр, все помещение передернуло конвульсивное сокращение стен.

— Ну его к дьяволу! — отступил Скорюпин.

Северцев вдруг обошел его, приблизился к «слизню», вглядываясь в его жуткую, вытянутую вперед морду.

— Это автомат!

— С чего ты решил?

— Живой организм непременно обратил бы на нас внимание. А этот зверь только выглядит живым. Его делали не люди, но в программу заложили встречи наподобие нашей. Иначе он бы не остановился. Возможно, он способен выполнять не одну функцию — дырявить земную кору.

— Ну и фантазия у тебя!

— Это не фантазия, я так чувствую.

— Почему же я ничего не чувствую?

— Ты командир, ты настроен иначе. — Северцев сделал еще шаг, дотронулся до скользкого на вид бока «слизня». — Покажи, что ты делаешь.

«Слизень-Чужой» буквально «поежился» как живое существо (вопреки мнению Олега), выдал шлейф электрических змеек, и эти змейки развернулись в двухметрового диаметра прозрачно-голубой шар, на котором обозначились желто-коричневые пятна материков.

— Глобус!

— Земля?

— Материки имеют другие очертания... но это все же Земля!

Прозрачный шар стал более плотным, как кусок желе, и в нем появились огненные паутинки, пронизывающие материки и ныряющие под океаны и моря.

— Тоннели?!

Это и в самом деле были тоннели, следы которых обнаружили экспедиции спелестологов. Они обнимали всю планету, соединяясь в красивую ажурную сеть.

На глобусе замигал огонек. Он замыкал одну из линий красного цвета, пересекающую, судя по всему, Уральские горы.

— Место нашей встречи, — сообразил Северцев. — Интересно, куда «крот» направится дальше?

— Для нас это не имеет значения.

— Для нас — не имеет, для создателей машины — имеет. Как бы задать ему вопрос, чтобы он понял и ответил?

— Думаешь, поймет?

— Ответил же он на мой первый вопрос?

— Если его делали не люди...

— Кто бы ни делал, подземоход имеет какие-то электронные или иные мозги и способен к вариабельному поведению. А вообще классная была техника! Недаром подземоход работает уже столько лет и не ломается!

По стенкам отсека управления пробежала новая волна «мышечных» сокращений.

Скорюпин отступил назад, к дыре выхода.

— Пошли отсюда! Кто знает, что у него на уме.

— Сейчас, только спрошу его, для чего они роют тоннели.

Однако Северцев не успел задать свой вопрос.

Выгнувшаяся бугром стенка отбросила его в дальний конец отсека, и он провалился в темноту небытия...

11

Кто-то тряс его за плечо:

— Олег, вставай! Нас вызывают в рубку!

Северцев подхватился на койке, разлепил глаза, увидел встревоженную физиономию Вадима.

— Что?! Где я? Как вы меня вытащили?!

— Откуда? — не понял Сурков.

— Из кабины «крота»... меня сильно ушибло... — Северцев осекся, внезапно осознавая, что поход к чужому подземоходу ему всего лишь приснился. — С ума сойти!

— Сон? — догадался и геолог. — Тебе приснился кошмар?

— Не то чтобы... — Северцев помял лицо ладонью. — Приснилось, что мы встретили чужой подземоход.

— Сон в руку, что называется. Локатор засек в двенадцати километрах от нас, на глубине четырех километров, движущееся тело. Помчались в рубку.

— Серьезно? — не поверил Олег.

— Будем решать, — Вадим полез из отсека отдыха, — что делать.

Изумленный известием Северцев оделся за несколько секунд и последовал за геологом.

В рубке управления собрались все члены экипажа, с трудом разместившись между креслами командирской команды.

На фоне коричнево-багрового «колодца» локатора была отчетливо видна медленно удлиняющаяся «червоточина» с искоркой на конце.

— Вот хрень! — озабоченно сказал Скорюпин, оглянувшись на экипаж. — Что скажете?

— Американцы? — неуверенно предположил Бирон т.

— Скорее уж японцы, — буркнул штурман.

— Пассажиры, ваше мнение. Кто это? Что предлагаете делать?

— Не знаю, — виноватым тоном отозвался Сурков.

Все посмотрели на Северцева.

А он вспомнил свой сон и подумал, что все их прежние домыслы о «подземоходах», роющих тоннели в земной коре, вероятнее всего, чепуха! Тоннели делали не машины, а настоящие «кроты», для которых твердые горные породы — что мягкая почва для обычных кротов.

Пауза затянулась.

Северцев откашлялся.

— Надо идти навстречу... лоб в лоб... Если он остановится — есть шанс начать переговоры.

— С кем? — хмыкнул Бирон т.

— Какая разница? Может быть, это действительно чей-то подземоход. А может быть, — Северцев помолчал, — подземная птица.

Экипаж смотрел на него непонимающе, и Олег добавил:

— Мой друг разработал гипотезу, по которой на ядре Земли существует иная жизнь. Для ее представителей породы верхнего слоя планеты — что воздух для наших птиц. Сами они очень плотные и живут на ядре Земли, а птицы...

— Поднимаются в «воздух», — засмеялся Вадим. — То есть «летают» под землей и оставляют следы — тоннели, так?

Северцев кивнул.

Вадим перестал смеяться.

— Ну, дружище, и фантазия у тебя!

Северцев посмотрел на командира, в свою очередь, рассматривающего его физиономию.

— Проверим?

Скорюпин раздумывал недолго.

— Все по местам! Идем на таран!

«Грызун» устремился навстречу «подземной птице»...

Юрий Манов

ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД

Поеживаясь от утренней сырости, бог богов Зевс подошел к самому краю облака, локтем оперся на связку молний, почесав густую бороду, глянул вниз на Олимп. Улыбнулся, потому как увиденное его порадовало. На вершине горного массива, несмотря на раннее время и густой туман, суетились малюсенькие фигурки человечков в ярких фирменных комбинезонах и касках, тарахтела строительная техника — полным ходом шли приготовления к презентации по случаю открытия туристического комплекса «Боги Олимпа». Комплекс обещал получиться на загляденье: суперсовременная лечебница для астматиков и остальных, кому необходим свежий горный воздух, роскошный пятизвездочный отель со всеми мыслимыми и немыслимыми изысками, альпийские домики для VIP-персон вдоль по склону с персональными вертолетными площадками, блистающее огнями казино «Улыбка Фортуны» в виде классического греческого храма с колоннами и портиками, аквапарк под прозрачным куполом — даже отсюда видна статуя обнаженной Афродиты, выходящей из пены. А еще смотровая площадка, слаломная трасса с подъемником, ледяная дорожка для санок и боба, трамплин. И главное украшение комплекса — развлекательный центр с концертным залом внутри огромной статуи. Статуи ему, Зевсу, главному Богу Олимпийских Богов!

— Да, больших высот мастерства достигли смертные, раз умудрились построить такое и на такой высоте! — вслух поду-

© Ю. Манов, 2007

мал Зевс. — Шутка ли сказать, почти три тысячи метров над уровнем Средиземного моря! Это, пожалуй, и главному умельцу Олимпа Гефесту вряд ли под силу...

Зевс принялся переводить метры в стадии, но быстро сбился и стал оглядываться в поисках подходящего облачка, чтобы поделить в столбик.

— В добром ли расположении ты, любезный супруг мой? — услышал он за своей спиной. Богиня Гера в строгой синей тоге стояла, почтительно склонив голову, увенчанную скромным золотым венком. Несмотря на более чем трехтысячелетний возраст, Гера была по-прежнему красива, но не той красой юных дев, что скоро увянет от излишеств молодости, а красотой солидной матроны, уважаемой матери семейства. А впрочем, что значит для богини каких-то три тысячи лет? Самый расцвет...

— Рад видеть тебя, возлюбленная жена моя Гера, — ответил Зевс, любуясь статью своей жены, идеально прямой линией ее носа от самых бровей — эталона для скульпторов всех времен, — как рад видеть тебя всегда в вечности.

— А не слишком ли часто, муж мой, ты любуешься на обнаженную Афродиту, что блестит там внизу? Твоя жена начинает ревновать, — погрозила Гера пальчиком и поцеловала мужа в щечку, осторожно, стараясь не коснуться связки огненных молний.

— Разве может сравниться какая-то Афродита с тобой, Богиня Богинь? — нежно приобнял жену за талию Зевс. — Глянька лучше, как быстро работают.

Гера осторожно выглянула за край облака, и счастливая улыбка озарила ее лицо:

— О, великий Зевс, это просто прекрасно! Неужели все налаживается, и... — Богиня не договорила фразы и испуганно замолчала. Зевс не любил, когда при нем вспоминали о трудных временах забвения, когда об Олимпийских Богах смертные либо не говорили вообще, либо с насмешкой. Что, согласитесь, было еще обиднее.

— Ну не сердись, муж мой, я просто хотела сказать, что люди, наконец, снова взялись за ум. Это ли не конкретный пример их почитания истинных богов? — и она указала рукой вниз на комплекс.

— Так-то оно так, — не стал спорить Зевс, — но...

Зевс не договорил, нахмурился. Случайная серая тучка, попавшаяся ему на глаза, немедленно разразилась молнией. Зевс жадно глянул вниз. Но глупые смертные и не подумали, как встарь, кидаться на колени и молить милости у верховного бога, а глянув на атмосферное явление, продолжили копошиться на стройке. Зевс хотел было метнуть туда молнию побольше, но вспомнил о громоотводе — подлом изобретении Гермеса и отложил огненную связку. Снова нахмурился.

Вот уже несколько веков Зевс был не в духе. С тех самых пор, когда по всей Римской империи стали скидывать с постаментов его статуи и разрушать величественные храмы. И никакие беды, насылаемые им на смертных — мор, войны, извержения и землетрясения, не могли убедить человечество, что оно совершило ужасную ошибку. Правда, во время эпохи Возрождения и начала проведения Олимпиад он несколько повеселел, но не сказать чтобы особо. И вот еще какая беда: все Олимпийские Боги как-то быстро адаптировались к новой действительности, особо порезвился Марс в последнем столетии. А в перерывах между войнами влюбленные смертные славили Афродиту — Венеру, торгаши молились Меркурию — Гермесу, украшали его изображениями носы торговых кораблей. Помнили смертные о Нептуне — Посейдоне, боге стихий водных, и приносили ему жертвы, помнили о боге недр Вулкане. В общем, каждому богу нашлось применение, только он один остался просто Зевсом... И что с того, что его италийским именем Юпитер названа самая крупная планета Солнечной системы, конкретно Зевсу никто хвалы не возносил, а это обидно...

Но от обязанностей верховного Бога никакая обида не освобождала, и Зевс, закинув связку на плечо, двинулся к тронному облаку.

Марс вышел из облака, бряцая латами, протопал до золотого трона верховного Бога, учтиво поклонившись, тут же уселся в облако. Перевел дух, сотворил хрустальный бокал, выжал в него из небольшой тучки минералки и, заморозив тучку до конца, побросал в пузырящуюся жидкость кубики льда.

— Жара! Что-то Атон нынче разошелся не по сезону, палит как микроволновка, — сказал Марс, сделав большой глоток. — Надоела эта жара!

— Так ты бы железки свои поснимал, — предложил Зевс, делая знак купидончику, чтобы не шланговал и работал опахалом бойчее, — все равно войны большой нет.

— Твоя правда, — согласился Марс, но доспехи не скинул, а лишь снял боевой шлем, увенчанный высоким гребнем, и небрежно кинул его в облако. Тут же два африканских племени на границе Анголы перестали обстреливать позиции друг друга из орудий и объявили перемирие, сосредоточившись в основном на грабежах окрестных деревень.

— Лысеешь, друг мой, — участливо сказал Зевс, оглядев солидные залысины милитаристского Бога.

— Да уж, — согласился Марс, одним глотком осушая бокал до дна, — нервы совсем ни к черту. И ни минуты покоя: одни эти арабы с евреями чего стоят! Совсем вымотали...

Бог войны отстегнул меч, и израильский премьер приказал отвести «Центурионы» с шестиконечными звездами на бортах от палестинского Вифлеема.

— Тебе-то чего нервничать? — улыбнулся Зевс. — Локальные конфликты повсеместно, еще две станции твоего имени к Марсу запустили, «Олимпик» марсельский в полуфинал Лиги Чемпионов вышел, живи и радуйся.

— Ты еще батончик «Марс» вспомни, — отмахнулся Бог войны.

Зевс пожал плечами:

— Гера сказала, у тебя ко мне какое-то дело?

— Ах да... — Марс подумал и взялся за ремни нагрудной матрики. Бородатый моджахед снял папаху с зеленой лентой, почесал бритый затылок и гортанно крикнул в микрофон рации, что пока обещанных денег не привезут ему лично, он уводит свой отряд в горы на зимнюю базу. Спецназовский полковник, которому принесли расшифровку радиоперехвата, облегченно вздохнул, отменил боевую операцию, подмахнул приказ в финчасть о расчете дембелей и завалился спать прямо на топчанчике в штабном вагоне. Впервые за последние трое суток. Все это

произошло за время, пока Марс выдавливал в бокал очередное облачко. Течение времени у смертных несколько отличается от течения времени небожителей.

— Послушай, великий Юпитер, — обратился к Зевсу Марс на привычном ему италийском. — Что ты думаешь про наши олимпийские дела?

— В смысле? — Зевс сделал вид, что не понял.

— Тебе не кажется, что этот мальчишка Меркурий несколько зарвался? Нет, я, конечно, понимаю, он — твой сын, но, извини, у римских Богов не принято, чтобы сын зазнавался перед отцом... Короче, ты меня понимаешь?..

Зевс понимал, но виду не подал. В общении с этим прямолинейным воякой он чаще всего прикидывался простачком, что давало время обдумать уклончивый ответ на прямо поставленный вопрос.

— Чем же тебе насолил мой сын Гермес? — Зевс щелкнул пальцами, подзывая молоденького купидончика. Тот сделал в воздухе лихой вираж и почтительно преподнес шефу серебряный рог с амброзией.

— Чем насолил? — зловеще прошипел Марс. — Так он всем теперь командует! Но не впрямую, а исподтишка, мерзавец! Всех подкупил, всех! Ну скажи, великий Юпитер, было ли в истории такое, чтобы страны воевали из-за падения каких-то котировок на какой-то проклятой торговой бирже? Это что, повод для войны? Да мне стыдно даже про это слышать! Надо же придумали: котировки! Иное дело, когда из-за яблока раздора государства великие друг на друга войной пойдут, из-за Елены Прекрасной или островов спорных, из-за рудников золотых. Но чтобы из-за котировок, чтобы цены на нефть сбить!..

— Ты знаешь, что люди называют нефть черным золотом? — осторожно спросил Зевс.

— Слышал, слышал, — заверил Марс, — это твои греки все придумали, не зря ж исстари нефть греческим огнем прозвана.

— А о том, что тем же греческим огнем с древних времен люди корабли противника в баталиях морских жгли, ты не говоришь, и про напалм из той же нефти забываешь? И что тан-

ки — самолеты бензином, солярой заправляют, ты, разумеется, тоже забыл...

Марс набычился:

— Да я не про то хотел сказать. — Он почесал залысину. — А про что же я хотел? Вот, проклятия Аида, забыл совсем! Ладно, как вспомню, загляну...

Марс поймал еще одно облачко, выдавил его прямо себе на грудь и, отфыркиваясь, принялся надевать матрику.

Джип с дипломатическими номерами подъехал к небольшому дому, обнесенному бетонным забором с бойницами. Из кабины вышел высокий человек в камуфляже, выложил на капот брезентовую сумку и расстегнул молнию. Появившийся из дома клювоносый абрек закинул автомат за спину, запустил руку внутрь сумки и вытащил несколько пачек зеленых денег. Разорвав одну из них, проверил деньги на просвет, достал из кармана трубку и, нажав на кнопку, прохрипел гортанно:

— Хозяин, все нормально, дэнги прыбыл!

Той же ночью отряд несколькими колоннами стал спускаться по ущелью. Русский полковник в штабном вагончике наклонился над картой и сверил показания осведомителей с данными авиаразведки.

— Петраков! — крикнул он в шипящую, как масло на сковородке, рацию. — Дай-ка из «Градов» по четырнадцатому и пятнадцатому квадратам, да мин не жалей, хорошенько дай...

— Так вот, — продолжал Марс, прилаживая просоленные, потертые ремни матрики под мышками, — я о твоем сыне. Тебе, конечно, виднее, но многие авторитетные боги недовольны...

Он пристегнул меч, и в Иерусалиме около уютного кафе взорвался напичканный взрывчаткой смертник. Еврейский премьер дал команду, и израильская военщина стала привычно утюжить танками арабскую деревенщину.

— Конечно, вы — греки, всегда к торговле были неравнодушны, — закончил Марс, — но всему же есть предел...

Бог войны встал, по-армейски оправился, надел шлем и шагнул с облака. Чернокожие парни в одинаковых камуфляжах с одинаковыми автоматами Калашникова тут же перестали грабить деревни и попрыгали в окопы. Первый снаряд с воем про-

летел над кабиной крашенного в белый цвет джипа с буквами «UNO» на дверях.

Гера в последний раз провела кисточкой по ногтю мизинца и полюбовалась на результат работы. Результат ее удовлетворил. Хороший все-таки нынче лак для ногтей на Олимпе. Что ж, хоть какая-то польза от этого несносного Гермеса, небесного фарцовщика, зачатого ее мужем от этой дуры Майи явно по неосторожности. Жаль, очень жаль, что в те времена люди еще не придумали этих маленьких резиновых штучек. Скольких проблем они помогли бы избежать на Олимпе, тем более учитывая темперамент Зевса. Вот так получается, герои были, а презервативов не было, теперь наоборот...

Гера вооружилась цилиндриком туши для ресниц с золоченой надписью «Paris» и сделала знак Афродите. Богиня любви послушно взяла в руки зеркало и наклонила его, чтобы жене главного Бога было удобнее наводить красоту. Но порой она тайком посматривала за край облака на свою статую, по колено утопавшую в пене шампанского.

— Ровнее держи, не отвлекайся, успеешь еще насмотреться, — одернула ее Гера. Афродита испуганно вздрогнула, едва не выронив зеркало, а Гера продолжила: — Вот о чем я хотела с тобой поговорить, милочка. Я тут на днях просмотрела аналитические исследования социологов... Что-то ты мало стала уделять внимания белым народам, европейцам в частности. Скоро ведь совсем растворятся они в племенах иноземцев. А ведь европейские народы первыми приняли истинную веру в Богов Олимпа, и они в основном сохраняют нам преданность, порой даже не сознавая этого.

— А я-то при чем? — нервно дернула плечами Афродита.

— Как при чем? — удивилась Гера такой несообразительности. — Не от тебя ли в первую очередь зависит приумножение народонаселения? К примеру, никак не могу понять, чем тебе так по нраву этот Китай. Ну ладно, Индия — это понятно, храм любви, Камасутра, Тадж Махал, но Китай?..

— А че я? Я ничего такого, я ко всем одинаково... — залопотала Афродита.

— Так почему же тогда европейцы и одного ребенка завести считают достаточным, а китайцы плодятся, как кролики?

— Слушай, Гера, только не надо на меня чужих собак вешать, ладно? — неожиданно грубо возразила Афродита. — Я отвечаю за любовь, а с любовью в Европе все в норме, как и везде. А то, что они рожать не хотят, это к Деметре, или скорее по твоей части. Ты же у нас Богиня плодородия и брака.

— А ты, милочка, что-то осмелела в последнее время, — удивленно сказала Гера. — Думаешь, если везде салонов красоты да бутиков в честь тебя названных пооткрывали, то и главному богу перечить можно? А то, что болезни дурные тоже в честь тебя «венерическими» именуются, ты забыла?

Афродита насупилась:

— А я ничего против Зевса и не сказала, я к людям ко всем одинаково, а это им решать, детей рожать или карьеру делать. А болезни, так то — по-италийски...

— Ладно, ладно, заплачь еще. И вот что, ты хоть и Богиня любви, но похоть свою могла бы чуть умерить. От твоих шашней с Аресом у Гефеста уже такие рога повырастали, что скоро в кузне не поместятся. А Гефест — сын мне, хоть и хромой...

Фемида развлекалась. Она клала на одну чашу весов дело обвиняемого, а на другую — уголовный кодекс. Дождавшись, пока стрелка весов укажет на «пожизненно», она быстро меняла кодекс на новый, дополненный и хохотала, глядя, как в новой редакции УК грехи обвиняемого вместо пожизненного срока тянули на место депутата в Государственной думе. Заметив Зевса, Фемида засмущалась, отложила УК и сделала вид, что полирует и так блестящие от постоянного употребления чашечки весов.

— Приветствую тебя, Фемида! — поклонился учтиво Зевс.

— Славься во веки, великий Бог Богов, — почтительно склонила голову Фемида.

— Какие новости там, внизу? — скорее для порядку поинтересовался главный Бог.

— Ах, — махнула рукой Фемида, — не минуты покоя. Замучили совсем, судятся где только можно, юристов расплодилось,

что собак нерезаных. А как тут одной успеть? Да ладно бы по делу, а ведь все больше в арбитражный суд обращаются с исками. И столько в них наворотят... А я в финансах, сам знаешь, ни бум-бум. Прямо голова кругом идет. Вот держу порой весы, глаза повязкой закрыты, но все равно чувствую, какая-то сволочь за одну чашечку дергает потихоньку. Пробовала мечом его достать, да разве попадешь с глазами-то закрытыми...

— Да, да, — согласно кивнул Зевс, — времена меняются... Слушай, Фемида, ты знаешь все законы, так что скажи мне... Только это между нами, договорились? Есть ли в законах что-либо про... статус Главного Бога?

Фемида вроде и не удивилась вопросу, достала какой-то толстенный свиток и, шевеля губами, начала его просматривать:

— Закон сохранения энергии — не то, закон всемирного тяготения — тоже, закон Ома — совсем холодно... Ага, вот, — сказала Богиня торжественно, — из «Свитка законов мироздания». Статья шестая: «Всякий Главный Бог считается главным по совокупности храмов, в честь него возведенных, и по числу славословий от смертных исходящих, а также по числу жертв ему принесенных».

— И все? — с надеждой спросил Зевс.

— Пункт второй, — прочитала Фемида, — «Если занимающий пост Главного Бога не имеет перевеса по указанным вышеназванному в пункте 1, статьи 6, то иной Бог, опережающий Главного Бога по указанным показателям, имеет право на заявку своих претензий на ежегодном Олимпийском фестивале».

Зевс вцепился в свою бороду пятерней и застонал...

— Что с тобой, великий Бог? — встревожилась Фемида.

— Зубы, записался сегодня к Эскулапу, — соврал Зевс и шагнул с облака.

Зевс нервничал, злился, метал молнии. Реки вышли из берегов, Европу затопило, бурные мутные потоки сносили мосты. Огромный орел с изрядно полысевшей головой ловко увернулся от очередной молнии и приземлился у ног хозяина. Зевс, потянувшийся было за новой порцией небесного огня, заметил птицу и отложил страшное оружие:

— Что нового на Олимпе, мой верный друг?

— Если верить слухам, то все так, как и говорил Марс. Как ты и предполагал, величайший, — почтительно поклонился орел.

— А именно?

— Меркурий что-то замышляет, и в самое ближайшее время. Он стал очень популярен у смертных.

Зевс покачал головой:

— Неужели смертные нынче перестали бояться небесного огня? Неужели успехи в торговле для них важнее, нежели слава героев, подвиги?

— Мир изменился, Зевс, люди обленились и привыкли к комфорту. Все на Земле обрело цену, поэтому и развелось так много торгашей. Вот ты сколько молний только что потратил, а им хоть бы хны, они о страховке думают.

— Грустно это, — сказал Зевс и с сожалением глянул вниз. — Если честно, скучаю я, друг мой, о временах былинных героев, о коих складывались мифы и легенды.

— Не осталось героев, — согласился орел, — не о ком больше петь старику Гомеру... Разве что...

— И не думай об этом! — Зевс понял, куда орел клонит. — Прометей — вор, а не герой, и наказан по справедливости! Хотя... хотя если он образумился... Ладно, обмозгуем. И вот еще что, слетай-ка ты к Геркулесу, давно про его подвиги ничего не слышно, не захворал ли, часом?

— А что делать со слухами? Пресечь?

— Только хуже будет. Нет, слухи будем распускать сами, и ты мне в этом поможешь...

Дионис, Бахус и Вакх по традиции соображали на троих. Рог изобилия, зажатый между двумя пальмами, был покрыт разноцветными потеками от вин и ликеров, из него что-то капало. Около рога спали вповалку в густой траве с десяток обнаженных сатиров, нимф и наяд, тут же похрапывал зеленый змий. Совсем зеленый от выпитого.

Главные алкогольные Боги возлежали за мраморным столом, уставленным кувшинами и бутылками. Боги спорили.

— А я говорю, лучше крепленое красное! — утверждал Дионис.

— Водка, и еще раз водка! И никаких там саке и джинов. Только пшеничная и только сорокаградусная! — возражал Бахус с татуировкой профиля Менделеева на левой руке.

— Коньяк! — заявил Вакх и некультурно рыгнул.

— Все сидите? — укоризненно сказал орел, приземлившись на край стола. — И пьете, и пьете, и пьете... — Когтистой лапой он скинул в траву штоф «Смирновки». — Думаете, все, кончился Олимп? Вот вам! — и орел сложил из перьев правого крыла фигу.

— Закуска, — сказал Бахус, увидев птицу.

Орел от греха вспорхнул, отлетел на край полянки и оттуда крикнул:

— Вот вы пьете, а против Зевса — папки вашего, заговор замышляется! Только никому ни слова, это тайна...

— Да ну, правда, что ли? — протянул Дионис, выслушав орла до конца. — Ну и дела! Что боги скажут, как услышат? Не боись, тайну гарантируем...

Хмельные боги согласно закивали головами, но при слове «тайна» несколько нимф заинтересованно подняли головы. Орел улетел довольный, он-то знал, хочешь распустить слух, расскажи «секрет» пьяному и потребуй с него клятвы молчать...

Орел спланировал на вершину горы, выпустив лапы, совершил касание, запрыгал по относительно ровной площадке, смешно хлопая крыльями. Переведя дух, огляделся.

— Все проклятия Аида, и сюда добрались! — вскричал он и мощными когтями начал вырывать из скалы блестящий альпинистский костыль. Скала крошилась, но костыль не поддавался.

Прометей в бейсболке с лейблом «Эверест» принимал солнечные ванны. Равнодушно глянув на орла, он снова прикрыл глаза:

— Напрасно стараешься, это легированная сталь, нержавеющее покрытие, не то что эта рухлядь, — сказал он лениво и почесался. Ржавые цепи на его руках слабо звякнули. Орел рассмот-

рел изрядно попорченный коррозией металл и грустно покачал головой:

— Да уж... Но что ты хочешь, сколько веков прошло...

— Веков не веков, а этот костыль, к примеру, тыщу лет в скале торчать будет и даже налетом не покроется, хоть и выкован смертными, а не этим хромым идиотом Гефестом. Вот так! Что, будешь сегодня клевать? — перешел Прометей к делу и кивнул на свой изодранный бок.

— Нет, — грустно покачал головой орел. — Врачи категорически запретили. Эскулап, как посмотрел мои анализы, сразу все мясное запретил. Диета!

— Да, обломился ты, значит, на свежую печеночку-то?

Орел согласно кивнул, мол, чего и говорить, обломился, но формальности ради подрал-таки когтями Прометееву печень, не особо, впрочем, усердствуя. После чего уселся на валун, тяжело дыша.

— Одышка? Стареешь? — участливо спросил Прометей.

— Все мы стареем, смены нет, люди новых богов не придумывают, старых забывают. Правда, тебе беспокоиться нечего, ты-то себе бессмертие у смертных обеспечил...

— Может, махнемся местами? — предложил Прометей.

— Спасибо, я как-нибудь так, — отказался орел. — Что альпинисты-то сказали, как тебя увидели?

— Да чуть не подрались от огорчения. Их старший утверждал, что этот пик еще непокоренный, а тут я. Они посчитали меня каким-то альпинистом — отшельником, свихнувшимся от гордыни, но вымпел свой все-таки оставили.

Орел, смешно подпрыгивая, подбежал к трехцветному вымпелу, водруженному на вершине горы, схватил его клювом и сбросил вниз.

— Зря ты так, — укоризненно сказал Прометей. — Люди старались, в такую высь лезли...

— Вот весь ты в этом, Прометей! — перебил его орел. — Ничему не научился за столько веков. Глянь, что они с огнем, что ты у Зевса спер, начудили. Лесные пожары, горящие нефтевышки, огнеметы, шашлык на косточках, барбекю, тьфу, — сплюнул орел, вынужденный стать вегетарианцем. — Слушай, есть дело...

Прометей удивленно глянул на огромную птицу.

— Зевс решил простить тебя...

— Здрасьте, а побыстрее он это решить не мог?

— Не ерничай, садись, поговорим по-деловому.

Прометей решил, что прикидываться больше нет нужды, выдернул изъеденные ржой скобы из гнезд в скале и присел на камень рядом с птицей.

— В общем, ты знаешь, что там внизу творится, — заложив крылья за спину, орел начал мерить площадку шагами.

— Допустим.

— На Олимпе дела не лучше, интриги, разброд. Боги с людьми заигрывают...

— А я-то с какого боку?

— Тебя люди любят, — доверительно сказал орел, — ты их пахать-сеять научил, ремеслам разным. К тому же ты вроде как невинно пострадавший, а они таких любят особенно.

— Не тяни, пернатый, давай к делу...

— В общем так, если Зевс дарует тебе прощение, сможешь ты убедить людей, что пахать землю и ковать железо — хорошо, а торговать — не очень?

Прометей задумался:

— А для чего?

— Торгаши больно много на себя берут.

— Торгаши, это значит Гермес? То-то он мне вчера машинное масло для цепей предлагал в кредит. Нет, не мое, ну не мое это! — наконец сказал Прометей с досадой. — Интриги эти, семейные разборки. Есть ведь специальные богини по этой части...

— Ты так и не поумнел за столько лет, — покачал головой орел, — короче, Зевс предлагает тебе сделку. Соглашаться или нет — думай сам, нравится здесь торчать — на здоровье... Ладно, завтра загляну, а сейчас полетел, еще столько дел...

Мистер «Олимпия» занимался на тренажере у себя в пентхаусе, стены тренажерного зала были увешаны почетными дипломами, стеллажи уставлены кубками и чемпионскими поясами. Атлет не жалел себя, пот градом скатывался по его красиво-

му телу. Когда огромная птица влетела в окно, он недовольно поморщился и пробурчал что-то насчет сетки от москитов, которую давно пора установить.

— Привет, Геркулес! — сказал орел, махнув крылом.

— Здорово, птица, — сказал мистер «Олимпия», вытирая пот полотенцем. — С чем пожаловал?

— Твой отец великий Зевс беспокоится, как у тебя идут дела?

— Передай моему отцу, что дела у меня идут превосходно, замечательно, просто великолепно! И еще передай, что я уже не маленький, что я давно вырос, мне почти три тысячи лет, и нет никакой необходимости постоянно контролировать меня.

— Твой отец любит тебя, — тихо сказал орел.

— Я тоже люблю своего отца, можешь сказать ему об этом, но у меня куча дел! Ты даже не представляешь себе, сколько у меня дел: на носу новый чемпионат «Мистер Олимпия», и мне отстаивать титул, а еще киносъемки, презентации, реклама...

— Послушай, Геркулес, скажи слово, и этот титул ты получишь немедленно. Разве твой отец — не верховный Бог? Разве не в его власти все происходящее на Земле?

— Как же, в его власти. Знал бы он, какие здесь интриги, какие бешеные «бабки» здесь кру... — Геркулес замолчал на полуслове, видимо, понял, что сказал что-то не то.

— Договаривай, не стесняйся, — предложил орел, внимательно разглядывая атлетическую фигуру богосына.

— А нечего мне стесняться. Скажи отцу, что я благодарен за его заботу, но всего привык добиваться сам. Пока, птичка...

Геркулес набрал номер и раздраженно кинул в трубку:

— Абонент «Меркурий». «Братуха, срочно свяжись со мной, есть срочное дело»! Подпись «Герк». Да, да, «Герк» от сокращенного «Геркулес». Передавать через каждые пять минут полчаса.

Геркулес бросил трубку и раздраженно прошелся по пентхаусу небоскреба, одного из высочайших в этом великом городе, и глянул в открытое окно. Пушистые кучевые облака сегодня были как раз чуть ниже окон его жилища. Правильно про них говорят, небожители...

— Мой любезный братец! — прозвучало с облака. Меркурий в легкомысленной гавайской рубахе немыслимой расцветки, в длинных до колен «бермудах», в шлепанцах с крылышками на босу ногу мягко приземлился и принял Геркулеса в объятия.

— Что за спешка такая, братец?

— Есть причина, — сказал Геракл и кивнул на супермодный диван в виде пухлых женских губок. — Садись, поговорим.

Меркурий воспользовался предложением и развалился, взгромоздив ноги на стеклянный столик. Скинув сандалии, Бог пошевелил пальцами ног:

— Устал, совсем замотался, столько дел. Да еще эта жара. Хоть в Австралию лети, там сейчас зима...

— Не до Австралии сейчас. Ко мне прилетал Орел!

— И что надо было этому прохиндею? — будто и не удивился новости Меркурий.

— А хрен его знает, выставил я его, не дав клюва раскрыть...

— Это ты зря, — сказал бог торговли, беря из вазочки со льдом и вкладывая в рот ярко-алую клубничку. — С этим типом надо держать ухо востро, тот еще наушник.

— Странно это, неспроста ведь прилетал, тем более сейчас. «Твой отец любит тебя», — передразнил Геркулес хриплый голос орла. — Эх, жалко я ему тогда шею не свернул, но я же не альпинист по этим горам чертовым лазить...

— По мифу ты ему шею свернул и Прометея освободил, — хмыкнул Гермес, — значит, так оно и было.

— Да, смертные, они такие доверчивые, их в чем угодно убедить можно. Но Орел — совсем другое дело...

— Это точно. — Меркурий быстро сожрал остальные ягоды, занычив золотую зажигалку со стола в карман «бермудов». — Только причин для беспокойства не вижу.

— Не видишь? Тогда посмотри на связки молний, что таскает всюду с собой наш папаша. Он с ними нынче вовсе не расстается.

— Подумаешь, молнии. Мои агенты запросто тебе ракету крылатую с ядерной боеголовкой достанут, было бы желание. Ты, Герк, не дрейфь и голову себе не забивай. Готовишься к

чемпионату, так готовься. Я хоть всех кого надо подмазал, но форму все-таки держи. Помни, что от победы твоей много зависит, очень много. Мне нужен хороший повод и эффектный выход. Не понимаешь? Потом поймешь...

Орел дослушал разговор до конца, спрятал слуховой аппарат под крыло и, сильно оттолкнувшись мощными лапами, бросил свое тело в восходящий воздушный поток.

Кентавр повел ноздрями, учуял новый запах и пронзительно заржал. Кентаврихи, пасшиеся на лужке, немедленно встали в круг, оставив жеребят в центре. Но это был не соперник и не хищник. Орел, широко распахнув крылья, спланировал и ловко приземлился на большой валун.

— Приветствую тебя, любимец Зевса, — сказал он, почтительно склонив голову.

Кентавр переступил с копыта на копыта, близоруко щурясь.

— Ба! Сколько зим, сколько лет! Тебя ли я вижу?! Вот не ожидал, — и кентавр заключил птицу в мощные объятия.

— Вот медведь! — еле перевел дух орел. — Чуть не раздавил!

— Да что медведь! — хохотнул Кентавр. — Я тут недавно одного гризли голыми руками завалил, веришь ли?

— И не сомневаюсь, — поддакнул орел, откровенно любуясь мощным торсом бородатого мужчины в расцвете сил. Торс переходил в прекрасное тело благородного скакуна. Приветливо кивнув и женам Кентавра, орел огляделся по сторонам. — А у вас тут уютно.

Действительно, долина была просто райская: буйно цветущая зелень, немыслимые тропические плоды, прозрачные ручьи и озера.

— Да уж, — гордо сказал Кентавр, — только гнус замучил...

Только теперь орел заметил, что все бока у Кентавра в старых шрамах от расчесов, а вокруг него и кобылиц, подошедших поближе к гостю, вьются рои мелких насекомых. Только там, куда доставал хвост, кожа у кентавров была гладкая и лоснящаяся. Орел ловко склюнул с бока Кентавра раздувшегося от крови овода и предложил:

— Есть разговор тет-а-тет, ты не против? Только хорошо бы в уединенном месте...

Кентавр гостеприимно развел руки в стороны, мол, какие могут быть сомнения, и поскакал, показывая дорогу.

В общем-то Лемурия была совсем маленьким островом. Отсюда, с вершины ее главного вулкана, давно потухшего, можно было разглядеть весь остров, разве что восточная часть терялась в тумане, скрывавшем остров от кораблей, самолетов и фотокамер спутников. Везде на зеленых пастбищах виднелись стада красивых полулюдей-полуконей. Кентавр был явно удивлен сделанному предложению. Он чесал в затылке пятерней и мучительно размышлял:

— Нет, конечно, заманчиво, — поскреб он искусанный злобными насекомыми бок. — Популярность, это всегда хорошо. Тем более сам Зевс предлагает. Но что мы с этого конкретно получим, с этой натурализации?

— Популярность, известность! — в который раз втолковывал непонятливому орел. — Ваш остров «случайно» откроет путешественник Конюхов, он как раз подплывает, вас будут показывать по всем каналам целые сутки.

— Как это показывать?

Орел понял, что погорячился: объяснить мифическому существу принцип работы телевидения не было ни возможности, ни времени, но он все-таки попробовал:

— Представляешь колодец Оракула?

— Допустим.

— Вот в воде этого колодца смертные могут видеть все, что творится за многие стадии от их дома.

— И что, все смертные имеют по собственному колодцу?

— Что-то типа этого, — заметив, что сказанное не произвело должного впечатления на Кентавра, орел добавил: — Кроме этого в неограниченных количествах «Фумитокс» и капканы на хищников!

— Фу-ми-токс? — с трудом выговорил по складам незнакомое слово Кентавр.

— Да, — сказал орел и достал из-под крыла желтый баллончик.

— Ну и дела. — Кентавр удивленно смотрел, как мухи и оводья стремительно меняют курс, не долетев и метра до его полного вкусной крови тела, обрызганного из баллончика. — Не кусают! Совсем не кусают! Скажи Зевсу, что я согласен, но «Фуми-токс» вперед...

— Э-э-э, — проговорил орел, оглядевшись по сторонам. — Совсем вы, девоньки, опустились.

Действительно, мифические сирены выглядели совсем неважно, обрюзгшие тела, отвисшие груди, никакого намека на талию. Начесаные волосы свисали космами, перья скомканы или беспорядочно топорщились, да и жилища сирен были им под стать. Грязные, небрежно свитые гнезда, вокруг разбросаны яичная скорлупа и обглоданные кости. Большей частью рыбьи, но попадались и человеческие.

Весь берег восточной оконечности Лемурии, что облюбовали себе сирены, устилали обломки кораблей, в основном рыболовецких шхун и яхт. Встречались, правда, и обломки покрупнее — остовы сухогрузов и даже пара лайнеров. Метрах в пятидесяти от кромки воды орел с удивлением увидел ржавый корпус небольшой подводной лодки, застрявшей в рифе. На нем копошились с десяток сирен, по всей видимости, они пытались вскрыть лодку чудовищным консервным ножом. Орел и в молодости относился с отвращением к падали, а сейчас он просто зажал клюв от чудовищной вони помета и тухлой рыбы.

— Эй, красотки, кто здесь за главного? — спросил орел двух сирен, затевавших ссору за плиту мороженой рыбы около обломков сухогруза. Плита была серая, грязная, из нее пучил глазами замороженный минтай. Мифические дивы на секунду оставили разборки, одна указала когтистой лапой куда-то в сторону скалы и снова кинулась в драку. Полетели перья.

Старшая сирена сидела в гнезде на яйцах, около нее молодая самка пялилась в навигационный пульт по всему снятый с какого-то военного судна. Пульт украшала выцветшая надпись «ДМБ-83» и изображение голой русалки в обнимку с якорем.

— Кхе, кхе, — обратил на себя внимание орел.

Старшая самка посмотрела на пришельца без особого интереса, зато молодая тут же состроила ему глазки.

— Не отвлекайся, дуреха, — прошипела старуха, — смотри, у тебя какой-то сухогруз прет прямо в зону. Посмотри, не танкер ли? Тогда объявляй готовность номер три!

Молодуха спохватилась и, высоко подняв голову, запела. Запела мощно и красиво, орел не заметил, как заслушался, и едва не свалился с камня. Команду услышали, сирены на берегу закудахтали и стали собираться в стаю. В лапах некоторых орел разглядел арфы. По всему коварные девы собирались сбить сухогруз с курса с целью банального мародерства. Орел поморщился от слишком высоких частот и сказал:

— Меня прислал Зевс.

Похоже, имя Бога Богов произвело на старуху мало впечатления.

— Что он хочет? — спросила она, подвигая яйца, что лежали по краям гнезда, ближе под крылья.

— Хочет внести изменения в лоции, — сказал орел и выдернул из-под крыла свиток. Сирена развернула пергамент, удивленно вскинула брови:

— Открыть путь в Лемурию? Он что, сдурел?

— Ты это, язычок-то придержи. А то Зевс тебе быстро перья повыщипывает, — предупредил орел.

Старуха оставила угрозу без внимания и снова впялилась в пергамент:

— С другой стороны, нам же лучше, турист попрет. Если корабли будут идти через Бермудский треугольник, то вот тут мы их и будем перехватывать, а то от минтая у меня уже несварение...

Орел плюнул и взмахнул крылами...

Кентавр, благоухая «Фумитоксом», отбивал копытом такт, а Тарзан шумно пыхтел, «качая железо» от груди.

— Ну как, мой мальчик? — спросил Зевс, спускаясь с облака, как по трапу самолета.

— О Зевс! — Кентавр преклонил одну ногу и приветственно забил копытом. — Безумно счастлив видеть тебя! А твой внук достоин самых лучших похвал!

— Вы успеете к сроку? — осторожно спросил главный Бог.

— Не сомневайся, в успехе я просто уверен.

— Ну смотри, если чего надо помочь, ну там стероиды, анаболики. Ты же знаешь, я — всемогущ!..

— Что ты! Что ты! — замахал руками и хвостом Кентавр. — Ничего этого не нужно, это же настоящий олимпийский атлет!..

Тарзан отбросил чугунный блин, поднялся на ноги и, покачивая мощными бедрами, подошел к тренеру, поклонился Богу. Зевс невольно залюбовался статью юноши и потрепал его по густым белокурым волосам...

А Кентавр насупился:

— Ну и чего ты встал? А ну бегом вокруг острова с ускорением! Три раза!

— Правильно, правильно, — поощрительно сказал Зевс, с восхищением глядя на мощные мускулы спины удаляющегося атлета. — Ты давай построже с ним, расслабляться некогда...

Зевс понял, что Кентавр не так просто отправил Тарзана на пробежку, наверное, хотел поговорить наедине. Что ж, имеет право, он взялся сделать из Тарзана чемпиона, и, по всей видимости, чемпион из Тарзана получится. А Зевс всегда щедро награждал за оказанные ему услуги.

— В общем так, великий Бог, — начал Кентавр, смущенно прокашлявшись. — Мы тут с вожаками соседних стад посовещались и решили... Не надо нам натурализации...

— Что так? — удивился Зевс. — Вы представляете, какая популярность вас ждет у смертных? Выпуски «Новостей», «В мире животных», канал «Дискавери»...

— Да представляем, чего уж там, но...

— Жены? — догадался Бог.

Кентавр кивнул:

— Как они эти модные журналы листать начали, так на этой диете помешались, спасу нет. Воют по ночам, ржут, жалуются, что у них крупы жирные, а грудь маленькая. У них же получается 90—60—160. Почти все «на силикон» записались и не жрут ничего. От голоду на ветру шатаются, а все равно не жрут — худеют. А гривы с хвостами! Бигуди, химия, мелирование, с ума сойти можно! Нет, лучше уж мы здесь, по старинке...

— Так чем же мне тогда отблагодарить тебя? — спросил Зевс.

Кентавр воровато оглянулся:

— Я слышал, там у смертных есть такая штука, «Виагра» называется. Сам видишь, жен у меня целое стадо, а годы-то уже преклонные...

Зевс громко рассмеялся:

— А конский возбудитель тебе не подойдет? Да шучу, шучу я... Будет тебе «Виагра».

— Послушай, Зевс, а откуда на нынешнем Олимпе такой красавец? Неужто правда Геркулесов сын? — спросил Кентавр на прощание.

— Помнишь седьмой подвиг Геракла?

— Это когда твой сынуля сорок девственниц за ночь испортил?

— Ну да. Так вот, портил он, а алименты платил я. Конечно, понимаю, не до детей ему тогда было, молодо — зелено, геройства совершал. Зато какая нам с Герой радость на старость лет, и внуки-внучки такие хорошенькие удались. Некоторые в папу — бессмертные...

— Ну и как у нас дела? — спросил орел, вразвалочку подходя к фигуре, блаженствующей на шезлонге у самого моря.

— Что? Пива? Нет, лучше джин-тоник охлажденный, трубочки не надо, — пробормотала фигура, приподнимая козырек бейсболки. — А, это ты... Я подумал, официант. Эй, гарсон! — крикнул Прометей в сторону мини-бара, но официант в сомбреро был довольно далеко и не услышал, а вставать титан ленился.

— Как с заданием, что дал тебе Зевс? — нетерпеливо переспросил орел.

— А никак, — ответил Прометей и снова опустил козырек бейсболки с надписью «Эверест» на нос.

— Что значит «никак»? — поразился орел.

— А то и значит.

— Подожди, подожди, — нервно затопал лапками по песку орел. — Как же так, ведь Зевс простил тебя.

— Ну и?

— И ты обещал...

— Что я обещал?

— Ты обещал научить людей, что производить — хорошо, а торговать — плохо...

— Я что, идиот? — Прометей снова поднял козырек. — Это Канары, приятель, тут мировой курорт, тут только отдыхают, покупают и продают, сувениры в основном. Ну, тратятся, в общем, и никто ни хрена не работает. Даже этот чертов официант только вид делает, что работает, бездельник! А я им тут говорить о пользе труда и вреде торговли буду? Фигня это все...

— Ну переберись в другое место, в крупный промышленный город.

— Не-а, мне здесь нравится, — лениво ответил Прометей.

— Значит, ты отказываешься выполнять условия сделки? — спросил орел зловеще.

— Вот именно, так можешь и передать. И не шипи так зловеще, не боюсь. А может, хочешь еще печенку мою поклевать? Так я тебе сейчас шею сверну, гриф недоделанный! Хотя ладно, живи, лень задницу с места поднимать. За долгие века стояния там, прикованным к скале, я нашел, знаешь ли, свою прелесть в безделье. Я ничего больше делать не буду, только лежать и наслаждаться жизнью.

Потрясенный орел молчал.

— А теперь кыш, пернатый...

— Устал, устал, малыш. — Зевс гладил своего любимца по головке. — Малыш много сегодня поработал, много летал...

Орел благодарно щипнул Зевса за палец и тут же наябедничал на Прометея. Зевс расхохотался:

— Слушай, я только что вспомнил, что на Олимпе нет своего Бога лени. Думаю, Прометей на это дело теперь сгодится. Всегда лучше иметь штатного лентяя, нежели бунтовщика.

Гефест решительно выдохнул и дернул за шнур стартера. Машина задрожала, внутри нее что-то забулькало, затарахтело, и колесо завертелось.

— Все, — сказал изобретательный Бог, — перпетуум-мобиле готов. Извольте!

Меркурий осторожно посмотрел на вечный движитель и усомнился:

— Слышь, братец, какой такой перпетуум-мобиле, когда ты при мне в бак заливал из канистры?

— Это вода, — ответил Бог, утирая руки ветошью.

— Ну и?

— Воды у нас завались! Моря и океаны! А еще круговорот воды в природе, так что будет работать вечно. Забирай!

— Слышь, Гефест, такого уговора не было. Мне такой движитель и на хрен не нужен, с ним вся мировая экономическая система рухнет. У меня ж все на нефти держится.

— Твои проблемы. Так берешь?

— Беру, беру... — заторопился Гермес и выложил плату — бочку амброзии и полный комплект инструментов автомеханика фирмы «БОШ».

Гефест откинул крышку фирменного ящичка, с нескрываемым восхищением глянул на инструменты, провел по стройным рядам ключей ладонью. Не отрывая глаз от нового приобретения, вытащил пробку из бочонка хитроумным штопором собственного изобретения, залез в бочку указательным пальцем, лизнул продукт, оценивая качество, и утвердительно кивнул:

— В расчете.

Гермес закусил губу. Честно говоря, в новом движителе, а тем более вечном, у него особой надобности не было. Этот заказ — повод сделать заманчивое предложение нелюбимому сыну Зевса. Для заговора — самый подходящий союзник: Зевса терпеть не мог, еще бы, тот его два раза с Олимпа скидывал. Геру тоже не жаловал, хоть и матерью приходится. А с его хитрыми штучками кое-кому на Олимпе запросто можно хвост прижать. Но возникла проблема: этот тупой ублюдок думать ни о чем не хотел, кроме как о своих железках. Вот и сейчас он установил бочку с гонораром под верстак, придвинул поближе ящик с инструментами и, счастливо улыбаясь, тут же похромал к своему горну выдумывать очередную фигню типа ящика Пандоры. Осталось одно средство — бить на ревность, и бог торговли решился:

— Жене подарочек готовишь? — спросил он как бы между прочим, глядя через плечо кузнеца на чертеж алмазной короны.

— Ей, Афродите, — впервые за вечер улыбнулся Гефест.

— А ты знаешь, что у нее с Марсом, то есть Аресом шуры-муры?

— Ну и что, — не удивился кузнец. — Она богиня красивая, видная, пусть порезвится, пока молодая.

— Наконечники для рогов себе лучше выкуй, — зло крикнул Меркурий и, забыв о перпетуум-мобиле, все быстрее вращающем колесо, выбежал из кузницы.

— А что, это идея, — сказал Гефест и тут же сделал набросок чертежа на листе пергамента.

Боги, шумно гомоня, рассаживались вокруг золотого трона. Как всегда, не обошлось без скандала: в этот раз неразлучная троица Бахус, Вакх и Дионис приперлись вместе, тогда как место для бога виноделия по штату было только одно. Алкаши попробовали было силой занять место Клио, музы истории и просвещения, но были биты Аидом, которому наступили на руку, он как раз выбирался из своего подземелья, жутко воняя серой. Скандал удалось замять, пьяницы слились в более или менее трезвого Дионисия, тот занял свое место, пьяно рыгнул, и тут же золотые трубы оповестили о явлении Главного Бога.

Усевшись на трон рядом с Герой, Зевс внимательно оглядел присутствующих. Меркурий в окружении молодых богов сидел на отдельном облаке в золотом облачении и нервно кусал губы. Зевс глянул в лицо Фемиде и по ее бледности понял: Меркурий решился. На коленях у богини правосудия лежал золотой свиток, и Зевс догадывался, что было в нем. Но не Меркурий сейчас беспокоил Зевса, с ним все было ясно. Зевс снова принялся всматриваться в лица богов: кого же Меркурий склонил на свою сторону, кто ж еще может участвовать в заговоре из авторитетных богов? Нептун? Да, Нептун, тот может, Нептун с торговлей повязан накрепко, а значит, и с Меркурием. Но Нептун спокойно сидел в своем облаке, почесывал спину трезубцем и мило беседовал с женой Амфитритой. Гефест? Очень выгодный союзник, от его хитроумных изделий не один бог на Олимпе уже

имел бледный вид. Но Гефест что-то чертил на пергаменте, происходящее его, видимо, мало волновало. Может быть, Фортуна? Тоже дама к деньгам неравнодушная. Но богиня удачи с раскрасневшимися от бессонных ночей глазами (сказывалось увлечение преферансом) то и дело посматривала вниз на «Улыбку Фортуны» и свою статую, казино украшавшую...

Снова загремели небесные трубы. Специально приглашенный Орфей спел специально сочиненную песнь по поводу открытия нового развлекательного комплекса на вершине Олимпа. После чего началось обсуждение видов на ближайшую Олимпиаду. Далее в повестке дня был вопрос по Прометею, тот возлежал на персональном облаке кверху брюхом и делал вид, что происходящее его не интересует. Собрание единодушно решило возвести Прометея из титанов в Боги, с присвоением почетного звания Бога лени. Решив этот вопрос, боги посчитали мероприятие законченным и уже стали подниматься с мест, чтобы отправиться по своим неотложным делам, когда Гефест молча водрузил на золотой столик странный прибор с оралом и чем-то щелкнул:

— Мы ведем прямой репортаж с супершоу года «Мистер Олимпия-2002»! — раздалось из орала хрипло. — На сцене самые красивые и мощные мужчины планеты!

Боги замерли и тут же снова расселись по местам. Как они могли забыть, ведь сегодня шоу, проводимое в их честь...

— Итак, на подиум выходят три вышедших в финал претендента! Это лучшие из лучших! Трепещите, женщины мира, и лучше сядьте, чтобы не упасть в обморок от этой красоты и мощи! Итак, приветствуем финалистов: мистер Рррррррррусский Медведь! Представитель корпорации «Рунефть» из далекой России!

Дождавшись, когда восторженные вопли стихнут, ведущий продолжил:

— Мистер Тарррррррзан! Никому неизвестный до сего дня дебютант, поразивший всех без исключения! Он представляет корпорацию «Олимпус», и... — зал едва не взорвался от воплей восторга, — и встречайте фаворита, обладателя звания «Мистер Олимпия» трех лет подряд, мистера Герррррракла от «Меркурий инкорпорейшн»!

Боги повскакали с мест и бурно зааплодировали, ну как же, сын главного Бога! И только Зевс заметил, что Меркурия на месте нет.

— И «Мистером Олимпия» становится...

Зал в предвкушении замер, только лохматый сатир, сидевший в первом ряду прямо у судейского столика, ухмыльнулся и показал Геркулесу оттопыренный средний палец руки. Геркулес, готовый услышать свое имя, в мгновение побледнел.

— ...Тарррррзан! «Олимпус корпорейшн»! — выдохнул ведущий, и зал взревел. На небесах реакция была иная: боги, болевшие за Геркулеса, разочарованно заулюлюкали.

Члены жюри недоуменно переглянулись, победитель — смуглый красавец с белокурой гривой ослепительно улыбнулся и принял стойку, в выгодном свете показывающую его бицепсы. Две дивы с длиннющими ногами, едва прикрытыми коротенькими туниками, завизжали и, пробежав мимо Геркулеса, подхватили нового героя под руки, поволокли его на подиум.

— Извини, батя, — то ли показалось, то ли на самом деле услышал Геркулес. А победитель уже поднимался на верхнюю ступеньку пьедестала, и супердива в короне мисс Вселенной увенчивала его золотым венком.

— Великий Зевс, тебе победу посвящаю! — крикнул Тарзан в микрофон.

— Вы слышали, слышали?! — вскричал ведущий. — «Мистер Олимпия» посвящает победу главному олимпийскому Богу! Какое остроумие! — и зал снова взревел.

Меркурий глянул по сторонам, врубил свои сандалии в режим «турбо» и выпорхнул из зала, спугнув охранника. Геркулес побледнел еще больше и прошептал: «Все пропало».

Геркулес тихо плакал в своей уборной. Речь победителя, в которой он возносил хвалу Меркурию, скомканной валялась в мусорной корзине. Орел, запертый в клетке, грыз прутья и грозился заговорщикам страшными карами. Меркурий не обращал на него внимания, сидел в глубоком кресле и хмурил брови:

— Ничего не понимаю, я же их всех купил, всех судей, я даже «Рунефти» отступные дал, купил им кусок хохляцкого нефте-

провода. И что это за контора такая «Олимпус инкорпорейшн»? «Олимпус» — это ведь фотоаппарат? Почему не знаю?

— А ты не догадываешься? — всклипнул Геркулес.

— Дай подумать... Батя наш подсуетился, разнюхал что-то, старый хрыч? Ладно, эффектного выхода не получилось, полечу-ка я наверх и попробую остановить Фемиду... до следующего раза.

Боги шумно поздравляли Зевса и спрашивали друг друга, что это за неведомый Тарзан — почитатель Олимпийских Богов? Зевс принимал поздравления, но успел заметить, как Меркурий потихоньку выскочил из облака и, прокравшись к Фемиде, что-то ей прошептал. Та отрицательно мотнула головой и встала, подняв над головой меч. Боги удивленно посмотрели в ее сторону, и даже пьяненький Дионисий, проснувшись как раз в этот момент, спросил:

— Фим, ты что? Танец с саблями Хачатуряна задумала?

Фемида опустила меч и торжественно сказала:

— По закону мироздания!

Боги затихли.

— Великий Зевс! — торжественно сказала богиня правосудия. — Ты Бог Богов, но и Боги живут по законам! Поступила претензия.

Боги удивленно ахнули, лишь Гефест остался невозмутим, он вставил себе в уши какие-то проводки и теперь слушал репортаж с футбольного матча. В отличие от большинства богов, болевших за афинскую «Олимпию» или марсельский «Олимпик», он болел за команду кузнецов — «Металлург».

— Что за претензия? — «удивился» Зевс.

Фемида развернула свиток:

— Согласно закону мироздания Богом Богов может быть Бог, в честь которого на земле построено больше храмов.

— А что, есть претенденты?

Меркурий в золотом облачении вспорхнул с облачка и встал перед золотым троном, гордо подняв голову, увенчанную золотым венком.

— Ну и сукин же ты сын, — пробасил с места Марс. — Извини, Гера, я вовсе не тебя имел в виду...

* * *

Результаты подсчета были неутешительными. Боги Олимпа давно не вели статистики, и теперь выходило, что торгаш Меркурий давно обошел всех по числу изображений в книгах, на денежных знаках, на эмблемах фирм, в изваяниях, упоминаний в Интернете. А по названиям фирм аж на порядок. Но вот с храмами возникала путаница, что из них считать классическим храмом в честь бога, а что нет?

Боги спорили до темноты и решили перенести прения на завтра.

— Папа, можно тебя на минутку, — сказала Афина, пробираясь к Зевсу сквозь толпу богов, выражавших свою преданность. — Это очень важно.

— Чего-то подобного я и ожидал, — грустно сказал Зевс, глядя на пару циклопических зданий-близнецов в Нью-Йорке. В центре площади у подножия Всемирного торгового центра на фоне медного земного шара парил... Меркурий, бог торговли в крылатых сандалиях. Зевс снял очки и тяжело вздохнул:

— Скажи, Афина, эти здания могут считаться храмом во славу Меркурия?

— Ты же знаешь правила, великий Зевс. «Если на площади у храма стоит статуя или иное изображение Бога, считать храм этому Богу посвященным», — тихо процитировала закон богиня мудрости, опираясь о копье. — И завтра весы Фемиды склонятся в сторону Меркурия, в этом нет сомнений...

— Какое коварство! Но я этого так не оставлю! — вскричал Зевс и вытащил из связки молнию.

— Подожди, пап! — схватила его за руку Афина. — Вспомни второй закон: «Никогда Бог не поднимет руки на храм другого Бога»! Твоя молния вернется в тебя же. Ты что, не понимаешь, это же провокация!

— И то верно. — Зевс бессильно выронил молнию, она, шипя, провалилась сквозь облако, и израильский авиалайнер рейса «Тель-Авив — Москва», дымя двигателем, обрушился в Черное море.

— Ну вот, опять евреям досталось, а крайними окажутся хохлы, — констатировала Афина, оглянулась по сторонам и зашептала на ухо отцу. По мере шептания лицо Зевса все больше и больше расплывалось в улыбке.

— Ну дочка, ну голова! Не зря тебя зовут богиней мудрости! Но что скажут другие Боги, тот же Арес, то есть Марс?

— Да пообещай ему пару маленьких войн мирового масштаба. С Саддамом хотя бы или с этими талибами. Заодно поправишь отношения с Буддой. Талибы его древнейшие изображения в скалах взорвали, а наказать он их не может, не его зона влияния. Только надо переговорить, сам знаешь с кем.

Зевс вообще не любил общаться с монобогами — несмотря на общее небесное происхождение, общих тем для бесед у них как-то не находилось. А как тут найдешь, когда твой собеседник заявляет, что он, собственно, един, а тебя как будто и не существует. Тем более — Аллах. Его религия запрещала изображение главного Бога, а разговаривать с бесформенным облаком было как-то некомфортно. Причем этот относительно молодой, а потому — горячий Бог сейчас был явно не в духе. Он только что со скандалом выпроводил делегацию из 40 разгневанных гурий. Девственницы явились с резонными претензиями — им явно грозила безработица. Все дело в том, что в последнее время в рай попадало все меньше дееспособных мужчин. В основном — убеленные сединой старцы, всю жизнь следовавшие законам шариата. Но какой толк со старца, у которого и на одну девственницу сил не часто хватало? А молодежь все больше предпочитала чтению Корана телевизор. Правда, все чаще на небеса отправлялись террористы-смертники, но по причине мощности новой взрывчатки в райские сады они попадали не полностью, а частями. Какая радость ласкать душу мужчины, у которой то одного нет, то другого, а некоторые вообще прибывали, разнесенные на молекулы.

Не порадовал и пророк Мухамед. Утром он приволок на рассмотрение Аллаху книгу, в которую лично занес имена правоверных, согрешивших потреблением алкоголя, а то и сала.

Учитывая, что книга была величиной с железнодорожный вагон, расстроиться было с чего. Причем Пророк останавливаться на достигнутом не собирался. Вот и сейчас он сидел на краю облака и смотрел через подзорную трубу вниз на бригаду таджиков-шабашников, взявшихся за постройку свинарника где-то в рязанской глубинке. Зловеще улыбаясь, Муххамед записывал имена отступников в пергамент, приговаривая по арабски: «Я те покажу, как водку трескать! Я те покажу: «Мы под крышей — Аллах не видит!» Зато я все вижу!»

Аллах, наконец, заметил Зевса, сделал вид, что обрадовался и принял облик убеленного сединами старца:

— Славься во веки веков, о древнейший из Богов! — сказал он не без ехидства. Своей молодости Аллах не стеснялся, а, наоборот, словно специально подчеркивал своим возрастом амбиции. Хотя древних богов старался без причины не обижать и языческими обзывал их только за глаза.

— Привет и тебе, бог восточных народов, — не остался в долгу Зевс.

— Так уж и восточных, — тут же ощетинился Аллах. — А ты знаешь, сколько в Африке правоверных? А в Штатах?

— Вот насчет Штатов я и хотел с тобой поговорить, — сказал Зевс и выложил свою проблему.

— Что ж, — погладил бороду Аллах. — Конечно, дело рискованное, но... Но мы — Боги — должны помогать друг другу. Тем более в Греции сейчас очень меня чтут, да и на Кипре тоже. А Америка мне никогда не нравилась, да и в Коране про нее ни слова. Хорошо, считай, что договорились...

Утром боги уже не окружали Зевса и не толпились в очереди у трона, чтобы первыми поклясться Главному Богу в преданности. Они сидели на своих местах и стыдливо прятали глаза. По всему, каждый из них прикинул ночью расклад сил и понял, на чью сторону склонится чаша. Портить отношения с новым Главным Богом совсем не хотелось. Лишь верный Марс, не терпевший Меркурия, да Венера, заявившая, что настоящая любовь не продается, разместились рядом с золотым троном.

— Что ж, начнем, — сказала Фемида грустно, — извини Зевс, закон суров, но он закон!

Она надела повязку на глаза и вытянула вперед руку с весами. Боги ахнули, чашечка со славой Меркурия резко пошла вниз.

— О, муж мой, — всхлипнула Гера...

— Подожди, — остановил ее Зевс, глядя на часы. Неожиданно чашечки весов в руках Фемиды покачнулись и почти выровнялись. Зевс зловеще усмехнулся. «Быть войне», — пробормотал Марс и напялил на голову шлем.

— Смотрите, смотрите, — крикнул какой-то пухленький купидончик, указывая пальчиком вниз. Боги толпой хлынули к краю облака.

Суперсовременный «Боинг» сделал вираж над Нью-Йорком и, ревя реактивными двигателями, понесся на второй небоскреб. Первый, его брат-близнец, уже горел, из окон циклопического здания вырывались языки адского пламени...

Календарь на экране автопилота «Боинга» показывал 11.09.2002. Часы — девять двадцать утра. Точное время атаки террористов на вторую башню Всемирного торгового центра.

Евгения Шаталина

ШАМБАЛА

— Ты все поняла?

— Да, мам!

— Смотри, будь осторожна в лесу: не разговаривай с незнакомцами, не сходи с тропинки, не поворачивай назад, не оглядывайся... — Мать перечисляла давно известные правила.

— Да, да, мам! Не в первый раз! — нетерпеливо перебила девочка.

— И еще... Надень ты наконец свою шапочку!

Девочка вздохнула — ну как же без нее. Одной рукой взяла корзинку с пирожками, другой со злостью нахлобучила красную шапочку почти до самых глаз. Ну вот, теперь, кажется, все формальности соблюдены. Пора и в путь! Тропинка начиналась почти от самого дома. Красная Шапочка тихонько напевала. Она знала, что в лесу водятся волки. Она будет готова к встрече с ними.

— Сережа! Тебя к телефону! Ты что, опять у этого ящика? Сколько ж можно?

— Ну что там еще? — Сергей с досадой оторвался от любимой игры.

— Как ты разговариваешь с матерью? Совсем ошалел от компьютера! Вот выкину его к чертовой матери!

Опять завела свою старую песню о главном, подумал Сергей и взял трубку.

© Е. Шаталина, 2007

— Привет, Серега! Как дела?

— А, привет, Макс! Да мать опять разошлась!

— Из-за компа?

— Ну! Достала уже!

— Ладно, не парься! Ты к Муфлону сегодня идешь?

— Надо подумать... У меня вообще-то дела...

— Волков мочить? — иронически засмеялся Макс. — Кончай ломаться, приходи, будет круто! Митька какой-то сюрприз обещал. Покруче твоей Красной Шапки!

— Ладно посмотрим.

Больше всего Красная Шапочка любила маки. Из них получалось отличное сонное зелье.

Она собирала цветы на своей любимой поляне, когда ее окликнули.

— Здравствуй, девочка!

Красная Шапочка обернулась. Над ней возвышался огромный, небритый мужик.

— Здравствуй, дяденька!

— А что делаешь ты одна в лесу, разве волков не боишься?

— Бабулю хочу проведать. Говорят, заболела она.

— А что у тебя в корзинке?

— Лекарства и пирожки.

— А водочка есть?

— Нет.

— Не угостишь меня пирожком?

— Не про твою честь!

— Зря ты так девочка! — всхлипнул дядька. — Жалко пирожок для старого больного волка. Смотри, как бы еще не пожалеть!

Красная Шапочка только фыркнула.

— А где твоя бабка, говоришь, живет? — спросил «волчара».

— Аккурат в конце этой тропинки и живет...

— А-а... Ну извини, дела! Рад был познакомиться.

Нарвав цветов, она отправилась дальше. За поляной тропинка внезапно оборвалась и девочка оказалась прямо перед де-

ревянным домиком. Она знала, что ей нужно было туда, но зачем — забыла.

Хотя домик был несколько странный, прямо-таки жутковатый — забор полусгнил, покосился, в окнах вместо стекла — паутина, дверей вообще не было. Девочка, набравшись храбрости, перешагнула порог и вошла вовнутрь, вспугнув своим появлением стаю ворон. Прогнивший пол проваливался под ногами, и она чуть было не упала. Побродив по дому и не найдя ничего интересного, девочка вышла через заднюю дверь во внутренний дворик. Заросли бурьяна были ей по пояс. Посреди дворика стоял стол, покрытый скатертью, по всей видимости, когда-то белой и нарядной, а теперь покрытой какими-то бурыми пятнами. В центре стола торчал большой нож для рубки мяса. Подойдя поближе, девочка вытащила его. Лезвие было в крови. Сзади послышалось глухое рычание. Обернувшись, она увидела, что всего в двух шагах от нее стояла отвратительная тварь, похожая на огромную собаку.

Тело у нее было покрыто язвами, шерсть свалялась. Тварь зарычала громче и оскалилась. Из пасти стекали ручейки розовой пены. Девочка не успела вскрикнуть, как тварь бросилась на нее и повалила на землю.

Среди сверстников Сергей слыл «ботаником» и больше любил свой компьютер, чем всякие тусовки. В виртуальном мире он чувствовал себя гораздо лучше и увереннее. А красоток с порносайтов предпочитал реальным подругам. Хотя у него была неразделенная любовь к девочке из параллельного класса. Звали ее Настя. Она была высокая, стройная и уверенная в себе девушка. Но Сергей скорее бы сунул руку в огонь, чем заговорил бы с ней. И все же, несмотря на некоторые странности, в кругу своих друзей он пользовался уважением, как человек разбирающийся в компьютерах.

Этим вечером у Митьки Филонова, известного как Муфлон, собралась компания любителей компьютерных игр. Кроме Сергея и Муфлона, там были толстяк Макс, друзья Андрюха и Пашка. Были, конечно, и девчонки, одноклассницы Маринка, Светка и... Настя. Сергей обомлел, когда ее увидел. Сначала он хо-

тел уйти, но не нашел подходящего повода, пришлось остаться и делать вид, что ему тоже очень весело.

Вечеринка шла своим чередом. Все пили пиво и смотрели клипы по DVD. Потом пили коньяк, а девушки кофе с ликером. Все уже хорошенько набрались, когда Муфлон предложил покурить «траву». Возражений не было. Муфлон уверял, что «трава — первый сорт!» Сергей же не курил вообще и почти не употреблял алкоголь. Но отказаться постеснялся.

Пашка с комфортом сидел на диване, в стельку пьяные Маринка и Светка висли на нем. Настя сидела в кресле напротив, словно на троне, и невозмутим курила. Казалось, что ни выпивка, ни «трава» ее не берут. У нее были длинные темные волосы, смуглая кожа, голубые глаза и идеальная фигура. Остальная компания попадала на пол.

— Ну что, Сергей, как дела на хакерском фронте? — затягиваясь сигаретой, спросил Муфлон.

— Без перемен... — ответил он, выпуская дым.

— Он по сказкам тащится, — подал голос Андрей. — Красной Шапочкой прикидывается.

Все, кроме Насти, дружно заржали. Сергей покраснел.

— Так ты еще играешь в это старье? — удивился Муфлон.

— Не твое дело! — огрызнулся Сергей.

— Знаю, знаю! — закричал Пашка. — Там Красная Шапочка рубит волков на куски.

— Да ладно! — повторил Муфлон. — Старье все это, у меня есть кое-что по лучше.

Муфлон вытащил из кармана диск и дал его Сергею.

— Ого! — поразился он. — Шамбала! Вот это да!

— Кажется, я что-то слышал об этом, — сказал Павел, — но это запрещенная игра.

— Ходили слухи, что все, кто в нее играл, погибли или сошли с ума, — добавила Света.

— Да, типа в игре всякие ужасы происходят, вот игроков и клинит, — сказал Пашка.

— Короче! — крикнул Муфлон. — Хорош пургу гнать!

— А меня заинтриговали! Муфлон! Где у тебя комп?! — заорал Андрей, вставая и снова падая.

— Да, где?

— Давай сыграем!

— Йо! Йе! — послышались одобряющие крики.

И вся компания шумно отправилась в комнату Муфлона.

Дальнейшие события Сергей помнил смутно. По дороге, кажется, кто-то упал. Кажется, это был он сам. Или диван... Или он с диваном. Сегодня это уже не важно, потому что на этом месте Сергей отключился, и что было в игре, тогда он так и не узнал...

— Добрый вечер! Добрый вечер! Добрый вечер, дорогие друзья! Тема нашего эфира сегодня: «Компьютерные игры — миф или реальность?» Я представляю вам наших гостей — известных психологов, артистов, священников. И главный вопрос сегодня: опасны ли компьютерные игры? Спросим мнение наших зрителей.

— Я мать двоих сыновей, и я тихо шалею, глядя на то, как на глазах у старшего сына, ему два года, отец расстреливает живое существо, пусть виртуальное, пусть даже и монстра. Но сын-то в это верит! Он кричит: «Папа, не надо!» Пока еще, слава Богу, он не привык к этому зрелищу, оно еще не стало для него чем-то нормальным.

— Жизнь — это игра, зачем создавать из всего проблему? Надо жить играючи и наслаждаться.

— Существуют полезные игры. Квесты, например. Развивающие мышление, логику, воображение.

— А я люблю рубилово! Я вообще очень агрессивный! А в жизни тоже, между прочим, хватает и насилия, и агрессии. Все как с цепи сорвались!

— Компьютерные игры — это наркотик. Начинаешь играть — и ты уже на крючке! Игра затягивает. Бывало, что и я сутками не отходил от компа. Спал по два часа в день.

— Итак, мы видим, что мнения разделились. Но виртомания, то есть зависимость от компьютера, — это действительно болезнь. Примером тому — трагедия в Ростове-на-Дону. Когда двое подростков, наигравшись в компьютерную игру «Шамбалу», пришли в школу и расстреляли своих одноклассников. Погиб весь класс. По этому факту возбуждено уголовное дело. Ро-

дители потерпевших подали иски в суд на фирму производителя этой игры. И сегодня у нас в гостях представитель этой фирмы — вице-президент компании «Манила» Александр Романов!

Слышны аплодисменты, гневные выкрики и улюлюканье.

— Добрый вечер! Сразу хочу сказать, что все это полная чушь и клевета. А к суду надо привлекать тех малолетних преступников, которые расстреливали своих друзей!

Сергей ужинал в своей комнате, одним глазом косясь в телевизор. Услышав знакомое название «Шамбала», заинтересовался было, но досмотреть передачу ему так и не дали. Зазвонил мобильник, это был Макс:

— Привет, Старый!

— Макс, ты куда пропал, тебя уже три дня в школе нет?!

— Да кому нужна эта твоя школа! Есть вещи поважнее и поинтереснее! Слушай, это не телефонный разговор. Дуй ко мне!

— Сейчас? Так ведь поздно уже!

— И что? Мамочка заругает? — съехидничал Макс.

Наскоро собравшись и оставив родителям записку, Сергей на цыпочках, чтобы не засекли, выскользнул из квартиры. Было начало девятого, поздно уже ходить в гости, но Макс жил на соседней улице. Уже через полчаса Сергей был у друга. Не успел он позвонить в дверь, как она распахнулась перед ним. В прихожей было темно и никого не было.

— Ау! Есть кто живой?

— Повой! — эхом отозвался Макс.

— Вот придурок! — пробормотал Сергей.

— Сам дурак! — донеслось из комнаты Макса. Слегка сбитый с толку Сережа пошел на голос. В квартире было темно и безлюдно. По памяти и на ощупь отыскав нужную комнату, Сергей лишь поднес руку к двери, как она распахнулась перед ним. В комнате Макса горел лишь монитор компьютера.

Макс сидел за ним и даже не шелохнулся при появлении друга.

— Кончай придуриваться, ты! — слегка испугавшись, закричал Сергей, потыкав пальцем Макса. — Ты живой или мумия?

— Иди ты к черту! — огрызнулся Макс. — Что так долго? Уснул по дороге?

— Я тоже рад тебя видеть! — съязвил Сережа. — Что случилось-то?

— Ничего не случилось, старик, все нормально! — не отрываясь от компьютера, проговорил Макс.

— Но...

— Да, я хотел поговорить. Точнее, показать тебе кое-что. Да дома я был все это время. Играл в эту чертову «Шамбалу». Затягивает, зараза!

Сергей рассматривал друга, за последнее время он как-то странно изменился.

Выглядел он больным и измученным, осунулся, под глазами появились огромные синяки и в то же время в нем появилось что-то новое. Сергей все это отметил про себя и хотел было спросить об этом, но Макс его опередил:

— Что, не нравится, как я выгляжу? На себя посмотри, урод!

Сергей растерялся и не ответил. Макс словно угадывал его мысли.

— Да, я читаю твои мысли, дружок! — самодовольно ухмыльнулся Макс.

— Ага, конечно! — усмехнулся Сергей. — А о чем я думаю сейчас?

— Сам ты придурок! Да, я действительно уже трое суток играю в эту долбаную игру!

— А как же?..

— Да, трое суток не спал. А о моих нуждах не беспокойся! — усмехнулся Макс.

Дверь распахнулась и в комнату въехал сервировочный столик, на котором была курица-гриль, хлеб, бутылка холодного пепси и два бокала. Сергей выпучил глаза.

— Угощайся! — предложил Макс.

— Как это?

— Телекинез! — важно сказал Макс.

— Да ладно! Там, наверно, кто-то спрятался за дверью, кто тебе все это накрыл.

— Не веришь, тогда смотри!

Бутылка пепси задрожала, пробка слетела, издав легкий хлопок. Затем бутылка поднялась в воздух и сама наполнила бокалы пенящейся пепси-колой. Сергей остолбенел.

— Ну как тебе? — спросил Макс, довольный произведенным впечатлением.

— К...к...ак это?

— Это все игра! — Лицо Макса так и сияло восторгом. — Она дает могущество, и это реальность!

— А летать ты умеешь?

— Я — нет. А вот ты...

Вначале Сергей ничего не почувствовал, пока не заметил, что смотрит на Макса сверху вниз. Он беспокойно заозирался, и впрямь комната куда-то уплыла.

— Эй! — заорал он из-под потолка. — Верни меня на землю!

Через минуту Сергей плавно опустился на диван. Макс давился от смеха.

— Теперь веришь? — спросил он.

— С трудом.

— Суть игры в том, чтобы пройти все уровни и достичь сказочного города Шамбалы. Выигравший становится властелином жизни. Ты видишь, что все это по-настоящему.

— Так ты ее прошел?

— Не до конца. Но ты видишь результат.

— Слушай, дай поиграть!

— Ха! А ты знаешь, что в эту игру можно играть и вдвоем. Так даже будет легче...

Солнце едва всходило над заснеженными вершинами Монсальвата, когда из маленькой деревушки вышли два юноши — воина. Небо было прозрачным, словно голубой лед, и в то же время чуть светилось. Снег на горных вершинах искрился под лучами солнца, словно горсти алмазов и жемчугов. Деревня находилась в удивительной горной долине. А воздух свежий и такой насыщенный, что его можно было бы есть.

Некоторое время юноши шли молча, любуясь красотой окружающего мира.

Один из них был старше, на вид более крепким, высоким, с длинными светлыми волосами. На правой щеке красовался шрам, отчего у него был несколько суровый вид. Второй был помоложе и пониже ростом. У него были черные короткие волосы и голубые глаза. Одеты они были простовато. Оба были вооружены кинжалом и топориком.

По всему было видно, что высокий был старшим в паре. Он хорошо ориентировался на местности и знал дорогу. Долина кончилась, впереди виднелся небольшой лесок, но чтобы попасть в него, надо было перейти через маленькую, но бурную горную речушку.

— Касатики! — раздался старушечий голос. — Не поможете бабушке?

Возле реки на большом камне стояла старушка.

— Бабушка старенькая. Помогите перейти бабушке, а она вам за это погадает.

На цыганку она была не похожа. Обычная старушка, маленькая и тоненькая как ребенок, с пушистыми седыми кудрями и тоненьким голоском, она производила очень трогательное впечатление. Высокий, легко перепрыгивая с кочки на кочку, приблизился к старушке и, взяв ее на руки словно куклу, с такой же легкостью перебрался через реку.

— Ай, молодец! Сила-то богатырская! — воскликнула старушка. — А звать-то вас как?

— Я Каин, — ответил светловолосый, — а это мой друг Ворон.

— А куда путь держите? Не в Шамбалу ли?

— В Шамбалу! — хором ответили друзья.

— Да-а! — задумчиво протянула старушка. — Все хотят могущества, но не все знают ему цену...

— А какова цена? — несмело спросил, молчавший до этого Ворон.

— Вот что я вам скажу, касатики. Путь в Шамбалу труден и опасен, вы себе даже и не представляете насколько... Но раз вы мне помогли, то услуга за услугу, подскажу вам дорогу. Сначала пойдете сквозь заколдованный лес, затем через Русалочье озеро, потом город призраков, потом через Волчьи горы, ну а там... Вас выведут... В пути вас поджидают всякие... неожиданности.

Возможно, вы встретите врагов, вам придется сражаться. Если вы их победите, то и душа, а следовательно, и жизненная сила, и могущество врага переходит к вам. Ну а если убьют вас, то соответственно, — старуха хихикнула, — вы отдадите свою душу.

— Спасибо тебе, мудрая ведунья, за твои наставления, — начал было Ворон.

— Подожди благодарить, молодой человек, — оборвала его старушка. — А лучше скажите мне, касатики, вам нужны волшебная карта и компас, с которыми вы никогда не собьетесь с пути?

— Нужны вообще-то, — ответил Ворон.

— Только это не подарок, могу продать недорого.

— А как насчет того, что мы уже тебе помогли, бабуся?

— Так я вам тоже помогла — советом. Или вы думаете, что перевели старушку через ручеек, и она вам по гроб жизни будет обязана?

— И что же ты хочешь? — спросил Каин.

Старушка хитро сощурилась на Ворона.

— Твою душу.

— Ого, бабуся! — воскликнул он. — Не жирно ли будет?

— В самый раз! — улыбнулась старушка. — Она у тебя чистая, наивная и к тому же — любящая. Разве я не говорила вам, что цена могущества здесь — душа?

— Нет... — Ворон был шокирован.

— Не говорила? Чертов склероз! Или маразм?.. А впрочем, один хрен... Так как насчет души?

— Нет!

— А компас и карта — хорошие! Ни за что не заблудитесь!

— Я сказал — нет!

— Не хотите отдавать всю душу, отдайте хотя бы часть.

— Как это — часть? — не понял Ворон.

— Обыкновенно — часть, — нетерпеливо произнесла старушка. — И волшебное зелье, заживляющее раны, дам в придачу. Но только плата с каждого! Согласны?

Каин и Ворон переглянулись.

— Давай! — шепнул Каин. — Часть души — это не вся душа.

— Согласны! — протянул руку Каин.

— А ты? — спросила старуха у Ворон.

Ворон молчал.

— А ТЫ? — повторила старуха.

— Д-да...

— Что ж, кредит открыт! — пробормотала старуха и рассмеялась.

Она достала нож, подошла к Ворону и полоснула его по запястью. Не успел он ни возмутиться, ни испугаться, как она поднесла соломинку к ранке и высосала несколько капелек крови. То же самое она проделала и с Каином. Потом пробормотала что-то на непонятном языке и обернулась вокруг себя. Глаза ее вспыхнули красным огнем. На несколько секунд она утратила свое обаяние и стала похожа на ведьму. Затем она вновь стала прежней.

— Вот и все, касатики! — засмеялась старушка. — Видите, это не больно! Уговор есть уговор: вот вам карта, компас и зелье. Идите на север по этому компасу. И да пребудет с вами Шамбала!

Голова раскалывалась. В ушах стоял оглушительный звон. Павел выключил компьютер. Он потерял счет времени и не помнил, сколько длилась игра. Звон не умолкал. Голова сейчас разорвется. Что же это такое? Паша встал из-за стола. Его мутило.

Комната расплылась, на пару секунд исчезла, и Пашке показалось, что он все еще в игре и рядом кто-то есть. Кто-то враждебный.

— Доигрался! — пробормотал он. — Прощай крыша — халигали!

Обернулся, глянул в зеркало и похолодел... Его отражение было каким-то странным. Он вспомнил сцены из фильмов ужасов или из собственных кошмаров. Зеркало отражало труп. Лицо у двойника было мертвенно-серым, глаза закрыты. Из глаз и из носа стекали струйки крови. В висок иглой впилась боль. Видение долго не исчезало. В голове снова взорвался звон.

— Да это же в дверь звонят! — догадался он.

— Леха, ты? Кончай звонить! Сейчас открою!

Это действительно был Алексей, с которым они играли вместе в рок-группе.

Вид у этого Лехи был несколько ошалелый. В голове разорвалась очередная бомба.

— Да не ори ты так! — простонал он. — Я помню, что сегодня выступление. — Павел зажмурился.

— Я вообще-то молчу! — растерялся Леха. — Ты как? Что с тобой?

— Ничего! — со злостью ответил Пашка. — Все отлично.

— Все давно собрались! Тебя ждут. Ты хоть идти сможешь?

— Я же сказал, все в порядке!

Через полчаса они были на репетиции. Уже три года Павел играл в рок-группе, которую сам же основал. Он был талантливым гитаристом и автором почти всех песен группы. Группа состояла из четырех человек. Пашка играл на соло-гитаре, Леха — ударник, Стас из параллельного класса — на басу, вокалистка была Настя, та самая девушка, в которую был безответно влюблен Сергей. Она же исполняла партию флейты и клавишных. Постоянного клавишника в группе не было. Последнее время группу стали активно продвигать, и сегодняшнее выступление в клубе могло стать решающим в карьере юных музыкантов. Ходили слухи, что в клуб должны были прийти важные шишки со студии.

Когда Леха и Пашка пришли, Стас и Настя уже начали репетировать. Стас что-то тихонько наигрывал на гитаре, а Настя ему подпевала. У нее был очень красивый голос, глубокий и серебристый. Ребята играли негромко, но у Павла голова разболелась еще больше. В ушах, словно испорченное радио, зашептали несколько голосов. Павел испугался. Это уже не смешно!

Ребята замолчали. Стас кивнул в знак приветствия. Настя встревоженно посмотрела на Павла.

— Паша! Ты в порядке? — спросила она. — Ты же весь зеленый, на ногах не стоишь!

— Да что вы все заладили одно и то же! Все в порядке! — разозлился Пашка.

Хотя сердце у него колотилось как бешеное. Павел внимательно глянул на Настю.

Красивая она все-таки, раньше он этого не замечал. И что-то еще... Откуда-то появилось знание, что он ей небезразличен. Пашка чуть улыбнулся.

— Ну если все в порядке, может быть, начнем? — недовольно проворчал Стас.

Стас недолюбливал Павла, он завидовал ему, потому что тот был талантливее, пользовался успехом у девушек прямо как настоящая рок-звезда. Все это Павел понял прямо сейчас. Ему стало страшно. Казалось, он сходит с ума.

— Может быть, отдохнешь? — встревоженно спросила Настя.

Павел мотнул головой и взял гитару. Кивнул Стасу и ребята стали настраиваться.

Репетиция прошла как обычно. Стас не попадал в ритм и ругался с Павлом.

Настя пыталась их помирить. Через два часа Павел, как лидер, был более или менее удовлетворен игрой группы. Пора было идти на сцену.

В зале начал собираться народ. Звукорежиссер настраивал аппаратуру.

Уже стоя за кулисами, Павел почувствовал непонятный страх. Ощущение было такое, словно загнали в угол и стены стали смыкаться. Раньше он ничего подобного не испытывал. Перед глазами, как живые, замелькали темные тени. Но вот ведущий объявил их группу, надо было взять себя в руки и идти на сцену. Полный зал народу, и все пришли послушать их выступление. Наверное, среди них были и те «шишки» со студии.

Снова удар в голову и мир пошатнулся. Яркий свет, крики толпы, выкрики ведущего — все это слилось воедино. Павел почувствовал, как океан мыслей и эмоций этой толпы накрывает его с головой, и он тонет в нем.

Стас незаметно подтолкнул его, и Павел через силу заиграл свою партию. Ребята начали свое выступление. Зрители танцевали возле сцены и подпевали.

Павел вспомнил старый клип своей любимой группы «Evanescence» — «Going under», когда толпа фанатов рок-группы превращается в монстров. Сейчас он чувствовал то же самое. Он видел насквозь их души, искалеченные и темные, молодые и старые. Вот группа подростков пьющих пиво. Такие юные и уже мертвые. Единственная их цель в жизни — хорошо оттянуться, не важно где, не важно как. Словить хоть какой-нибудь кайф. Оттянуться по возможности так, чтобы на следующий день долго вспоминать, кто они и на какой планете находятся. Вот толпа пьяных распоясавшихся парней что-то орущих на сцену матом. Там одна агрессия и тупость. Жирный лысенький дяденька со студии, недовольный тем, что он вынужден тратить свое время на «всю эту ерунду». Рядом с ним нетрезвая блондинка с пустой пивной бутылкой, не жена, не любовница, а наложница — секретарша. Павел почувствовал удушье. Боль становилась совсем невыносимой. Голова разрывалась на части.

Глянув в зал, он заметил горящие красные огоньки — волчьи глаза. Они, казалось, были повсюду. Огромные черные волки с Волчьих гор подступали к сцене все ближе и ближе, окружая его. Они всегда преследовали свою добычу молча и молча разрывали ее на куски. Павел больше не мог играть и только сжимал обеими руками гриф. The show must go on! — музыканты продолжали выступление без него.

Что-то капнуло на гриф. Павел поднес руку к лицу, из носа шла кровь.

Волки уже совсем близко. Они пришли за ним. Вот один из них, вожак, прыгнул на сцену. Ни музыканты, ни зрители их не замечали. Волк остановился в метре от Павла и, не мигая, уставился на него. Павлу стало жутко. Взгляд у волка был вполне осмысленный, словно тот тоже был разумен. Холодный безжалостный взгляд убийцы.

На сцену запрыгнули еще два волка. Павел попятился, но, зацепившись за провод, упал. Волки бросились на него. Волки вцепились ему в ноги. Павел хотел закричать, но повернув голову, он увидел вожака прямо возле себя.

На секунду их глаза встретились, и вожак впился Павлу в лицо.

* * *

Каин и Ворон, весело переговариваясь, шли через заколдованный лес. Это действительно было какое-то сказóчное место. Они совсем углубились в чащу, вокруг были вековые дубы с причудливо закрученными стволами и ветками, напоминающими лапы. Заросли кустарников и какого-то вьющегося растения путались под ногами, лезли в лицо и мешали идти.

— Ворон! Ты меньше и ловчее меня, тебе надо идти впереди и расчищать путь нам обоим. А то мы так не пройдем.

— Хорошо!

Ворон осторожно пошел вперед, орудуя топором и расчищая путь товарищу.

Лес становился все гуще, опускались сумерки, и от этого он становился еще более зловещим. Заросли стали такими густыми и непроходимыми, что даже Ворону было трудно идти. Несколько раз он спотыкался о лежащие повсюду ветви лиан и в конце концов, потеряв равновесие, полетел кувырком в тот самый момент, когда Каин был готов нанести ему удар кинжалом в спину.

— Ты что?! — закричал Ворон.

Глаза Каина горели дьявольским огнем.

— Извини, друг, но дальше наши пути расходятся. Каждый достигает Шамбалу в одиночестве.

— Но почему ты хочешь меня убить?! Мы же друзья!

— Здесь нет друзей. Здесь нет ни дружбы, ни любви, все это мусор, который мешает Главному Пути. Я буду Властелином Жизни, но сейчас я убью тебя и завладею твоей душой. Извини, ничего личного, это игра.

И Каин бросился на своего младшего товарища, размахивая топором. Он был более сильным и опытным воином, но Ворон был более ловким и успел увернуться в последний момент от топорика Каина, который разрубил деревце в щепы. Ворон сделал кувырок назад и вскочил на ноги, отразив удар веткой. Топор разрубил ее пополам и ранил Ворона в правое плечо. Удар прошел по касательной и рана оказалась неглубокой. Лианы мешали движениям Ворона, но замедляли и его вра-

га. Так как топор он выронил при падении, а кинжал еще не успел достать из ножен, Ворон был совершенно безоружен. Удары градом посыпались на него, а он только уворачивался и защищался. Каин злорадно улыбался, уверенный в своей силе.

Сергей встал из-за стола.

— Мне, пожалуй, пора, поздно уже! Что-то я заигрался тут с тобой.

— Сядь на место и продолжай игру! — прошипел Макс.

— Хорошо, давай я завтра приду и еще поиграем!

— СЯДЬ НА МЕСТО И ПРОДОЛЖАЙ ИГРУ!

Сергей вдруг почувствовал, что его не держат ноги, и упал на колени.

Сервировочный столик задрожал, поднялся в воздух и, перелетев через всю комнату, с силой врезался в стену. Послышался звон разбитого стекла, на обоях остались следы от пепси-колы и жареной курицы. Осколки бутылки и бокалов рассыпались по полу. Сергей вскрикнул, один крупный осколок вонзился ему в правую руку. Еще один полоснул по ноге под коленом.

— Я мог бы убить тебя сейчас, — проговорил Макс. — Но я лучше сделаю это в Шамбале. Будь хорошим, сядь на место и продолжай игру!

— Ты спятил!

Еще один осколок распорол Сергею предплечье.

— Прикуси язык, психиатр хренов!

— Зачем тебе я? Играй один, ты, маньяк!

— Мне нужна твоя душа! Неужели ты не понял, что это не игра, а реальность! Ты нужен мне! Играй!

Ворон был все еще безоружен и быстро слабел, в то время как его противник, казалось, становился все сильнее. Каин словно пил его жизненную силу как сок. Еще один удар в голову, но Ворон успел нагнуться и лезвие срезало клок волос. Каин подобрал волосы и усмехнулся.

— Что ж, буду расправляться с тобой по частям!

С силой размахнувшись, нанес удар по колену. Ворон упал, вскрикнув. Каин приготовился добить врага, но Ворон хлестнул его по ногам лианой. Каин упал, но оружие не выронил. Ребята покатились по земле. Каин был больше и сильнее. Ему доставляло удовольствие бить прямо в открытые раны своего друга.

Он навалился на Ворона, одной рукой прижимая его раненое плечо к земле, другой рукой пытаясь нанести решающий удар. Ворон, защищаясь, схватился здоровой рукой за лезвие топора, а другой пытался вытащить нож. Топор оказался прямо у его горла. Каин давил изо всех сил. Из руки Ворона потекла кровь. Казалось, еще немного и все будет кончено. В тот самый момент, когда силы Ворона были уже на исходе, он успел вытащить нож и вонзил его Каину в живот. Каин замер и выпустил топор из рук. Ворон успел убрать голову и топор вонзился рядом. Каин был мертв.

Сергей вышел из игры. И только теперь он заметил, что Макс лежит на полу, скорчившись. Пошатываясь, Сергей подошел к нему и перевернул. Судя по всему, он был мертв. Остекленевшие глаза были полны ужаса. Лицо побелело и перекосилось от боли, руки были прижаты к животу.

Это был его близкий друг, с которым они вместе выросли. Сергея вырвало. Правая рука, в которую вонзился осколок, сильно кровоточила, болело и ныло все тело, словно он и вправду только что сражался. Болело плечо, куда был ранен его персонаж в игре.

Было уже поздно, но родителей Макса дома не было. Макс говорил, что они уехали на дачу. Сергей огляделся и подумал, что окружающий разгром похож на место преступления, к тому же повсюду его следы. В ванной нашел аптечку и перебинтовал свои раны. Затем сходил на кухню и принес веник, совок, ведро с водой и тряпку. Стараясь не смотреть на своего бывшего друга, он смел с пола осколки и остатки обеда, вымыл пол. Взгляд его упал на разломанный сервировочный столик. Так и не придумав, куда его можно деть, Сергей положил его возле тела Макса.

Убрав все следы, Сергей вытащил диск с игрой и выключил компьютер. Потом он снова тщательно протер все отпечатки и только после этого покинул квартиру своего друга. Когда он пришел домой, уже начинало светать. Он, не раздеваясь, пошел в свою комнату и включил комп.

Ворон сбросил с себя Каина, затем вытер нож о траву. Достал волшебное зелье и обработал свои раны. Старуха была права: они тут же затянулись. Он посмотрел на Каина. Тот лежал на спине, раскинув руки и уставившись в небо. Каин его предал, но он все же был его другом. Ворон решил, что похоронит его прямо здесь.

Осмотревшись, он нашел свой топор. Затем стал копать могилу ножом. К счастью, земля была сухой и достаточно мягкой. Он закрыл глаза своему бывшему другу, забрал у него оружие и карту, затем завернул его в плащ и опустил в яму. Сверху забросал землей и ветками, сделав небольшой холмик.

Похоронив своего друга, Ворон поспешно ушел и даже не оглянулся. На ходу достал волшебную карту. Надо было идти на восток к Русалочьему озеру. Судя по карте, оно было в получасе ходьбы.

Лес постепенно редел, солнце слепило глаза. Птицы выводили трели, о чем-то переговаривались цикады на своем языке.

Ворон вышел на небольшую поляну, усыпанную ландышами и вереском. Она была бы очень красивой, если бы не двое убитых юношей, лежавших прямо среди моря цветов. Чуть поодаль мирно паслись их лошади, равнодушно поедая ландыши. Ворон подошел поближе к убитым. Они были очень молоды, совсем мальчики. Один из них был убит стрелой в сердце и все еще сжимал в руке короткий меч. Другого, видимо, застали врасплох. Он лежал ничком с ножом в спине. В руках у него был арбалет. Ворону вдруг показалось, что у него дежа-вю. Может, эти двое убили друг друга так же, как хотел убить его Каин? Решив, что в любом случае этим двоим уже терять нечего, Ворон завладел оружием убитых, после чего, обыскав лошадей, нашел небольшой запас еды, дротики и флягу с водой. Затем сел на лошадь и продолжил путь.

Далее тропинка шла вновь через лесок и круто сворачивала влево. Наконец Ворон увидел озеро. Оно блестело и переливалось на солнце, так что Ворон невольно зажмурился. Картина была настолько необычной, что походила на мираж. Озеро лежало в небольшой долине между гор, которые почтительно расступались перед ним. Озеро было слегка подернуто туманной дымкой, что придавало ему мистический вид.

В том, что это было то самое Русалочье озеро, Ворон убедился по карте. Но дальше, судя по карте, надо было идти через озеро. Ворон объехал берег на лошади, но не нашел ни брода, ни моста. Может, надо идти вплавь? Лошадь наотрез отказалась идти в воду, как Ворон ни старался. Пришлось ему спешиться и идти одному. Ворон попробовал воду рукой. Она оказалась теплой. Тогда он снял обувь и пошлепал босиком по мелководью. И только после этого он отважился зайти в воду.

Вода совершенно не ощущалась. Ощущение было странное — словно он идет не в воде, а в зазеркалье. Но идти было легко и приятно, и Ворон шел, пока вода не дошла ему до горла, потом поплыл. Он был очень сильным пловцом. Проплыв несколько метров, он вдруг почувствовал, что что-то его тянет под воду. Ворон сделал усилие, чтобы плыть дальше. Но это не помогло. Его все сильнее тянуло на дно. Он попытался вернуться на берег, но словно попал в какой-то водоворот. Ворон в панике стал барахтаться, но и это не помогало. Нырнув в очередной раз, он вдруг понял, что прекрасно дышит под водой, ему стало любопытно, он перестал барахтаться и пошел на дно.

Первым делом Ворон осмотрелся и не поверил собственным глазам. Он находился в каком-то помещении, напоминающем то ли большую пещеру, то ли грот. Пол был из мрамора, возле стен стояли белые мраморные колонны и разнообразные весьма причудливые статуи. Особенно он обратил внимание на бюсты в виде бородатых голов. Они, очевидно, принадлежали каким-то гномам. Ворон подошел к одной такой бородатой голове в шлеме. Немного подумав, он почесал ей подбородок. Голова вдруг важно покосилась на него и мурлыкнула: «Спасибо!»

Ворон опешил, он не ожидал, что бюст окажется живым. Он почесал в затылке и попятился. Неожиданно что-то просвисте-

ло у него над ухом и больно ударило в плечо. Ворон инстинктивно потянулся к ушибленному месту и нащупал дротик. Еще несколько дротиков просвистели у него над головой, и он едва успел нагнуться. Пара-тройка дротиков воткнулись в колонны, а один попал в статую. Статуя громко выругалась. Ворон спрятался за колонну и попытался осмотреться. На противоположном конце зала прятались в засаде гномы. Ворон достал арбалет и зарядил стрелу. Какое-то время он выжидал, но гномы тоже не двигались. Тогда он решил осторожно пробираться дальше.

— Эй! — крикнул он нападавшим. — Давайте поговорим! Я вас не оби... — Ворон еле увернулся от брошенного ножа, — ...жу!

Ворон подобрал нож. По всей видимости, гномы были настроены очень решительно. Они ответили ему градом стрел и дротиков. Ворон перебегал от колонны к колонне, стреляя из арбалета в гномов. Но пока результат был нулевой у той и у этой стороны. Гномы тоже бегали по залу, прячась за колоннами. Наконец стрела Ворона угодила в цель, один из гномов был ранен в руку. Другого он убил его же собственным ножом. Гномы дружно закричали от ярости и стали осыпать его проклятиями.

Статуи в это время что-то громко скандировали. Одни болели за Ворона и кляли гномов на чем свет стоит. Другие болели за гномов и рычали, шипели и ругали Ворона. Одна статуя даже укусила его за руку.

Неожиданно гномы получили подкрепление. Они теперь не только прятались за колоннами, но и летали под потолком на каких-то приспособлениях, похожих на диски. Ворону пришлось совсем худо, его обстреливали со всех сторон. Ворон понимал, что нападавших больше и что запас стрел и дротиков у него не резиновый. Он пытался подбирать стрелы и дротики нападавших. Летающие гномы пользовались метательными дисками и бумерангами. Попасть в них было сложно, так как они ни секунды не находились на месте, а маневрировали слишком быстро и непредсказуемо. Однако стрелы Ворона все же попадали в цель. Он сумел снять двух летунов и трех бегунов. Гномы тоже иногда попадали в цель. Ворон был уже с ног до головы покрыт мелкими ссадинами, царапинами и кровоподтеками. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не случай.

Сбив очередного летуна, Ворону удалось завладеть его летательным диском. Конечно, это было не так просто. Если неподготовленный человек впервые встанет на скейтборд, ему будет весьма сложно удержаться, а летающий диск это еще сложнее. Ворона тряхнуло так, что он едва не свалился, затем диск полетел рывками, словно бешеная лошадь. Ворон с трудом удерживал равновесие, понимая, что от этого зависит его жизнь. Теперь он был на виду и более уязвимым для стрел гномов. Две стрелы попали ему в плечо и целый букет в место, что находится пониже спины. Он уже просто рычал от боли и злости. Усилием воли он все же овладел управлением летательного диска и с помощью арбалета расчищал себе путь. Ворон летел как ветер, на ходу стреляя в гномов. Наконец ряды нападавших стали редеть. Теперь ему попадались лишь небольшие группы гномов, с которыми он справлялся без особого труда. Ворон попытался левой рукой вытащить стрелы из своей задней части. Это было ужасно больно, казалось, что они там застряли навсегда. В результате этих действий он потерял управление и врезался в колонну. Свалившись с диска, Ворон, кувыркаясь, перелетел через весь зал и, ударившись о противоположную стенку, потерял сознание.

Экран монитора вдруг погас. Сергей от неожиданности чуть не свалился со стула. Рядом стояла мама.

— Мам, ты что, с ума сошла?! Компьютер сломаешь! — закричал Сергей.

Мать отвесила ему подзатыльник.

— Не ори на мать! Ты знаешь который час? Уже половина восьмого, тебе что, в школу не надо?

Сергей не знал, который сейчас час, и совершенно забыл про школу. Он даже почти забыл, что его зовут Сережа, а не Ворон. Удивительным образом компьютерный мир выходил на первое место, в то время как реальность становилась все более иллюзорной. Он не помнил, когда он начал игру, последнее, что он помнил, это как он вернулся от Макса. Это было в пятницу вечером. Или в субботу? По всей видимости, он за компьютером уже больше суток. Какой сегодня был день, он тоже не знал. Видимо, понедельник. И он уже опаздывал в школу.

— Спасибо, мам! — крикнул он, срываясь с места.

— Куда ты? А завтракать? — крикнула вдогонку мать, но он был уже далеко.

Подхватил в прихожей свой рюкзак, брошенный там еще в пятницу и забытый на все выходные, и полетел по лестнице. Выскочив на улицу, Сергей взял старт чемпиона, но на свой автобус он все же опоздал. Следующий автобус через полчаса, а пешком до школы — сорок минут. Не думая ни о чем, Сергей рванул через перекресток. Визг сирен и лязг тормозов оглушил его. Краем глаза он заметил, что две машины столкнулись друг с другом. Водители вышли из машин и что-то кричали, бешено жестикулируя и указывая на него. Все это казалось нереальным и далеким, и Сергей мчался дальше. Грузовик, надвигавшийся на него, тоже казался нереальным.

— Это все игра! — прошептал он, глядя на приближавшуюся машину. Какое-то мгновение и грузовик прошел сквозь него, а он бежал дальше, не успев осознать случившееся. Сзади послышался рев тормозов и грохот аварии, на этот раз настоящей. Сергей оглянулся и увидел, что грузовик столкнулся с иномаркой. Водитель иномарки погиб, двое пассажиров ранены — почувствовал Сережа. И снова пришло успокоительное сознание того, что это все нереально, а продолжение игры.

Сергей не заметил, как добежал до школы. Он глянул на часы. Дорога заняла всего каких-нибудь пять минут, при том что раньше у него уходило сорок минут на то, чтобы добраться до школы. Сергей вспомнил перекресток, грузовик и аварию. Что-то поменялось в этом мире, с тех пор как он выключил компьютер, а может быть, он сам?

Настя стояла и смотрела на лицо на фотографии, такое знакомое и любимое. Чуть грустное выражение лица, спокойный, уверенный взгляд и смущенная полуулыбка. Лицо Павла на могильном памятнике. В это было трудно поверить, но она сама видела его смерть. Прошло сорок дней, а ей все снился этот вечер, вечер их последнего выступления. После смерти Павла группа фактически перестала существовать. Настя на минуту

закрыла глаза и увидела его перекошенное, залитое кровью лицо. Она так и не смогла понять, отчего погиб Паша.

В тот день у нее было какое-то нехорошее предчувствие. Она видела, что Павлу было плохо, но ничего не сделала, чтобы ему помочь. А у него вдруг начались конвульсии посреди концерта, он упал прямо на сцене. Врачи сказали, что-то вроде кровоизлияния в мозг, но она-то видела. Его лицо было перекошено от ужаса, из глаз и из носа текла кровь. Он был дико напуган и словно сражался с кем-то невидимым. Задумавшись, Настя не заметила, что стемнело, и пора было возвращаться. Когда Настя вышла за ворота кладбища, уже совсем стемнело. Идти надо было через пустырь. Настя вспомнила лицо Павла, и собственные страхи показались ей мелкими и незначительными. Настя пересекла пустырь и вошла в маленький дворик.

— Девушка, можно вас на минутку? — послышалось у нее за спиной.

Настя, не обращая внимания, продолжала свой путь.

— Что же вы молчите, девушка! — настойчиво повторил голос.

Дорогу ей преградили две высокие фигуры. Настя развернулась, чтобы идти назад, но к ней подошли еще трое. Она попыталась их обойти, но ее грубо схватили за руку.

— Гордая, сука! — прошипел один из них. — Не хочешь познакомиться с интересными людьми, ну так мы тебе сами покажем что-то интересное!

— Отпусти! — крикнула девушка. — Помогите!

Настя рванулась изо всех сил, но ее крепко держали двое парней. Заткнув ей рот перчаткой, ее потащили в подъезд заброшенного дома. Настя попыталась вырваться, но, получив ногой в живот, обмякла. В полубессознательном состоянии она почувствовала, как ее бросили на холодный грязный пол, как срывают с нее одежду. Какая-то черная тень промелькнула между ними, и ее насильника подняло в воздух. Перелетев через пролет, он вывалился в окно. Его приятели нервно озирались, пытаясь разглядеть нападавшего в темном подъезде. Но тень двигалась быстрее, чем их сонные мысли. Двое других были спущены с лестницы, еще один под шумок сбежал. Один из хулиганов вытащил нож.

— А ну выходи, тварь! — крикнул он. — Кончай играть в прятки!

«Тень» действительно перестал играть в прятки. Перед ними стоял невысокий парень в черном костюме. В темноте было плохо видно его лицо, но он показался Насте странно знакомым.

Увидев и оценив своего противника, хулиган ухмыльнулся и попер на Настиного спасителя, размахивая ножом. «Тень» взлетел в воздух и, сделав сальто, врезал противнику ногой в челюсть. Через минуту все было кончено. Незнакомец подошел к Насте.

— С вами все в порядке? — спросил он, склоняясь над ней.

Настя смогла наконец его рассмотреть.

— Сережа, ты? — изумилась она.

Казалось, Сергей был в еще большей растерянности.

— Настя... — Он замолчал.

Перед ним была его мечта во плоти, но он не знал, что говорить. Казалось, эта минута длилась целую вечность.

— Как ты?.. — наконец спросил он.

— Не так уж плохо, благодаря тебе, — улыбнулась девушка. — Помоги мне.

Сергей подал Насте руку и помог ей встать. Настя смущенно поправляла одежду.

— А ты, оказывается, герой! — усмехнулась она, хотя в голосе ее слышалось восхищение.

Рядом с Настей его геройство сразу куда-то улетучилось, у Сергея подкашивались колени.

— Можно я тебя провожу? — спросил он.

— Конечно! Это было бы здорово! — отозвалась Настя.

Они шли по ночному городу, взявшись за руки. Настя оказалась простой земной девушкой, а вовсе не богиней, которую он себе нафантазировал. Она слегка подшучивала над ним и весело смеялась над его шутками. Ему казалось, что они знакомы уже целую вечность, он рассказал ей о себе все. Рассказал ей и о Шамбале. Только о том, что случилось с Максом, не сказал.

— Шамбала... — задумчиво произнесла Настя. — Знакомое название... Это в нее мы играли тогда у Муфлона... И Паша был еще жив...

— Что значит... Что с Пашкой? — спросил Сергей.

— Паша умер... Ты разве не знал?

— Нет. Когда? Как это случилось?

— Сегодня сорок дней.

— Как это произошло? — повторил Сергей.

— Он упал прямо на сцене во время концерта! У него случился припадок. Он... он... — Настя разрыдалась.

Сергей был шокирован услышанным. Невольно вспомнился Макс.

— Врачи говорят — кровоизлияние в мозг... — всхлипывала Настя.

Сергей не знал, как ее утешить, и только гладил по волосам. Плача, она прижалась к нему всем телом, и он обнял ее. Внезапно пошел дождь, но они этого не замечали и так и стояли под дождем, обнявшись.

— Пойдем домой, — наконец сказал Сергей. — Здесь холодно и дождь...

Настя молча кивнула.

Ворон очнулся в каком-то домике, лежа на кровати. Он осмотрелся: комнатка была очень маленькой, чем-то похожей на одиночную камеру. Мебели в ней почти не было. Только небольшой столик в углу и кровать, на которой он лежал. Точнее, даже не кровать, а что-то вроде топчана. Окон в комнате тоже не было. Он попытался вспомнить, где он, но не получалось. Он вспомнил Русалочье озеро, сказочное подземелье с живыми статуями, драку с гномами. Драка с гномами! Он же был ранен, да еще в такое интересное место! Ворон ощупал себя, но не нашел никаких следов ран. Ворон встал с топчана, голова слегка кружилась. Он вспомнил свои полеты на метле, то есть на диске. Ворон усмехнулся. Надо будет еще раз попробовать.

Дверь приоткрылась и в комнату вошел незнакомый парнишка. Ворон потянулся было за кинжалом, но его не было. Он осмотрел комнату, его оружия нигде не было.

Но незнакомец не обнаруживал никакой враждебности. Наоборот, он принес ему копченого мяса, вина и фруктов. Уви-

дев, что Ворон очнулся, он остановился в нерешительности, смущенно улыбаясь.

— Где я нахожусь? — спросил Ворон. — Это тюрьма? Я пленник?

— Нет, нет! Что вы, что вы, — пролепетал паренек. — Это дом моего отца. Вы были ранены, я хотел вам помочь.

— А где мое оружие?

— Я не знаю... Я принес вам немного еды, не хотите? — Паренек поставил поднос на стол.

Ворон действительно почувствовал волчий аппетит и набросился на еду.

— Слышишь, малый! Как там тебя?

— Лео, господин...

— Лео? Замечательно... — протянул Ворон, набивая рот едой. — Можно тебя попросить об услуге?

— С радостью, господин...

— Да какой я тебе господин? — разозлился Ворон. — Называй меня Вороном.

— Хорошо, господин... В-ворон.

— Мне нужно выйти отсюда.

— Откуда? — не понял Лео.

— Из озера...

— Из озера?! — Лео испугался. — У вас, наверно, опять жар. Вы не в озере, вы в комнате.

— Так, ты меня не путай, ладно! — Теперь Ворон был озадачен. — Я хочу выйти из этого озера и найти город призраков.

— Вы шутите? Вы не в озере, а в лесу, в моем доме, рядом с городом призраков.

— ???!!!

Ворон подавился куском мяса и закашлялся. Лео стоял как вкопанный и испуганно таращил на него глаза. Ворон сильно покраснел и выпучил глаза, пытаясь знаками попросить Лео о помощи. Наконец Лео сообразил, что нужно похлопать Ворона по спине. Ворону полегчало, он выпил немного вина.

— Как это перед ним? — кашляя, спросил Ворон. — Я же только что был в Русалочьем озере.

— Не знаю, я вас нашел в лесу, недалеко от моего дома.

— А ты не врешь?

Лео захлопал глазенками.

— Я правда нашел вас на улице недалеко от моего дома. Вы были ранены.

— Ладно, проехали! — махнул на него рукой Ворон. — Ну хоть оружие поможешь достать?

— У моего отца была дубинка, кажется...

Ворон воздел глаза к небу.

— Ну давай хоть это! — вздохнул он.

Лео ушел. Ворон пытался собраться с мыслями. Он никак не мог поверить, что он не в озере. Он машинально потянулся во внутренний карман куртки за картой и... не нашел ее там. Он стал в панике ощупывать все карманы. Результат нулевой. Он не только лишился всего своего оружия, но и карты, и волшебного зелья. Его обокрали! Может быть, этот Лео... Он прислушался. За дверью послышались шаги. Легок на помине! Ворон спрятался за дверью. Как только Лео вошел в комнату, Ворон набросился на него и схватил за горло.

— Ты, маленький гаденыш! Ты мне все наврал! Ты украл мою карту, зелье и оружие!

— Не-е-ет, господи-ин... — прохрипел Лео.

— Кто ты? Что тебе нужно от меня?

— Я хотел вам помочь...

— Где я нахожусь?

— Вы в доме моего отца...

— Что это за место?

— ...

— Что это за место? Отвечай!

— Мы находимся в лесу.

— Где город призраков?

— За холмом.

Ворон отпустил Лео, тот схватился за горло, переводя дух.

— Где мои вещи? — устало спросил Ворон.

— Я не знаю, — отрезал Лео.

— Ладно, прости меня за грубость. Но мне нужна твоя помощь...

— Я дам вам дубинку отца и уходите...

— Проводи меня в город призраков.

— Нет! И вы не ходите, там слишком опасно! Вам лучше вернуться домой!

Лео вдруг осекся. Ворон подозрительно взглянул на него.

— А кто ты такой, чтобы знать, что мне лучше?

Лео промолчал.

— Давай свою дубинку и я уйду.

Лео принес дубинку. Ворон повертел ее в руках, примерился и пару раз взмахнул ею.

— Не ахти что, но сойдет, — констатировал он. — Можешь показать мне дорогу?

— Я провожу! — неожиданно сказал Лео.

Домик Лео находился в лесу. Это был даже не домик, а полуземлянка, спрятанная за деревьями и незаметная для глаз окружающих. Ворон и Лео вышли из леса и пошли по широкой каменной дороге.

Вскоре Ворон и вправду увидел город. Впереди виднелись ржавые ворота с надписью «Опасная зона!» и забор с колючей проволокой. Ворон толкнул ворота и они со скрипом отворились. Он ожидал увидеть старинный город с деревянными воротами и башенками, но город оказался несколько странным. Старинные дома соседствовали с современными улочками. Но они были совершенно пустыми. Не было ни людей, ни животных, никакого транспорта. Только ветер разгонял кучи мусора туда-сюда. И запах гнили. Лео побледнел. Ворон остановился посреди улицы в нерешительности.

— Та-а-ак... А теперь куда?.. — задумчиво протянул он.

— Пойдемте лучше отсюда, — пробормотал Лео. — Люди рассказывают, что в этом городе происходит что-то нехорошее...

— Да здесь повсюду что-то нехорошее! — проворчал Ворон. — Я должен идти через город призраков дальше. Ты знаешь, как найти Волчьи горы?

— Не-е-ет...

— Э-эх! Я карту потерял! Ладно, по дороге разберемся! — махнул рукой Ворон. — Эй, Лео! Ты со мной или пойдешь домой к папке?

— Нет, я пойду отсюда! Здесь опасно! И вы тоже уходите!

— Ладно, давай! — Ворон дружески похлопал Лео по плечу и пожал ему руку. — Спасибо тебе за помощь! И не поминай лихом, если что!

И каждый пошел в свою сторону.

Ворон шел по пустынной грязной улице мимо каких-то сараев и заброшенных домов. Карты у него не было, дороги он не знал и спросить было не у кого. Ворон глянул на небо, но и солнца не было видно в этом городе. Только серые облака и туман. Он шел наугад. Любой город, даже самый большой, можно пройти из конца в конец, решил он. Однако, поблуждав по улицам часа два, он немного изменил свое мнение. Туман стал еще гуще, видимость была совсем плохая. Несколько раз он чуть ли не натыкался на полуразвалившиеся стены домов. К тому же ему стало казаться, что он ходит по кругу. Куда бы он ни пошел, где бы он ни свернул, он все равно возвращался к тому дому, откуда начал свой путь.

— Чертовщина какая-то! — выругался он. — Медом здесь, что ли, намазано.

Ворон вдруг почувствовал, что до него кто-то дотронулся. Он не раздумывая врезал дубиной по туману. Кто-то вскрикнул.

— Не убивайте меня! — послышался знакомый голос.

— Лео? А ты что тут делаешь? — изумился Ворон. — И какого дьявола ты крадешься?

— Ворота были закрыты! — Лео был очень испуган. — Я не смог уйти.

— Та-ак... — протянул Ворон. — Интересная ситуация получается! А другой выход здесь есть?

— Я не знаю... Но, наверное, должен быть...

— Естественно... — размышлял Ворон вслух. — Там, где есть вход, должен быть и выход. Пошли! Найдем его!

Внезапно тишину прорезал душераздирающий крик. Лео побледнел, Ворон сжал дубинку.

— Значит, мы здесь не одни... — проговорил он, оглядываясь по сторонам.

Но больше никаких звуков не было, вокруг стояла мертвая тишина.

— В любом случае нам надо идти, — проговорил Ворон. — Надо найти выход отсюда.

И они принялись искать его вдвоем. Но и вдвоем у них было столько же успеха, сколько и у Ворона в одиночку. Они проблуждали по улицам еще несколько часов и поняли, что заблудились окончательно. Сгущались сумерки. Надо было подумать о месте для ночлега. К счастью, вокруг было много пустых домов, так что спать под открытым небом им бы не пришлось.

— Привал! — скомандовал Ворон. — Темнеет уже. Нам надо где-то переночевать. Давай пойдем в тот дом.

Лео кивнул. Они вошли в первый попавшийся дом. Он сохранился лучше других. Дом был каменный. Дверь была прочной и почти целой. Окна были забиты снаружи досками. Внутри все было покрыто толстым слоем пыли и паутины. Видно, хозяев давно не было дома. Но не было ни насекомых, ни мышей, ни каких-либо других признаков жизни.

— Довольно мило! — улыбнулся Ворон, хотя ему было немного не по себе.

Оглядевшись, он заметил в углу камин.

— А вот это весьма кстати! — обрадовался он. — Значит, мы ночью не замерзнем!

Ребята развели огонь в очаге, используя старую мебель для растопки. В доме действительно стало теплее. Согревшись, Ворон вспомнил, что у него есть желудок, но он забыл туда что-нибудь положить. К тому же у него закончились запасы продовольствия. К счастью, Лео не забыл прихватить пару пирогов, колбасу, сыр и флягу с вином. Друзья начали трапезу. Неожиданно в дверь постучали. Лео пошел открывать. Ворон стоял рядом, держа наготове дубинку.

На пороге стояла девочка лет пяти. Она была одета в розовое платьице, на голове белые бантики, в руках плюшевый медвежонок.

— Как ты сюда попала, малышка? — спросил Лео.

Девочка не ответила. Она с любопытством разглядывала его.

— Проходи, малышка! — сказал Лео.

Девочка переступила порог дома. Ворон подошел к ней.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Девочка молча сосала пальчик.

— Может, она потерялась? — предположил Лео.

— Где твои папа и мама? — спросил Ворон.

Девочка покачала своего медвежонка.

— Может, она говорить не умеет? — сказал Ворон.

— Здесь очень опасно для нее, — проговорил Лео. — Надо отвести ее в безопасное место, где о ней бы позаботились.

— Вот ты и отведешь! — ответил ему Ворон. — Тебе ведь здесь тоже не нравится.

— А может, она голодная? — предположил Лео.

Он протянул ей кусок сладкого пирога. Но девочка не обратила на него внимания.

Она продолжала укачивать своего мишку.

— Странный ребенок! — пробормотал Ворон.

— Пойдем поближе к очагу, малышка! — сказал Лео, беря ее за руку.

Но девочка вцепилась в его руку зубами. Оттолкнув Ворона с недетской силой, она набросилась на Лео, пытаясь добраться зубами до его горла. Лео держал ее за хрупкие плечи, отпихивал ее от себя, словно взбесившуюся собаку. Девочка при этом издавала характерное рычание. Дело кончилось бы плохо, но Ворон, опомнившись, ударил маленького монстра дубинкой по затылку. Девочка потеряла сознание.

Лео в ужасе отпихнул ее от себя.

— Ч-что это было? — заикаясь, выговорил он.

— А я знаю? — ответил Ворон. — Надо избавиться от нее, пока она не опомнилась.

Ворон взял ее на руки и вынес за дверь. Но на улице ему стало нехорошо. Вся улица была заполнена людьми. Они словно стекались отовсюду к их дому. Толпа жадно тянула свои руки к нему и рычала, как маленькая девочка с медвежонком.

Ворон бросил девочку в толпу, вернулся обратно в дом и захлопнул дверь.

— Что с тобой? Что случилось? — встревоженно спросил Лео.

— Кажется, мы здорово влипли! — ответил Ворон. — Там толпа зомби жаждет с нами познакомиться.

— Я так и знал, что это плохое место! — воскликнул Лео.

— Знаю, знаю! Помоги лучше! — проворчал Ворон, придвигая стол к двери.

Дверь затряслась от многочисленных ударов снаружи. Ворон и Лео принялись строить баррикаду. Но было ясно, что долго они не продержатся, зомби было слишком много. Они ломились в двери и в окна. Казалось, что они готовы разнести весь дом, чтобы добраться до Лео и Ворона.

— Мы пропали! — в отчаянии прошептал Лео.

— Нужно поискать другой выход! — крикнул Ворон.

Зомби тем временем пробили деревянную обшивку окон и пытались пробраться в дом.

— Здесь есть чердак! — закричал Лео.

Ребята бросились вверх по лестнице. Один из зомби ввалился в комнату. Лео выхватил горящую головешку из камина и ударил ею зомби в лицо.

— Быстрее! — закричал Ворон. — Уходим!

Ребята полезли на чердак, когда зомби уже начали заполнять комнату. Один из них уже на лестнице схватил Лео за ногу. Лео ткнул его горящей головешкой, зомби отпрянул, но искры разлетелись во все стороны. Перила вспыхнули. Ворон и Лео поднялись на чердак и захлопнули за собой дверь. В дверь колотили со страшной силой. Вокруг все грохотало. Чердак заполнил дым, внизу начинался пожар.

— Надо выбираться отсюда, — сказал Ворон. — Здесь мы либо сгорим, либо попадем к ним на ужин.

— Куда теперь? — нервно спросил Лео.

— Попробуем через крышу! — скомандовал Ворон.

Ворон вылез через окошко на крышу и помог Лео, который все еще сжимал в руке факел.

Зомби окружили дом. Ворон стал осматриваться в поисках пути для отступления.

Прорваться сквозь толпу зомби ему не представлялось возможным. До соседней крыши было не очень далеко.

— Можно попробовать прыгнуть, — сказал Ворон, указав на соседнюю крышу.

Лео кивнул.

Стены дома горели. Зомби пытались влезть на крышу, но огонь останавливал их. Некоторые из них горели. Огонь защищал Ворона и Лео от зомби, но и заставлял их спешить.

— Давай пока мы не изжарились! — крикнул Ворон.

Ворон разбежался и прыгнул первым.

— Лео! Давай! — крикнул он другу с соседней крыши.

Лео швырнул факел в толпу зомби и прыгнул вслед за другом. Он чуть не сорвался, но Ворон успел подхватить его за руку. Толпа зомби устремилась за ними.

— Что теперь? — тяжело дыша, спросил Лео.

— Туда! — сказал Ворон, указав на следующую крышу.

Дома на этой улице стояли довольно близко друг от друга. И вновь друзья стали прыгать. Но дальше отступать было некуда. Следующий дом был последним. Разъяренная толпа не отставала. Ворон сжал в руках дубинку и приготовился к последнему бою. Один из зомби попытался влезть на крышу. Ворон сбил его ударом дубинки.

— Эх! Здесь бы надо оружие помощнее дубинки! — вздохнул он.

Словно в ответ на его мысли, прозвучал резкий хлопок, в толпу нападавших упал какой-то камень, и один из зомби загорелся. Затем это повторилось снова и снова. Толпу зомби кто-то обстреливал. Рядом с домом остановилась крытая повозка.

— Эй! — позвал неожиданный спаситель. — Сюда, скорее!

Но до повозки им придется прорываться сквозь толпу. Ворон отодрал от крыши какую-то доску с гвоздями и дал ее Лео. Они разбежались и прыгнули. Толпа расступилась. Зомби остановились в нерешительности. Они стояли вокруг Ворона и Лео и смотрели на них с интересом и отчаянной надеждой. Они были не зомби, они были людьми! Но исхудавшие, оборванные и искалеченные, с безумными глазами, они были похожи на зомби. Ворон и Лео тоже растерялись от такого поворота событий. Из толпы вышел высокий тощий мужчина и, протягивая свои длинные руки-крючья к ребятам, просвистел:

— Помоги-и-ите!

— Помогите нам!

— Помогите! — эхом вторила ему толпа.

Люди-зомби наступали на них, тянулись к ним, пытаясь схватить и разорвать на кусочки.

— Уходим быстро! — крикнул Ворон, сшибая одного из них дубинкой.

Лео последовал за ним, на ходу орудуя доской с гвоздями. Добравшись до повозки, ребята запрыгнули внутрь и повозка рванулась вперед. Зомби попытались преградить им путь, но возница огрел их кнутом. Повозка неслась по улицам мертвого города со скоростью ветра.

Настя и Сергей снова гуляли вместе по ночному городу. Прошло уже довольно много времени с того вечера, когда они встретились в старом заброшенном доме. Они подружились. Но в последнее время между ними стало возникать что-то более важное, чем дружба. Сергей давно любил эту девушку, и она, кажется, это чувствовала. О любви она пока не думала, но Сергей ей тоже нравился. Не нравилось ей только его чрезмерное увлечение компьютерными играми. И то, что он постоянно бредил «Шамбалой». Иногда она с ужасом замечала, что он становится похож на Павла в день смерти. Однажды она тайком взяла у него диск с игрой, чтобы узнать, что его привлекает в этой игре. Игра одновременно поразила и испугала ее. Казалось, что она представляет собой совершенно реальный мир. Ей казалось, что она не сидит у монитора, а по-настоящему участвует во всех событиях в игре. В то время как реальная жизнь как-то поблекла по сравнению с игрой. Это ее и напугало.

В этот вечер они вновь заговорили об игре.

— Зачем тебе это нужно? — неожиданно спросила она.

— Ты о чем?

— Шамбала...

— Я... не знаю... Что это ты вдруг? Все люди играют в игры.

— Но ты не просто в нее играешь, ты постоянно говоришь мне об этом. Ты словно постоянно в «Шамбале».

— А что в этом плохого? — с вызовом спросил Сергей.

Она посмотрела ему в глаза. В ее глазах блестели слезы.

— Я боюсь... — прошептала девушка.

Сергей обнял ее за плечи, как в тот вечер, когда они только познакомились. Некоторое время стояли молча.

— Ты говорил, что Макс умер как-то странно? — встрепенулась Настя.

— Да... Кажется, сердечный приступ или что-то вроде того, — уклончиво ответил Сергей.

— А у Павла было кровоизлияние в мозг...

Настя горько усмехнулась.

— К черту все это! — неожиданно крикнула она. — Ничего у них не было! Они же были молодые, здоровые парни! Их убило что-то другое.

— И что-же это?

— Хотела бы я знать... — Настя пристально посмотрела на Сергея.

Они стояли посреди улицы и разговаривали. Мимо пробежала какая-то дворняжка. Мельком взглянула Насте в глаза и побежала через улицу дальше по своим делам. Из-за угла выскочила машина. Послышался глухой удар. На глазах у ребят собаку протащило по асфальту несколько метров. Настя закричала. Машина, не сбавляя ходу, уехала. Настя бросилась к собаке. Она была еще жива. Изо рта текла пена, живот был распорот и часть внутренностей вывалилась наружу. Собака хрипела. Настя заплакала.

— Надо что-то сделать... — Ее трясло. — Надо кого-то позвать...

— Ее не спасти все равно...

— ...спасателей, ветеринара... — не слушая его, продолжала девочка. — Да сделай же что-нибудь!

— Хочешь я ее вылечу? — спросил Сергей.

Настя словно не слышала его.

Сергей молча склонился над собакой. Он ласково погладил ее по голове. Собака с трудом подняла голову и попыталась его лизнуть. Настя смотрела на них, не отрываясь, но Сергей просто гладил собаку. И под его руками раны затягивались, кровь засыхала. И вот уже Сергей гладил живую и здоровую собаку. Она виляла хвостом и подпрыгивала, пытаясь лизнуть Сергея в лицо.

— Как... ты... это сделал? — прошептала Настя.

Сергей не ответил, он и сам этого не знал.

— ...Это... Шамбала, да?

— Да, — с трудом ответил он. — Вероятно...

Настя заплакала.

— Как же ты не понимаешь, что это опасно! Ты же болен!

Сергей разозлился.

— Но что я сделал плохого? — закричал он. — Исцелил бедную собачку? Так это легко исправить!

Сергей положил руку на голову собаке. Она преданно посмотрела ему в глаза. Но вот взгляд ее стал постепенно угасать.

— Прекрати!

Сергей не ответил.

— Не смей!

Настя дала ему пощечину. Сергей пошатнулся и выпустил собаку. Она, заскулив, убежала. Сергей был в бешенстве. Насте стало страшно. Таким она его не знала.

— Не смей мною командовать! — прорычал он.

Он коснулся ее щеки, и она перестала ее ощущать, словно ей сделали обезболивающий укол. От его руки словно шел лед, и он распространялся по всему телу. Она почувствовала, как стынет кровь в жилах, ей стало трудно дышать. Сергей вдруг отпустил ее.

— Что со мной? — пробормотал Сергей. — Настя!

Она не отвечала. Сергей подхватил ее на руки. Настя подняла голову. Из носа текла кровь.

— Прости меня! Я действительно болен.

Карета остановилась на окраине города.

— Кажется, оторвались, — сказал возница.

— Кто ты такой и откуда ты взялся? — спросил Ворон у незнакомца.

Парень усмехнулся.

— Что ж, позвольте представиться. Меня зовут Охотник. Здесь у меня кое-какие дела.

— Какие дела? — не унимался Ворон.

— Вероятно, такие же, как и у вас. Вы ведь в Шамбалу идете? — Парень хитро сощурился.

— Это не важно, — отрезал Ворон. — Нам надо из этого города убраться поскорее.

— А что это за люди? — спросил Лео.

— Потерянные души.

— Они что — зомби?

— Не совсем. Они потерялись в реальности. В общем, все, кто сбивается с пути в Шамбалу, попадает сюда, в город призраков. Они не могут найти обратный путь и жутко страдают из-за этого. А побыв здесь целую вечность, кто угодно превратится в зомби.

— А что они хотели от нас? — спросил Ворон.

— Они хотят только одного — свободы. Возможно, они думали, что, забрав вашу жизненную энергию, им бы удалось вырваться отсюда. Но теперь-то вы со мной, значит, в безопасности. — Охотник горделиво приосанился.

— И ты знаешь, как отсюда выбраться? — спросил его Ворон.

— Знаю. Но надо торопиться. Ворота открываются на рассвете. Если мы не успеем, то навсегда останемся здесь.

И Охотник снова погнал лошадей. Близился рассвет, небо светлело. Охотник гнал изо всех сил. За поворотом показались ворота города. Они медленно открывались. Но путь им преградила какая-то фигура. Ворон вышел из повозки, держа наготове дубину.

Рядом с воротами стояла маленькая девочка с медвежонком. Девочка смотрела на него укоризненно, нахмурив бровки. Ворону вдруг стало стыдно, что он ударил ребенка.

— Поехали с нами, детеныш! — Ворон потрепал ее по голове.

Девочка отстранилась и протянула ему своего мишку. Ворон машинально взял его.

— Ты еще вернешься сюда! — произнесла она неприятным недетским голосом.

Медвежонок на ощупь был липким, словно покрытым какой-то слизью. У него был только один глаз, да и тот болтался на ниточке. Зато у него зияла настоящая пасть от уха до уха. Ворон с отвращением выбросил игрушку. И запрыгнул в карету. Девочка недобро смотрела им вслед, пока они не скрылись.

* * *

Сергей решил рассказать Насте о том, что произошло с Максом. Он боялся, что она начнет обвинять его в смерти друга, но она сосредоточенно молчала.

— Я убил человека, Настя. Я убил своего друга.

— Нет, его убила «Шамбала», так же как и Павла. Она сначала дарит человеку ощущение могущества. Словно бы делает из него супермена. А затем отнимает разум и убивает. Но зачем?

— Ей нужны души игроков. Вся игра построена на том, чтобы победить врага и завладеть его душой.

— Но зачем все это? Как простая компьютерная игра может делать все это?

— Надо узнать, кто и зачем ее создал и как все это остановить, — предложил Сергей.

— А может, сначала найдем остальных игроков, — сказала Настя. — Ты помнишь, кто был тогда на вечеринке, когда Муфлон принес диск.

— Там были я, ты, Макс и Павел — уже мертвы, сам Муфлон, Андрей и девчонки какие-то.

— Маринка и Светка, — подсказала Настя. — Но они не играли тогда, думаю, что у них бы и мозгов на это не хватило.

— Надо найти всех, на всякий случай.

Прежде всего Настя позвонила Маринке, известной сплетнице. Она действительно ни разу не играла в «Шамбалу». Но зато от нее Настя узнала, что Светка с родителями месяц назад уехали в Америку. Ни о Муфлоне, ни об Андрее она ничего не знала. Сергей решил навестить Андрея. Он приблизительно знал, где тот живет. Андрей жил на третьем этаже старенькой пятиэтажки. Дверь ему открыла женщина в черном.

— Тебе чего, мальчик?

— Здравствуйте, — несмело начал Сергей. — А можно увидеть Андрея?

Женщина пошатнулась и слегка побледнела.

— Ну что ж, проходи, — сказала она.

Сергей вошел за ней. Квартира была полна незнакомых людей. Они сновали туда-сюда. Он заметил на кухне много цветов. Две женщины готовили еду.

— Иди за мной, мальчик, — позвала его женщина в черном.

Она привела Сергея в просторный зал, украшенный цветами и венками. Из магнитофона играла траурная музыка. Посреди зала стоял гроб.

— Здесь ты можешь увидеть Андрея, — сказала женщина и заплакала.

Сергей на ватных ногах подошел к гробу. Лицо Андрея было спокойным, словно он спал.

— Что случилось. — Голос его не слушался, он откашлялся. — Как он умер?

— Он умер сидя за компьютером, — сквозь слезы сказала женщина. — Он все играл в какие-то компьютерные игры. А однажды вечером я его нашла мертвым.

На похороны Сергей не остался. Ему было неуютно как-то в доме у мертвого Андрея. Может, еще и потому, что он словно бы заглянул и в свою могилу. Он поспешил вернуться к Насте.

— Ну что ж, — подытожил он. — Остается Муфлон и мы.

— Ты думаешь, он еще жив?

— Надежда умирает последней! — ляпнул было он и осекся. Не хотелось думать о смерти.

К Муфлону они решили пойти вместе. Какова же была их радость, когда дверь им открыл сам Муфлон.

— Здорово, ребята! — поприветствовал он их, криво ухмыляясь. — А я вас ждал.

— Здорово, Муфлон! Ну как ты? — закричал Сергей.

Они так обрадовались, что готовы были расцеловать его.

— Я в порядке, — все с той же ухмылочкой ответил Муфлон. — Господа, давайте не будем тратить время на всякие сентиментальные глупости. Его у нас и так мало осталось.

— Итак, вы хотите взломать «Шамбалу», — протянул Муфлон, удобно устраиваясь в кресле.

— Ты знаешь как? — спросил Сергей.

— Знаю. Никак.

— Как это так?

— Так это так. Никак! — передразнил его Муфлон. — Я уже попробовал. Винчестер полетел.

Сергей присвистнул.

— «Шамбалу» нельзя сломать. И коды там не действуют. Их просто нет. Там нет никаких законов, это самая настоящая виртуальная реальность. Она скорее сломает наш мир. Что она и делает, кстати.

— Разве это возможно? — удивилась Настя.

— Это философский вопрос, что более реально жизнь или игра. Мы все живем в «Матрице». А ты разве не замечала, что игра реальна?

— Но кто-то же ее создал! — воскликнул Сергей. — Должно же быть хоть что-то.

— Вот это другой вопрос! — ответил Муфлон, вскакивая. — Я тут кое-что нарыл.

Муфлон протянул им диск.

— Я тут взломал кое-что другое, пока мой комп не накрылся. — Муфлон усмехнулся. — Ведь у меня не только винт, у меня и мамка сгорела. В общем, надо почти полностью блок менять. Так что посмотрите дома, ребятки. И еще, ребята, не знаю, увидимся мы или нет. «Шамбалу» можно сломать, но сделать это можно не с помощью кодовых программ, а по-другому как-то.

— Как по-другому?

— Знал бы, сам сломал.

Виртуальная реальность

отчет подготовил профессор Кравцов А.Н.

Виртуальная реальность — это уже давно не фантастика. Разработки по этой теме ведутся уже давно и по всему миру. Мысль о виртуальной реальности возникла еще в тридцатых годах, когда ученые занимались разработкой первого тренажера имитатора полета. Идея состояла в том, чтобы создать у пилота впечатление, будто он управляет настоящим самолетом.

В 1965 году американцу Айвену Сазерленду случайно пришла в голову одна идея, которую он обнародовал в журнале «Совер-

шенный дисплей». Сводилась она к тому, чтобы создать, используя два крошечных телевизора, по одному для каждого глаза — переносной или персональный виртуальный мир. Для ее воплощения в жизнь он также разработал дисплей, укрепляемый на голове. Хотя его изобретение работало, и он создал своего рода виртуальный мир, изображения казались грубы и безыскусны. Другая сложность была связана со шлемом. Он был так тяжел и громоздок, что его приходилось подвешивать к потолку. Позднее, в 1985 году Майкл Макгриви из НАСА разработал более дешевый и легкий вариант шлема, взяв обычный мотоциклетный и приспособив к нему миниатюрные экраны дисплея, а также специальные датчики, которые реагировали на движения головы и были связаны с компьютерами большой чувствительности и мощности.

Последним аппаратным компонентом для полного комплекта виртуальной реальности стала перчатка. Разработали ее прототип в начале 1980-х годов, но в современном варианте она появилась в 1986 году, после того как программист Джарон Лениер придумал новый вариант перчатки. Так впервые появился единый комплект, состоящий из VR-шлема и перчатки. Именно Лениер дал новой технологии название «виртуальная реальность».

Однако наши ученые пошли дальше. Была разработана новая технология погружения в виртуальный мир, не используя VR-шлем или какие-либо другие приспособления. Впервые программист Ярослав Шаталин обнаружил, что при определенной частоте кадров и разрешении экрана возникает так называемое измененное сознание. Сознание испытуемого воспринимает все происходящее на экране как настоящую реальность. Ряд испытаний подтвердили это открытие. Был разработан экспериментальный виртуальный полигон для расширения сознания под кодовым названием «Шамбала». Создатель «Шамбалы» до сих пор остается неизвестным. Планировалось, что с помощью этой экстраординарной технологии из любого мальчишки можно сделать гения. Были отобраны добровольцы с целью проведения эксперимента. Но в какой-то момент эксперимент провалился. Испытуемые действительно приобретали сверхспособности, но побочным эффектом явились мания величия, агрессивность и сумасшествие у одних испытуемых и опухоли мозга у других. Большинство добровольцев погибло, а те, кто остался жив,

сейчас находятся в психиатрических больницах. Эксперимент пришлось прекратить.

— Ничего они не прекратили! — воскликнул Сергей, стукнув по столу кулаком. — Как же она в продаже-то оказалась?

— Смотри, тут написано, что создатель «Шамбалы» неизвестен, — сказала Настя. — А может, ее и не создавал никто? Может, это и не игра вовсе, а другое измерение?

Сергей пристально посмотрел ей в глаза.

— Ты была там?

— Где? — не поняла Настя.

— В «Шамбале».

— Почему ты...

— Муфлон же еще намекнул. Ты там была! Признавайся!

— Ну да... я хотела узнать, что ты в этом находишь! Мне просто стало интересно!

— Боже, Настя! Ты же знаешь, как это опасно! Значит, ты тоже!

— Заразилась? — подсказала Настя.

— Да, не до твоих шуточек сейчас! Это не смешно!

— Прости! Я же беспокоилась о тебе!

— Я тоже беспокоюсь о тебе! — Сергей обнял ее. — Ты мне дорога, и я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

— И что мы теперь будем делать? — спросила девушка.

— Не знаю еще. Но Муфлон говорил, что «Шамбалу» можно сломать как-то по-другому.

— Ты знаешь как?

— Пока нет, но я думаю, чтобы это узнать, надо идти туда.

— Нет! — Настя испуганно замотала головой.

— Иначе мы никогда этого не узнаем!

— Она убьет тебя!

— Она убьет всех нас, если мы ничего не будем делать. Ведь мы уже в нее играли, не забывай!

— Я пойду с тобой!

— Исключено!

— Я уже там была, господин Ворон.

— Что? — Сергей не верил своим ушам. — Ты Лео?

— Да, господин.

— С ума можно сойти! — рассмеялся Сергей.

— Я все равно пойду с тобой, хочешь ты этого или нет.

— Ладно, согласен. Только от меня ни на шаг.

— Слушаюсь, господин!

Охотник остановил повозку в лесу на поляне.

— Привал! — предложил он.

Ребята и правда устали от ночной гонки и согласились. Рядом протекал ручей. Все смогли напиться и умыться ледяной ключевой водой. Ворон опустил голову прямо в воду.

— Хороша водичка! — воскликнул он, поливая Лео ледяной водой. Тот отвечал ему той же монетой.

— Да-а! Водичка что надо! — ответил Охотник. — Еще бы и позавтракать не мешало бы!

— Но у нас ничего нет! — сказал Лео. — Наши запасы кончились.

— Тут наверняка найдется какая-нибудь дичь! — предположил Охотник. — Может, поохотимся?

— У нас из оружия только эта дубинка, — посетовал Ворон.

— Идете в Шамбалу и без оружия? — удивился Охотник. — Удивительно, как вы еще живы до сих пор! Ладно! Благодарите Высшие Силы, что вы встретили Охотника! У меня есть лук и стрелы!

Охотник гордо поднял голову и засиял так, словно ожидал шквала оваций. Но оваций не последовало. У Охотника нашелся еще топор и нож. Ворон вызвался пойти поохотиться вместе с ним. А Лео остался возле повозки разводить костер.

Через некоторое время охотники вернулись. Охотник нес целую связку диких уток. Он громко смеялся и болтал без умолку. Ворон же, наоборот, был хмурым и недовольным. Ему не удалось никого поймать, а лук свой Охотник так и не дал. Лео ощипал и выпотрошил уток и нанизал их на вертел. Уже через полчаса вся компания лакомилась ароматной дичью.

— А зачем вам Шамбала? — поинтересовался Охотник.

Лео вопросительно посмотрел на Ворона. Тот слегка растерялся.

— Затем что так нужно! — отчеканил он.

— Кому нужно? — не унимался Охотник.

— А тебе-то что с того? — огрызнулся Ворон.

— Мне-то ничего, — ответил Охотник. — Но тот, кто идет в Шамбалу, должен четко осознавать, чего он хочет. От этого может зависеть ваша жизнь.

— А ты зачем туда идешь? — в свою очередь, спросил Ворон.

— Я Охотник, исследователь по жизни. Мне интересно в жизни все попробовать на своей шкуре.

— Ты хочешь исследовать Шамбалу? — скептически усмехнулся Ворон. — Ты думаешь, что ее можно так просто разложить по полочкам.

— Я этого не говорил, — возразил Охотник. — Но понять, где мы находимся и ради чего мы все это делаем, было бы очень полезно.

— У меня когда-то была волшебная карта, — мрачно сказал Ворон. — Но ее украли.

— Карты тоже могут врать. Дело не в карте. Здесь нельзя верить никому.

— Даже тебе? — Ворон сощурился.

— Может быть, и мне. Я ведь ненастоящий. Вы тоже ненастоящие. Все это маски.

— Все понятно, — констатировал Ворон. — Ты либо перегрелся, либо подхватил какую-нибудь заразу в городе призраков.

Охотник засмеялся.

— Я не сумасшедший.

— А может быть, он прав? — неожиданно поддержал его Лео.

— Да это чистая философия! — отмахнулся Ворон.

— Ну же, Ворон! Сними свою маску! — поддразнил его Охотник. — Ты так и не вспомнил, зачем ты идешь в Шамбалу?

Ворон не ответил. Ребята закончили завтракать.

— Дальше нам придется идти пешком. Впереди горы, там повозка не проедет. Вам лучше хорошо вооружиться и держаться вместе. Мало ли что.

Лео потушил костер и засыпал его землей. Затем он сходил к ручью и наполнил все фляги водой. Остатки завтрака он аккуратно сложил в дорожный мешок. Ворон взял у Охотника нож,

а топорик отдал Лео, кроме того, Охотник в лесу нашел весьма внушительную палку и торжественно вручил ее Лео. Теперь вся компания была хорошо вооружена и дружно потопала в горы. Охотник, как более опытный из них, шел впереди и показывал дорогу.

Солнце палило невыносимо. Идти нужно было все время в гору. Ворон и Лео еле передвигали ноги. Пот с них лил в три ручья. Охотник же как ни в чем не бывало бодро шагал впереди.

— Куда мы идем? — спросил Лео.

— В Шамбалу, конечно! — засмеялся Охотник.

— Ты знаешь, где она? — спросил его Ворон.

— Никто этого не знает, но мы найдем, — обнадежил его Охотник.

— Может, немного отдохнем? — жалобно попросил Лео.

— Скоро придем! — подбодрил его Охотник.

Но прошло еще часа два, а конца пути не было видно.

— Смотрите, что тут есть! — вдруг воскликнул Охотник.

По обеим сторонам тропинки все было усыпано красным.

— Земляника! — воскликнул Ворон.

Голодные и уставшие они кинулись собирать ягоды. Они были очень мелкие, но сладкие, и путникам они показались восхитительными. Немного наевшись, они пошли дальше. Идти уже было веселее. Можно было срывать и есть ягоды прямо на ходу, так как они росли повсюду. Лео так и сделал. Он подбегал то к одному кустику, то к другому. И так увлекся сбором земляники, что не заметил, что отстал от остальных. Он сошел с тропинки и, наклонившись, шарил рукой в кустах в поисках ягод. Вдруг рука его коснулась чего-то мягкого и липкого. Он посмотрел на руку, она вся была перепачкана красным соком. Он попробовал его на вкус. Сок оказался соленым, как кровь. Сердце вдруг понеслось вскачь. Дрожащими руками он отодвинул кусты. Перед ним лежал растерзанный человек. Лицо у него было съедено и по нему ползали мухи и личинки. Рук у него не было вовсе, живот был распорот и внутренности выпали наружу. Лео зажал рот рукой. Его выворачивало наизнанку. Он выскочил из кустов как ошпаренный и побежал по тропинке вслед своим товарищам. Ему вдруг показалось, что за ним кто-то внимательно

но наблюдает. За каждым деревом ему виделся кровожадный убийца. А лес вдруг покрылся кровавыми пятнами.

«Это не земляника, это кровь!» — подумалось ему.

Он налетел на Ворона со всего размаха.

— Полегче! — закричал на него Ворон. — Иначе я тебя убью когда-нибудь!

— Там... там... там... — Лео не мог отдышаться.

— Что там? — спросил его Охотник.

— Там...

— На попей воды! — Ворон протянул ему флягу с водой.

Лео схватил флягу и стал жадно пить.

— Все не выпивай! — предостерег его Охотник. — Нам еще долго идти. Говори, что произошло?

— Там человека убили! — наконец выговорил Лео.

— Ты видел, кто это сделал? — спросил Ворон.

Лео покачал головой.

— Я видел его останки. Его словно разорвали. — Лео закрыл лицо руками.

— Так, тихо! — скомандовал Охотник. — Без паники! Я слышал, здесь есть волки!

— Мы догадались, что в Волчьих горах есть волки! — ехидно сказал Ворон.

— Они необычные волки! Здесь находится граница мира. Что там за ней — никто не знает. Они стражи. Говорят, что они вообще не волки, а адские твари, просто отдаленно напоминающие волков.

— Спасибо утешил! — воскликнул Ворон. — Что будем делать?

— Идти дальше! Не назад же возвращаться! — улыбнулся Охотник, потрясая луком.

Охотник, как всегда, шел впереди, держа лук на изготовку, Ворон и Лео шли сзади, вооружившись дубинками и топориком. Они оглядывали каждый куст, всякий раз ожидая нападения. Но вокруг было тихо. Только ветер едва шелестел листвой. Они подошли к перевалу.

— Нам надо перейти через эти горы, — проговорил Охотник. — В горах они вряд ли нападут.

Охотник спрятал лук за плечи и уверенно полез наверх. Дороги не было, ребята прыгали по огромным валунам, разбросанным повсюду. Охотник показывал путь, на какой уступ лучше встать, за какой куст уцепиться. Таким образом, они взошли на первую гору. Поднявшись, они устроили небольшой отдых. Лео достал фляги с водой и путники смогли утолить жажду.

— Это только первая, самая маленькая гора. Дальше нас ждет Волчье ущелье и скалы. Они неприступны, но я знаю тропинку. Если повезет, мы перейдем их с такой же легкостью, как и эту.

Но тропинка оказалась завалена камнями.

— Не повезло! — философски заметил Охотник.

— И что теперь? — спросил Ворон.

— Есть еще один путь, — неохотно проговорил Охотник. — Но я бы не хотел...

— Что за путь?

— Внутри скал есть подземный ход. Это старая заброшенная шахта. Там настоящее подземелье. Мы можем пройти по ним на ту сторону скал.

— Так в чем же проблема?

— Не знаю... Не нравится мне это подземелье! — передернул плечами Охотник. — Возможно, там волки.

— Ты сам там бывал? — поинтересовался Ворон.

— Нет.

— Значит, ты знать этого не можешь. Возможно, что волки остались за той первой горой, ведь в горах они не нападают.

— Это только твое предположение.

— Другая дорога есть?

— Нет.

— Значит, у нас нет выбора, — констатировал Ворон.

— Хорошо, это здесь... рядом.

Они спустились вниз. Охотник показал ребятам заваленный ветками проход. Ребята принялись его расчищать.

— Ты уверен, что хочешь спуститься туда? — спросил Охотник у Ворона.

Ворон с недоумением посмотрел на него.

— Мы уже обсудили эту тему.

— Что-то мне подсказывает, что кто-то из нас не сможет перейти на ту сторону.

— Ты что, испугался? — хмыкнул Ворон.

— Возможно, — невозмутимо ответил Охотник. — Ты должен вспомнить что-то важное.

— Что, например?

— Кто ты и зачем сюда пришел?

Ворон уронил охапку сухих веток.

— Ты что, совсем ошалел? Я помню, кто я, и я иду в Шамбалу.

— Хорошо. — Охотник слегка тряхнул его за плечи. — Зачем тебе Шамбала, ты помнишь?

— Я хочу получить силу.

— Какую силу?

— Могущество.

— Для чего?

— Я хочу вернуть своего друга.

— Ты помнишь, как его звали?

— Да. Его звали Каин и он предал меня.

— Нет. Его звали по-другому.

— Я не...

— Не позволяй себя запутать!

— Что...

— Вспомни, кто ты.

— Я знаю тебя? Кто ты?

— Тебе не нужно могущество. Это не твое. Это Шамбала. Зачем ты сюда пришел?

— Я хочу... Я хочу... узнать истину.

— Хорошо. Будь начеку и ты ее узнаешь.

Ребята расчистили проход. Лео взял одну из крупных веток, обмотал ее тряпками и зажег. Охотник первым спустился в шахту, держа свой лук наготове. За ним шел Лео с факелом, последним шел Ворон, вооруженный топориком и ножом, прикрывая тыл. Проход был достаточно просторным, что они могли бы пройти и втроем. В шахту вели кем-то неумело вытесанные и полуразвалившиеся ступеньки. Спустившись, они оказались в одном из коридоров шахты.

— А ты знаешь дорогу? — поинтересовался Ворон у Охотника.

— Вообще-то нет.

— Как же мы выберемся?

— Узнаешь в свое время.

Они вошли в комнату, заваленную углем.

— Так как же мы пройдем, если мы не знаем, куда идти? — не унимался Ворон.

— Не волнуйся, возможно, кто-то из нас останется здесь.

— Ты нарочно нас сюда завел? — закричал Ворон, хватая Охотника за рукав.

Охотник высвободился.

— Мы должны были сюда прийти, таково условие игры.

— Какой игры?

— Ну, молодец! — воскликнул Охотник. — Ты должен вспомнить! Иначе мы все погибнем!

— Кончай ломать комедию, предатель! — вскричал Ворон, выхватывая нож. — Это тебе не поможет!

— Смотрите! — прервал их Лео.

Они были не одни. В глубине комнаты на деревянном помосте стояло несколько странных животных. Они были чем-то похожи на гиен, но обладали невероятно длинными развитыми конечностями. Шерсть у них была черного цвета, а глаза ярко-красные, как у вампиров. Они стояли, не издавая ни звука и не двигаясь, и только внимательно наблюдали за незваными гостями.

— Это те самые волки? — дрожащим голосом спросил Лео.

Охотник кивнул, поднимая лук и прицеливаясь.

— Ну что ж, нам, вероятно, придется драться!

— Ты был прав, — произнес Ворон. — Они и вправду адские твари!

Комната стала наполняться «волками». Они стекались отовсюду. Но нападать не спешили, выжидая удобный момент. Ребята встали спина к спине, готовясь к нападению.

— Есть идеи? — спросил Ворон.

— Драться или сбежать, — ответил Охотник.

— Куда?

— В иную реальность.

Несколько «волков» кинулись на них. Охотник подстрелил одного из них. Он заискрился, словно его ударило молнией, по его телу прошла судорога.

— Что это? — спросил Ворон.

— Стрелы волшебные. Бей их! — закричал Охотник, выпуская вторую стрелу.

Одно из чудовищ бросилось на Лео. Он ткнул его факелом в морду. «Волк» отскочил, не издав ни звука. Лео размахивал факелом так, что «волки» не решались на него нападать, а только с жадностью глядели на него своими красными глазками. Но вот они, словно по невидимому сигналу, бросились на ребят все вместе. Несмотря на яростное сопротивление путников, волки тоже не отступали. Они вцеплялись в ноги своим жертвам, в руки, пытаясь выбить оружие. Ворон без устали орудовал своим топором, отрубая животным лапы и головы, Охотник укладывал своими стрелами одного волка за другим, но на смену павшим приходили другие и не было им числа. Один из «волков» все еще стоял на помосте и не принимал участия в битве.

— У меня кончаются стрелы! — крикнул Охотник.

— А волки, кажется, не кончаются! — ответил Ворон, раскраивая череп одному из нападавших.

Но «волки» вдруг стали почему-то отступать. Ими словно руководила некая невидимая сила. Они отступили, словно схлынула черная река. Остался только тот, что стоял на деревянном помосте. Он стоял неподвижно, глядя Ворону прямо в глаза. Глаза зверя завораживали Ворона, он почувствовал, что его тянет в бездну. Волк постоял немного на помосте и исчез в темноте.

— Почему они ушли? — спросил Лео. — Их ведь было больше, чем нас.

— Не знаю. Но, по-моему, нам рано радоваться, — сказал Охотник. — Они вернутся.

Ворон осматривал свои раны.

— А эти укусы не заразны?

— Я понятия не имею, — ответил Охотник. — Сейчас на это нет времени, нам надо продолжить путь. Волки могут вернуться.

— А ты о чем-нибудь имеешь понятие? — иронически спросил Ворон. — Мы даже не знаем, куда идти!

— Сейчас не время ссориться! — попытался их примирить Лео.

— Послушай! — проговорил Охотник. — Мы сможем выбраться!

— Ну уж нет! — отрезал Ворон. — Ты пойдешь теперь сам по себе. Я тебе не доверяю!

— Не дури! — возразил Охотник. — Нам лучше держаться вместе!

— Но как мы можем доверять тебе, если мы даже не знаем, кто ты на самом деле!

— Но Ворон... — начал было Лео.

— Оставь его! — прервал его Охотник. — Я пойду первым.

Охотник направился дальше по одному из подземных коридоров.

— Зря ты так! — сказал Лео. — Он был прав. Мы должны держаться вместе.

— Я ему не доверяю. Он мог бы нас убить.

Внезапно послышался крик.

— Это Охотник! — сказал Лео.

— Туда! — крикнул Ворон.

И друзья понеслись на звук его голоса. Охотник лежал на полу, всего в нескольких шагах от места сражения, сломанный лук валялся рядом. Его горло было разодрано, из него толчками текла кровь, но он был еще жив и силился что-то сказать. Ворон упал на колени рядом с Охотником.

— Прости меня! — Ворон приподнял голову Охотника.

Охотник пытался что-то сказать, но слышался только хрип. Ворон склонился над ним.

— Амулет... — прошептал Охотник на ухо Ворону.

— Что?

— Мой амулет! Быстрее... Другое измерение...

Ворон увидел на шее у Охотника амулет в виде солнца. Он сорвал его.

— Быстрее... Спаси меня...

— Но что делать?

— Возьмите с Лео меня за руку...

Ворон дал знак Лео, и они взялись за руки, касаясь амулета. Охотник беззвучно шевелил губами.

Стены подземелья растаяли. Сергей и Настя осознали себя, сидящими за компьютером в комнате Сергея. «Шамбала» затягивала все сильнее. Она становилась все реальнее, вытесняя тот мир, который они оба знали. Они чувствовали себя так, словно проснулись от кошмарного сна, который стал явью. Зазвонил телефон. Сергей взял трубку.

— Алло! Здравствуйте... Ч-то?! Как это случилось? Да, хорошо, мы приедем!

Сергей положил трубку.

— Что? — Настя вопросительно глядела на него.

— Муфлон в больнице...

Настя вскрикнула.

— У него был приступ, что-то вроде астмы.

— Он жив?!

— Он в коме. Его мать просила приехать.

Сергей шел по длинному больничному коридору. Сам он лежал в больнице всего один раз в жизни — два года назад ему вырезали аппендицит. Но всякий раз, когда он навещал своих друзей и родственников, его поражала особая мистическая атмосфера больницы. Вероятно, сами больницы — это средоточие человеческих страданий и смерти, одиночества и надежды, молитв и покаяния. Даже когда он случайно проходил мимо, его охватывал непонятный трепет. Словно его душа одновременно хотела и плакать, и петь. А в пустом больничном коридоре было еще и что-то страшноватое. Сергей вспомнил известные фильмы ужасов, когда жертва бежала по больничному коридору, а за ней неотступно следовала тьма. Ему показалось, что он тоже персонаж какого-то абсурдного фильма ужасов, и сейчас из-за поворота появятся черные волки с глазами вампиров, или сумасшедшие зомби повалят из палат. Он передернул плечами и невольно ускорил шаг.

Муфлон находился в реанимации и к нему не пускали даже родственников. Его мама, Мария Семеновна, сидела в коридо-

ре белая как мел. Она не плакала и никак не выражала своих эмоций. Она просто сидела на стуле, уставившись в стену напротив.

— Здравствуйте... — нерешительно произнес Сергей.

Она ответила не сразу. Только когда он поздоровался повторно, она слегка вздрогнула и повернулась к нему.

— А, это ты, Сережа. Здравствуй...

— Как... он?..

— Дима? — Она нервно улыбнулась. — Дима в коме. В коме Дима...

— А что... ну... случилось?..

— Я сама не знаю!!! — внезапно выкрикнула она. — Я была на работе... Димочка был дома один... Прихожу, а он... — Она зарыдала.

Сереже стало неловко рядом с этой скорбящей женщиной. Почему-то он почувствовал себя виноватым перед ней.

— Он... корчился на полу и задыхался... У него изо рта шла кровь! — Мария Семеновна говорила сквозь душившие ее рыдания.

— А компьютер у него работал? — осторожно спросил Сергей.

— Какой компьютер? Мой сын умирает, при чем здесь компьютер?!

— Простите, пожалуйста... — стушевался он. — С ним все будет в порядке...

Последние слова прозвучали не очень убедительно. Сергей и сам в это не очень верил.

— Меня к нему не пускают! К нему никому сейчас нельзя. Так что, ты иди домой!

Сергей продолжал стоять, не решаясь двинуться с места.

— Ты слышишь меня?! — прикрикнула на него Мария Семеновна. — Уходи!

Сергей медленно повернулся и на ватных ногах пошел прочь.

— Подожди! — крикнула ему вдогонку Мария Семеновна.

Сергей повернулся к ней.

— Вот. — Мария Семеновна порылась в сумочке. — Дима просил тебе передать, перед тем как... — Она снова заплакала.

Сергей подошел к ней и взял небольшой сверток.

— А теперь иди домой...

Выйдя из больницы, Сергей позвонил Насте, но ее мобильник не отвечал. Сергей направился на троллейбусную остановку. Погода была солнечная, день можно было назвать чудесным, если бы не все что случилось. «Значит, Муфлон играл в «Шамбалу». Но как? У него ведь винчестер полетел основательно?» — недоумевал он.

Подошел его троллейбус. Сергей запрыгнул в него, на ходу доставая мелочь. Народу внутри было не очень много, но мест свободных не было и он встал у окна, держась за поручень. На сиденье рядом с ним сидела очень красивая блондинка и разговаривала по мобильной гарнитуре. Она громко смеялась при этом, а поскольку гарнитуру сразу было не разглядеть, выглядело это весьма забавно, словно девушка увлеченно беседует сама с собой. Народ на нее опасливо оглядывался по понятным причинам. Но несмотря на ее лучезарную красоту, Сергею она показалась глупышкой.

Рядом сидели два алкаша. Когда на следующей остановке вошла немолодая женщина, один из них поспешил ей уступить место. Второй стал шумно восхищаться его поступком.

— Ну ты молоток! Да-аа! Не перевелись еще мужики на Руси! Я восхищен! Я просто восхищен! — восклицал он. — Я теперь просто обязан сделать то же самое!

В троллейбус вошла женщина с двумя сумками. Алкаш бросился уступать ей место. Женщина смущенно отказывалась, но ее таки усадили. И двое пьяных «джентльменов» гордо раскачивались посреди троллейбуса, рискуя упасть на других пассажиров.

Сергей невольно улыбнулся. Кто-то тронул его за руку. Он обернулся. Рядом стояла девчушка лет шести с плюшевым медвежонком в руках. Она была совсем не похожа на своего виртуального прототипа, но Сергею вдруг стало неуютно.

— Чего тебе? — немного резковато спросил он.

— Дай! — коротко потребовала малышка.

— Что тебе дать? — не понял Сергей.

— Дай! — настойчиво повторила девочка, показывая ручкой на пакет, который Сергей держал в руках.

— Да что ты хочешь? — недоумевал он.

— Отдай! — Девочка схватила пакет и потянула его на себя.

Сергей не отпускал. Пассажиры стали оборачиваться. Девочка завопила.

— Что за безобразие! — воскликнула полная женщина с кошелками. — Ребенка обижают!

— Вызовите милицию! — вторила ей старушка.

Послышались и другие возмущенные крики. На помощь поспешила кондукторша.

— Молодой человек! Что здесь происходит? — строго спросила она.

— Я не знаю, чей это ребенок, — стал сбивчиво объяснять Сергей. — Она хотела украсть мой пакет.

— Да как вы можете? — воскликнула полная женщина с кошелками. — Она же такая крошка!

— О ком вы говорите? — не поняла кондукторша. — Какой ребенок?

Сергей огляделся вокруг. Девочки не было.

— Она же только что была тут! — воскликнула старушка. — Может, она потерялась? Ведь ребенок один в троллейбусе!

— Уважаемые пассажиры! — закричала кондукторша. — Кто видел маленькую девочку?..

Но она как сквозь землю провалилась. Сергей не стал дожидаться продолжения шоу и поспешил выйти на первой же остановке.

Дома никого не было. Сергей еще раз позвонил Насте и, не дозвонившись, написал ей эсэмэску, чтобы она срочно пришла к нему. Он хотел распечатать пакет вместе с Настей, но любопытство взяло верх. Внутри он нашел какой-то странный код, состоящий из цифр и букв и... амулет с изображением солнца.

— Значит, Муфлон был Охотником! — пораженно воскликнул он. — Но как же он играл, у него же компьютер сломан?! И что все это значит?

Сергей и сам не заметил, как надел амулет и принялся читать записку.

Ворон шел по подземелью один. Прошло уже много времени с того момента, как напали волки и Охотник погиб. Лео куда-

то пропал. Факел тоже давно догорел и Ворон блуждал в полной темноте. Он продвигался на ощупь, стараясь не производить лишнего шума. Он боялся, что не сможет дать отпор волкам один и в полной темноте. Он увидел красные огоньки и схватился за кинжал, но нападения не последовало. То ли волки его не замечали, то ли ему показалось. Вдруг он почувствовал какую-то прохладу. Может быть, впереди выход? Ворон поспешил вперед. Коридор стал расширяться, но вопреки его ожиданиям это был не выход. Он оказался в просторном зале, освещенном факелами. Множество черных волков повернулись в его сторону, готовые к нападению. Ворон внутренне сжался. Но нападения не последовало. Волки расступились, и Ворон увидел женщину, сидящую на каменном троне.

— Ну вот мы и свиделись, касатик! — сказала она.

— Это вы? — изумился Ворон.

— Что, так изменилась? — засмеялась она. — Теперь ты знаешь цену могуществу и власти?

Она заметно помолодела и похорошела и выглядела лет на сорок.

— Да, знаю.

— И ты готов ее заплатить?

— Нет, я хочу отказаться...

— Что-что? — изумилась женщина. — От чего ты хочешь отказаться?

— От могущества.

— Касатик! — укоризненно вздохнула она. — Отказываться поздно! Назад дороги нет!

Ворон молчал.

— Ты мне должен, ты помнишь это? — В голосе у нее появился металл.

— Я не могу... — с трудом выдавил Ворон.

— Мы же договаривались! — закричала колдунья. — Мне нужна твоя душа!

— Но я не согласен! — крикнул Ворон.

Колдунья побледнела и вскочила на ноги. Волки бросились к нему, но остановились.

— Ладно, — смягчилась колдунья. — Я дам тебе время для раздумья. Мы еще поговорим об этом.

* * *

Сергей пришел в себя в своей комнате. Был уже глубокий вечер, но свет в комнате не горел. В комнате послышался шорох. Сергей едва различил в темноте чей-то силуэт. Он вскочил и зажег лампу. Перед ним стояла Красная Шапочка.

— Этого не может быть!

Красная Шапочка медленно повернулась к нему и достала из своего плаща нож.

— Ты не настоящая! — закричал он на нее.

Красная Шапочка медленно приближалась к нему.

— Это неправильно! Ты же из другой игры!

Она взмахнула ножом...

Сергей сидел на полу в луже крови. Он не помнил, ни что произошло, ни как он оказался сидящим на полу. Перед ним лежала Настя, прижимая руки к животу. Сквозь ее пальцы текла кровь. Сергей осознал, что сжимает в руках нож, и с ужасом отбросил его. Кошмар осуществился, он убил свою любимую девушку! Сергей бросился к Насте.

— Прости меня! — Он приподнял ее голову.

Девушка открыла глаза.

— Ты только не умирай! Слышишь меня?! Не умирай!

Он сосредоточился. Он молил волшебную силу о помощи. Но она не приходила. Он хотел отдать ей свою кровь, он бы с радостью умер бы за нее. Но он не мог ее исцелить. Только теперь он понял, как его обманули!

Сергей бросился к телефону. Но трубка была мертва. И мобильник тоже почему-то вышел из строя. Он в отчаянии отшвырнул от себя телефон. Внезапно тот зазвонил. Сергей поднял трубку.

— Это тебе не поможет!

Голос был знакомым.

— Макс?!

— Ты скоро умрешь!

Сергей в ужасе бросил трубку.

— Сережа! — позвала его девушка. — Не уходи!

Он опустился на колени рядом с ней.

— Ну что ты! Я не уйду! — пробормотал он.

Ему вдруг стало нечем дышать и он расстегнул воротник рубашки. Его рука нащупала амулет. Он вспомнил о свертке, который ему передала мать Муфлона. В кармане он нашел записку. Он взял Настю за руку и стал читать вслух заклинание, написанное на клочке бумаги... В глазах все поплыло, привычная действительность исчезала. В глаза ударил яркий свет, он зажмурился, а когда открыл глаза, он оказался один в комнате, полной яркого света.

— Ну, здорово, Ворон! — услышал он знакомый голос.

Перед ним стоял Макс. На правой щеке у него был шрам, как и у Каина, только еще больше.

— Я не Ворон, мое имя Сергей! — ответил Сережа.

— Ты убийца! — отрезал Макс.

— Ты сам на меня напал! Это ты хотел меня убить!

— Но убил меня ты!

Сергей почувствовал холод. Он явственно увидел перед собой мертвого Макса. Он знал, что это именно Макс заставил его увидеть.

— Прости...

— Поздновато просить прощения! — ехидно ухмыльнулся Макс. — Но я все же рад! Теперь я отомщен!

Сергей оглянулся вокруг.

— Где я?

— Там, куда ты стремился попасть: в «Шамбале».

— Так это все не игра?

— Ну наконец-то до тебя это дошло! Я тебе это еще тогда говорил!

— Что это за место?

— Можешь считать это параллельным миром, если тебя это устроит.

— А почему ты здесь?

— А мы все здесь, — улыбнулся Макс. — Все игроки когда-нибудь попадают сюда. Ты тоже будешь здесь. Посмотри туда!

Сергей увидел Город Призраков словно на большом экране. Толпы неприкаянных зомби мечутся по его улицам, крича от ужаса и отчаяния, и среди них он увидел Настю. Она стояла в

толпе других людей, ее волосы развевались на ветру, а глаза почернели. Немного вдалеке он увидел и Муфлона. Он сидел в одном из домов, уронив голову на руки.

— Ты уже давно потерял свою душу! Убийца своих друзей!

— Я спасу их!

Макс расхохотался.

— А силенок хватит?

Глаза Макса почернели. Сергей почувствовал, что падает в пропасть.

— Они все мои! — донесся до него измененный голос Макса. — И ты тоже!

Сергей оказался на улицах мертвого города. Он бродил по улицам в поисках своей любимой девушки и не находил ее. Мимо него ходили измученные люди-зомби, его толкали, но никому до него не было дела. Никто больше на него не нападал, словно он сам стал одним из них. Он пытался найти то место, которое он видел в своем видении, но город запутывал его. Навалилась какая-то апатия, чувство обреченности. Ему казалось, что все его усилия бесполезны и захотелось махнуть на все рукой и уснуть прямо на мостовой. Кто-то его окликнул. Сергей обернулся. Перед ним стоял Пашка. Он с трудом его узнал.

— Здесь выхода нет! — сказал Пашка. — Ты ищешь не там.

— А ты знаешь где? — с надеждой спросил Сергей.

— Найди себя.

Павел развернулся и пошел прочь, не оглядываясь.

— Настя! — крикнул Сергей. — Прости меня!

Сергей упал не колени. Амулет стал горячим.

— Я еще живой! — пробормотал Сергей.

Сергей приложил руку к груди, от амулета шло тепло.

— Ведьма! — закричал он. — Я тебя не боюсь! Я еще живой!

Он вдруг увидел, как лица окружающих начинают меняться. Плоть разлагалась. Они превращались в живые трупы с пустыми глазницами. Сергей понял, что ждет человека, который попадает в город призраков. Ему стало страшно. Амулет снова стал холодным, как обычная пластмасса. Откуда-то появились полчища крыс. Они вылезали из окон домов, из мусорных ба-

ков, неслись по улицам сплошным потоком. Они стаями бросались на людей-зомби, которые даже не пытались убежать или сопротивляться. Крысы были повсюду, они окружили Сергея со всех сторон. Бежать было некуда. Сергей давил их ногами, отбрасывал от себя, но их было слишком много. Они окружили его, взбирались по его ногам, прыгали ему на грудь. Но внезапно они отпрянули от него, словно обжегшись. Сергей дотронулся до амулета, тот был теплым. Он пошел дальше по улицам города, крысы разбегались перед ним.

Вдруг один из домов привлек его внимание. Он показался чем-то знакомым. Сергей некоторое время всматривался в него. Это был тот самый дом, в котором они с Лео прятались от зомби. Хотя Сергей отчетливо помнил, что тот дом сгорел. Он толкнул дверь, она оказалась незаперта. Сергей вошел внутрь. В комнате царил полумрак. Окна были забиты досками, и свет поступал сквозь дыры в стенах. Посреди комнаты за столом сидели его друзья, Муфлон и Настя. Сергей бросился к ним, но они не шелохнулись. Сергей окликал их, пытался их расшевелить, но все было безрезультатно. Тогда он встал на колени перед Настей и уткнулся в ее руки. Настя продолжала сидеть неподвижно.

— Настя, я пришел за тобой! — тихо сказал Сергей. — Пойдем домой!

— Она не может пойти с тобой, — услышал он голос Муфлона.

— Почему?

— Мы пленники этого города.

— Неужели отсюда нет выхода?

— Выход есть, но уйти отсюда можешь только ты. Знаешь городские ворота?

Сергей молча кивнул.

— Это портал в твой мир. На закате они закроются, если ты не успеешь, то тоже останешься здесь навсегда.

— Почему мы не можем уйти все вместе? Ведь вы же еще живы!

— Мы умираем, нас убивает «Шамбала»... и ты.

— Все равно нужно бороться! Вы идти сможете?

— У нас мало сил, уходи один.

— Возьмите мои, ведь по правилам игры это возможно?

— Никто еще в «Шамбале» не отдавал свою жизненную силу добровольно!

— Ну так я буду первым! Ты знаешь, как это делается?

— Не стоит тебе...

— Скажи, как это делается!

— Есть заклинание, и ты должен пролить свою кровь.

— Ты знаешь это заклинание?

— Оно написано на обороте твоего амулета.

Сергею до сих пор не приходило в голову посмотреть, что находится на обратной стороне солнечного амулета. Среди мусора, валявшегося на полу, он нашел осколок стекла и рассек себе руку, затем стал читать заклинание. Кровь медленно потекла на пол, в то же время Сергей почувствовал, как медленно вытекает его жизненная энергия. Но вместе с тем он увидел, как оживают и наливаются соком его друзья.

— Остановись! — сказал Муфлон. — Иначе ты сам не сможешь идти!

— Как ты? — спросил Сергей у Насти.

— Я в порядке! — улыбнулась девушка.

— Я тоже в порядке, — передразнил ее Муфлон.

— Так идем! — воскликнул Сергей. — Надо спешить!

Ребята вышли на улицу. В городе не было ни одной живой души, даже крыс. Улицы города словно вымерли. Исчезли даже звуки. Город превратился в кладбище самому себе. Муфлон хорошо помнил дорогу. Он как и всегда был впереди. Город не мог его запутать, и через несколько минут ребята добежали до городских ворот. Они уже закрывались.

— Быстрее! — закричал Муфлон.

Они кинулись к воротам, но дорогу им преградила старая колдунья.

— Куда же вы, касатики? Вы мне все нужны!

— Уходите! — крикнул Сергей своим друзьям. — Я ее задержу!

— А как же ты? — закричала Настя.

Из-за домов стали появляться черные волки — слуги старой колдуньи. Через минуту уже вся улица стала черной.

— Уходите! — кричал Сергей, хватая за руки колдунью. — Муфлон, уведи ее!

— Нет! — закричала Настя. Но Муфлон силой подтащил ее к воротам. Еще через мгновение они прошли через портал. Последнее, что увидела Настя, что на Сергея набросилась целая стая волков.

Сергей очнулся в больничной палате. Сознание возвращалось медленно и тягуче, словно он выныривал в реальность с большой глубины. Он не мог понять, снится все это ему или нет. Он пошевелил левой рукой, она была тяжелая, как гиря, и не слушалась его. Зато он заметил, что запястье у него почему-то забинтовано. Попробовав шевельнуть другой рукой, он почувствовал, что в нее воткнута игла. Он попытался сфокусировать взгляд и понял, что лежит под капельницей. Через несколько минут вошла молоденькая сестра.

— С добрым утром! — улыбнулась она ему и ловко вытащила иглу.

— Привет! — попытался бодро ответить ей Сергей, но получилось что-то невнятное.

Медсестра забрала капельницу и вышла, чуть было не столкнувшись в дверях с его мамой. На ней был накинут медицинский халат поверх пальто, а на голове смешная шапочка, словно она собралась идти в душ. Мать тяжело дышала и раскраснелась, то ли от усталости, то ли от волнения.

— Слава Богу, ты живой! — выдохнула она, увидев, что он пришел в себя. — Как же ты так мог!

Сергей попробовал вспомнить, что произошло, но перед глазами мелькали только красные огоньки.

— Что... — Голос его тоже не слушался. — Мама, что произошло?

— Ты что, не помнишь? — Мать заплакала. — Ты перерезал себе вены, вот что произошло! Спасибо Настеньке, она вовремя, «скорую» вызвала!

— Так она жива?

— Типун тебе на язык! Жива твоя Настя! Обещала тебя навестить. Зачем же ты это сделал, Сережа? Тебя кто-то обидел?

— Я и сам не знаю...

* * *

Через пару дней Сергей пошел на поправку. Врач пообещала выписать его на выходные. Настя пришла его навестить, принесла ему букет роз и кучу всякой вкуснятины. От нее он узнал еще одну приятную новость: Муфлон пришел в себя. А так как он находился в том же самом корпусе, только на этаж ниже, они решили его навестить вдвоем.

Муфлон вальяжно лежал в постели, смотрел ужасы по DVD и потягивал сок из баночки. Увидев ребят, он царственно махнул им рукой.

— Умеешь ты устраиваться в жизни! — с завистью протянул Сергей.

— Надо уметь не устраиваться, а жить! — снисходительно ответил Муфлон. — Хотя ты тоже молоток! — добавил он.

— Это в каком смысле? — не понял Сергей.

— Ты все-таки сумел взломать «Шамбалу»!

— Но как?! Я думал, что это иная реальность!

— Правильно. Но в этой реальности не предусмотрена любовь и самопожертвование. Когда ты пожертвовал собой ради нас с Настей, ты разрушил магию «Шамбалы», или что-то вроде того.

— Значит, мы все-таки победили «Шамбалу»? — радостно вскричали Сергей и Настя.

— Возможно, что мы закрыли один из порталов, ведущих в наш мир, но есть и другие.

— Какие другие? — спросила Настя.

Муфлон посмотрел на монстров на экране, выругался сквозь зубы, выключил телевизор и отшвырнул пульт.

— Чем черт не шутит!

Евгений Лукин
ДЕНЬ ДУРАКА

Казнь невиновного не менее полезна для общества, чем казнь виноватого, ибо ни с тем ни с другим общество не знакомо.

Великий Нгуен

С каждым новым ремонтом крохотный бар местного Дома литераторов становился всё неприглядnее, обретая помаленьку черты заурядной забегаловки. Повылиняла былая роскошь: исчезли зеркала с потолка, взамен панелей из тёмного дерева стены обметал бледный пластик, незыблемые кожаные диваны уступили место подозрительным по прочности трубчатым стульям. Впрочем, на отчётных собраниях очередная перелицовка неизменно ставилась в заслугу правлению, причём особо подчёркивалось, что бар стал выглядеть гораздо современнее.

В чём-то это соответствовало истине. В конце концов пенсионер, шарящий по мусорным бакам, тоже, как ни крути, примета нашего времени.

Кажется, богадельня доживала последние годы. Когда-то владевшие нераздельно первым этажом, а ныне ютящиеся в двух кабинетах, писатели держались за пресловутый бар, как белые за Перекоп. Сдача его буржуинам означала бы гибель культуры в целом. Ходили, правда, слухи, что власти вот-вот утратят остатки совести и взвинтят арендную плату. На лакомые квадрат-

© Е. Лукин, 2007

ные метры в самом центре города охотников было более чем достаточно. Какое бы вышло казино!

А пока что бывшие проводники идей и властители дум заглядывали сюда на сиротливо съёжившийся огонёк, пили дешёвую водку, ругали размножившееся низкопробное чтиво и тосковали вслух по незабвенным временам, когда человек человеку был ещё товарищем, а не господином.

Отдали Родине жизнь без остатка. Ни слова для себя, всё для народа. И таких людей бросить на произвол судьбы! Подобный поступок можно было бы назвать свинским, умей государство совершать иные поступки.

— М-мерзавец! — с негодованием выговорил прозаик областного масштаба Арсений Сторицын, швырнув газету на стол. — И мы ещё за него голосовали! — Залпом допил остывший кофе и уничтожающе покосился на равнодушного Мстишу Оборышева. — А всё ты!.. — сварливо попрекнул он сотрапезника.

— Всё я... — безропотно согласился тот.

— Ты и твоя телебанда! — поддал жару Сторицын.

— Телебанда — это такой африканский танец, — меланхолично отозвался Оборышев. Подумал — и добавил: — А может, латиноамериканский...

Народное выражение «сидит, как нагорелая свеча» с поразительной точностью соответствовало облику Мстислава Оборышева. Начать с того, что в профиль черты его и впрямь напоминали вислую гроздь застывших восковых струек. Да и анфас тоже. Словно бы лицо совсем уже изготовилось стечь в рюмку, над которой его обладатель горбился без малого четверть часа, но затвердело на полдороге. Последним, очевидно, схватился длинный каплевидный нос.

Физия неизменно кислая, однако это была особенная кислота, скорее свойственная уксусной эссенции, нежели тронувшемуся молоку. Даже когда Мстиша молчал, мнилось, будто мысли его так же едки и внезапны, как суждения вслух. Писателем Оборышев не был, хотя, говорят, тайком что-то кропал. Всю жизнь проработал на телевидении. Карьеры не сделал. В ханжескую советскую эпоху явный цинизм, пусть даже и тихий,

начальством не одобрялся, а когда времена сменились, то быстро превзошли в цинизме самого Мстишу, так что взойти по головам на вершину жизни в бурные девяностые ему, как ни странно, помешало ханжество, стыдливо называемое порядочностью.

— А уж врали-то, врали! — не унимался Арсений. — Такого нам из него ангела изобразили перед выборами...

— Почему врали? — благостно осведомился Оборышев. Безумное праздничное утро кончилось, и теперь он отдыхал от трудов праведных.

— Это ты меня спрашиваешь, почему? — взвился заводной Сторицын. — И на храм-то он пожертвовал!..

— Пожертвовал...

— И набережную озеленил!..

— Озеленил...

— И дороги в порядок привёл!..

— Привёл...

— Та-ак... — опасно откидываясь на спинку хлипкого металлического стула, зловеще протянул Арсений. — А теперь, значит, выясняется: и взятки-то он берёт!..

— Берёт...

— И с криминалитетом якшается!..

— А как же...

— Нет, я так не могу! — взревел член Союза писателей, оборачиваясь к стойке. — Леночка, будь добра, налей и мне сто грамм!

Действительно, беседовать с Мстишей... Чёрт, придумают же имечко — даже и не выговоришь! Так вот, беседовать с Мстишей на патетические темы было всегда крайне затруднительно, особенно если он поднимал на тебя исполненные сожаления глаза — и делалось вдруг неловко.

Чокнулись. Арсений с маху ополовинил стопку. Мстиша, как всегда, чуть пригубил.

— Родимые пятна социалистического реализма, — с прискорбием подытожил он. — Положительное — положительно, отрицательное — отрицательно.

— А разве нет? — страшно выкатывая глаза, вопросил прозаик.

Этот являл собою совершенно иной образчик реликтовой фауны. Если Мстиша Оборышев смотрелся в писательском баре несколько чужеродно, то Арсений не просто соответствовал интерьеру — он был его неотъемлемой частью и, казалось, выцветал вместе с ним.

Первую книгу Сторицын издал в те ещё времена, когда члена Союза писателей с первого взгляда трудно было отличить от члена правительства. Естественно, что вскоре Арсений уже не ходил, а шествовал, не говорил, а вещал — словом, полностью осознал свою персональную ответственность за судьбу России. Спросишь его, бывало, который час, — ответит не сразу: призадумается тревожно, затем одарит испытующим взглядом из-под привскинутой брови, словно бы недоумевая, как это тебя могут интересовать подобные мелочи. Вздохнёт, вздёрнет обшлаг рукава — и оцепенеет над циферблатом, озадаченный мельтешением мгновений. Сам-то он привык мерить время веками.

Подсекли злые люди становую жилу русской литературе, а заодно и Арсению Сторицыну. Поредела его уникальная библиотека, потускнела позолота лауреатского значка, а под пиджаком взамен солидной рубашки с галстуком возникла призовая маечка, пересечённая надписью «фанта». И с каждой новой перелицовкой прозаик терял прежний лоск, становясь, мягко говоря, всё современнее.

— Ты мне одно скажи, — наседал правдолюбец Арсений. — Где вы, друзья, наврали? В хвалебных передачах или в разоблачительных?

Мстиша уныло шевельнул свечными наплывами бровей.

— Дьявол и телевидение, — изрёк он, — если и врут, то исключительно с помощью правды.

Умение ставить собеседника в тупик было у него, надо полагать, врождённым. С вилкой в руке Арсений Сторицын вопросительно уставился на развесистое хрустальное бра — наследие сталинского ампира, каким-то чудом пощажённое бесчисленными ремонтами.

— Возьми любой кадр, — миролюбиво предложил Оборышев. — Правда? Правда. Враньё возникает лишь на уровне монтажа. Стало быть, что? Стало быть, враньё состоит из правды.

— Нет, позволь! — снова обрёл дар речи Арсений. — Как это из правды? Меня, допустим, ты ни в чём разоблачить не сможешь! Монтируй, не монтируй...

— Это почему же не смогу? — опешил Мстиша.

— А в чём?

— Да уж найду...

— Найди!

Мстиша озабоченно заглянул в свою стопку, словно обнаружив в ней соринку. Сосредоточился.

— Закончил повесть, — с горечью поведал Арсений. — О живых людях... А издательство вот-вот коммерческим сделают... И на что жить? Дачу продать? Кому она нужна!.. Леночка! Налей ещё пятьдесят под карандаш. Отдам-отдам — мне сегодня Алексей Максимович от литфонда на бедность подкинет. Аж целых пятьсот рублей... Так в чём ты меня разоблачать собрался, Мстиша?

— Знаешь, — задумчиво молвил тот. — Тут наш национальный праздник приближается...

— Это какой?

— Ну... День дурака. Первое апреля.

— Приближается! Ещё февраль не кончился... И что?

— Ставь бутылку — разоблачу... Нет, ты не боись. Под занавес скажу: шутка, мол. Дескать, с первым вас апреля, дорогие горожане...

В бар заглянуло смуглое личико сатанинских очертаний. Легок был на помине лирический поэт Алексей Максимович Тушкан, глава агонизирующего литфонда.

— Здорово, Сильвестрыч, — бодро приветствовал он Арсения. — Ого! У вас тут что, интервью?

Перескочил порог и явился во всей красе — как из табакерки. Ни дать ни взять, Мефистофель в миниатюре. Увеличить раза в полтора, сменить жестяной теноришко на глубокий бас,

плащ через плечико, шпагу на бедро, пёрышко в берет — и прямиком на оперную сцену.

— Я интервью... — мечтательным эхом откликнулся Мстиша. — Ты интервьёшь... Он интервьёт...

— Это меня уже от вас интервьёт!.. — огрызнулся мелкий лирический бес, водружая на свободный стул портфель, набитый столь туго, что его хотелось сравнить с бумажником. От безденежья — чего ж не сравнить?

— Здорово, Лёха... — благосклонно пророкотал приосанившийся Арсений Сильвестрович. — Вовремя ты, вовремя...

Портфель открыли. Понятно, что обилия купюр внутри не обнаружилось. Папки, папки, папки — и в каждой, надо думать, чья-нибудь рукопись. Вот делать нечего людям...

Затем из тесноты портфельного нутра был бережно высвобожден тоненький пластиковый пакет с ведомостью и немногочисленными сотенными бумажками. Спрессованный манускриптами, он, казалось, имел теперь всего два измерения. Идеальная плоскость — хоть на уроках геометрии демонстрируй.

— За неимением крови пишем чернилами, — провозгласил, а может, процитировал кого-то Сторицын, ставя подпись где надо. — А ты что ж, собачий сын, не снимаешь? — надменно оборотился он к Мстише. — Взялся разоблачать — разоблачай...

Необходимо приостановиться и сделать пояснение. В самом начале своей неголовокружительной карьеры Оборышев около года работал редактором, но с корочками корреспондента-кинооператора. Такое случалось частенько, однако настырный юноша, должно быть, ненавидя по молодости всё номинальное, и впрямь освоил смежную профессию. Как известно, телевизионщики подобно иеговистам всегда ходят парами. Оборышев же несколько раз ухитрился сдать материал, будучи един в двух лицах. А когда ему принимались пенять, что негоже, мол, — невозмутимо предъявлял удостоверение. Потом, разумеется, редакторское место для него сыскалось, но камеру из цепких рук Мстиша так и не выпустил.

— Сейчас, — покорно согласился он, освобождая объектив от крышки.

— Вы что, с ума сошли? — завопил лирик с портфелем, пытаясь прикрыть ведомость безнадёжно узкой ладошкой. — Приключений на свою голову ищете?..

Так и не выбрав, которую графу следует прежде всего утаить от общественности, он наконец сообразил по-ментовски заткнуть жерло объектива в целом.

— Отлично, — сказал Мстиша, опуская камеру. — Снято.

Тушкана еле убедили, что это была шутка, — и остервенело осунувшийся поэт сгинул, не оставив даже запаха серы. Ему ещё предстояло облагодетельствовать сегодня по меньшей мере трёх малоимущих литераторов. Дурацкие, согласитесь, шуточки: обиваешь пороги, клянчишь, изворачиваешься, с ведомостями химичишь, а им тут, понимаешь ли, хаханьки...

— Пересчитай, — посоветовал Мстиша.

Арсений машинально пересчитал пять сотенных, а когда поднял глаза, то увидел, что его снова снимают, причём как-то не по-людски — от бедра. Вроде бы из-под полы.

— Что, пацан? — ворчливо осведомился он. — Тебе небось такие крутые бабки и во сне не снились?

— Хотелось бы всё-таки знать, — занудливым ревизорским голосом поинтересовался Мстиша, перехватив камеру как положено, — за что вам были сейчас выплачены деньги.

— Это не деньги, — буркнул прозаик. — Это слёзы.

— А всё-таки: за что?

— Ну, хватит, хватит! — нахмурясь, прикрикнул Арсений. — Подурачились — будя... Леночка! Давай-ка, лапушка, рассчитаемся. Сколько там за мной?

— Хватит так хватит, — не стал противиться покладистый папарацци и поставил камеру на стол — далеко не откладывая.

Взяли ещё по пятьдесят капель и по салатику. Потом ещё по пятьдесят. После расчёта с барменшей вспомоществование от литфонда заметно приуменьшилось. Прозаик пригорюнился.

— И что обидно, Мстиша, — с болью в голосе покаялся он. — Демократию-то я принял без колебаний...

— Как Маяковский революцию, — понимающе кивнул тот. — Моя демократия.

— Слышь! — вспылил Арсений Сильвестрович. — Ты это мне брось тут кого ни попадя к столу поминать! То дьявола, то Маяковского... — Усмехнулся, повеселел. — Партбилет, правда, не сжёг, — доверительно сообщил он, становясь таинствен и многозначителен. Подмигнул, полез в правый внутренний карман пиджака и неспешно развернул на столе лоскут алого бархата. Полюбовавшись на реликвию, вновь завернул и спрятал. А современные документы Арсений, надо полагать, носил в левом кармане. Спрятав, закручинился вновь: — Да-а, были времена... Ценили писателя, берегли... Всё хорошо — одно плохо, — совсем уже мрачно закончил он. — Чего не могу простить советской власти — так это гонений за веру...

— А кто гонял-то? — полюбопытствовал Оборышев.

— Да я же и гонял, — удручённо признался Сторицын и, подумав, размашисто осенил себя крестом. — Гос-споди, прости мою душу грешную...

Мстиша задумался. Точнее — помолчал. Что, впрочем, применительно к нему означало одно и то же.

— Любой переворот, — философски заметил он, — это прежде всего много жулья. Конечно, обидно: вроде победил — и тебя же обувают...

Утешить, что ли, хотел?

Арсений досадливо тряхнул редеющей гривой и вдруг со стуком отставил стопку. Глаза его сверкнули грозным озорством.

— А что это ты аппаратуру зачехлил? — неожиданно возмутился он. — День дурака? Будет тебе сейчас День дурака! Обращение дурака к народу... Сымай, тудыть твою!..

Мстиша, не переча, обнажил оптику.

— За что деньги, говоришь? — неистово переспросил член Союза писателей и, заламывая бровь, жутко уставился в камеру. — За то что я... — тут он звучно впечатал в грудь растопыренную пятерню, — ...Арсений Сильвестрович Сторицын! Ведущий прозаик! Автор нескольких романов! Лауреат региональной премии! Вынужден на склоне лет влачить нищенское существование... Почему? А времена такие... Каждому своё! Умеешь воровать — живи и благоденствуй. Не умеешь — ложись и помирай... Э! Э! Ты куда камеру повёл? Ты чего?!

Мстиша Оборышев, полуотвернувшись, запечатлевал в подробностях хрустальное бра, затем навёл алчно поблёскивающую линзу на стопки и салатик. Кстати, замечательные были стопки, чуть ли не в серебро оправленные (на самом деле, конечно, в мельхиор). Правда, осталось их — раз-два и обчёлся. А когда-то хватало на всю организацию.

Наконец, сохранив для истории разрозненные крохи былого великолепия, оператор снова взял в кадр львиное лицо прозаика.

— Всё рассмотрел? — ядовито спросил тот. — А теперь попробуй смонтируй...

Вместо ответа Мстиша как-то по-пижонски кувыркнул камеру и уложил её боком на стол, попутно уронив ложечку на блюдце.

Словно в ответ звону ложечки, в приоткинутые фрамуги актового зала, а оттуда уже в сопредельный бар проник удар колокола. Писатель и телевизионщик в недоумении посмотрели друг на друга. Что за диво? Ближайший храм располагался в трёх долгих кварталах отсюда и, насколько известно, в эксплуатацию ещё введён не был.

Не поленились — вышли посмотреть.

Снаружи стояла оттепель, пахло весной. Небольшой крестный ход как раз поравнялся с Домом литераторов. Десятка два бледных чернобородых юношей в приталенных рясах несли на высоких древках хоругви, напомнившие циничному Оборышеву ползунки о трёх штанишках. За иноками следовали двое седоусых есаулов с иконой. Низкорослые, пузатенькие, одним видом своим станичники наводили на горькие мысли о сталинских репрессиях, уничтоживших всё высокое и стройное, что было в казачестве.

Далее шла паства. Просветлённая прихожанка в платочке время от времени взывала прозрачным неземным голоском: «Христос воскресе» (это в феврале-то!), — и колонна подхватывала: «Воистину воскресе!» Но самое странное: впереди процессии под полковым красным знаменем медленно катил микро-

автобус с динамиком, воспроизводя вперемежку колокольный звон, церковное пение и музыку композитора Блантера.

Невольно захотелось протереть глаза и прочистить уши.

— Это в честь чего такое? — ошалело спросил Арсений.

— А-а... — вспомнил Мстиша. — Сегодня ж двадцать третье!

— День рождения Красной Армии?!

— Был! А теперь это День защитника Отечества. Вполне православная дата.

— Позволь... — совсем растерялся Арсений. — Недавно же ещё разоблачали — говорили: большевистская выдумка... никакой победы в тот день над немцами не было...

— Ну это смотря как смонтировать... — с видом знатока заметил Мстиша.

Короток месяц февраль, но память человеческая ещё короче. А тут ещё март прицепился. Словом, к тому времени, когда в квартире Сторицына погожим первоапрельским утром раздался телефонный звонок, Арсений уже и думать забыл о давнем уговоре.

— Включай телевизор, — приказал Оборышев. — И бутылка с тебя.

— О чём ты, Мстиша?

Мстиша объяснил. Арсений оцепенел.

— Ты что? Дурак? — рявкнул он так, что даже в голову вступило. — Шуток не понимаешь?

— И это ты мне говоришь в День дурака? — озадаченно прозвучало в наушнике. — По-моему, очень даже забавный прикол — почти на столичном уровне...

Предчувствуя недоброе, Арсений швырнул трубку и как был в трусиках с пуговками, заметался в поисках пульта. Нашёл. Врубил.

Омерзительный гогот за кадром, а на экран выпрыгнуло и закривлялось не менее омерзительное слово «криминашки». Далее посыпались кадры кинохроники, чередуясь с фрагментами художественных фильмов: пальба, гульба, тюрьма, Аль Капоне, Солоник, Бармалей...

— Величайшие преступники всех времён и народов, — с идиотской задумчивостью проскрипел голос Мстиши Оборышева. — В их судьбах присутствует что-то общее: ни один не ушёл от расплаты. Хотя случаются исключения. Проживает в нашем городе человек, против которого бессильны и прокуратура, и криминалистика.

На экране обозначилась и с лёгкой брезгливостью глянула на телезрителя грандиозная мордень. Арсений Сторицын хотел содрогнуться — и вдруг засмотрелся. Во-первых, давно его не показывали по ящику, а во-вторых, хорошо был схвачен Арсений. Эпически.

— Мзду ему приносят непосредственно в бар, — сухо информировал Мстиша.

Изображение стало подергивающимся, нечётким, серовато-зеленоватым. Видны были только толстые пальцы, сноровисто пересчитывающие купюры неизвестного достоинства. В углу зажглись белые буковки: «Типа скрытая камера».

— Позвольте представить: Арсений Сильвестрович Сторицын, литератор, член областной писательской организации. Но пусть это не вводит вас в заблуждение. Если помните, подпольный миллионер Корейко и вовсе числился мелким служащим...

На экране по-прежнему перелистывались купюры. По второму или уже по третьему разу.

— Хотелось бы всё-таки знать, — занудливым ревизорским голосом произнёс Мстиша, — за что вам были сейчас выплачены деньги.

Новый кадр: Сторицын, прячущий нажитое. Развязная самодовольная ухмылка:

— Что, пацан? Тебе небось такие крутые бабки и во сне не снились?..

— А всё-таки: за что?

— Это не деньги, — последовал пренебрежительный ответ. — Это... (би-ип)

Арсений (живой, не экранный) моргнул. Неужели он мог так выразиться при Леночке? Да нет! Быть не может! Нежные девичьи уши прозаик обычно щадил.

— К сожалению, все попытки выяснить, за что причиталась полученная нашим героем сумма, — с прискорбием продолжал Мстиша, — натолкнулись на решительное сопротивление тех, от кого эта сумма исходила...

По размытой ведомости (резкость умышленно сбита) заметалась узкая ладошка — и телевизор взвизгнул отчаянным блатным фальцетом:

— Вы что... (би-ип) Приключений на свою... (би-ип) ищете?

После чего объектив, как можно было предвидеть, заткнули.

— Но в конце концов после долгих расспросов ответ нами был всё же получен, — обрадовал зрителей незримый Мстиша Оборышев.

Возникший на экране лик дышал угрозой.

— За что деньги, говоришь? (жуткая пауза) За то, что я (звучный удар в грудь) Арсений Сильвестрович Сторицын!.. (би-ип, би-ип, би-ип, би-ип — губы прозаика выразительно шевелились, при желании можно было даже прочесть по ним отдельные матерные слова) Почему? А времена такие... Каждому своё! Умеешь воровать — живи и благоденствуй. Не умеешь — ложись и помирай... (би-ип, би-ип, би-ип)

— Нет, ложиться и помирать Арсений Сильвестрович явно не собирается, — известил Мстиша. — Судя по тому, каким он себя окружил комфортом, Арсений Сильвестрович намерен именно жить и благоденствовать...

Что у фотографии, что у видеозаписи есть удивительное свойство: какую бы гадость вы ни сняли, она всё равно будет выглядеть лучше, чем на самом деле. Стало быть, можете себе вообразить, как раздраконил Оборышев хрустальное бра и оправленные в мельхиор стопки.

— Э! Э! Ты куда камеру повёл?.. — прозвучал кровожадный рык из-за кадра. — Ты... (би-ип, би-ип, би-ип)

Роскошное логово криминального авторитета кувыркнулось с грохотом и дребезгом (а всего-то лишь ложечка грянула о блюдце!) и навсегда завалилось набок. Надо полагать, отважному телекорреспонденту были причинены тяжкие телесные повреждения.

И наконец в кадре возник создатель всего этого непотребства.

— Вы, очевидно, спросите, — заговорил он, — почему бездействует прокуратура и почему бессильна криминалистика? По одной простой причине: Арсений Сильвестрович Сторицын чист, как слеза. Это талантливый писатель, гордость нашего города, честнейший культурнейший человек, а то, что вы сейчас видели, — не более чем шутка. С праздником весны, дорогие горожане! С первым вас апреля, Арсений Сильвестрович!

Арсений Сильвестрович закряхтел, выключил телевизор и призадумался. С одной стороны, увиденное было не смешно, да и просто возмутительно. С другой — чем-то оно ему понравилось. Отрезать Бармалея в начале и Мстишу в конце — и очень даже, знаете, этак... смотрится. Он-то думал, клоуном выставят, а так... Круто, круто...

Пора было, однако, звонить Оборышеву. Но пока шёл к телефону, тот замурлыкал сам. Арсений снял трубку, готовый ответить на каноническое «ну как?» безразличным «да знаешь, так себе...»

— Что, ворюга? — с нежностью спросил незнакомый мужской голос. — Допрыгался?

Над полукруглым козырьком подъезда Дома литераторов сияли молочно-белые буквы, слагающиеся в жуткое слово «Клоацина». Так называлась фирма-арендатор, продвигающая на рынок итальянскую сантехнику. Но если присмотреться, то справа от входа можно было заметить и серебристо-серую доску, удостоверявшую, что тут же располагается местное отделение Союза писателей. Перед стеклянными дверьми воздвигся хмурый охранник, пытаясь связаться с кем-то по сотовому телефону. Тем же самым занимался и стоящий неподалёку милиционер, но, кажется, с меньшим успехом. Рация в руке его шипела и трещала.

Причиной беспокойства представителей силовых структур было небольшое, но шумное скопление народа на тротуаре. Судя по всему, люди пришли против чего-то протестовать, причём по велению сердца. Ни единого типографского или хотя бы вы-

веденного на принтере плаката, всего две картонки с каракулями вкривь и вкось. На одной значилось: «Пируете? А народ вымирает!» На другой — коротко и ёмко: «Доколе?!» Десяток пенсионеров и примерно столько же горластых корявых тёток в обязательных вязаных шапках — шерстяных и мохеровых. Возраст политической зрелости. Как только женщине становятся не нужны буржуазные прокладки, она выходит на улицы и требует возвращения справедливого строя.

Подробно живописать собравшихся нет смысла. Возьмите любую фотографию любого стихийного митинга — и на вас уставятся те же самые люди, даже если один снимок сделан сегодня в Решме, а другой лет двадцать назад в Кинешме. Не меняются повреждённые жизнью лица, не снашиваются вязаные шапки...

За неимением трибуны или хотя бы ступеней речи произносились с крышки канализационного люка.

— Миллионы гребут!.. — изнемогал сорванный в поисках правды старческий голосишко. — Гонорары?.. Не бывает таких гонораров! Это сколько понаписать надо, чтобы миллион получился?..

Потом зачитали по бумажке что-то гневное, а саму бумажку вознамерились прилепить к стеклянным дверям, однако охранник не позволил: двери, как и узорчатая мостовая перед ними, являлись собственностью фирмы-арендатора. Русский бунт был, по обыкновению, бессмыслен — стать же беспощадным ему не давала малочисленность участников. Наконец, посовещавшись, прилепили рукописный упрёк к серебристо-серой доске с выпуклыми литерами — уж она-то наверняка принадлежала Союзу писателей.

Не доезжая десятка метров до сборища, к тротуару причалила легковушка местного телевидения, откуда выскочил и обмер, остолбенев, Мстиша Оборышев. Черты редактора как никогда напоминали теперь застывшую гроздь восковых струек.

Полчаса назад, получив от начальства задание отразить какой-то митинг, он, естественно, напомнил о своей принадлежности к редакции культуры. На это ему с угрюмой усмешкой ответили, что, во-первых, митингуют перед Домом литерато-

ров, а во-вторых, сам заварил — сам и расхлёбывай. До последнего мгновения Мстиша надеялся, что слухи о происходящем сильно преувеличены.

Ай-яй-яй-яй-яй, что делается! Совсем народ сбрендил...

Оставив оператора искать ракурсы (выехали, как и полагается, вдвоём), Оборышев, доставая на ходу корочки, устремился прямиком к милиционеру.

— Здравствуйте! Телевидение. Не подскажете: митинг санкционирован?

— Разбираемся, — уклончиво заверил тот.

Подошёл охранник и попросил не брать в кадр слово «Клоацина», поскольку в связи с акцией протеста это может опорочить имя фирмы. Оборышев пообещал, что не будет.

Створки витринного стекла шевельнулись. Толпа, утробно заворчав, подалась к низенькому плоскому порогу, но из прозрачных дверей вышла всего-навсего Олёна Стременная, корреспондент «Вечёрки». К ней кинулись с расспросами. Выпытали, что творческая интеллигенция в лице напуганного секретаря СП затворилась в своей башне из слоновой кости и к народу скорее всего не выйдет. Разочарование было столь велико, что досталось ни в чём не повинному сержанту милиции.

— Ну вот чего ты тут маячишь?.. Чего маячишь?.. — визгливо крикнула ему самая ветхая из протестующих. — Криминалитет тебе в лицо смеётся, а ты маячишь!..

— Дурдом! — негромко, но отчётливо выговорила Олёна, поравнявшись с коллегой. — Ну что, господа телевизоры? Чья наводка была? Мирзоева, небось?

— Мирзоева?..

Страшна была Олёна, как смертный грех, и по нынешним временам это давало ей право держаться с высокомерием первой красавицы. Казалось, она и косметику-то употребляет не с тем, чтобы скрыть, а с тем, чтобы дерзко подчеркнуть все свои изъяны.

— Только не прикидывайся кабелем! — предупредила она. — Месяц назад Мирзоев в Думе на творческие союзы наехал. Никакой от них, дескать, прибыли — ущерб один. А господа писатели через прессу огрызнулись...

— Ты сама-то вчера передачу — видела?

— Видела...

— И?..

— Сработано чистенько, — вынуждена была признать Олёна. — Даже если Сильвестрыч в суд подаст, ловить ему нечего... — Покосилась на прилепленную к серебристо-серой доске бумаженцию. — Конец богадельне. Теперь им на волне народного гнева в аренде, верняк, откажут...

Чуть ли не со страхом Мстиша вгляделся в толпу. Восковые наплывы и бугорки, составлявшие его лицо, дрогнули, как бы начиная плавиться.

— Полагаешь, митинг проплаченный?

— Да ну «проплаченный»! Когда бы кто успел? Сами...

— Но ведь смех был за кадром! И объясниловка в конце! День дурака...

Пожала худыми, как вешалка, плечами.

— Да у этих каждый день такой! Один начал смотреть с середины, другой не досмотрел, третий — вовсе... думает: раз писатели, то, значит, крутизна — по-другому не достанешь... — Олёна вдруг осеклась и уставилась на Мстишу Оборышева. — Так ты что? — испуганно спросила она. — Нечаянно?.. Не по заказу?..

Два поколения. Два мира. Две судьбы. Циник-теоретик и циник-практик. Олёна Стременная зачарованно смотрела на безнадёжного перестарка с высоты своей блистательно уродливой молодости, не понимая, как можно было сделать пиаровский материал бескорыстно! Всё равно что выйти на митинг и не взять за это ни цента...

— Извините... — прервал затянувшуюся паузу подошедший оператор. — Мстиш! Работать будем?

«А кто для себя и бесплатно дурак, тот очень немногого стоит...» — горестно повторяя эти бессмертные строки Бёрнса в бессмертном переводе Маршака, Мстиша приблизился к толпе.

Лучше бы он этого не делал.

— Смотрите, Оборышев! — ахнул кто-то.

Мстишу окружили.

— Я вас сразу, сразу узнала! — трясла и теребила его корена-стая хриплоголосая мегера в мохнатой вязаной шапке цвета утопленника. — Мы преклоняемся... Мы преклоняемся перед вашим гражданским мужеством!.. Если эти мерзавцы тронут вас ещё раз хоть пальцем... Мы вас в обиду не дадим! Слышите? Не дадим! До президента дойдём!..

Внезапно Мстиша обнаружил, что уже стоит на крышке канализационного люка и что все на него смотрят.

— Послушайте, — сделав над собой усилие, заговорил он, — это была юмористическая программа...

— Мы всё понимаем... Мы...

— Нет, не понимаете! — Впервые за многие годы Мстиша повысил голос. — До конца смотрели? Помните, что я сказал в конце?

— А то нет?..

— Да молодец! Продёрнул по первое число!..

— Чист, говорит, как слеза!.. Клейма, слышь, ставить негде, а всё чист!..

— Да! Чист!.. — Мстиша почти кричал. — Сторицын — такой же пенсионер, как и вы! Ему жить не на что! А вчера был просто розыгрыш в День дурака. Первоапрельская шутка...

Секунда-другая оторопелой тишины, а потом — кликушеский заполошный вопль:

— Сколько он тебе заплатил, иуда?!

Святослав Логинов
ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Конец смены, есть конец смены — и не хочешь, а устанешь. Руки гудят, топор притупился, культиватор, напоминающий крошечный серп на длинной рукояти, ужасно мешает и кажется совершенно бесполезным. Так нет, непременно нужно колючий лопушник выкорчёвывать культиватором, чтобы корень оказался выдернут не менее чем на одиннадцать сантиметров. Десять сантиметров составителей регламента не удовлетворяет. А казалось бы, тяпни топориком в основание стебля — и вся недолга; пойдёт от уцелевшего корешка молодая зелень, следующая бригада добьёт, всё равно после первой корчёвки этой зелени остаётся выше головы. В конце концов, колючий лопушник вырастает там, где пропольщики, шедшие впереди, допустили брак. Их за такие недоделки не наказывают, лучше лишнюю травину пропустить, чем выдрать нежный росток элюра.

А вот когда в дело вступят браковщики, подросшие элюры будут нещадно вырубаться, освобождая место тем своим собратьям, которые сумеют пройти контроль. Элюров будет становиться всё меньше, кроны их всё величественнее, уже никакая травяная мелочь не сможет им помешать, хотя земля у подножия гигантского ствола по-прежнему будет рыхлиться и удобряться дважды в год. Только полоть станут уже не вручную, а мощными культиваторами, установленными на тракторах. Кстати, вся эта техника тоже, по сути, каменный век — механичес-

© С. Логинов, 2007

кое уничтожение сорняков. Но когда дело касается элюра, современные методы неприменимы — никаких гербицидов или генетически модифицированных насекомых допустить нельзя.

И всё-таки ухаживать за большим элюром куда как легче, чем волочить лямку пропольщика или редильщика. Чем крупнее элюр, тем проще иметь с ним дело, могучее дерево и само может постоять за себя. А у идущих в первых рядах всё зависит от человеческих рук, технику ни на прополку, ни на прореживание не поставишь.

Прореживание сорных деревьев — адская работа, но всё же ему повезло, на прополке приходится труднее: целый день согнувшись, руки в земле, кожа трескается, пальцы изувечены артритом, к старости пропольщики все как один горбаты. Правда, работают они не десять часов в сутки, а только шесть и перерыв у них полуторачасовой. Иначе нельзя, попробуй больше шести часов на прополке простоять... то есть простоять не сложно, но результат окажется плачевным. А ведь большинство народу трудится на прополке; трактористов и агрономов — единицы в сравнении с армией пропольщиков. Жаль только, что Маркел идёт в самой первой цепи редильщиков, так что труд его отличается от прополки не принципиально, особенно если на плантации слишком много попадается лопушника и другой вредной травы, пропущенной предшественниками.

Удар колокола, возвещавший конец рабочего дня, застал Маркела в ту минуту, когда он сражался с особо вредным лопухом. Колючая тварь не желала выдираться по правилам, цепляясь корневищем за землю, а совсем рядом трепетал круглыми листочками молоденький элюр, который никак нельзя было повредить.

Бросить всё как есть? За ночь помятый, с надломленным стеблем лопушник подвянет, и с ним вовсе будет не совладать. Мелкие колючки начнут осыпаться и, разумеется, все окажутся в рукавицах и под рубахой, обратив рабочий день в пытку. Задержаться на пару минут? Сверхурочная работа запрещена категорически.

Маркел присел на корточки, не щадя топора, который всё равно будут точить, в два удара взрыл землю у основания сор-

няка и затем уже культиватором выдрал мерзавца, как и полагается, с корнем длиной не одиннадцать, а все двенадцать сантиметров.

Вот и всё. Пошабашили и бегом-бегом, чтобы учётчик не записал задержки. Теперь завтрашний день не начнётся вознёй с колючкой. Лишь бы контролёр, надзирающий за бригадой, не заметил, что последнюю бурьянину Маркел выдрал не по правилам. Хотя, конец смены, контролёр тоже устал, да и много у него таких, как Маркел — в бригаде пятнадцать человек.

Интересно, что будет, если его поймают на подобном нарушении? Наставники внушали, что страшнее преступления нежели нарушение технологии не бывает. Но это такая мелочь, которую никак нельзя посчитать преступлением. Хотя, с другой стороны, на работе мелочей не бывает, это в свободное время, находясь в общежитии, человек может совершать мелкие, изнинительные проступки, за которые в худшем случае пожурят на собрании. Всё, что происходит на работе, относится к ведению технологического контроля, а это служба, которая не любит шутить, отбраковка может последовать за самую неожиданную пустяковину. Впрочем, чего ради контролю придираться к нему, ведь он всё сделал хорошо: топор всё равно нужно точить, а в остальном его результат от правильного не отличается, но даёт экономию времени и сил. Что важнее: хороший результат или правильный процесс? В школе твердили: «Хороший результат невозможен без правильного процесса, нарушение методики недопустимо!» Но ведь методики пишутся людьми, не господь же бог их придумал! В противном случае сомнение было бы ересью, а так это всего лишь сомнение. Вот только делиться им с соседями остро не рекомендуется. Законом никакие разговоры не запрещены, но за такое простодушный слушатель может и харю начистить, и кого потом сочтут зачинщиком ещё неведомо. Серьёзная драка пахнет серьёзными последствиями, отбраковка, как известно, касается не только плохо растущих элюров.

В общежитии Маркел появился самым последним, хотя в нормы уложился. Культиватор поставил у стойки, топор с маху швырнул в стену, где уже торчали четырнадцать других топо-

ров. Дурацкая традиция — демонстрировать, что ты ничуть не устал, а топор не затупился. Обычно Маркел аккуратно клал топор на стеллаж, но сегодня он и без того вернулся последним, так что попусту выпендриваться не стоит. Надо быть как все, не первым, но и ни в коем случае не последним, и взгляд контролёра будет скользить по тебе, не замечая.

— Ну ты мастак! — преувеличенно громко восхитился маркеловским ударом коллега Фермен. — Я этот бросок освоил, ещё когда головастиком был, а ты, вишь, только сейчас!

Лицо Фермена лоснилось от пота. В руках он держал полную миску и в перерывах между фразами, смачно чавкая, заглатывал пищу. Вообще-то до ужина было ещё полчаса, вернувшиеся со смены рабочие шли мыться и лишь потом заказывать ужин, каждый по своему вкусу. Чтобы приготовить заказанное, уходило обычно минут пять. Но Фермен любил жрать: побольше и немедленно, а что запихивать в утробу, ему было безразлично. Поэтому он, не дожидаясь, пока начнёт работу повар, наваливал себе миску неоформленной пищи и, расхаживая по раздевалке, чавкал. Кажется, он полагал, что другие завидуют ему в эту минуту, хотя другие предпочитали дождаться ужина и есть как люди. Коллега Раис однажды шёпотом признался, что его мутит при взгляде на чавкающего Фермена.

Слишком долго нежиться под душем Маркел не стал, вышел вместе со всеми, хотя уже давно шло личное время, когда действуют поблажки и всякий может давать волю своей индивидуальности. Народ толпился вокруг повара, наперебой заказывая любимые блюда. Маркел попросил много жареной картошки и кусок свежезапечённой буженины. Подумал и добавил к заказу литровую кружку молока. Заказ его был простым, другие изобретали блюда вычурные, порой умудряясь поставить повара в тупик, что, вообще говоря, не поощрялось, хотя и лежало в рамках допустимого.

Уединиться с бужениной Маркелу не удалось. К нему немедленно подсел Фермен, всё ещё таскающийся со своим тазиком.

— Ну чо, переучка, — прочавкал он, — чо вчера вечером вычитал поучительного? Делись информацией.

«Информация» — любимое маркеловское слово, Фермен давно подметил это и при каждом удобном случае подкалывал коллегу.

— Поем, поделюсь, — ответил Маркел, стараясь не думать, что его ужин изготовлен из той же синтетической пищи, что и ферменовская перемазь.

— Кушай, кушай! Пожрать — это святое.

Коллега Раис, невысокий и худенький, какие обычно попадают на прополку, уселся рядом с Маркелом с другой стороны, поставив перед собой глубокую тарелку супа. Раис отчаянно любил суп и готов был заказывать его и на завтрак, и на ужин.

— Не помешаю?

Маркел, не отрываясь от буженины, приглашающе кивнул. Миниатюрный редильщик был ему симпатичен.

— Калья! — сообщил Раис, зачёрпывая горячую жижу с янтарными блёстками жира. — Настоящая калья готовится на отваре из ершей, потом бульон процеживается и осветляется осетровыми молоками. Последними кладутся звёнышки стерляди. И ни в коем случае не солить!

— Что так? — спросил Фермен, отодвинув наконец свою лохань. — Без соли ненажористо выходит.

— Огуречный рассол! — возвестил Раис, внушительно воздев ложку. — Опускаем в бульон стерлядь и тут же доливаем огуречного рассола. Разумеется, не бочкового, огурчики должны быть самолучшими, их кладут за три минуты до окончания варки, так что в тарелке они слегка похрустывают.

— Так это у тебя рыбный рассольник, что ли? — полупрезрительно поинтересовался Фермен.

— Это калья! Рыбный суп — порождение невежд, а калья — произведение искусства! Недаром в народе говорят: где калья, там и я.

Маркел с интересом покосился в сторону тарелки соседа. На вид в калье не было ничего особенного, но аромат разливался такой, что даже сытое брюхо непроизвольно начинало отделять желудочный сок.

«Надо будет завтра попросить у повара такую же калью, что Раис заказывал», — подумал Маркел.

Повторять чужие заказы считалось неприличным, но Маркел давно привык не обращать внимания на подобные мелочи. Это же не технологию прореживания нарушить, а всего лишь нормы приличия. Фермен, вон, чавкает и рыгает за столом, но никто ему словом не попеняет.

Тревожным звоночком в памяти прозвучало воспоминание о лопушнике, выдранном не по правилам. Хотя какое это к бесу нарушение, подумаешь, топор вместо культиватора. Главное — результат.

— Мне сегодня лопушник попался необычный, — произнёс Раис, приподняв голову от кальи. — Корень у него не редькой оказался, а мочковатый. Я всю землю изрыл, нет корня — и всё тут! Вернее, корней полно, но разлапистые, как, скажем, у манжетки. Еле выбрал один корешок нужной длины, а то не знаю, что и делал бы.

— Манжетка — не наша печаль, — заявил Фермен, — с этим — к пропольщикам. Из трав наш только лопушник. Потому наш культиватор от ихнего и отличается, что он под лопушник заточен, а не под манжетку или полынь.

— А я вот о чём думаю, — сказал Маркел, наколов на вилку последний кусок буженины, — зачем нам вообще ручная работа? Вы посмотрите на нашу жизнь: всюду высокие технологии, нанотехника, и только в самом главном, в выращивании элюра — ручной труд, словно и не было тысячелетия технического прогресса. Первая волна пропольщиков вообще голыми руками трудится, им даже перчатки запрещены. Откуда и зачем этот каменный век?

— Как зачем? — удивился Раис. — Чтобы элюр был.

— А зачем элюр? — неожиданно для самого себя произнёс Маркел. — Нет, я всё понимаю, элюр есть элюр, но для чего он? Должна же быть какая-то конечная цель... Уже сейчас рост самых больших элюров превысил полкилометра. А что потом? В конце концов, пределы прочности существуют для любого материала, и законы физики не отменить даже ради элюра. Так до каких пор он будет расти и что станет потом? Я искал в информационных сетях материалы об элюре... ничего, кроме обучающих сайтов.

— Ты, наверное, плохо искал, — покачал головой Раис и сожалением отодвинул пустую тарелку. — Материалов полн Картины, фотографии, фольклорные сборники. На сайте «Н вая мифология» был?

— Так то — мифология. Сказки, легенды, былички разны и небывальщины. А генетику элюра кто-нибудь изучал?

— Какая же у него генетика? — вновь удивился Раис. — Это ж элюр! Ты телевизор-то смотришь, хотя бы «Хронику дня» или как некоторые, — Раис стрельнул глазами в сторону Фермена замершего с открытым ртом, — дальше своей бригады ничего н видишь и телик включаешь только ради мультсериала?

— Ты это к чему? — не понял Маркел.

— Ты хотел биологию элюра? Ну так смотри: ростки элюра появляются только среди молодой лесной поросли, в основном на лесопосадках. Рассказы о луговых элюрах из области «Новой мифилогии». Но на лесопосадках элюрчики очень быстро забиваются травой и кустарником, поэтому прежде они погибали все до единого. Чтобы элюр вырос, лесопосадки нужно пропалывать и прореживать — и не один раз. Нам это ясно, как дважды два, но прежде этого никто не делал, вот элюр и оставался незамеченным.

— Да знаю я! Это любой школьник знает.

— А ты умей делать выводы из тривиальной информации. Мы, — Раис понизил голос, — редильщики, а по сути — те же пропольщики. Вырубаем иву, ёлочки, ольху — да и то не подряд, а именно прореживаем, чтобы остальным вольготней рослось. Только лопушник изводим под корень, так на то он и есть лопушник — не дерево, а дурная трава. Элюра мы и коснуться не смеем, хуже преступления нет. А редильщики третьего эшелона, что здесь лет через сорок пойдут, этот самый элюр редят почём зря. У браковщиков комиссия собирается по поводу каждого неформатного дерева, а редильщик знай топором помахивает, словно перед ним не элюр, а какая-нибудь черёмуха. Так что ничего сакрального в элюре нет, одна технология.

— Что ты мне прописные истины талдычишь? Ты выводы давай из своей тривиальной информации!

— Первый вывод уже был: в элюре нет ничего сакрального, так что «Новая мифология» оказывается в пролёте. Теперь дальше... Тебе доводилось видеть, что происходит со срубленным или просто серьёзно повреждённым элюром?

— Нет, — твёрдо произнёс Маркел заведомую ложь.

То была давняя вина, преступление, оставшееся незамеченным, но рубцом лёгшее на совесть. Случилось несчастье в самом начале карьеры...

Человек, посвятивший пару месяцев любой работе, начинает чувствовать себя крутым специалистом и действовать рискованно. Маркел тоже в ту пору полагал, что освоил все премудрости профессии, и обращался с нежными проростками элюра запанибрата. Как и следовало ожидать, в конце концов он доигрался. Вырубал куст ивы, зажавшей в кольцо стволик элюра; топор пел в руках, срубая ивовые ветви, лезвие замирало в полусантиметре от запретного ствола. Маркел наслаждался сложной работой и собственным мастерством, совершенно забыв про культиватор, который торчал за плечом. И в какую-то минуту, наклоняясь, Маркел чиркнул лезвием по ветке элюрка. Даже не срезал, а всего лишь поцарапал древесную кожу. Но рана была нанесена железом, и для неокрепшего элюрчика этого оказалось достаточно. Через минуту листья сначала на раненом сучке, а следом и на всём деревце поникли, ветви обвисли бессильно, кора принялась лопаться, и из трещин потекла слизь, похожая на гной, сочащийся из воспалённой раны. Через пять минут от миниатюрного деревца не осталось и следа.

Остаток дня Маркел трудился как заведённый, стараясь... что?.. исправить или уменьшить нанесённый вред?.. Нечего тут уменьшать, нечего исправлять. Он погубил растущий элюр, и не важно, что редильщики последнего эшелона вырубают кучно растущие элюры десятками. Возможно, именно этот стволик должен был уцелеть при прореживании и отбраковке, раздаться вширь и ввысь, стать величественным деревом, одним из тех, кому присваивают собственные имена и показывают в кинохронике. А он загубил его одним неловким движением. Плевать, что в регламенте не сказано, где должен находиться культиватор во время вырубки сорных растений, регламент не

резиновый и не может предусмотреть всё. Достаточно, что там сказано: «При работе в непосредственной близости от растущего элюра редильщик обязан обеспечить безопасность последнего». А он не обеспечил, и теперь поздно каяться, прощения быть не может. Лишь где-то в самой глубине души попискивала безумная надежда: а вдруг в эту минуту контролёр смотрел в другую сторону и ничего не заметил? Но как жить, зная, что угробил элюр, и не случайный росток, а вполне приличное пятилетнее деревце?

Однако случилось так, что преступная маркеловская небрежность и впрямь осталась незамеченной, а впоследствии выяснилось, что и жить с подобным грузом на совести очень даже можно. Во всяком случае, каяться в давнем преступлении Маркел не собирался и на вопрос, видел ли он, что происходит с повреждённым элюром, не колеблясь, отчеканил:

— Нет!

— Такое действительно редко по телевизору показывают, — согласился Раис. — Жуткое зрелище: дерево за несколько минут расплывается в кашу. Ничего не попишешь, метастабильное состояние. И тем не менее он стоит, растёт помаленьку и не падает, несмотря ни на какие пределы прочности. А вот измерительные приборы к нему не подключишь, они с ходу нарушат весь баланс, гибель последует немедленно. И генетику с цитологией тоже не поизучаешь, элюр немедленно в слизь обратится, так что изучать будет нечего.

— Должны же существовать экспресс-методы, — упорствовал Маркел. — Сам же говорил, срубленный элюр пару минут держится. Хоть что-то, да узнали бы, а то растим и сами не знаем что.

— Я те дам — незнамо что! — выпал из прострации Фермен. — Мы элюр растим!

— Во-во! — поддержал коллегу Раис. — Слушай вокс попули, он вопить попусту не станет.

Обеденное время давно кончилось, народ разбредался по своим комнатушкам, лишь ещё двое редильщиков, сидя за столом, резались в скоростные шашки, азартно ударяя ладонью по кнопке часов. Скоро отбой, а это уже время регламентирован-

ное: не выспишься, не восстановишь силы — назавтра не сможешь как следует работать. Вот зимой, когда жизнь на делянках замирает, и народ — пропольщики, редильщики и браковщики — уходит в трёхмесячные отпуска, всякий может вставать и ложиться, когда заблагорассудится. Даже в санаториях и домах отдыха распорядок дня более чем свободный. А в сезон режим — закон! На летние месяцы даже семейная жизнь замирает, люди растят элюр, и это важнее всего.

— Ладно, — сказал Маркел. — Сдаюсь. Хотя мне всё равно непонятно, почему в быту у нас нанотехнологии, а на работе — каменный век. Как-то это неестественно получается.

— Слушай, — спросил вдруг Фермен, — что за нанотехнологии ты поминаешь? Не врубаюсь я что-то.

— Это просто, — улыбнулся Маркел. — Нанотехнологии у нас всюду, едва ли не всё вокруг изготовлено с их помощью. Вот, скажем, сломалась у тебя ложка, что ты делать будешь?

— С чего это она сломается? — возмутился Фермен. — Я одной ложкой который сезон ем и ничего ей не делается.

— Я, например, возьму и сломаю. Что делать будешь?

— В морду дам.

— А потом?

— Новую закажу. — Фермен кивнул на стоящую в углу низкую тумбу сервисного центра.

— И что же, ложка так сама и сделается?

— Конечно! А как же ещё?

— Нет, братец, сами вещи только ломаются, а чтобы их делать, нужны технологии. В прежние времена, чтобы ложку получить, нужно было взять кусок дерева и ножичком выстрогать из него ложку. Видел, как коллега Никтон в свободное время деревянные фигурки вырезает? Вот так же и ложку. Это если деревянную надо. А если металлическую, то там другие технологии были, посложнее.

— У сервиса заказать проще, — не согласился Фермен.

— Тебе проще, а на самом деле в сервисном центре сложнейшие технологии. Микроскопические информационные системы, наноботы, которые буквально по молекуле собирают всё, что душе угодно. Это сейчас, заказал нужную вещь и горя не

знаешь, а прежде всякую мелочь нужно было своими руками делать, как Никтон нэцкэ. И обед варить, и посуду мыть, и одежду шить — всё своими руками. А нарушишь технологию — ничего у тебя не получится: сиди голодный, или раздетый, или без нужной вещи. Потому и специалистов было много разных. Скажем, вместо нашего повара был бы человек, который умеет варить обед. Ничем другим он бы не занимался, но на каждое блюдо уходило бы у него несколько часов, так что все ели бы одно и то же. Сегодня калью, завтра — кашу размазню.

— Погоди! — остановил лекцию Фермен. — Если каждый в своём деле дока, и это дело много времени отнимает, то когда людям элюр растить?

— Вот то-то и оно! Пока люди жили в дикости, то никакого элюра не растили. У них в ту пору одна задача была — с голоду не помереть. И только когда появились высокие технологии, люди начали растить элюр.

— Ну тогда пусть их эти технологии, — смилостивился Фермен. — Только от элюра они пусть держатся подальше. Я там как-нибудь и без наноботов управлюсь.

Утро следующего дня началось как обычно. Подъём и скорый, заказанный с вечера завтрак. Тут уже нельзя изводить повара заказами, а потом смаковать удивительное блюдо. Всё должно быть готово к сроку и съедено в пять минут. Общежитие за ночь передвинулось на полкилометра, чтобы бригада не тратила времени на дорогу, топоры наточены, культиваторы начищены до сияющего блеска. Подготовлено всё, работа ждёт.

Маркел шёл, радуясь, что день не придётся начинать вознёй с увядшим лопушником, осыпающим тебя тучей въедливых колючек. Лопушник уже выдран и валяется на куче древесного лома.

Именно там он и лежал, а рядом с кучей сидели, поджидая Маркела, трое мужчин в форме контролёров. Один из них рассеянно вертел в руках линейку для измерения длины выдранного корня. Такие же деления были нанесены у Маркела на рукояти культиватора, но контрольный эталон являлся как бы символом высшей власти, и казалось удивительным, что им можно измерять длину корня не только теоретически, но это

действительно делалось минуту назад. Легче представить, как древний царь своим скипетром разбивает голову непокорному. Ведь скипетр — это изначально всего лишь боевая дубинка, так что череп им расколоть очень даже можно.

Внутренне замерев, Маркел подошёл к контролёрам.

— Там должно быть двенадцать сантиметров, — стараясь выглядеть спокойным, произнёс он, — разве что за ночь корень малость усох.

— Не усох, — успокоил контролёр. — Все двенадцать сантиметров на месте. А вот топориком ты его зря...

Небо качнулось и косо пошло на Маркела.

— Прошу сдать инструмент и следовать за нами. — Тон просьбы, чисто приказной, не терпел возражений.

— Но ведь я... — начал было Маркел.

— Все объяснения потом, — предупредил старший, забирая топор из ослабевшей руки.

Главный контролёр региона оказался женщиной, чего Маркел никак не мог ожидать. Подавляющее большинство женщин трудилось на прополке, хотя, как говорят, кое-где встречались бригады редильщиц, да и среди браковщиков женщины тоже попадались. Рассказывают, что когда-то существовали смешанные бригады, но потом в управлении контроля сочли, что это вредно сказывается на качестве работы, и мужчин с женщинами развели по разным бригадам, так что встречаться они могли лишь по окончании сезона полевых работ. И теперь при виде женского лица Маркел совершенно некстати вспомнил, как во время прошлого отпуска познакомился с молоденькой пропольщицей и как чудесно жил с ней целых два месяца.

Пропольщики — самая низшая ступень совершенного общества, их легко узнать по морщинистым обветренным лицам, согбенным спинам, рукам с навечно въевшейся землёй. Но Моника отработала только первый сезон, так что кожа у неё была не задубелой, а загорелой, и фигурка сохраняла первозданную стройность. Конечно, ей было лестно, что за ней ухаживает не корявый пропольщик, а редильщик. Кажется, она даже связывала с курортным романом какие-то надежды на улучшение

своего положения, хотя всякий знал: упасть в пропольщики можно, подняться из пропольщиков — нельзя.

А теперь такая же бессмысленная надежда овладела уличённым преступником: ведь не может женщина слишком сурово отнестись к его проступку. В конце концов, никакого вреда элюру он не нанёс и вряд ли достоин полной отбраковки. Ну, переведут в пропольщики, в крайнем случае вообще отстранят от работы с элюром; говорят, где-то ещё сохранились профессии, не связанные с великим деревом. Но всё-таки он останется жив, хотя даже Моника, ежели вдруг им доведётся встретиться, не испытает при виде бывшего любовника ничего, кроме презрительного отвращения.

Госпожа старший контролёр была не слишком молода, но лицо её сохраняло привлекательность, ведь ей никогда не приходилось заниматься физическим трудом под палящим солнцем, проливным дождём, страдая от комаров, слепней и беспощадного гнуса. Она всю жизнь провела в кабинете, решая судьбы людей: кого оправдать, кого, строго предупредив, перевести на худшую работу, а кого попросту забраковать, лишив права на жизнь. Человек, не нужный элюру, не нужен и обществу, такие существовать не должны. Именно от этой женщины сейчас зависело, будет ли существовать Маркел. Казалось бы, зловещая профессия должна оставлять на лице следы более явные, чем ветер и зной, однако и в этом плане лицо начальницы ничем не выделялось. Симпатичное лицо, не отмеченное печатью демонизма.

— Мне сообщили, что ты хотел что-то сказать по существу дела, — произнесла главный контролёр, когда их оставили наедине. — Говори, я слушаю.

— Понимаете, — заторопился Маркел, — я, конечно, виноват, я нарушил регламент, но нарушение никак не касается сути дела. То есть по отношению к элюру никакого нарушения не было. Я действительно ударил в землю топором, чтобы быстрее выдрать лопушник, я понимаю, топор от этого ненормативно тупится, но ведь это произошло в самом конце смены, я спешил, чтобы уложиться в нормативные тридцать секунд после сигнала. А топор ночью всё равно будет точиться...

— В тридцать секунд ты тоже не уложился, — сухо заметила контролёр, — так что за тобой сразу два технологических нарушения.

— Я хотел как лучше...

— А это — третье нарушение, причём самое серьёзное. Где-нибудь в регламенте записано, что надо делать «как лучше»? Нет, там написано, что надо делать «как следует». «Лучше», как и «хуже», является отклонением и подлежит наказанию. Если другие нарушения можно считать лёгкими, то за это полагается отбраковка, вариантов здесь нет.

— Элюру вреда не было, — пролепетал Маркел. — Всю жизнь работал как следует, первый раз оступился...

— Врать не надо, — оборвала его контролёр. — За тобой ещё числится погубленный элюр, семь лет назад. Тогда тебя простили и, как вижу, зря.

— Как?! — воскликнул Маркел.

Многое слилось в непроизвольном выкрике: удивление, стыд, ужас при мысли, что давнее преступление, которое он считал похороненным, известно... И как ни странно, была в этом вопросе надежда: раз уж то, запредельное деяние простили, то сейчас-то за что казнить?

— Так-то вот, — покивала контролёр. — Простили тебя. Между прочим, я и выносила решение. Ты небось думал, что хуже вины не бывает, а между тем среди пропольщиков, почитай, ни одного нет, кто бы в таком деле повинен не был. Новорожденный элюр от земли едва видать, среди травы его не вдруг и отыщешь, и нежный он, коснись неловко — и конец. Так что губят их пропольщики, иной раз сами того не замечая. А мы всё замечаем и прощаем проступок или нет, смотря по обстоятельствам. Иной раскаивается в содеянном, руки на себя готов наложить. А другой принимается едва ли не героем разгуливать: вот, мол, какие штуки мне с рук сходят. Задумываться начинает о непотребном, разговорчики разговаривать: зачем мы элюр растим и нельзя ли это как-нибудь иначе делать, чтобы ручки белые пожалеть и спину не натрудить. Вот этих субъектов мы отбраковываем в ту же минуту.

— Разговоры не запрещены, — шёпотом произнёс Маркел.

— Разумеется, не запрещены. А как мы иначе будем узнавать, кто о чём думает? Легко запретить разговоры, но мысли-то не запретишь, а от них самый вред. Вот ты поначалу, после той оплошки, вёл себя как следует, но постепенно начал думать не о том, за умные беседы принялся, и уже тогда я знала, что тебя придётся отбраковывать. Так что твой вчерашний поступок только ускорил неизбежное.

— Но почему, — с отчаянием выдохнул Маркел, — если даже гибель молодого элюра бывает простительна, вы считаете опасными обычные мысли, из которых не следует никаких поступков?!

— А твой вчерашний поступок откуда следует, как не от вредного направления мыслей? Это всё вещи взаимосвязанные. Вот что, — контролёр вскинула голову и совершенно по-человечески улыбнулась Маркелу, — ликвидировать тебя я всегда успею, а прежде давай проанализируем твои разговоры. О чём ты думал, какие планы лелеял, я не знаю, а разговоры — вот они. Итак, о чём ты вчера беседовал с коллегой Ферменом?

— Я с ним вчера толком и не разговаривал, он же полный неуч, с ним говорить, что со стенкой.

— И всё-таки?

— Он меня спросил, что такое нанотехнологии, и я объяснил на доступном уровне.

— Замечательно! А до этого ты упомянул, что в быту у нас нанотехнологии, а в отношении элюра — ручной труд. А ты подумал, что если мы применим нанотехнику при выращивании элюра, наноботы могут внедриться в его плоть и напрочь изменить все свойства. Хорошо, если элюр при этом погибнет, а если нет? Это будет уже не элюр, а нечто чудовищное и непредсказуемое.

— Не внедрятся. У наноботов предусмотрена программа самоликвидации после окончания работы или при отклонении от заданного режима.

— А кроме того, у них имеется постоянно действующая программа самовоспроизведения. И я не могу утверждать наверное, какая из этих программ возобладает. К тому же не надо забывать, что наноботы — объекты молекулярного уровня. Они

чрезвычайно легко мутируют. Представь, что они возьмут пример с тебя, начнут работать не «как следует», а «как лучше», и изготовят коллеге Фермену ложку с термоядерным приводом, которая станет кормить коллегу насильно, пока у него брюхо не лопнет.

— Этого не может быть. В каждой наносистеме существуют специальные наноботы-убийцы, которые уничтожают любой объект, чьи параметры отличаются от нормативных.

— А если мутировавший нанобот никак не нарушает технологический процесс, но потенциально способен это сделать? Его тоже отбраковывать?

— Разумеется, — ещё не осознав, куда клонит собеседница, ответил Маркел. — Это же основы техники безопасности.

— Ну вот, — резюмировала госпожа главный контролёр, — я знала, что ты умница и поймёшь, за что тебя отбраковывают. И чем ты в таком случае недоволен? Да ты не беспокойся, вешать тебя я не собираюсь; активизируем программу самоликвидации, а всё остальное ты сделаешь сам.

Евгений Малинин

АТТРАКЦИОН

(из цикла «Жизнь на Земле»)

Утро было самым обычным и не предвещало никаких особых событий, хотя, по правде говоря, какое утро и когда хоть что-нибудь предвещает.

Генеральный Менеджер компании «Вам будет что вспомнить! Инк.» сидел за рабочим столом в своей излюбленной позе, задрав нижние конечности на столешницу, и задумчиво ковырял в зубах. Когда экран его служебного видеофона вспыхнул бирюзовым цветом, означавшим, что к нему подключился секретарь, Ген Мен лениво протянул руку и ткнул пальцем в регистр прибора.

— Ну что там еще?.. — буркнул он, не дожидаясь, когда на экране появится симпатичная мордашка его мобильного секретаря.

— Один из клиентов настаивает на личной встрече с вами! — бодро доложил мелодичный голосок.

«Ну вот! — мрачно подумал Ген Мен. — Опять какой-то скандалист явился требовать назад свои галакты. Интересно, чем мы этому-то не угодили — недостаточно бурная страсть, слишком мало славы или просто чересчур быстро вернулся назад?..»

Это были три основные причины недовольства клиентов «Вам будет что вспомнить! Инк.» и в обязанности Генерального

© Е. Малинин, 2007

Менеджера как раз входило убеждение недовольных в невозможности получения хоть какой-то компенсации.

Ген Мен вздохнул, пробурчал:

— Раз он настаивает, мы его примем... Проводи его в мой офис... — и принялся приводить себя в рабочее состояние.

Он отключил видеофон, стянул конечности со стола и, набрав гостевой шифр на панели экспресс-бара, принял донельзя занятой вид. Через секунду в кабинете прозвучал мелодичный звоночек, сигнализировавший, что посетитель находится в трех шагах от двери. Ген Мен нажал ярко-красную кнопку, спрятанную в подлокотнике кресла, и дверь распахнулась. Этот жест предупредительности всегда самым благостным образом влиял даже на совершенно рассвирепевших клиентов.

Но на этот раз в офис Ген Мена вошел явно не склочный скандалист, требовавший возврата заплаченных за участие в Аттракционе денег. На пороге возник спокойный, уверенный в себе, но несколько задумчивый субъект, среднего возраста в изысканно дорогом наряде и с изумрудной тросточкой в первой руке. Бегло осмотрев шикарный кабинет Генерального Менеджера, он пробормотал что-то вроде: «Тускловато живет местный Ген Мен...» — и, не спрашивая разрешения, спокойно направился к креслу для посетителей.

Разместившись напротив дежурно улыбавшегося Ген Мена, посетитель махнул одним из указательных пальцев вверх-вниз:

— Сотрите свою улыбку, любезный. Я не собираюсь у вас ничего выпрашивать.

— Тогда чем могу служить? — явно невпопад спросил Ген Мен, несколько опешивший от столь неожиданного обращения.

— Мой доктор посоветовал мне слегка развеяться... Встряхнуть, так сказать, свою нервную систему. А поскольку моя младшая сестренка все уши прожужжала мне про ваш Аттракцион, я тоже решил попробовать. Только сначала я хочу поподробнее узнать, что это за... развлечение такое. Клео — довольно взбалмошная особа, и хотя она уже дважды побывала в вашем Аттракционе, толком у нее ничего узнать нельзя. Как у любой женщины, только охи да вздохи, да невнятные воспоминания о каких-то там ночах и вопли, что теперь ей будет что вспоминать

всю оставшуюся жизнь. Так что, расскажите-ка мне поподробнее, чем вы там развлекаете публику — глубокий зондаж мозга, церебральные импульсы высокой частоты, медиумный распад сознания или тривиальный гипноз?

— Я не имею права раскрывать вам секреты разработанной нашей компанией эксклюзивной технологии, но заверяю, что ни один из упомянутых вами примитивных, варварских методов воздействия на психосоматическую систему живых существ нами не применяется. Наш Аттракцион — это нечто совершенно другое!.. Могу вам открыть маленькую тайну — под него нами арендована целая планета! Но больше о технологии ни слова! И потом, — Ген Мен перешел на вкрадчиво-доверительный тон, — клиенту ведь важны испытываемые им ощущения, а не методы, которыми мы этого достигаем. Во всяком случае здоровье и личностные характеристики наших клиентов не только не страдают от участия в Аттракционе, а наоборот, приобретают необычайную яркость и чувствительность!.. И самое важное это то, что каждый наш клиент с полным правом может сказать: «Мне есть что вспомнить!»

— Вот, вот, — задумчиво согласился посетитель. — Именно то, чего мне не хватает — яркость и чувствительность ощущений.

— Тогда наш Аттракцион именно то, что вам необходимо. Вы можете немедленно обсудить все аспекты вашего участия в Аттракционе с нашим менеджером... — бодро закончил разговор Ген Мен.

Посетитель задумчиво посмотрел на хозяина офиса и спокойно возразил:

— Нет. Раз уж я зашел к вам и раз уж вы убедили меня принять участие в вашем Аттракционе, я именно с вами и буду обсуждать все аспекты моего участия в нем. И не возражайте! — Посетитель поднял левую верхнюю ладонь, останавливая протест Ген Мена. — Тем более что у меня, возможно, будут требования, которые не сможет удовлетворить рядовой менеджер.

— Я, уважаемый, обсуждаю участие клиента в Аттракционе только в том случае, если сумма сделки превышает триста галактов! — с достоинством произнес Ген Мен, пытаясь внушить этому наглецу необходимое почтение к своей персоне.

— А почему вы, драгоценный мой, решили, что этот контракт будет стоить меньше? — ласково поинтересовался тот. — Я, знаете ли, не привык отказывать себе в удовольствиях.

— Хорошо, — сдался Ген Мен. — Я готов уделить вам немного своего времени... Так какие же ощущения вы хотели бы испытать и какие впечатления вас влекут?

Посетитель неожиданно протянул третью руку к забытому Ген Меном экспресс-бару и нажал клавишу исполнения. На панели прибора появились два запотевших бокала. Он взял один из них, слегка пригубил содержимое и, недовольно скривив левое лицо, вернул его на панель. Затем перевел задумчивый взгляд первой пары глаз правого лица на ошарашенного Ген Мена:

— Я хотел бы испытать чувства и переживания неординарной личности... Что вы можете мне предложить в этом плане?..

Ген Мен придал всем своим трем лицам высокомерное выражение и коротко произнес:

— Все!

Однако этот твердый ответ явно не удовлетворил посетителя. Он скривил правое лицо и брезгливо проворчал:

— Терпеть не могу таких расплывчатых ответов... Давайте конкретнее!..

Такая неадекватная реакция застала Ген Мена врасплох. Он привык, что при слове «Все!» клиент впадает в эйфорию и начинает сыпать своими примитивными желаниями.

Чтобы хоть как-то скрыть свою растерянность, Ген Мен выдвинул нижний ящик стола и достал оттуда роскошно изданный проспект Аттракциона, но почему-то не решился предложить его своему странному посетителю. Вместо этого он принялся сам лихорадочно листать глянцевые страницы, с которых выпрыгивали в окружающее пространство рекламные призывы вперемешку с изображениями умопомрачительных монстров и невероятных механизмов. При этом Ген Мен бормотал про себя:

— Неординарная личность... неординарная личность...

Наконец он остановился и, победоносно взглянув на посетителя, заявил:

— Вот что вам нужно! Художник с мировым именем, непризнанный при жизни, но получивший мировую известность пос-

ле смерти! Представляете, вы будете навечно записаны в скрижали истории Аттракциона как величайший гений искусства!

Посетитель пожевал губами и с минуту подумал, а затем лениво ответил:

— Ну что ж, мысль попасть в скрижали истории, пусть даже вашего Аттракциона, мне нравится... Но вот — художник... Я, признаться, с большим недоверием отношусь к славе мастеров искусства... Вся эта слава, как бы это проще выразить... придумана, что ли! Иногда кажется, что большинство восхищающихся искусством сами не понимают, чем они восхищаются и в чем заключается гений художника. Ведь определенных критериев этой славы нет. Сегодня восхищаются одним, завтра — другим. Сегодня раскупают порнороман одного гения, а завтра, глядишь, о гении забыли, а его произведение считают далекой от искусства пачкотней! Причем это касается и художников, и ваятелей, и писателей, и драндычей, и кантователей, и криконатулов, и всех остальных деятелей искусства. Нет, вы мне подберите более конкретное поле деятельности. Что б, знаете ли, всем было понятно мое величие, без занудного камлания каких-то там критикаторов!

— Да?.. — в очередной раз растерялся Ген Мен. Этот посетитель действительно был очень привередлив и его действительно вряд ли смог бы удовлетворить рядовой менеджер компании. Но Ген Мен не зря все-таки был Ген Меном. Поэтому он собрался с духом и бодро продолжил работу:

— Ну что ж, раз вас не прельщают переживания художественной натуры, я могу предложить изысканные нюансы психологических и физических коллизий, свойственных деятельности финансового гения! Представьте себе, что вы одним росчерком пера...

Но посетитель не дал ему закончить:

— Вот уж этого не надо! Деятельности финансового гения мне и в обычной жизни хватает! Так что заниматься этим еще и в вашем Аттракционе — увольте!

— Ага... — На этот раз возражение клиента почти не сбило Ген Мена с толку. Он словно ожидал подобной реакции. — Тогда остается последнее... Но этот вариант очень дорог!

И он выжидательно посмотрел на своего посетителя.

— Я вас слушаю со вниманием... — подбодрил тот хозяина кабинета.

— Война! — коротко предложит Ген Мен.

Все девять глаз клиента взвились под потолок, выдавая глубокую задумчивость, в которую тот впал. Но уже через пару минут шесть глаз из девяти вернулись на место, и он задумчиво протянул:

— А что?! Это, похоже, интересная мысль!.. Существо, способное управлять огромными армиями, мыслить стратегически, раскрывая замыслы неприятеля и обыгрывая его еще до начала сражения...

— Кх-м, — кашлянул Ген Мен, привлекая к себе внимание размечтавшегося клиента. — К сожалению, я должен вас предупредить, что участие в средних размеров войне в качестве одного из военачальников весьма дорогое удовольствие, выражающееся в сумме...

— Милейший, вы меня не поняли, — с усмешкой перебил его посетитель. — Я не собираюсь участвовать в «средней войне». Я имею в виду руководство огромными армиями и глобальными битвами... Может быть, на протяжении всего времени моего участия в Аттракционе.

Ген Мен выпучил все свои глаза:

— Но ведь это же колоссальные деньги!

— А разве я просил вас считать мои деньги? — устало улыбнулся посетитель. — Мне сказали, что ваша фирма может выполнить любое пожелание клиента, однако меня не предупредили, что при этом она еще будет и подсчитывать мои доходы!

Ген Мен выпрямился в своем кресле и гордо ответил:

— Наша фирма действительно способна удовлетворить любое желание клиента! Любое!

— Даже если я пожелаю взорвать ваш Аттракцион вместе со всеми его участниками... — не спросил, а как-то между прочим констатировал посетитель.

Только теперь до Ген Мена дошло, что сегодняшнее утро его крупно обмануло! День подарил ему совершенно потрясающего клиента. Он, хрипло втянув воздух, схватил с панели экс-

пресс-бара успевший нагреться бокал и одним махом выпил его содержимое. После этого, зажав бокал в третьей правой руке, он с дрожью в голосе ответил:

— Даже это... Чисто технически такая акция вполне выполнима. Но тогда вам придется возместить наши убытки и выплатить компенсацию участникам Аттракциона, не получившим свои ощущения и впечатления. Ведь им придется досрочно выйти из Аттракциона, и они не получат обещанного удовольствия...

Посетитель тонко улыбнулся всего одним лицом и негромко произнес:

— Ну, так далеко я все-таки заходить не собираюсь. Остановимся на полководце, но чтобы он одновременно был и крупнейшим государственным деятелем.

Ген Мен перевел дух.

— Значит, крупнейший военачальник и одновременно крупнейший государственный деятель? — деловито уточнил он. — Так, может быть, вы сразу войдете в Аттракцион как один из монархов?

— Нет, нет... — категорично отверг это предложение клиент. — Никаких принцев и королей, никакой зеленой, голубой или фиолетовой крови. Все это сразу отдает пошлятиной или сказкой для детей! Самый рядовой участник Аттракциона постепенно, но достаточно быстро занимающий необходимое положение... Ну-у... может быть, попозже... в качестве особых почестей от потрясенных сограждан...

Ген Мен торопливо записывал в память личного моносервера пожелания клиента, а тот, внезапно ощутив вдохновение, продолжал:

— Причем личность должна быть в меру возвышенная, я бы сказал даже, одухотворенная. Не какой-нибудь там рубака, ничего не знающий, кроме устава, и ничего не умеющий, кроме как махать оружием! Нет, скорее... инженер, хорошо представляющий себе возможности самого современного вооружения! — Обе верхние руки Ген Мена с непостижимой скоростью летали над панелью сервера.

— И чтобы от сражения к сражению росла слава непобедимого полководца, но каждое сражение должно быть новым

проявлением военного гения! — продолжал развивать свою мысль заказчик, загоревшийся явно не свойственным ему энтузиазмом.

— Ну с этим аспектом в принципе ясно, — пробормотал Ген Мен, внимательно вглядываясь в экран монитора. — Теперь о государственной деятельности. В чем, по вашему мнению, она должна выражаться? — Он бросил быстрый взгляд на посетителя и предложил: — Может быть, в завоевании новых территорий для своей страны?

Клиент задумчиво погладил голый череп левой головы и, быстро обдумав предложение, слегка переиначил идею:

— Да, конечно... Но начать можно было бы с освободительной войны...

«Далась ему эта война! — раздраженно подумал Ген Мен. — Просто терминатор какой-то!» Но вслух он, конечно, ничего не сказал. А посетитель продолжал:

— А затем законотворческая деятельность, направленная на благо моего народа! Это, как мне представляется, должно дать совершенно потрясающие воспоминания!

— Как это?! — переспросил Ген Мен. — Как это может быть, законотворческая деятельность и вдруг направленная на благо народа! — И он уставился на посетителя всеми своими глазами, хотя прекрасно знал, что это верх невежливости.

Посетитель бросил в его сторону косой взгляд и резко ответил:

— «Как это» — это уже ваше дело!

— Ах да, конечно... — спохватился смутившийся Ген Мен и снова быстро застрочил что-то на своем сервере.

— И еще одно. — Посетитель поднял вверх один из указательных пальцев, подчеркивая важность следующей фразы. — Мне хотелось бы испытать беззаветную любовь женщины к себе... Даже нескольких женщин... Но одной женщины — очень беззаветную...

— Да, да, — продолжая строчить, бормотнул Ген Мен. — Я помечаю, что в Аттракционе вы будете в прекрасном виде...

— Э-э! — остановил его недовольный голос клиента. — Никаких напомаженных красавчиков! Внешность должна быть самой непрезентабельной. А то, знаю я вас, состроите какого-нибудь верзилу с физиономией Адоникса!

— Но за что же тогда вас будут любить беззаветной любовью?! — в очередной раз растерялся Ген Мен.

— А за что любят неординарную личность? — тонко улыбнулся клиент. — Ну, остальное вы, надеюсь, додумаете сами...

— Конечно, — быстро согласился Ген Мен. — Только несколько наводящих вопросов...

Клиент состроил недовольную физиономию, но вопросы, судя по всему, были действительно необходимы.

— Не хотите ли испытать какие-нибудь муки?

— Не понял, — поднял шестую бровь посетитель. — Муки в каком смысле?

— Ну... в прямом, — ничуть не смутился Ген Мен. — Большинство наших клиентов заказывают различные мучения — сожжения, повешение на кресте, пытки в специально отведенном для этого месте... Некоторые вообще тащатся от раковой опухоли. Правда, как правило, они просят отнести муки на конец пребывания в Аттракционе.

— Нет, от мук увольте! — твердо ответил клиент.

— Тогда последнее, — торопливо проговорил Ген Мен, уловив нетерпение посетителя. — Время пребывания в Аттракционе и способ ухода из него? Может быть, хотите погибнуть в сражении?

Клиент несколько задумался, и Ген Мен решил посоветовать:

— Предусмотренная вами программа потребует довольно длительного аттракционного времени...

— Нет, — сразу возразил клиент. — Длительного времени я уделить Аттракциону не смогу... Возьмите... ну хотя бы среднестатистическое время пребывания. А насчет ухода... Что-нибудь безболезненное... Вот что! — Его глаза сверкнули озарением. — Ваше предложение насчет боли и мучений натолкнуло меня на одну мысль. Пусть в конце я испытаю жестокое разочарование и крушение, попаду в лапы своих врагов, и пусть они меня... ну хотя бы... отравят, что ли. Только без боли! — твердо подчеркнул клиент, и Ген Мен злорадно подумал: «Тоже мне — вояка!»

— Когда мне прислать секретаря за контрактом? — лениво поинтересовался посетитель, поднимаясь с кресла.

— Ну что вы, уважаемый, — с некоторым оттенком превосходства ответил Ген Мен. — Мы не задерживаем наших клиентов и не заставляем их ждать... Контракт уже готов!

И он указал на выползающую из щели сервера матово мерцающую ленту.

— Вот только цена вашего контракта, — несколько растерянно пробормотал он, подхватывая выскочивший лист и рассматривая последние его строки.

Клиент осторожно вытянул ленту у Ген Мена из рук и, в свою очередь, посмотрел в конец текста.

— Всего лишь?! — несколько разочарованно протянул он. — А я думал, вы меня разорите. Эту сумму я готов заплатить наличными прямо сейчас.

И он размашисто черканул по листу правым верхним мизинцем, подписывая контракт.

— Наличными!!! — У Ген Мена отвалились все его три челюсти, но клиент только молча кивнул.

Ген Мен дрожащим пальцем подписал контракт, и тот медленно растаял, оседая в банке коммерческой документации мира.

А будущий выдающийся деятель Аттракциона спокойно положил на стол Генерального Менеджера две толстые пачки слабо мерцающих галактов.

— Я прибавил две тысячи лично для вас... — небрежно бросил клиент. — Когда я могу войти в Аттракцион?

— Через двадцать общегалактических часов, уважаемый, — задрожавшим голосом ответил потрясенный Ген Мен. — Нам нужно некоторое время на подготовку...

Через двадцать общегалактических часов, в строгом соответствии с подписанным контрактом в Аттракционе «Вам будет что вспомнить!» на острове Корсика, в городе Аяччо, в семье местного адвоката родился второй сын. Адвоката звали Карло Бонапарте, а новорожденному дали имя Наполеон.

Владимир Михайлов
«СТЕЛЛАРНАЯ СКОРАЯ»

Долетели до Инфанты спокойно, встретила Сергеева не то чтобы большая делегация, но те, кто прибыл к посадке, были людьми в этом мире едва ли не самыми значительными. Да иначе и быть не могло, тут все, кому следовало, знали — кто прилетел и зачем.

Погода была хорошей, ясной. Правда, стояла неожиданная жара, даже чересчур, если верить прежним описаниям. И сухо, очень сухо, воздух чудился пересохшим до ломкости: казалось, резкое движение — и он обрушится, рассыплется в порошок. Да ладно — с таким ли ещё приходилось встречаться?

Вертушку подали чуть ли не к трапу севшего «Пирогова» (хотя среди осведомлённых корабль этот носил кличку «Скальпель»), не какую попало вертушку, но с гербом и бортовым номером 001. Рукопожатия оказались уважительно-твёрдыми, слова приветствия — такие, какими встречают равных. «Достойная у вас машина, весьма внушает», — одобрил глава встречавших, задрав голову, чтобы увидеть макушку «Пирогова», громадного шара на курьих (при посадке на поверхность) ножках.

Сергеев всегда обращал внимание на подобные вещи: кто встретил, как, на чём отвезли, где поселили, какой персонал приставили для обслуживания — и так далее. Страшно ругал себя за это, старался убедить, что это всё — суета сует, он же не политик, не чиновник, не сверхмагнат или там родовитый арис-

© В. Михайлов, 2007

тократ — он астрохирург со «Стелларной скорой». И найдитека титул повыше! Сто раз обещал себе не обращать внимания на такого рода мелочи — но никак не получалось. Честолюбие заедало.

Конечно, не во время работы: тогда любая посторонняя мыслишка, невзначай промелькнувшая, могла означать конец всему — и свой в первую очередь. Но во время работы нос задирать было не перед кем. В месте, которое они привыкли называть «операционной», людей даже в горячие часы было не больше, чем пальцев на руке, и работали они вместе уже столько времени, что порою члены бригады представлялись Сергееву чуть ли не его собственными органами: дополнительными руками, ногами, глазами, ушами. Но не станешь ведь перед собственным организмом становиться в третью позицию, надуваться индюком.

Ланда, местное светило, стояла за спиной. Перед тем как подняться по трём ступенькам в вертушку, Сергеев остановился. Вынул из кармана футлярчик с рабочими очками. Надел. Встречавшие, видя, что он не спешит, тоже остановились в трёх шагах, главный из них не то чтобы нахмурил брови, но сделал намёк на такое движение — хотя лишь на долю секунды. Сергеев же повернулся и стал глядеть на Ланду — прямо, в упор, очки (так их для простоты называли, на деле приборчик был куда сложнее) позволяли. Ему это было необходимо, первый взгляд для него всегда означал очень многое. Когда всё замечающие журналисты однажды попытались спросить его о смысле этого движения — не было ли оно просто ритуальным, своего рода доброй приметой, — он ответил так: «В древние времена хороший врач по цвету и запаху мочи ставил точный диагноз без всяких лабораторий; вот и я так же». В сказанное вцепились: «Вы отрицаете надобность лабораторных анализов?». Он ответил вопросом же: «Вы же не против существования автомобилей, верно? Но пешком ходить всё же не разучились — бегаете рысью, я только что видел. Вот и я — не собираюсь терять то, что получил от природы». С той поры об этом не спрашивали.

Сейчас он смотрел на здешнюю подательницу жизни — около трёх минут, вельможи терпеливо ждали. Наконец отвернулся, снял очки, убрал футлярчик в карман, медленно, глубоко

вздохнул. И тут же словно сменил маску — улыбнулся, как все подумали, весело, беззаботно, — и у окружающих отлегло от души. Повернулся к стоявшему за его спиной в шаге Первому ассистенту, борцовского облика врачу по фамилии Грубко. Кивнул ему:

— Ничего неожиданного. Ещё уточним, конечно. Работайте пока по схеме два — пять.

Снова к здешним:

— С вашего позволения — едем?

И, повинуясь приглашающему жесту, первым ступил на трап.

Обед считался торжественным, в честь прибывших, но на самом деле был, конечно, деловым, и после неизбежных протокольных речей за столом пошёл разговор о делах — достаточно откровенный обмен мнениями, поскольку посторонних тут не было.

— Можете ли вы, президент, поделиться вашими впечатлениями от увиденного?

Сергееву понравилось такое к нему обращение. Он и на самом деле был президентом — ИКА, Интерклуба Астрохирургов, звание, по сути дела, чисто почётное, в Галактике всяких клубов были, наверное, десятки, а то и сотни тысяч, следовательно, и президентов — никак не меньше. При этом большинство их никакими особыми свершениями в своих областях не славилось, просто были они хорошими, компанейскими, как говорится, людьми, любителями что-нибудь организовать, возглавить и потусоваться. И всё же когда тебя именует «президентом» не кто-нибудь, а другой президент, настоящий, что возглавляет целый мир, совершенно независимый и достаточно богатый, — это приятно, никуда не денешься. И невольно постараешься ответить как можно ближе к истине — соблюдая, конечно, и условие врачебной тайны:

— Ну, что же — первое впечатление совпало с теми предварительными выводами, которые вам уже известны. Положение серьёзное. Но я не взял бы на себя смелость назвать его критическим. Похоже, что до этого не дошло, и вы обратились к нам своевременно.

— Президент Сергеев (тут пришлось слегка поморщиться, как бы давая понять: «да ладно, я человек скромный, к чему такая официальность!»), я понимаю, что у вашей профессии, как у любой другой, существует своя этика и свой набор правил. Но мне хотелось бы, чтобы вы приняли в расчёт нашу ситуацию во всей её полноте. А именно: Инфанту населяет шестьсот миллионов человек. Что с ними произойдёт, если оправдаются наихудшие предположения — вам ясно, как и любому из информированных людей. Чтобы предотвратить гибель населения, пусть даже какой-то его части — мы должны располагать временем. Вы ведь понимаете, между мгновением, когда мы объявим всеобщий сигнал бедствия и попросим помощи у всех миров, способных оказать её, и реальной возможностью эту помощь оказать, неизбежно пройдёт немало дней. И нам необходимо знать, каким временем мы можем располагать в действительности. Нельзя представить себе положение, когда гибель этого мира — если она произойдёт — будет означать и гибель людей, его населяющих. Я понимаю, что сейчас вы не можете с уверенностью сказать ни «начинайте эвакуацию немедленно», ни, напротив, «Не беспокойтесь, гибель вашему миру не грозит». И всё, о чём мы вас просим, — это дать нам такой ответ как можно скорее — и как можно откровеннее.

— Господин президент, — ответил Сергеев. — Мы прилетели сюда для того, чтобы решить две задачи. Первую из них вы только что исчерпывающе сформулировали. Но я всё-таки прежде всего не диагност, хотя в нашей команде такой есть. Я оператор. И поэтому вторая моя задача — по возможности устранить источник наших общих беспокойств. А вот насколько это практически возможно — этого по первому впечатлению не определишь. Тут надо, так сказать, потрогать своими руками.

— И когда же вы собираетесь это сделать?

— Сейчас команда заканчивает закреплять «Скальпель» — так мы между собой называем наш корабль, наш рабочий инструмент, — на грунте. Затем постараемся как можно точнее отработать предстоящие действия на модели.

— Простите — на модели чего?

— Вашего светила, Ланды. Нашего пациента.

— Как же?.. А, разумеется, я понял. Компьютерная модель?

— Вы прекрасно всё поняли. Построение модели — сложный и тонкий процесс. Когда она будет готова — проведём репетицию предстоящих действий. Конечно, трудно ожидать, что наша модель будет соответствовать оригиналу во всех подробностях, но это нам и не нужно, главное — оказаться как можно ближе к тому, что в нашем случае является патологией. Определить то, что болит, и найти наилучший путь для устранения источника боли. Лишь после этого мы взлетим и направимся к объекту. Впрочем, мы привыкли называть объекты нашей деятельности пациентами или же больными. Традиция, не более, потому что в первые годы существования «Стелларной скорой» туда брали в основном настоящих медиков по чьему-то чиновному недомыслию, и лишь когда они взмолились... Да, впрочем, это вам не интересно. Извините.

— Нет, отчего же. Итак, вы взлетите, направитесь к Ланде... Как близко вы собираетесь к ней приблизиться?

— До возможного предела. Для того чтобы всё получалось как можно надёжнее, нам понадобятся такие количества энергии, какие проще всего получать от самого светила, находясь как можно ближе к нему.

— Но, надеюсь, останетесь в пределах допустимого риска?

— Ну... Всегда приходится считаться с риском, но рисковать входит в нашу профессию, но никак не в вашу. Сблизившись с Ландой, сделав окончательные замеры и анализы, как можно точнее представив себе картину патологии, мы выберем самый подходящий метод вмешательства — и применим его. Само вмешательство — собственно операция, — как правило, занимает немного времени, несмотря на громадные, по людским меркам, масштабы пациента. Потому что и применяемые при этом силы и мощности тоже, не побоюсь сказать, гигантские. Так что мы вернёмся сюда лишь после окончания работы — чтобы здесь привести в порядок самих себя и провести обязательную после работы ревизию состояния корабля. Потому что нередко приходится, едва закончив один выезд, спешить по новому адресу. Это — отрицательная сторона монополистического существования, а мы до сих пор единственная такая организа-

ция в населённой Галактике. И, похоже, конкурентов не предвидится.

Я имею в виду не наш корабль, вы понимаете, но всю компанию «Стелларная скорая».

— За какой же срок вы рассчитываете всё сделать?

— Построение модели и репетиция займут в сумме сутки с небольшим.

— Следовательно, вы отправитесь на настоящую операцию через сутки. А когда вернётесь?

Сергеев пожал плечами. И сказал:

— Si.

Присутствующие — во всяком случае, большинство их — восприняли это слово, как испанское «Да».

Но по-латыни это означает «Если». А с латынью так или иначе знаком любой медик. Даже астро. Такова традиция. Хотя на самом деле астрохирургия — чистой воды физика. Впрочем, некоторые утверждают, что и химия к ней тоже причастна.

Вернувшись на «Скальпель», Сергеев выслушал доклад о готовности, кивнул и сказал:

— Отдыхать, настраиваться на работу. Медитировать и всё прочее. Через шесть часов, как обычно, начнём строить модель. Завтра, с утра откушав, приступим к репетиции — запустим в неё зонд... Словом, рутина, сенсаций не предвидится.

— Построим по два-пять? — на всякий случай спросил Грубко.

— Думаю, что ничего более серьёзного не понадобится. История болезни?

— Я загрузил уже последние анализы. Думаю, теперь картина будет полной.

— Спасибо. Готовьте всю наблюдательную технику и виртуальный креатор для работы. Я пока посмотрю, что нового в наблюдениях.

Он смотрел на дисплей, где результаты анализов сменяли друг друга, повинуясь его негромким командам. Большинство просматривал бегло: они лишь подтверждали то, что находи-

лось в истории болезни и на основании чего была уже в уме набросана схема предстоящего оперативного вмешательства. Случай нельзя было отнести к уникальным, таких операций Сергеев сделал за последние годы уже шесть... Почему шесть? Семь! Пожалуй, всё же шесть, потому что седьмая (вообще-то по порядку она была пятой) оказалась неудачной — чего-то не учли, следовательно, чего-то не сделали, спохватились поздно, когда процесс было уже не остановить — пришлось эвакуировать планету. На помощь тогда пришли флоты двадцати трёх миров, да и населения там было на два порядка меньше. Надо было, конечно, сделать серьёзный разбор ошибок — но пришлось в пожарном порядке лететь на операцию, ставшую шестой по счёту. Там всё удалось сделать просто классически, словно по заказу для учебника — и предыдущая неудача как-то легко отошла на задний план, до вскрытия причин руки так и не дошли. Но в голове осталось, всё время с тех пор работало, как проблесковый маяк: семь раз отмерь перед тем, как резать, не пять и не шесть, а никак не меньше семи.

Чёрт, да он и семьдесят раз отмерял бы — если бы оставалось время, но ведь у нас как? Приглашают тогда, когда уже не врача надо звать, а ритуальную команду! Но об этом сколько ни долби, не доходит. Легкомысленная раса — люди, думают о чём угодно, только не о последствиях...

Так, так. Ланда по сути нормальное светило класса G2, то есть до последнего времени именно таким и считалось. Радиус — семьсот восемьдесят тысяч километров, масса — 2,2 на десять в тридцать третьей, температура поверхности — шесть с небольшим тысяч, и так далее. Но уже с распределением плотности полной ясности почему-то до сих пор не было, да и сейчас нет. Собственно, что значит — «почему-то»? Мир ещё молод и обитатели его в первую очередь заняты своими внутренними делами, до серьёзного отношения к центру системы им ещё далеко, светит, греет — и ладно, чего же ещё? Тем более что у Ланды есть свой паспорт, куда все нужные сведения занесены ещё перед тем, как решить вопрос о заселении Инфанты. Все её физические характеристики. Не зря ведь существует в Галактике Конфедеральная Астрографическая комиссия, то есть целый дом ас-

трофизиков плюс пара прекрасно оборудованных кораблей плюс всякая мыслимая аппаратура плюс компьютерная система, четвёртая по мощности в Конфедерации. Вот эта комиссия и исследует звезду, чью систему предполагается колонизировать, и все результаты заносятся в паспорт. Всё по правилам, чего же беспокоиться?

То есть именно так дело обстояло до недавних времён. До первого звоночка. Позвонили в него, как это нередко бывает, любители, без которых и в молодых мирах дело не обходится. Взяли вот и заявили, что, согласно их наблюдениям и вычислениям, параметры Ланды не совпадают с теми, что внесены в паспорт, в частности температурный градиент, а он зависит от распределения плотности, от прозрачности внутренних слоёв вещества, через которые проходит излучение, и даже что и сами эти слои, их число и состояние не соответствуют официально зарегистрированным. А поскольку никто не пытался обвинить Комиссию в неточности наблюдений и неверности выводов, то объяснение оставалось лишь одно: структура Ланды меняется, и процесс этот происходит достаточно быстро.

Нет, это вовсе не послужило поводом для приглашения команды Сергеева. Точно так же, как не обращаются к хирургу, если у человека разболелась голова. Сперва посоветуются с терапевтом, в ход пойдут таблетки, капсулы и микстуры.

Поставят диагноз, два, три, десять. И лишь поняв, что всё это не помогает, призовут «Пирогова» с его бригадой.

Не надо только думать, что терапевтов звали зря. То есть в данном случае астрофизиков соответствующего направления. Их диагнозы сейчас занимали достойное место в истории болезни Ланды. И немало помогли в создании той картины, которую сейчас и предстояло проверить уже не методами наблюдений и компьютерных анализов, но для начала хотя бы пальпированием больного, чтобы убедиться в том, что болит у него именно там, где должно.

Или — совсем в другом месте.

Мысленная картина, которую Сергеев создал и сейчас усердно разглядывал, была в общем достаточно стандартной и ско-

рее успокаивала, чем волновала. Она говорила о том, что некоторое вмешательство действительно понадобится, и отнюдь не на уровне (если оставаться в пределах медицинского словаря) иссечения или ушивания грыжи, и даже не аппендэктомии — однако будет не намного сложнее.

Дело по этой картине сводилось к тому, что один из нескольких концентрических составляющих тело звезды слоёв стал более прозрачным для прохождения потоков энергии к поверхности, сравнялся по этому показателю с вышележащим слоем и слился с ним. Точнее — находился в процессе слияния. Это облегчило излучению солнечных недр, с их миллионами градусов, путь на поверхность и далее — в пространство. Изменение этого излучения, воспринимавшееся людьми на Инфанте просто как некоторое потепление, и было замечено любителями. При этом они не сразу ударили в набат, но лишь после того, как убедились, что энергопоток растёт хотя и достаточно медленно, но непрерывно, то есть речь идёт о процессе, а не об очередной флуктуации.

Увеличение прозрачности одного из слоёв могло иметь своим источником только одно: изменение его химического состава. То есть каких-то элементов стало больше, других — меньше, сколько и каких — ещё предстояло выяснить. Компьютер, а точнее вирт-креатор, занимаясь построением модели светила, будет раскидывать пасьянс, предположительно подставляя на свободное место бериллий, бор, углерод, азот, железо сверх положенного. А может быть, и что-нибудь потяжелее, это покажут спектральные анализы — спектрографы сейчас пашут без устали, их тут целая батарея. И когда вирт-креатор остановится на самой правдоподобной кандидатуре в нарушители порядка, то вмешательство сведётся к тому, чтобы вернуть соотношение элементов в газе, составляющем именно этот слой, к его нормальному состоянию — такому, каким оно было ещё совсем недавно.

Сделать это будет возможно, уменьшая количество того элемента в этом слое, увеличение которого и нарушило равновесие. Другой способ — увеличить количество второго элемента, чтобы восстановить соотношение — вряд ли возможно было ис-

пользовать, потому что речь шла о таких количествах вещества, какими человек до сих пор не располагает.

Таким образом, нужно было: во-первых — определить причины такого процесса и источник элемента, разбавляющего, так сказать, состав слоя.

И прежде всего — какой же именно элемент оказался во вредном избытке. Почему вдруг? Откуда взялся? В результате естественного развития или чьего-то вмешательства — произвольного, случайного — или?..

А во-вторых, устранить этот источник, или, как привычно подумал Сергеев, новообразование. Опухоль.

Дальше — уже технология. Но о ней надо будет думать после того, как виртуальная картина подтвердится в реальности. Подтвердится хотя бы в главном.

Сергеев откинулся на спинку кресла, закрыл глаза, изрядно уже уставшие, до острой рези.

Ну, что, похоже, подошли уже к действиям. Пора, пора.

— Посмотрим своими глазами, — сказал он экипажу за ужином, когда созданная вирт-креатором модель звезды уже зажила своей жизнью. У них принято было за трапезой говорить о делах. Но не о тех, что были сегодня и здесь.

А о завтрашних и послезавтрашних, более интересных — потому что будущее всегда интересней сиюминутного, текущего. Всякий другой разговор непременно сбивался на ностальгические темы, из которых главными были — родные места и женщины. А точнее, в обратном порядке, потому что женщина — это уже более чем половина родных мест, да и всей жизни. Нет, только о будущих делах.

— С какой дистанции будем работать — там, на месте? — на всякий случай уточнил Грубко, великий любитель точности и определённости.

— Ну, естественно, с безопасной, — ответил Сергеев. — Как всегда. Чтобы не слишком уж перегружать криогены раньше времени. Пока у меня такое ощущение, что у больного назревает локальный выброс, этакий не слабый протуберанец. Значит, орбиту построим такую, чтобы нас не задело ненароком.

— Может, этим всё и ограничивается? — Гордин всегда надеялся на лучшее. — Если это у него абсцесс, прорвётся — и он придёт в норму сам собою?

— Я бы в это поверил, — Сергеев покачал головой, — если бы с тяготением тут было всё в порядке. Но по сравнению с паспортной величиной похоже, что ускорение свободного падения к Ланде уменьшилось, хотя и не намного. А это может означать, что скорость её вращения вокруг оси увеличилась. Это не могло не сказаться и на интенсивности излучения. А почему ускорилась? Пока мы этого не поймём, мы вообще ничего не поймём. Здешние наблюдатели — я с ними перемолвился словечком — уверяют, что никаких серьёзных выбросов за те полвека, что этот мир наблюдает Ланду, не происходило. А если не выброс, а наоборот — удар извне, падение по касательной какой-то серьёзной массы, которая смогла проникнуть достаточно глубоко и там остаться? Научным доказательством свою интуицию я назвать не могу, но она мне нашёптывает, что тут патология — где-то на границе третьего-четвёртого слоёв. Да и ВК соорудил модель именно с учетом такой возможности. Хотя я ему не подсказывал.

Возражать никто не стал: что Сергеев сильный интуит, было признано давно и повсеместно.

— Значит, — завершил разговор хирург, — как только позавтракаем с утра пораньше — все на репетицию...

Это всегда вызывало некоторое волнение, сопровождавшееся то ли усмешками, то ли улыбками: когда на дисплее ВК появляешься ты сам, совершенно точный — но вовсе не отражение, потому что сидишь здесь и наблюдаешь, а он занят совсем другими делами, и работает, даже не глянув в твою сторону, словно он — это и есть ты, а тебя, сидящего тут, вообще не существует. К этому, правда, пора бы привыкнуть давно — и всё же каждый раз почему-то получалось как бы заново, и ощущался в душе какой-то дискомфорт. Во всяком случае, первые минуты. Потом на всякие эмоции уже не оставалось времени.

Не оставалось — потому, что надо было внимательно следить и за собою-виртуальным, и за такими же коллегами: они

сейчас, управляемые вирт-креатором, выполняли все те действия, какие в стадии реальности придётся совершать самим, и по действиям своих моделей можно было заметить — совпадает ли происходящее в виртуали тому, что должно будет делаться в жёстком мире (так назывался у них реальный мир в отличие от «мягкого» виртуального — потому, что там ошибку можно было исправить, откатив время назад, а в реальности — увы...).

Сейчас вирт-бригада в своём пространстве была занята проверкой корабля, копии «Пирогова», он же «Скальпель». Всех его систем, а в особенности тех, что относились к категории спецтехники и кому предстояло: одним — работать в сверхэкстремальных условиях, другим же — обеспечивать возможность такой работы.

Но этим была занята лишь малая часть всех возможностей вирт-креатора. Потому что большая часть его мощностей и ёмкостей сейчас, работая на полную мощность, всё уточняла модель Ланды, используя для этого и материалы текущих наблюдений, и теоретические программы, а также данные, имевшиеся и в паспорте светила, и во многих других источниках. Что-то приходилось дополнительно вносить уже по ходу работы. Так что с каждой минутой деятельности вирт-бригады уделялось всё меньше внимания, и в конце концов наблюдать за нею остался только Гордин, а остальные перешли к главному пульту ВК и той группе мониторов, что показывала, как завершается рождение виртуальной копии того светила, с которым им придётся вскоре соприкоснуться и физически. Насколько продукт окажется действительно копией реальной звезды, сказать не смог бы никто, но хотелось верить, что расхождения не будут играть решающей роли, хотя наверняка проявятся в каких-то мелочах.

— Герм, — попросил Сергеев Грубко, — на второй монитор дай, пожалуйста, её последний снимок, не тот, что из паспорта, в том же масштабе. Сравним.

Сравнили.

— Налилось яблочко, — заметил Лейкин. — Посмотрим спектр — в световых и ультрафиолете? Для порядка.

— А смысл? — сказал Сергеев. — С поверхностью ещё успеем. Нужно больное место.

— Интересно, — проговорил Грубко не то чтобы встревоженно, но во всяком случае с некоторым удивлением. — Почему он ставит опухоль между четвёртым и пятым слоями, а не так, как мы предполагали?

— Спроси у него, — сказал Сергеев хмуро.

— Внести поправку?

— Нет, посмотрим, куда его заведёт логика. Как там с кораблём — готов? Лейкин, подключай «Скальпель» к модели — пусть и они там наблюдают и делают свои выводы. А их сразу показывать нам. Кстати, почему я их не слышу? Связь с вирт-бригадой где? Гордин!

— Связь в норме, — откликнулся Гордин. — Я прослушиваю. Но до сих пор ничего... Ага, шеф, он хочет с тобой говорить.

— Кто — он?

— Да ты.

— Дай громкость.

Сергеев повернулся к дисплеям малой группы. На одном из них вирт-Сергеев глядел сюда, на реального. Кивнул:

— Докладываю: мы уже в полёте. Стартовали спокойно, вышли на орбиту нормально. Не вокруг Инфанты, конечно, а на ландоцентрическую, чтобы объект постоянно просматривался прямо по курсу. Наконец, уравновесились. Внимание! Орбитальную скорость уравниваем со скоростью вращения Ланды, чтобы скорости совпали через... двадцать минут. Большое пятно видите? Там и будет точка вхождения.

Словно тёмная клякса на курином желтке, пятно подползало неторопливо, всё медленнее, медленнее...

— Стоп! Сравнялись. Не выпускать! — Это было обращено уже к вирт-бригаде.

— Держим надёжно, — откликнулся виртуальный Грубко.

— Анализ, структуру модели получили? — Это реальный Сергеев спросил у мнимого себя.

— Всё в порядке.

— Проверьте ещё раз установленную дистанцию от поверхности до объекта воздействия: триста шестьдесят тысяч.

— Нет, у нас четыреста тридцать.

— Должно быть триста шестьдесят.

— Должно быть столько, сколько есть.

«Вот чёртова кукла, — подумал реальный Сергеев. — Ладно, пусть...».

— Работайте дальше.

Грубко же Сергеев — в реальности — сказал:

— Переключи всё на них. Дальнейшее будем видеть их глазами.

Теперь всем казалось, что это они летят, что с ними — реальными — всё происходит. Сергун даже поёжился, не очень уверенно сказал:

— А может, запустим сперва зонд? Они то есть пусть забросят...

— Смысл? — спросил Сергеев. — Нам-то самим не придётся им пользоваться, к чему же зря тратить время?

Зонд — это было бы очень хорошо хотя бы потому, что безопасно для людей и всего корабля. Но в этом случае «безопасно» означало «бесполезно», слова эти становились синонимами.

Когда-то, в самом начале, думалось, что именно так и станут они работать. Казалось простым и логичным: приблизились к звезде, запустили зонд — виртуальный, конечно, — считали с него всё, что нужно, и только после этого подошла очередь реальных инструментов. Но оказалось, что и сам этот план был как бы виртуальным, а на практике никуда не годился. Не реализовывался.

Потому что предполагалось — как говорится, по умолчанию, — что нужная комбинация частот, остро направленная, мощная, сможет нормально — или почти нормально — действовать в среде газа, состоящего из ободранных атомов, при температуре в миллионы градусов по Кельвину. Беспрепятственно выполнять свои функции. Именно потому, что газ этот, вся звезда целиком и полностью относится к реальному миру, а зонд — к виртуальному, с реальностью вроде бы не взаимодействующему. Так что градусы эти ему не помешают. Он их даже не заметит.

На деле же ни одна из попыток внедрить такой зонд не удалась. И не из-за вмешательства каких-то неизвестных, враждебных сил. Всё было очень просто. Направленное излучение спокойно проходило корону, но как только пыталось углубиться в слои со всё более высокой плотностью и температурой, его начинало размывать. Потому что не только газ варился там крутой кашей, но и неизбежно возникающие при этом поля вихрились таким кордебалетом, а излучение звёздных недр, вроде бы вопреки расчётам, создавало такую броню для всего, пытающегося проникнуть внутрь, что даже и массивные тела, притягиваемые звездой, в немалой степени затормаживались таким сопротивлением. Мощность же направляемого кораблём энергопотока была настолько мизерной, что даже сквозь первый слой не проходила. Тут нужно было бы оперировать нейтринным зондом или чем-то в этом роде. Однако такие конструкции пока находились лишь в разработке, и до практического их применения оставались даже в самом лучшем случае ещё годы.

Противостоять силе можно было только силой. То есть на крошечном участке звёздной поверхности сконцентрировать такой поток пета- и экзаэлектронвольт и эргов, какой ещё неизвестно как себя повёл бы, если бы даже технически это оказалось возможным в условиях пусть и большого корабля, но и так уже переполненного всякой спецтехникой.

То есть получалось, что использовать виртуальный зонд можно было бы только в условиях виртуального же светила, но никак не реального. Его и использовали — на досуге, потому что это был интересный, красивый процесс. Но — бесполезный на практике.

Все это прекрасно знали, и если Сергун сейчас об этом заговорил, то разве что от волнения. Работа же от этого не задержалась ни на секунду.

Для начала операции вирт-«Скальпелю» пришлось разогнаться как следует. Ланда на всех мониторах повисла неподвижно, словно прибитая гвоздями. Фильтры позволяли разглядывать светило спокойно, в надежде увидеть ещё что-нибудь такое — важное, но до сих пор ускользавшее. Но глядели так —

между прочим, потому что потрогать такую тюху почти собственными руками — очень не шуточное дело. Орбитальную скорость «Пирогова» установили больше, чем скорость собственного вращения звезды, так что она как бы совершала медленный пируэт.

И вирт-люди на борту вирт-«Скальпеля» жили своей короткой, но напряжённой жизнью.

— Грубко!

— Программа к запуску готова.

— Лейкин — уточнять расстояние заброса с точностью до десятков метров, поскольку на абсолютное попадание рассчитывать трудно. А ты, Сергун, — прокладываешь трассу зонда, чтобы сразу было накрытие, без пристрелочных вилок.

— Всё сделано.

— Полная фиксация всей картины! Всё писать. Определить точку перехода и совершить заброс.

— Вектор определён. Место цели — четыреста тридцать от поверхности.

— Пошёл отсчёт. Три, два... пуск!

Реальный Грубко на реальном «Пирогове» проговорил:

— Не слишком ли много чести для схемы два-пять?

— Ну, — ответил Сергеев медленно, как бы на ощупь выбирая слова, — как говорится, когда в дверь звонят — это, вернее всего, почтальон, а не принцесса. И тем не менее бывает, что именно промокшая принцесса ищет прибежища. И придётся стелить постель именно для неё.

— Это из сказки, — сказал Лейкин. — А мы — в реальности.

— Пока жизнь идёт лишь в виртуальной реальности. А это, собственно, и есть та же сказка — на нынешний лад.

— Смотреть и дальше будем через них? — поинтересовался Лейкин — так, для порядка. Потому что все знали методику и понимали, что реализацию второй схемы, любого её варианта, на модели только так и можно увидеть.

— А ты что, сам туда к ним захотел? — удивился Сергеев. — Тогда подай рапорт, рассмотрю на досуге.

— А когда досуг будет?

— Хотелось бы, чтобы без затяжек. Ну, всё. Они пошли.

Несуществующий в реальности корабль, быстро наращивая скорость, устремился к светилу, такому же ненастоящему (для всех, кроме виртуального экипажа), но по всем впечатлениям ничуть не менее грозному и величественному, чем подлинное. Корабль мчался, так и хочется сказать, самозабвенно, словно поставив на карту собственное существование ради выполнения поставленной задачи. В общем, так оно и было.

Даже у реальных, находившихся сейчас в полной безопасности людей захватывало дыхание. Как и каждый раз, когда им приходилось наблюдать реализацию второй схемы.

— Шеф, ты бы подсказал им — изоляторы...

— Сергун, сколько раз повторять — он меня не воспринимает, только ВК.

— Да знаю я. И всё-таки...

Но вирт-креатор, хорошо настроенный, справлялся и сам.

— Температура на обшивке — девятьсот двадцать.

— Изо-раз! — скомандовал тот Сергеев.

— Есть изо-раз.

Наблюдающие снаружи — если бы такие имелись — в эти мгновения увидели бы, что корабль словно бы окунули в голубую краску — а до того он был обычный, тёмно-серый, почти чёрный. Цвета маренго, сказал бы специалист.

На экранах обоих «Пироговых» Ланда росла, ширилась, растекалась, как блин на сковородке, всё яснее просматривались на её поверхности струи, течения, места потемнее и посветлее, большое пятно, неподвижно стоявшее в курсовом прицеле корабля — потому что он выдерживал теперь ту же угловую скорость, что и сама цель. Всё было правильно, но с каждой минутой становилось всё грознее, всё больше давило бы на психику, на чувства и ощущения — однако виртуальные люди этими свойствами наделены не были, поскольку считалось, что им это ни к чему.

— Температура — три тысячи шестьсот!

— Изо-два!

— Есть изо-два.

Вторая изолирующая от внешних воздействий полевая обшивка окружила корабль, позволяя его содержимому продолжать нормальное существование.

— Скорость?

— Скорость расчётная. До соприкосновения с поверхностью — восемь минут.

Это условно, конечно. Поверхность звезды — не асфальтированная равнина. Вообще не равнина. Скорее, огненный океан во время крепкого шторма.

— Изо-три — зеркальное!

— Есть, зеркальное. Зеркальное выставлено.

Теперь снаружи корабль казался бы самосветящимся телом.

— Сейчас войдут! — проговорил Сергеев-реальный неожиданно охрипшим голосом. — Сукины дети, это же не вторая схема, третья! Не было такого уговора! Креатор глючит? Или что?

Сидевший рядом Грубко не ответил, лишь вытер пот со лба.

Вихри пламени всех оттенков оранжевого бушевали на всех экранах. Трудно было поверить, что это лишь созданное электроникой изображение. Реальная команда «Пирогова» чувствовала, что вокруг становится всё жарче. Здесь, у них. Сергун даже протянул руку и перевёл кондиционер на усиленный режим. Никто не возразил.

Да, мнимый корабль уже внедрился в тело звезды и продолжал движение вглубь — не точно к центру, но по хорде туда, где на границе двух соседних слоёв находилась, по расчётам виртреатора, причина опасных изменений, происходивших сейчас в теле звезды.

Пламя за бортом приобретало, казалось, всё более угрожающий цвет. Температура окружавшего корабль газа уже перевалила за миллион градусов. Проникать сквозь него становилось всё труднее: на уровне, на котором корабль сейчас находился, плотность окружающей среды была уже в полтора раза

выше, чем у воды. И каждое колебание этой среды должно было бы швырять корабль из стороны в сторону, как ореховую скорлупку. Сила отталкивания, существующая в недрах звезды, заставляла корабль расходовать всё больше энергии на преодоление пространства. Элементарные частицы, разгоняющиеся до пятисот километров в секунду, должны были прошивать корабль и всё, что в нём находилось, миллионы раз в секунду. Приборы в рубке виртуального «Скальпеля» показывали полный разгул жёстких излучений. По сути, судно с людьми находилось здесь как бы в недрах непрерывно работающей термоядерной бомбы — то есть в обстановке, в какой всякое нормальное существование просто не было возможным.

И тем не менее «Скальпель» упорно продвигался к намеченной цели. Но по единственной причине: по той, что его на самом деле не существовало, как и той звезды, в недрах которой он сейчас двигался и где программой было предусмотрено, что все действующие за бортом силы не должны были оказывать на корабль никакого воздействия. Можно было сказать, что звезда этот корабль не видела, не воспринимала и потому никак не реагировала. Она жила своей кратковременной жизнью в схемах вирт-креатора, корабль — своей. Поэтому, неуязвимый по определению, он уже через какие-то полчаса (а можно было сделать это и за секунды, но ведь и проходимый им путь, пусть воображаемый, в чём-то соответствовал реальности, поэтому стоило проследить и за ним перед тем, как обратиться к результатам) должен был соприкоснуться со своей целью, с источником опасности. Людям (живым) казалось, что минуты эти стали прямо на глазах растягиваться. Людям виртуальным, конечно, вообще ничего не казалось.

Но вот пришло и это время.

Непрерывный спектральный анализ окружающего газа в последние секунды начал показывать неожиданное и значительное увеличение количества ядер бора, углерода и кислорода, и в меньшей степени — бериллия. Это, в общем, сенсацией не было — они и раньше присутствовали в теле звезды, а тут возникла просто неожиданная их концентрация. Но вот неожидан-

ное присутствие свинца и ещё более — актиноидов заставляло серьёзно задуматься.

По первому представлению — именно их присутствие привело к возникновению в теле звезды таких реакций, которые и вызвали в том слое, в каком они оказались, усиление активности, слияние со следующим по глубине слоем — и так далее.

Изменив курс, корабль принялся оконтуривать ту часть среды, где содержание этих элементов было выражено ярче всего. Объём оказался достаточно небольшим — по звёздным масштабам, конечно.

Думать о причинах возникновения такой аномалии сейчас никто не собирался. Сейчас основной задачей становилась собственно хирургическая операция, то есть удаление заражённого объёма газа из тела звезды. В принципе в этом ничего необычного не было: такого рода операции командой уже проводились, порой это получалось достаточно просто, в иных случаях возникали немалые сложности, однако методика проведения таких операций была известна, а необходимым для этого инструментарием виртуальный корабль обладал.

— Ну что, попробуем сами? — спросил Лейкин в реальности.

Сергеев покачал головой:

— Мы всё ещё только наблюдатели. Смотрим и пишем. Разбор — потом. Их ошибки нам легко заметить, а со своими бывает труднее. И если они вдруг найдут новые ходы, нам тоже будет легче их заметить и оценить: когда делаешь сам, порой даже не соображаешь потом, как же это у меня такое получилось, не можешь восстановить последовательность событий. Нет, пусть работают. Тем более что ВК нас и не спросил, он не хочет перепоручать задачу кому-то другому.

И в самом деле, в виртуальном мире работа уже развернулась вовсю.

После недолгого совещания группа в недрах звезды вместо предварительно намеченной схемы два-пять решила применить три-один, или, попросту говоря, методику второго центра.

Любое тело, как известно, притягивает к себе так, как если бы вся его сила притяжения была сосредоточена в самом центре. Хотя кроме этой силы внутри нормальной звезды действует и другая сила — центробежная. Она помогает излучению, в частности свету, и солнечному ветру покидать светило и устремляться во всех направлениях пространства.

Эта сила и должна была работать в качестве одного из инструментов при реализации схемы три-один. Хотя и не главного.

Главным же инструментом по схеме предстояло послужить гравигену. Искусственному источнику силы тяготения. Таких аппаратов на борту виртуального корабля было два. И обоим предстояло вскорости начать свою работу.

Первый гравиген корабль должен был оставить здесь, внутри звезды, в месте, которое, согласно показаниям приборов, примерно соответствовало центру заражённого тяжёлыми элементами объёма. И включившись, стать для этого объёма центром тяготения, более мощным, чем естественное притяжение самой звезды. Всей её массы, составлявшей 2,2 на 10 в 27-й степени тонн.

Это было возможно, поскольку объём, на который предстояло влиять, был, в масштабах звезды, крайне незначительным и представлялся сферой с радиусом менее тысячи километров.

Конечно, и тут требовались такие мощности, получить и пользоваться которыми в планетарном масштабе было вряд ли возможно. Но тут проблемы энергии вообще не существовало: само светило являлось колоссальным её источником, и самым сложным было — использовать эту энергию тут, на месте, нужным образом. Гравигены и были предназначены именно для этого. Однако способны ли они просуществовать в таких условиях столько времени, сколько нужно им для выполнения задачи, не превратившись сразу же в такую же плазму, какая окружала их? Иными словами — могла ли в недрах звезды, с её миллионными температурами и неуправляемыми потоками энергии, существовать область, в которой изготовленный людьми аппарат, да и сам корабль, мог бы проработать пусть даже весьма ограниченное время?

Собственно, вся астрохирургия тогда и началась, когда на этот вопрос был найден утвердительный ответ. Оказалось, что — можно. Потому что, обладая практически неограниченным источником энергии, можно получать температуры в пределах десятков градусов по Кельвину. Охлаждая прежде всего сам аппарат, позволяя ему существовать в этой среде, не разрушаясь, а следовательно — работать достаточно долгое время. Так что когда удалось, после многих неудач, создать подобную конструкцию, задача оказалась в принципе решённой — остальное было делом техники, и она его совершила.

Гравиген, став центром притяжения в нужном объёме, должен был одновременно начать двигаться (увлекая с собой и подчинившуюся ему массу) по кратчайшему расстоянию к поверхности светила, а затем и вырваться за его пределы и тащить извлечённую из звезды опухоль всё дальше от неё — впрочем, не так уж далеко и не так долго, поскольку это газовое облачко, едва выключится гравиген, неизбежно начнёт рассеиваться, и какие-то части его под влиянием солнечного ветра станут уходить всё дальше, не представляя более для светила и всей его системы ровно никакой опасности. Ланда же вернётся к обычному режиму своего существования, не представляя более угрозы для жизни на Инфанте.

А для того чтобы возникший центр притяжения с окружающей массой сразу же, ещё находясь на глубине, начал движение к поверхности, авторы схемы, не полагаясь на одну лишь центробежную силу, решили использовать второй гравиген, которому предстояло играть роль своего рода буксира. Выброшенный в пространство на нужном расстоянии от поверхности светила и включённый на рассчитанную мощность, он образовал бы с первым таким же устройством систему из двух взаимно притягивающихся тел. Тела эти, естественно, начнут сближаться; но поскольку второй гравиген был значительно более мощным, то и движение к нему из недр звезды будет значительно быстрее встречного движения самого буксира. Так что встреча их произойдёт уже за пределами звезды, а дальше оба аппарата начнут работать синхронно, уводя газовый комок всё дальше в направлении, перпендикулярном плоскости орбиты Инфанты. Воз-

можно, потребуется воздействовать на извлечённое тело, чтобы ускорить его рассеивание.

Так это представлялось людям, так программировалось и так реализовывалось в виртуальной репетиции.

И реализовалось. Опухоль была иссечена, извлечена и выброшена, так сказать, на свалку. Медики так не делают, но в галактическом пространстве не водится ни крыс, ни, скажем, бродячих собак (во всяком случае, до сих пор они не замечались), так что избавляться от отбросов в виде быстро развеивающейся плазмы, не засоряющей окружающую среду, не возбраняется. Кроме, конечно, той их части, которыми станут заниматься, условно говоря, звёздные патанатомы в поисках причин и следствий.

— Ох, — проговорил донельзя утомлённый Лейкин. — Наконец-то. Честное слово, это, по-моему, самим делать легче, чем вот так наблюдать за этими... за теми нами. Шеф, неужели прямо сейчас — разбор полётов?

— Нет, — сказал Сергеев. — Мы все на пределе. Отдых, расслабление. Обед. Потом ещё раз пройдём по всей записи, очень внимательно.

— Но первое-то впечатление у тебя есть, я думаю? — спросил Грубко.

— Ну... Думаю, что у нас получится в этом же роде. По такой же линии. На порядок труднее, конечно, потому что виртуальность создаём мы, а реальность — Господь, а он, как сказал один великий, не зол, но бывает достаточно ехидным.

Или в этом роде, за точность не ручаюсь.

— По-моему, — сказал Сергеев, когда после второго и третьего просмотров записи команда занялась разбором, — картина достаточно ясная, и ВК её смоделировал весьма убедительно. Вероятнее всего, звезда не так давно — развитие по времени мы построим сразу после этого обсуждения — притянула к себе некое тело, скорее всего блуждавший астероид, а не голову кометы. Явление обычное, но в нашем случае астероид оказался состоящим из тяжёлых элементов. Скорость его, надо полагать,

была достаточно невелика, иначе он прошел бы по параболе или даже гиперболе и ушёл своим путём, в крайнем случае, оказался на эллиптической орбите и падал бы на Ланду достаточно медленно. Однако масса его оказалась достаточно большой, чтобы он, врезавшись в звезду, не разбрызгался и не сгорел уже в верхних слоях, но углубился до уровня, на котором ВК его и смоделировал. И там стало проявляться его влияние. К счастью, мы успели достаточно быстро, пока это инородное тело не успело ещё растаять совершенно, распространиться по всему слою. Это дало возможность извлечь его быстро и аккуратно — во всяком случае, на модели. Остаётся лишь повторить сделанное в натуре — с таким же по меньшей мере успехом. Вот так это мне представляется. Давайте другие мнения — если они есть, конечно.

— Могло ли столкновение пройти совершенно не замеченным с Инфанты? — подумал вслух Лейкин.

— Да сколько угодно, — ответил ему Грубко. — Астрономия в этом мире вообще в зародышевом состоянии, одни любители, да и тех не очень-то и много, а обсерватория занята в основном прогнозированием погоды — вот к этому тут относятся серьёзно. Как и во всех молодых мирах. К тому же, судя по модели, это тело надвигалось откуда-то с северных румбов — а там ничего интересного для наблюдателей-любителей нет. Чёрная материя. Да и заселён мир неравномерно, одно полушарие, по сути, океанское, и если во время приближения и падения тела на звезду к светилу было обращено то полушарие, то кто там смог бы увидеть хоть что-нибудь — без фильтров, простым глазом? Учитывая, что размеры метеорита таковы, что его отсюда без техники вообще не увидишь? Нет, это, думаю, вполне объяснимо.

— Принимается, — сказал Сергеев. — Что ещё?

— Потом, — ответил Грубко. — По ходу действия — если вопросы возникнут.

— В таком случае готовимся к выходу на операцию. Каждый знает своё дело.

И все разошлись по местам.

Места, которые члены команды должны были занимать во время операции, находились в одном и том же помещении, на-

зывавшемся оперативной рубкой. Так что для того, чтобы каждому оказаться на своём посту, достаточно бывало двух-трёх секунд.

Но не на этот раз. Потому что прежде, чем утвердиться перед своим пультом, следовало в последний раз тщательно осмотреть те системы, механизма и устройства, которые и должны были выполнить всю предстоящую работу. А до них добираться было достаточно далеко.

Сам корабль, при взгляде извне, выглядел большим, даже очень большим шаром, совершенно гладким, без каких-либо выступов, антенных выростов, и даже те стояночные амортизаторы, что поддерживали «Пирогова» в нужном положении на поверхности планеты (в тех нечастых случаях, когда приходилось совершать посадку на грунт), выдвигались только в последние минуты спуска. Так что при первом взгляде людям со стороны казалось, что и внутри корабля просторно, так что можно даже заблудиться без проводника.

На самом же деле людям внутри было тесно. Свободного места там было ровно столько, сколько требовалось, чтобы не натыкаться друг на друга, а в каждой каюте — не сходя с места, рукой достать всё, что понадобится.

Весь остальной немалый объем занимали две группы технических устройств: жизнеобеспечивающие и оперативные.

К первым относились прежде всего стационарные криогены. Они занимали больше всего места и представляли собой шесть концентрических сфер, вложенных одна в другую и заполненных компрессорами и трубопроводами, составлявшими систему охлаждения. Система должна была обеспечить сохранность людей и механизмов в горячей, даже неимоверно горячей, раскалённой среде — сохранность на достаточно продолжительное время, до — трудно поверить — трёх часов. Дольше ни одна операция, для которой кораблю приходилось проникать в недра звезды, продолжаться не могла. Поэтому всё, что можно было сделать, не погружаясь, делалось, пока корабль ещё оставался в пространстве, не соприкасаясь со светилом.

Однако даже эта мощная криосистема не обеспечивала бы сохранность корабля. Поэтому самая внешняя сфера корабель-

ного пространства была занята не холодильной системой, но представляла собой сложнейшую схему троники, обеспечивающую защиту обшивки корабля от физического соприкосновения с окружающей средой. Эта система выставляла изолирующие полевые оболочки, те самые изо-раз, два и третью, зеркальную, чьи модели использовались уже на виртуальной репетиции. Без них соваться в звезду нечего было и думать — даже на считанные минуты.

Оперативная же система, занимающая следующий за криогенами слой, была заполнена в основном мощнейшими стационарными гравигенами, которым, видимо, и предстояло выполнить основную работу по чистке звёздных недр — таким способом, каким была вычищена виртуальная Ланда. На время их работы членам команды следовало, запустив программу, укрыться в антиграв-капсулах, иначе их просто размазало бы по креслам, откуда они стекли бы на палубу в виде суспензии.

Всё остальное, что было на корабле, умещалось в пределах самого малого, внутреннего шара. И там примерно половину объёма занимала энергетическая установка, черпающая энергию из окружающей среды — чего-чего, а энергии в звезде хватало — и обеспечивающая деятельность и криогенов, и полевых оболочек, и всего прочего — вплоть до освещения всех отсеков и плиты на камбузе.

Другая же часть являлась то ли складом, то ли гаражом — в общем, хозяйственным помещением. Во всяком случае, именно там находились до поры до времени малые криогены — реальные прототипы тех, при помощи которых была проделана виртуальная операция по извлечению инородного тела. Этим аппаратам предстояло работать и в операции реальной, первыми вступить в соприкосновение со звездой, своей гравиметрикой нащупывая опухоль и как бы указывая (если понадобится) путь к ней кораблю с его гравитехникой главного калибра.

И наконец, двигатели «Пирогова» располагались по соседству со складом, то есть, хотя это может показаться странным, достаточно далеко от внешней оболочки корабля. Это вряд ли было бы возможным, будь двигатели ракетными. Но о таких все уже давно забыли. Для движения служили грависистемы второ-

го порядка, чьей задачей было — нужным образом искривлять пространство. Мощность они получали от уже упоминавшихся больших гравигенов.

Так что теперь все члены команды разошлись (а порой и расползлись) по своим заведованиям для последнего осмотра и прозвона.

Через два с лишним часа они вновь собрались в рубке, чтобы доложить об исправности механизмов и систем и готовности их к работе.

Оставалось лишь одно: начать и кончить.

Начали нормально.

С Инфанты стартовали на раннем рассвете — чтобы поменьше зрителей собиралось. Подошли к звезде без происшествий, легли на стационарную орбиту, удерживаясь постоянно над одной и той же точкой поверхности, где пятно, хотя и сократившись в размерах, всё ещё оставалось достаточно заметным ориентиром. Включили гравиметрию. Аномалия — участок, где тяжёлых ядер было необычно много — просматривалась отчётливо. Хотя и не совсем там, где на модели поместил её вирт-креатор.

— Ушла глубже, — констатировал Грубко. — Ничего удивительного: должна же она притягиваться к центру, пока ещё сохраняет компактность. Думаю, мы её вовремя перехватили. Повезло.

— Помилуй Бог, — ответил Сергеев старинной цитатой. — Тут везение, там везение — пора бы сказать и об умении!

Цитаты он, как всегда, перевирал. Зато в распоряжениях был точен.

— Изо-раз поставить.

— Есть, изо-раз. Поставлен.

— Автономный гравиген первый к запуску!

— Первый к запуску готов.

Сергеев сделал несколько пассов правой ладонью над приёмной пластиной, уточняя траекторию, по которой сейчас предстояло уйти гравигену. По ней же, если схема два-пять не сработает, пришлось бы идти к звезде и самому кораблю. Однако,

хотя он был к возможной атаке готов, хотелось надеяться, что без этого обойдётся: мощности запускаемого гравигена должно было хватить на создание независимого центра тяготения для ограниченного объёма.

— Первому — пуск!

Через секунду ответ:

— Пошёл первый!

В подтверждение сказанному первый автономный тут же возник на дисплее курсового монитора — чёрный матовый шар устремился к намеченной точке поверхности, быстро уменьшаясь в размерах.

— Лейкин, контроль и поправки курса!

— Идёт точно по расчёту.

— Включить автономные действия!

Команда ушла к улетающему всё дальше аппарату. И сразу же начала действовать. Заметно было, как чёрный шарик превратился в зеркальный — теперь уже в искру на фоне жёлтого пламени.

— Команду на трансляцию!

— Пошла команда на трансляцию. Принята. До входа две минуты. Одна. Тридцать секунд. Десять. Вошёл!

Все одновременно вздохнули — сразу полегчало на душе.

На экранах взвихрилось пламя. Индикаторы приборов здесь, на пульте, разом ожили, замигали, поползли, пошли, побежали по шкалам. Температура, излучение, напряжение гравитации, сопротивление среды, давление, пройденный путь...

Три минуты, пять. Десять. Двенадцать...

— Ну, кажется, всё в...

И — полная чернота на экранах. И — все столбики измерителей обрушились на исходные нули.

— Связи нет!

Это и так все поняли без комментариев.

— Гордин, восстановить связь немедленно! Резервный канал! На всю мощность!..

— Включено. Веду поиск. Сильные помехи.

Это-то понятно: тут без помех и не может быть — в таком адском вареве. Но куда девался автономный? Даже в самом

скверном случае, даже сгорая и превращаясь в излучение, гравиген должен был самое малое подать сигнал бедствия. И по возможности назвать причину. Хотя бы одним словом. Полсловечком. Но ведь не было ничего! Ни малейшего намёка...

Полчаса угробили на то, чтобы докричаться до исчезнувшего, нащупать хотя бы слабый след. Если аппарат разваливался по дороге, то немалая энергия, запасённая гравигеном, должна была хоть на какие-то минуты обозначить трассу, дать самое малое направление для поисков ответа. Но...

— Ни слова, о друг мой, ни вздоха, — процитировал Сергеев, сам не помня кого. Включил журнал. — Шестнадцать часов десять минут. Всякая связь с автономным гравигеном-первым утеряна в пятнадцать сорок. Попытки восстановить до сих пор успеха не принесли.

— А может, это только со связью катавасия, а он продолжает идти нормально? И начнёт работать по программе? Тогда мы это почувствуем: наша гравиметрия покажет. — Такую оптимистическую мысль высказал Сергун, притяженец на здешнем жаргоне.

— Люблю весёлых, — сказал Сергеев, — и находчивых. Но на этот раз как-то не... а впрочем, ему туда было ходу два часа до включения гравигена? Значит, осталось менее полутора. Ладно, столько мы потерпим. Тем временем подумаем: каков следующий шаг?

Собственно, долго раздумывать не приходилось. Возможностей было и всего-то две: запустить автономный-второй — или слезать со схемы два-пять на схему три, но не «один», как сделали виртуалы, а куда серьёзнее — три-три, а если не повезёт, то и три-четыре. До которой, как все подсознательно надеялись, дело не дойдёт.

— Рисковать вторым я не стану, — проговорил Сергеев решительно. — Если бы у нас было хоть слабое представление о том, что приключилось с первым — тогда можно было бы. Но если не знаешь, где лежат грабли, то вернее всего и во второй раз на них наступишь. Нет, это вариант непродуктивный: просто будем пытаться оттянуть неизбежное подальше. Но ведь всё равно от три-четвёрки не уйти. Разве что вернуться на Инфанту и объяс-

нить, что медицина здесь бессильна? Не верю, что среди нас найдутся сторонники такого варианта, но — всё бывает. Итак?

Никто ничего не сказал, все только покачали головами — видимо, отрицая возможность позорного возвращения.

— Итак, ещё час ждём. Не расслабляться, следить за приборами. Ну а если ничего не изменится...

— Шеф, может, тогда лучше сейчас пообедаем? — проявил Грубко разумную инициативу. — Знаешь, сытому как-то веселее...

— Согласен. Обедает первая пара, за ней вторая, я — последним. Грубко, Сергун — на камбуз. Да придумайте там к столу что-нибудь такое...

— В смысле — какое, шеф?

— Ну, праздничное, что ли.

Вкусным ли оказался обед — как-то не заметили, жевали автоматически. Но уж праздничным он никак не получился.

Все сроки миновали, и уже совершенно ясно было, что гравигена-первого им больше не видать и не услышать. И нерешённая задача вдруг как-то выросла в объёме, нависла над командой, как подмытый валун на склоне, который вот-вот дрогнет и покатится вниз — сперва медленно, потом всё быстрее, подпрыгивая на неровностях и грозным рокотом предупреждая об опасности. Так что секунды остаются на выбор решения: бежать со всех ног или?..

Или. Конечно же, только «или».

Так что ни один не удивился, услышав команду:

— Схема три-четыре. Полная готовность.

Что в общем-то считалось равносильной другой команде, существовавшей якобы в древности:

— Грудью на амбразуру, бегом — марш!

Хотя такое выполнялось без команды, и тут только сам исполнитель мог быть себе командиром.

А вот «схема три-четыре» действительно была командой. И никому даже в голову не пришло что-нибудь возразить против неё. Хотя в голову-то скорее всего приходило, и даже не одному. Но выражения в словах, жестах или хотя бы взглядах не нашло.

Значит, полная готовность.

Сам «Пирогов-Скальпель», собственно, и так был готов ещё до выброса автономного гравигена. Но полагалось ещё раз провести проверку всего на свете. Провели. Готовность подтвердили, голосом и выражением лиц дополнительно докладывая: не только механизмы и системы исправны и настроены, но и сами люди в полном порядке. Собственно, это было заранее ясно.

Осталось только ещё раз пройти по схеме — пока теоретически.

— Давайте с самого начала. Значит: отход, разгон, прыжок, переход в Простор. Вопросы, неясности?

Тут вроде бы всё было ясно. Не впервой, как говорится, с трубкой на крыше.

— Дальше: самая изюминка. Как можно точнее определить точку выхода. Выйти точно — даже не половина, а пожалуй, три четверти успеха.

— Две трети будет точнее, — высказал мнение Грубко, поклонник точности.

— Спорить не будем...

(Смысл этого выражения зависит от интонации. То ли оно значит «Ты скорее всего прав, но не стоит на этом задерживаться», то ли имеется в виду: «Тут есть две точки зрения, одна — моя, другая — ошибочная».)

— ...ты вот что скажи: сколько времени уйдёт на отыскание проекции Ланды в Просторе?

Может быть, для некоторых этот вопрос нуждается в пояснениях. Дело в том, что (это вам скажет любой специалист) наше привычное пространство из Простора всё же просматривается, хотя и не очень определённо. Оно воспринимается оттуда как плоскость, то есть всё как бы отстоит на одном и том же расстоянии от наблюдателя; так древние представляли себе небо: все звёзды и прочие небесные тела — на одной и той же плоскости. И воспринимается нормаль к тому же как сквозь матовое стекло, или, ещё точнее, сквозь достаточно плотный туман, когда не столько видишь, сколько дорисовываешь воображением. При таком наблюдении порой один объект накладывается на другой, возникают и другие искажения, так что если ты и нацелился на объект, то полной уверенности в том, что это именно он и

есть, никогда не бывает. Чаще это приводит лишь к потере времени. Но нынешний случай был вовсе не таким.

По той понятной причине, что сами поиски Ланды из Простора особой сложности не представляли: она так или иначе оставалась ближайшим самосветящимся небесным телом. Но определить при этом, какое же расстояние отделяет корабль от желаемой точки выхода, практически невозможно, потому что внутри самого Простора определить твоё местоположение нельзя: Простор всё время волнуется, он скорее океан, чем твердь, и даже при самой серьёзной попытке можно ошибиться на сотни тысяч километров. В пространстве наверстать их, как уже сказано, вопрос времени. Но в недрах звезды пройти лишнюю сотню тысяч... Тут даже самые убеждённые оптимисты остерегутся дать гарантию. Потому что при всём техническом вооружении корабль может просуществовать внутри звезды, даже в средних слоях... собственно, никто вам не скажет сколько. Даже из людей, там бывавших. Назовут какие-то имена кораблей и скажут: «Амбруаз» пробыл там час сорок пять, «Асклепий» — почти три часа, но вынырнул оттуда уже таким, что... ну, людей спасли, и слава Богу. «Листер» же умолк уже через пятьдесят четыре минуты, и вот уже пятнадцать лет не появляется, ясно, да? Зато четвёртый через три пятнадцать выскользнул свеженьким, как говорится, без царапинки. «Тёмное это дело», — скажут вам профессионалы, хотя именно света там, внутри, полным-полно.

Вот почему вопрос, обращённый к Грубко, был, пожалуй, самым главным. И в какой-то степени равносильным другому: «Быть или не быть?».

— Минут двадцать, — ответил Грубко без колебаний. — Мы же почти рядом, да и пространство прогнуто очень основательно, спасибо Ланде.

— А когда войдём, сколько уйдёт на установку курса?

На это ответил уже Сергеев:

— Практически ничего. Поскольку мы войдём с той стороны, где аномалия находится ближе всего к поверхности тела, и курс будет требовать минимальной корректировки, не более. Если верить ВК, на нужную точку мы пробьёмся не более чем за час, а гравигены включим сразу же после пролома — чтобы

ещё до сближения аномалия уже ощутила наше влияние и даже начала встречное движение. И одновременно запустим в её центр оставшийся автономный-второй. Вот, собственно, и всё — останется только выходить из звезды с инородным телом на буксире.

— Жаль, — проговорил Гордин, — что нельзя будет оттуда уйти тем же способом вместе с аномалией. Через Простор.

Все только улыбнулись — хотя и не очень весело. Набрать в недрах звезды такую скорость, какая нужна для прорыва Серебряного кордона — это даже и теоретически не получалось. Выходить придётся, своим телом пробиваясь сквозь бушующие волны миллионоградусной плазмы. Но на это, собственно, и рассчитывали.

— Ну, всё, — сказал Сергеев. — Больше тянуть время невозможно. Внимание: всем занять места в капсулах, проверить средства управления из них. Доложить о готовности. Грубко?

— Курс для пролома установлен и введён в систему.

— Сергун, жизнеобеспечение?

— Все три изополя готовы к работе. Герметичность обеспечена. Комплекс впуска Простора проверен.

— Гордин?

— Двигатели в полной готовности, нарушений и сбоев нет.

— А энергетика?

— Как всегда, шеф, всё под завязку. Преобразователи настроены на новый режим.

— Лейкин, гравигены?

— В порядке и готовности к полной нагрузке.

Сергеев почему-то вздохнул. Просто так — без мыслей, без чувств.

— Старт.

Разогнались на пределе разрешённого. На долю мгновения упёрлись в граничный слой неизвестно чего — тот, что отделяет пространство от Простора. Все закрыли глаза. Но и сквозь опущенные веки, даже сквозь фильтры прорвался, ударил по глазам белый, ни с чем не сравнимый серебряный свет. Это и был миг перехода сквозь Серебряный кордон.

И вот уже вокруг — туманная субстанция Простора. Можно перевести дыхание: один порог опасности остался позади. Но нет времени на переживания.

— Грубко, видишь Ланду?

— Минуточку, минуточку...

Грубко крутил лимбы, сгущения и разрежения субстанции Простора стремительно сменялись на экранах. Нужен большой опыт, чтобы сразу, не размышляя, даже не понять, но почувствовать: это — просто уплотнение среды, а вот там... нет, левее, на шесть градусов севернее, это...

— Есть проекция! Уточняю курс... Готово.

— Сергун! Изополя установить, полости загрузить Простором!

Это требует времени: по хронометру — шестнадцать минут для установки, заполнения пространств между установленными полями окружающей туманной ватой, уплотнения её компрессорами, опрессовки и закрытия доступа.

— Жизнеобеспечение в порядке!

Едва уловимая пауза перед командой, после которой возврата больше нет:

— Всем — внимание! Обратный переход в нормаль!

С тем, чтобы в этой самой нормали — обычном пространстве — оказаться внутри тела Ланды, больного светила.

— Поехали!

Низкий, громкий стон прошёл по всему кораблю, ощутимая вибрация всей громадной машины. Стон сразу же перестал быть слышным. Потому что корабль окунулся в неимоверный рёв. В яростное рычание. Обрушившееся со всех сторон. Без особого труда пробивавшееся сквозь все защиты: изоляторы, обшивку, переборки, капсулы, наушники...

Так звучат триллионы тонн неимоверно раскалённой плазмы. Это её голос, так светило выражает свою радость жизни, ощущение собственной мощи. Звёзды тихи, лишь когда наблюдаешь их издали.

Что ещё вокруг?

Ничего, кроме огня. Вернее — огней. Потому что их много. Потоки и валы, сталкивающиеся, взлетающие и опадающие друг

сквозь друга, закручивающиеся вихрями, чью величину не оценишь, поскольку они не умещаются ни в одном поле зрения. Разные оттенки пламени, так как и температура их варьирует, и то, что несколько прохладнее, кажется тёмным. Поэтому перед глазами (надёжно защищёнными, конечно, иначе беда) постоянно возникают и опадают, сменяя друг друга, гигантские полотна и скульптуры, взлетают огненные драконы и распластываются в прыжках светлопламенные тигры, играя друг с другом, а вдали на фоне оранжевого неба возникают багровые башни невиданных крепостей, целые города — чтобы через мгновения их захлестнули крутящиеся валы тёмно-золотого океана. Наверное, на это можно было бы смотреть бесконечно.

Да. Если бы не местный отсчёт времени на борту корабля. Здесь оно измеряется по-своему: секунда — это много, неимоверно много, если весь век корабля (и всего в нём) в этих условиях вряд ли превысит три часа. А работа ещё и не началась.

Три часа. Несмотря на то, что пока всё выглядит вполне нормально. Пусть снаружи на первое изополе обрушиваются разряды сказочной мощности, но оно выдерживает — и будет выдерживать ещё самое малое сорок минут. Затем его всё-таки сорвёт, раздерёт в клочки неимоверная, бушующая вокруг энергия — и тогда натиск примет на себя изо-два. Но когда первое поле скажет своё «прощай», вместе с ним развеется и первый слой того, чем заполнен Простор и что было засосано в полость между первым и вторым изо. И вот это — самое опасное.

Потому что сейчас вся вакханалия, всё буйство ядерных метаморфоз ничуть не касается корабля. Иначе обшивка его уже через мгновения начала бы закипать и испаряться.

Секрет в том, что субстанция Простора не обладает никакой теплопроводностью. Идеальный термоизолятор. До того как это было открыто, нечего было и думать о путешествии в недра даже самой слабой звезды. И вот теперь «Скальпель» защищён двумя достаточно толстыми слоями этой субстанции, и слои эти удерживаются вокруг корабля изополями. Которые способны выдержать не более... то есть не сами поля, конечно, но их генераторы, вынужденные работать, как говорится, на расплав подшипников.

Так что любоваться некогда.

* * *

— Грубко, всё наврано! Гравископы вовсе не показывают аномалии там, где ей следовало быть. Так что отставить пока гравигены! Мы что, неверно вышли?

— Вышли совершенно точно. По модели. Граница четвёртого-пятого слоёв, триста сорок тысяч от поверхности, температура среды соответствует.

— Но аномалии нет на месте!

— Может быть, она уже растаяла? Мы не успели?

— Не должна. Включаю круговой гравипоиск. Если через десять минут она не обнаружится, нам придётся...

— Тихо всем! Без паники! Гравилокатор фиксирует уплотнение... точнее, компактный сгусток массы, и, судя по параметрам, это она и есть.

— Ура!

— Стоп радоваться. Срочно — курс на аномалию.

— Меняю курс на... Э, Сергеев, удивить тебя?

— Попробуй.

— Такое впечатление, что аномалия имеет собственное движение. И сейчас идёт по хорде, направляясь к третьему сверху слою.

— Вот и следуй за нею, нагоняй! Она нам делает подарок: облегчает задачу.

Гравигены включим только, когда обойдём её и сможем взять на буксир.

Где-то шесть минут с секундами всё так и шло. Аномалия неспешно уходила — не совсем по хорде, скорее по ветви орбиты, то ли круговой, то ли элдиптической — внутри тела звезды. И при этом...

— Ребята, похоже, она не теряет своей массы. Не тает. Как-то противостоит.

— Разберёмся потом. Гордин, давай полный вперёд, время уходит. Сергун, ясно же было сказано: гравигены не трогать! Оставь их в покое! Гордин, ты оглох? Полный вперёд, пол-ный!

— Шеф, всё на пределе. Быстрее нельзя.

— Мы же не добираем — сколько?

— Шеф, похоже, плотность среды тут подросла. Хотя мы вроде бы идём скорее к поверхности...

— Мне это сильно не нравится. Если она действительно собирается кружить вокруг центра, не сгорая, то у нас ничего не выйдет. Ну, что же: раз мы не можем приблизиться на оптимальное для операции расстояние, начнём действовать прямо отсюда. Сергун, гравигены к запуску на полную! Грубко, курс на аномалию. Начнём притягивать к себе. Не хочет по-хорошему — заставим силой. Готов?

— Всё готово к запуску.

— Давай! А то наше первое изо уже начинает уставать.

— Пошла гравитация! Эх, дубинушка, ухнем!

— Сама пойдёт.

Странное ощущение овладело всеми: какой-то лихости, стремление двигаться, что-то делать, ввязаться в схватку. Что бы там ни грозило, какими ни оказались бы потом последствия.

— Фокусируй поточнее!

— Мимо не пройдёт. Ага, смотри: почувствовал!

— Не нравится, да?

— А ты не лезь в чужие звёзды!

Словно с кем-то живым схватились, способным осмысленно противостоять.

Хотя на самом деле только одно тут могло выступать против них: смертоносные недра самой звезды, лишённой разума и потому неспособной понять, что не ради своего удовольствия или выгоды вторглись люди в её чрево, но ради её же, Ланды, блага.

— Глядите: зацепили! Мы её зацепили, видите — траектория изменяется. Ого, как круто, ничего себе вираж!

— Не упускай её из фокуса. Хорошо! Сближаемся. Сейчас уцепим её всерьёз.

— Слушай, тут что-то не так. Не может она, даже будь она твёрдым телом, развивать в этой среде такую скорость.

— Она и не твёрдое тело. Скорее излучение, пакет волн, очень компактный. И потому...

Размышления пришлось прервать. Новый звук возник внутри корабля — резкий, тревожащий, заставляющий обратить внимание на...

— Внимание! Первое изо уничтожено. Опасность!

— Отработало с честью. По максимуму. Сколько у нас остаётся времени?

— Удрать ещё успеваем.

— Дурак. Чтобы закончить работу.

— На полчаса, думаю, можем рассчитывать. Грубко, дистанция?

— Ещё самую малость...

— Гордин! Где скорость? Где, я спрашиваю...

— Движки выдают всё!

— Сергун, у нас что, перебой с энергией?

— Всё в ажуре, шеф. Сосём, как голодный младенец титьку.

— В чём же... А, чёрт! Плотность! Тут уже не полторы воды, а вдвое больше. Откуда? На такой глубине этого быть не должно. Груббер, что с дистанцией?

— Как заморожена. Не сокращается ни на метр. Стой... пошло увеличение. Эта хреновина уходит в отрыв, вот в чём дело. Хотя...

— Ну, что «хотя»?

— Это нас выжимает, выталкивает к поверхности. За кормой плотность уменьшается, и нас выносит...

— Лейкин, гравигены! Спишь?

— Всё на пределе. Но нас выталкивает в разы сильнее.

— Дистанция удвоилась! И она...

Снова вой, от которого завибрировало всё вокруг, даже зубы застучали. Но на этот раз корабль предупредил ещё и голосом:

«Произошёл срыв второго изополя. Опасность. Примите меры к нормализации условий. Необходим выход в нормаль».

— Второе не должно было сдать так быстро. Должно было ещё минут двадцать... Ребята, у меня такое ощущение, что это не мы атакуем, а нас. Что там с аномалией? Грубко!

— По нашим данным — остановилось.

— Тогда — вперёд!

— Мы упёрлись, как в стену. И нас по-прежнему несёт к поверхности. Дают двигаться только назад.

— Да кто даёт?!

— Смотрите! Всем смотреть! Что она делает? Что...

* * *

И в самом деле было на что посмотреть.

Потому что плотная аномалия прекратила движение совсем ненадолго. И вот уже начала разгоняться снова. Быстрее. Быстрее...

— Этого не может быть!

— Невозможно!

— У меня крыша едет?

— Куда она прёт? Куда? К центру звезды? Что у него за мощность? Что его так тащит — или толкает?

— Да глядите же! Она сейчас...

— Ребята, внимание на пульты! Сейчас нас выкинет в пространство к чёртовой бабушке!

— Внимание! Моторы — стоп. Гравигены — стоп. Всякая активность — стоп!

— Видите? Видите???

Они увидели. На считанные мгновения словно туннель возник между ними и аномалией. Включилась оптика, прямое видение. Но только на мгновения. А затем...

Туннель вспыхнул белым, серебряным светом. Светом кордона. И погас.

— Лейкин, ты что-нибудь наблюдаешь? Фиксируешь эту... аномалию? — спросил Грубко.

— Что-то я не...

— Ищи! Ищи!

Лейкин ответил:

— Да что тут искать? Ты что, сам не видел, как он ушёл в пролом? В Простор? И нам дал понять, что нам здесь делать нечего. Лихо, ничего не скажешь.

— Разговоры потом, — проговорил Сергеев. — Сейчас это солнышко нас выкинет, как...

Как пробку из бутылки согретого шампанского — именно так их и вышвырнула звезда, поддав скорости. Наверное, красивым был бы протуберанец для наблюдателей. Последнее изополе ухитрилось уцелеть, так что «Скальпель», можно сказать, почти и не

пострадал. Люди тоже. Но у корабля переживаний не бывает и недоумений тоже, а у людей их оказалось предостаточно.

— Хотел бы я понять, кто это и откуда, — ни к кому, собственно, не обращаясь, произнёс Сергеев, когда, проверив матчасть и установив уже курс на Инфанту, все собрались то ли поужинать, то ли позавтракать — в общем, набраться бодрости. — Вы успели хоть разглядеть? Насколько я заметил, не похоже ни на одну конструкцию из нашей цивилизации. Что они там делали?

— Это не главное, — сказал Грубко. — Сейчас, во всяком случае. Я о том — кто они и откуда. Вселенная просторна, жилплощади хватает. А вот что они там делали... вот, пожалуйста: я только что взял последнюю спектрограмму. Нормальная, спокойная звезда, никаких аномалий и температура поверхности, кстати, снизилась — такой уровень был до её заболевания. То есть наше дело сделано. Инородное тело извлечено и теперь находится неведомо где. Вполне можем считать, что это мы его и выдавили. Чем плохо? Что мы все сидим, как лимонов объелись?

— Это ещё вопрос, — усомнился Лейкин, — были ли они инородным телом.

— Галактические пираты, — серьёзно изрёк Сергун. — Внутри звёзд они организовали базы и укрываются от властей. А нас приняли за полицейский крейсер и слиняли.

— Скорее всего, — предположил Серёгин, — они тоже — чья-нибудь «скорая помощь», только скорость у неё — не сравнить с нашей. И мощность, кстати, тоже. Первыми увидели, первыми прибыли, всё сделали и слиняли. Невежливо, конечно: могли бы с нами и познакомиться, вы не думаете?

— У «скорой» времени может и не найтись, — сказал Гордин. — Ладно, а что будем докладывать на Инфанте?

— А ничего, — ответил Сергеев. — Доложим по связи прямо отсюда: всё в порядке, Ланда опасности более не представляет, с чем и поздравляем. Мы люди скромные. Расчёты у клиентов всё равно с нашей «Стелларной скорой». Конечно, приветствия там, пресса, подарки, всё такое — но ведь мы их и не заработали, верно? Я так думаю. А потому готовьтесь к разгону, к выходу в Простор — и домой. Хоть немного дома побыть, пока где-нибудь снова не загорелось. А то если и там нас кто-нибудь обгонит — стыда будет на всю Галактику.

Ирина Сереброва
ХОЗЯИН МУНЛАНДА

— Двести тысяч. — Стивен Торрес сделал крохотную паузу и уточнил: — Каждому.

— Нет. — Владимир поджал губы и отвернулся. Аиша знала: он всегда так делает, когда решение принято и спор бесполезен. И втайне обрадовалась, что ей не придется делать собственный выбор.

В конце концов именно Владимир — капитан экспедиции. Аиша с Толиком обязаны следовать его распоряжениям. Как посмеивается Толик, «Володька у нас луноход, а мы при нем лунатики».

Сейчас Толик не смеялся. Аиша насторожилась, увидев, как внимательно и азартно поблескивают его глаза. Медленная улыбка Торреса показала, что он тоже это отметил.

— Двести пятьдесят тысяч.

— Исключено, — бросил Владимир.

— Вообще-то двоих из вас для работы должно быть достаточно, — промурлыкал Торрес. Его рука нырнула куда-то между белых кружев на груди, и в холеных пальцах закачалась чековая книжка. Ногти розовыми зеркальцами отражали рассеянный свет жилого модуля.

Еще и маникюрный набор с собой, наверное, через космос протащил... Аиша поймала себя на том, что сжимает кулаки, пряча собственные неухоженные кисти.

© И. Сереброва, 2007

Взгляд Стивена Торреса остановился на ней. В который раз женщина задумалась: известно ли сумасшедшему миллиардеру, что глаза его имеют в точности тот же пронзительно голубой оттенок, что и светящаяся в вечной черноте лунного небосвода Земля?

Известно, наверное. «Он вообще слишком много понимает и о себе, и о других людях», — подумала Аиша с недовольством, чувствуя, как шумно начинает биться в висках кровь и краснеют щеки, пока Торрес молча разглядывает ее лицо.

Конечно, он еще неделю назад был на Земле. Четыре дня пути в комфортабельной ракете, больше напоминающей роскошный отель — для удобства космотуристов буквально все, включая, разумеется, искусственную гравитацию. И вторые сутки по земным часам здесь, в обычном модуле для работы и проживания небольшой экспедиции. Луна еще не успела оказать на него влияния, ясно заметного у команды, которая провела вдали от родной планеты пять месяцев.

Истончившиеся от потери жидкости ноги, потихоньку атрофирующиеся мышцы, одутловатые физиономии... На фоне чеканного профиля гостя последствия жизни при сниженной силе тяжести казались особенно неприглядными.

И именно сейчас выясняется, на кой черт Торресу сдался этот дорогостоящий, даже при его миллиардах, вояж.

— Триста тысяч, — будто не заметив смущения женщины, предложил Торрес. — Как вам, мисс Аиша?

— Во-первых, не мисс Аиша, а космометеоролог Акирова, сколько же можно повторять?! — крикнула она, радуясь возможности выплеснуть гнев. — Во-вторых, с любыми предложениями по поводу моих непосредственных обязанностей обращайтесь к командиру Семенову!

— Ну, мое предложение никак не входит в круг ваших непосредственных обязанностей, — мирно сообщил Торрес. — И я не уверен, что уважаемый Владимир вправе решать, получат ли его подчиненные по триста тысяч за небольшое дельце в свободное от основной работы время... или останутся без этой приятной суммы.

— Давайте закончим беседу, мистер Торрес. — Командир встал и сделал несколько шагов к двери жилого отсека.

— Триста пятьдесят тысяч, — словно не услышав, произнес Стивен. В наступившей тишине громко скрипнули зубы Владимира.

— Зачем нам здесь ваши деньги, мистер Торрес? — Толик пнул тренажер, на котором занимался, когда Стивен вошел в каюткомпанию. Предложение туриста заставило забыть о спорте.

Тренажер пискнул и заурчал.

— Здесь вы с ними ничего не сможете сделать, это верно, — согласился Торрес. — И до конца вахты вам еще четыре месяца. Но я ведь могу передать чеки вашим семьям. Или вы сами можете их отослать с попутным транспортом.

— У меня нет семьи, — отрезала Аиша. И выругалась про себя — Стивен опять посмотрел на нее.

Каждый его взгляд заставлял ее остро почувствовать себя не космометеорологом, а женщиной. Но такой женщиной, у которой что-то не в порядке — не то размазалась помада, не то юбка расстегнута... Это было тем более странное ощущение, что помады и юбки остались в далеком для Аиши подростковом периоде.

— Я знаю, мисс Акирова. — Голос Торреса звучал по-прежнему мягко. — Возможно, вас устроит счет в любом названном вами банке?

— Меня, мистер турист, вполне устроит, если вы вспомните о каких-нибудь собственных делах и перестанете отвлекать нас своей ерундой!

— Вы восхищаете меня, мисс Акирова, — покачал головой Торрес. — Не каждая женщина способна назвать триста пятьдесят тысяч «моей ерундой». Впрочем, я понял вашу позицию.

Он поднялся так резко, что сниженная гравитация подбросила его вверх. Взметнулись накрахмаленные кружева белой рубашки, прошелестели быстрые шаги, тихо прожужжала дверь жилого отсека.

Аиша отрешенно подумала, что другой человек показался бы в такой ситуации смешным. А Стивен Торрес напомнил птицу, снявшуюся с места по каким-то своим птичьим резонам.

— Я уже гадал, до какой суммы он намерен дойти, — осторожно сказал Толик.

Владимир, которого уходящий Торрес едва не сбил с ног, вернулся и сел на прежнее место.

— Ну, он, конечно, сумасшедший, но ведь не совсем же дурак, — сухо проговорил командир. — Триста пятьдесят тысяч — и так совершенно нереальная цена всего лишь за то, чтобы вкопать четыре столба в указанных Торресом местах. Если бы мы согласились, вышло бы больше миллиона...

— Но ведь зачем-то же ему это понадобилось. — Пальцы Толика забегали по кнопкам, и тренажер плавно изменил конфигурацию. Космонавт вольготно устроился на сиденье, сложив ноги по-турецки. — Неужели хоть кто-то из нас действительно поверил, что миллионер может оплатить трое суток проживания в модуле экспедиции просто ради того, чтобы полюбоваться поближе на красоты Луны?!

— Скорее уж красоты Земли. — Аиша мотнула головой туда, где за иллюминатором чудесным елочным шаром в бело-голубых переливах висела Земля.

Под иллюминатором валялся скомканный лист тонкого пластика. Никто не убирал его, но и не вешал отчего-то на прежнее место со вчерашнего дня, когда Торрес безошибочно угадал единственное на весь модуль окно. Сорвал скрывающий иллюминатор земной пейзаж, ничем особенным не выделявшийся среди других таких же, развешанных по стенам, и застыл, мечтательно глядя на Землю.

Родная планета как раз вошла в полную фазу. Диск ее был почти в четыре раза крупнее, чем сама Луна при взгляде с Земли. Звезды вокруг казались брызгами отраженного света.

Они здесь никогда не мерцали.

— Хотел бы я увидеть солнечный ветер, — сказал вчера Торрес. Толик невольно фыркнул.

— Ветер — всего лишь фигура речи, мистер Торрес, — снисходительно пояснил Владимир, — речь идет о солнечном излучении, увидеть его на Луне невозможно.

— Да, конечно, — рассеянно сказал гость, не отводя зачарованного взгляда от лунного пейзажа. Аише захотелось встать и глянуть через его плечо. Удостовериться, что там та же скучная картина, которую все они видят ежедневно: серая равнина, на горизонте четко прорезаны далекие хребты. — Но если нет ветра, то откуда эти песчаные волны?

И резко отошел от иллюминатора, чтобы вернуться в свою каюту.

— Это не песок, а лунная пыль, реголит... — пробурчал Толик Торресу в спину. — Здесь не пляж какой-нибудь! Этим туристам только бы на песочке под солнышком поваляться...

— Глупая шутка, — вырвалось у Аиши. Толик изумленно прищурился на женщину, которая обычно не торопилась делиться своим мнением.

— Стивен Торрес не просто турист, — поддержал ее Владимир. — Это один из самых богатых людей мира, и деньги ему, между прочим, не по наследству достались. Поэтому я лично считаю: если уж он решил сюда прилететь, то хорошо знает и про реголит, и о гелии-три, который можно из него добывать. Толик, сколько там этого добра нужно для покрытия мировой потребности в энергии за год — двести тонн? Неудивительно, что мистер Торрес заинтересовался.

— Можно будет здесь добывать гелий-три или нет, зависит от нашей работы! — Когда речь заходила о его профессии, Толик терял чувство юмора. — Новая энергия для старушки Земли — это, конечно, прекрасно. Но развертывание производства встанет правительству в такую копеечку, что если мы с вами ошибемся в расчетах — Россия к концу века с долгами не рассчитается.

— Хорошо, что ты это помнишь, — заметил Владимир. — Вот и посмотрим, что нужно здесь Стивену Торресу, миллиардеру...

Оказалось, Стивену Торресу нужно вкопать в лунный грунт четыре металлических штыря, образующих квадрат со стороной около десяти километров.

И каждому взявшемуся за эту работенку он готов заплатить по триста пятьдесят тысяч.

— Кто бы сказал, почему это скромное желание так напоминает мне о временах золотоискательства на Аляске? — протянул Толик.

— Успел вкопать столбы — территория твоя, — вспомнилось Аише. — Со всей золотодобычей.

— Золото, золото, золото! — корча зверские рожи, хриплым басом пропел Толик. И тут же поправился: — То есть нет... Гелий-три, гелий-три, гелий-три!..

— Финансов на организацию добычи и транспортировку на Землю у него вполне хватает. — Пальцы Владимира выбили глухую дробь по пластиковой стенке модуля. — Только господин миллиардер почему-то не учитывает, что согласно международным конвенциям лунная территория не может принадлежать отдельным людям.

— Но если это действительно так, то мы ничем не рискуем! — подскочил Толик. — Володька, треть миллиона тоже ведь на реголите не валяются...

— Я уверен, что Торрес лучше нас всех осведомлен о местах, где могут или не могут валяться деньги. И поэтому еще раз говорю: нет! — Владимир кольнул взглядом Аишу и буквально пригвоздил к месту Толика.

— Нет так нет. — Мягкий голос Стивена Торреса заставил всех троих вскинуться, будто пойманных за запрещенной игрой детей.

Вроде бы ушедший миллиардер как ни в чем не бывало стоял в проеме жилого отсека. Никакой звук не выдал его преждевременно. Казалось, космический модуль принимает Торреса в качестве хозяина, а не гостя.

— Невежливо так подкрадываться! — рявкнула Аиша, снова вызывая удивленные взгляды товарищей.

— Возможно, вы в данном случае правы, мисс Аиша... то есть космометеоролог Акирова. — Женщина побагровела, заподозрив издевку в изысканно вежливом тоне. — Однако у меня всего лишь появилось другое предложение, не столь глобальное. Прошу вас составить мне компанию за стаканчиком виски.

Рука Торреса вынырнула из-за спины, покачивая бутыль со светло-коричневой жидкостью. В ответ на бульканье мужчины совершенно одинаково дернули кадыками.

— Я не пью спиртное, — заявила Аиша, вставая. — И Владимир с Анатолием тоже не пьют на работе!

— Вроде бы вы на сегодня работу закончили, — напомнил Торрес. — Кроме того, скажу без ложной скромности: это великолепное виски. Коллекционное, конечно. Неужели откажетесь хотя бы попробовать?

Миллиардер склонил голову, с легкой улыбкой наблюдая борьбу на лицах Владимира и Толика. Пальцы любовно оглаживали стекло с выпуклым тиснением, будто изучали изгибы красотки.

— Не знаю, сколько оно стоило на Земле, — пробормотал Толик, — но здесь его цена за счет транспортировки выросла тысяч на двадцать...

— Толик, за счет транспортировки и твой ежедневный рацион стоит тех же денег, — ледяным голосом напомнила Аиша.

Мужчины переглянулись, будто она сказала что-то до крайности нелепое.

— Хорошо, мистер Торрес, — решившись, махнул рукой Владимир. — Мы попробуем немного. Аиша, давай и ты, за компанию?

— Когда мужчины заводят речь о чем-то «за компанию», из этого обычно не выходит ничего хорошего.

— Да ладно тебе, Аиша. — Толик одним прыжком переместился с тренажера за столик кают-компании. — Не будь занудой, выпей с нами капельку.

— Одна капелька, другая, и происходит то, чего нельзя поправить. — Аиша чувствовала, как на глазах выступает злая влага.

Много лет назад ее отец в гостях не удержался от выпивки, хотя был за рулем. И он, и мама Аиши погибли в аварии. Именно тогда девочка раз и навсегда решила, что небо ее интересует гораздо больше, чем Земля со всеми обитателями.

Толик с Владимиром уставились на Аишу с укором. Стивен Торрес просто скользнул мимо. Негромко, но уверенно бряк-

нуло о столик стекло. Миллиардер посмотрел на женщину из-за плеча с ласковым пониманием.

Его силуэт в стильном камзоле из черной в синеву ткани и четкий остроносый профиль резко напомнили Аише ворона. Который нашел добычу и терпеливо ждет, когда уйдет мешающая ему любопытная девочка.

Аиша открыла рот для очередного возражения, но Владимир с Толиком вздохнули с такой одинаковой досадой, что она только и смогла сказать:

— Я пойду в рабочий отсек, проверю систему контроля метеоритной опасности.

И позорно ретировалась.

За следующие полтора часа Аиша сняла показания со всех приборов — даже тех, которые вполне могли подождать несколько дней, — и ввела данные в программы. Взгляд плавал в потоке знаков на мониторе, ни за что не цепляясь. Интерпретировать результаты не получалось — смысл ускользал от нее, будто усмешка гостя с Земли.

«Нужно просто пойти и поспать, — сказала она сама себе как могла убедительно. — Завтра постараться игнорировать Торреса. А послезавтра, то есть через тридцать часов, этот надутый щеголь уже уберется отсюда».

Аиша произнесла кодовые фразы окончания сеанса работы. Помедлила, успокаивая нелепый страх покинуть убежище, открыла дверь в кают-компанию. Только так и можно было пройти в жилой отсек.

Настороженно замерла, оценивая обстановку.

Владимир спал, руки его расслабленно болтались по обе стороны заботливо разложенного на манер кровати тренажера. Толик, мерно покачиваясь, навис над столом, где красовались три пустые бутылки, и вещал что-то Торресу.

Сидящий спиной к Аише миллиардер был по-прежнему прям и небрежно элегантен. На пьяного он решительно не походил.

— Ты ловкий черт, Стив, — донесся заплетающийся голос Толика. — Тут одно из самых удачных мест для добычи гелия-три на всей этой чертовой Луне... Не просто равнина между

чертовым морем и чертовыми горами, нет... Тутошний реголит имеет оптим... мальный минеральный состав, чтобы удерживать гелий-три, и размер у него, того... имеет значение, гы-гы... Я совсем недавно про это доложил, а ты, черт, как узнал? У тебя в Центре есть подвязки, да?

Толик попытался дружески ткнуть Торреса кулаком в грудь, промахнулся и с грохотом шмякнулся лицом на стол. Стол стремительно сложился, Толикова туша рухнула на пол.

Через пару секунд космонавт с кряхтением завозился и сделал попытку встать. Торрес подал ему руку, небрежно дернул вверх, словно поднимая упавшую игрушку.

— Триста пятьдесят тысяч, — четко произнес миллиардер. — Поехали?

Толик, шатаясь, закачал головой и дикими зигзагами двинулся к шкафу со скафандрами.

Этот придурок разобьет луноход, ясно поняла Аиша. И даже если они с Торресом не погибнут сразу, то при температуре лунного дня плюс 120 по Цельсию их шансы выжить близки к нулю.

Особенно учитывая, что лунный день продлится еще шесть земных суток.

— Володя! Володя, вставай! — затормошила она растянувшегося на тренажере командира. Тот ответил только слабым мычанием.

— Толик! Не смей брать луноход, или я сейчас доложу обо всем в Центр!

— Я сегодня говорил тебе, что ты з-зануда? — Толик возился со скафандром. Рядом спокойно ожидал уже снаряженный к выходу Торрес. — Докладывай... только я все равно поеду, и ничего мне твой чертов Центр н-не сделает...

— Боюсь, мисс Аиша, вам придется поехать с нами. Я знаю, возможность несчастного случая для вас перевесит возможности денег. — Ухмылка Торреса была откровенно наглой. — Хотя, повторяю, ваши волнения будут оплачены. И даже щедрее, чем вы оба можете предположить...

Аиша никогда не была так близка к тому, чтобы располосовать кому-то лицо ногтями.

— Хорошо, мистер Торрес, я сама поведу луноход, — сказала она глухо. — Только будьте любезны, сядьте у меня за спиной, чтобы я не видела вашей гадкой физиономии.

— Мне это нетрудно, мисс Аиша, — насмешливо поклонился Торрес. — Ах да, чуть не забыл...

И пока Аиша влезала в скафандр, зачем-то собрал пустые бутылки из-под виски и сунул в пластиковый пакет.

Металлические штыри, конечно же, обнаружились в багаже миллиардера. Толик, увидев их, закачался. В шлемофоне скафандра раздалось:

— Я еще помню, ик... когда эту ф-фигню заметил, сперва подумал: как его на таможне не задержали? А потом понял: какая, ик, чертова таможня между чертовой Землей и чертовой Луной?! Это тебе не из Европы в Штаты... да?

Торрес вместо ответа сунул Толику в руки сумку, длинную и объемную. Хлопнул по плечу, задавая направление к тяжелому луноходу.

Мрачная Аиша уже переминалась около «лунного багги» и не сразу поняла, в чем дело.

— Эй, мистер турист! — гавкнула она. — Куда вас понесло? Мы обычно ходим на легкой машине!

— Дорогая мисс Акирова, — один голос Стивена Торреса в шлемофоне вызывал в памяти его обычную ухмылку, — я, конечно, могу последовать вашему любезному предложению. Но, видите ли, определенные правила гласят, что металлические столбы должны быть не просто вкопаны в грунт. Иначе их слишком легко будет убрать. Под каждым из них на глубине полутора-двух метров должен быть заложен нетленный предмет...

Фигура миллиардера в скафандре выразительно покачала пакетом с пустыми бутылками.

— И скажите мне, милая девушка, чем вы собираетесь выкапывать достаточно глубокие ямы, если мы отправимся на легкой машине? Руками?!

— Я не милая девушка... — привычно огрызнулась Аиша сквозь дурацкое хихиканье Толика. — Погодите... Вы хотите ска-

зать, что собираетесь использовать для этого буровую установку при тяжелом луноходе?!

— Представляю, как Аиша в скафандре сидит и копает в реголите эту чертову яму! — Толиково хихиканье перешло в булькающий хохот.

— Заткнись, пока я не надумала закопать тебя самого под одним из столбов в качестве нетленного предмета! — бешено прошипела женщина.

— Ну, если вы уже просчитываете варианты, значит, принципиальное согласие достигнуто. — Торрес даже в скафандре умудрился отвесить изящный поклон. — Заводите машину, мисс Акирова.

Черное небо, равнина разных оттенков светло-серого, резкие тени вдали... Пейзаж за стеклом лунохода, казалось, почти не менялся после того, как экспедиционный модуль скрылся из виду. Движение машины сопровождалось тихой, почти незаметной вибрацией. Сзади доносилось мерное сопение уснувшего Толика.

Аиша заскучала бы, если б не острое ощущение присутствия за спиной Стивена Торреса.

— Серебряная планета. — Внезапно оказалось, что Торрес уже стоит рядом, с непонятным восторгом созерцая однообразные окрестности. — Даже не надеялся, что здесь будет так красиво!

Аиша только пожала плечами.

— А со временем, когда мы здесь обустроимся... — мечтательно протянул миллиардер и замолк.

Поддерживать разговор Аиша не хотела, но через несколько минут любопытство победило неприязнь.

— Вы действительно считаете, что достаточно вкопать четыре столба — и можно обустраиваться?

— А вы никогда не слышали о такой маленькой стране под названием Силанд, мисс Аиша?

— Кажется, нет, — признала она. — И что это за страна?

— Я расскажу вам чуть позже. Время поднимать вашего напарника, я планировал установить первый столб именно здесь.

Разбудить Толика удалось, но попытка снова влезть в скафандр оказалась ему решительно не по силам. Торрес, похоже, готов был терпеливо ждать. Но Аиша, послушав мученическое пыхтение коллеги, распорядилась:

— Вам придется выйти в одиночку, мистер турист. Толик сделает яму нужной глубины, вы опустите туда... ваш нетленный предмет. Потом луноход засыплет яму, вы воткнете сверху столб и вернетесь к нам.

Миллиардер с сомнением бросил взгляд на взмокшего Толика, который с облегчением избавлялся от неподатливого скафандра.

— Нужной глубины, говорите, — пробормотал он.

— Поэтому я и говорю — пойдете один, — повторила Аиша, — кто-то же должен проконтролировать настройку аппаратуры. Стоило это предвидеть, прежде чем спаивать мужчин, — не удержалась она от ехидства.

— Ну что ж, это будет даже символично, — улыбнулся чему-то Стивен Торрес.

— А что там за зеленый огонек у тебя в чертовом скафандре? — вдруг подал реплику Толик.

— Индикатор работы видеокамеры, — безмятежно ответил миллиардер, — должно быть документальное подтверждение освоения территории.

— Освоение, гы!.. — осклабился Толик. Торрес, не обращая на него внимания, подошел к шлюзовой камере.

— Эй, держитесь подальше от техники, когда она работает! — крикнула ему в спину Аиша. — И вообще лучше выжидайте, пока уляжется пыль!

Реголитовая пыль повисла вокруг буровой установки перламутрово-серым облаком, которое росло в объеме вместе с глубиной ямы. Вой работы бура исчезал в лишенной воздуха поверхности Луны, и бронированное стекло лунохода казалось экраном, на котором разворачивается черно-белое немое кино.

Фигура Торреса повела рукой с металлическим штырем — словно рыцарь, копьем примеривающийся к цели. «Сейчас опять сказанет что-нибудь пафосное», — подумала Аиша.

— Будто снегопад из серебра, — произнес Торрес изумленно, — а находиться внутри, должно быть, удивительное ощущение!

— Не советую проверять, справятся ли с этим испытанием фильтры скафандра, — саркастически ответила девушка.

Частицы лунного грунта больше всего напоминали очень мелкую и липкую стеклянную крошку, из-за которой фильтры приходилось менять после каждого выхода наружу. А лунной технике требовалась усиленная защита, отчего все здесь было неуклюжим и громоздким.

Рядом шумно вздохнул Толик.

— Два метра, — напомнила Аиша.

— Угу, — не отводя глаз от посверкивающего облака, он ткнул пальцем в сторону приборной доски, где шел отсчет глубины. На лице космонавта застыло странно сентиментальное выражение.

Писк отметил конец работы бура, и Толик, словно очнувшись, занялся аппаратурой. Едва буровая установка отъехала в сторону, Торрес зашагал к вожделенной яме, над которой еще не осела пыль.

— Он все-таки ненормальный! — всплеснула руками Аиша.

— Будто ты этого раньше не поняла, — прозвучал из динамиков лунохода замедленный голос Владимира. — Только вы оба, похоже, не сильно от него отстаете.

— Да неужели командир проспался?! — нашла женщина новый объект для ехидства.

— Возвращайтесь на базу, — велел Владимир.

— Еще три ямы, и вернемся, — пообещал Толик.

Миллиардер тем временем вынырнул из серого облака и призывно махнул штырем.

— Отойдите, мистер Торрес, я подвожу машину, — предупредил Толик. По правому борту лунохода начали разворачиваться суставы агрегата для забора грунта.

Яму засыпали в несколько движений ковша, но кружение пыли возобновилось. Терпения Торресу едва хватило дождаться, пока сложится агрегат.

По смутным движениям в облаке угадывалось: вот он воткнул штырь, вот потоптался вокруг, утрамбовывая лунный грунт... До космонавтов донеслось ликующее:

— Заложен первый столб, отмечающий границу государства Мунланд!

— Объяснитесь, мистер Торрес, — произнес ледяной и будто даже протрезвевший голос Владимира, едва миллиардер вошел в луноход из шлюзовой камеры.

— Охотно, мистер Семенов, — спокойно отозвался турист. — Кстати, рад, что вы снова с нами!

— Я слушаю. — Аиша искренне позавидовала хладнокровию Владимира.

— Во-первых, должен сообщить, что сам факт отсутствия в луноходе еще не лишает вас обещанной премии в триста пятьдесят тысяч. — Торрес легко освободился из скафандра. Раскинулся в одном из сидений лунохода так непринужденно, будто под ним было мягкое широкое кресло, а не жесткий пластик. — Во-вторых, настало время сделать предложение, от которого вы вряд ли сможете отказаться...

— Да, все уже поняли, что вы мастер разнообразных предложений, — хмуро заметил командир.

— В этом секрет моего успеха. — Торрес подмигнул Аише, она побагровела в новом приступе замешанной на смущении злости. — В разговоре с мисс Акирова я упоминал маленькую страну Силанд. Не вдаваясь в лишние подробности, расскажу краткую историю ее возникновения. В годы Второй мировой войны Великобритания для обороны побережья запустила плавучие платформы с размещенными на них фортами. А в 60-х годах некто майор Бейтс поселился на одной из платформ и объявил ее суверенным государством, княжеством Силанд. Лишить платформу этого статуса никто не смог, так что прецедент в мировом праве имеется.

— И, конечно, ваши юристы уже наготове, — понимающе отметил Владимир.

— Совершенно верно, — кивнул Торрес. — Схема действий продумана и отработана. Собственно, дело уже зашло так дале-

ко, что у вас как у главы экспедиции осталось только два варианта. Первый — просто не мешать, это уже обеспечит вам обещанную сумму денег. У меня была возможность внимательно изучить не только свой контракт космотуриста, но и ваши рабочие контракты...

— Так у тебя, черт, все-таки есть подвязки в Центре! — с остатками пьяного простодушия воскликнул Толик.

— Словом, такая возможность у меня была, и поверьте, там нет ничего такого, что навлекало бы на вас ответственность за мои действия. Хотя без дисциплинарного взыскания навряд ли обойдется, — зубы Торреса блеснули, — но предложенная вам сумма наверняка возместит некоторые мелкие неудобства.

— А второй вариант? — с мрачной иронией осведомился Владимир.

— Второй вариант я, пожалуй, изложу после следующего столба, тем более что мы подъезжаем к намеченной точке... Хотя, чтобы не терять времени, поступим так: экипаж лунохода действует по той же схеме, а пока я буду снаружи, мисс Аиша может поглядеть содержимое вот этой сумки.

Прочные шнуры, стягивающие на совесть упакованный сверток, пришлось разрезать. Первая находка была такой очевидной, что Аиша почти не удивилась.

— Флаг, — прокомментировала она для Владимира, остававшегося на положении слушателя. — Белый круг посередине черного поля. Лаконично, ничего не скажешь.

Помимо флага, внутри оказалось еще несколько маленьких свертков.

— Дай помогу, — подлез Толик.

— Уже помог чем сумел, — отвела его руки Аиша. — За приборами следи, чтобы мистер турист не ухнул куда-нибудь!..

В самом тяжелом из свертков оказались деньги: пачка банкнот и несколько столбиков монет. На каждой красовалось изображение луны и чеканка: «Bank of Moonland».

— Да это, похоже, золото и серебро! — присвистнул Толик, дотянувшись-таки до любопытного.

— Тебе было сказано следить за приборами, — обозлилась женщина.

— А чего за ними следить, Торрес уже бутылку похоронил, сейчас закапывать будем.

— Ну так давай закапывай!

Из самого легкого и компактного свертка выпала россыпь маленьких бумажных квадратиков с изящно прорисованными картинками лунных пейзажей — почтовые марки.

И несколько паспортов — новеньких, но сделанных по старой технологии: книжечкой с обложкой тонкой кожи.

С первого же раскрытого паспорта на Аишу посмотрело собственное лицо.

— Черт! — с испуганным восхищением выкрикнул Толик, схватив свой паспорт.

— Володя, у него тут документы, согласно которым не только он сам, но и вся наша экспедиция является гражданами Мунланда, — сообщила Аиша.

— У каждой страны должно быть постоянное население, — донеслось со стороны шлюзовой камеры. Торрес, которому надоело всякий раз возиться со скафандром, на этот раз избавился только от шлема. — Это и есть мое предложение к вам. Все-таки вы уже фактически лунные жители, при этом двойного гражданства никто не отменял. Наверное, излишне говорить, что в ближайшие несколько лет Мунланд станет не только самой богатой, но и самой перспективной страной мира. Перед гражданами Мунланда откроются невиданные возможности...

Зависла пауза. Аиша то придвигала, то отодвигала паспорт со своим фото, не глядя ни на миллиардера, ни на Толика.

Толик, кстати, тоже молчал. Даже сопеть перестал.

Конечно, звездное небо было для Аиши привлекательнее, чем Земля.

Но и чем Луна — тоже.

Однако на Луне звездного неба было куда больше, чем на Земле.

И все-таки принять гражданство государства, расположенного не на Земле... Слишком сложно было определить соотношение перспектив и рисков.

Опять же, этот ловкий позёр Стивен Торрес в качестве главы государства! Есть над чем задуматься.

«Послушаю, что скажет Владимир», — решила Аиша.

— Боюсь, мистер Торрес... — прозвучало наконец из динамика.

— А вы не бойтесь, — перебил Стивен. — Просто подумайте еще. У вас пока есть на это время. Нам осталось вкопать еще два столба, после чего я официально объявлю Мунланд суверенным государством. Я предусмотрел различные версии развития событий, и право выбора, безусловно, остается за вами. Хотя, поверьте, для всех нас будет гораздо интереснее, если вы станете первыми гражданами Мунланда.

Ответа командира Аиша ожидала почти со страхом. Но тот промолчал.

Обычной легкой болтовни не было, и каждый новый звук воспринимался особенно остро. Аиша ощущала и легкую вибрацию движения лунохода, и тихий гул аппаратуры. Спиной чувствовала шорох, когда Торрес, не вмешиваясь в размышления космонавтов, менял положение.

Толик время от времени принимался нервно барабанить пальцами по подлокотникам, шелестел страницами паспорта, пересыпал в ладонях монеты. И опять все смолкало.

Когда Торрес вышел наружу в третий раз, Аиша робко позвала:

— Володя...

— Не мешай думать, — тяжело донеслось из динамика.

Перед четвертым столбом Толик не утерпел, поинтересовался:

— Что вы закопаете на этот раз, мистер Торрес? Бутылок у вас, помнится, было три.

Миллиардер молча разжал кулак. На пальце закачался металлический жетон на цепочке — имя с фамилией, группа и резус крови.

— Все-таки любите вы эффектные жесты, — съязвила Аиша.

— Прежде всего потому, что они работают, — невозмутимо пояснил миллиардер. — Поэтому лично я в успехе предприятия уверен.

Аиша и Толик переглянулись.

— Ну? — спросил космонавт, едва за Торресом прожужжала дверь шлюза.

— Не знаю, — вздохнула Аиша.

— Вот и я, — криво усмехнулся напарник. — Такие задачки перед нами в Центре не ставили.

— Теперь отправляемся в этот квадрат, — распорядился вернувшийся Торрес. Глаза его сияли. — Фактически мы уже находимся на территории Мунланда, друзья! Мисс Аиша, продублируйте, пожалуйста, запись объявления суверенитета.

Фигура Стивена Торреса, держащего в руке флаг с белым шаром на черном фоне, выглядела донельзя торжественной. Утопив древко в лунный грунт, миллиардер произнес:

— Я, Стивен Торрес, обращаюсь к мировому сообществу, чтобы объявить: сегодня, двадцать восьмого сентября две тысячи...

И с длинным всхлипом упал, взметнув облачко пыли.

— Мистер Торрес, что случилось? — вскрикнула Аиша, перебивая обеспокоенный голос Владимира из динамика.

Толик, в несколько прыжков оказавшийся у шлюзовой камеры, бросил:

— Биометрия скафандра пропала!

Скорее всего он мертв, поняла Аиша. Хотя признать это — даже видя, как пыль в медленном кружении оседает на неподвижном теле — казалось невероятным. В Стивене Торресе было столько жизни и энергии...

Может быть, просто очередной экстравагантный жест на миллиарды зрителей?

— Утешает одно, — сообщил Владимир, — что бы там с ним ни произошло, при подобных обстоятельствах мы по контракту не несем никакой ответственности...

На черно-белом экране к лежащей фигуре брела другая, с неуклюжей торопливостью переставляя ноги. Дошла, склонилась.

— С наибольшей вероятностью — удар микрометеорита, — доложил Толик. — Разгерметизация скафандра и смерть.

— Да, этого даже Торрес не смог предусмотреть, — с истерическим смешком произнесла Аиша. Из разжавшейся ладони на пол лунохода звонко шлепнулся новенький паспорт.

В душе зрела непонятная пустота. Неужели теперь все будет по-прежнему? Впереди четыре месяца жизни по давно отработанному расписанию, где нет места странным высказываниям о красоте лунных пейзажей...

— Зато выбор сделан. — В голосе Владимира звучало облегчение. — Луне не нужны хозяева.

— Ага, теперь-то уж точно сделан, — с непонятным весельем сказал Толик. Выпрямился, взялся рукой за флаг и поинтересовался: — Аиша, ты все еще ведешь запись? Тогда я, Анатолий Вольский, обращаюсь к мировому сообществу, чтобы объявить...

РОСКОН-ГРЕЛКА

Дорогие друзья!

Позвольте представить вам подборку рассказов — финалистов конкурса «Роскон-Грелка-2007». У многих (но не у всех!) могут возникнуть вопросы: а что это за зверь такой — «Роскон-Грелка»? Попробую пояснить. Итак, давным-давно в одной далекой галактике... а точнее – на просторах русского интернета зародилась идея сетевого конкурса фантастического рассказа. Интернет — дело оперативное, как придумали (а идея принадлежала фантастам Олегу Дивову и Алексею Евтушенко, а также журналисту и в будущем бессменному координатору конкурсов Вадиму Нестерову), так и провели. Правила конкурса «48 часов» были жесткие — объявлялась некая фантастическая тема или же первая и последняя фразы, а участники должны были за двое суток создать соответствующий условиям рассказ. Все присланные тексты выкладывались в Сеть без указания авторства – дабы не давить авторитетом имени, ведь «поиграться в гамбургский счет» выражали желание многие именитые фантасты. Затем сами участники оценивали рассказы друг друга и определяли победителя, который с полным правом мог хвастаться, что «порвал всех, как Тузик грелку». Поэтому позже конкурс был переименован в «Рваную грелку». По итогам отдельных конкурсов даже выходили книги — издательство АСТ выпустило два сборника: «Псы любви» и «Гуманный выстрел в голову». Первый раз конкурс прошел в 2001 году.

Тогда же, в 2001 году, прошел и первый «Роскон» — ныне крупнейший в России фантастический конвент. На это мероприятие ежегодно съезжается несколько сотен людей, имеющих отношение к фантастике, — писателей (как начинающих, так и маститых), критиков, журналистов, художников, кинематографистов, просто ценителей жанра. В 2006 году у главного редактора АСТ Николая Науменко возникла идея «объединить брэнды» — «Грелку» и «Роскон». Так и поступили — на тему, заданную Николаем Науменко (звучала она так: «Конец истории. Последний человек.»), от писателей, участников «Роскона», требовалось в течение трех суток написать рассказ, затем произведения без указания авторства выкладывались в интернет, и участники конкурса голосованием определяли двадцатку лидеров. Финалисты собрались на «Росконе» и уже в очном поединке (по системе «адвокат—прокурор»), но по-прежнему без раскрытия авторства, определили победителя. По итогам первой «Роскон-Грелки» в издательстве АСТ вышел сборник «Последняя песня Земли», озаглавленный так по названию рассказа-победителя (автор — Дмитрий Колодан).

Вторая «Роскон-Грелка» прошла на «Росконе-2007». Тему опять задавал Николай Науменко, а победителем стала Карина Шаинян с рассказом «Жираф в шарфе». Предлагаем вам ознакомиться с рассказами-финалистами «Роскон-Грелки-2007». Какой же в этот раз была тема конкурса? А была она такой:

«НАШ МИР — ПЛОСКИЙ!»

Приятного чтения!

Дмитрий Байкалов

Дмитрий Колодан

ВСЯ КОРОЛЕВСКАЯ КОННИЦА

Погода не заладилась с самого утра. Метеосводки давно предупреждали о приближающемся циклоне, но обещали его не раньше середины следующей недели. Сейчас была только суббота, а небо до горизонта затянула серо-рыжая пелена, сочащаяся мелкой моросью. И дождем-то не назвать, а выйдешь без зонта — вымокнешь до нитки. В случае же с Памеллой Льюис и этой защиты недостаточно: при ее размерах любой зонт был бы слишком мал.

Памелла дождь не любила; не из-за водобоязни, а потому, что в плохую погоду весь день приходилось сидеть дома. Особых планов на эту субботу у нее не было, но все равно Памелла думала прогуляться по городу, выпить чашечку кофе, быть может, покормить белок в городском парке... Да мало ли радостей у одинокой женщины? Но вместо этого ей досталось заточение в четырех стенах, под ужасающие звуки, доносящиеся со стороны соседского дома.

Время едва приблизилось к полудню и текло медленно, словно густое варенье. Памелла сидела в огромной гостиной, перебирая клавиши рояля. Хотя на дворе стояла середина мая, Памелла играла «Осеннюю песню» Чайковского. Октябрьская мелодия как раз совпадала с ее настроением — те же хмурые и беспросветные тучи.

Играла она громко, но музыка не могла заглушить врывающиеся с улицы взвизгивания и скрипы. За оконным стеклом,

© Д. Колодан, 2007

крапчатым от мелких капель, Памелла прекрасно видела соседский дом. Кинетический Дом Хокинса — нагромождение башенок, которые жались друг к другу, точно свечки в праздничном торте столетнего старца. Картина станет более полной, если представить, что торт угодил в ураган. За подтеками воды башенки дрожали и раскачивались из стороны в сторону.

В любом другом случае Памелла решила бы, что ей кажется. Преломление света на влажном стекле... Но башенки двигались на самом деле, не важно, шел дождь или нет. Хитроумная система блоков и противовесов приводила дом в движение сразу во всех направлениях. Словно в одном месте собрались с десяток кукол-неваляшек и затеяли шумную драку.

Чудовищные звуки были половиной беды, Кинетический Дом еще и выглядел уродливо. Если архитектура — это музыка, застывшая в камне (а в случае Хокинса — в дереве, стекле и железе), то Кинетический Дом был мелодией для шарманки. Столь же безыскусный и аляповатый, не имеющий ни малейшего отношения к настоящему искусству. Каждую из движущихся башенок Хокинс сделал непохожей на остальные, не думая о том, как они будут смотреться вместе. Он смешивал сельскую готику с конструкциями в духе иллюстраций к «Изумрудному городу», а финальным аккордом украсил свое творение разнообразным хламом — от битой посуды и резиновых пупсов до блестящих колесных дисков и гипсовой садовой жабы. Хокинс тащил в дом все, что попадалось под руку. Подобные выходки характерны для сорок и галок, но никак не для разумного человека. Вывод напрашивался сам собой.

В окно Памелла видела вырезанное из фанеры круглое улыбающееся лицо размером с купальный тазик — вместе с раскачивающейся башенкой оно то приближалось, то удалялось, будто огромный пухлощекий младенец заглядывал в окно и презрительно отстранялся. Он не мог не раздражать. Хокинс это знал наверняка — башенку с лицом он построил исключительно с целью подшутить над соседкой. С юмором у него всю жизнь были проблемы.

Все жалобы Памеллы в муниципалитет, полицию, социальную службу и прочие организации, призванные бороться с

подобным беспределом, натыкались на стену непонимания. Бюрократия, ничего не попишешь. Хокинс хоть и был полным психом, но при том оказался скользким, как угорь. Памелла еще только писала первую кляузу, подбирала слова, живописуя свое бедственное положение, а сосед подсуетился и зарегистрировал Кинетический Дом как городскую достопримечательность. Памятник архитектуры! Конечно, Памелла воздерживалась от голословных обвинений — доказательств-то никаких, — но в том, что Хокинс не поскупился на взятки, она не сомневалась.

Два года назад Хокинс отбыл в мир иной, но с тех пор ничего не изменилось. Дом перешел в муниципальную собственность с правом пользования, тем самым сильно поколебав надежду от него избавиться. Если в войне лично против Хокинса имелись шансы, против городской администрации Памелла была бессильна. Но сдаваться она не собиралась. Всегда оставалась возможность съехать, перебраться на другой конец города, а то и вовсе бежать в Сан-Бернардо. Благо, счет в банке позволял провернуть это практически без потерь. Но, черт возьми, Льюисы жили здесь вторую сотню лет! Как она будет смотреть в глаза деда на пожелтевших фотографиях?

Сейчас в Кинетическом Доме жила дочь Хокинса — девица с глупым именем Теннесси. Еще одна капля в давно переполненной бочке терпения. Памелла честно пыталась наладить контакт, выстроить добрососедские отношения (втайне лелея надежду уговорить соседку остановить Кинетический Дом), но все пошло прахом. Сама виновата — надо лучше продумывать стратегию. Может, не стоило столь яростно доказывать, что девушке не подобает расхаживать в мешковатом джинсовом комбинезоне вместо платья, с руками по локоть в машинном масле. Но разве вина Памеллы, что при сильном волнении ее голос срывался на истеричный визг?

Теннесси до сих пор ее сторонилась, но пару раз Памелла краем уха слышала, как та назвала ее «сумасшедшей толстухой». Про себя она отвечала тем же, придя к выводу, что девица ничем не лучше своего отца. Теннесси, девушку стройную, «толстухой» называть было глупо, но Памелла нашла подходящее слово и именовала ее не иначе как «этой штучкой».

Себя же Памелла никогда, даже в мыслях, толстухой не называла. Когда вес переваливает за сотню, отрицать его уже нельзя, но все-таки она предпочитала слово «дородная» — в нем было куда больше обстоятельности, положенной даме ее возраста. В конце концов, не так много она и ела, причем только здоровую пищу; просто такой у нее обмен веществ. А поводов считать ее сумасшедшей и вовсе не было. Не из-за кошек же — каждый имеет право на любовь к животным.

Ее белоснежные кошки — общим числом двенадцать — спали по всей гостиной. Их выдержке можно было позавидовать: скрипов Кинетического Дома они не замечали. Зато чутко реагировали на игру хозяйки. К глубочайшему сожалению Памеллы, Рахманинова кошки недолюбливали. Всякий раз, когда она бралась за любую из двадцати четырех прелюдий для фортепьяно, кошки принимались вопить, словно им разом отдавили хвосты. Они снисходительно терпели Чайковского или Сибелиуса, но в своем консерватизме предпочитали музыку, написанную не позднее восемнадцатого века.

Жаль, Памелла не знала мелодии, которой смогла бы ответить Теннесси. Но должен же быть свой Рахманинов и для соседок?

Пальцы пробежались по клавишам в простейшей гамме... неожиданно оборвавшейся на ноте «фа» громким «шмяк!», донесшимся от окна. Удар был мягким, но сильным, словно в стекло с размаху швырнули мокрую тряпку. Кошки мигом спрыгнули на пол и, не скрывая возмущения, уставились на хозяйку. Тут же зашевелились их товарки. Однако в кои-то веки Памелле стало не до любимцев.

На мгновение почудилось, что рухнула одна из башенок Кинетического Дома. Упала на крышу и того и гляди ворвется в гостиную, ломая хрупкие перекрытия. От одной мысли Памеллу прошиб холодный пот. Но не прошло и секунды, как на смену испугу пришло крайнее удивление.

Башни пока оставались на месте. В окно действительно что-то бросили, чудом не выбив стекло. А вернее, кого-то: в стекло впечатался толстый зверь, размером чуть больше кошки, похожий на мохнатый бочонок песочного цвета. Памелла успела за-

метить безумно вытаращенные глаза; когтистая лапка заскребла по гладкой поверхности, безуспешно пытаясь уцепиться... Пугающе медленно зверек сполз вниз, прочертив мохнатым брюхом широкую дорожку среди дождевых капель. В дикое мгновение озарения, когда растерянность вдруг сменилась кристальной ясностью мысли, Памелла поняла, с кем имеет дело. Это был... сурок?!

Зверек упал на карниз и скатился на землю. Памелла вскочила со стула и бросилась к окну, но сурка и след простыл.

Памелла с усилием проглотила вставший поперек горла ком. Сурки ведь не летают? Даже после хорошего пинка... В привычной и устоявшейся картине мира наметилась изрядная трещина. В груди зашевелилось неприятное чувство, нарастая снежной лавиной и вот-вот грозя обрушиться.

Противно взвизгивая, башня Кинетического Дома склонилась над окном. Фанерный младенец ехидно ухмылялся и разве что не хихикал. Памелла уставилась в огромные круглые глаза и совсем не удивилась бы, если б младенец подмигнул ей в ответ. Мысленно прочертив предполагаемую траекторию полета, Памелла с ужасом поняла: зверек выпал из Кинетического Дома. Прямо изо рта жуткого младенца.

В мире существовало не так много вещей, способных вывести Нортона Филберта из себя. Однако грузовик-дальнобойщик, проносящийся мимо и сворачивающий чуть в сторону для того, чтобы окатить его водой из лужи, точно входил в их число. И самое мерзкое, что за последний час это был третий грузовик, откалывающий подобный номер. Если это и есть та стабильность, к которой, по слухам, стремится Вселенная, то Нортон обеими руками за хаос. А еще за прижигание мозга — другого способа избавить водителей от такого чувства юмора он не видел.

Тот, кто впервые назвал дорогу в дождь хорошей приметой, был неисправимым оптимистом. Или ему никогда не приходилось крутить педали под разверзнувшимися небесными хлябями, когда нельзя лишний раз вдохнуть, не наглотавшись холодной воды. Нортон тщетно утешал себя тем, что могло быть и хуже. Тропические ливни, ураганы, грозы и цунами — да мало

ли на свете ситуаций, по сравнению с которыми нынешнее положение — отдых на солнечном пляже? Вот только все они существовали исключительно теоретически, Нортон же мок под колючей моросью сейчас. Купленная на распродаже ковбойская шляпа — хорошая защита от дождя, но при одном условии: тот должен лить сверху, а не идти одновременно во всех направлениях, нарушая законы физики и здравого смысла. Нортона мучили сильные подозрения, что вода уже добралась до костей. Если так пойдет дальше, то скоро он превратится в медузу. Безрадостная перспектива. В кармане куртки хлюпал размокший бутерброд, который ему дали в дорогу. Страшно представить, до каких глубин дошла диффузия хлеба и сыра. Рискнуть и проверить Нортон не решался, хотя живот слегка сводило от голода.

Ночь он провел в трейлерном поселке рядом с сорок третьим шоссе. По сути, это была давно выродившаяся коммуна хиппи, доживающая последние годы. На крошечном пятачке жались друг к дружке два десятка хлипких трейлеров, вросших в землю так, что не было видно колес. Половина домиков пустовала, скалилась битыми окнами, точно беззубые собаки над обглоданной костью. Может, когда-то, еще до рождения Нортона, поселок и странствовал по побережью — от одного музыкального фестиваля к другому или просто по интересным местам. Но времена эти канули в Лету безо всякой надежды на возвращение.

Идея блуждающих городков Нортону была по душе куда больше, чем оставшееся унылое поселение. Не стоило им прекращать движение... В мире все просто: чуть замешкаешься — и законы вселенской энтропии не упустят шанса. А итог один — запустение.

Не сказать, что это была худшая ночь в его жизни, но на место в десятке она явно претендовала. На жесткой койке, в душной комнатушке, где даже стеновые панели насквозь пропахли травкой, сложно выспаться и при самой сильной усталости. Трейлер не отапливался, а тонкое лоскутное одеяло не спасало от холода и сырости. В соседнем домике почти до рассвета на полную катушку крутили диски «Перл Джем». И хотя Нортону удалось задремать, сон был зыбким, точно утренний туман, и

полным разных несуразностей про уток. Под утро его разбудил хозяин домика, лохматый старец с рыжей от табачного крошева бородой: он решил, что пять часов — самое подходящее время, чтобы распить бутылочку местного самогона, и искал компанию.

Так или иначе, но из поселка Нортон выбрался затемно. Тогда еще ничто не предвещало беды; небо было чистым, не считая молочной россыпи звезд да тонкого росчерка месяца. Но с первыми красками рассвета пришли тучи, а с ними короткий ливень, выродившийся в бесконечный мелкий дождь. В грязно-серой пелене облаков не было ни малейшего просвета и ни малейшей надежды на то, что он скоро появится. Самый отвратительный день за все время путешествия по побережью. Вдвойне обидно, ведь до цели оставалось всего ничего.

Неделю назад Нортон увидел прелюбопытнейший сюжет в теленовостях. Рубрика называлась «Курьезы» — пять минут о диковинках, которые можно найти на побережье. Нортон ждал сюжета про своего дядю Барни — ту еще диковинку, но вместо этого показали Кинетический Дом Хокинса, гордость туристического департамента Санта-Риты. И хотя сам дом показывали куда меньше, чем корреспондента, того, что Нортон успел заметить, оказалось достаточно. На одной из раскачивающихся башен сидела гипсовая садовая жаба... Нортону хватило одного взгляда, чтобы понять: именно такой не хватает в его коллекции. Во всяком случае, всю дорогу он убеждал себя, что целью путешествия была именно жаба, а вовсе не девушка, хозяйка странного дома, у которой брали интервью.

Дорожный указатель почти издевательски сообщил, что до Санта-Риты осталось десять километров. Нортон подналег на педали. Если подумать, — не много, даже с учетом коэффициента «плохой дороги».

Давно и не им подмечено — дорога занимает тем больше времени, чем противнее она кажется путешественнику. И от расстояния это не зависит. Нортон не знал, думал ли об этом Эйнштейн, разрабатывая Теорию Относительности, но, следуя логике, путешествие на околосветовых скоростях обещало быть приятным и комфортным. К несчастью, он совершенно не пред-

ставлял, как разогнать велосипед до подобной скорости. К тому же резко возрастала вероятность проскочить нужное место, а наматывать круги по меридиану не хотелось. За спиной пронзительно загудел очередной дальнобойщик. Нортон вздохнул и сжался, готовясь к новому душу. К его удивлению, на грязном тенте грузовика было написано «Всем стихиям назло».

Когда Нортон добрался до цели, его можно было выжимать, как губку. Одежда липла к коже, по спине ползли тоненькие струйки воды, а пресловутый бутерброд дошел до состояния жидкой каши — небось придется вычерпывать из кармана ложкой. Громкие скрипы Кинетического Дома Нортон услышал с конца улицы: надрывный звук, будто кто-то пытался распилить бензопилой пианино. Соседям не позавидуешь! Нортону довелось жить рядом с автослесарной мастерской — те дни он до сих пор вспоминал как страшный сон.

Сквозь морось раскачивающиеся башни выглядели кривыми, будто ветви прибрежных сосен, изломанных бесчисленными штормами. Кинетический Дом и в самом деле напоминал небольшую рощицу. Правда, Нортону прежде не доводилось видеть, чтобы в одном месте росло столько непохожих друг на друга растений. Будто по соседству с тсугой выросла пальма, а рядом с эвкалиптом — юкка. Разноцветная краска облупилась и лохматилась влажными струпьями, похожими на наросты лишайника. Нортон попытался пересчитать башенки, но дважды сбился со счета.

Соседний дом, словно для контраста, оказался правильным и строгим. Двухэтажный деревянный особняк в классическом итальянском стиле — подобные здания нередки в маленьких провинциальных городках. Их владельцы кичились тем, что среди предков обязательно был кто-то из отцов-основателей города, проявляя поразительную забывчивость к тому факту, что две трети городков на побережье основаны бродячими золотоискателями, беглыми преступниками, клоунами, охотниками на тюленей и прочими личностями с крайне сомнительной репутацией. Из особняка доносилась фортепьянная музыка. Моцарт, кажется, но исполняемый с такой экспрессией и яростью, что любая рок-звезда искусала бы локти от зависти.

Нортон оставил велосипед у живой изгороди и осторожно прошел во двор. И тут же испуганно отпрянул: сложно сохранить самообладание, когда навстречу несется деревянная махина, украшенная головами кукол Барби.

Достигнув угла, достойного Пизанской, башня громко лязгнула и начала выпрямляться. Обратный путь давался ей гораздо сложнее. У Нортона засосало под ложечкой. Прежде он никогда не жаловался на приступы морской болезни, но, видно, пришла пора ее прочувствовать. Небось в Кинетическом Доме любой завтрак превращался в схватку с законами гравитации за то, чтобы удержать кофе в чашке.

Нортон пошел вокруг дома. Ощущение было странным — он никак не мог избавиться от мысли, что Кинетический Дом вот-вот развалится. Лопнет трос или случится что похуже. Но каким-то чудом все держалось. Башни склонялись к Нортону, точно рассматривали, собирались вместе — посовещаться, и вновь склонялись.

Он нашел взглядом садовую жабу — вот она, красавица, сидит на подоконнике... Вблизи она выглядела совсем не так привлекательно, как с экрана телевизора. Одна лапка откололась, краска местами стерлась. Обычно у садовых жаб на морде написано выражение глубинного спокойствия и довольства устройством мира. Эта же выглядела так, словно ее вот-вот стошнит. Впрочем, в этом не было ничего удивительного — Нортон очень живо представил себя на ее месте.

— ЭЙ! — Нортон вздрогнул, оборачиваясь на крик.

За спиной стояла худенькая рыжеволосая девушка. Из-за скрипов Кинетического Дома Нортон не слышал, как она подошла, и потому ее появление оказалось для него полной неожиданностью. Будто девушка была привидением и попросту материализовалась из дождя. Чуть болезненная бледность лица и глубокие серые глаза свидетельствовали в пользу именно этой версии. Ей бы чертовски пошло длинное платье, но она была одета в мятый рабочий комбинезон и клетчатую рубашку с закатанными рукавами. Руки были заляпаны машинным маслом, а поперек лба протянулась черная полоса. Из кармана комбинезона торчал тяжелый разводной ключ — девушка держала на

нем ладонь, как на рукоятке револьвера. В другой руке у нее было жестяное ведерко, из которого выглядывали пучки моркови, репа и прочие корнеплоды.

Нортон проглотил подкативший к горлу комок. Странная все-таки штука этот телевизор. Если жабу он заметно приукрасил, то с девушкой обошелся прямо наоборот. Будь воля Нортона, за подобные выходки оператора мигом бы вышвырнули с работы без выходного пособия. Девушка, которую показали по телевизору, конечно, была симпатичной, но та, что стояла перед ним, была просто красавицей. Если верить подписи в теленовостях, ее звали Теннесси, и ей очень шло это имя — мягкое и в то же время крепкое, как виски.

— Вы читать умеете? — безо всяких приветствий спросила она. — По субботам мы туристов не принимаем. Профилактика. На вывеске все написано!

Нортон так увлекся Кинетическим Домом, что вывески не только не читал, но и не видел. А теперь ему и вовсе было не до вывесок. Он жалобно покосился на раскачивающуюся жабу в надежде на поддержку, но в выпученных глазах прочитал лишь легкое осуждение.

— Э... — начал он. Больше слов не нашлось, потому он добавил еще одно «Э» и замолчал. Разговор явно не клеился.

Девушка нахмурилась. Эффект был потрясающий — если бы сейчас разверзлась земля, пробежал кролик в жилете, а рядом грохнулась летающая тарелка, Нортон бы этого просто не заметил.

— Что-то вы не слишком похожи на туриста... — сказала Теннесси, поставив ведро с овощами на землю.

Нортон поспешил ухватиться за соломинку.

— Э... Наверное, потому, что я не турист?

Едва ли эта новость обрадовала девушку. Меж бровей залегла острая морщинка. Нортон смущенно оглядел себя. Конечно, он не похож на туриста! Помятый, мокрый и растрепанный, как кошка, задремавшая в стиральной машине. Бродяга бродягой. Если таким видом он рассчитывал произвести впечатление, то это была глупейшая из его идей.

— Тогда что... — начала Теннесси, но договорить не успела.

Ведро с грохотом опрокинулось. Нортон непроизвольно опустил взгляд и, выпучив глаза, уставился на длинную редьку, которая быстро ползла в сторону Кинетического Дома. Лишь мгновение спустя он сообразил, что овощ тащит толстый рыжий зверек.

— Держи его! — крикнула Теннесси. Она бросилась вслед за улепетывающей редькой, но споткнулась, пролетела вперед и врезалась плечом в стену Кинетического Дома. Только схватившись за нее обеими руками, ей удалось устоять на ногах. Башня тут же начала подниматься, будто хрупкая девушка обладала недюжинной силой и согнула ее как тростинку.

— Да держи его, уйдет ведь!

Зверек, словно издеваясь, остановился, перехватил овощ поудобнее. Склонив округлую мордочку, он посмотрел по очереди на Теннесси и Нортона и пронзительно свистнул. Нортон прыгнул, даже не надеясь достать вора — слишком далеко тот сидел.

От удара грудью о землю перебило дыхание. В глазах потемнело, но Нортону удалось схватиться за шерсть на круглом огузке. Однако она оказалась настолько скользкой, что зверь с легкостью освободился и вперевалочку продолжил свой путь. Нортон на коленях быстро пополз за ним, ругаясь сквозь зубы и вытягивая руки. Бессмысленно пытаться поймать зверя — все равно вырвется, а вот отнять овощ можно попробовать. Собрав силы, Нортон рванулся вперед и каким-то чудом умудрился ухватиться за пучок ботвы.

Он дернул его на себя, вырывая у зверя добычу, и в этот момент что-то ударило по ребрам. Вскрикнув от боли, Нортон упал на бок. С нескрываемым удивлением он уставился на крупную желтую репу, покатившуюся по траве. Животное, громко зашипев, юркнуло в щель под домом. Нортон так и остался лежать, сжимая в руках многострадальную редьку.

— Ради бога, простите! — донесся испуганный голос Теннесси.

— Ничего страшного, — сказал Нортон, глупо улыбаясь. Он сел, потирая ушибленный бок. — Не по голове же...

Впрочем, признался он себе, даже если бы Теннесси попала в висок, он бы ничуть не расстроился. Редкие вещи помогают справиться с неловкостью так, как кидание овощами.

— Я целилась в сурка, — извинилась Теннесси. Она погрозила кулаком норе под домом.

— Я так и подумал, — сказал Нортон. Он поднялся и протянул девушке редьку. — Вот... Это ваше...

Конечно, отнимание овощей у сурков — не поединок с огнедышащим драконом, но общая схема та же? А такие вещи обычно производят впечатление на девушек. Во всяком случае, Нортон очень на это надеялся. Жаль, обошлось без глубоких и кровавых ран — для полноты эффекта. Измазанные в траве и грязи джинсы малость недотягивали.

— Сбежал, — вздохнув, сказала Теннесси. — Теперь вовек не выманишь. Слишком уж они пугливые...

Она пнула валяющуюся у ног репу так, что та отлетела далеко в сторону.

— Но все равно спасибо. — Она улыбнулась. — Вы уж извините, что так вышло, но я предупреждала — у нас сегодня профилактика. Впрочем, могу предложить вам чашечку кофе...

Отказываться было в высшей степени глупо. Нортон подмигнул жабе и вслед за Теннесси пошел к Кинетическому Дому.

Памелла Льюис не считала себя вспыльчивой женщиной. С ее комплекцией разогнаться трудно, пусть даже и эмоционально. Но, разогнавшись, остановиться было и того сложнее.

Несчастный сурок не давал покоя. То, что соседка дошла до швыряния вещей в ее окна, Памеллу не удивляло. Хокинс был психом, вот и дочка пошла по кривой дорожке. С наследственностью не поспоришь. Но до какой степени безумия надо дойти, чтобы использовать для этих целей животное?

Зверей Памелла любила с сюсюкающей нежностью, доступной только одиноким женщинам на склоне лет. Практически всех, за исключением гиен и бородавочников. Она исправно платила взносы в Общество Спасения Китов, Комитет Охраны Слонов и еще в десяток организаций подобного толка. Даже в

фонд «Спасем попугая какапо!», хотя очень смутно представляла себе, что это за птица.

Фонда Защиты Сурков среди них, к сожалению, не нашлось. Играя Allegro Моцарта, Памелла напряженно думала, что же теперь делать. Писать жалобу в полицию на жестокое обращение с животными? Бессмысленно. Сколько сурков пострадает, прежде чем у бюрократов дойдут до нее руки?

Памелла знала: одним зверьком дело не ограничится. Если человек начал швыряться сурками в соседей, то сам он этого не прекратит. Ее дядя по материнской линии страдал чем-то похожим — кидал в домочадцев посуду и цветочные горшки всякий раз, когда бывал не в духе.

Она обернулась к окну и погрозила кулаком ухмыляющемуся младенцу. Бедные зверьки! Почему всякий раз, когда кто-то слетает с катушек, страдают самые беззащитные? Кто-то должен за них заступиться! И если не она, то кто же?

Памелла с грохотом захлопнула крышку рояля, не обращая внимания на поднявшийся возмущенный мяв. Подошла к окну, посмотрела на Кинетический Дом... и увидела Теннесси. Сильно размахнувшись, девушка бросила что-то маленькое и рыжее.

Памелла в ужасе отшатнулась. Сердце вдруг заколотилось, точно отбойный молоток. Маленькое и рыжее....Белка?! Теперь эта штучка швыряет белок? Кто следующий? Ее кошки? Все к тому и шло.

Пришла пора брать дело в свои руки. Она должна раз и навсегда покончить с этим безумием. Вряд ли девица станет слушать, но Памелла знала способ сделать любые слова весомее.

От деда, завзятого охотника и рыболова, ей достался в наследство целый арсенал. Восхитительная коллекция антикварных ружей сейчас пылилась в шкафу — Памелла и подумать не могла, что придется ею воспользоваться. Но, похоже, час пробил. Когда всему, что ты любишь, грозит опасность, даже самый миролюбивый человек обязан взяться за оружие.

— Со временем ко всему привыкаешь, — сказала Теннесси. — Это как жить на корабле. Поначалу — мучаешься, а потом не замечаешь...

Они сидели на нижнем этаже одной из башенок и пили кофе, горячий и крепкий. Лучшее средство от простуды, как заверила Нортона Теннесси. Пить действительно было сложно. И дело не в том, что кофе то и дело норовил выплеснуться на брюки. Просто от качки Нортона слегка мутило. Сравнение Кинетического Дома с кораблем было верным. Правда, девушка забыла упомянуть, что судно угодило в непрекращающийся шторм. Хорошо еще, что они сидели внизу. Как было на верхних этажах, где амплитуда качки чудовищно возрастала, Нортон боялся представить.

Хокинс, как мог, постарался облегчить жизнь в Кинетическом Доме. Ножки стального стола он привинтил к полу, та же участь постигла и пару мягких кресел. Вся посуда — пластиковая, с магнитами на донышках. К столу она прилипала намертво, без усилий не отдерешь. Громко шебурша, по полу из угла в угол каталось несколько стеклянных шариков. Заметив взгляд Нортона, Теннесси пояснила:

— Что-то вроде гироскопа. Отслеживать крен. Ничего хорошего не будет, если башни начнут врезаться друг в друга. Все развалится, как карточный домик.

— Ясно, — кивнул Нортон. Мысль о том, что Кинетический Дом несет семена собственного разрушения, и все держится только на полудюжине стеклянных шариков, показалась ему забавной. — И часто крен случается?

Теннесси печально вздохнула.

— Да постоянно. Не здесь, так там что-то отклоняется или выходит из строя. За этим домом нужен глаз да глаз, иначе и оглянуться не успеешь — бабах! — и тебя откапывают из-под обломков. Слишком сложная система, чтобы работать без сбоев.

Нортон покосился на катающиеся шарики — не отклонились ли? Перспектива откапывания из-под обломков не прельщала. Теннесси тем временем продолжила:

— Этот дом — как Шалтай-Болтай. Сидит себе на стене, качается, но стоит зазеваться, и все, свалился во сне. Я же, получается, вроде той королевской конницы, которая должна его собрать. Но если дом сломается, то починить мне не хватит ни сил, ни таланта. Вот и приходится следить за тем, чтобы он не

упал... А еще эти сурки... Кстати, вы так и не сказали: что вас привело сюда?

Она улыбнулась краешком губ. Нортон хотел сказать, что целью поездки было всего лишь узнать, нет ли у нее планов на сегодняшний вечер. Однако ляпнул нечто совершенно иное:

— Да так, ничего особенного. Я просто коллекционирую садовых жаб... Случайно мимо проезжал и увидел на одной из башенок... Ну и это... решил посмотреть поближе. Как-то так... В общем, я приехал из-за жабы...

— Из-за жабы? — переспросила Теннесси, с некоторым сомнением в голосе.

— Ну да, — ответил Нортон.

Идиот и придурок. Теннесси, чуть склонив голову, некоторое время изучала лицо Нортона. По тому, как внимательно она смотрела, Нортон решил, что сейчас его лицо светится. Ровным красным светом.

— А! — наконец сказала Теннесси. — А я чуть было не подумала, что из-за меня.

— Нет-нет... Так что там с сурками?

Идиот и придурок. Мало того, что сравнил ее с жабой... Он спешно отхлебнул кофе, чтобы еще чего-нибудь не ляпнуть. Поперхнулся, закашлялся... Если бы в тот момент башня склонилась, конец был бы печальным, нелепым и заслуженным.

— Это дом... — Теннесси пнула ножку стола. — Он их приманивает. И все из-за Генератора.

— Генератора?

— Ага, — кивнула Теннесси. — Знаете, я привыкла относиться к дому как к живому. Не поймите неправильно — с креслами или окнами я не разговариваю. С другой стороны, он все-таки двигается, ему нужен постоянный уход... Так вот. Как и у всякого живого существа, у него есть сердце. Сурковый Генератор Хокинса.

— Сурковый? — переспросил Нортон. — Он делает сурков?

Едва ли можно было покраснеть больше, однако Нортон совершил невозможное. Мысленно он дал себе зарок молчать — он и без того превысил все допустимые нормы глупости. Если до сего момента у Теннесси и были сомнения по поводу его

умственных способностей, он сделал все, чтобы развеять их окончательно. Девушка, впрочем, виду не подала.

— Это сложная штука, — усмехнулась она. — В нее тяжело поверить, а представить и того труднее.

Нортон только с наигранной непринужденностью махнул рукой.

— Сталкивался я с такими штуками, рядом с которыми любая чепуха разумна, как толковый словарь.

— Слышали про темную энергию?

— Это физика?

— Почти, — сказала Теннесси. — На самом деле в ней больше зоологии. Семьдесят пять процентов массы Вселенной не удалось найти. А ученые? Списали все на темную энергию и думают — достаточно. Знаете, как они это называют? Скрытая масса. Что же там скрыто — молчат, будто воды в рот набрали. И главная заслуга моего отца не в том, что он построил дом, а в том, что он нашел эти недостающие семьдесят пять процентов.

Она перевела дух, и Нортон не нашел ничего лучшего, кроме как спросить:

— Где?

Теннесси пожала плечами.

— Понятия не имею. Не это главное; главное — какими оказались эти недостающие проценты. — Она глубоко вздохнула. — Я знаю, прозвучит глупо, но в мире встречаются и не такие глупости. Утконосы, например... Так вот, вся недостающая масса Вселенной хранится в сурках.

Молчал Нортон минимум пару минут. Теннесси, очевидно, понимая, что не так просто сразу справиться со столь решительным изменением картины мира, дала ему время все обдумать.

— А почему именно в сурках? — наконец спросил он. — Почему не в белках, например?

Теннесси наградила его взглядом, полным искреннего сочувствия.

— Потому что сурки тяжелее. Хранить материю в белках совершенно нерационально. Да и разбегутся — в белках нет постоянства. А здесь нужна стабильность.

Следующий вопрос Нортона касался того, почему тогда не в китах или слонах — они-то тяжелее сурков. Он решил, что задавать его не стоит. Ответ наверняка будет столь же логичный, сколь и нелепый.

— На самом деле Вселенная плоская, словно лист бумаги. И искажения, искривления пространства, повороты и петли — это проявления гравитации. Все равно как взять тот лист и смять. Основная же гравитация задается именно скрытой массой...

— Сурками, — кивнул Нортон.

— Именно. — Теннесси улыбнулась его понятливости. — Вот отец и подумал: чего зря добру пропадать? И построил генератор, работающий на неучтенной энергии. Получается почти вечный двигатель. Настоящий переворот в науке.

Она задумчиво отхлебнула кофе.

— Конечно, это опытный образец. Сбои неизбежны. То и дело вместо энергии сурков эта машина тащит самих зверьков... Не знаю, как у нее получается. Ученые пытаются поймать частички скрытой массы, а здесь она выбирается постоянно. Приходится следить, отлавливать и отправлять обратно. Если оставлять здесь, то рано или поздно весь дом будет забит сурками. Сначала дом, потом город, а там, глядишь, и вся планета. Вселенной-то чего — она не заметит. Миллиард сурков — туда, миллиард — сюда. А вот на Земле станет очень тесно... Отец сделал очень опасную игрушку. С учеными такое случается: сами не ведают, что творят, а остальным потом расхлебывай.

Это был глупейший конец света, о котором Нортону доводилось слышать. В другом случае он бы наверняка рассмеялся, услышав подобную теорию. Его дядя Барни сочинял такие по десятку за день. Впрочем, Нортон твердо знал одно: в этом мире или не стоит ничему удивляться, или нужно удивляться всему. Особой разницы нет — по сути, две стороны одной монеты. Да и Теннесси он не мог не поверить.

Ему стало немного не по себе. Жить в мире, где шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на сурка, совсем не хотелось. Сегодня он уже имел счастье столкнуться с представителем их племени — бок до сих пор побаливал.

— Беда в том, что сурки тянутся друг к другу. Как магниты — все-таки коллективные животные. Появляется один, и глазом моргнуть не успеешь — их уже пять. Потом десять... Генератор сделал дыру в ткани пространства, вот они и лезут... Приходится раз в неделю устраивать профилактику и отлавливать тех, что пробрались.

— Так это что, — встрепенулся Нортон, — получается, я отвлекаю вас от спасения мира? Сидим и пьем кофе, а тем временем, того и гляди, сурки захватят Землю?

Он с опаской посмотрел на Теннесси. Девушка выждала полминуты и рассмеялась.

— Ну, в общем — да.

— Тогда чего же мы ждем?

Прячась за живой изгородью, Памелла Льюис пробиралась к Кинетическому Дому. Приклад старинного винчестера больно упирался в живот. Ружье оказалось удивительно тяжелым — во всяком случае, дрожь в руках Памелла списывала именно на вес оружия. Она ведь совсем не нервничает. Памелла вздрогнула, но заставила себя расправить плечи. Не нервничает. Да и отступать уже поздно — Льюисы никогда не отступали.

В то же время винчестер придал ей ту уверенность, о которой она и не мечтала. Ствол ружья был черным и блестящим. Капельки дождя на металле сверкали, точно бриллианты на фамильном колье. Не зря дед так любил оружие, он знал толк в красивых вещах. Черт... И почему она ждала столько лет? Давно пора было выйти на тропу войны и разом покончить со всеми бедами.

Кошки не оставили ее. Вереница белых созданий шествовала за спиной, как солдаты за своим командиром. Памелла хохотнула. Что ж, сегодня день их славы.

Сидя на корточках, Нортон напряженно всматривался в щель под Кинетическим Домом. Разглядеть что-либо в густой темноте не получалось. Вода стекала по лбу и щипала глаза.

— Он точно там?

Теннесси пожала плечами.

— Обычно они там прячутся. Темно, тепло и сухо. Самое место для маленького пугливого зверька.

Тот сурок, с которым Нортон уже встречался, совсем не подходил под это определение. Но спорить он не стал и помахал перед щелью морковкой.

— Цып-цып-цып... — слава богу, хватило ума заткнуться. Теннесси прыснула.

— Не думаю, что он на это клюнет, — сказала девушка, садясь рядом.

Нортон вздохнул.

— Прежде мне как-то не доводилось охотиться на сурков. Что они любят?

— Петь, — сказала Теннесси. — Сурки очень музыкальные животные. Почти как канарейки.

— Да? — изумился Нортон.

— Ага, — кивнула Теннесси. — Мелодию запоминают с первого раза, особенно если песня хорошая. Вот смотрите...

Склонившись над щелью, Теннесси улучила момент между скрипами дома и громко просвистела несколько первых тактов «Help!». Спустя некоторое время из темноты донесся ответный свист, в точности повторив мелодию. Теннесси ослепительно улыбнулась.

— Хорошая песня и зверю приятна. Они «Битлз» любят, а еще «Дайр Стрейтс». Встречаются, конечно, и уникумы... Однажды мне попался зверек, которого удалось выманить, только просвистев два альбома Дэвида Боуи. Но самое красивое — они и потом их насвистывают, там у себя, в мире скрытой массы... Слышали выражение — музыка сфер? Так это оно и есть.

— Здорово, — искренне восхитился Нортон. Вселенная, где мириады сурков в такт насвистывают «Битлз» и «Дайр Стрейтс», а в особых случаях еще и Боуи, была ему по душе.

Он помахал морковкой и тоже просвистел «Help!». Впрочем, со слухом у него было далеко не так хорошо, как у Теннесси. Даже сурок фальшивил меньше. К счастью, девушка помогла — вместе они минут пять свистели «Битлз», едва сдерживаясь, чтобы

не расхохотаться. Пять минут, за которые Нортон окончательно уверился в полном совершенстве мира.

Сурок все-таки клюнул на уловку. В темноте блеснули влажные глазки, и зверек наконец выбрался на свет. Выглядел он растрепанным и сонным, словно только что пробудился от спячки. Впрочем, Нортон читал, что сурки спят практически всю жизнь, лишь изредка выползая из нор, чтобы подкрепиться да полюбоваться на собственную тень. Зверек почесал лапкой брюхо и широко зевнул, сверкнув резцами.

— Осторожно, — одними губами прошептала Теннесси. Нортон кивнул и медленно протянул к сурку руку. Вот сейчас... Схватить за загривок, пока не опомнился...

Дом надрывно завизжал. Сурок встрепенулся, на морде отразилось суровое недоумение. Он озадаченно посмотрел на людей и попятился.

— Проклятие! — Нортон прыгнул, упал и подмял зверька. Теннесси вскочила на ноги.

— Поймал?!

— Кажется, да. — Сурок яростно ворочался. Нортон мигом вспомнил когти, которыми роют норы, и едва удержался, чтобы не вскочить на ноги. Раны ранами, трогательные перевязки и прочее, но все же распоротый живот совсем не входил в его планы. — Проклятие! Вылезает. Справа...

Теннесси ловко перехватила сурка, пока тот не успел снова убежать. Зверек пару раз дернулся у нее в руках и обмяк.

— Ну-ну. — Теннесси потрепала его по загривку. — Мы тебя не обидим. Просто проводим домой...

Нортон встал и попытался отряхнуться от грязи. Без толку. Одежду теперь можно выкидывать — отстирывать ее себе дороже. Во время прыжка он пребольно ударился коленом о какой-то спрятавшийся в земле камень. Теперь нога противно ныла, и Нортон боялся даже подумать, как будет крутить педали.

— Спасибо, — сказала Теннесси, разом оправдав все его мучения, сегодняшние и будущие.

— А! Пустяки...

Они обошли вокруг башни и направились к дощатому сараю, прилепившемуся сбоку Кинетического Дома. Из крыши сарая торчала толстая жестяная труба, мятая и покрытая пятнами ржавчины. Стыки блестели свежей спайкой, но оставались щели, из которых с тихим свистом вырывался пар. Извиваясь между башнями, труба терялась в глубинах механических сочленений Кинетического Дома.

Теннесси толкнула ногой дверь и посторонилась, пропуская Нортона вперед. В сарае было темно и парно, как в бане. Кроме распахнутой двери, единственным источником света оказались щели между досками. Воздух пропах сырым деревом и горелым машинным маслом. А еще мокрой шерстью.

Глаза тут же заслезились, и Нортон остановился на пороге. Теннесси прошла к дальней стене. Так толком и не освоившись во влажном полумраке, Нортон поспешил следом.

— Вот он, — сказала Теннесси. — Сурковый Генератор Хокинса...

Генератор действительно впечатлял. Это оказался старый «форд», снятый с колес и установленный на деревянных чурках. Откинутая крышка капота являла взору черный от масла и сажи двигатель. Мотор работал, пыхтя клубами дыма и пара. Куда вели ременные передачи, Нортон не понял. Место, где полагалось быть сиденьям, занимали огромные бутыли из толстого стекла и круглые аквариумы, соединенные друг с другом блестящими гофрированными шлангами. Большинство сосудов были пустыми, запотевшими от капелек конденсата, в остальных лежали опилки или пучки влажной соломы. То и дело по сосудам и трубам проносились струи густого пара и исчезали в неведомых глубинах. Так могла бы выглядеть передвижная лаборатория особо безумного ученого.

Сурок на руках у Теннесси снова заворочался и засвистел «Help!».

— Ну ладно, ладно, — успокоила его девушка. — Пора домой, там напоешься.

Теннеси дернула торчащий сбоку генератора рычаг. Двигатель машины в ответ возмущенно хрюкнул.

— Обратный ход, — пояснила девушка. — Здесь трехступенчатая коробка передач.

Она выдвинула один аквариум и бережно опустила сурка на травяную подстилку. Зверек потоптался на месте и плюхнулся на бок. Теннесси постучала пальцами по стеклу.

— Счастливого пути, — сказала она. — Передавай привет своим приятелям...

— НЕ СМЕЙ!

От неожиданности Нортон подпрыгнул. Истеричный визг ворвался в сарай и заметался меж стен. Нортон и не предполагал, что человеческое горло способно на подобные частоты. Если бы крик продлился еще несколько секунд, стеклянные емкости Суркового Генератора попросту полопались бы.

Нортон обернулся, готовый ко всему, вплоть до оперной дивы в костюме валькирии. В мире, где гравитация задается сурками, возможно всякое.

Он почти не ошибся. На пороге сарая действительно стояла огромная толстая женщина в длинном и пышном платье. Волосы были собраны в плотный пучок на затылке, широкое лицо перекосилось в жуткой гримасе. У ног женщины вертелось не меньше десятка упитанных белых кошек.

— НЕ СМЕЙ! — снова выкрикнула она, срываясь на хрип.

Женщина задыхалась. Огромное тело ходило ходуном, как желе под ураганом. Но стояла она твердо, уперев в колышущийся живот приклад антикварного винчестера.

Первой пришла в себя Теннесси. Она шагнула в сторону от генератора, не спуская глаз с нацеленного на нее ружья. «Сумасшедшая», — прочитал по губам Нортон.

— Добрый день, госпожа Льюис, — тихо сказала девушка. В ответ толстуха громко фыркнула.

— Не позволю! — провизжала она.

Теннесси виновато посмотрела на Нортона. Хотя она знала гостью, такие выходки с оружием были для нее в диковинку.

— А в чем, собственно, дело? — спросил Нортон, стараясь, чтобы голос прозвучал грозно. Или хотя бы не дрожал.

Ствол ружья повернулся к Нортону. Ощущение не из приятных. Когда он думал о схватках с чудовищами, он совсем не рассчитывал, что этим все и обернется. В следующий раз стоит быть поосторожнее с желаниями. Если, конечно, этот следующий раз будет. Нортон выпрямился и шагнул навстречу толстухе, заслоняя Теннесси.

Губы женщины скривила злая усмешка. Черт... Она держала ружье неумело и брезгливо, будто оружие было мерзким гадом, мохнатым пауком, например. Не похоже, что ей часто приходилось им пользоваться. Слабое утешение: с расстояния, что их разделяло, не промахнется и ребенок. Даже в парном полумраке сарая.

— Только не волнуйтесь, — поспешил сказать Нортон, разводя руки. — Без паники. Все можно решить...

Дама не услышала — пуча глаза, она смотрела на Сурковый Генератор. Бледные губы беззвучно двигались, точно мыслям, которые сталкивались в голове у толстухи, было тесно, и они яростно рвались наружу.

— Вот оно как, — наконец процедила она. — Оказывается, вы тут опыты ставите... Я же знала, все не просто так...

— Памелла, — предприняла еще одну попытку Теннесси. — Успокойтесь...

— Вивисекторы! — взвизгнула толстуха, подпрыгнув на месте. Вслед за метнувшимся вверх стволом ружья подскочило и сердце Нортона. Проклятие! Одно движение — и она даже не заметит, как нажмет на курок.

— Нет, вы неправильно...

— Немедленно отпусти животное, — рявкнула Памелла. — Я не позволю его мучить... Бедняжка!

Нортон вздрогнул. Любая ситуация имеет склонность развиваться от плохого к худшему, и данный случай не стал исключением. Толстуха, похоже, оказалась из «зеленых»... По поводу защитников природы у Нортона было особое мнение. Опасные люди. Обычный человек десять раз подумает, прежде чем нажать на курок, у этих же в голове напрочь отсутствует планка. Ради мнимого счастья животных они готовы пойти на любые жерт-

вы. Говорят, Чингисхан был одним из них, и его походы затеяны исключительно ради того, чтобы бедным лошадкам было побольше места, где пастись.

Он прикинул разделявшее их расстояние. Метров пять, не больше. Может, воспользоваться замешательством? Перехватить ружье. Успеет ли толстуха выстрелить? И решится ли? Нортон поежился. Даже не помедлит — она уже перешла границу.

Нортон быстро взглянул на Теннесси. Девушка напряглась, как перед прыжком в холодную воду. А ведь о том же думает...

— Не стоит, — остановил ее Нортон. Теннесси едва заметно кивнула.

— Вивисекторы, — вновь зашипела толстуха. — Сумасшедшие чудовища. Ставите свои мерзкие опыты на беззащитном животном, которое и ответить не может! Нет, слишком долго я терпела, давно было пора покончить с вашим притоном.

— Успокойтесь, — сказала Теннесси. — Мы не причиним сурку никакого вреда. Он и сам будет рад...

— Ха! Все вы говорите одно и то же... Норкам совсем не больно, когда с них сдирают шкуры на шубы, а коровы просто умоляют, чтобы их порезали на бифштексы. Отпусти животное. Немедленно!

— Да ради бога, — вспылила Теннесси. Она вынула озадаченного сурка из аквариума и протянула толстухе. — Если вам надо — забирайте...

К подобному повороту Памелла оказалась не готова. Сурок же был совсем не рад. Он задергался в руках у девушки и возмущенно заверещал. К некоторому раздражению Нортона, в взвизгиваниях сурка прекрасно угадывалась мелодия «Help!»... Черт! Как бы толстуха не приняла это как руководство к действию...

Кошки с хозяйским видом разбрелись по сараю, с любопытством принюхиваясь и осматривая темные углы. Одна направилась к генератору — спина напряглась, уши плотно прижаты к голове. Небось учуяла добычу, вот и вообразила себя на охоте. Сурок на руках у Теннесси забеспокоился, хотя был заметно крупнее и массивнее.

Памелла шагнула к девушке.

— Теперь опусти его, — приказала она, кивнув на сурка. Девушка замотала головой.

— Он боится ваших кошек, — сказала Теннесси.

В ответ Памелла только фыркнула.

— Чушь. Нечего мне зубы заговаривать. Мои девочки и мухи не обидят.

— Они хищники, — попыталась объяснить Теннесси. — Страх перед хищником в крови у любого грызуна. И не важно, мышь это или сурок...

— Ха! — только и сказала Памелла, подтвердив тем самым давно известный факт, что защитники природы ничего в природе не смыслят.

Сурок прижался к девушке, всем видом показывая, что расставаться с ней не собирается. В отличие от Памеллы, Нортон его прекрасно понимал. Зверек продолжал испуганно верещать «Битлз». В ответ то одна, то другая кошка принималась громко вопить. Нортон не знал кошачьего языка, но и без того понял, что им не пришелся по душе репертуар сурка. Его выводы подтвердила и толстуха. Она отрешенно оглядела своих питомцев и покачала головой.

— Бедняжки... Они не любят современную музыку, — сказала Памелла. — Им нравится Моцарт.

Сурок не сдавался. Живи он в шестидесятые, у него были бы все шансы занять место в пантеоне легендарных хиппи-диссидентов.

Одна из кошек заскочила на крыло автомобиля-генератора, огляделась и прыгнула к открытому аквариуму. Долю секунды она балансировала на краю, решая, куда лучше падать, но в итоге нырнула внутрь.

В аквариуме ей совсем не понравилось. Кошка с яростью набросилась на солому, потом с силой ткнулась в стенку. Аквариум качнулся на креплениях и плавно встал на место. Генератор оглушительно чавкнул... и кошка исчезла. Растаяла, будто ее и не было.

— ЛЮСИ!!! — взвыла Памелла.

Сердце Нортона сжалось. Вот и все — такого толстуха точно не простит. Сурок сурком, но любимая кошка... Сейчас или никогда.

Он бросился вперед, налетел на Памеллу и толкнул ее к стене. Сбить с ног не получилось — с тем же успехом он мог бы двигать гору. Обеими руками Нортон схватился за ружье. Винчестер рявкнул, но Нортон успел отвести ствол в сторону от Теннесси. Кисти едва не вырвало из запястий — он и подумать не мог, что у ружья окажется такая отдача.

Пуля попала в генератор, во все стороны брызнули осколки стекла. С громким шипением на свободу вырвалась струя пара. Теннесси вскрикнула.

Нортон рванул ружье на себя, выкручивая его из рук толстухи. Но та, похоже, и забыла об оружии. Выпустив винчестер, она оттолкнула Нортона, так что тот покатился по земляному полу. Приклад впился под ребра, кисть вывернулась под неестественным углом. Боль отдалась во всей руке — ее точно пронзили раскаленным штырем. Нортон попытался подняться, но с первого раза не получилось.

Памелла подскочила к Сурковому Генератору и заколотила кулаками по бутылям.

— ЛЮСИ!!!

Прежде Нортон не видел столь глубокого отчаяния. Ему стало жалко несчастную женщину, но куда больше его озадачила Теннесси. Девушка прижалась спиной к стене. Ее трясло, на лице ни кровинки... Даже когда толстуха направила на него ружье, Нортон и вполовину так не испугался. Он на карачках подполз к девушке, волоча за собой винчестер.

— Что случилось?

— Кошка. — Теннесси проглотила ком в горле. — Генератор на обратном ходу... и кошка попала к суркам. Это конец...

— Успокойся! — Нортон взял ее за плечи и слегка тряхнул. — Ну что может сделать эта кошка?

Теннесси подняла голову и Нортон невольно отпрянул от дикого взгляда.

— Что?! — выдохнула она. — Она же хищник!

— Кошке не справиться даже с одним сурком. Здесь же семьдесят пять процентов массы Вселенной...

— Вот именно! Ты не понимаешь. Сурки коллективные животные. При малейшей опасности испуг передается всей колонии, и они разбегаются во все стороны. Цепная реакция. Семьдесят пять процентов массы Вселенной разбежится незнамо куда. Искажение гравитации, и точка. Вселенная станет плоской, как блин. Если ее не разорвет на части...

— Люси! — продолжала надрываться Памелла. Она повернулась к Теннесси: — Где она? Верните мне мою кошку!

Девушка и сама с радостью выполнила бы желание толстухи, если бы знала как. Памелла грузно шагнула в их сторону. В глазах смешались мольба и ярость, лицо пылало гневом. Нортон подумал: будь у нее сейчас ружье, она бы выстрелила, не помедлив и секунды. Впрочем, если Теннесси права, смерть от пули сумасшедшей — не самый плохой конец. Всяко лучше, чем быть разорванным на молекулы гравитацией испуганных сурков и растянуться по плоскости Вселенной.

Он приподнялся, заслоняя Теннесси и выставив перед собой ружье. Нервы звенели как перетянутые струны. К счастью для Памеллы, она остановилась. Сурок в руках Теннесси совсем очумел и свистел «Help!» что было мочи. Оставшиеся кошки, не вынеся издевательства над своим утонченным слухом, поспешили убраться из сарая. Бежали, как крысы с тонущего корабля. Вот только от растягивающейся Вселенной никуда не убежать...

— Люси, — проскулила Памелла. — Бедняжка моя. Когда я играла Бетховена, она ложилась у ног и мурлыкала в такт. Где она?

Люси в небе... Нортон нашел в себе силы усмехнуться. Опять «Битлз». Кошке, которая так любила Бетховена и Моцарта, должно быть обидно.

Моцарта?

Нортон посмотрел на сурка. Проклятие! Почему бы и нет? Терять-то нечего, а ждать бессмысленно. Уже сейчас Вселенная растягивается. Быть может, им остались считанные секун-

ды. Теннесси ведь говорила, что сурки свистят в такт — им только дай мелодию. На кошку это должно подействовать. С ее вкусами она сбежит оттуда сломя голову. Шансов, конечно, один на миллиард, но все-таки есть вероятность, что сработает.

Нортон выхватил из рук девушки верещащего «Битлз» зверька. Сил и слов ответить на изумленный взгляд не хватило. Доковыляв до генератора, он бросил сурка в аквариум, в котором исчезла кошка. Двигатель чавкнул, и зверек пропал. Громко засвистел вырывающийся пар, заглушая звон бьющегося стекла. Один за другим бутыли и аквариумы лопались, рассыпаясь в блеске осколков. Острый кусочек стекла впился в руку. Оставалось только надеяться, что все это следствие выстрела Памеллы, а не растяжения Вселенной.

Нортон схватился за рычаг.

— Как переключить? — крикнул он и, не дожидаясь ответа, дернул рычаг в противоположную сторону.

Громко хрустнув, рычаг сломался и остался в руке. Нортон, растерянно моргая, уставился на бесполезную железяку. Черт бы побрал эти старые «форды» с их трехступенчатой коробкой...

За стенами сарая раздался оглушительный грохот. Нортон невольно обернулся. Из клубов пара и пыли в сарай вкатилась гипсовая жаба и замерла, лежа на боку, с видом изумленным и глупым. Проклятие! За грохотом удара следующей рухнувшей башни он не услышал крика Теннесси. Сердце Кинетического Дома лопалось, и он разваливался. Шалтай-Болтай свалился во сне...

Нортон вцепился в огрызок рычага и навалился всем весом, пытаясь сдвинуть. До крови прикусив губу, он пытался еще и еще... Сзади подскочила Теннесси, но и вместе у них ничего не вышло. Нортон обернулся на Памеллу. Толстуха так и продолжала стоять, тупо качая головой как болванчик. Помощи от нее ждать бессмысленно.

— Ружье! — крикнула Теннесси. — Плечо рычага...

Второй раз повторять не потребовалось. Идиот. Мог бы и сам догадаться. Схватив винчестер, Нортон прижал дуло к остаткам рычага и нажал что было сил. Рычаг с хрустом сдвинулся.

Мотор взвыл, заглушая прочие звуки. И все же краем уха Нортон услышал далекий свист. «Help!»... Музыку сфер. А может, ему только померещилось.

Раздался громкий хлопок, и на травяную подстилку упала пропавшая кошка. Выглядела она ужасно, будто вернулась из ада. Каждая шерстинка стояла дыбом, а глаза вываливались из орбит. Страшно подумать, что ей пришлось пережить. Нортон понял одно: если бы кошка могла хихикать, она бы хихикала.

Аквариум гулко лопнул, и кошка покатилась по полу.

— Люси! — взвизгнула Памелла.

Она бережно подняла обезумевшую кошку и прижала к груди. Та лишь поскуливала. Памелла зашептала что-то ей на ухо и, не оборачиваясь, направилась к выходу.

Генератор сорвался на тонкий визг. Нортон схватил Теннесси за руку.

— Быстрее, — крикнул он. — Пока...

Договаривать не пришлось. Держась за руки, они побежали, у самого выхода налетев на Памеллу. Толстуха явно не ожидала удара со спины — им удалось оттолкнуть ее достаточно далеко.

Как раз вовремя. От взрыва земля под ногами вздрогнула, и в то же мгновение на сарай обрушилась одна из башен, в падении разваливаясь на части. Нортон и Теннесси, не сбавляя хода, бежали прочь от сарая, пока не врезались в живую изгородь.

Развернувшись, Теннесси сползла на землю, прижимаясь спиной к кустам олеандра. Дышала она тяжело и громко. Сердце рвалось из груди — девушка прижала ладонь, словно пытаясь его удержать.

Нортон рухнул рядом, жадно глотая воздух. Легкие пылали, готовые разорваться. Он посмотрел на руку, отрешенно отметив, что та вся в крови от многочисленных порезов. Теперь еще долго придется выковыривать осколки стекла...

Нортон взглянул на девушку. Несмотря на то, что у нее на глазах разрушался ее дом, Теннесси радостно улыбалась.

— Ловко, — сказала она. — Если ты не заметил, ты только что спас мир...

— Бывает, — улыбнулся в ответ Нортон. — Такая штука этот мир. Вселенная тоже как Шалтай-Болтай. И за ней тоже нужно присматривать. Иначе вся королевская конница...

Сотрясая землю, рухнула последняя башня. Круглое фанерное лицо покатилось, точно огромное колесо, подскакивая на ухабах. Теннесси помахала ему на прощание.

— Да, кстати. — Нортон глубоко вдохнул. — Мне показалось, или сегодняшний вечер у тебя не занят?

Татьяна Апраксина
ДВЕ МЕЧТЫ РУДО ШРОСТА

Третью ночь Рудо шел на юг один, третий день отсыпался, как змеи и ящерицы, под жидкой тенью камней и кустарника. Низкое, раскаленное добела небо светило все злее и злее. В предночный час горячий воздух поднимался вверх, и кромка остывающего небесного свода казалась громадным костром. Плясали языки пламенного зарева, выжигая и без того душный раскаленный воздух.

На четвертую ночь сухая степь обернулась пустыней.

Спускаясь с бархана, Рудо причуялся. До сих пор ему удавалось находить источники воды. Зов инстинкта безошибочно вел его от одного жалкого ручейка до другого, пусть и приходилось идти не строго на юг, а то и дело меняя направление. Возле каждого оазиса он благодарил святых Окберта и Теодора, силой молитвы которых людям было даровано знание путей и источников. Без этих чудес Рудо не выжил бы в пустыне.

Рудо манила Предельная пустыня — даже не сама она, а тот мифический предел, за которым якобы ничего нет. Говорили, что там — стена тумана, говорили, что стена огня, говорили, что бездонная пропасть, что горы высотой до неба. Говорили, говорили, говорили... а Рудо хотел — увидеть.

Еще в детстве они с братом свернули карту обитаемых земель в трубочку, так, чтобы Пределы юга и севера, песчаная и снежная пустыни сошлись край к краю. Те края, на которых

© Т. Апраксина, 2007

были Предельные океаны, нелепо торчали, и тогда Рудо взял нож и нарезал твердую упрямую бумагу так, чтобы ее можно было скрепить. За испорченную карту — дорогую, бумажную — отец приказал их выпороть. Следующую карту они сделали из тыквы, выцарапав на ней контуры материка и островов.

Картой из тыквы, над которой братья-погодки мудрили не один день, заинтересовался священник. Объяснениям Рудо он покивал, потом улыбнулся и объяснил, что мир устроен вовсе не так, а придумка их годится разве что для забавы. Мальчишкам мир-тыква скоро наскучил, тыква сморщилась и загнила, слуги ее выбросили.

Вспомнилась давняя забава спустя десяток лет.

Сколько еще идти по пустыне и что там за ней, Рудо не знал. Может быть, вечно накаленные светом небесным каменные поля, может быть, спекшийся до стекла песок. Пока что пустыня, казавшаяся мертвой и бесплодной, кормила и поила его. Надолго ли это — Рудо не знал тоже. Ничего он не знал, кроме того, что будет идти, пока чутье не подскажет, что воды впереди больше нет, и еще столько, чтобы опустошить два бурдюка из трех. Тогда придется повернуть назад.

При взгляде на иссиня-белое злое небо перед глазами начинали плясать радужные пятна. Рудо прикрывал лицо краем плаща и заставлял себя спать до вечерних сумерек, потом поднимался, растирая затекшие руки и ноги. Вылезал на край спальной ямы — песок осыпался под каблуками сапог — и вновь шел, шел, шел...

Спутники отказались идти дальше на исходе второй седмицы. «Мертвецам золото не нужно», — ответил старший из проводников. Спорить с ними смысла не было, да и они были правы во всем. Жадное упрямство, гнавшее господина на юг, они разделить не могли. Оруженосца Рудо сам отослал с ними: не хотел для мальчишки испытаний, которые выбрал для себя.

На исходе шестой ночи Рудо понял, что воды больше не найдет.

Он вырыл очередную неглубокую, по колено, яму, улегся в нее, накрылся плащом и попытался заснуть. Сегодня у него впервые не болели ноги после ходьбы по песку. Привык. Но

теперь это никому не было нужно. Воды осталось еще на один переход, набранных накануне жестких бурых кореньев — на столько же. Впереди был все тот же песок, до самого горизонта. Если и существовал Предел юга, то Рудо до него не добрался. Точно так, как ему все и говорили — отец, брат, проводники...

Наступало утро, сверху уже веяло жарой. Пустыня замолкала, затаивалась в ожидании ночи. После шести дней пути в абсолютной тишине Рудо научился различать шелестливое скольжение змеи, испуганный писк крохотной песчанки, сердитое стрекотание потревоженных насекомых. Свист крыльев — незнакомая ему желто-бурая хищная птица пикирует вниз, потом поднимается, унося в когтях змею, так и не успевшую закусить.

Жизнь здесь была, а вот воды больше не было. Весь запас влаги был сосредоточен в бурдюке под головой Рудо.

Снов он не видел с того самого дня, как остался один. Просто погружался в темное, свежее, влажное забытье. Словно сон переносил его далеко на север, туда, где от лесного ручья до озера — не больше тысячи шагов, где сочные травы поднимаются к началу осени в рост, где идут затяжные дожди, а о ценности прозрачных капель не думает даже последний нищий.

Должно быть, он все же ухитрился задремать, потому что услышал голос. Открыл глаза, откинул полу плаща и ахнул, понимая — сон, сон, ничем, кроме сна, это быть не может...

В паре шагов от него, скрестив ноги, сидел мужчина в побуревшей от солнца одежде, такой же, как у Рудо — мешковатые штаны из плотной холстины, эскофль с длинными широкими рукавами и шаперон с обтрепанным хвостом. Рядом лежал аккуратно сложенный плащ, буро-коричневый, тоже не новый.

— Экий ты упрямец, Рудо, — сказал человек, заметив изумленный взгляд путника. — Ну вот дошел бы ты — и что?

— Уйди, Противостоящий! — Рудо приложил ладонь к сердцу, как учил священник, и неожиданно для себя прибавил: — Без тебя тошно.

Видение не исчезло и даже не вздрогнуло, только улыбнулось нахально, показав белые на смуглом лице зубы. Должно быть, в этих необитаемых чужих землях мало было одного слова и ритуального жеста. «Теперь не отвяжется... — тоскливо по-

думал Рудо. — Ну что б ему не пристать к монахам, я-то ему зачем сдался?»

— Я не тот, за кого ты меня принимаешь.

— Ну да, разумеется. Ты просто мимо шел.

— И еще раз тебе говорю: ты ошибаешься, Рудо, — колючкой в мягко-насмешливом голосе — властная надменность.

Сотворивших всегда изображали иначе. Супруг и спутник Матери всего сущего, Воин — грозный рыцарь в ослепительно белом доспехе, статный и величественный. Таким он являлся святым и многим другим, обращавшим молитвы к Сотворившим. Смуглолицый насмешник в выжженном солнцем плаще — неужели это может быть он? И чем Рудо заслужил такую честь?..

Карие глаза с золотистыми прожилками ехидно сверкнули задумавшемуся Рудо, гость едва заметно кивнул, и юноша вновь усомнился. Не может такого быть, просто не может. Воину не место в этой забытой всеми окраинной земле, а младший сын владетеля Шроста — не святой, не великий герой, чтобы удостоиться такой чести. Гость склонил набок голову, прищурил левый глаз, разглядывая парня, как котенка, играющего с мотком ниток, потом вновь заговорил:

— Так зачем тебе нужно дойти до конца мира? Разве мало обитаемых земель? Ты все уже успел повидать? Был и на крайнем севере, и на дальнем западе?

— Нет, — пожал затекшими плечами Рудо. — Не успел. Мир велик...

— Именно что, — кивнул смуглый. — Мир велик, и в нем хватает более уютных уголков, так что ж ты делаешь в этих забытых всеми землях? Ищешь край света, я знаю. А зачем?

Рудо уставился на край ямы, в которой так и сидел, прикрыв колени плащом. Этот вопрос ему уже задавали сотню раз, и путник накрепко выучил нехитрую истину: бессмысленно объяснять кому-то свои чувства, желания, мысли. Не поймут, и хорошо, если не поймут молча, не высмеивая.

— Не твое дело, — буркнул он наконец. — Хочу и иду.

— А как же твой долг, Рудо? Перед отцом, перед братом? Перед невестой?

— Мой долг — мое дело, а не твое.

Упоминание о невесте все же досадило. Долг преданного сына — жениться по выбору отца. Все так поступают, и Рудо не исключение, но упрямство отца, который хотел непременно устроить жизнь и для младшего, казалось непонятным. Зачем младшему жениться, если владение Шрост перейдет к брату? Рудо с отцом не спорил. Он был согласен жениться. Потом. Когда вернется из путешествия на юг. Невеста подождет.

— Упрямец ты, Рудо, — еще раз повторил незнакомец. — Ну, допустим, дойдешь ты до края — и что?

— Увижу. — Рудо пожал плечами.

Собственная мечта вдруг показалась глупостью, юношеской забавой. Нужно было дождаться сумерек, встать и идти на северо-восток, к ближайшему источнику, а потом — назад, той же дорогой, что пришел сюда. Отец стар, и хоть не утратил и толики упрямства, сильно ослабел здоровьем. Брату нужен надежный помощник. Домой. Пора возвращаться домой...

— Ну что ж, пойдем. — Смуглый поднялся, не опираясь на руки, и протянул Рудо ладонь.

Ладонь оказалась широкая и гладкая, словно отполированная песком.

Идти пришлось недолго. Вскоре из-за горизонта поднялась огромная стена серо-серебристого тумана. Верхняя кромка туманной стены истончалась, белела и смыкалась с белым жарко пышущим небом. Сначала Рудо показалось, что до нее дни и дни пути, но уже шагов через сто — смуглый спутник так и вел парня за руку — оказалось, что она совсем близко. Путник принюхался. От серебристого колышущегося тумана веяло не сыростью, не речной свежестью, а все тем же раскаленным жаром. Рудо попытался шагнуть еще ближе, но смуглый удержал его, крепко сжав ладонь.

— Сгоришь, — коротко сказал он.

Рудо посмотрел вверх, потом — по сторонам. Протянул свободную руку к совсем близкому туману. Показалось, что собрался прикоснуться к каминной решетке: то же сухое, упругое тепло. Точно и не крохотные серебристые песчинки парили перед ним в воздухе.

— Значит, все правда, — сказал Рудо, устав смотреть на суматошный танец песчинок. — Все как в Книге Сотворивших. «И положен миру предел, и не пройти за него ни человеку, ни порождению рук его, ни твари дикой...»

— Правда, — сказал спутник. — И истина. Вот тебе твой предел мира, смотри.

На душе было пусто и скучно. Рудо еще раз протянул пальцы к стене серебристого тумана, потом поднес их ко рту, послюнил и опять приблизил к пределу. Слюна мгновенно высохла, удерживать руку стало больно.

— Ну что, доволен? — усмехнулся спутник. — Ты мечтал о том, что выйдешь на севере, среди льдов? Или найдешь новую землю?

— Да нет. — Рудо пожал плечами. — Я просто хотел все увидеть сам.

— И что же ты теперь будешь делать?

Рудо оглянулся на него — смуглого, насмешливо сверкающего зубами. Спутник был намного старше, и перед ним парень чувствовал себя так же неловко, как перед отцом. Пусть даже это и был сон, не важно. Сон? А сон ли?..

— Ты не спишь, Рудо, — откликнулся на немой вопрос смуглый. — Знай это. Если решишь вернуться, то услышишь о мираже, которые нередки в пустыне, о чудном сне. Тебя и лжецом назовут не раз — ты же не верил другим...

— Если?.. — удивленно переспросил Рудо. — Не буду ж я жить тут...

— Тут жить нельзя, — согласно отозвался спутник. — Возвращаемся?

Рудо уже собирался было сказать: «Да», но тут на него накатило. Все вдруг показалось дурным и тошным, словно жара напекла голову, словно он забыл хлебнуть воды перед дорогой — а ведь и вправду забыл, но не в этом было дело. Просто никакого больше смысла не было. Ни в чем. Возвращаться, оставаться, умереть здесь, добраться до дома и жениться... да не все ли равно теперь, когда сбылась мечта? Зачем дальше жить? Проще шагнуть в эту убийственную жаркую стену.

К горлу подкатил рвотный спазм. Рудо не отравился корнями или несвежей водой, он просто достиг своей цели. Оказалось, что в ней не было никакого смысла. Мир был ограничен со всех четырех сторон, его можно было познать, исходить от одного Предела до другого. На карте нет белых пятен, и ее ни к чему наклеивать на тыкву, чтобы замкнуть в кольцо. Это знают все, даже дети, и только одному глупцу понадобилось проверять известное на собственной шкуре! За раскаленной пустыней была лишь стена — никаких неведомых земель, никаких сказочных стран.

— Так уж устроен наш мир, и другого у тебя нет, — сказал смуглый. — Теперь ты понимаешь, почему Пределы отделены непроходимыми пустошами?

— Но мы же дошли... — простонал парень, отирая с губ горькую желчь.

— Это было первое чудо для упрямца Рудо. Хочешь еще чего-нибудь?

— Ничего я больше не хочу... — и тут же понял, что лжет, что не вынесет позорного возвращения домой, сочувственной улыбки брата, снисходительного молчания отца.

Брат выслушает и скажет — «от жары и не такое мерещится»; невеста будет восхищаться вслух, посмеиваться с подружками и плакать в подушку: у всех женихи как женихи, а у нее — ударенный по голове, чудак. Не расскажешь, не докажешь — все так, как сказал нежданный пришелец. Действительно, чудак. Или попросту дурак.

Нужно было просить Того, Кто пришел к Рудо, кто показал ему недосягаемый предел, совершил чудо, о даровании если не доказательства, то хотя бы новой надежды, новой цели в пути — но просить было невозможно. Горькая, как желчь, гордость запечатала губы.

— Ничего не хочешь? — передразнил гость. — Ну, поглядим, какой из тебя аскет...

Твердая рука Воина подняла Рудо с колен — легко, как мешок с шерстью, — развернула лицом к раскаленной стене тумана и толкнула вперед.

* * *

Рудо пролетел пару шагов, давясь собственным криком... и упал носом в сугроб. Снег, холодный, колючий, немедленно набился в рот и за шиворот, в рукава и под воротник шаперона. Парень поднялся. Глазам верилось с трудом. Они слезились от попавших снежинок, слепли от бесконечной, простиравшейся во все стороны белизны.

В лицо ударил ледяной ветер, глаза вновь заслезились.

Рудо вычуял направление и побрел на юг, к лесу, маячившему на горизонте.

Он очень надеялся, что встретит охотников прежде, чем замерзнет. Мечтал о домике в лесу, о запасе дров и котелке, в котором можно растопить воду, о ночлеге под крышей.

Эта скромная сиюминутная мечта вдруг показалась гораздо важнее, чем огромная предыдущая.

«В году же три тысячи двенадцатом от сотворения случилось так, что Рудо, младший сын владетеля Шроста, ушел в Предел юга, чему было восемь свидетелей, коих Рудо оставил на границе пустыни, вышел же из Предела севера, чему было шестеро свидетелей. Тех же, кто пробовал повторить его деяние, более не встречали...»

Шимун Врочек
ЧЕЛОВЕК ИЗ ГОЛЛИВУДА

Глава 1
«Окаменевший лес»

Лоретт включила 61-й канал, старые фильмы. Если повезет, сегодня она увидит Бадди. Если не очень повезет, увидит себя — какой была шестьдесят с лишним лет назад. Блондинка. Аккуратный носик, ясные глаза. Тогда в Голливуде с ума сходили по блондинкам. Немного таланта, немного везения, вовремя раздвинуть ножки — и ты уже на вершине. Или рядом. Играешь небольшую роль в фильме с Бадди Рукертом и Авой Гарднер. Тебя убивают на двадцать второй минуте. Полный успех.

Бадди носил туфли на толстой подошве, чтобы в кадре выглядеть выше. Студия настаивала. Герой, образец мужественности, не может быть ниже ростом, чем его партнерша. Глупцы! Идиоты. Бадди сводил бы женщин с ума, даже будь он волосатым карликом-имбецилом. От него всегда пахло джином и табаком. Надежный запах. Бадди приходил на съемку с похмелья, опухший, как покойник. Перед ним ставили таз со льдом. Опускаешь лицо на несколько минут и выглядишь слегка воскресшим. Дымил не переставая, вот и умер в пятьдесят седьмом от рака горла. Но, черт возьми, как элегантно он это делал!

И ему нравились высокие девушки на высоких каблуках.

Бабник проклятый. Трахал все, что движется.

© Шимун Врочек, 2007

Она недовольно повела плечами, поймала себя на этом и усмехнулась. Надо же. Сколько лет прошло, а она все еще ревнует.

Отыграла музыка, лев с заставки «Метро-Голдвин-Майер» лениво прорычал. Лоретт помнила Майера — длинный худой человек, обращался с актерами так, словно те были его собственностью. Студийная система. Узаконенные рабы на кинематографических плантациях. Про нее Майер сказал: «Говорить не может, играть не умеет, поет без слуха, но — невероятно сексуальна!» И Лоретт Бэйкон подписала контракт на семь лет рабства. Через полтора года она выскочила замуж. Именно выскочила, иначе как попыткой бегства это не назовешь. Он был звезда, она — старлетка. Его родители и студия были против. Майер бесился. Кричал на новобрачных, как на подростков. Лоретт усмехнулась, вспоминая. Что ни говори, приятно было наставить студии рога...

Брак состоялся. Счастье — увы, нет. Муж пропадал на съемках, постель холодела. А потом на студии появился Бадди, только-только выбившийся на главные роли. Раньше он играл гангстеров — это чувствовалось в каждом движении.

Невысокий, очень внимательный. Излучает опасность. Держится так, словно в кармане у него автоматический пистолет.

На экране плавно сменялись черно-белые картинки. Лоретт следила сквозь полуприкрытые веки. Зрение давно уже не то, но кое-что она разберет. Ей не нужно видеть Бадди, достаточно только чувствовать его присутствие. Такое физическое ощущение. Внезапно, без всякого перехода, Лоретт ударилась в панику. Что за фильм сейчас идет?! Она не помнит, хотя недавно смотрела программу. Мокрая тяжесть внизу живота. Надо было спросить у Ивен, а не полагаться на память. Глупая старуха, сказала она себе, держи свой мочевой пузырь под контролем. И чувства держи. В тебе есть сталь, даже Майер это признал.

«Много стали в твоем проклятом характере, Лоретт».

Она почти наяву услышала, как ее передразнивает Бадди — смеясь, по своему обыкновению. Лоретт спустила ноги с кровати; кряхтя, села. На ощупь сунула ноги в шлепанцы. С годами не становишься лучше. Радости забываются, а горести откла-

дываются в костях, как свинец. Поэтому, говорят, старики такие тяжелые. А ведь когда-то Лоретт Бэйкон была легка на подъем, словно быстроногая лань. Она встала и пошла. Суставы болят. Лань с радикулитом. Уже взявшись за ручку туалетной комнаты, Лоретт бросила взгляд на экран.

Потянула ручку и остановилась. Замерла. Не может быть.

В телевизоре — стеклянная дверь с надписью «Спейд и Кремер. Детективное агентство». Кадр сменяется. В кресле сидит, закинув ноги на стол, человек в темном костюме в полоску, в сером галстуке. В руке дымится сигарета. Белые росчерки дыма на темной стене — как автографы.

Высокий лоб с залысинами, черные волосы. Лоб с морщинками.

Человек поднимает глаза, смотрит с экрана прямо на Лоретт и говорит:

— Да, прелесть моя?

Лоретт вздрагивает и одними губами произносит: черт.

Смена кадра. На самом деле человек обращается к брюнетке, прислонившейся к двери. Платье из шерсти облегает тонкую гибкую фигурку. Это секретарша Спейда. Кажется, ее играла Элла Джонсон? Бенсон? — Лоретт не помнит.

— Там к тебе девушка, — говорит брюнетка игриво. — Ее зовут Ева Уондерли.

— По делу? — Человек поднимает брови.

— Кажется. Но посмотреть на нее стоит в любом случае: красотка, каких поискать.

Знакомая усмешка половиной рта. Бадди, чертов ты бабник, произносит:

— Тащи ее сюда. Немедленно.

Он успевает поправить галстук и затушить сигарету, прежде чем в дверях появляется блондинка. Она в темно-сером костюме с юбкой, в шляпе, похожей на мужскую. Из нагрудного кармана выглядывает платок. У блондинки открытая шея, прекрасные губы и вообще она «невероятно сексуальна».

Человек вздрагивает, как от удара электричеством.

Лоретт смотрит, не отрывая глаз. Стоит, не обращая внимания на горячую пульсацию внизу живота. Давление в почках и

рези ее не волнуют. «Окаменевший лес». Единственный фильм, в котором юная Лоретт сыграла вместе с Бадди. Критики разнесли фильм в пух и прах, отметив только их дуэт. А ведь у нее даже не главная роль.

— Итак, — говорит Бадди. Ему за сорок, он женат, и у него в глазах мерцают огоньки. — Чем могу служить, мисс Уондерли?

Резь становится нестерпимой. В следующее мгновение она слышит хлопок, и горячая волна обжигает ноги. Это похоже на маленький теплый взрыв. «Бадди», — думает Лоретт, прежде чем упасть в затемнение.

Монтажная склейка: 22:03:16:88

Я едва успел спрятаться за портьеру. Толстый главарь включил лампу и повернулся — меня он не заметил, но я разглядел его хорошо. Круглое лицо с раздвоенным подбородком, вывернутые, как у негра, толстые губы. Глаза круглые и такие маленькие, что их можно закрыть центовыми монетами. Главарь улыбнулся Еве Уондерли — улыбкой библейского змея; монеты холодно блеснули в полутьме.

— Рад вас видеть, моя сладкая, — сказал он приторно.

— Что вам нужно?

Я опустил руку в карман и мысленно выругался. В кармане было пусто.

— Вы сами знаете, — сказал главарь. Высокий гангстер шагнул вперед, протягивая руку. Маленький хмыкнул, продолжая подкидывать монету.

Ева вздернула подбородок. В руке у нее появился армейский пистолет 45-го калибра. Мой пистолет. Я подался вперед. В следующее мгновение раздался выстрел, но стреляла не она. Ева покачнулась, повернулась в мою сторону, на секунду я увидел ее лицо. Она закрыла глаза и упала на ковер. Бедная маленькая глупая птичка.

Маленький гангстер усмехнулся. Из дула его револьвера струился дымок.

— Идиот! — сказал главарь в раздражении. — Что ты наделал?

Я остался стоять. Когда они ушли, я вышел из-за портьеры. Опустился на колени перед мисс Уондерли. Перед Евой. Не

знаю, сколько так пробыл. Я вынул пистолет из ее руки и положил в карман своего плаща. «Ради твоих глаз, детка».

Я вышел под дождь. Раскаты грома оглушали меня, молнии ослепляли. Струйки воды стекали по моему лицу. Я шел вниз по улице. Бурлящие потоки исчезали в сточных решетках. Есть черное, есть белое. Я провалил дело и должен вернуть долги. Все, как обычно.

Глава 2
Кинотеатр «Маджестик»

Это был ненастоящий коп. Положительный, словно из рекламного ролика. Карамель, а не едкий уксус. И он был шоколадного цвета. Первый цветной коп на его памяти.

— Простите, сэр, но здесь нельзя курить, — сказал полицейский.

Спейд затушил сигарету.

— Ваше имя?

Спейд назвался.

— До чего ж похожи, — сказал полицейский. — Просто не верится. Давно этим занимаетесь?

Спейд пожал плечами. Достал из кармана кисет, бумагу и скрутил сигарету. Это просто, когда умеешь, хотя выглядит чертовски сложным. Вставил готовую сигарету в угол рта, посмотрел на полицейского.

— А вы как думаете, офицер?

Тот невольно рассмеялся.

— Ловко вы!

Спейд улыбнулся в ответ.

— О да.

— Вообще-то я должен вас оштрафовать за курение в общественном месте... но уж очень здорово вы это делаете. По-настоящему. Не то что другие. Вы приехали на конкурс?

— М-м? — Спейд не понял, о чем говорит полицейский, но решил подыграть. Всегда лучше иметь козыри про запас.

— Конкурс, конечно! Как вам наш город?

— Я еще мало видел.

— Заблудились? Хотите, я вас провожу? Здесь недалеко.

— Почему бы и нет? — Спейд поднялся.

Карамельный коп привел его к кинотеатру под названием «Маджестик». Спейду на миг показалось, что он вернулся обратно. За стеклянной стеной играл оркестр. В глазах мелькало от твидовых пальто, мягких шляп, кепок и серых плащей. Костюмы в полоску, туфли с лаковыми носами, рубашки с подвернутыми рукавами потоком вливались в фойе, оживленно переговариваясь. Звучал смех. Спейд помотал головой. Это была неправда. Абсурд. Он вернулся назад, чтобы увидеть, как его оживший гардероб идет в кино? Спейд поднял голову и встретился взглядом с самим собой, изображенным на огромном плакате.

«Бадди Рукерт», гласила надпись.

— Дадите мне автограф? — сказал полицейский, протягивая блокнот и ручку.

— Конечно. Совсем забыл. — Он слышал, звезды кино делают это постоянно. — Как вас зовут?

Он написал «Фреду, настоящему полицейскому, от Джо Спейда» и поставил закорючку. Возможно, копу требовался автограф Рукерта, но он ведь не Рукерт. Полицейский расцвел.

— Спасибо, сэр! Удачи! Закуриваете вы точно лучше всех. Только не увлекайтесь, прошу вас. Бадди умер от рака горла, вы же знаете...

— Конечно, знаю, — ответил Спейд. Информация подавалась как давно известная.

Когда полицейский ушел, Спейд вновь закурил, щурясь от дыма и согреваясь от сигареты. Легкие наполнились теплом. Предстоит во многом разобраться. Поток иссяк, в кинотеатр втягивались последние опоздавшие. Пробежала девушка в чем-то коротком и летнем.

Спейд проводил ее взглядом. Очень хорошо. Он не спал всю ночь и промок насквозь, словно бездомный пес — и теперь сначала пойдет внутрь, перекусит (он слышал слово «банкет») и потом уже поработает головой как следует.

На входе в кинотеатр висели цветные рекламные плакаты фильмов — в основном с тем же Бадди в главной роли. Спейд ни одного не видел — хотя неудивительно, он редко ходил в

кино. Даты на них стояли разные. И тридцать девятый. И пятьдесят четвертый. Перед плакатом, датированным сорок шестым годом, Спейд простоял дольше всего — щурясь и вспоминая. Значит, вот как сложилось.

Спейд докурил сигарету и пошел к урне, чтобы выбросить окурок. Тут его окликнули:

— Эй, друг!

Прежде чем обернуться, Спейд опустил руку в карман. Пистолет под пальцами был холодным, как долгие зимние похороны.

— Эй, друг, есть монета? — спросил бездомный.

— Нет, — сказал Спейд, разглядывая надпись у того на груди. «Если хочешь просветления, отсоси у будды».

— Ерунда! Друг, не жмись.

Спейд подумал.

— У меня есть сто долларов, — сказал он.

— Годится! — обрадовался нищий. — Я возьму.

Спейд покачал головой.

— Эта сотня дорога мне как память.

— Ну ты и скряга!

— Угу. Мне нужна информация.

— Да пошел ты!

Спейд шагнул вперед. Сгреб нищего за грудки и хорошенько встряхнул. Голова бродяги мотнулась. Запах от него шел, как из канализации. Надо будет вымыть руки, подумал Спейд.

— Что ты сказал, мразь?

— Ты что, никогда не слышал про политкорректность? — Когда бродяга открывал рот, оттуда несло, как из сточного колодца. — Такая штука. Меня нельзя называть «мразью»... Подожди! — закричал бродяга, когда Спейд замахнулся кулаком. — Подожди!

— Мне нужна информация, а не остроумие, — сказал Спейд. Бродяга выставил грязные ладони.

— Ладно тебе, друг, не заводись. Я просто пошутил. Что ты хочешь узнать?

Спейд отпустил его.

— Для начала: как тебя зовут?

— Рокки. Это потому, что я здоровый.

Спейд решил ничему не удивляться. Здоровый, так здоровый — хотя он даже ни разу не приложил его кулаком.

— Слушай, друг, я с тобой как в фильме побывал, — сказал Рокки. — Ну ты и крутой. Во мне фунтов на тридцать побольше, а тебе по хрену. Ты бы и на терминатора попер, я же вижу. Настоящий Бадди. Он умер от...

— Я знаю, — сказал Спейд. Помешались они на этом, что ли? — Хочешь сигарету?

— Я не курю. Вредно для здоровья.

Спейд поднял брови, но промолчал.

— Эй, друг, а ты малость повыше, чем я думал. Я слышал, Бадди был совсем коротышкой. Даже ниже Тома Круза.

— Может быть. — Это Спейда не волновало. — Но я не Бадди. И не Том Круз. А теперь рассказывай...

Он спросил про «Маджестик». История оказалась короткая и странная. Когда-то это был студийный кинотеатр «Метро-Голдвин-Майер», но потом, когда система студий начала давать сбой, его продали. Следующий владелец едва сводил концы с концами и, наконец, разорился окончательно. Потом здесь крутили порнушку и ужастики и устраивали какие-то странные шоу. Там, под сценой — хренова куча сломанных манекенов. А за экраном однажды, когда шла очередная порнушка, повесился то ли монтер, то ли оператор.

Его не сразу обнаружили, сказал Рокки. Так и висел, пока не протух. Потом какие-то шутники вывесили за экран один из манекенов, наполнив краской. Вот это был скандал, когда кровавое пятно расползлось по белому экрану. Прямо во время какой-то немецкой порнушки. Я, я, даст ист фантастиш.

А недавно кинотеатр отремонтировали. И устроили здесь показ фильмов Бадди Рукерта и вот сейчас конкурс двойников. «Тебе ли об этом не знать, друг?» — сказал Рокки. «Я знаю, — ответил Спейд. — И еще вопрос. Что это за плакат?» Выслушав ответ, Спейд спросил, как лучше добраться отсюда до Мемфиса.

— Теперь ты дашь мне сто долларов, друг? — спросил Рокки, когда все закончилось.

— Нет. Они мне дороги, я не шутил. Мне дала их одна женщина — за работу, с которой я не справился.

— И как зовут эту женщину?

Спейд затянулся горьким дымом. Потом сказал:

— Лоретт.

Мягко просвечивающее через кадр лицо женщины.

Она в шляпе, похожей на мужскую. Светлые волосы собраны сзади в два кокетливых хвостика. Прекрасные губы. Линия шеи подчеркнута рубашкой и черным галстуком. Старый Голливуд. Бабушка тогда смотрелась просто убийственно. Ивен вздохнула и поставила фотографию обратно на шкафчик — рядом с пластиковыми баночками и фотографией отца и матери.

Будь она вполовину так красива, уж она бы... Ивен вздыхает.

В палате, куда положили бабушку, всегда интересный запах. Не лекарственный. Не стариковский, хотя стариков здесь хватает (Лоретт имеет привычку называть вещи своими именами). Не цветочный, хотя и в цветах недостатка нет.

Едва заметный запах джина и табака.

Только что ушли полицейские, которые тоже принюхивались.

Ивен поднимается со стула — поправить одеяло. Лоб у бабушки белеет в полутьме, на нем выступили капли пота. Поэтому Ивен отжимает платок и промакивает пот. Морщины. Седина.

Лоретт открывает глаза. Смотрит на внучку.

— Девочка, — говорит бывшая звезда. — Когда он появится, не забудь надеть туфли. Ему нравятся девушки на высоких каблуках.

— Кому, бабушка? — Ивен думает, это бред.

Молчание. Лоретт откидывает голову на подушку и впервые после покушения засыпает спокойно.

Короткая нарезка

— Смотрите, что этот сукин сын мне оставил! — говорит человек, в котором можно узнать одного из двойников Бадди — помятого, с синяком под глазом. Двойник одет во все серое. — Он забрал мой костюм, а тот обошелся мне в полторы тысячи. И еще это.

— И что? Сотня, конечно, старая, но в банке у тебя примут.

— Шеф, откройте глаза. Посмотрите как следует!

Он берет и смотрит. Водяные знаки на месте, защита, выпуклый шрифт. Стоп. Шеф меняет угол так, чтобы свет падал по-другому. Потом говорит «вот дерьмо».

Не зеленая. Даже не серо-зеленая. Просто серая.

— Фальшивка. — Начальник полиции тянется через стол к телефону. Подносит трубку к уху и говорит в задумчивости: — Вот наглый сукин сын. Он ее, что, на ксероксе распечатал?

— Ага, — говорит двойник. — И рубашку с галстуком — тоже.

Рука с поднятым большим пальцем на фоне автострады. Короткие черные волосы. Приближается розовая машина в прозрачном мареве.

— Да, понял... Что?.. Приметы? — Начальник полиции убирает трубку от уха и смотрит на побитого двойника Бадди.

— Так какой, говоришь, у тебя был костюм? — спрашивает шеф.

Спейд, выходящий из розовой машины в белой рубахе с закатанными рукавами и в щегольской шляпе. Рубаха расстегнута на две пуговицы, коричневое пальто переброшено через локоть. Спейд выглядит как гангстер времен Капоне — но гангстер на отдыхе.

— Спасибо, детка, — говорит он и прикладывает два пальца к шляпе.

В машине хихикают на два голоса.

На указателе высоко на фоне голубого неба — белые буквы: Мемфис.

Глава 3
Две женщины

— Он здесь, — сказала Лоретт. — Я позвала, и он пришел.

Ивен только вздохнула. Зазвонил телефон.

— Еву?.. Нет, Евы здесь нет... — Ивен взяла трубку. — Кто ее спрашивает?.. Джо Спейд, частный детектив. Бабушка, ты его знаешь?.. Нет, Евы здесь нет... я повторяю... да, ошиблись. Нет, спасибо... До свидания.

Лоретт посмотрела на внучку.

— Надень шпильки, — сказала она серьезно. Ивен не знала, смеяться ей или плакать.

Он ждал ее за углом. Невысокий усталый мужчина в шляпе; руки в карманах плаща. Ничего такого в нем не было. Не Джордж Клуни точно.

— Привет! — сказала Ивен. — Ты — Спейд?

Мужчина кивнул. Вставил в угол рта сигарету, чиркнул спичкой.

— Ты меня боишься? — спросил он, прикуривая. Лицо, подсвеченное снизу, казалось гротескным, как у киношного злодея.

— Немного, — призналась Ивен. — Ты похож на чудика, который насмотрелся старых фильмов с Бадди Рукертом.

— Это который умер от рака горла?

— Ты его знаешь?

Спейд выпустил дым в ладонь, внимательно посмотрел на нее снизу вверх. Усмехнулся.

— Нет.

— Моя бабушка обожает такие фильмы. Она сама была актрисой. Золотой век Голливуда, когда женщины были сказочно красивы, а мужчины мужественны и благородны. — «Что я несу?» Ивен рассмеялась, потом нахмурилась. — Почему ты так странно смотришь?

— Ты напоминаешь мне женщину, которую я когда-то знал, — ответил Спейд. Ивен опять засмеялась. Ничего не могла с собой поделать.

— Вот-вот, именно так и говорят в этих фильмах. Только ты забыл добавить «детка» — тягуче, как сквозь жевательную резинку.

Спейд улыбнулся. В глазах его мерцали огоньки. О нет, подумала Ивен.

— Ты действительно очень похожа на Еву... на Лоретт. Но при этом — другая.

Ивен встряхнула головой, сбрасывая наваждение:

— Еще бы! Я как минимум не блондинка. Бабушка красилась, чтобы выглядеть блондинкой. Тогда это было модно. Вообще у нее темные волосы. А у меня — каштановые.

— У тебя чудесные волосы, — сказал он. — А теперь я должен видеть Лоретт.

— Невозможно, — ответила Ивен. — Ты серьезно? В нее стреляли. Полиция никого не пускает. — Она помолчала. — И вообще, откуда ты знаешь бабушку? Ты не...

«Ты не убийца, случайно?»

Спейд помолчал, выпустил дым.

— Однажды она предложила мне сто долларов, — сказал он. — По тем временам это были хорошие деньги. Работенка непыльная. Незаметно пойти за ней и проследить... чтобы с ней ничего не случилось.

— И как?

— Я провалил дело, — сказал Спейд. Глаза у него постарели. — И за мной должок. Очень большой должок.

Монтаж в стык

Руки лежат на столе. Длинные пальцы, узкие ладони — но руки, несомненно, мужские, хоть и безволосые. Бледная пористая кожа. На правой кисти — черные точки, покраснение, словно от порохового ожога.

На стене перед столом — фотографии Лоретт в образе Евы Уондерли. Их много. В центре — цветной плакат фильма, датированный сорок шестым годом. Чуть правее — фотография постаревшей Лоретт с дочерью, перечеркнутая надписью красным маркером. Лоретт на этой фотографии выглядит постаревшей и жутко некрасивой.

Руки спокойно лежат. Есть в них что-то неправильное, но это не определить на первый взгляд.

Ноготь на указательном пальце обломан.

Красная надпись гласит:

«НЕТ. ОШИБКА»

Глава 4
Зеленая ширма

— Тебе не кажется, что ты слишком много пьешь?

Я посмотрел на нее поверх бокала с джином.

— Иногда кажется.

— И?

— Тогда я напиваюсь сильнее обычного — чтобы заглушить чувство страха.

Она засмеялась.

— Бог ты мой, ты себя хоть слышишь? Эти дурацкие афоризмы! Дешево звучит, вот как, Джо Спейд. Дешево.

Я промолчал. Для меня звучало нормально.

Утром я побрился, глядя на себя в зеркало. Лицо распухло от вчерашнего, глаза как у побитой собаки.

— Боже, на кого ты похож, — сказала Ивен.

— Просто сегодня хороший день. Обычно по утрам я выгляжу гораздо хуже.

Ивен не поддалась на шутку.

— Если ты пробудешь здесь еще пару дней, то развалишься на куски.

— Пожалуй, ты права. — Спейд закинул ноги на стол. — Мне нужно попасть к твоей бабушке.

Ивен посмотрела на его ботинки, на серые носки в мелкий узор — такие, похоже, уже лет тридцать не делают.

— У меня глупое ощущение, — сказала Ивен, — словно я нахожусь не в своей квартире, а на конкурсе двойников Бадди Рукерта. Плащи, твидовые пальто и шляпы. И неизменная сигарета. Ты мне весь дом прокурил.

Спейд поднял брови:

— Конкурс двойников? Кинотеатр «Маджестик»?

— Он самый. Я видела по телевизору. Дурацкий конкурс, если честно. Шляпа, серый плащ, руки в карманы — и ты уже старина Бадди. Не отличить одного от другого. Сплошная серость. Разве что один афроамериканец...

— Черный, что ли? И что?

— Он был похож больше всех.

Спейд усмехнулся.

— По крайней мере выделялся из толпы, — пояснила Ивен. — А это признак настоящего Бадди Рукерта. Как сказала бабушка, это гораздо важнее пальто и шляпы. Рукерт всегда был ви-

ден в любой толпе. Не сливался с ней. Чтобы воцариться на экране, ему достаточно было войти в кадр. Кстати, бабушка — одна из учредителей конкурса...

Спейд ничего не ответил. Это его внимательное молчание уже начало Ивен раздражать. Воплощение, блин, мужественности! И что только бабушка в нем нашла? Хмурый неотесанный похмельный мужик.

— Виден в любой толпе, — повторила Ивен. Спейд ждал.

— Да! — Она вскочила. — Конечно! Ты умеешь носить смокинг?

Спейд посмотрел на неё с интересом.

Двери распахиваются. Белый мраморный пол стелется под ноги. Люди оглядываются на Спейда. Оркестр перестает играть, музыканты опускают трубы. Вперед выступает распорядитель — в белом, черное пятно бабочки на шее. Он объявляет:

— Леди и джентльмены! Сегодня! Сейчас! Немедленно! Благотворительный бал для городской больницы Мемфиса! Бадди Рукерт возвращается! Все Бадди Рукерты сегодня возвращаются!

С громким хлопком над залом разлетаются конфетти.

Зал полон. В гуле голосов тонет звучание оркестра. Опять сорок шестой год, подумал Спейд, забирая бокал с шампанским с подноса. Я почти дома. Спейд увернулся от очередного Бадди — полноватого и лысеющего. Почти дома — если не считать вот этих.

Его остановил пожилой джентльмен с усиками. Спейд посмотрел на его спутницу. Хорошенькая.

— Что вы думаете о глобализации? — спросил джентльмен у Спейда.

— Слишком крепко для меня. Предпочитаю бренди.

— Что он сказал? — донеслось до него. — Ты поняла?

Ивен подошла к Спейду.

— Я заметила, ты приударяешь за всеми женщинами.

— Только за красивыми, — сказал Спейд, глядя на нее. Белое платье с открытыми плечами. Каштановые волосы убраны наверх. Прекрасно смотрится.

— А я, по-твоему, красивая?

— Очень, — сказал Спейд. — И очень высокая.

Дверь охранял полицейский. Когда Ивен с ним заговорила, Спейд проскользнул в палату. Сел в ногах Лоретт.

— Ты все так же прекрасна, — сказал Спейд. Она открыла глаза, посмотрела на него долгим взглядом. Хмыкнула.

— А ты по-прежнему говоришь банальности так, словно это невероятное откровение.

— Да, это мой недостаток, — согласился он, глядя на нее. — Шампанское?

— Конечно.

Пока он разливал, вошла Ивен, устроилась на кушетке. Спейд поднял бокал:

— За твои глаза, детка.

Он повернулся на странный звук. Ивен прикусила губу.

— Я опять сказал что-то смешное? — поинтересовался Спейд.

— Ничего. Извини. — Она прыснула. — Извини, бабушка.

Ивен поднялась. Спейд проводил девушку взглядом, усмехнулся, покачал головой. Повернулся к Лоретт. Бывшая звезда смотрела на него с иронией.

— Что? — Он поднял брови.

Ивен спустилась, чтобы проверить, как идет прием. Когда она вернулась в палату, Спейда там не было. Впрочем, как и полицейского у двери.

— Ищешь Спейда? — спросила Лоретт. — Он ушел.

— Это не мое дело, — сказала Ивен.

— Не влюбляйся в него, — сказала Лоретт. — Не надо. Он нездешний. Спейд не принадлежит этому миру.

— То есть... он ушел навсегда?

Лоретт хмыкнула.

— Конечно, нет. Что за глупости! — Бабушка вскинула голову. Седая прядь легла на открытый лоб. — Молодой человек, что вы собираетесь делать с этой штукой?

Ивен переводит взгляд и видит то, что видит бабушка.

Сначала револьвер.

Затем палец на курке. Ноготь обломан.

Потом человека.

Человек настолько бледен, что кажется прозрачным. Стертым. У него тонкое лицо и незаметные губы. В любой иной ситуации Ивен бы прошла мимо — при всей той неправильности, что есть в человеке. Он выглядит придатком к револьверу. Он выглядит пятном гари. Он выглядит как дефект пленки.

— Кто вы? — говорит Лоретт.

— Возможно, — отвечает Бледный Человек, — я — единственный, кто тебя по-настоящему любит, Лоретт. Моя сладкая. — Ивен передергивает. «Моя сладкая» звучит омерзительно, словно непристойная пародия на старый фильм. — Когда ты умрешь, по всем каналам покажут фильмы с твоим уча́стием. Известные люди скажут хорошие слова, которых ты не услышишь. Но милая моя Лоретт, разве жить вечно — не лучше?

Па́уза.

— Звезды должны умирать вовремя, — говорит Бледный Человек. — Тогда они будут жить вечно. Вот твой любимый Бадди Рукерт умер правильно. Я помогу тебе последовать его примеру.

Лоретт улыбается.

— Ты думаешь? — говорит она. Человек вздрагивает. — Ты думаешь — он умер?

В следующее мгновение палата перед глазами Ивен дернулась и поплыла в сторону.

Звук выстрела.

Бледный Человек вскинул глаза, еще не веря. Звенящая тишина. Потом он вдруг разом смялся, будто старый небоскреб со взорванным фундаментом. Повалился на пол.

Ивен обернулась. За ее спиной, сдвинув плечом зеленую ширму, стоял Спейд, держа в руке армейский кольт. Тонкая струйка дыма. Спейд поднял взгляд.

— За твои глаза, детка, — сказал он.

Леонид Каганов

ЧЕРНАЯ КРОВЬ ТРАНСИЛЬВАНИИ

Я пересек площадь и вошел в сувенирную лавку «Old Drakula». Солнце уже уползало за горы, и на деревню спускался туман. В лавке пахло детством — дубленой кожей, древесной стружкой, сушеными листьями, медом, шерстью и еще чем-то таким знакомым, для чего не существовало названия. Под кованым абажуром крутились осы, а за прилавком в плетеном кресле сидела тетушка Агата. Ее голова была обвязана черным траурным платком, и от этого тетушка Агата напоминала то ли ведьму, то ли волшебницу. Сейчас она дремала, но руки ее непрерывно двигались — виток за витком из-под спиц полз шарфик, тоже черный. Я долго смотрел на эти спицы, а затем кашлянул. Она приоткрыла веки:

— Здравствуй, мой мальчик.

Когда-то я обижался, что она продолжает называть меня мальчиком, но когда тебе девятнадцать, это уже не имеет значения.

— Мне нужно купить одну вещь, тетя Агата.

— Ты можешь взять, что тебе нужно, и уйти.

— Я хотел поговорить об этом с отцом Адрианом.

— Отец Адриан ведет службу. А что тебе нужно?

— Мне нужен карандаш.

— Карандаш? — Спицы тетушки Агаты продолжали мерно покачиваться, она совсем не удивилась.

© Л. Каганов, 2007

— Да, карандаш.

— Разве ты не знаешь, где у нас карандаши? — Она кивнула на прилавок.

— Но мне нужен карандаш из осины, тетушка Агата.

— Они все из осины.

— Так вы говорите туристам, но я должен быть уверен, что у меня настоящий осиновый карандаш.

— Это имеет значение, мой мальчик?

Я задумался. Действительно, имеет ли это значение? Вообще-то ни малейшего, и, разумеется, я это прекрасно понимал. Но почему-то мне очень хотелось, чтобы этот карандаш действительно был не просто с надписью, а из настоящей трансильванской осины.

— Но я пришел именно за ним, тетушка Агата.

— Точно не скажу, из осины или нет, не я их заказываю, — качнула головой тетушка Агата. — Тебе лучше поговорить об этом с отцом Адрианом.

— Я так и хотел. Но он ведет службу.

— Ты можешь дождаться его здесь или пойти в церковь.

Стало слышно, как гудят осы, равнодушно постукивая жесткими мордами о стекло лампочки. Я подошел к прилавку, достал из коробки один из карандашей с выжженной строчкой «Transilvania: Vampire Death» и понюхал. Пахло горелым деревом, но осина это или нет, я не знал. Честно сказать, я вообще сейчас не помнил, как пахнет осина.

— Возьму этот. — Я поднял карандаш и показал ей.

Тетушка Агата кивнула, не поднимая век.

— Ну, я пойду, тетя Агата?

Спицы дернулись и замерли. Тетушка Агата пронзила меня глазами.

— Влад, мальчик мой, я не знаю, что ты задумал, но если ты что-то задумал, поговори об этом с отцом Адрианом.

— Но он ведет службу. Вы не волнуйтесь, тетушка Агата, все будет хорошо.

Я точно знал одно: с отцом Адрианом говорить не хочу и не могу. Я улыбнулся, стараясь, чтобы улыбка вышла искренней. Но, по-моему, она вышла плоской.

* * *

Я ждал Петру в ресторанчике Габи напротив замка, а она все не шла. На площади стояли два натовских джипа, а рядом дремала запряженная в телегу лошадь дяди Себастьяна. Справа у ворот отеля детвора продавала яблоки. А сразу за замком начинались зеленые как мох склоны гор и шляи вверх, вверх. Погода сегодня стояла ясная, тумана не было, и можно было разглядеть отсюда даже клубы колючей проволоки базы «Кемп Ойлвел» и черные мачты вышек.

Кукурузные лепешки уже были съедены и чай выпит, но, казалось, сытости это не прибавило. Очень хотелось заказать еще порцию, но было жалко денег. В ресторанчике стоял шум — за центральным столом гудела компания туристов, кажется натовцы. Среди них был один рослый военный в форме базы «Кемп Ойлвел», а остальные пожилые и полные — то ли родственники, то ли друзья, приехавшие его проведать. Старый Габи приносил им уже вторую порцию свиных окороков.

— Дракьюла! — закричал пожилой натовец, проворно выскочил из-за стола и встал рядом с Габи, одну ручищу положив ему на плечо, а другой придерживая свою нелепую ковбойскую шляпу. — Дракьюла май френд! — объявил он.

Раздался общий смех, и дважды полыхнула фотовспышка. Если Габи и был чем-то похож на графа Дракулу, то только тем, что был старым. Неожиданно я встретился взглядом с молодым военным. Он рассматривал меня открыто и приветливо — с любопытством, но без неприязни. Они все такие в общении — внимательные и обаятельные. Как граф Дракула. Я опустил взгляд в кукурузные крошки на тарелке.

— Извини, задержалась, — раздался надо мной голосок Петры. — Завалили вопросами и не отпускали.

Я вскочил, мы обнялись и поцеловались. Тут же к нам подошел Габи, и я попросил для нас с Петрой немного вина и курицу.

Петра села напротив, плюхнула локти на струганую столешницу, кулачками подперла щеки и улыбнулась. Ужас, какая симпатичная.

Немедленно из-за шумного столика к ней подошел пузатый натовец и стал что-то втолковывать, кивая на замок и жестику-

лируя. Петра залопотала в ответ, забавно перебирая по воздуху пальчиками. Натовец стянул с головы свою шляпу и трогательно прижал к груди, всем видом изображая смешную мольбу. Голова у него оказалась лысая — с рыжими старческими пятнами и каймой седых кудрей. Петра засмеялась и развела руками. Натовец вздохнул и вернулся за свой столик.

— Чего он? — поинтересовался я.

— Это же Дик, — ответила Петра. — Он мечтает сфотографировать живого вампира. Я, говорит, верю, что вампир живет в замке. Покажите, говорит, настоящего вампира, я сто долларов заплачу. Умора.

— Ну и покажи ему меня! Кто здесь вампир, в конце концов?

— Тебя он уже видел раз двадцать, — блеснула глазами Петра. — Ты его разве не помнишь? Он каждый день на экскурсию ходит.

— Они для меня все на одно лицо, — отмахнулся я. — Что я, буду их разглядывать из гроба вместо того, чтоб работать? Это ты их выгуливаешь по три часа с кормежкой.

— Кстати о кормежке... — Петра нервно побарабанила пальчиками. — Где наш Габи с курицей? Может, ему на мобильник звякнуть, напомнить о нашем существовании?

Это мне не понравилось — я слишком хорошо ее знал. Петре плохо удавалось скрывать тревогу. Я взял ее ладонь в свои руки.

— Петра, что случилось? Плохие новости?

— С чего ты взял? — Петра выдернула свою ладонь и хлопнула о стол.

— Прекрати, Петра! Что случилось? Кто умер?

— Никто не умер, Влад. Просто возвращается Матей...

Хорошо, что в этот момент подошел Габи и расставил перед нами графин, бокалы и тарелки. Я получил возможность собраться с мыслями.

— Он тебе звонил? Ты с ним говорила?

— Да, говорила.

— Он цел? Разбомбили университет?

— Нет, его просто отчислили. По крайней мере я так поняла. Он там повздорил с деканом и теперь едет домой. Приедет через пару дней, если работает железная дорога.

Я помолчал.

— Ты не подумай, я давно ему рассказала, что встречаюсь с тобой...

— Вот как? И что он ответил? — Я заглянул ей в глаза.

— Влад, у нас все в прошлом, — мягко ответила Петра. — И Матей это знает.

Я опустил взгляд в тарелку. И где она выкопала это выражение «у нас все в прошлом»? Не иначе, из какой-то своей английской книжки. Какое у нас может быть прошлое в девятнадцать лет? Почему-то совсем не хотелось ни курицы, ни тушеного лука.

— Очень неприятная ситуация, — честно признался я.

— Но ты же знал, что Матей когда-нибудь вернется? — возразила Петра.

— Я надеялся, он получит бакалавра и останется в Йассе...

— И ты никогда больше не собирался встретиться со своим лучшим другом? — Петра внимательно смотрела на меня.

Я опустил взгляд.

— Получается, я отбил у инвалида его девушку...

— Не смей называть его инвалидом! — Петра стукнула по столу так, что графин подпрыгнул. — У него всего лишь парализовано лицо! Ты знаешь прекрасно, что мы с ним расстались без тебя! В конце концов, при чем тут ты? Это мое личное дело! А Матея вообще никто не интересует, кроме собственных увлечений!

Я неохотно взял вилку и принялся тыкать горку лука.

— Тарелку насквозь пробьешь, — нервно прокомментировала Петра.

— Хорошо, а из-за чего он повздорил с деканом?

— Я не очень поняла. — Петра сразу успокоилась. — Из-за какого-то графа Кавендиша.

— Кого?

— Кавендиша. Графа. Матей написал реферат о том, что граф Дракула и граф Кавендиш это одно и то же лицо. А декан его за это выгнал.

— А кто такой граф Кавендиш?

— Слушай, что ты ко мне пристал? Поговори с ним сам, когда придет. Он, кстати, о тебе спрашивал.

— Что он спрашивал?

— Спрашивал, работает ли у нас в замке Интернет.

— В комендантский час не работает, а так — работает... Ему нужен Интернет?

— Ему нужно, чтобы я что-то там переводила в Интернете с английского. Какие-то новости.

— Новости про графа Кавендиша? — усмехнулся я. — Или про графа Дракулу?

Экскурсия двигалась смешанная, я уже слышал издалека голос Петры: она говорила сперва на нашем, затем повторяла на английском. Они стояли еще только в первой комнате, и времени у меня было предостаточно, чтобы наложить грим и лечь в гроб. Я не спеша запалил свечи по углам, подтянул бутафорскую паутину и приоткрыл под потолком краник, чтобы из канистры, спрятанной под балкой, начала капать в чан вода, изображая сырость склепа.

— ...датируют серединой пятнадцатого века, — доносился голос Петры, но не звонкий, как обычно, а экскурсионный, «ведьминский». — И поныне человечеству неизвестно ничего более кошмарного и смертельного, чем вампиры. Ужас перед вампирами, готовыми напасть на человека, чтобы высосать его кровь, до сих пор преследует народ Трансильвании. Поэтому никто из жителей нашей маленькой деревни до сих пор не осмеливается переступить порог замка Бро, где, по преданию, граф Дракула провел свои последние годы, прежде чем окончательно лечь в гроб.

Петра перешла на английский, а я принялся натягивать парик.

— Посмотрите в центр зала, — снова донесся голос Петры, но уже из соседней комнаты, — здесь мы видим классическую средневековую виселицу. Во времена инквизиции казнь происходила так: висельника при большом скоплении народа ставили вот на этот табурет, затем ему зачитывали приговор, и палач вот таким ловким движением — грохот — выбивал табурет

из-под его ног. Посмотрите на петлю. Петля из пеньковой веревки напоминает узел современного офисного галстука, какие все вы носите. Так же как и галстук, она способна моментально затянуться на горле висельника. Связать хорошую висельную петлю всегда считалось непростым умением. Им владели только опытные палачи. Хотя сделать это не сложнее, чем завязать галстук. Сейчас мы с вами научимся. Посмотрите, как делается узел... Мы кладем веревку на локоть и вот таким движением... вот таким... несколько раз продеваем... и обматываем. И вытягиваем конец! Видите? Петля готова. Теперь можно встать на табурет и просунуть голову. Есть желающие? Ну, смелее! Нет желающих? Хорошо, тогда прошу посмотреть на меня... Вот я встаю на табурет... Надеваю петлю... Обратите особое внимание: мне следует быть аккуратной, потому что табурет очень старый и в любой момент может подо мной развалиться...

Самое неприятное в двуязычных экскурсиях — это ложиться в гроб раньше времени и лежать там дольше, чем обычно. Пока Петра будет читать текст то на английском, то на нашем, стоя в петле, обязательно какой-нибудь зевака заскучает и заглянет в следующий зал, ко мне. Так и есть: едва я успел натянуть саван, как в дверном проеме появилась пузатая туша в нелепой шляпе. Я следил за ней сквозь полуприкрытые веки. Турист сделал два осторожных шага внутрь и начал оглядываться, держа у груди обеими руками мощную зеркалку — то ли искал, что снять, то ли прикрывался от страха. Сейчас этот любопытный будет наказан.

— ...эн вери дэнжер! А!!! — кратко вскрикнула Петра под смачный хруст складывающегося табурета.

— А-а-а-а-а!!! — истерично завизжала экскурсия, и тяжелое эхо подземелья многократно повторило этот вопль.

Турист с зеркалкой все самое интересное, конечно, пропустил, нечего удаляться от экскурсовода.

— Однако мы, вампиры и ведьмы, неуязвимы для веревочной петли, ножа и пули, — как ни в чем не бывало продолжала Петра, процеживая слова слегка сквозь зубы.

Я знал, что она сейчас покачивается в мягкой петле, внутри которой спрятан стальной обруч, и грациозно вытягивает книзу носочки стройных ножек. Этот нехитрый трюк выполняли экскурсоводы замка Бро уже более полувека. В исполнении Петры я его видел несчетное число раз, но мне трудно было представить, как его проделывала в молодости ее мама Агата. Тем не менее трюк производил на посетителей впечатление едва ли не большее, чем мое появление из гроба.

— Запомните, убить настоящего вампира можно лишь одним способом: вогнав ему в грудь осиновый кол.

Гортанный бас что-то забормотал на своем языке, Петра ответила ему и перевела остальным:

— Сэр интересуется, почему вампиры так боятся осинового кола. Нет, отвечаю я, вампиры вовсе не боятся осинового кола! Он их совсем не пугает, пока не окажется забит им в грудь. Они искренне верят, что никто в мире не способен их остановить. Именно это их губит: на каждого вампира рано или поздно найдется свой осиновый кол. И сейчас мы с вами в этом убедимся. Если вы уже осмотрели и висе́лицу и дыбу, давайте пройдем в последний зал подземелья, где хранится гроб с останками графа Дракулы. Поставьте табурет и помогите ведьме слезть...

Вскоре вокруг меня раздался топот множества ног, и по закрытым векам заполыхали вспышки.

— Мы находимся в склепе графа Дракулы, его последнем пристанище, — объявила Петра совсем уже замогильным голосом. — Это — его гроб. А то, что вы видите в истлевших лохмотьях, — сам граф Дракула. Британские ученые доказали, что эти останки действительно принадлежат настоящему графу Дракуле, в отличие от тех подделок, которые вам могли показывать в остальных замках Трансильвании. Британские ученые взяли анализ клеток его ДНК и ужаснулись: многие из клеток ДНК оказались живыми! Ни одна человеческая клетка не в силах сохраниться живой в течение стольких веков, однако клетки графа Дракулы не похожи на человеческие — это клетки вампира. Точно такие же клетки ДНК ученые обнаружили у летучих мышей, которые тоже сосут кровь.

Снова раздался гортанный бас, он опять что-то спрашивал.

— Плиз но квещен! — холодно отмахнулась Петра. — Местные легенды гласят, что граф Дракула на самом деле не умер, а лишь заснул глубоким сном на десятки, сотни, а может, даже тысячи лет... Однажды вампир проснется. И тогда в Трансильвании наступит катастрофа. Согласно поверью, вампир проснется в тот момент, когда его гроб осквернит взглядом любопытный турист, не верящий в вампиров... Мы относимся скептически к этим легендам. Но на всякий случай работники замка приготовили специальный осиновый кол, чтобы вбить его в грудь чудовищу, если оно начнет просыпаться. Вот этот кол, посмотрите на него. Кстати, вы можете приобрести такой же кол и другие интересные сувениры в лавке на площади.

Петра сделала глубокомысленную паузу, с чувством вдохнула воздух и перешла на английский. Я знал, что рукой она сжимает кол и не отпустит его до самого конца сцены, чтобы он был вбит точно в грудь, в специально предусмотренное гнездо гроба. Три десятка лет назад произошел случай, когда чересчур психованный турист начал вбивать кол в лицо вампира. Тот отделался сломанным носом, а кол с тех пор посетителям в руки не давали.

Петра закончила речь, я сосчитал до пяти, затем чуть выгнулся и рывком приоткрыл рот, издав первый хрип. Тут же истерично завизжала Петра и отшатнулась — ей надо было еще незаметно спустить рычаг падающей двери, чтобы туристы не начали разбегаться. Группа исправно заголосила вслед за Петрой и начала метаться. Я никогда не мог понять — все эти пузатые дядьки и тетки, бывшие такими серьезными минуту назад, они нам подыгрывают или действительно паникуют? А ведь потом будут с таким восторгом советовать знакомым съездить в деревушку Бро и посетить такой маленький, но такой страшный замок... Я чуть приподнялся в гробу, распахнул глаза и начал сверлить их взглядом. Все было нормально, лишь один парень выражал крайнюю степень скуки: он стоял, чуть подвернув ногу, и опирался на щегольскую тросточку-зонт. Один его глаз был цинично прищурен, а уныло опущенный край губ выражал неизмеримое презрение ко всему происходящему. Все-

гда найдется в группе один такой. Зачем они ездят на экскурсии по вампирским замкам?

— О, май Год!!! — надрывалась Петра. — Ват хэппен?! Он просыпается!!! Какой ужас!!! Хэлп ми!!! Камон!!! Где наш кол?! Скорее несите кол!!! А, вот кол! Банг ин, банг ин!!! Забиваем!!! Все вместе!!! Хелп ми!!! В грудь, только в грудь!!!

Когда представление было закончено, когда кол крепко вошел в гнездо, а вся краска, наоборот, выдавилась наружу, когда я отработал последнюю конвульсию и экскурсанты убедились, что вампир мертв, когда Петра предложила всем побыстрее оставить это ужасное место и подняться в обеденный зал, чтобы принять обед при свечах с дегустацией вин местных виноградников, когда стихли последние шаги в моем склепе, во втором зале, затем в первом, и, наконец, на далекой каменной лестнице, я открыл глаза. И вздрогнул.

Передо мной стоял все тот же парень; казалось, он не изменил позы. Этого не могло быть — Петра была обязана полностью вычистить помещение от туристов. Но парень стоял и смотрел на меня — все так же цинично, прищуренным глазом, все так же кривил рот, выражая отвращение...

— Матей?! — Я рывком сел в гробу, откинув в сторону залитую краской ветошь.

— Ну наконец-то, Влад! — раздался знакомый голос.

Матей распростер руки и шагнул ко мне.

— Осторожно, краска!

— Да ладно! — Матей обнял меня и похлопал по спине.

Я готов был поверить, что он действительно рад меня видеть, но лицо его оставалось таким же унылым, а при свете свечей выглядело и вовсе жутковато.

— Главное, не смотри на лицо. — Матей словно читал мои мысли. — Я сейчас улыбаюсь тебе во всю варежку. Но лицо не работает. Ты, главное, поначалу не пугайся, а потом привыкнешь. Все привыкают. Ты-то мне рад?

— Еще как! — ответил я честно. Действительно был дико рад его увидеть.

— Сразу хочу попросить, — перебил Матей. — Петра сказала, что ты беспокоишься из-за ваших отношений и чувствуешь вину.

— Матей, не надо сейчас об этом... — поморщился я.

— Надо, — твердо ответил Матей. — И надо именно сейчас, с самого начала, чтобы это не повлияло на нашу дружбу. Я попал под кобальтовые бомбы и стал инвалидом. Просто, чтоб ты знал и больше не задавал вопросов. У меня даже не может быть детей, проблемы с координацией, и вообще я решил посвятить жизнь науке. Я сам сказал Петре, что у нас все кончено, и попросил ее начать встречаться с тобой, моим лучшим другом.

— Вот как? — Я ошарашенно стянул парик. — Встречаться со мной?

— А ты бы на моем месте поступил иначе?

— Не знаю, Матей... — вздохнул я. — Давай не будем об этом. Расскажи, как ты добрался?

Я щелкнул выключателем, задул свечи, и, как всегда, вампирское очарование подвальной комнатки исчезло вместе с полумраком. Стали видны слоящиеся хлопья нитрокраски на стенах, проводка, вентиляционная гофра под потолком и рваные шляпки шурупов, скрепляющих постамент гроба.

Пока я снимал с себя ветошь, оттирал грим и натягивал рубашку, Матей рассказывал, как его чуть не ссадили с поезда на натовской границе, потому что подумали, будто он диверсант и провозит на оккупированную территорию оружие. А он вез самые обычные приборы, каких навалом в любой лаборатории. Хорошо, что один из натовцев слегка понимал в физике.

Мы вышли из замка через черный ход, обогнули розарий и зашли к дядюшке Габи выпить по бокалу вина за встречу. Ведь не виделись больше года. Матей сел так, чтобы оказаться к залу спиной, и я понял, что у него после контузии завелась привычка прятать лицо.

— Матей, а чем ты так разозлил декана, что он тебя отчислил? — спросил я.

Рот Матея скривился еще больше, он качнул головой.

— Это тебе так сказала Петра? Никто никого не отчислял, просто университет временно распустили на каникулы. Знаешь, когда в городе каждую неделю ракетные бомбежки, не до университетов...

— В Интернете пишут, ракетных бомбежек давно нет, — удивился я.

— А что они вам ещё напишут? Йасса лежит в руинах, ракеты бьют по графику. Я тебе покажу потом фотки с мобильника... — Матей умолк и залпом осушил бокал.

— Так, значит, тебя не отчислили, с деканом ты не ссорился и никакого реферата про графа Дракулу не писал?

Матей пожал плечами.

— А что я, по-твоему, должен был рассказать Петре, если звонил по мобильнику с границы между правительственной зоной и натовской?

Я вскинул брови.

— Думаешь, они прослушивают мобильники? Откуда у них столько переводчиков?

— Откуда я знаю, может, у них роботы ключевые слова пишут? Решил не рисковать.

— Хитер! А я уже представил себе эту картину, как ты машешь рефератом перед деканом по физике, а декан орет, что ты провинциальный мальчик из туристической деревни, совсем спятивший на своих вампирах...

— Декан по физике не бывает, — деловито поправил Матей. — Декан — это декан. Кстати, доктор наук и вообще очень грамотный мужик. И тоже лютеранин, между прочим.

— Так, значит, ты специально наплел ерунды? — улыбнулся я. — Рад, что у тебя голова варит.

— Сомневался?

— Ну... Просто читал в Интернете, что контузия — это что-то с рассудком. И когда Петра съездила к тебе в йасский госпиталь, долго ее расспрашивал, как ты...

— А она?

— Сказала, что никаких новых странностей у тебя не добавилось.

— Это она зря, — серьезно сказал Матей, глядя мне в глаза, и вдруг со всего размаха грохнул бокалом об пол, даже не посмотрев на прыснувшие во все стороны осколки.

Я недоуменно замолчал.

— Ты знаешь что-нибудь про графа Кавендиша? — поинтересовался Матей как ни в чем не бывало, продолжая смотреть мне в глаза.

— Нет.

— Это был самый гениальный физик в истории человечества! Граф!

Дядюшка Габи принес новый бокал и хмуро поставил перед Матеем.

— Аккуратней, будь добр, — пробурчал он.

— Простите, дядюшка Габи, — кивнул Матей и снова повернулся ко мне. — Ты знаешь, что говорили ученые-современники о Кавендише? «Его облик — всего лишь маска, скрывающееся под ней существо не является человеком!»

— Знакомо, — усмехнулся я. — Так говорит Петра, когда подводит толпу балбесов к моему гробу.

— Кстати, ты слегка переигрываешь, — заметил Матей. — Ненатурально, особенно когда язык высунул. Это имело бы смысл, если б он у тебя был раздвоенный, а так — обычный, розовый, как у поросенка. С остальным гримом и клыками не сочетается.

— Слушай, давай тебя буду физике учить? — обиделся я.

— Не обижайся. — Матей неловко разлил вино по бокалам, и я заметил, что руки у него слегка дрожат. — Кстати о физике. Ты знаешь, что граф Кавендиш первым вычислил массу Земли? Проверить это смогли только в двадцатом веке. И знаешь, на сколько он ошибся? Всего на полпроцента! Представляешь? Всего полпроцента! А ведь он жил в тысяча семисотых годах...

— Типа все кругом думали, что Земля плоская, а он уже ее взвесил? — Я тоже решил блеснуть эрудицией.

— Во-первых, уже давно так не думали, — неожиданно обиделся Матей. — Во-вторых, она реально плоская.

— Теперь так учат физику в Йассе? — улыбнулся я.

— Не учат, — серьезно возразил Матей. — Но я тебе покажу. Сегодня ты увидишь то, что Кавендиш увидел в восемнадцатом веке.

— Постой, в каком-каком веке? — насторожился я.

— В восемнадцатом.

— Ну и какой же он граф Дракула? Дракула-то жил в пятнадцатом!

— Да что ты ко мне пристал со своим Дракулой?! — Матей возмущенно откинулся на спинку стула, и мне показалось, что выражение его лица сейчас впервые соответствовало эмоциям.

— Да чего ты бесишься? — удивился я. — Сам же сказал, что граф Кафендиш — это граф Дракула, одно лицо...

— Влад, ты дурак, что ли? — Матей аккуратно оглянулся по сторонам и продолжил шепотом: — Я тебе еще раз повторяю: забудь про Дракулу. Что я должен был говорить по мобильному Петре? Что расшифровал чертежи Кавендиша, набрал приборов в разгромленном корпусе и хочу повторить его эксперименты?

— Взвесить Землю? — не понял я. — А смысл?

— Смысл? — Матей сжал в руке бокал, и я испугался, что он разобьет и его. — А какой смысл тебе три раза в день плясать в гробу перед натовскими ублюдками, обливаясь краской?!

— Матей, между прочим, деньги зарабатываю. — Я пожал плечами. — И почему только натовскими? Натовских, конечно, понабежало, но ведь еще есть венгры, словаки, румыны, албанцы, немцев много... У меня что, есть выбор, в конце концов?

— У всех есть выбор, — сказал Матей, со стуком опустив бокал на стол. — Например, тебе не приходила в голову мысль пробраться в Букурешти или Йассу и вступить в армию сопротивления?

— Да? — Я почувствовал, что завожусь. — Сопротивления? Какой ты умный! И как я буду сопротивляться? Выйду на перекресток с осиновым колом и буду встречать натовские сверхзвуковые ракеты? Про какое сопротивление ты говоришь? Пройдет еще месяц-два, пока правительство найдут и убьют, за это время от твоей Йассы с Букурешти камня не останется!

— От моей Йассы? — Матей сжал кулаком тоненькую ножку бокала так, что стеклянный диск со щелчком отскочил и по-

катился по полу. — От моего Букурешти?! Моего?! Не твоего?! Это уже не твоя столица, да?! Это не твою страну восьмой месяц безнаказанно бомбит чудовище с другой точки земного шара?! Это не на твоей стране испытывают сверхзвуковые ракеты с кобальтовыми боеголовками?! Мы, наверно, выросли с тобой в разных странах, Влад?! Или ты думаешь, что Трансильвания теперь другая страна с тех пор, как здесь обнаружили самый крупный в мире запас нефти, будь она трижды проклята?!

— Какой нефти? — изумился я. — Что ты плетешь?

Матей решительно поставил бокал и взялся обеими руками за графин, но бокал без подножки упал и покатился, подпрыгивая на досках стола. Я подхватил его. Появившийся дядюшка Габи назидательно вынул из рук Матея графин и молча унес, хотя там оставалась еще половина. Матей проводил его суровым взглядом, но спорить не решился, и снова повернулся ко мне.

— Какой нефти, спрашиваешь? — Он снова перешел на угрожающий шепот. — Черненькой такой, мокренькой. Которой здесь, — он постучал ногтями по столешнице, — нашли сорок процентов мирового запаса, больше, чем у русских с арабами вместе взятых! Ты что, действительно идиот или вам тут мозги промыли? Ты забыл, после чего началась война? Через пару месяцев после сообщения про трансильванскую нефть.

— Я уже не помню такого...

— А ты напряги память, напряги!

— Миротворческие обстрелы начались после того, как партия радикалистов приказала незаконным бандформированиям разогнать объединенную миссию протестантских церквей... — отчеканил я, но вдруг себя почувствовал не очень убедительным. — Посмотри в Интернете, если мне не веришь! Почитай новостные сайты любой нейтральной страны! При чем тут нефть? Если бы от нас что-то скрывали, там бы всплыло!

— А там не всплыло, — хмыкнул Матей. — Ах, какая обида! Кстати, об Интернете. Я надеюсь, не зря приехал сюда? У тебя в замке по-прежнему есть Интернет?

— Будет у тебя Интернет, не волнуйся. Плохой, но будет.

— Спасибо.

Мы помолчали. Петра все не шла. На душе было мерзко.

— Помимо всего прочего, — я вдруг понял, что начал размышлять вслух, но останавливаться было поздно, — помимо всего прочего, моего отца повесят, если я сбегу в армию сопротивления.

— Интересное дело, — заинтересовался Матей. — Твоего отца держат в плену на базе «Кемп Ойлвел»?

— Не в плену, просто он управляющий деревни Бро и отвечает здесь за порядок. Если его сын сбежит к повстанцам...

— Отвечает перед кем? Твой отец работает жандармом у натовцев? — Матей, похоже, собирался презрительно свистнуть, как любил в таких случаях, но губы его не послушались, на стол упала лишь капля слюны. Матей с отвращением стер ее локтем.

— Прекрати паясничать, — рассердился я. — Ты прекрасно знаешь, что мой отец был управляющим и до натовцев!

Матей некоторое время о чем-то сосредоточенно думал.

— Не ожидал, — произнес он наконец. — Влад, ты, как друг, обещаешь не рассказывать отцу о моем приезде?

— А что такое? — насторожился я. — Ты приехал с заданием взорвать «Кемп Ойлвел», а моего отца считаешь полицаем и стукачом?

— Просто дай слово, как друг? — попросил Матей и оглянулся. — Кстати, вот идет Петра. — Он встал, неловко оперся на свой зонт и хлопнул меня по плечу: — Ну, я пошел. Встретимся в замке после заката, пустишь?

— Только не опоздай до комендантского часа! — крикнул я вслед.

Петра приблизилась своей изумительной походкой, чуть вприпрыжку. Она чмокнула меня в щеку и подозрительно уставилась на пол, усыпанный осколками бокала.

— У Матея все-таки добавилось новых странностей, — хмуро объяснил я. — Два разбитых бокала, полчаса непрерывной истерики.

— Из-за меня? — Петра обессиленно опустилась на лавку.

— Лучше бы из-за тебя!

— Да что ты на меня огрызаешься?! — обиделась Петра.

— Извини, — спохватился я. — Что-то от Матея никак не отойду.

— Ну расскажи, что с ним?

Я задумался.

— Знаешь, это, конечно, глупо прозвучит, но его как будто вампиры покусали и душу высосали. Злой, жестокий... Руки трясутся... И все время на всех бросается. По-моему, он даже в Господа теперь не верит.

— Контузия, чего ты хочешь... — вздохнула Петра. — А меня Сюзен достала, тварь чернозадая, — с чувством произнесла она.

— Холера... И чего она к тебе липнет?

— Известно, чего... Во-первых, кто ей еще здесь даст интервью на английском? Солдаты на базе?

— А во-вторых?

— А во-вторых, я группу отправила, грим еще не смыла, даже клыки не вынула. И тут, конечно, она и вваливается...

— Понятно. — Я хмыкнул. — Типичная румынка, находка репортера. Дала интервью-то?

— Чтоб как в прошлый раз было? — Петра фыркнула.

— А чего она спрашивала-то?

— Как обычно. Чего она еще может спросить? Сует микрофон и орет как на футболе: «Как вы относитесь к протестантам? Как вы относитесь к тому, что ваше правительство их уничтожает?» А за ней стоит кретин и все снимает камерой.

— До нее до сих пор не дошло, что наша деревня лютеранская? Сорок домов, и все лютеране?

— Нет, конечно, что она, по домам, что ли, ходит? Живет на базе, выползает раз в неделю с камерой, зайдет в отель и общается со своими туристами на родном языке.

— Ну, так ты сказала бы ей, что ты дочка протестантского пастора!

— Какой ты умный! — Петра смешно всплеснула руками. — Стою такая в гриме: привет, я дочка протестантского пастора!

— А чего? — усмехнулся я. — Может ее наконец выгонят с CNN, и деревня вздохнет.

— Разбежался. Ей, наоборот, медаль с брюликами дадут. Репортаж года из горячей точки!

— А знаешь чего? — Я вдруг почувствовал вдохновение. — В следующий раз дай ей интервью в петле на виселице! Скажи, что ты дочка протестантского пастора, и твое правительство тебя уничтожает!

— Шутки твои плоские, — отмахнулась Петра. — Расскажи лучше еще про Матея?

— Приходи в замок перед комендантским, сама посмотришь.

К столику подошел дядюшка Габи.

— Есть-пить будем? — поинтересовался он, глядя на вплывающую в ресторанчик толпу туристов. — Столик нужен.

— Да, нам пора уже. — Я протянул бумажку.

— И три доллара за два бокала, — напомнил Габи.

— Холера дери Матея, — пробурчал я, роясь в кошельке. — А чего три, на два не делится?

— Я ж по себестоимости! — обиделся дядюшка Габи.

Мы с Петрой смотрели из окошка обеденной залы, как Матей с огромным рюкзаком на спине подходит к двери черного хода и аккуратно стучит зонтом-тростью. Ровно за минуту до начала комендантского часа! Уже и деревня погрузилась в темноту, и по улице пронесся первый мотопатруль.

— Толкай, не заперто, — крикнула Петра.

— Войдешь — запри изнутри засовом, — напомнил я.

Матей глянул вверх и исчез в двери. Вскоре послышался цокот зонта и шаги — натужные, шаркающие.

Я помог ему снять рюкзак — рюкзак оказался тяжеленный.

— Ты приволок фамильный склеп графа Кавендиша? — пошутил я.

— Дошутишься, — прохладно ответил Матей и, не меняя интонации, продолжил: — Мне нужна келья.

Мы с Петрой переглянулись.

— Какая еще келья? — нахмурился я.

— Без окон. Со столом и розеткой, — терпеливо объяснил он. — Наша детская тайная келья. В которую ход через шкаф.

— Тю, братец... — протянул я. — Келья! Она давно не келья, а кладовка, забита дровами по самый потолок, а шкаф сожгли еще зимой.

— Что ж ты мне сразу не сказал? — расстроился Матей.

— А ты спрашивал?

Матей сел на рюкзак и обхватил голову руками.

— Мне нужна лаборатория, — глухо произнес он. — Куда ни одна сволочь не зайдет и не помешает.

Мы с Петрой снова переглянулись.

— Дружище, ты все-таки выбирай выражения... — попросил я.

— Да я не про вас! — отмахнулся Матей. — Кто теперь служит в замке?

— Все свои. Я и Петра водим экскурсии. На кухне стряпают Даина и Иоанна, ну еще Себестьян топит печи и следит за розарием.

Матей решительно потряс головой:

— Мне нужна лаборатория!

— Устрой у себя дома лабораторию.

— У меня мать больная и маленькие сестры всюду лазают, — покачал головой Матей. — Нельзя, чтоб кто-то лазил по лаборатории.

— Но в замке нет места для лаборатории, он же крохотный! — взорвался я и начал загибать пальцы. — Подвал с тремя комнатами музея. Обеденный зал на первом этаже. Кухня и каморка с дровами на втором. Может, тебе гроб Дракулы в подвале уступить?

— А башенка?

— Да пусть он действительно сделает себе лабораторию в башенке, — вмешалась Петра.

— Какая лаборатория? — опешил я. — Там же чердак, в окнах нет рам, и воронами все загажено.

— Я приберусь, — кивнула Петра. — А окна картоном забить — минутное дело.

— Главное, электричество подвести, — вставил Матей. — Я сам приберусь, вы идите себе по домам.

Мы с Петрой переглянулись в который раз.

— Послушай ты, Кавендиш! — произнес я. — Ты, наверно, не знаешь, что такое комендантский час? До утра никуда.

— Тем лучше, — спокойно кивнул Матей. — Поможете разложиться, соберем аппаратуру, и я покажу, как это работает. Электричество у вас в комендантский час не отключают, надеюсь?

Домик с табличкой «Евангелическая Лютеранская церковь Трансильвании» белел среди яблонь, внутри горел свет и доносилась торжественная фонограмма Баха. Я постучал в двери, и отец Адриан сразу открыл, словно ждал меня. Я видал разных священников, но наш отец Адриан был идеальным — высокий, стареющий, с седыми волосами и мудрым взглядом. Если бы не переломанный нос, отца Адриана можно было бы снимать в кино.

— Хочу исповедоваться, святой отец, — произнес я, потупившись.

— Проходи... — Отец Адриан никогда не удивлялся и не задавал лишних вопросов.

Я зашел в исповедальню. Он сел за стенкой напротив. Некоторое время мы молчали. В исповедальне пахло теплой пылью и вощеным деревом. Отец Адриан как всегда тактично молчал — я знал, что он будет молчать столько, сколько понадобится явившемуся на исповедь, чтобы собраться и открыть душу. Когда-то давно, в далеком детстве, я пришел на очередную исповедь, но просидел молча полчаса. Сейчас уже не помню, что там был за пустяк и почему я не решился об этом говорить. Просто буркнул какие-то извинения и ушел. И отец Адриан мне ничего не сказал в тот раз, только благословил на прощание. И потом он меня тоже ни о чем не спросил. Я глубоко вздохнул.

— Отец Адриан, а среди натовцев есть лютеране? Они ходят к вам исповедоваться? Ну, туристы из отеля, или эти, с базы...

— Нет, сын мой. Я думаю, у каждого свой пастор, с которым они говорят на своем языке.

— Скажите, отец Адриан... — Я запнулся. — А пастор может отпустить любой грех? Если натовец приходит к своему пастору и говорит ему: «Святой отец, я сегодня убил троих человек... Мы сегодня запустили еще одиннадцать кобальтовых ракет... Мы решили завтра начать бомбить еще один город повстанцев...» Разве можно отпустить такие грехи?

— Не пастор, а Господь отпускает грехи, сын мой, — произнес отец Адриан. — Ты разве об этом пришел со мной поговорить?

— Об этом, — кивнул я. — Отец Адриан, что мне делать? Я чувствую, что мне хочется убивать натовцев. Да! Я хочу разрушить их страну, как они разрушили нашу!

И замолчал.

— Продолжай, сын мой, — произнес отец Адриан.

— Я знаю, что Господь велел прощать врагов своих... Знаю... Но почему, почему он сказал это именно нам? Почему Господь не сказал это им? Ведь они тоже христиане! Почему они не сидят дома за океаном, почему всегда лезут бомбить? Почему они всегда, всегда только и делают, что бомбят? Разве так им завещал Господь, спрятаться за океаном и бомбить оттуда весь мир? Для чего они прилетели ровнять с землей фашистскую Германию в конце Большой войны? Разве Германия их трогала, разве это была их война? Зачем кидали атомные бомбы на мирных жителей в японских городах? Для чего выжгли напалмом Вьетнам? Для чего разбомбили Ирак, Югославию, Афганистан, Иран, Украину? Почему их не остановит Господь? Почему их никто не остановит? Почему они безнаказанные, почему?

— Продолжай... — повторил он.

— Отец Адриан, это правда, что они бомбят нашу страну из-за трансильванской нефти? Неужели такое может быть, чтобы из-за какой-то там нефти бомбили всю страну? Ведь нам сказали, что это миротворцы, которые пришли на помощь из-за того, что правительство плохо относится к протестантам. Разве оно плохо к нам относится?

— Я не политик, сын мой, я пастор, — медленно произнес отец Адриан. — Твое сердце наполнено гневом, и это грех. Прислушайся к своему сердцу: ты действительно желаешь смерти людям? Ты смог бы убить человека?

Я помолчал и прислушался. Сердце билось часто-часто, но я так и не смог понять, кому я хочу смерти. Наверно, все-таки не людям, а кому-то другому.

— Я хочу смерти их стране, — произнес я наконец.

— Страна — это люди, — откликнулся отец Адриан. — Если ты хочешь смерти стране, то ты хочешь смерти людям. А что ты

знаешь о той стране и тех людях? Разве ты был там? Господь послал нам испытание жить в стране, где бомбежки и оккупация. Мы должны выдержать его с честью, укрепить наш дух и нашу веру. Значит ли это, что мы должны желать смерти стране, которой этого испытания не послано? Ведь там живут люди, такие же, как мы. Они точно так же трудятся, растят детей и виноград, они ходят в церковь слушать проповеди и исповедоваться. Многие из них даже не знают, что их страна кого-то бомбит. Ты им всем желаешь смерти, сын мой? Желать человеку смерти — самый страшный из грехов.

— Но желать смерти вампиру — это не грех, отец Адриан! Не грех, нет! Разве вампир — не порождение сил ада? Разве Господь запретил нам убивать вампиров? Если у страны ночь, когда у всех нас день, разве она не вампир? Если страна кидается на чужие земли, чтобы высосать кровь — разве эта страна не вампир? Почему мы должны покорно подставлять ей шеи?

— Вампиров не существует, сын мой, — вздохнул отец Адриан. — Ты слишком заигрался с масками в замке Бро. Вам с Петрой пора найти более толковую работу, обвенчаться, родить мне внуков. Вы говорили об этом?

— Говорили... Я хотел просить руки вашей дочери, когда закончится война, отец Адриан...

Он ничего не ответил.

— Скажите, отец Адриан, — решился я. — А если бы вы вдруг встретили живого вампира, и у вас по счастливой случайности оказался в руке осиновый кол... Разве бы вы его не убили?

— Нет... — произнес отец Адриан, помолчав. — Я бы поговорил с ним. Я бы рассказал ему о Благой вести, прочел ему Библию, я бы осенил его крестом и показал путь к Господу. Ты понимаешь, о чем я?

— Отец Адриан, но если бы вы были уверены, что сам Господь вложил вам в руки осиновый кол, послав на встречу с вампиром?

Отец Адриан еле слышно усмехнулся.

— Сын мой, как ты можешь быть уверен, что перед тобой вампир? Вдруг это актер в гриме, который просто делает свою

работу? А сам при этом верует не в вампиров, а в Спасителя, исправно ходит в церковь и исповедуется...

— Но актеры не убивают, отец Адриан! Если это настоящий вампир, а Господь вложил вам в руки осиновый кол?

— Сын мой, а как ты можешь быть уверен, что осиновый кол вложил тебе в руки Господь, а не Дьявол?

Честно сказать, вот тут я растерялся. И отец Адриан что-то понял. Он всегда все про нас понимал, ведь мы для него так и остались маленькими детьми.

— Расскажи мне обо всем, — попросил он. — Очисть душу от греха.

— Я... — В горле застрял комок. — Я не могу рассказать... Пока...

— Пока?

— Да, пока...

— Тогда зачем ты пришел на исповедь? — сурово спросил он.

— Я пришел за советом...

— Ты получил совет?

— О да, отец Адриан. Спасибо вам.

— Как ты намерен теперь поступить?

— Я... Я намерен поговорить с вампиром... — Я глотнул. — Ну, если мне удастся его встретить... Тогда я заговорю с ним... осеню его крестом и покажу путь к Господу...

— Ты больше не желаешь смерти ни людям, ни вампирам?

— Нет, отец Адриан, — ответил я искренне.

— Я отпускаю тебе грехи, сын мой. Ступай и помолись, а я буду молиться за тебя. Да пребудет с тобой Господь!

Матей смерил меня взглядом.

— Где ты был?

— Я был в церкви и говорил с отцом Адрианом.

Он проворно подскочил ко мне, схватил за отворот рубашки и зашипел в лицо:

— Холера! Ты что, ему все рассказал?! Ты рассказал ему?!

Подбежавшая Петра попробовала нас растащить, но Матей на нее даже не глядел — он шипел мне в лицо и тряс за рубашку, пока ткань не хрустнула. Тут я не выдержал — толкнул его и

повалил на пол. Мы долго барахтались, прежде чем мне не удалось сесть на него и скрутить ему руки. Все это время Петра пыталась нас растащить и что-то кричала.

— Послушай меня, психопат! — прошипел я. — Я тебе поклялся, что не расскажу никому и ничего? Я никому не рассказал. Но ты мне поклялся, что прекратишь свои истеричные выходки! Так что ты на меня бросаешься?

— Прости... — выдавил Матей.

— Ответь мне, может быть, в тебе бесы, Матей? Может, ты одержим Дьяволом? Может быть, Дьявол сконструировал для тебя эту штуку?

— Дьявол? — Матей неожиданно захохотал и хохотал долго.

Я посмотрел на Петру, но лицо у нее оставалось серьезным.

— Дьявол, — снова произнес Матей, отхохотавшись. — Грегор Кавинеч — дьявол! Да это был самый добрый, самый умный, самый набожный человек, которого я вообще встречал! Храни Господь его душу!

— Кто это? — тихо спросила Петра.

— Мой декан, — нехотя объяснил Матей.

— Он умер? — растерялся я.

— Он был в корпусе во время бомбежки... Да встань уже с меня, кретин, и отпусти руку!

Я поднялся и помог встать Матею.

— В замке нет электричества, — пожаловался Матей. — Это надолго?

— Я отключил его.

— Зачем?! — подпрыгнул Матей.

— Чтобы ты больше ничего не сделал в мое отсутствие.

— Да ты... — вскипел Матей, и мне показалось, что он сейчас меня ударит.

— Спокойно, спокойно! — Петра встала между нами. — Тише. Он сейчас включит. Да, Влад?

— Только если Матей поклянется, что больше ничего не сделает без нашего согласия.

— Что?! — вскинулся Матей. — Да как ты смеешь!

— Влад прав, — поддержала Петра, мягко взяв Матея за руку. — Ты же сам знаешь, что у тебя творится с нервами. Пообещай, что ничего не сделаешь без нашего согласия!

— Я больной, по-твоему? — взорвался Матей. — Вы здоровые, а я контуженный, да?!

— Мы тоже поклянемся ничего не делать без твоего согласия. — Тон у Петры был спокойный, не допускающий возражений. Таким тоном она легко пресекала любые выходки туристов.

— Хорошо, — согласился Матей, — обещаю.

— Поклянись моей жизнью и жизнью Влада, — потребовала Петра. — Давайте все возьмемся за руки, и пусть каждый поклянется! Клянусь жизнью Влада и Матея, что ничего не буду делать с кругом Кавендиша без их ведома!

— Клянусь жизнью Петры и Матея, что ничего не буду делать с кругом Кавендиша без их ведома, — хмуро повторил я.

— Давай, Матей, — потребовала Петра.

— Туристам своим будете цирк устраивать! — буркнул Матей.

— Давай, Матей! Твоя очередь. Мы поклялись, — потребовала Петра.

— Клянусь жизнью Петры и жизнью Влада, что ничего не буду делать с кругом Кавендиша без их ведома, — неохотно пробубнил Матей.

Я прошел по крошечному чердаку из конца в конец и остановился перед столешницей, которую мы установили минувшей ночью на два пустых ящика, обложив аппаратурой.

— А вот теперь, Матей, послушай, что я скажу. Там, — я нагнулся и постучал по столешнице, — живут люди. Понимаешь? Если ты хочешь смерти той стране, то ты хочешь смерти людям. А что ты, Матей, знаешь о тех людях? Разве ты был там? Они такие же, как мы. Они точно так же трудятся, растят детей и виноград!

— Детей и виноград, — хмыкнула Петра. — Узнаю папочкины слова.

— Да! — вскинулся я. — И это очень правильные слова! Там живут христиане и лютеране тоже! Там дети и старики! Эти люди ходят в церковь слушать проповеди и исповедоваться. И многие из них даже не знают, что их страна кого-то бомбит из-за пары каких-то кретинов-политиков! Ты всем им желаешь смерти? Желать человеку смерти — самый страшный из грехов!

— Ты что же, мне взялся читать проповеди? — прошипел Матей. — Сам Господь дал нам в руки оружие возмездия, чтобы мы поразили тварь!

— Господь ли? Не Дьявол?

— Холера! — взорвался Матей. — Да ты зажрался в своем туристическом винограднике, ты вообще представляешь, что творится за пределами Трансильвании? Ты видел хоть раз кобальтовую бомбежку?! — По его лицу прокатилась судорога. — Ты видел, во что превратилась Йасса?! Там нет даже электричества! Там уже не работают даже мобильники! Там разбито все, люди топят мебелью!!! Я сидел на вокзале четыре дня, пока влез в поезд! Господь помог мне пройти погранзону и приехать сюда — и все для того, чтобы ты читал мне проповеди? Ты?! Щенок, клоун с накладными клыками, который развлекает за доллары натовское богатое старичье?!

— Тише! — подняла руку Петра. — Пусть Влад закончит. Он же не предлагает тебе все бросить, да, Влад? Ведь нет?

— Нет, не предлагаю. Я предлагаю поговорить с ними. Напугать. Пригрозить. В конце концов, изобразить глас Божий с неба! Вот, точно! Глас Божий с неба! Представляешь? Небо заговорит!

— Заговори-и-и-ит... — издевательски протянул Матей. — И как ты будешь изображать глас Божий, ну-ка расскажи мне?

— Влад прав, — поддержала Петра. — Достаточно просто показать им нашу силу. А если нам покричать туда?

— Куда? В круг Кавендиша? — Матей резко повернулся. — Да ты головой подумала? Ты представляешь, сколько там тысяч километров до поверхности?! Чем ты собралась кричать?! Своим голоском?

— Но мы же устроили им цунами обычной вязальной спицей, так почему нельзя покричать? — возразил я.

Матей подпрыгнул и забегал по чердаку, слегка припадая на одну ногу.

— Холера! — кричал он. — Тупая холера! Я для кого всю ночь объяснял? Для вот этих дубовых ящиков, что ли? Спица — это материя! Материя с макростороны! Ее можно засунуть через круг

Кавендиша на микросторону! Но голос — это не материя! И его ты не просунешь никак!

— Записать на диктофон мобильника и подбросить мобильник туда, — предложила Петра.

— Браво! — театрально всплеснул руками Матей. — Гениально! Подбросить! Девочка-ведьма спасает мир! Да ты представляешь, что этот мобильник накроет их континент от океана до океана, а заодно тряхнет всю планету так, что ни одного целого дома не останется в Бро! Гуманисты!

— Хорошо, — прервал я. — Давай думать дальше.

— Да что тут думать?! — Матей остановился передо мной. — Я же давно все продумал, я же вам все объяснил! Мы аккуратно, с воды, с океана, тоненькой спицей делаем волну и устраиваем им одно за другим цунами — все сильнее и сильнее, строго в ответ на каждую бомбежку! Пока они не поймут, что это возмездие, и тогда оставят нас в покое! Жертв — минимум!

— Да как это минимум, когда с утра в Интернете уже кричат про двести человек и еще сто пропавших без вести! — возмутилась Петра.

— И что? — повернулся Матей. — А в Йассе сколько гибнет каждую неделю? А в Тимисе? А в Букурешти?! Я же не предлагаю взять что-нибудь острое и с размаху проткнуть им материк до магмы ядра!

Матей замолчал, тяжело дыша. Я подумал, что это действительно жестоко — проткнуть материк до раскаленной магмы. Вряд ли жизнь на этом континенте сохранится. Тут я спохватился, что мои мысли близки к греху.

— Мы должны найти способ поговорить с ними и наставить на путь Господа, — твердо сказал я.

— Да как?! — снова подпрыгнул Матей. — Как?!

— Откуда я знаю как! Ты физик, ты и придумай.

Вдруг между нами встала Петра.

— Послушайте, — начала она, — проблема в том, что голос не услышат сверху через атмосферу? А если его передать понизу, через воду?

— Как — понизу? — опешил Матей.

— Ну, если опустить туда в воду что-то такое, что звучит — тот же мобильник. Представляешь, какой это будет звук? Весь океан зазвучит.

— Что за бред... — Матей осекся. — Погоди, погоди... Если прикрепить спицу к нашему динамику и опустить ее конец в ту воду... То звук пойдет по ней!

Я перевел взгляд на Петру — Петра улыбалась.

— А ведь это идея! — наконец сказал Матей. — Кто из нас будет голосом Господа?

— Петра, конечно, — кивнул я. — Твой английский они не поймут.

Трансформаторы в этот раз разогревались так же долго, но теперь я уже знал, куда надо смотреть. Между пластинами в самом центре стола появилась точка. Через секунду она чуть увеличилась и стала похожа на лазерную метку, будто кто-то сверху держал на прицеле столешницу. Наконец, дыра расширилась на полметра, и в нее грациозно заглянул голубой шар. Стали видны облака и континенты, словно мы смотрели из космоса сквозь иллюминатор, вмурованный в столешницу. Я все-таки снова не удержался: опустился на корточки и глянул снизу — столешница как столешница, плотно пригнанные доски с набитыми планками в форме буквы «Z». И никакого тебе иллюминатора. Я поднялся.

— Готово, стоп, — произнес Матей и отпустил рукоятку.

В дыре столешницы висела планета — затянутая кое-где пеленой облаков, но изумительно четкая. Гораздо четче, чем на снимках из космоса, которые я видел в Интернете. Хотя, может, дело в плохом дисплее?

— Очень хочется пальцем потрогать, — мечтательно вздохнула Петра за моим плечом.

— Не вздумай, — покачал головой Матей.

— Палец отвалится?

— Скорее, планета сойдет с орбиты. Трогать надо очень аккуратно, тоненькой иголочкой или спицей...

— Все равно не понимаю, как твой Кавендиш ее взвесил, — задумчиво произнесла Петра. — Он ее что, вынул оттуда, как мяч, и положил на весы?

— С ума сошла? — откликнулся Матей. — Нас бы тогда не было в живых.

— Кстати, — заинтересовался я. — А действительно, что будет, если наш мир таким образом вытянуть через дыру в наш мир?

— Не знаю, — ответил Матей. — Может, вывернется наизнанку. А может, у тебя ничего не получится — не успеешь дотянутся туда рукой, как здесь с неба просунется твоя же гигантская рука, и будет такая катастрофа...

— Так все-таки, — тянула свое Петра, — как же он ее тогда взвесил?

— Вовсе не обязательно что-то брать руками, чтобы взвесить. Почитай о его экспериментах: он измерял гравитацию Земли, изучая притяжение шаров. То есть вполне мог опустить рядом шар на волоске и смотреть отклонение. Современники писали, что он собрал какую-то установку и много лет наблюдает за экспериментом в телескоп через дырку в полу...

— Ах, дырку в полу... — хихикнула Петра. — Интересно, он им так и не дал посмотреть в тот телескоп?

Матей ничего не ответил — возился с самодельным кронштейном, который мы наспех сколотили из реек. На кронштейне был примотан разобранный мобильник Петры, с обнаженного динамика на капельке клея свисала тонкая спица. Она напоминала длиннющее жало.

— Давай, Влад, — кивнул Матей.

— А можно я? — попросила Петра.

— У Влада рука точнее, — покачал головой Матей и тихо добавил: — Это мои руки теперь совсем ни к черту...

Я взялся за кронштейн.

— Значит, понял, да? — говорил над ухом Матей. — Недалеко от побережья, и чуть-чуть в воду опустишь конец, чтобы только коснулся...

— Погоди, включить же сначала наш ролик! — Петра изогнулась и пощелкала кнопками мобильника — включила плеер на бесконечный повтор.

Зазвучала запись. Я аккуратно повел деревянную планку кронштейна, спица пошла вниз.

— Пара миллиметров — это много километров, — пробубнил Матей.

— Не говори под руку, — шикнул я. — Черт, тут облачно... Я чуть выше по побережью войду, ладно?

Спица коснулась воды.

— Аккуратнее! — дернулась Петра.

— Стоп! — крикнул Матей. — Есть! Готово!

Я убрал руки. Кронштейн замер. Мы молчали. Я плохо знал английский и толком не понимал, что доносилось из мобильника, кроме часто повторяющегося «год». Но сам голос Петры был замечательный — спокойный, холодный и уверенный. Такой, как надо.

— Это вам не волну пускать. — Я удовлетворенно потер руки. — Они же сейчас это запишут, повыкладывают ролики в Интернете, такой скандал будет во всем мире... Небесный голос призывает одуматься! Женский причем.

— А они не смогут Петру по голосу найти? — вдруг спросил Матей.

— Ага, будут ходить по деревням и устраивать всем англоговорящим девушкам прослушивание!

— Ты знаешь, у них хватит ума и на такое, — серьезно ответил Матей.

— Глупости, — оборвала Петра. — Давайте пойдем быстрее посмотрим в Интернете, может, уже идут новости про громовой голос из океана?

— Там туристы еще обедают, — насторожился я. — Ты при них сядешь за администраторский столик и включишь компьютер?

— А что такого? — возразила Петра. — Имеет право служащая замка читать в Интернете мировые новости?

— Ну... Да, наверно, — согласился я.

— Сходите, сходите, — кивнул Матей. — Я здесь прослежу за процессом. Думаю, раз двадцать пусть прокрутится ролик, не меньше.

На секунду я замешкался, боясь его оставить одного над кругом, в котором болталась наша такая беззащитная планета. Матей по-моему догадался, о чем я думаю, и зло глянул на

меня. Я молча развернулся, и мы с Петрой гуськом спустились с чердака.

Интернет ворочался сегодня очень медленно и поминутно зависал. Поначалу новостей не было. Зато Петра раскопала на натовских сайтах пару свежих строчек о жертвах утреннего цунами — их количество приближалось уже к трем сотням, причем было много детей. Мы уже собирались вернуться на чердак к Матею, когда Петра что-то заметила. Это было свежее сообщение в ленте натовских интернетчиков о громадном океанском столбе, который минуту назад возник на горизонте. Фотка явно была сделана совсем плохим мобильником, и разглядеть ничего толком не удалось.

— Ну, переведи! — Я ткнул Петру локтем.

— Пишут, что это гигантский смерч. И ни слова про звуки и голоса...

Я озадаченно умолк.

— Ладно. — Петра выключила компьютер. — Пойдем обсудим с Матеем...

Мы прошли мимо горланящих туристов, поднялись на второй этаж, нырнули за занавеску вправо от кухни и по приставной лесенке стали подниматься к люку чердака. Первое, что я увидел, когда мои глаза оказались на уровне чердачного пола, — здоровенная ковбойская шляпа. Я резко остановился.

— Ну давай, не тормози! — Петра подергала меня снизу за штанину.

Я поднял взгляд: Матей сидел на полу с остекленевшим лицом, а посередине чердака валялся, раскинув руки, пузатый натовец. Рядом лежал его фотоаппарат. Под лысой головой расплывалась темная лужа, а чуть поодаль валялась здоровенная чушка с клеммами, из тех, что привез Матей в рюкзаке.

Я одним махом запрыгнул на чердак и пощупал пульс на дряблой руке — пульса не было. Перевел взгляд на Матея. За спиной сдавленно вскрикнула Петра.

— Он сам залез сюда, — произнес Матей без выражения. — Он сюда залез. Сюда. Залез.

— Матей, ты... ты... ты с ума сошел?! — прошипел я. — Ты понимаешь, что теперь с нами будет?

— Он сюда залез, — упрямо повторил Матей. — Он все видел.

Я плюхнулся на пол и обхватил голову руками. Из оцепенения меня вывел спокойный голос Петры:

— Если вы завернете его в одеяла, возьмете у Себастьяна лошадь с телегой, погрузите с черного хода и закопаете в горах, то успеете до комендантского часа. А я приберу здесь. Раньше утра его по-настоящему не хватятся.

Мы возвращались в деревню. Лошадь Себастьяна неторопливо перебирала копытами. Старой каменной дорогой никто уже не пользовался с тех пор, как проложили асфальт, лишь наши пастухи перегоняли здесь овец с пастбища. К счастью, сегодня не было и их.

— Какой я идиот, — вдруг громко сказал Матей.

Лошадь пошевелила ухом, словно понимала, о чем он. А я промолчал. Чего тут теперь скажешь?

— Идиот, — повторил Матей. — Вы-то ладно, но я-то о чем вообще думал? Какой к дьяволу звук? То, что по нашу сторону спица — по ту сторону столб диаметром в сотню километров. Что про нашу сторону звук — по ту сторону просто толчки! Кто сказал, что звуковая волна сохранит частоту? Звуковая волна естественно разъехалась вместе с размерами спицы! Мы никогда ничего не услышим сверху! И никогда ничего не сможем сообщить вниз! Даже если нацарапаем какое-нибудь слово на материке — это вряд ли прочтут на снимках из космоса!

— Скажи, — повернулся я. — А как такое может быть, что наша планета одновременно и здесь, и там?

— Не поймешь, — качнул головой Матей. — Я сам не до конца понимаю. Даже Грегор Кавинеч не все понимал.

— А граф Кавендиш?

— Вот Кавендиш понимал, — уверенно кивнул Матей. — Потому и не пускал в лабораторию даже прислугу, а перед смертью постарался все уничтожить.

Я откинулся на сено и стал глядеть в низкое синее небо.

— Раньше думал, только Господь может на нас смотреть сверху... — произнес я, задумчиво кусая соломинку.

Матей ничего не ответил.

— Как думаешь, — спросил я шепотом, — Господь сверху видел, как мы его закапывали?

— Господь никому не расскажет, — хмуро откликнулся Матей. — А ты не кори себя, это мой грех. Он как залез на чердак, а я как представил, что начнется, если эта штука попадет в руки натовцам... — Он умолк.

— Может, это действительно проделки Дьявола?

— Нет, Влад, физика. Просто физика.

— Тогда объясни, как она работает!

— Ну, пространство... — неохотно начал Матей. — Мы привыкли считать, что оно трехмерное. А на самом деле оно псевдотрехмерное, плоское. Потому что построено из элементов, которые не трехмерные. Орбита электрона — не трехмерная. И протон не трехмерный. Понимаешь? Поэтому в любой точке пространство можно раздвинуть и увидеть его далекую-далекую изнанку.

— Ты можешь как-нибудь попроще?

— Да пошел ты... — отмахнулся Матей. — Я же сказал, не поймешь.

— Нет, — настаивал я. — Ты скажи, как такое может быть, что мы можем взять в ладони всю Землю вместе с нами, не выходя с чердака замка, который на ней же и построен?

Матей сел на телеге и посмотрел на меня.

— Но ты же когда-то в школе поверил, что ученые сумели взвесить Землю, не выходя из лаборатории, которая на ней же и построена? Это же все равно что держать в руке весы, на которых сам взвешиваешься, верно? Но нам рассказали об этом в школе, и ты поверил, что такое можно сделать. А тут ты все видел своими глазами — и не можешь понять?

Я задумался. Небо плыло над головой, светлое и чистое. Трудно было поверить, что кто-то, кроме Господа, такой же большой и всесильный может на нас оттуда смотреть. Я закрыл глаза и стал мысленно читать молитву.

* * *

Что-то присутствовало вокруг, что очень мне мешало. Наконец я понял, что мешаю себе я сам. Это было очень странное и до ужаса неприятное состояние. Я напрягся и распахнул глаза — резко, как распахивал перед туристами, поднимаясь в гробу. В мозг ворвался ослепительный свет, как будто разом включились тысячи фотовспышек. Голову словно пронзила раскаленная спица, я застонал и закрыл глаза.

— Лежи, лежи, Влад... — услышал я голос старого дядюшки Габи и почувствовал, как на лоб опустилась холодная тряпка.

Остро пахло лавандовой водой и еще чем-то едким, медицинским. Раскаленная спица не спешила вылезать из головы.

— Где мы? — прошептал я.

— Все хорошо, — тихо сказал Габи. — Ты у меня дома. Ты уже выздоравливаешь.

— А где... все? — выдохнул я.

Габи ничего не ответил. У меня не оказалось сил ни удивиться, ни растеряться, я просто почувствовал, что проваливаюсь в сон, и сопротивляться не стал.

Когда я пришел в себя снова, Габи все так же сидел у моей кровати. В комнате было темно, лампочка под потолком светила тускло. На этот раз глаза открылись с трудом, но без боли. Очень хотелось пить и есть. Я сказал об этом Габи, и он вскоре вернулся с чашкой теплого бульона. За это время я успел слегка приподняться и осмотреться. Ощупав голову, понял, что она замотана бинтами. Похоже, там была и засохшая кровь.

— Дядюшка Габи, что случилось? — спросил я.

— Ты ничего не помнишь?

— Нет...

— Совсем ничего? Натовцы разбили тебе голову прикладом, — сообщил Габи. — Ты был без сознания неделю.

— Целую неделю? — Я попытался сесть на кровати, но голова кружилась.

— Да, семь дней ты метался и бредил.

— Бредил? — насторожился я. — О чем-то таком... рассказывал? Ну... необычном?

— Да, — кивнул дядюшка Габи. — Ты молил Господа, чтобы он послал тебе осиновый карандаш.

— Осиновый карандаш?

— Да. Истыкать тело вампира, чтобы он подох.

— Понятно... — Я отпил из чашки. — А больше я ничего не говорил?

— Больше ничего. Зато это ты повторял круглые сутки.

Я поставил чашку на старенькую тумбочку у изголовья. На тумбочке стояла фотография покойной жены Габи в стеклянной оправе. Похоже, это была его комнатка и его постель.

— А почему я не дома, дядя Габи?

Он секунду помедлил и опустил взгляд.

— Твой дом сожгли, Влад.

— А отец?! — Я резко вскочил, и острая боль снова пронзила голову раскаленной спицей.

— Твоего отца больше нет, Влад, — тихо сказал Габи. — Его повесили на площади. За убитого туриста.

— Господи... — выдохнул я. — Как же... Ведь я... Ведь не я...

— Я знаю, Влад, — тихо сказал Габи. — Матей пошел к ним и во всем признался, а потом проглотил яд у них на глазах. У него был с собой яд. Он думал, что тогда они отпустят твоего отца, Себастьяна и Петру. Но они их повесили...

— Петра?.. Петра... умерла?

Габи ничего не ответил.

— Петра умерла? — повторил я. — Почему, Господи? Почему она? Почему они не повесили меня?

— Им было все равно, кого вешать, — ответил Габи. — Когда они нашли труп своего, решили наказать деревню. Мы для них на одно лицо, им главное, чтобы не было безнаказанности.

— Безнаказанности?! — заорал я. — Они смеют рассуждать о безнаказанности?!

— Еще рассказывают, они сняли ролик казни и пустили в Интернет, будто это сделало наше правительство...

Я его не слышал.

— Но почему, почему они не повесили меня?

— Вешают тех, кто в сознании, — сказал Габи. — Ты вступился за Петру, когда пришли солдаты с базы, и тебя сразу ударили по голове.

— Но почему Петра?! — закричал я. — Почему ее?

— Она экскурсовод, отвечает за безопасность туристов...

Я ошарашенно умолк. Дядюшка Габи тоже молчал.

— А как они нашли труп?

— Они увидели сверху, как что-то закапывают в горах, — ответил Габи.

— Сверху?! Господи... — Я застонал и опустился на подушку.

— Со спутника, — объяснил Габи. — Он был отцом одного из военных. Когда стали искать, запросили кадры того дня со своих спутников. Увидели телегу Себастьяна и людей, которые что-то копали... Отправились туда и нашли труп.

Я молчал. Мне казалось, что жизнь кончена и говорить больше не о чем.

— Перед тем как пойти на базу, Матей зашел ко мне и велел передать тебе кое-что, — неохотно произнес Габи. — Он взял с меня клятву, что я тебе передам слово в слово. Но я не хочу передавать гадости.

— Что он сказал, дядюшка Габи?

— Думаю, это уже совсем не важно, Влад.

— А может, важно! — Я резко привстал.

— Он сказал, чтобы ты отправлялся в гроб.

— Что ж... спасибо ему на добром слове... — вздохнул я.

— Он сказал, ты разберешься.

Спустившись в подвал, я щелкнул выключателем и прошел до самого склепа, стараясь не смотреть на макет виселицы во второй комнате. Здесь все было, как прежде — экскурсий по замку с тех пор не водили. Я не рассчитывал, что догадка окажется верной, но ее надо было проверить. И как только я подошел к гробу, сердце уже забилось — еще раньше, чем я откинул ветошь и заглянул внутрь. Но сперва я прислонился к холодной каменной стене и немного постоял, чтобы прекратилось головокружение. Чувствовал я себя самым слабым и больным на земле, да и в душе было пусто — наверно, так себя чувствует человек, искусанный вампирами.

Устройство я собрал прямо здесь, на полу склепа, подсоединив генератор к патрону лампочки. Собрать прибор оказа-

лось легко — Матей обмотал контакты изолентой разных цветов, чтобы мне было легче разобраться. Я не помнил точно, какие ручки он крутил, но это тоже оказалось несложно.

На темном истоптанном камне послушно возник светлячок лазерного прицела и быстро разросся в хорошую дыру. Вот только Земли там не было. Я сперва испугался, что делаю что-то не так, но, покрутив наугад ручки, заметил быстро мелькнувший в дыре синий край. Наверно, крутя ручки, можно было навести дыру как объектив и на Луну, и на Солнце, но они меня не интересовали. Я вывел Землю точно в центр и залюбовался.

На глазок до нее было каких-то пять или десять сантиметров. Мне тоже почему-то очень хотелось протянуть руку и дотронуться до нее, пощупать пальцем, какая она? Мокрые ли океаны? Жесткие ли горы? Холодные ли шапки на полюсах?

Но потом взгляд упал на чужой далекий континент, и я сказал себе: стоп. Здесь действительно нужен острый и крепкий осиновый карандаш. По крайней мере эти люди на моем месте не стали бы сомневаться, как не стали сомневаться, испытывая атомные бомбы. Осталось сходить в лавку тетушки Агаты, пока она ее не заперла.

«Господи, — тихо произнес я, и глухое эхо склепа повторило мои слова. — Да пусть там люди, пусть они для кого-то другого милые и добрые, пусть у них и дети, и виноград. И пусть я за это попаду в ад. Но честное слово, как светло и ярко гореть в аду, если твою душу выпили до дна, и уже совсем нечего терять!»

Александр Сальников

АГАСФЕР С ОСТРОВА МУРАНО

— И это все? — спросил Франсуа, пытаясь разглядеть в стремительно густеющих сумерках, добрались ли беглецы до кромки прибоя. — Четыре подмастерья?

— Три, три подмастерья, господин, — ответил венецианец, нервно поглядывая на державшегося в опасной близости второго француза. Тот ежился на ветру, кутаясь в плащ. — И один настоящий мастер, из хорошего рода.

— М-да? — с сомнением произнес Франсуа. Его люди уже должны были окружить стекольщиков и усадить в лодки, но рисковать Франсуа не хотел, решил еще потянуть время. — Я видел их лица. Они все слишком молоды, чтобы цех объявил их мастерами. Мне кажется, или наш друг лукавит, а, Жан-Жак?

Молчаливый француз хмыкнул и навис над оробевшим венецианцем.

— Побойтесь Господа, синьор! — заторопился тот. — Один из них настоящий мастер! Ему вверили грамоту полгода назад. Можете проверить, она у него с собой. Его зовут Никколо. Никколо Ломбардо.

Ночное небо окончательно заволокло тучами. Начал накрапывать дождь. В темноте, стершей грань между хлябями небесными и морскими, трижды загорелся и погас огонек: беглые стекольщики поднялись на борт барка. Франсуа довольно улыбнулся:

© А. Сальников, 2007

— Ломбардо — известный род. Ты молодец. Но этого недостаточно, мой друг. Мы уговорились на десятерых.

Венецианец пожал плечами:

— А что я могу сделать? Я и так рискую, господин! Совет Десяти приговорит к смерти любого, кто попытается сманить зеркальщиков из Мурано. Я уже не говорю, что по закону будет с самими мастерами и их семьями.

— Я знаю ваши законы, — холодно оборвал Франсуа. — Здесь тысяча цехинов. По двести пятьдесят за каждого. — Кошель глухо звякнул, тяжело упав под ноги венецианцу.

— Но, синьор, — начал было тот. — Вы же понимаете, каких трудов мне стоило уговорить этих зеркальщиков.

Франсуа поморщился. Он никогда не торговался и на дух не переносил сквалыжников.

— Двести пятьдесят. Ни цехином больше. Когда ты подготовишь остальных?

— Вы не понимаете, синьор? — Венецианец всплеснул руками. — Не будет остальных! Просто чудо, что эти-то согласились.

— Очень жаль, — скорбно произнес Франсуа. — В таком случае — прощайте, мой друг.

Полшага — и Жан-Жак прильнул к венецианцу, прижал его к себе. Не было слышно ни крика, ни удара, ни чавкающего звука, с которым сталь наискось взрезает брюшину и врывается в легкие.

— Знаешь, Франсуа, мы с тобой оба не ангелы, но никогда я еще не отправлял человека на тот свет с таким удовольствием. — Жан-Жак отер нож об одежду венецианца. Скинул вымокший в крови плащ на песок и выругался.

— Я тоже не люблю предателей, но в нашем деле без них тяжело, — пожал плечами Франсуа. — Не трогай, дружище, — остановил он тянущуюся к кошелю руку Жан-Жака. — Горшечнику не принесли счастья тридцать сребреников.

— Твоя правда, — согласился Жан-Жак. — Но мне нужен новый плащ.

— Мне кажется, что даже если Людовик пожалует тебе титул, ты все равно останешься сыном мясника, — расхохотался Франсуа. — Я слышал — то платье в кусочках зеркал, в котором

королева сияла на последнем балу, обошлось казне в сто сорок тысяч ливров. Идем, мой друг. Думаю, когда мы с нашими ремесленниками доберемся до Версаля, мсье Кольбер выдаст тебе пару су на новый туалет.

Жан-Жак тяжко вздохнул и двинулся вслед за Франсуа:

— Тебя послушать, так — какая малость! — бормотал сын мясника и самый дорогой стилет Франции. — Мы увели у республики ее драгоценных стекольщиков, и теперь нам только-то и осталось делов — всего лишь добраться до Версаля!

— Не накликай беды, — одернул его личный телохранитель министра финансов Кольбера. — Мы будем там до конца этого месяца!

— Приехали. «Версаль», — смешно коверкая гласные, сказал таксист.

Обшарпанная вывеска на втором этаже мебельного магазина. Заложенные кирпичом окна. Переполненная урна у входа.

Игорь щелчком запустил недокуренную сигарету в открытое окно «жигуленка» и ухмыльнулся. Закусочная «Диамант», зал игровых автоматов «Империя». Заплеванные шелухой и окурками Елисейские поля.

— Простите, а как вас зовут? — перекрывая далекую канонаду прорывающихся сквозь плохую звукоизоляцию басов, спросил Игорь и прищурился: на крылечке «Версаля» стриженные по-военному мальчики жадно ловили отголоски музыкальной артподготовки, сжимали початые бутылки с зажигательной смесью.

— Рустам, — от удивления сознался таксист.

— Спасибо, Рустам, — протянул пятисотенную Игорь. Таксист засуетился, начал шарить по карманам. — Сдачи не надо. — Игорь улыбнулся и вышел. — И вот еще что, — обомлевший водитель вырубил завывавшие всю дорогу восточные мелодии. — Легкой смены, — пожелал ему Игорь, аккуратно закрывая дверь.

Игорь потянулся и шумно вдохнул июльский воздух, теплый и влажный после грозы. Позади натужно хрюкнул мотор, взвизгнули шины, а потом послышался голос Рустама:

— Эй, — парень замешкался, подбирая нужное слово, — уважаемый!

Игорь обернулся и увидел озабоченное лицо таксиста.

— Вы, я гляжу, не местный. Нечего вам тут делать, — уверенно произнес Рустам и пояснил: — Малолетки одни, отмороженные. Давайте я вас в приличное заведение отвезу.

Подростки оторвались от поглощения алкоголя и цепко рассматривали седого мужчину у видавшей виды «шестерки». Игорь чувствовал их взгляды спиной.

— Спасибо, Рустам, у меня здесь назначена встреча. И будьте осторожны, — подмигнул он таксисту.

Рустам впервые за последние четыре года почувствовал, как у него сжалось сердце. От чужого человека пахнуло той же безысходностью, какую излучал его брат, Алим. Когда целовал свою дочь и обнимал жену. Когда прижимался лицом к рукам матери. Когда трепал его, Рустама, по вихрастой голове. В ночь перед обычной сменой добровольного отряда. В ночь, после которой Алима, разорванного бандитским фугасом, уже никто не видел. Лишь обитый бархатом гроб.

Рустам только и смог, что кивнуть седому человеку в бежевом свитере. В эту ночь он больше не работал. Он позвонил хозяину, поехал на вокзал и купил билет домой.

Машина скрылась из виду. Игорь вытащил из пачки еще одну сигарету и щелкнул зажигалкой. Неспешно одолел четыре ступеньки крыльца. За железной дверью девичий голос надрывался про «нас не догонят».

Северная ночь кутала призрачной дымкой панельные пятиэтажки. Игорь скользнул взглядом по темным окнам ближайшей хрущевки. За одним из них тут же вспыхнул огонек. Зеленый абажур диковато выкрасил засаленную кухоньку. Женщина в линялой майке принялась жадно глотать воду из носика эмалированного чайника. Даже под этим ядовитым освещением маки на болотной эмали были алыми.

— И тут я, такой, ей базлаю, ты чё, овца, вообще обалдела, — взвизгнули рядом. Недоломанные мальчишеские голоса дружно загагакали. — Ты вообще в курсах, кто я?

Игорь дунул на уголек сигареты и запустил окурок в палисадник. Тот сделал высокую дугу, но не долетел — разбился миллионами искорок об асфальт.

— Простите, а вы вообще, — надавив на последнее слово, развернулся Игорь к говорившему, — знаете происхождение слова «балдеть»?

— А ты чего хотел, дядя? — вступился крупный парень и заложил руки в карманы.

Игорь усмехнулся и достал очередную сигарету:

— А я в общем-то не с вами общаюсь, молодой человек. — Вспыхнул желтый огонек, и легкие вновь наполнились ароматом табака. Игорь прищурился, примеряясь, и добавил: — Олег, насколько я вижу?

Широкоплечий вздрогнул.

— Так вот, Алексей, — продолжил Игорь, повернувшись к «говоруну». — Балдеж — это состояние коровы после отела. А вы ведь не это имели в виду, выражая недовольство даме своего сердца, не так ли?

Игорь обвел взглядом разгоряченные алкоголем лица и остановился на крепыше:

— Кстати, Олег, — сказал он и взялся за пластмассовую ручку, насаженную на здоровенный штырь, торчащий из двери заведения. — Я бы на вашем месте больше не делал глупостей.

Дверь открылась и захлопнулась за ним, подталкивая в душное нутро «Версаля».

— Слышь, Боец, — первым нарушил паузу Лешка Винт. — Дядька-то борзый попался. Накажем?

Олег Бойцов насилу победил дрожь в коленях. Мужик на мента похож не был, но эти интонации... Да и откуда он мог знать о досрочном освобождении? Олег сплюнул, закурил:

— Давайте-ка сваливать, пацаны.

— Так ты его знаешь?

Боец задумался. Чутье, вколоченное на нарах «малолетки», подсказало правильное решение:

— Это, по ходу, ферзь какой-то, парни. Проявим уважение.

Молодые люди спустились с крыльца и исчезли в предрассветном молоке тумана.

— Молодые люди — пятьдесят, девушки — бесплатно, — заученно отчеканила бабушка на кассе.

Игорь внимательно рассмотрел высушенную временем бабулю. Из вырезанного в оргстекле полукруга дохнуло покоренной целиной и пылью зеленых киношных билетов.

— Один взрослый, пожалуйста. — Игорь протянул нужную бумажку и улыбнулся.

Седой суховатый мужчина сунул в окошко полтинник и улыбнулся.

Анна Федоровна вдруг ощутила такую благодать, что даже постоянное грохотание «дурной» музыки наверху стихло, а мучавшую ее головную боль сняло как рукой. Она словно на секунду вернулась в детство, когда покойная бабка вела маленькую Нюрку в только что очищенный от проросшей картошки храм. Вокруг кланялись соседки в белых платках, а незнакомый бородатый дед махал дымящим шаром на цепочке. В сыром воздухе пахло свечами и чем-то сладким. Из дыры в крыше лучом бил свет. Он падал прямо на темные картинки алтаря, там, под потолком. Высоко-высоко, выше дощатого пола, выше растрескавшихся деревянных цветов, выше пустых прямоугольников иконостаса.

Сердце Анны Федоровны гулко бухнуло. Старушка смахнула слезу, украдкой перекрестилась и полезла за валидолом в сумочку из потрепанного дерматина.

— Руку! — приказал дородный парень после того, как его коллега отошел в сторону, помахивая лопаткой металлоискателя.

— Простите, что? — не понял Игорь.

«И если негодяй пытается тебя достать», — грохнуло с танцпола.

— Руку давай, — замахнулся печатью охранник.

Игорь подставил левую ладонь под штамп. И заглянул в глаза местному Церберу.

Бумц — бумц — бумц. За басами шум крови в ушах было не разобрать. Взгляд получился слишком долгим.

— Вовчик, я не понял, — вмешался парень с металлоискателем. Хрустнул шейными позвонками. — Есть проблемы?

Игорь лишь покосился на него и глупо улыбнулся.

— Да не, ро́вно все, — промямлил хранитель печати. И уже обращаясь к Игорю, добавил: — Проходите.

— Спасибо, — ответил тот, кивнул напоследок и пошел вверх по лестнице, туда, где тяжелый дух горячих тел мешался с табачным дымом.

Владимир поежился, стряхивая наваждение. В его голове звучал колокольчиком голос. «Ты хороший человек. Будь готов», — повторял он. Колокольчик звенел серебром.

— Я заглянул в зеркало.

Человек за столиком лениво скользнул по Игорю взглядом, будто нехотя оторвавшись от экрана плазменного телевизора. Смерил с ног до головы и вернулся к беззвучно мечущимся картинкам новостей.

— Я заглянул в зеркало, — настойчиво повторил пароль Игорь.

— Вижу. Присаживайся. — Человек, которого за глаза называли Продавцом Счастья, кивнул на пустой стул напротив.

Игорь послушался. Глубоко вдохнул и как можно увереннее произнес:

— Меня направил к вам Иван.

Продавец картинно зевнул и откинулся на спинку стула. Заложил руки за голову:

— Да? И как у него дела?

— Гораздо лучше. Гораздо, — повторил Игорь и принялся изучать похожего на флибустьера собеседника.

Длинные спутанные волосы, неопрятная борода. Черная рубаха, за расстегнутым воротом массивная золотая цепь. Такие же, как у него, Игоря, потрепанные джинсы. Дорогие, но затертые. Голубые блестящие глаза на смуглом лице.

И никакого будущего. Вообще.

Игорь ждал. Продавец молча пялился в телевизор. Рвались через стенку басы, били по диафрагме.

— Я бы хотел сразу перейти к делу, — начал Игорь.

— Игорь Чернов, бизнесмен. Кандидат физико-математических наук. Вдовец. Последние четыре года не может выкарабкаться из преследующих его неудач, — резко выпрямился Продавец, протягивая зажигалку Игорю. — И все это началось после того, как ты увидел свое отражение в разбитом зеркале. Кстати, как это было?

— Мы перевозили мебель. Трельяж, — спокойно ответил Игорь.

Бородач ухмыльнулся, заметив, как гость старается спрятать раздражение.

— Но что самое забавное, — продолжил Продавец, пододвигая пепельницу, — Игорь Чернов стал видеть странные вещи. Как бы это помягче выразиться, — он пощелкал пальцами и хохотнул, — Игорь Валерьевич Чернов стал разбираться в людях!

— Я нисколько не сомневаюсь в вашей компетентности. Давайте перейдем к делу.

— Как скажешь, — пожал плечами Продавец. — Все-таки вы очень торопливые создания — неудачники, — продолжал он, уже давя на кнопки мобильного.

Игорь лишь поджал губы.

— Это Продавец, — буркнул в трубку бородач и озорно подмигнул Игорю. — Узнай-ка мне, Василий Семеныч, остаток на счете. Да, я жду поступления от... — он прикрыл пальцем щелку микрофона, — наименование плательщика?

— Приснодева Мария. На латыни, — подсказал Игорь.

— Ого, — уважительно протянул Продавец. Плюнул в трубку: — Фирма «Вирджине Мариа». Да, все «и» с точкой. Ну все, жду.

За соседним столиком девочки опустили фужеры с шампанским и засмеялись. Ноздри Продавца дрогнули. Он отложил телефон и кивнул появившемуся вдруг охраннику. Тот неспешно подошел к столику и после недолгой тихой речи выпроводил дамочек из бара.

Игорь докуривал вторую сигарету, когда запрыгал по столу мобильник.

— Ну? — после краткого ожидания лицо Продавца осветилось улыбкой. — Все нормально, Игорек. Выпьем?

— Я бы хотел... — упрямо повторил Игорь.

— Да ладно тебе! Кидалова не будет. — Продавец пощелкал пальцами девушке в синем переднике и только тогда отреагировал на удивленно вскинутую бровь Игоря. — С волками жить... Что поделать — глушь. Мне даже вино из Европы приходится заказывать.

Официантка поставила на столик бокалы, бутылку красного и сменила пепельницу.

— За счастье, — поднял бокал Продавец. Налитая до краев рубиновая жидкость опасно плескалась и падала на стол тяжелыми жирными каплями.

— За счастье, — эхом отозвался Игорь, но чокаться не стал.

Вино было отменным. Игорь пригубил, покатал на языке, наслаждаясь вкусом. Оно смочило пересохший рот, наполнило ноздри ароматом винограда. Продавец осушил бокал и грохнул его о стол. Граненая ажурная ножка пискнула, но выдержала. Бородач отер губы и плеснул себе еще.

— А почему латынь? — спросил Продавец, и Игорь вдруг понял, что торговец счастьем пьян.

— А как вас зовут? — откликнулся Игорь.

— Николай. Для товарищей по несчастью, — протянул руку бородатый, — можно Ник.

— У меня был бизнес, — пожал ладонь Игорь, — в Италии.

— Кончился? — Бородатый опять хохотнул. Звук напоминал курлыканье журавлей. — Не хмурься, Игореха! Это вернет тебе удачу. Ты, конечно, — Николай налил себе еще, — как бывший ученый, наверное, страсть как силишься понять физику процесса, а? Вот, к примеру, часы. — Флибустьер, не дожидаясь ответа, кивнул на циферблат на стене. — Ты — в центре, и сморишь туда, куда указывает стрелка. И что ты видишь, Игорек? Ты видишь себя. Себя, потому как каждая цифра — это ты. Игорь Валерьевич в полдень, Игорь Валерьевич в три, в полшестого, — курлыкнул Продавец. — Часы работают, механизм ис-

правен. Все находится в равновесии, в балансе. И тут по недоумию своему, берешь ты, к примеру, ножичек, и — чирк — нет на циферблате цифры. Нет больше Игоря Валерьевича в одиннадцать ноль-ноль. Исчез он. Пропал с той стороны стрелки. Все — баланс нарушен. А почему? Потому что убил Игорь Валерьевич себя самого, по неосторожности. Убил и не заметил. А ведь у того, который в одиннадцать, тоже жизнь была. Работа, жена Ира. — Продавец осклабился, глядя, как наливаются красным щеки гостя. — Сынишка в третий класс осенью должен пойти. А Игорь Валерьевич ни сном ни духом. Разрушил чужую жизнь — и ко мне. Жаловаться. Не везет, мол, помоги.

— Я никого не убивал! — взорвался Игорь, но тут же взял себя в руки.

— Как знать, как знать, — покачал головой Продавец. — Ну что, дальше рассказывать?

— Мне дела нет до ваших бредней, — нахмурился Игорь и потянул из пачки сигарету. — Меня интересует результат.

— О, поверь мне, результат превзойдет все твои ожидания. Это ведь как маятник, — услужливо щелкнул зажигалкой Продавец. — Много куришь, кстати. А ведь я здоровья не гарантирую, только фарт.

— Давно не курил, — пожал плечами Игорь. — Так что там про маятник?

— Жизнь, говорю, как маятник. Вот ты сейчас на темной стороне, потому как заглянул в разбитое зеркало. Особое зеркало, — подмигнул Николай. — А я, по доброте душевной, заберу все твои несчастья, и что останется? Бешеная, немыслимая удача останется у тебя, Игорек.

— У вашей душевной доброты много нулей, Николай. Вы понимаете, что с вами может случиться за такие деньги, если все это — кидок?

Продавец смеялся долго.

— Кидок! Надо же, а еще интеллигентный с виду человек! На офицера царской армии похож, а все туда же! Игорь Валерьич, ты знаешь, сколько я лет в этом бизнесе? — Продавец хлопнул Игоря по плечу. — Я еще с князем Меньшиковым Воробьевский завод строил. «Амбар каменный длиной восемьдесят три

фута, в вышину десять аршин, в нем плавильная печь сделана из кирпичу белой глины», — продекламировал бородатый и добавил: — А такое ты видел?

Продавец схватил вилку и с размаху вогнал ее себе в ладонь. Брызнула кровь, и перед носом Игоря появилась пятерня со стремительно зарастающими четырьмя ранами.

— Вот так-то, — отер руку о рубаху Продавец, глядя на ошарашенного клиента. — Ну что, начнем? Вся запара в том, чтобы воля у тебя была добрая, Игорек. Без всяких там сомнений, а то не выйдет ни хрена. Понял?

Игорь быстро закивал.

— Ладно, гляди сюда. — Продавец достал из нагрудного кармана маленькое зеркало. Положил его на стол. Кое-где амальгама потрескалась и отвалилась, бронзовая рамка позеленела, но золотая вязь латинских букв по периметру блестела ажурными изгибами. — Это работа одного старого мастера, — гордо сказал Николай. — Его звали Лучано. Редкая вещь, очень дорогая. Загляни в него. Гляди внимательно, не отводи взгляда.

Игорь наклонился поближе, всматриваясь в свое отражение.

Вдруг словно кто-то невидимый повернул рубильник, музыка захлебнулась. В наступившей тишине раздался оглушительный шепот Продавца:

— Властью, данной мне Зазеркальем, и по доброй воле Чернова Игоря, сына Валерия, я забираю его наказания и закрываю дверь.

Тяжелый кулак бородача опустился на зеркало. Оно взвизгнуло и с глухим хлопком раскололось надвое.

И тут же на Игоря обрушился притаившийся до поры звук. Снова ударили в диафрагму басы, заторопились, забегали по экрану ожившие картинки.

— Ну вот и все, — вылил в бокал остатки вина Продавец. — Будь счастлив, Игорек. А я понесу тяжкий крест твоей кармы сквозь века, — пафосно произнес Николай, коротко курлыкнул журавлем и поднял бокал.

Игорь осторожно взял осколок зеркала и поймал в нем луч лампы:

— Нет, не все.

— Не понял? — оторвал губы от бокала Продавец.

— Не все, — повторил Игорь, медленно поднимаясь с места. — Предательство, гордыня, а теперь еще сребролюбие и ложь.

Продавец нахмурился, сжал зубы и вперил взгляд в клиента. Он сверлил взглядом лицо Игоря, словно пытаясь что-то рассмотреть, что-то важное, от чего проступает пот и бледнеет его смуглая кожа.

Кандидат физико-математических наук, вдовец и бизнесмен Игорь Валерьевич Чернов оттянул ворот свитера и выудил из-за пазухи маленькое зеркальце на плетеном кожаном шнурке. Рванул его, выставив вперед сверкающий прямоугольник, и трижды постучал по столу:

— Здравствуйте, мастер Ломбардо.

Стены бара всколыхнулись и начали медленно таять.

В дверь трижды постучали. Человек, сидящий за столом, вздрогнул и навел пистоль на массивную сшитую стальными полосами створу:

— Какого дьявола вам надо?

— Синьор Ломбардо, — раздался из коридора жалостливый девичий голос, — вам нужно поесть.

Человек обвел мутным взглядом небольшую комнату. Альков с застланной шелком кроватью, уставленный стеклянными бокалами и золотыми супницами столик. Слева у стены задирал в потолок гнутые ножки опрокинутый вчера стул. В неровном свете свечей поблескивали темной зеленью не початые еще бутылки.

Дюжина, пересчитал человек и успокоился.

— Впустите, мастер Ломбардо, — не успокаивались за дверью. — Вы не появлялись в цеху уже три дня. Мсье Сюэр беспокоится за качество...

— Убирайся к черту, французская шлюха! — рыкнул Никколо. — Стеклу лежать под грузом еще две недели! И вот что. — Он снова пересчитал бутылки с вином. Их было по-прежнему двенадцать. — Принеси мне завтра, нет, лучше послезавтра еще вина. Только не вздумай отирать с бутылок паутину! Тебе понятно?

— Слушаюсь, синьор, — пискнула девушка.

Когда шаги стихли, Никколо обессиленно откинулся на спинку стула. Закутался в шерстяное одеяло и шумно выдохнул. Изо рта вырвалось облачко пара. Февраль за массивными запертыми изнутри ставнями колотил крупой по витражу, засыпал узкие улочки Тур ля Виля. Мастер Ломбардо поежился. В маленькой комнате на третьем этаже не было камина, зато имелась дубовая дверь и надежные ставни. Но и они не могли избавить его от страха.

Никколо встал, поднял бутылку и придирчиво осмотрел сургуч. Пыльное стекло замарало длинные бледные пальцы. Мастер отер их о панталоны, стиснул тяжелый тесак и одним движением снес горлышко.

Первый фужер он осушил махом, жадно глотая холодное, терпкое вино, не замечая, как оно льется по подбородку, расплывается рдяным пятном по белой рубашке.

Стало немного теплее. И спокойнее. Никколо наполнил опустевший фужер, пододвинул канделябр. Красная кровь французской лозы едва заметно колыхалась в муранском бокале. Тонкая, грациозная ножка, отделанная витой нитью из опалового стекла. Пузатый бок фужера, украшенный мелкими пластинками, изображавшими лилию. Казалось, цветок застыл в прозрачной, как слеза, смоле. Никколо вспомнил, как еще подмастерьем его и Альвизе Раммузио взяли на Немецкое подворье, что на Риальто. Там, в лавке купца из Брюгге, он впервые увидел чудной желтый камень с замершей в нем мошкой. Купец просил за него полсотни дукатов или ладонное зеркало. Зеркало с острова Мурано.

В глазах Никколо потемнело. Он выпил до дна и грохнул фужером о стену. Стекло лопнуло, как первая струна мандолины, брызнуло осколками по полу.

Ломбардо схватил дрожащими руками супницу, давно пустую и немытую, наполнил ее до краев вином и пил, пил, давясь и задыхаясь, чтобы прогнать видение. Прогнать темную, безлунную венецианскую ночь, скрип рангоута барка, удаляющуюся громадину острова за кормой. Две дюжины вооруженных французов — телохранителей и охранников, и хмурые угрюмые лица друзей.

Полтора года пытался забыть Никколо эту ночь.

Богатство и роскошь при дворе Людовика. Величие мастера Ломбардо и его «волшебных стекол», о которых будут говорить столетия. Сладкие речи министра Кольбера, сулящие и успокаивающие, обещающие покровительство и защиту от венецианских сбиров.

— Где? Где та защита, что вы нам обещали? — закричал Никколо, снося горлышко очередной бутылке.

Бабник Энрико, весельчак Конти. Верный Альвизе.

Синюшные, раздутые лица. Расцарапанные шеи, будто в агонии пальцы сами решили вырвать отраву из горла. Черные губы. Закатившиеся глаза.

— Я — Никколо Ломбардо! — закричал мастер, взмахнув пистолетом. Огоньки свечей затрепетали, отбрасывая на обожженный кирпич комнаты исполинскую тень. — Я — великий мастер! Вам меня никогда не достать, слышите? Никогда! — прокатилось по пустым коридорам замка.

Ветер взвыл за окном. Часовой у аркады остановился, перехватил поудобнее мушкет и задрал голову. На третьем этаже опять кричал пьяный венецианец. Часовой перекрестился и продолжил обход.

— Великий, великий, — продолжал бормотать Никколо, кутаясь в одеяло. — Великий...

...Никколо дрожащими руками снял гнет.

Ртуть проглотила олово, растворила его в себе, образовав тонкий матовый прямоугольник под прозрачным стеклом. Подмастерье аккуратно вставил крючки в пазы по углам и медленно, нежно потянул на себя. Предзакатное солнце отразилось в зеркале, ударило лучиком по глазам. Никколо улыбнулся своему отражению. Улыбнулся мастерской, одинокой оливе, мощеному дворику и уходящей к морю дороге, петляющей за овитой лозой оградой.

Раздался хлопок и мир покрылся бесчисленным множеством трещин.

— Дьявол тебя побери, Никколо! — отвесил знатную оплеуху дядя Франческо. — И как ты смог уродиться в такой славной семье? Тех несчастий, что должны свалиться на твою непуте-

вую голову, уже должно хватить на десяток жизней. Клянусь святым Марком, тебе никогда не достичь славы твоего прадеда! — Мастер Франческо зло сплюнул. — Убери тут все, бездарь криворукий!

Обида закупорила горьким комом горло. Никколо попытался удержать слезы, но не смог. Мутная пелена встала перед глазами. Длинные худые пальцы дрожали, собирая в корзину осколки. Они не чувствовали боли от порезов. Просто собирали осколки, пачкая красным блестящую поверхность...

Конти закончил рассказывать свежий анекдот о венецианской девственнице. Молодые люди дружно загоготали, хлопая по столу ладонями. Трактирщик воспринял жест на свой счет — им принесли еще вина. Энрико облизал губы и заговорщицким шепотом начал рассказывать о предстоящей поездке в столицу:

— И пока мастера будут танцевать на площади, я отведу вас к паре знакомых девушек, — подмигнул он товарищам и закончил: — Даю слово, нас к утру не хватятся!

— У меня опять ничего не вышло, — хмуро произнес Никколо, не поднимая глаз от кружки.

Друзья оторвались от обсуждения карнавала.

— Ничего не вышло, — повторил Никколо. — Зеркало. Оно опять лопнуло.

— Да брось ты, — хлопнул по плечу Альвизе. — В твоих жилах, мой друг, течет кровь самого Лучано Ломбардо! Когда-нибудь ты превзойдешь своего славного предка, верно, собратья?

Товарищи закивали и подняли кружки.

— За это я продал бы душу, — прошептал Никколо.

Внезапно гомон в таверне стих. Наступившая тишина навалилась, сбила дыхание.

— У тебя нет души.

— Что? — поднял голову Никколо.

— У тебя нет души, — повторил Альвизе и подался вперед. Свет упал на его синее, раздувшееся лицо.

— А все, что у тебя было, ты уже продал, — растянул черные губы в улыбке Конти.

— Честь, родину, друзей, — сверкнул белками закатившихся глаз Энрико.

Никколо вскочил, опрокидывая стул, и попятился:

— Нет! Нет! Господи, нет!

Три мертвеца медленно приближались.

— Ты искусил нас... Заставил бросить наш остров... Нарушить устав...

Никколо сдавил ладонями уши и закричал, перекрывая свистящий шепот. Но он не прекращался:

— Клятвоотступник! Никколо Ломбардо — клятвоотступник!

— Приснодева Мария, к тебе взываю...

— Мы пришли за тобой, Никколо! Кайся!

— И что я много согрешил мыслью, словом, делом и неисполнением долга... Убирайтесь в ад! В ад! — крикнул что было мочи Никколо и...

...проснулся.

Руку, сжимающую пистолет, свело судорогой. Рубашка насквозь промокла от холодного пота. Никколо облизал пересохшие губы и потянулся к супнице.

— Ад — это еще не самое страшное, мастер Ломбардо.

Напротив сидел человек. Отблески догорающих свечей выхватывали из темноты его фигуру, оставляя неразличимым лицо. Пальцы, затянутые в тонкую черную перчаточную кожу, плавно постукивали по столешнице, будто мужчина играл на клавесине.

— Кто вы и как сюда попали? — навел на него пистолет Никколо.

— Я думаю, вы знаете ответ на это вопрос, мастер, — неспешно ответил человек, не отвлекаясь от игры. Никколо показалось, что незнакомец улыбается.

— Ты работаешь на Гвистиниани, — понимающе ухмыльнулся мастер.

— Нет, — задорно ответил человек, — но я думаю, венецианский посол будет очень рад узнать, где прячется последний из предателей.

— Дешевая ищейка, — прошипел Никколо и нажал на спуск. Боек чиркнул по кремню, но не грохнул выстрел, не вздернула руку отдача. Мастер ошалело уставился на взбунтовавшийся пистолет.

— Смело, — кивнул незнакомец, и его пальцы перестали порхать. Ладони уперлись в стол, и из полумрака вынырнуло будто вырезанное из воска лицо. Разглядеть черты Никколо не успел. Он видел только два маленьких овальных зеркальца, там, где у созданных Господом людей были глаза. В них отражался бледный, вжавшийся в спинку стула человек. — Не пугайтесь, мастер. Я принес вам не смерть. — Нелюдь улыбнулся, явно наслаждаясь зрелищем. — Я принес вам жизнь, мастер Ломбардо. Вечную жизнь. В обмен на...

— Душу? — выдохнул Никколо.

— Не смешите меня, мастер, — отмахнулся незнакомец. — Я вовсе не Диавол. Вы, кстати, собирались выпить, не так ли? — Он налил вина и пододвинул к Никколо супницу. Тот вцепился в нее, как утопающий в соломинку. Нечеловек плеснул вина и себе, пригубил, словно оценивая букет.

Пока мастер шумно пил, незнакомец продолжал:

— Ни свинец, ни сталь, ни яды, ни болезни не причинят вам вреда. Что, согласитесь, при теперешнем положении весьма выгодно. Вы можете задохнуться или сгореть, здесь я не властен, но расшибиться вам не удастся. Ваше тело не позволит этого. Оно всегда будет оставаться телом тридцатипятилетнего мужчины. Взамен же я прошу не душу, нет. У вас ведь нет души. — На восковом лице потекла, зазмеилась улыбка. Никколо закашлялся, подавившись. — В обмен я хочу разорвать договор, заключенный с вашим предком Лучано.

— Какой договор?

— Все Ломбардо, начиная с вашего прапрадеда, могли изготовить истинное зеркало. Мы открыли вам этот секрет. Нам нужны были двери из Зазеркалья в этот мир.

Едва захмелевший Никколо вновь протрезвел:

— То есть я никогда не смогу больше создать зеркало?

— Истинное зеркало, — поправил зеркальный человек. — Ну так вы согласны?

Никколо задумался. Вечная жизнь манила и пугала одновременно. Ему вспомнилось Святое Писание.

— А если я откажусь?

Незнакомец захохотал. Он хохотал совсем как человек: задорно, раскатисто, запрокинув голову и утирая невидимые слезы.

— Ох уж эти венецианцы, — погрозил он пальцем, вдоволь насмеявшись, — все бы им торговаться! Если вы откажетесь, мастер, к концу месяца по вам справят панихиду. Один из французских работников уже продал свой стилет за пять тысяч ливров. Кстати, видеть будущее и прошлое человека — это еще одна из прелестей вашей новой жизни, вечной жизни, мастер. Ну так как?

— Вечной жизни, — упавшим голосом повторил Никколо. — Я стану неприкаянной душой, как Вечный Жид.

— Недурственное сравнение, мастер, — похвалил незнакомец. — Не замечал в вас тяги к писательству. «Агасфер с острова Мурано». Отлично звучит. Надо будет нашептать какому-нибудь сочинителю вашу печальную историю. Ничто не вечно, — сменил тон гость из Зазеркалья. — Даже путь Жида окончится рано или поздно. Вы же сможете упокоиться, когда искупите все свои прегрешения.

Никколо удивленно вскинул бровь.

— А как вы думали, мастер? Я ведь не Создатель, я всего лишь гость с той стороны зеркала, — развел руками незнакомец. — Ваша жизнь будет питаться только за счет чужих несчастий, принятых вами на себя по доброй воле. А когда избавление от людских горестей наполнит до края чашу вашего греха, мастер, я принесу избавление и вам.

Мастер Никколо тонул в мягких напевных звуках голоса. Слова шли через него, качали, убаюкивали страх. Плавили в сознании образ окровавленного стилета.

— Я... Я согласен.

Незнакомец улыбнулся, веки его смежились, оставив блестящие щелочки. Никколо отвел взгляд и отхлебнул прямо из разбитого горлышка.

— Взгляните, мастер. — Незнакомец положил на стол круглое зеркальце в оправе слоновой кости. По краю тусклым золотом вилась гравировка «Меня сделал мастер Лучано Ломбардо». — Загляните в него.

Никколо повиновался и увидел на дне стеклянной безделицы себя, юного и улыбающегося. Молодой Никколо тоже, казалось, увидел его, перестал улыбаться и что-то быстро заговорил. Губы шевелились, но не попадали в такт баюкающего речитатива незнакомца:

— Властью, данной мне Зазеркальем, и по доброй воле мастера Никколо Ломбардо я разрываю договор и закрываю дверь.

Затянутый в черную кожу кулак грохнул по зеркалу. Оно застонало и разлетелось вдребезги.

Напряжение схлынуло. На Никколо вдруг навалилась немыслимая усталость. Он медленно поднял голову и спросил:

— И что теперь?

Незнакомец уже стоял у выхода и отпирал засов.

— Теперь? Теперь бегите, мастер. Бегите на край света, пока Святая инквизиция не сделала из вас факел. Ее наверняка заинтересует человек с такими талантами, коими вы только что обзавелись. До встречи, — отсалютовал человек из Зазеркалья и вышел.

Никколо вскочил, опрокинув стул, и выбежал в коридор:

— Постойте! Но как же...

Коридор был пуст. Лишь в дальнем конце мутно поблескивало зеркало. Оно жадно ловило первые лучи солнца, яростно продирающиеся сквозь тяжелые облака февральского утра.

Никколо провел ладонью по лицу. Кожу обдало жаром.

— Я так до горячки допьюсь, — пробормотал он.

— Мастер Ломбардо, — окликнули сзади. Шурша юбками, к нему приближалась служанка. В руках она несла корзину, из которой торчали залепленные сургучом пыльные зеленые горлышки бутылок. — Как славно, что вы наконец-то вышли из комнаты!

Девушку звали Изабель. Ей было семнадцать лет от роду. Всего этого Никколо до теперешнего мгновения не знал. А того, что в двадцать шесть Изабель зарубит топором взревновавший к соседу супруг, не мог знать и подавно.

— Черт возьми, а я ведь знал, знал, что с тобой что-то не так, — пробормотал Никколо, когда его руки перестали тряс-

тись. — И главное, так просто — носил зеркало блестящей стороной к сердцу. И как я мог забыть об этом трюке...

Человек из Зазеркалья кивнул, завязывая узелок на шнурке.

— А что бы вы сделали, мастер? Попытались бежать? — улыбнулся он. Спрятал зеркало за пазуху. В ту же секунду изгибающиеся стены бара обрели резкость, медленно, как набирающая обороты пластинка, заиграла музыка с танцпола, поплыл висевший до этого облаком табачный дым. Человек моргнул, глаза его вновь стали серыми, а сам он — Игорем Черновым. — Вечность не пошла вам на пользу. Вместо искупления вы увязли в еще большем грехе, мастер. Мы долго сомневались, но теперь ваша вина доказана.

— Вина? О чем ты? Я делал все так, как было уговорено, — затараторил Продавец.

— Ложь и сребролюбие, мастер, ложь и сребролюбие, — вынул из пачки последнюю сигарету Игорь. Медленно размял пальцами. Закурил. — Бить фальшивые зеркала, наживаться на несчастных, по незнанию уничтоживших двери в ваш мир, разве об этом мы условились там, в маленькой комнате замка Тур ля Виль?

Продавец нахмурился и метнул взгляд в сторону охраны. Игорь прицокнул и предостерегающе покачал головой. Никколо почувствовал, будто из его тела вынули всю плоть и набили ватой:

— Мне нужны были деньги, — попытался оправдаться он. — Не мне, конечно, конечно, не мне — для моей, нашей миссии! Деньги на истинные зеркала. Работы Лучано стоят теперь дорого, очень дорого, понимаешь?

Игорь лишь пожал плечами и затянулся.

— А как же Кэрролл? — ухватился за последнюю надежду Продавец. — Он ведь тоже заработал на Зазеркалье, однако вы оставили ему жизнь, пусть не вечную, но жизнь!

— Чарльз Доджсон лишь приоткрыл завесу и умер в бедности, — выпустил тугую сизую струю в потолок Игорь. — Кроме того, он сразу же отказался от экспериментов с фотографией после нашей встречи.

Последняя фраза прозвучала так зловеще, что Никколо выпрямился и отстранился.

— И что теперь? — прошептал он.

Спустя три столетия фраза прозвучала иначе.

— Теперь? — переспросил Игорь тем же тоном, что и тогда, в предместье Парижа. — Теперь — все, — просто ответил он и заколотил окурок в пепельницу.

Продавец вздрогнул, вжался в спинку стула. Затравленной крысой огляделся вокруг и вдруг оскалился в лицо Игорю.

— Ложь и сребролюбие, говоришь? Предательство и гордыня? И за это осудили меня те, кто мнит себя абсолютной справедливостью, а на деле — лезет в наш мир и кроит его под себя? — Никколо вцепился в край стола, подался вперед. — Только лишь потому, что им не нравится то, что отражают зеркала? Рвут и топчут судьбы и события, чтобы сделать свою плоскую жизнь насыщеннее, лучше, вкуснее? Так где же ты был, ангел возмездия? — брызгал слюной Продавец. — Где ты был, когда я искал смерти, искал встречи с тобой? Когда я раз за разом резал пальцы об осколки очередного лопнувшего зеркала? Когда искал рецепт? Рылся в фолиантах и жег до смерти каленым железом сначала всех, в ком была хоть толика от семени Ломбардо, а потом и тех, кто просто был с ними рядом?

— Ты не терял времени даром, — сухо ответил Игорь. С воскового лица на Никколо вновь уставились два маленьких зеркальца.

— О да! Я так и не вернул себе дар. Но я узнал многое о вас. И стал готовиться к встрече. — Никколо блеснул в полумраке зубами. Верхняя его губа дрожала, лицо кривилось ненавистью. — Ложь и сребролюбие — мои грехи? И ты явился меня за них покарать? Скажи уж, что тебе просто снова надоело утолять жажду сухарями, так будет честнее! Что? Что ты можешь мне сделать? Молчишь? Если бы вы, великие гости-с-той-стороны-зеркала, могли убить меня, вы не стали бы ждать так долго! Ты пришел бы тогда, когда я начал скупать и уничтожать все, что хоть как-то походило на двери, ведущие из Зазеркалья в наш мир. Ты пришел бы тогда, когда последнего Ломбардо зарыли в землю, и я начал искать тех, кто мог знать о вас и Зазеркалье.

— Или тогда, в январе девяносто восьмого, в Гилфорде, когда ты удавил подушкой Чарльза Лютвиджа Доджсона? Несчастного старика, который нес бредни, вымаливая несколько лишних часов? — Кончики губ на восковой маске выгнулись вверх. — Мы видели каждый твой шаг, мастер. Просто время, отпущенное тебе, тогда еще не вышло. Но теперь, теперь пора сковырнуть цифры, вырвать стрелку и остановить маятник.

Никколо закусил губу, чувствуя, как заколодо под сердцем.

— Валяй. — Он с трудом расправил плечи и натужно осклабился. — Сегодня в десять утра, если я не позвоню по нужному номеру, одну нехитрую машинку некому будет остановить. Некому будет замкнуть контакт, и обычный молоток разнесет к чертям вашу волшебную дверь, последнее истинное зеркало мастера Ломбардо, — эти слова дались тяжело: в легких уже не хватало воздуха.

— Глупый, глупый Никколо, — медленно произнес Игорь, вынимая из-за пазухи зеркальце на кожаном шнурке. — Он не боится смерти и хочет побольнее укусить напоследок. — Блестящий прямоугольник опустился на столешницу. — Похвально, мастер, похвально. Но нам не нужны больше зеркала. — Игорь посмотрел в красные от полопавшихся капилляров глаза Продавца. — Профессор Доджсон, балуясь с реактивами в фотолаборатории, открыл нам другой путь. Ты подошел очень близко, мастер Никколо, и той январской ночью мог бы разговорить старика Льюиса. Но вот незадача — вместо него в Гилфорде тебя ждал я. Знаешь, как это паскудно — умирать от удушья, Никколо? — спросил Игорь. Вены на шее Продавца вздулись, на губах выступила пена. Кривой рот хапал воздух, пытаясь протолкнуть хоть толику в легкие. — Знаешь, — удовлетворенно добавил Игорь.

Продавец вздрогнул и грузно повалился ничком. Глухо ударился о стол, опрокинул бокалы, расшиб лицо в кровь. Бурая в приглушенном свете бара жидкость медленно ползла по столешнице, принимая в себя капли расплескавшегося вина.

Игорь наклонился к Никколо и прошептал на ухо:

— Но кое-что ты не учел, мастер. Есть вещи и похуже смерти. Да и двери могут открываться в обе стороны.

В ответ ему раздался приглушенный хрип и бульканье.

Игорь приблизился к стойке, оставил деньги и зашагал по коридору к туалету. Едва он вошел, за дверью послышались топот и крики:

— Стой, мужик! Ну-ка стой!

Мощный удар разворотил, сорвал с петель хлипкий пластик: в уборную ввалилась охрана.

В туалете было пусто. В большом зеркале на стене отражался белый кафель.

— Вовчик! Вовчик! — орал Колян, вытирая кровь с разбитого лица босса. — Чего делать-то?

— «Скорую» вызывай, дура! — на бегу рыкнул Владимир суетящейся и причитающей официантке. — Колян, пульс есть?

Охранник сунул два пальца под бороду, заелозил по хозяйской шее.

— Бля, нету, кажись! Ментам звонить?

— Да погоди ты! — оборвал его Вовчик. — Вроде дышит, — замер он над раззявленным ртом. — Не разберу, черт! Подай зеркальце, — кивнул он на лежащий на столе сверкающий прямоугольник. Кончик вдетого в него плетеного кожаного шнурка намок в подтекшей крови.

Когда к губам владельца ночного клуба «Версаль» поднесли зеркало, тело его на мгновение выгнулось дугой и обмякло.

Никколо открыл глаза и закричал.

Со всех сторон, насколько хватал глаз, шеренгами приближались к нему мертвецы. В первом ряду шли тысячи отражений Альвизе Раммузио. Они улыбались.

Наталья Федина

АДЬЕЗ, МАДРИСИТА

I. Однажды

У санитарки глаза лазоревые, в кружеве легких ресниц, на носу — нежные веснушки. Верхняя губа чуть вздернута, но это ее не портит, наоборот, делает еще милей. Барышня-ромашка, девочка-колокольчик. Полевой цветок, незамысловатый, а присмотришься — глаз не отвести.

Новенькая, первый день на работе.

И сама вся такая чистая, светлая, радостная — как весна, нечаянно пришедшая в ноябре. Впрочем, по нашему безумному климату — в самый раз. Весна в ноябре. Весна в захолустной психушке. Хорошенькая санитарка, сияющая юностью, не идет этой облупленной больничной палате. Стены в наскоро замазанных трещинах, окно, заложенное кирпичом так, что даже лучу света не скользнуть контрабандой... Вместо солнца — тусклая лампочка под потолком. Похоже, это первая весна, пришедшая в палату за долгие годы.

— Белье стелить? — радостно спрашивает Весна сопровождающую ее медсестричку. Та постарше, потолще, позлей. Хмурое лицо похоже на розовую когда-то наволочку, застиранную до серости. Неравномерно застиранную: на щеках медсестры цветут лихорадочно-яркие пятна румян.

Кровать в углу палаты не застелена. Пружины из матраса кое-где вылезли и задорно торчат вверх. «Белье стелить»...

© Н. Федина, 2007

— Нет смысла, — отвечает медсестра. — *Этот* спит прямо в своем кресле дурацком. Если вообще спит.

А может, и не злая она, просто усталая. Уставшая от жизни.

Этот — жалкое, ссутулившееся в кресле существо. Плечи сведены вперед, голова откинута на одно из них. Из-под длинного рукава линялой больничной пижамы выглядывает странный браслет. Может, его ультразвуком каким лечат? Как разбуянится, нажмут на кнопку — и он сразу смирнехонький... В черной шевелюре, кстати, не так уж и много седины: мужчина — если его можно так назвать — не стар. Черты лица, впрочем, правильные, подбородок очерчен четко. И как ни сутулит пациент плечи, а понятно, что они широки. Кажется, *этот* когда-то был видным мужчиной. Когда-то. Очень давно. Был.

В прошлом.

Впрочем, нет никакого прошлого! Есть только здесь и сейчас.

Санитарка Весна ловит взгляд пациента и кокетливо строит глазки. *Этот* широко улыбается в ответ, из вялого коричневого рта течет струйка слюны. Брр! Санитарка непроизвольно морщит носик, превращаясь из Весны в обычную хорошенькую девчонку.

Старшая хмыкает:

— Не трать силы, да? Ты с контингентом лучше поосторожней, у нас ведь и буйные есть! Поймут не так и... Хорошо, *этот* как овощ — ничего не соображает.

— Ну, я, так, по привычке... — оправдывается хорошенькая.

Когда ты красива, сложно забыть об этом даже в психушке.

На столике рядом с инвалидным креслом стоит антикварный патефон — настоящий, с ручкой. В воздухе выписывает фигуры легкомысленная, дурашливо-небрежная мелодия.

— Адьез, мадрисита...

Старая добрая «Рио-Рита» — только на испанском. Символ тридцатых—сороковых годов двадцатого века, веселого мирного довоенного времени... Заводная мелодия, услышав ее, сложно удержаться на месте.

Вот и у хорошенькой покачивается в руках стопка наволочек и простыней: каблучок одной ноги непроизвольно постукивает в ритм. Медсестра роняет с ненавистью:

— Пляши пока... Как меня достала эта чертова песня! Круглые сутки, круглые сутки! У палаты две двери, вторая железная, а все равно слышно. Это же самой можно сойти с ума с этими психами. Иногда ночью думаю: подкрадусь к патефону этому дурацкому, выключу и отдохну хоть чуть-чуть. Жизни же от «Рио-Риты».идиотской нет. А он никогда словно не спит, этот урод. Как ни войдешь, глазами зыркает, сторожит свою пластинку придурочную.

— *Адьез, мадрисита!*

Навеки мое сердце разбито...

— Так взяла бы и все равно выключила! — Хорошенькая делает шаг к патефону и тянется к ручке.

— У-у-у! А-а-а! А-ааааааааааааааааа!!!

Жуткий крик сотрясает воздух.

Хорошенькая отскакивает в сторону на полметра. Простыни и полотенца летят вверх: вот вам сразу и салют, и развевающиеся флаги.

Пациент кричит и трясется — как же жутко он кричит! Глаза вытаращены, слюна течет ручьями с подбородка на грудь. И вид его теперь не жалок, а, скорее, страшен.

— Да не связывайся ты с ним, — устало говорит медсестра — опытная, тертая, битая — испуганной девочке. — Он всегда так реагирует, если шарманку чертову выключить пытаешься. И состояние потом ухудшается. Главврач велел этого дурика не беспокоить. Он на особом положении у нас, все у него преимущества какие-то. Палата вот одиночная, музыка... идиотская.

Медсестра смотрит на пациента злобно.

Ей кажется, что взгляд его не так бессмыслен, как *этот* хочет показать, но какое ее дело?

Она тут работает — и все.

Остальное ее не касается.

II. 25 марта 1808 года

Жаркая Пуэрто-дель-Соль.

Ворота Солнца — самое сердце Мадрида. И солнца здесь в избытке! Ангелы наискось расчертили яркое небо белыми полосами облаков. На Доме Почты бьют часы. Полдень.

Мария, пританцовывая, вышагивает по площади, в воздухе пахнет счастьем. Мария хороша. Черные глаза, тонкие запястья. Никто не учил ее грации, легкости походки, это у Марии от природы. Она сама — воплощенная грация. Солнечное обаяние в изобилии изливается в стороны, пленяя всех подряд. Мужчины восхищенно свистят ей вслед. Пожилые мадридцы, сидящие на ступеньках своих домов или на балконах, смотрят с приязнью. Мария — не какая-то там свистушка, достойная молодая сеньора из хорошей семьи. Юная, как вечнозеленая олива, душистая, как ее цветы.

Какой-то гири-иностранец из солдатиков, бормотун приезжий машет ей рукой:

— Привет, красавица! Когда снова пойдешь по площади? Не хочу пропустить!

— Маньяна! — пожимает Мария плечами. Маньяна: завтра, послезавтра, через год. Когда-нибудь. Может быть, если получится.

Когда ты красива, сложно забыть об этом, даже если ты примерная католичка и — представьте себе! — почтенная матрона. Год назад друг семьи, священник дон Франсиско де Лилла обвенчал их с Карлосом в церкви Сан Антонио де лос Алеманес. Конфетти и рис летели во все стороны, а Мария с Карлосом целовались, целовались и все не могли остановиться...

И вот итог: Мария замужем, Мария счастливая, Мария беременна. Ни за что не скажешь, что сроку — уже пять с половиной месяцев. Круглый животик скрывает покрой платья, а в остальном никаких примет: ни нос не распух, ни кожа пятнами не пошла. И уж, конечно, Мария не стала грузной, как Консуэло, жена ее брата Хосе, которая тоже сейчас ждет ребенка — уже третьего. Посмотрите, как тонки щиколотки! Ах, Мария, птичка-невеличка, цветок оливы, замужняя девочка.

Жаркий полдень. Очень жаркий.

Из чего, интересно, сделано небо, текучее, как самое легкое вино?..

Мария ловит языком соленую каплю, скатившуюся со лба по смуглому носу и хохочет. Впереди — целая жизнь, полная

восторгов и удовольствий. У них с Карлосом еще будут дети. Много-много детей.

Она самая счастливая на свете. Счастливей не бывает.

Два дня назад, 23 марта, французские войска вошли в Мадрид.

Теперь жизнь совсем пойдет на лад. Революция сделала французов счастливей, то же будет и с испанцами.

Здорово, правда?

2 мая 1808 года

— ...Не ходи! — плачет Мария. — У тебя жена больна и скоро будет ребенок... Вот Хосе думает о семье, он не пойдет на площадь!

— Пойми, я должен! — Голос Карлоса тверд, его рука — большая, горячая сжимает тоненькую смуглую ручку Марии. — Наполеон навязывает в короли Испании какого-то выскочку, настоящего наследника престола сейчас увезли в Байонну, в мадридцев, попытавшихся этому помешать, стреляли... Каждый мадридец сейчас должен взять оружие и идти на площадь. Французишки не знают, с кем связались...

Мария в панике: где ее Карлос набрался революционных мыслей?!

Contra.

Марии больно: муж совсем не думает о ней и будущем ребенке.

Contra.

Мария горда: муж не может поступить иначе. Он настоящий мадридец. Жизнь соткана не только из счастья и покоя, без опасностей ее узор тускл и бледен. Она не смогла бы жить с человеком, решившим иначе. Ее Карлос — лучший мужчина в Мадриде, в Испании, на Земле. Она побежала бы за ним на край света, не только на площадь — испанцы презирают опасность, но лихорадка не дает встать с кровати. Иногда становится лучше — вот как сейчас, но приступы следуют один за другим. Только бы болезнь не повредила ребенку... Он родится уже скоро, через два месяца.

Как она без Карлоса? Как? Но другого решения нет.

Рго.

Мария тихонечко целует мужа, благословляя. Dos Dэ Mayo — второй день мая. День знойный, безветренный, но в воздухе отчетливо пахнет грозой. Из чего сделано небо? Из металла колоколов. Из металла ножей и пистолетов, вроде тех, с которым Карлос идет на мятежную площадь Пуэрто-дель-Соль.

Прекрасную Пуэрто-дель-Соль, Ворота Солнца.

Жаркий день, очень жаркий.

У юной женщины начинает щемить сердце. Она кладет руку на живот. Семь месяцев.

Ночь со 2-го на 3 мая 1808 года

Плохая новость приходит ночью. Мечущейся в подушках Марии ее приносит Консуэло, жена Хосе. Их дом — совсем рядом с площадью.

— Мятеж подавлен. Карлоса забрали, — говорит она срывающимся голосом.

Мария замирает. Не может быть! Только не ее Карлоса...

Консуэло мнет передник в руке.

— Это не все. Отца — тоже забрали... И Хосе.

Как отца? Как Хосе? Их же не было на площади! Не было, правда же, скажи, Консуэло? Отец совсем старик, какой из него мятежник?

— Французы пошли по домам с обысками. Всех, у кого нашли ножи, увели, — отвечает жена брата на незаданный вопрос. Что спрашивать — все видно по глазам.

Ножи... Еще бы их не нашли! В семье Марии все мужчины шорники, как им без ножей?

— Много народа похватали... Пол нашей улицы... — продолжает дрожащая от страха и возмущения Консуэло. — Всех погнали в казармы или в монастырь. Я детей спрятала — и к тебе. Сейчас к монастырю пойду, наши, говорят, там... Куда ты одеваешься, дура? Ты же на ногах не стоишь! Какое еще «мне лучше»? Ну, завернись хотя бы в платок... разве тебя переупрямишь...

Мария ходит под окнами монастыря Мария де Арагон, придерживая живот. Ни Карлоса, ни отца, ни Хосе в окнах не вид-

но. Крепконогая Консуэло побежала к казармам — посмотреть, что там. У Марии не хватит сил на еще один переход — она сюда-то еле добрела. Ничего, Карлос наверняка здесь, в монастыре. Небо не зря привело ее именно сюда! Ничего, все образуется, все обойдется. Она, Мария, везучая. Она самая счастливая на свете, у нее любимый муж и скоро будет долгожданный ребенок. Просто не может быть иначе. Мария это знает точно.

3 мая 1808 года

Сначала Марии кажется, что выстрелы приснились ей в горячке. Не выдержав долгого пути и плутаний вокруг монастыря, она не выдерживает и засыпает прямо на земле. Выстрелы... приснились... не приснились! Мария поднимается так быстро, как может, и торопится на звук, спотыкаясь и падая. Черное небо — уже не небо, кромешная темь. Холодная ночь еще холодней от предчувствия чего-то ужасного. Но нет, не может быть, чтобы повстанцев казнили немедленно, той же ночью! Это какие-то другие выстрелы. В деле надо сперва разобраться, ведь французы схватили чересчур много невиновных.

Мария слишком слаба, чтобы быстро добежать до пустыря у горы. Мария далеко. Она не видит, что отец и Хосе уже лежат на земле, выпустив души в небо. Первые жертвы освободительного движения. Кровь, всюду кровь, багрово-коричневая, как будто безумный повар переборщил с томатным соусом и залил им все вокруг... Священник дон Франсиско де Лилла еще жив, руки сложены в молитве. Он тоже был на площади... Сосед Педро яростно сжимает кулак.

В центре группы — Карлос. Стоит, раскинув руки — словно крест. Или... распятие? Ему осталась пара секунд.

Палачи, плечо к плечу стоящие клином, слились в одну бездушную машину смерти. Машина не видит, кого убивает. Видят только люди. Только люди чувствуют.

— Запомните меня, я Карлос де Гильермо! — кричит Карлос, сам не зная зачем, но чувствуя, что так правильно. — Запомните меня!

Мария не слышит его крика, но отчего-то сжимается ее сердце, колотится, словно выскочит сейчас из груди птицей и полетит.

Карлос падает так же, как стоял — широко раскинув руки. Душа выпархивает из груди и несется навстречу птице Марии. Сильное красивое тело стало сором.

Душа — нет.

Мария не видит казни, но другой человек — видит. Через подзорную трубу на расстрел смотрит, сжимая в руке заряженную винтовку, королевский художник Франсиско Хосе де Гойя-и-Лусьентос. Потребовав, чтобы садовник тоже зарядил ружье и сопровождал его, художник отправляется к окровавленному пустырю. Так надо.

Свет луны освещает непогребенных мертвецов.

С другой стороны пустыря одновременно с художником появляется маленькая бледная женщина. Нет, она не кричит. Коротко вскрикивает и оседает, словно пустырь встретил ее заблудившейся во мраке пулей.

Художник достает планшет и начинает быстро-быстро рисовать. На листе появляются линии: мужчина-крест, белое пятно рубашки, сжатый кулак. Из ужаса родится красота.

Кричит, корчась в родах, маленькая, похожая на девочку Мария. Всего час назад ее звали Мария Гомес Диас. Сейчас — еще и въюда де Карлос. Вдова Карлоса.

Старик-садовник бестолково пытается помочь роженице.

— Адьез, мадрисита... — нервно поет он, пытаясь убедить себя, что все происходящее вокруг ему просто кажется. Что он сошел с ума.

По бедрам женщины течет сукровица. Багровой, темной кровью залита белая рубашка Карлоса. Человек умер. Человек рождается.

Гойя шепчет что-то себе под нос, чиркая по листу углем и словом «проборматывая» сюжет. Кричит Мария.

Красота родится из ужаса и смерти, захватывающая красота.

Ничего не закончено. Все только начинается.

III. Однажды

Музыка на пластинке обрывается, «споткнувшись» о царапину. Человек в инвалидной коляске протягивает руку и наводит порядок. Сумасшедшие бывают пунктуальны как никто, а этот помешан на своей ненаглядной мелодии. В общей сложности в этой комнате в день бывает дай бог десять минут тишины.

Одно движение и вот хрипловатый, с легким акцентом голос задорно выводит по-испански:

— Адьез, мадрисита!

Навеки мое сердце разбито...

Пластинка скрипит, пластинка сипит, совсем *этот* ее заездил.

— Давай я тебе скачаю песняк в mp 3? — предлагает хорошенькая санитарка, не надеясь на ответ. — Не качество, а кошмар!

Она все еще девочка-Весна, но уже не Март, а ближе к Маю — расцвела, похорошела еще больше. Скоро станет Летом и упорхнет: негоже таким красоткам носить утки в психбольнице. Им место на подиуме или куда там еще стремятся нынче девочки.

Этот, пациент без имени, качает головой. Девочка-Весна знает, что он совсем ничего не соображает и качания-кивки не являются ответом ей. И так же ясно, что патефон свой *этот* отдаст только вместе с жизнью. Смешной такой. Милый. Хоть и псих.

Задорная мелодия «Рио-Риты», незамысловатые слова. Медсестричке нравится эта песенка, она часто под нее танцует. И не раздражает ничуть! Наоборот, она к ней привязалась. И к пациенту странному привязалась — почему-то. Он хуже собаки — совсем не понимает ее слов, даже «Фу!» и «На!», но девочке все равно нравится с ним разговаривать. Он хотя бы слушает ее — в отличие от начальства и родителей! Это смешно, но... ей с ним спокойно. Словно, пока *этот* сидит здесь, пока хрипит пластинка, все будет хорошо.

25 марта 1808 года

Жаркая Пуэрто-дель-Соль в самом центре Мадрида. Ворота Солнца, солнцем щедро залитые — все, как положено.

Пританцовывая, Мария вышагивает по площади.

На нее оглядываются — Мария хороша. Лукавые черные глаза, тонкие щиколотки.

Какой-то гири-французишка улыбается ей и машет рукой, крича что-то веселое.

Она строит глазки в ответ.

Когда ты красива, сложно забыть об этом, даже если внимание посторонних мужчин не нужно тебе даром. Если дома ждет любимый муж и счастье, счастье, счастье.

Жаркий полдень. Впереди — только хорошее... Крак! Внезапно все чернеет, мир опрокидывается, Мария летит куда-то в пустоту и ничего не разобрать... Треск.

Все кончено.

Однажды

— Все кончено! Достало!..

Сердитая медсестра швыряет пластинку в сторону. Месяц назад ее любимый ушел. Он много раз уходил — «подумать», «разобраться в себе», «отдохнуть», но теперь сказал, что «насовсем». Ей больно, как же ей больно. Сердце рвет пополам, голову раздирает изнутри на сто частей. Она держалась, она долго держалась — на транквилизаторах и силе воли, но всему приходит конец. Вчера она напросилась встретиться, думала, все вернуть... умоляла... и тут у него зазвонил сотовый. Мелодия — задорная «Рио-Рита». По его улыбке — нежной, счастливо глупой, какой женщина не видела уже много лет, стало ясно: звонит соперница. Разлучница... Решение умереть принять было легко: шприц уже ждет своего часа в кармане. Конечно, она не хотела связываться перед смертью с каким-то психом. Думала, зайти в пустой кабинет и сделать все красиво, достойно... Банально сорвалась. Испанские ритмы, расплескиваемые в воздухе старым патефоном, пробили хрупкую оборону, сдернули крышу. Нет, не имеет права звучать эта задорная мелодия сей-

час, когда кто-то в шаге от смерти. Никто на свете не имеет права быть счастлив. Она ненавидит этого пациента, эту мелодию, эту сволочную сопливую санитарку. Ишь, танцует она! Все на свете достается хорошеньким! Суки неразборчивые, они готовы под психа лечь, но всегда будут с мужиком! Всегда!

Медсестра швыряет об стену девочку-Весну, а вслед ей — пластинку. В комнате наступает пугающая тишина, которой эта палата не слышала много лет.

Нет, не полегчало.

Женщина заносит каблук над пластинкой, чтобы раздавить ее как мерзкую гусеницу в детстве. Как далекую недоступную соперницу... И сильно удивляется, когда каблук впечатывается в дощатый пол.

Пластинка — в руках *этого*, пациента без имени, просидевшего сиднем в кресле черт знает сколько лет. Когда она пришла в клинику пять лет назад, он здесь уже сидел... А что раньше было — ни у кого не спросишь, персонал в больничке отчего-то часто меняется.

— Я знала, что ты придуриваешься! — с ненавистью говорит медсестра *этому*. — Никакой ты не паралитик. Что тебе надо от меня, сволочь?

С неженской силой она бросается на «инвалида» и вырывает у него пластинку. Тот от неожиданности выпускает, но вскоре завладевает ею вновь. Медсестра не согласна терпеть поражение...

Девочка-Весна приходит в себя после удара о стену и с ужасом наблюдает, как паралитик и всегда аккуратная медсестра возятся на пропахшем хлоркой полу. Ей страшно.

Конечно, пациент сильней.

Ему ничего не стоит отобрать пластинку вновь, посмотреть насмешливо, твердо: «Не влезай, дамочка. Убьет». Взгляд жесткий, опасный.

Мужчину бы остановил один только этот взгляд. Но не женщину на грани отчаяния. Она не даст одержать над собой власть еще и *этому*! В тот момент, когда странный пациент берется за ручку патефона, медсестра выхватывает из кармана шприц, срывает колпачок и делает укол. Так *этому* и надо, никакой он не

больной, обычный лжец! Все мужики — притворщики, лгуны, сволочи!

Пластинка падает из руки пациента.

Визжащая женщина, бьет, бьет, бьет ее каблуком и чувствует: отпустило. Отпустило.

Мужчина, оседая, успевает нажать кнопку на своем странном браслете.

Через мгновение в палату влетают главврач и охрана. Хлопают двери, бывшего обитателя палаты уносят, накрыв простыней — он мертв. Не сопротивляющуюся, непрерывно хохочущую медсестру уводят еще до того.

Девочка-Весна, спрятавшаяся под кроватью, видит, как главврач собирает осколки пластинки. Выражение его глаз не передать. Боль. Ужас. Безысходность.

Неужели он такой меломан?

Наверное, просто пациента любил — как и она. А пластинка — как бы кусочек *этого*...

На следующее утро, выйдя на работу, девочка слышит, как из знакомой палаты доносится:

— *Адьез, мадрисита!*

Навеки мое сердце разбито...

Уф! Обошлось. Врачи все преувеличили!

Этот жив и все будет в порядке. Пластинка играет, а значит, он жив...

Девочка радостно отпирает железную дверь, врывается в комнату... На каталке у патефона сидит полноватый крепыш восточного вида. Бессмысленный тусклый взгляд, изо рта течет струйка слюны. На руке — странного вида браслет.

Другой человек. Другая пластинка. Та же — только мелодия. И струйка эта дурацкая... И браслет с тревожной кнопкой...

— Что ж это такое? — в сердцах говорит юная санитарка. — Выдают вам эти пластинки при поступлении, что ли?

Делает решительный шаг к патефону, в глазах новичка появляется осмысленное беспокойство.

— Не бойся, не трону я ее, — машет девочка рукой.

Но пациент, похоже, и сам знает, что она — не тронет.

Оба-на! Вот так сюрприз. Подойдя ближе, санитарочка видит, что пластинка склеена. Та же, та же пластинка! Все то же... Только человек другой.

— Познакомьтесь, Олечка, это наш новый пациент, — говорит главврач, неслышно появившийся за спиной. — Не выключайте только пластику, ему так спокойнее. Она хорошо на сложных пациентов действует. Ну, вы знаете. Вы зайдите ко мне потом, кажется, нам пора поговорить.

— Знаю... знаю. Скажите, а как звали *этого*... того?

— Я и сам не знал. Не положено. — Главврач выходит из палаты.

— Чертовщина какая-то, — бормочет Олечка. — Дурдом.

Но ощущение, что все в порядке, все равно не покидает девушку. Сердце щемит и все равно все в порядке.

Как надо.

В это же время

Смотрительница крохотного лондонского музейчика, всю смену напролет вяжущая шарф очередному внуку, сдает пост коллеге — веселой старушке, ненавидящей вязание. Ненавидящей, но остервенело создающей одну уродливую вещицу за другой. А чем еще прикажете занять руки, когда глаза должны быть заняты одним — не терять из виду картину в зеленоватых тонах, скромно висящую в углу?

— Знаете, мне кажется, я уже видел вас с этой самой книгой месяц назад! Пишете по ней диплом? — обращается к симпатичной парижанке в очках не менее симпатичный юный парижанин. Учеба учебой, но так приятно встретить в читальном зале подобную симпатягу. И повод для разговора есть!

— Шит! — бормочет про себя девушка. — Мерде. И ведь придется доложить об этом куратору. Как он был против того, чтобы на пост ставили меня. Говорил, буду вызывать слишком много внимания, что все равно рано или поздно придется меня менять... И ведь придется! Хотя какое-то время у меня есть: диплом — нормальный предлог. Только бы парень не полез смотреть, что это за книга...

* * *

В мадридском баре дымно.

— Каких только глупостей не пишут в газетах! — фыркает черноволосая девушка и объясняет подружке: — Мол, наша Земля — всего лишь искусственно созданный слепок другой Земли, существовавшей миллионы лет назад. А потом — погибшей. Типа земляне успели отправить нам артефакты, отвечающие за цикличность событий, и теперь мы точь-в-точь повторяем развитие той Земли... Те же этапы, те же люди рождаются, те же события с ними происходят. Один в один. Бред!

Мария Гомес Диас откладывает «Паис», взятый у стойки, и закуривает. Мария не любит прессы: новости лучше передавать из уст в уста. Вот она, например, знает историю своей семьи аж с 1808 года — в какой газете такое прочитаешь? Мария на редкость красива. Черные глаза, тонкие щиколотки, нежная кожа легко пахнет оливками.

Над Мадридом ночь.

— *Адьез, мадрисита!*

Навеки мое сердце разбито... — мурлыкает девушка себе под нос.

Шестнадцатилетняя Мария сама не знает, откуда взяла эту старую песенку.

Так, привязалась.

Лариса Бортникова
АНАРХИСТЫ

Смотритель тоннелей столичного метрополитена Сидоров мялся на переходе в томительном ожидании зелёного карапуза на табло. Карапуз медлил, до начала утренней смены оставалось четверть часа, а по проезжей части сновали туда-сюда цветные пассажиропотоки. Сидоров нервничал, переживал, и вдруг... Вдруг его осенило. «А чего это я? А плевать я хотел на приличия и мораль! Пле-вать! Вот так!» Сидоров плюнул, попав точно между прутьями канализационной решётки, скинул пальто и стянул свитер вместе с неглаженой рубашкой (жена ленилась — зимой всё одно под свитером незаметно). А потом Сидоров взлетел.

Вахтёрша шарахнулась в сторону и перекрестилась, увидев, как Сидоров минует турникет, как красивым штопором ввинчивается в наклонную шахту, чтобы обогнуть фонари, натыканные вдоль эскалатора, и раствориться в полутьме.

— Заболел, наверное. Или пьяный? Точно пьяный. Алкаш, — верещала вахтёрша в переговорное устройство, делясь происшедшим с капитаном Соловейко — дежурным ментом. — Вот бесстыжая харя! Просвистел мимо, даже пропуском не моргнул. Вы уж его прижучьте как следует. Оштрафуйте гада.

— Не боись, Марьванна. Примем меры.

Капитану ничуть не улыбалось под конец дежурства разыскивать нахулиганившего техника. Однако долг есть долг, и, наце-

© Л. Бортникова, 2007

пив фуражку с высокой тульей, Соловейко поспешил к эскалатору.

— Вруби лесенку на полную, а то не угонюсь за придурком, — проорал Соловейко вахтёрше.

И правильно сделал. Едва начищенные керзачи капитана ступили на гранитные плиты станции, едва затянутая в белую лайку ладонь коснулась мрамора колонны, дверца, ведущая в подсобку, распахнулась, и оттуда выплыл Сидоров. На лице его, розовом и придурковатом, как у поддатой невесты, блуждало выражение абсолютного счастья. В руках болтался чемоданчик с инструментом, а из бледной спины, испещрённой клинописью баночно-горчичной терапии, топорщились кожистые крылья. Крылья были не слишком ухоженные, размером невелики, но пульсирующие, узловатые жилы указывали на немалую мощь, а также на то, что Сидоров частенько пользовался летательным рудиментом. Чаще, чем положено в цивилизованном обществе.

— Пьяный? Дыхни. — Капитан Соловейко брезгливо оглядел нарушителя порядка. — И это... Приземлись немедленно. Смотреть на тебя тошно. Взрослый мужик. Семейный... Давайка, братец, домой. Отоспишься, придёшь в норму, а завтра на работу.

— А хрена тебе! — Сидоров засучил ногами в кедах и, приняв горизонтальное положение, взял курс на тоннель. — Я свободный человек! Даже не подумаю подчиниться... Вот! Летать я над вами всеми хотел!

С этим Сидоров взмыл под мозаичные своды, изобразил петлю, едва не выронив чемоданчик на капитанскую фуражку, и на бреющем вошёл в трубу. Стоптанные резиновые подошвы мелькнули в чреве тоннеля мотыльком-мутантом. Соловейко чертыхнулся и полез за рацией. Надо было срочно вызывать группу захвата.

— Может, наркота... Или с ума сошёл. Всю жизнь по катакомбам ползать — не всякая психика выдержит. А у нас через полчаса поезда на линию выходят. Высылайте боевиков.

— Соловейко, слушай. Такое дело. Пока ребята прибудут — минут десять пройдёт. Ты того-с... Как-нибудь сам. — Рация за-

мялась, всхлипнула и осторожно добавила: — Приказать не имею права, дело сугубо добровольное.

— Что? — Сочный бас Соловейко, гордость бара-караоке «Солдатская песня», сорвался на нервный клёкот. — Товарищ полковник. Это как же? Товарищ полковник... Я пулю в грудь за родину — запросто, или на танк с гранатой. Но это! Ни за что!

— Ну... Прости, капитан. Сам бы тоже, наверное, не смог. Ожидай подкрепление.

Сидорова выловили на перегоне «Комсомольская радиальная» — «Красные ворота». Отследили локатором направление, просчитали скорость полёта и соорудили немудрёный силок. Бойцы просто растянули нейлоновую сеть поперёк трубы, а сами залегли поодаль, приготовившись, если что, стрелять на поражение. К счастью, не пришлось. Сидоров плотно застрял в ячейках всеми конечностями, включая рудиментарные. Он рвался наружу, ещё сильнее запутывался, снова рвался, вопил блатную песню про орлёнка и норовил харкнуть в макияж фельдшерице из «Медицины катастроф», когда та всаживала ему под лопатку шприц с успокоительным. Потом Сидорова вынули из силка, погрузили на каталку, оттуда в карету «Скорой помощи», и инцидент исчерпал сам себя. Поезда вышли на маршрут почти вовремя, скандала или даже скандалишки в СМИ так и не случилось (пара публикаций в желтой прессе не считаются), а капитана Соловейко поощрили двумя отгулами и благодарностью в личное дело.

— Не пускают. Говорят, что к буйным нельзя, — хлюпала супруга Сидорова в телефонную трубку. Сестра Сидоровой — Иванова, сочувственно угукала и хлюпала в такт.

— Бедняжечка ты моя. Слушай, а может, он на спор? А? От этих мужиков всего можно ожидать.

— Какой «на спор»! Я уж никому не жаловалась — стыдобища, но он ведь и раньше... Симптомы давно появились. Каждый вечер дома вытворял фокусы-покусы свои. Представляешь? Каждый вечер! Шторки задёрнет и давай порхать по гостиной.

Я и увещевать пробовала, и позорила всяко, и статейки разные давала почитать. Даже к гадалке ходила. Бесполезно.

— Боже мой! Как же ты с ним жила?! Он же у тебя извращенец. Аэро... Аэрофаг, вот! Радуйся, что в дурку укатали. И на развод подавай! — Иванова шипела испуганно и тревожно.

— П-подам... Потом. Сейчас сил моих человеческих не осталось.

— Вот-вот. Всё равно его не выпустят. Точно тебе говорю. И знаешь, ещё повезло, что Сидоров твой простым обходчиком вкалывал. А прикинь, будь он у тебя директор банка... Или вот, — Иванова захлебнулась восторженно, — шоумен... Позоор! На всю страну облетался бы! Извини за грубость.

Фантазия Сидоровой нарисовала кошмарную картину, как всем известный народный артист элегантно воспаряет над сценой Кремлёвского Дворца съездов, и как публика, а особенно сидящий в первом ряду президент, бледнеют от ужаса. Затем воображение Сидоровой пошло дальше, и она представила себе самого президента, выполняющего иммельман над Спасской башней. Впрочем, бронзовые тугие крылья над обнажённым накачанным торсом и звёзды, кидающие нескромные рубиновые взгляды на президентские бицепсы, не показались Сидоровой такими уж безобразными. В позвонках супруги бывшего обходчика томительно заныло, и она прикрыла глаза.

Сидорова стряхнула наваждение, попрощалась с сестрой, опустила палец на рычаг и вздохнула. «Господи, — думала Сидорова, — ну, за что мне это? И ведь мужик хороший, непьющий. Шуровал бы себе по гостиной, не выпендривался. Места ему, видишь ли, не хватало. Свободы хотелось. Сам долетался и нам всё облетал. Всю жизнь!»

— Мама, мы гулять пойдём? — Стасик Сидоров топтался в дверях детской и теребил «лишнюю» пуговицу на рубашке. — Я сам оделся.

— Идём уже... Горе ты моё луковое. Безотцовщина. — Перекошенный воротничок заставил Сидорову ещё раз вздохнуть.

Она расстегнула пуговички и, обнаружив, что майка надета наизнанку, вздохнула в третий раз. Повесила рубашку на крю-

чок, заставила капризничающего Стасика поднять руки, стянула майку через лохматую голову.

— Та-ак! Почему в тонусе, а? — Она быстро, несмотря на сопротивление сына, провела ладонью по худенькой спинке. Нащупала хрящик, умело потянула вверх и чуть в сторону. Покрытое младенческой плёнкой крылышко вылезло из-под лопатки, расправилось, задрожало мелкой рябью. — Ну! Сколько раз тебе говорить, что так делать нельзя! Знаешь, что от этого бывает? Нет? Так я тебе скажу: ослепнешь, и пух на ладонях вырастет!

— Оно самооо, — заныл Стасик. — Не хочууу шерсть.

— Самооо... У папы твоего тоже... само...

Стасик, уже было собравшийся разреветься в голос, притормозил, дотронулся указательным пальцем до маминой щеки.

— Я больше не буду, мама. Честное-пречестное.

— Ладно. Давай одеваться, а то уже вечер на дворе.

«Это отвратительно, физиологично, плохо выглядит и пахнет. Напоминает о нашем птичьем происхождении. В конце концов, это просто стыдно. А призывающие к «естественности в поведении» не осознают, что подрывают основы морали. Жертвами подобной распущенности в первую очередь становятся дети. Вы только вообразите. Недавно прогуливаюсь возле школы и слышу, как одна барышня говорит другой: «А ты летать пробовала уже?» В четырнадцать лет они озабочены этим! А посмотрите, что крутят частные каналы? Названия вспомнить страшно. «Пролетая над гнездом кукушки», например. Или вот: «Полёт феникса»!»

Всклокоченная тётка-квашня металась по студии и доказывала что-то тихому старичку в брючках, смахивающих на кальсоны. Аудитория, как водится, разделилась на противников и сторонников дискутирующих, а ведущий умело разжигал страсти, тыча микрофоном в лица оппонентов.

— Голубушка. Но ведь это нормальные отношения полов. А то, что вас ни разу не вылетели как положено...

Квашня не позволила старичку завершить реплику, метко швырнув микрофоном в аккуратную лысинку. Старичок взвизгнул, студия зааплодировала, рейтинг пополз вверх.

— Знаете ли вы, что депутаты за гроши приобретают у профсоюзов элитные участки, строят на них ангары и там удовлетворяют свои инстинкты? А финансируем их похоть мы — налогоплательщики, — вмешался господин, известный в далёких от политики кругах как поборник добродетели, а в кругах от политики недалёких как просто поборник.

— А чего? Я бы не отказался гектарчика два под это дело заиметь. И жена моя тоже не против. В хрущёвке разве разгонишься? Только заберёт как следует, сразу стена или потолок. Башкой приложишься, и ничего больше не шевелится за хребтом. — Морячок в первом ряду порозовел от собственной смелости и побагровел, когда публика взорвалась овациями.

— Наши учёные работают над проблемой. Мы сейчас как никогда близки к тому, чтобы избавить человечество от этой унизительной потребности. Проводятся опыты на добровольцах, результаты более чем впечатляют...

Сидорова выключила телевизор, повертела пульт в руках, зачем-то потёрла царапину на корпусе. Потом, точно спохватившись, вскочила с кресла и прошла в комнату старшей дочери. Каринка быстро пихнула под стопку учебников глянцевый журнал.

— Реферат по биохимии делаю. Не мешай.

— Погоди. Ты про папу в курсе?

— Придурок! — зло выплюнула Каринка.

— Не надо так, доча. Он больной человек. — Сидорова потянулась убрать прядь с Каринкиного лба, но передумала.

— Больной? Точно! Нормальный не дотумкал бы по тоннелю виражи накручивать. А чего ж тогда с Останкинской башни не сиганул? Нам, значит, с самого горшка твердите: «стыдно, нехорошо, нельзя, не может», а сами? И вообще летать я над вашими проблемами хотела, если честно!

— Не смей выражаться при матери! — Сидорова сперва побелела, потом пошла неровными пятнами, став похожей на

селёдку под шубой. — Лучше... Лучше скажи, как мы теперь без папы-то?

— Да как все! Зачем нам отец, а тебе муж-шизофреник?

И тут Сидорова не выдержала. Впервые за весь этот день уронила голову на руки и разрыдалась в голос. Разрыдалась хлипко, отчаянно, не надеясь на утешение, понимание и хоть какую-нибудь любовь.

— Мама. Мамочка! — Каринкин голос доносился словно издали — ласковый, дрожащий, совсем детский. — Мамочка, ты не плачь. Мы обязательно что-нибудь придумаем. Вот я закончу школу и пойду в генную инженерию. Ты же знаешь, я умная и старательная! Всю жизнь трудиться буду, чтобы извести этот дурацкий ген, чтоб больше никто-никто этой гадостью не занимался. Я тебе обещаю, мамочка. Чтобы спина ровная-преровная и чтобы ужас у всех людей перед высотой! Смертельный!

Сидорова обняла дочь. Волнистые локоны скользнули между пальцев. Странно, а она и запамятовала, что у дочки волосы такие же шелковые, как у Стасика. Умница — Каринка. Она обязательно добьётся цели. В этом Сидорова не сомневалась. Сомневалась она лишь в одном: в том, что сможет жить как прежде. Жить и не слышать по утрам тихое «спи, а я побежал». Жить и не смотреть вечером в окно, чтобы, заметив на остановке сутулую фигуру, подогреть ужин, пока муж поднимается в лифте. Жить и не слышать, как с осторожным шуршанием расправляются кожистые перепонки, как свистит воздух, рассекаемый мускулистой гранью, как звенят бокалы в горке — опять задел за дверцу маховым хрящом. Жить и не чувствовать жаркого трепета в лопатках — одного на двоих. Жить и не помнить, как его крыло касается твоего крыла, как вибрируют все до единого пёрышки, как перехватывает дыхание, как приглушенный свет ночника становится млечным путём, а потёртый палас под ногами превращается в облака.

Как-то вот так одним днём Сидорова поняла, что, оказывается, она была счастлива. Была. А теперь — нет.

— Ну, ты пиши свой реферат и ложись, я тоже пойду.

Она по привычке прихватила грязные Каринкины колготы со спинки стула. И притворила за собой дверь.

* * *

«Осторожно, двери закрываются, следующая станция...» Сидоровой никто не сказал, что именно на отрезке «Комсомольская радиальная» — «Красные Ворота» его и поймали. Ей вообще выдали только кеды и какую-то скудную информацию. Дама, представившаяся лечащим врачом, посоветовала успокоиться и больше в больнице не появляться. «Сообщим, если ситуация улучшится». «Справочку о недееспособности возьми в регистратуре — пенсию оформишь, — посоветовала нянечка, пухлогубая старушка в шапочке с вышитым почему-то зелёными нитками крестом. Потом, тушуясь, опустила в кармашек халата сотенную и добавила: — Не бойся. Их тут укольчиками лечат, они довольные. В нарды играют. — Нянечка проводила Сидорову до ворот и сочувствующе погладила по перчатке: — Молодая. Налетаешься ещё».

Сидорова спустилась в метро, забралась в полупустой вагон, прижалась носом к холодной надписи «Не прислоняться». Стены тоннеля дразнились редкими всполохами ламп: полминуты тьма хоть глаз выколи, и вдруг точно удар под дых — лампа.

«Освещение на стрелках и в «оборотках» горит всегда. Ну, там где состав оборачивается. А есть ещё аварийка. — Он любил рассказывать про работу. Она любила слушать. — Знаешь, машинисты — шальные ребята. Иногда после смены в трубе такое вытворяют — вспомнить стыдно. Там в тоннеле хорошо, прохладно, темно и не увидит никто». Он рассказывал, а Сидоровой думалось, что вот ведь какая гадость, и какие мужчины всё-таки пошляки. Она злилась на мужа за то, что в голосе его не слышалось осуждения, а слышался пацанский задор и... И зависть... Сидорова вдруг отчётливо поняла, что это была именно зависть. К тому, что он никогда, никогда так вот смело, бесшабашно, отчаянно не сможет ввинтиться лицом в холодный воздух подземки.

«Следующая станция «Красные Ворота».

Сидорова поправила очки. Провела ладонью по стриженой макушке. «Ты на воробушка похожа с этой причёской», — подтрунивал он. Сидорова шагнула к кнопке с надписью «Связь с

машинистом». Жёваная тётка в каракуле посторонилась, пропуская странную худышку с решительным выражением лица.

«У меня взрывное устройство и обращение к президенту, — оттарабанила Сидорова в залепленную жвачкой решётку микрофона. — Я требую остановить состав».

Тётка ойкнула и сползла на пол. Компания хиппи, пьющих пиво в углу, замерла. Уставилась на Сидорову дюжиной круглых окуляров «под битлов». Спящая бомжиха захрапела ещё громче. Из расползшейся по шву куртки бесстыже торчали слипшиеся перья. «Я требую немедленно остановить состав и выслушать мой ультиматум. В первую очередь я хочу, чтобы вы вернули мне мужа. Ещё я хочу, чтобы сюда привели моих детей. А ещё...»

Капитан Соловейко накапал валокордину на кусочек рафинада и кинул размокший кубик в рот. Полковник понимающе помолчал, протянул подчинённому бутылку «Аква Минерале», подождал, пока тот запьёт лекарство.

— Товарищ полковник, ведь за мной вся страна по Первому каналу следить будет. Как я потом маме в глаза посмотрю?

— Ты, Соловейко, считай, уже герой. Тебя, может, к ордену представят.

— Да летать я... — Капитан осёкся. — Извините, товарищ полковник, сорвалось. Я всё понимаю, но ведь стыдно. Не страшно, но стыдно.

— Не позор это, а героизм. Дурак ты, братец. Тебе страна приказала. Президент лично следит за событиями. Лично! Сечёшь?

— Так и сопровождал бы лично... Президент. Поди, сам зассал принародно в воздух подняться, чтобы террористку эту психованную с ейным мужиком и дитятами до границы довести. Как же! У него реноме. А у Соловейко нету реноме. Он может, значит, под прицелом телекамер... — тут Соловейко незаметно приосанился... — под прицелом телекамер в небе болтаться. До самой финской границы.

— Так тебе имидж дороже спокойствия отчизны? — Полковник приподнялся над столом. Дыхание его — смесь пива и

зубной пасты — окутало Соловейко ментолом и спеленало до самых пяток подобострастным ужасом. — Выходит, так?

— Никак нет.

— То-то же, капитан. Прикажут, так и до Аляски поведёшь предателей. А теперь вперёд!

— Служу отечеству!

— Господин Соловейко, поделитесь ощущениями. Почему именно вы? Много часов на хм... на крыле не каждый выдержит — вас специально готовили? Правда, что это вызывает привыкание? Вам обещали реабилитационный курс? Вас повысят в звании? — Юркий корреспондентик поймал капитана на выходе из отделения, замахал диктофоном перед небритым подбородком. Корреспондентик лебезил, улыбался, но нос его неприязненно морщился.

— А летела бы ты, пресса, до самой Аляски!

Капитан Соловейко сделал глубокий вдох и поставил ногу в начищенном сапоге на ступень эскалатора.

Восемь месяцев. Ровно восемь месяцев каждую ночь подполковник Соловейко просыпался от постоянного кошмара. Расправлял потные рудименты. Осторожно, чтобы не разбудить маму, спящую за стеной, поднимался к потолку. Сновал вверх-вниз, пытаясь успокоиться. Вспоминал. Всё вспоминал, как на ватных ногах спустился в тоннель, как добрался до вагона, как увидел маленькую женщину в очках. Как понял... Сразу понял... Через полсекунды... Понял, что дура блефует и что в кульке, который она прижимает к груди, нет никакой взрывчатки. Ему почудилось, что там обувь: ботинки или кроссовки. Когда полиэтилен натягивался, отчётливо выделялся контур подошвы размера эдак сорок третьего или чуть больше. Соловейко уже собирался давать спецам отбой и даже сделал шаг по направлению к сумасшедшей бабе, чтобы навалять той по морде, а потом отправить куда следует. Но тут она что-то промямлила, а затем повторила громче: «Верните мне его, пожалуйста», и Соловейко понял, что ничего он не сделает. «Похоже, не шутит, — задышал он в крошечную головку гарнитуры. — Что предпримем»?

Они торчали в вагоне еще час, пока разыскивали детей и забирали из дурки летуна-шизофреника. «Я готов стать заложником, давайте отпустим электричку с людьми», — произнёс Соловейко громко, чтобы слышали все: и она, и ребята из ОМОНа. «Хорошо», — сглотнула очкастая. «Не бойтесь», — проговорил Соловейко одними губами. «Террористка требует, чтобы освободили вестибюль и выход со станции, иначе взорвёт себя и половину состава. Черт! Сука». Соловейко продолжал врать, сдирая налепленный скотчем передатчик. Еще Соловейко радовался, что баба догадалась уложить пассажиров лицом вниз, иначе пришлось бы потом многое объяснять особистам.

Сидоров в больничных шлёпках и в бушлате с чужого плеча стоял у ларька «Табак», задрав голову и щурясь на скудное мартовское солнце. Рядом с отцом жались девочка-подросток и мальчишка лет пяти.

— Шнурок... — Соловейко тронул тонкое запястье. Волоски на её коже дыбились, и Соловейко показалось, что он только что погладил взъерошенного птенца.

— Что?

— Пакет не натягивай сильно. И шнурок из ботинок или что у тебя там достань, зажми в пальцах. Иначе — задница!

Очкастая послушалась. Они так и вышли из вестибюля. Впереди Соловейко с поднятыми руками, сзади испуганная женщина со шнурком от кед в маленьком кулачке. Соловейко знал, что снайперы сейчас следят за каждым их движением, поэтому ступал медленно, всем видом своим изображая напряжение и страх. Он ещё боялся, что баба эта не удержится и бросится к мужу с соплями и визгами, или дети подбегут к матери, или ещё что. Но она сдержалась. Только охнула едва слышно.

— Скомандуй своим стоять на месте. И пусть раздеваются. — Чревовещание Соловейко давалось плохо, но артикулировать чётко он боялся — оптические прицелы были рядом.

Сидорова поняла. Зазвенела на всю Каланчёвку.

— Дети! Любимый. Не волнуйтесь! Так надо. Снимите одежду.

Девочка-подросток деловито, ничуть не стесняясь, сдёрнула через голову свитер домашней вязки. Грудь — яблочки-скороспелки — покрылась пупырышками. Но Соловейко не видел этого. Он следил за лицом женщины со шнурком в кулаке. Следил и по-мужски завидовал её бестолковому мужу-обходчику. Тот медленно, словно в полусне распахнул бушлат.

— Папа, дай помогу. — Девочка забрала у отца ватник, подождала, пока тот распустит бечевки на больничной робе, отшвырнула её в сторону. Потом аккуратно раздела брата.

— Вы тоже! — догадалась уже сама. Прозрачные стёкла очков, зрачки со старинную монету — один в один полярная сова. Испарина на конопатом носике.

Соловейко расстегнул китель. Буркнул, прикрываясь ладонью.

— А сама как будешь одёжку скидывать одной рукой? Заставь содрать с себя плащ и блузку, и что там ещё под плащом, бестолочь!

И снова поняла. Улыбнулась уголками губ благодарно.

Семья Сидоровых в полном составе, а также капитан Соловейко расправляли крылья. Это она приказала «расправьте крылья». Так и сказала, даже не запнувшись.

— Ты соображаешь, что нас могут перестрелять? — спросил Соловейко уже в воздухе, когда они зависли над памятником Лермонтову. Впереди — Сидоров, замученный, тощий, едва держащийся на чёрных, каких-то вялых лоскутах. За ним девочка — часто взмахивающая толком не оперившимися крыльями, потом сам капитан, а позади, рядом с матерью — Стасик. Соловейко косился на его цыплячьи отростки и думал, что пацан вряд ли выдержит.

— Лучше идти над населёнными пунктами, а ещё лучше над газопроводом. Так у них... — Соловейко удивился, как легко он вдруг разделил мир на «них» и «нас». В «них» оставалась вся прошлая жизнь капитана милиции Соловейко, а в «нас»... в нас был он, и эта маленькая, еще два часа назад незнакомая ему женщина и её сумасшедший муж с детьми. — ...у них останутся опасе-

ния, что твой свёрток может грохнуться сверху, и трындец! К тому же общественное мнение. Нас, поди, по всем каналам показывают, а тут — дети. Если собьют, может случиться несимпатичный резонанс. Понимаешь?

— Не бросай меня! — Огромные, перламутровые с бирюзой, как у гигантской птицы колибри, её крылья пахли чем-то совсем женским, томительным, прекрасным. Корицей или карамелью...

Соловейко втягивал этот запах, стараясь не шевелить ноздрями, и знал, что не бросит. Ни за что! Впрочем, он понял это ещё в вагоне, когда рассмотрел рыжие крапины на носу и немодные очки в роговой оправе, когда услышал срывающееся «верните мне мужа».

А ещё она сказала «спасибо». Через десять часов. После того, как Стасик начал терять высоту, и пришлось приземлиться в маленьком приморском городке, так и не дотянув до границы. Она сказала: «Спасибо, теперь иди». И рванулась к своим. Обвила их руками, замурлыкала что-то, засюсюкала, закудахтала квочкой, точно не она всё это время безжалостно подгоняла мужа и детей, не обращая внимания на усталость. Соловейко не стал прощаться. Он вручную уложил обвисшие перепонки в подлопаточные мешки и пошагал прочь.

Подполковник Соловейко знал, что Сидоровых забрали минут через семь после его ухода. От применения жестких мер воздержались — президенту маячил второй срок, и лишнего скандала со «столичной стайкой», как окрестила Сидоровых пресса, ему не хотелось.

Сидоровых старших, как положено, отправили на принудительное лечение. Младших — в специнтернат. «Страна позаботится о невинных жертвах родителей-извращенцев», — гневно сверкал зубами глава государства, а в левом нижнем углу экрана прокручивалась хроника событий: крылатые тени скользят по улицам городов, а в небе пять силуэтов взрезают воздух обнаженными телами.

Восемь месяцев подполковник Соловейко добровольно брал ночные наряды, смущая подчинённых — не по статусу подполу

ночевать в станционной ментовке. Когда подземка затихала, подполковник забирался в тоннель и кружил по кольцевой, изредка отдыхая на аварийных мостках. Крылья его росли, набирали мощь, наливались нечеловеческой силой. Подчинённые шушукались за спиной, ушлые машинисты многозначительно хмыкали при встрече.

Подполковник Соловейко терпел восемь месяцев. До самого Дня милиции. К профессиональному празднику ему прислали пригласительный на концерт в Кремлёвский Дворец съездов. Подполковник начистил обувь, достал парадку, побрился...

«Наша служба и опасна и трудна», — чеканил хор МВД. Соловейко стоял на стене и жадно хватал ртом вечер, пропитанный дождём и кленовыми листьями. Рубашка, брюки, носки, перчатки, фуражка с высокой тульей аккуратно легли на кирпичный край, с которого Соловейко, чуть поёжившись, шагнул в ноябрь и...

Взмыл, взвился, воспарил, зажав в руке макетный нож. Три сильных маха. Рааз-два-три. Стоп. Подполковник притормозил возле шпиля. Трехцветное полотнище размером три на четыре откромсалось неровно — мешал порывистый ветер. Но Соловейко не огорчился: снизу косой срез не заметен. Соловейко покрепче ухватился за уголки государственного штандарта и закружил над Кремлём, следя за тем, чтобы триколор развевался красиво и не путался в босых ногах.

— Чёрт! Это что ещё за Бэтмэн? — Часовой посматривал порнуху, поэтому ассоциации у него были соответствующие.

— Тьфу ты! — Начальник караула навёл камеру слежения и врубил зум. — Ма-а-ать... Знаешь, чем он там реет? Государственным знаменем!

— Стреляй осквернителя!

— Погоди... орёт чего-то!

— Летать я хотел над вашей свободой и демократией! Летать!!! Слышите! — Соловейко закувыркался в перекрёстном свете прожекторов — воздушная оборона столицы спохватилась с небольшим опозданием. — И над запретами вашими, и над моралью ублюдочной... Летаааааать!

— На мушку бери поганца!

— Орлёнок, орлёнок, лети выше солнца! — Роскошный бас, гордость бара-караоке «Солдатская песня», зарокотал, перекрывая доносящиеся из Дворца съездов аплодисменты.

— Стреляй! Черт! Уходит, гад!!! Огонь!

— Над землёёёй летели лееееебеди... — Он пел и вспоминал её глаза, и брови-домиком, и тонкий запах карамели из-под мышек — такой сладкий, такой нестерпимо родной.

Похожая на лоскутное одеяло, или на панцирь морской черепахи, или на неровно порезанный пирог, или на расчерченный первоклашкой альбомный лист, земля удалялась, становясь всё смешнее, всё незначительнее. Навязчивый триколор зацепился за ноготь большого пальца, и Соловейко нелепо дёрнул ногой, стряхивая полотно. Флаг замешкался в верхних слоях атмосферы, а потом поплыл куда-то на северо-восток.

Подполковник милиции Соловейко поднимался выше и выше, опираясь на воздух крыльями, напоминающими невероятных размеров зонт «три слона». Земля под подполковничьими пятками постепенно приобретала форму шара, но Соловейко этого не замечал. Он смотрел вперёд, прикидывая расстояние до созвездия Лебедя, и размышлял, отчего чертовски простая мысль «всё бросить и улететь» пришла к нему так поздно...

Эльдар Сафин, Татьяна Кигим
ГЕНОСЕТЬ

— В гарнизонных стоянках полно примеров,
Что дети похожи на гг. офицеров.
— Я сам это заметил.

Козьма Прутков. Военные афоризмы

1

Приход системного администратора всегда вносит в жизнь новую, яркую струю. Особенно если он собирается в кабинете что-то устанавливать. Сегодня в помещении под бронзовой табличкой «Каталог» вешал мультиэкран, и работа, к вящему счастью коллектива, никак не имела возможности продолжаться в нормальном режиме. А вот жевать бутерброды и трепаться коллектив, разумеется, мог — чем и занимался.

— Мих Петрович, вам чаю налить? — Дина, ассистентка, в призывном жесте подняла прозрачный заварник.

Тополев, начальник специализированного лабораторного комплекса, как теперь гордо называлась его епархия, кивнул, расписываясь в ведомости — цифра, обозначавшая стоимость выделенной техники, восхищала и устрашала.

Жорик, новый сотрудник, креативный директор и попросту пиарщик, переминался рядом, с любопытством заглядывая через плечо.

© Э. Сафин, Т. Кигим, 2007

— Любят нас, да? Такое бабло отвалили... Одесса-мама!

— Да, неплохо, сам не ожидал, — усмехнулся Тополев. — Вы уже решили, в каком ключе поведете пиар-кампанию нацпроекта? Сделайте, скажем, акцент на том, что с помощью геносети можно найти любого родственника...

— Я понял, — подмигнул Жора. — Сколько Люков Скайуокеров было бы вовремя наставлено на путь тьмы, если бы Империя взяла на вооружение передовой российский опыт!

— Да, можете и в таком ключе и вести пропаганду, — поморщился Тополев. — Вполне сойдет для массового вкуса.

— Геббельс умрет от зависти! — гоготнул Жора.

— Он уже умер.

— Шо, уже?! Вот видите, как действует мой креатив...

Тополев прищурился, оглядывая кабинет. Да, тесновато теперь стало. Новые стеллажи, техника, провода, коробки... Хорошо хоть от химиков отделили. Не то чтобы Тополев испытывал какую-то неприязнь к соседнему НИИ, но быть самому себе хозяином не в пример приятней.

— Никто не видел мою чайную ложку? — провозгласила Дина.

— А вы бы на столе прибрались, — коротко заметил Тополев. — Я понимаю, творческий бардак, но...

Дина обиженно взглянула на начальство. Тополев мысленно улыбнулся — к Дине он относился тепло, но старался не показывать этого. Иногда был даже строже, чем надо... Диана Логова, в миру каталожных работников — просто Дина, Динка и Леди Ди, была не только ценным сотрудником, но и светом в окошке для всей лаборатории. Ценным — потому что где еще возьмет Тополев специалиста с опытом архивной работы, абсолютной памятью на всю генеалогию европейских родов, а также знанием трех языков в совершенстве и семи со словарем? Пожалуй, за такое Мих мог простить все, что угодно, даже полное нежелание Дины получать вторую «вышку» в рамках повышения квалификации. Генетику она, мягко говоря, не любила. И жаловалась Тополеву после каждой пересдачи на неприспособленность мозгов к естественным наукам и нежелание губить свою юную двадцатичетырехлетнюю жизнь в попытках разобраться в аллелях, маркерах и хромосомах...

А что поделаешь? Сказали сверху «надо» — значит, надо.

И главное — несмотря на разболтанность и стойкую приверженность к женской логике, Дина, что ни говори, была очень исполнительным сотрудником.

Если дело не касалось прогулов, заварки чая и уборки рабочего места.

— Стол как стол, — пробормотала Дина. — Что не нравится...

Действительно, к чему придраться: зеленый слоник, мечта генопатолога, вазочка с цветами, стопка детективов, целая коллекция лаков и помад, три «самые любимые чашки», диски, журнальчики, идиотское сердечко-«валентинка» на пружинке. Банка кока-колы. Фотография отца, полярника, — мужественный взгляд, обветренное лицо — запечатлен на фоне льдов, герой, красавец. Борода в инее, сам улыбается, а глаза уставшие. Дина нежно провела по стеклу.

Черт с ним, столом, подумал Михаил. Не было тут железной дисциплины и не будет.

— С экраном готово, — разогнулся Фархид.

Михаил пробежался по клавишам. Линии и стрелки сменяли друг друга. На огромной плоскости экрана расцветал целый мир родов и семей. Часты были пробелы, оборванные линии, но они-то в «Интергеноме» как раз и работали над тем, чтобы заполнить все лакуны, занести сюда все миллиарды многоюродных братьев и сестер, чтобы объединить эти бесконечные листы, вылетавшие из принтеров и сменявшие друг друга на экране, в единое, огромное, почти бесконечное полотно большой человеческой семьи.

Дверь распахнулась, стукнулась о стену, и в кабинет ввалилась тройка рабочих с новыми коробками.

Жора присвистнул, второй ассистент, Леонид, в восторге хлопнул по столешнице.

— За что нам такое счастье? — поинтересовалась Дина, оглядывая коробки с японской оргтехникой.

— За то, что мы теперь работаем на реализацию нового нацпроекта. Сами понимаете, что это значит. Во-первых, вам повышают оклады. Тихо, хватит вопить. Во-вторых, трудиться придется больше. Если, конечно, не хотите, чтобы были расшире-

ны штаты — а деньги поделены по справедливости. Полагаю, вы этого все-таки не хотите. По новому международному соглашению, которое Россия подписала четырнадцатого числа, мы, российская сеть, обязуемся всем поголовно выдать «DNA profiling» — генпаспорт. Не по желанию, как сейчас, а всем и каждому, добровольно и с песней! Называется сие действо национальный проект «Геносеть». Работаем по-прежнему в рамках международной лабораторной сети «Интергеном», реорганизаций нет. Так что наша задача — вписать за два года весь Новосибирск в глобальную сеть, которая охватит Европу, Америку, Австралию, Россию, естественно, ряд стран Востока и наиболее развитых африканцев.

— А Антарктиду? — встрял Ленька.

— Да, и всех полярников, как же без этого, — усмехнулся Мих Петрович. — Шутки шутками, а за два года Россия обязалась внести в базу 98 процентов населения. Это программа-минимум. А на сегодня внесли только четырнадцать процентов. Конь, в общем, не валялся.

— А они что, все так прям и согласятся? — Дина отнеслась к этим наполеоновским планам скептически. — Скажут, «отпечатки пальцев», «свобода личности»... А то вы прям не знаете. Что их, автоматами загонять?

— Зачем автоматами? — Профессор проверил журнал отчетов, расписался. — У нас, Диночка, все крайне незатейливо: школы, вузы, плановая диспансеризация. А частные фирмы отправят сотрудников после собеседований руководства с властями города, а особо непонятливые — с налоговой и пожарными. А то вы не знаете, как это всегда делается на выборы. А на прогнившем Западе — как видеокамеры в связи с угрозами терактов внедрили, так и ДНК-контроль все приветствовать стали как миленькие. Международный терроризм — он не дремлет.

Тополев отхлебнул чай, вздрогнул, поперхнулся:

— Это что?!

— Чай «Горячий шоколад», — с достоинством ответила Дина.

На лице ее непосредственного начальства появилось странное выражение.

— Чай шоколадом не бывает, — фыркнул Фархид, копаясь в проводах. — Это извращение.

— Как не бывает? — обиделась Дина. — Вот смотри, что тут написано... «Чай с ароматом ирландского виски»... В «Унции» покупала.

— Недоделанный грог.

— «Чай со вкусом горячего шоколада...»

— Ага, тебе сразу и чай, и какаву... — ухмыльнулся Ленька. — Придумают же!

Тополев мрачно глядел на сотрудников, пытаясь припомнить, не первое ли сегодня апреля. Наконец глубоко вдохнул пару раз и спросил почти спокойно:

— Диночка... я вас что просил купить?

— Чай.

— Правильно, чай. «Липтон» в пакетиках.

— А вы не уточняли, что покупать.

Фархид усмехнулся и продолжил возиться с проводами.

Михаил хотел было сказать, что он думает по поводу сложившейся ситуации, но промолчал. Только прикинул, в какой осадок выпадет бухгалтерия от чека, и злорадно улыбнулся. Ну что ж, после стольких лет «голодовки» и скудного финансирования, да при таких фондах — черт с ним! Пусть ребята попьют хороший чай... если, конечно, эту бурду можно назвать хорошим чаем.

Проверив отчетность, Михаил подошел к окну. Рамы потрескались... стеклопакеты, что ли, заказать? Напротив высилась серая громада НИИ. Солнце топило грязный снег, превращая в кашицу. Март вступал в права.

— А намного оклады повысят? — спросил Леонид.

Тополев неопределенно дернул плечом.

— Наверное, вы теперь секретаршу заведете? — спросила Дина, и в ее голосе отчетливо послышалась враждебность.

Тополев усмехнулся.

— Обязанность обеспечивать меня кофе и чаем останется исключительно на вас, Диночка. А качество бурды, которую вы называете чаем, — на вашей совести...

Дина хмыкнула — вроде бы в шутку, но очень довольно.

— Хватит глазки строить, — громко сказал Ленька, ревниво подметивший неравнодушное отношение коллеги к начальству. Тополева он не любил, потому что сам за Динкой ухаживал, и Михаил это знал. Сам он тоже относился к Леониду без особой привязанности — но дело, конечно, было не в девушке... черт его знает, в чем было дело. Может, и в Дине тоже. А может, просто иррациональная антипатия — бывает такое.

— Ну все, я пошел? — спросил Фархид.

— Ну, если все нормально и можно работать, тогда, конечно, вы свободны, — кивнул Мих, не отрывая взгляда от отчетов.

Дина юркнула за большой, «сталинский» стол, оставшийся в кабинете бог знает с каких времен, азартно застучала по клавишам. Экран на стене ожил, являя бесконечные ветви генеалогических древ, опоясывающие весь земной шар.

— А все-таки какое счастье, что родственники могут найти друг друга на любой точке планеты! — воскликнула она.

— Сомнительное удовольствие, — сказал Леонид. — Благодаря яйцам моего папаши, который бросил нас с мамой через год после моего рождения, у меня двадцать четыре сводных брата и сестрицы, а может, больше. На хрен бы они мне сдались, если так посудить. Родственнички, блин. Половина от такой бомжаты народилось...

— А я считаю, человек должен знать своих родственников, — строго сказал Фархид.

— И делить наследство со всей седьмой водой на киселе. Мы же не шотландские горцы, чтоб шестиюродного кузена называть близким родичем!

— Человек силен крепкой семьей и родом. Вы, русские, этого не понимаете. Не все. Но многие.

— Да, жидам и чуркам, конечно, раздолье, — пробормотал Леонид, стараясь, чтобы Фархид не услышал. Тополев нахмурился. Ленька улыбнулся, словно извиняясь, и слегка развел руками — ну, мы же понимаем, мол, что я образно...

— Кстати, Мих Петрович, — развязно сказал он, — я тут порекомендовал одному человечку к вам обратиться. Состоятельный человечек. У него проблемы в семье.

— М-да? — Тополев поднял глаза от отчета.

— Ягов фамилия. Бизнесмен, авторитет. Ублюдок у него на стороне обнаружился, в командировке лет десять назад заделал, так баба алименты требует. А с другой стороны — жена, ну, все такое...

— Тебе-то что с этого козла? — неожиданно агрессивно вскинулась Дина. — Пусть сам со своим потомством разбирается, алиментщик.

— Жалко мужика, — заключил Леня.

— Да как ты смеешь его жалеть! — взвилась Динка. — А о женщине ты не подумал? Каково ей было столько лет одной ребенка растить?!

— Аборт надо было делать, — отрезал Леонид. — Один раз с командированным переспала — так чем она, лядь, извиняюсь, думала? — Перехватив взгляд девушки, он смешался и, улыбаясь, пожал плечами. — Да ладно, замяли... Может, я и не прав. Но мужик богатый. Вы бы поговорили с ним, Мих Петрович. Он внакладе не оставит. А не принять — себе дороже, он человек авторитетный... в определенных кругах. — Леонид многозначительно посмотрел на начальника.

— Ладно, разберемся, — поморщился Тополев. — Как, говоришь, его фамилия?

— Ягов.

— Это не тот, о котором в прошлом месяце газеты писали — то ли разборки, то ли покушение? Тьфу ты, леший, еще бандит недорезанный на голову свалился.

2

За окном прошлась косым дождиком отбирающая свое у зимы весна. Кто-то выставил навстречу небу зонты-недопарашюты, кто-то решил, что непогода — отличный повод пробежаться, а кто-то даже не заметил. Михаил Тополев относился к последним. Хотя именно в это время он смотрел в окно. Просто не обратил внимания, потому что занят был совсем другими мыслями.

Проект, за который он взялся четырнадцать лет назад — тогда еще самостоятельно, не думая ни о грантах, ни о поддержке

забугорных фондов, — был его собственным, выстраданным детищем. Да, тем же самым занимались и за границей. И даже в России — например, в Питере под это дело выделили целый институт. И все они двигались в одном направлении — чуть поразному, но к одной цели. Где-то — сотни людей и миллионные гранты, а где-то, как у него, — три человека на два аспирантских оклада и полставки уборщицы.

Потом все поменялось — резко и неожиданно. Приоритетная программа, особое внимание, нацпроект... Окружили лаской и заботой, то ли не вникая в суть и даже не догадываясь, какими проблемами это все грозит, то ли, наоборот, слишком хорошо догадываясь и стараясь прикормить просыпающегося дракона...

К сожалению, данных было не так много, как хотелось бы, но генотипы известных людей прошлого воссоздавались на раз. Естественно, тех, чьи потомки были известны. Экстраполируя данные на современников, Михаил Тополев с удивлением обнаруживал сторожей — потомков Чингисхана и политиков — потомков Александра Сергеевича Пушкина. Раввин, чудом затесавшийся в компанию доноров, оказался почти чистым русским, чего нельзя было сказать о многих попах и политиках.

Анализ, сопоставление, синтез — простые алгоритмы, с помощью которых ученый старался найти самые близкие родственные связи между совершенно разными людьми, — приносили порой очень забавные результаты. Например, нынешний губернатор края оказался в родстве с мэром Москвы именно через Пушкина — вообще Александр Сергеевич отметился много где и потомкам передал любовь к этому. Остаточная, незаметная негритянская кровь вкупе с благороднейшей кровью русских дворян в конечном итоге дала то сочетание, которое нередко выводило людей наверх или загоняло в угол — бизнесмены, политики и сумасшедшие с вероятностью не менее пяти процентов были потомками великого поэта.

А вот Романовы таки оказались потомками не Петра Великого, а немки Екатерины и придворного Салтыкова, подтвердив сплетни мемуаристов, по каковому поводу представители династии очень возмущались и обвиняли «Интергеном» в заговоре и подлоге. Смешно...

Дина и Леонид заносили в базу данные о полученных генпаспортах, и программа выстраивала генеалогические цепочки, которые, как щупальца, тянулись по всей России — и далее, через континенты. Жаль, много было дыр — все-таки большинство потомков Евы и Адама не спешило отметиться во всеобщей базе данных. И даже социальная реклама Жоры Лифшица не особенно пока помогала. Преодолеть страх и инертность населения, которое даже новые паспорта, помнится, получать боялось, было непросто. Тополев вспомнил скандалы вокруг получения «печати дьявола», то бишь ИНН, и вздохнул.

Инертность населения и мракобесие отдельных больных на голову элементов было не одной, да и не самой главной проблемой... Скандалы ежедневно рождались вокруг работы «Геносети» и вились мухами над дурнопахнущими подробностями интимной жизни предков известных людей и целых родов. Журналисты не дремали. Политики тоже. Михаил вспомнил последний скандал: вновь всплывший на Западе спор о том, сколько немок изнасиловали советские солдаты-освободители. Некоторые ученые потребовали привлечь к решению спора генетику — вычислить объем крови освободителей в генофонде немецкой нации. Российский посол разродился нотой протеста.

А Михаил тоже думал над этим вопросом и не знал, как будет правильнее. С одной стороны, тщательно проведенный анализ поможет развеять этот подлый миф. А с другой... Не было никаких гарантий, что все обвинения голословны. Тополев мог ручаться за своего деда, героя, но не мог ручаться за всех. И десяток потомков каких-нибудь мародеров дадут такие козыри заинтересованным лицам...

Мих дернул мышку — вьющаяся спираль из разноцветных шариков замерла, и тут же открылась программа «GInter». Однако поработать ему не дали.

— В пасьянс играете? — Михаил даже не заметил, как дверь приоткрылась и напротив вырисовался толстенький, низенький человечек. Сел на стул, прямо задом на сваленные папки. Мужик панибратски и немного заискивающе улыбался и пытался, видимо, вызвать дружеское доверие теми незатейливыми и дурацкими методами, которые рекомендуют гастролирующие пси-

хологи на двухдневных семинарах «для успешных руководителей». Как этот человечишко просочился сюда сквозь пост охраны и как умудрился неслышно протиснуться через нагромождение коробок из-под оргтехники и стеллажей — было непонятно. В руках он мял кожаную барсетку.

— Во-первых, в пасьянс не играют, его раскладывают, — сообщил Михаил, с неприязнью взглянув на посетителя. — А во-вторых, я вообще-то работаю. Как вы могли бы догадаться.

Мужик стушевался, но тут же воспрянул и затараторил:

— Понимаете, у меня проблема. Моя фамилия Ягов, вот тут разные документы... — Он разложил бумаги из пластиковой папки. — Мне сказали, я могу зайти. Поговорить. Насчет проблемки, блин. Проблема у меня.

— А-а...

Михаил не стал переспрашивать, кто сказал Ягову, что он может зайти. И как прошел через пост с турникетами — тоже в общем-то понятно. Скучая, Тополев слушал дорогого гостя — послать с порога мешала врожденная интеллигентность.

— Такая вот незадача: получил я генпаспорт, блин, — рассказывал Ягов. — Когда находился в больнице, блин. Ножевое ранение у меня было, блин. Ну, менты сказали — теперь им разнарядка, значит, чтоб всех участников реальных стрелок по этому делу привлекать. Хотя я, заметьте, пострадавшей стороной был! А тут раз — дамочка одна звонит. «Я, — говорит, — тебя, суку, десять лет искала. Вот тебе наш сыночек». А я ее, хоть убей, не помню! А она, вишь, в свое Красноярское отделение каждый день запросы слала — не объявился ли, значит, отец? Ну вот... а у меня жена. Весь бизнес на нее записан, блин. И дети. Сын и дочка. Блин.

— И чего вы хотите? — спросил Михаил.

— Ну, это... нельзя ли как подправить? Жена у меня. Ну и вообще. Семья.

— Но ведь это же ваш ребенок.

— Да я, блин, поверишь, друган, нет — в командировке был! Я ж ее морду не помню совсем! Еп, блин, да чё я, за каждую командировку теперь расплачиваться буду?! У меня жена! Семья! Дети, блин! Ты ж мужик — ну, ты меня понимаешь, блин?

— Извините, ничем не могу вам помочь.

На экране вновь крутилась заставка — шарики роились, формируя спираль. Мужик внимательно посмотрел на Тополева и потянулся в нагрудному карману.

— А, понимаю, — быстро проговорил он. — Вот, пожалуйста, тут в евро...

Михаил вздохнул, сложил на груди руки.

— Мы тут борзых щенков не разводим, — с вежливой улыбкой, очень тихо сказал он. — Я не знаю, кто вам и что сказал, порекомендовал, посоветовал и пообещал. Будьте любезны, дверь вон там.

— Я дойду до вашего начальства! — вспылил мужик. — Вас уволят, а я все равно добьюсь! Где ваш босс? Кто вас выше? Кто тут главный?!

— Счастливого пути, — холодно отрезал Тополев. — Не забудьте сдать пропуск охране.

Мужик вскочил, собирая бумаги в папку, воскликнул, потрясая барсеткой:

— Урод ученый! Да если я захочу, такие ребята приедут, что все вам тут в лапшу перерубят!

— Вы просто подлец, — донеслось с порога. Михаил поднял глаза и увидел Дину.

— Чего? — опешил посетитель. — Чё... это ты мне... это ты мне, сука безмозглая?!

— Ну не я же бросил собственного ребенка, — усмехнулся Михаил, подмигнув Диане. — Видимо, вам сказано. И я в общем-то поддерживаю.

Ягов с хлюпом вдохнул, с хрюком выдохнул, не находя слов, и подхватил свои бумажки, выметаясь из кабинета.

— Я до вас еще доберусь! — крикнул он с порога. — Я вам джип с тротилом к подъезду подгоню! Я жаловаться буду! Я до мэра! До губернатора дойду!

— Прямо президенту напиши, — посоветовал Тополев.

Еще некоторое время после того, как за мужиком закрылась дверь, они молчали, переваривая впечатления.

Наконец девушка рассмеялась.

— Дина, принесите мне чаю, — улыбнулся Михаил.

Он откинулся в кресле, перекатывая в ладони китайские шарики — успокаивало. Надо было работать — но из головы не шли мысли о новых проблемах. Господи, только еще этого недопеска не хватало... Из состояния мрачной прострации Михаила вывел резкий звонок. Он вытянул руку, снимая трубку, — однако там шли гудки, а звон не прекращался.

— Какого лешего?.. — пробормотал ученый и тут же хлопнул себя по лбу.

Трезвонила сигнализация — к ней давно, еще три с половиной года назад, подсоединили звонок из туннеля, соединяющего отдельную лабораторию с основным зданием НИИХП, к которому поначалу приписали Тополева с его маленьким отделом.

Ученый стукнул по металлической блямбе, и она с жалобным звяком умолкла. Быстро открыл сейф, отодвинул в сторону диски и бумаги, извлек из нутра железного ящика пол-литровую бутылку из-под кефира, старинное чудо с широким горлом и резиновой крышкой на специальной защелке.

В бутылке плескалась прозрачная жидкость. Улыбнувшись, Михаил спрятал емкость во внутренний карман мятого пиджака и вышел в коридор, едва не столкнувшись с Диной.

Вот еще проблема... Надо бы все-таки сводить ее в ресторан — не сегодня, так позже. Нехорошо получилось — ведь сам пригласил и сам отменяет. Копаться в чужих генах — это интересно, но надо и о себе подумать, не оставлять же столь важное дело, как размножение, на откуп непросвещенным?

Девушка странно посмотрела на своего начальника и явно порывалась что-то сказать, но Михаил пробормотал, что торопится, и чуть ли не побежал мимо.

Отворив тяжелую, обитую металлом дверь под лестницей, он увидел Петрова — имя этого титана химической промышленности, наверное, не знали даже его собственные подчиненные.

— На! — широко улыбнулся Петров, протягивая Тополеву пустую тару с резиновой крышкой.

— И тебе здравствуй, — ответил Михаил, доставая полную бутылку. — Счет помнишь?

— Двадцать восемь литров чистого спирта, — помрачнел химик. — Взято за три года непомерного труда, будет отдано в луч-

шем виде. Может, кислотой возьмешь? Или щелочью? Могу как один к десяти. Двести восемьдесят литров! Бери, разбогатеешь!

Тополев расхохотался. Щелочь ему была нужна как собаке пятая нога.

— Ты когда трезвый будешь, заходи, сдашь мне пару анализов, тестики прогоним, генетический паспорт составим. Вроде как проценты за спирт.

— Ну, буду трезвый, заскочу, — с сомнением протянул Петров. — Но вообще это нонсенс, и науке он пока неизвестен. Думаю, что спиртом я рассчитаюсь раньше. В необозримом светлом будущем. А хочешь медного купоросу?

...Вернувшись в кабинет, Михаил дернул мышкой, но погружаться в расчеты не торопился. Уже дважды Тополев находил в программе ошибки, чего раньше не случалось, и теперь очень хотел выяснить — это сама программа или кто-то намеренно вредит? Пробарабанив по столу нечто напоминающее марш тугоухих невротиков, он решил пока заняться проверкой генпаспортов сотрудников, которые надо было бы тоже вписать в общую сеть. Открыл файл, взглянул на результаты запроса, и лицо его вытянулось.

Он пару раз щелкнул мышкой, потом снял трубку и решительно нажал три цифры внутреннего телефона.

— Алло. Дина? На сегодня ресторан отменяется, ты извини.

И, не дожидаясь ответа, положил трубку на рычаг.

— Какого лешего?.. — привстав в кресле, прошептал ученый.

3

— Здравствуйте, Диночка! — Арбушев вошел в аудиторию, с разлета швырнул папку на стол. — Рад вас видеть. Очень красивая юбочка. С каждым разом все короче и короче. Ну что ж, я дождусь, вероятно, и того счастливого момента, когда от юбки останется один пояс. К пятнадцатой пересдаче получится? Вот и чудно. Ну что, успели списать, пока я прохлаждался в деканате?

Среди привычек Арбушева была известная снисходительность к пересдающим — билеты они брали при методистке, а

он с полчаса гулял по коридорам корпуса, давая «хвостистам» возможность подготовиться.

— Вы несправедливо ко мне относитесь, Алексей Константинович! — сразу перешла в агрессивную оборону Дина. — Я уже шестой раз к вам прихожу, а вы все меня мучаете и мучаете!

— И седьмой раз встретимся, и восьмой. — Арбушев был настроен радушно и благодушно. — Какой у вас билет, Диночка?

— Восьмой... А можно я другой возьму?

— Что, шпору дома забыли? А вы в косметичку кладите. Тогда не забудете. Идите тяните, но только если вы сразу отвечать будете. Могли бы, кстати, пока меня полчаса не было, сами другой взять. На который у вас шпора есть.

Дина, цокая неудобными каблуками — обычно она ходила в кожаных кроссовках, — подошла к столу и, зажмурившись, протянула руку. Посмотрела билет, подняла на доцента жалобный взгляд.

— Ну-с? — Арбушев, сложив на груди руки, с ангельским терпением во взоре наблюдал за хлопающими ресницами студентки.

— А еще можно?

— Можно, можно. Можно подумать, среди билетов есть хотя бы один, который вы знаете.

— Тридцать четыре... А еще?

— Еще? Да ради бога, хоть все заберите! Люблю ненасытных женщин.

Дина глядела на него, кусая губы.

— Ну, какой вам нужен? Какой вы знаете?

— Семнадцатый!

— Хорошо, — терпеливо вздохнул Арбушев. — Давайте в четвертый раз послушаем ответ на билет номер семнадцать.

Он вполне резонно полагал себя мучеником, потому что билет номер семнадцать оказывался у Дианы «единственным выученным назубок» вот уже четвертую пересдачу подряд.

Дина расправила на коленях юбку, начала с выражением:

— Биологическое происхождение человека методом ферментативной амплификации ДНК... Ой нет, не то. Ну, то есть

анализ распределения аллелей... Нет, подождите, я все вспомню! Аллельный полиморфизм двух тетранику... тетракуниклои...

— Тетрануклеотидных.

— Тетрануде...

— Не старайтесь, не выговорите.

— Ну, эти... они — митохондрии. Сначала научились определять женщин по митохондриям.

— Как интересно.

— Да. — Дина взбодрилась от одобрения. — Нашли семь женщин, которые нас прародили.

— Вот как? И где нашли?

Тон Арбушева был заботлив до невозможности.

— Одну в Африке. Другую... ну, в общем, тоже в Азии. Это по митохондриям. Но мужских предков научились определять позже. До этого никто не знал, кто их отец.

— Безотцощина, — посочувствовал Арбушев. — Темные века. И что дальше?

— Ну вот... у женщин митохондрии... а у мужчин...

Дина теребила юбку, отчаянно пытаясь вспомнить, в левом или правом чулке у нее шпора по семнадцатому билету.

— Понятно, проехали. Все с митохондриями ясно, давайте дальше. Какие типы ДНК-маркеров используют при создании генетических паспортов лаборатории глобальной мировой сети «Интергеном»?

— Ну, — бодро начала Дина, памятуя, что чем увереннее отвечаешь, тем выше оценка, — для этого исследуются... берутся... методическими указаниями регламентируются...

— Регламентируется что?

— Регламентируются независимые локусы ДНК...

Арбушев налил воды в стакан, глотнул. Дина тем временем неслась по буреломам:

— Бывает еще генотипирование при сложных вариантах родства — ну, если человек детдомовец... Можно найти родственников. У них будут митохондрии... нет, митохондрии бывают только у женщин...

— Да что вы говорите!

— Да... у мужчин другое. Только я забыла как.

— Я понял. Это, наверное, такие первичные половые признаки — митохондрии ваши. Диночка, вы диссертацию писать не пробовали? Вы бы могли сказать много новых слов в науке. Пять или шесть. А то и все тридцать, как небезызвестная Эллочка-людоедка. Ладно, опишите мне индивидуализирующие возможности маркерных систем.

— Что? — Дина глядела на Арбушева во все глаза, на которые неотвратимо наворачивались слезы.

— Это я у вас хочу спросить — что. Что мне ставить вам за такой ответ? Ладно, давайте перейдем к практике. К вашей непосредственной работе в «Геносети»... Ну, к примеру, как в ваших лабораториях борются с проблемой чужеродного загрязнения образцов на стадиях забора и транспортировки?

— Ну, на анализы берутся митохондрии...

— Что сейчас используется в качестве антикоагулянта?

— Митохондрии.

— Что?! Диночка, скажите, пожалуйста, вы хоть понимаете, что вы несете? Выучили одно слово и лепите теперь куда ни попадя. Как вы себе хоть представляете эту митохондрию?

По лицу Арбушева было заметно, что он ожидает, как вс прямо сейчас из-под стола вылезет митохондрия и сожрет ег наподобие динозавра — с ботинками и зачеткой Дины в руках

— Ну, митохондрии — они такие маленькие...

— Да, Диночка, они такие ма-а-а-а-аленькие, и кладут их в пробирку маникюрными щипчиками. Маленькие потому что. Идите, учите, встретимся с вами в седьмой раз. Хлобысько, хватит списывать, идите сюда, попытаемся разобраться, что вы там содрали с манжеты...

— Ну Алексей Константинови-и-ич... — Девушка, казалось, сейчас заплачет. И заплакала бы, если б тушь была водостойкая. — Ну поставьте, ну что вам стоит?

— Вы, Дина, где работаете? Как же вы можете работать над реализацией нацпроекта «Геносеть», если не можете ген от хромосомы отличить?

— А зачем мне их отличать! Если я все равно в каталоге карточки перебираю и в комп заношу! Я всех родов в Европе генеалогии наизусть знаю! А вы мне — аллели какие-то!

Вспыхнув от обиды, Дина вылетела из аудитории. Даже дверью немножко хлопнула. И всхлипнула.

Бывают же на свете такие черствые существа!

Это потому что у них митохондрий нет.

4

В кабинете Сергея Николаевича было прохладно и пахло сандаловыми палочками. Со стен скалились каннибальские маски, а в стекле витрины гордо задирали носы фрегаты и каравеллы. Тополев удобно устроился в кожаном кресле и наблюдал, как хозяин аккуратно разливает ройбуш.

В полупрозрачных матовых чашках туманом оседал красноватый напиток.

— Слыхал, сколько воплей по поводу нацпроекта? — спросил у Михаила хозяин кабинета. — Блоги сетевой либерастии почитай: «тотальный контроль», «глобальный охват», «насилие над личностью» и «кондовый фашизм» — самые мягкие определения. Стрелять их, может, а? Немного тоскую по твердой руке.

— Да какой там глобальный охват... Еще зияют такие бреши, что говорить о развитой геносети нет смысла.

— Да, — согласился Сергей Николаевич, отставляя заварник из старинного российского порцелина — только так, считал он, можно называть это антикварное «белое золото» и никак иначе. — Бреши есть, но картинка уже вырисовывается та еще... Рогов рвет и мечет. Слыхал? — поднял он глаза на Тополева.

— А он-то чего? — пожал плечами Михаил. Кипяток обжигал, но был приятен душе и телу в разгар полузимней весны.

— Говорит, «Геносеть» — очередной глобальный жидомасонский заговор. В предвыборную программу специальный пункт включил.

— Идиот.

— Угу. Дедушка-то у него Гершезон. А мама — Мария Шнобелевна. Простите, Израилевна. Хотя по паспорту проходит как Ивановна. Бабушка дошла до Берлина с замполитом Гершезоном, а замуж вышла за лейтенанта Семенова. И правильно, Гершезона в пятьдесят третьем замели.

— У-у, так это у нас Ленин намбе ту... — усмехнулся Михаил. — И что, это ему таки сильно мешает?

— Орет и вопит, что все это подстроили клятые космополиты. Призывает арийцев на баррикады. Все «русише фашисто» беснуются только так. А у одного прадед — цыган, у другого тетя в Израиле. Как начали скрести этих арийцев — так везде что ни еврей, то татарин. Вот они и бесятся. Погромы обещают. Мол, все проклятый сионизм на них клевещет...

— Диагноз ясен. Ну, общество должно ветрянкой переболеть. Ты только об этом со мной поговорить хотел?

— Не только. — Сергей Николаевич откинулся в кожаном кресле, выпустил клубок дыма в недра кондиционера. — Есть ряд непростых юридических проблем. Например, спермодоноры вопят и глотают валидол. Сама концепция анонимных спермобанков под угрозой! Кто теперь пойдет плодить потомство, когда правовая база не проработана — возьмут папашку за шкирку и будет платить алименты, как миленький. Сдал «живчиков» на пятьдесят баксов — получил ярмо на шею лет на восемнадцать. Логично?

— Логично, — сказал Михаил. — Это же начальный период, что-то ясно — не досмотрели, не додумали... Щепкам, конечно, не сладко, но лес рубить надо. Все утрясется.

— Не дай нам бог жить в эпоху перемен, — заключил Сергей Николаевич и опрокинул чашку ройбуша, будто бокал коньяка. — Лига «За безопасное отцовство» организовалась.

— О боже.

— От феминисток КДПВСЖ — три дня учился произносить — отпочковался. Такой себе дочерний маразм. Английскую аббревиатуру, извини, не выговорю. «Конфиденциальность детских приютов — выбор свободной женщины». Вот и думай теперь, как это все юридически утрясти. Права личности, конфиденциальность и все такое. А еще вопрос тайны усыновления.

— Сразу подумать нельзя было?

— А ты всегда думал, прежде чем в бабу втыкать? Так ведь это и в государственной политике так — сначала делают, потом думают. Государственные соображения, а последствия потом.

Тополев мрачно постукивал ложечкой по стеклянной столешнице стола.

— Я понял тебя, Серега. — Так он не называл однокашника давно, с университетской, пожалуй, скамьи. — Что предлагаешь делать?

— Тебе — заниматься нацпроектом, как занимался... но быть готовым к тому, что часть генеалогической информации может быть засекречена.

— Вот даже как? — поднял брови Михаил. — Официально?

— Не то чтобы совсем официально, но типа того. Пока народ не очень готов к такой революции. Заграница вообще с менталитетом, если честно. Многие — не примут. Не поймут. У нас после революций, войн, репрессий большинство людей помнят два-три поколения предков. Спроси, сколько всех своих прадедов хотя бы по имени перечислят? И знаешь, представители определенных кругов могут быть очень не заинтересованы в огласке некоторых фактов... Естественно, мнение это неофициальное, и тебе решать — придерживаться его или нет. Но я бы рекомендовал придерживаться. Тебе Ягов, кстати, известен?

— Да, ко мне тоже этот алиментщик заходил. Джип с тротилом к подъезду обещал.

— Разберемся. Не того поля ягода, чтобы тротил ящиками гонять.

— Буду признателен. Нам бы охрану еще увеличить...

— Без проблем.

Встали, пожали руки.

— Да, и еще такая просьба, Миш... — Сергей Николаевич слегка смутился. — Ну, ты ж знаешь, что мать у меня из князей. Так ты... подправь там немного родословную. А то типа я ж по матери дворянин, а там у нее в революцию то ли слесарь, то ли матрос затесался...

Тополев кивнул, поставил чашку и, еще раз кивнув на прощание, вышел из кабинета.

5

Яичница с грибами шкварчала на сковородке, а хозяйка кухни нервно жевала сырой шампиньон, спутав с чем-то съедобным.

— Ну какая мне разница, как работает этот тостер? — вопрошала Диана у телефонной трубки. С Ольгой, работавшей

журналистом на центральном канале, они учились в школе и с сих пор были в приятельских отношениях. — Зачем мне знат есть ли у аллелей хромосомы?! Какое мне дело до цитоплазм и митохондрий?! Я для него юбку надела! Представляешь юбку! — Динка с возмущением одернула удобный вытянут свитер. — Зачем мне эта вторая «вышка», когда я чистый гум нитарий?! Зачем мне повышение квалификации, если я раб таю с компьютером?! Зачем мне хромосомы эти треклятые, ес я три языка знаю! Лучше б я в архиве работала! И черт с ней, зарплатой! Ну какая, скажи, какая мне разница, как устроена микроволновка, если у нее всего три полезные кнопочки, а остальные мне не нужны?!

— А как у тебя с шефом? — спросила Ольга. — Вроде ты говорила, что что-то складывается?

— Тоже сволочь, — сказала Дина, чувствуя, как дрожит от обиды голос.

Едва сдерживаясь, чтоб не зарыдать, начала жаловаться н начальство — ну какой же подлец, пригласил в ресторан и отменил. Все складывалось так удачно, в среду он пригласил с поужинать — культурный человек, другой бы прямо в кабинете, а этот нет — а в пятницу извинился и сказал, что занят. Ну почему все так?! Дина раз за разом надевала алые кружевные трусики, ожидая, что вот-вот он пригласит ее в кабинет не за инструкциями, а... Но обломилось лишь несколько поцелуев. «Может, он импотент?» — спрашивала Ольга; так нет же, нет! Он же пригласил ее уже в ресторан! А Леня? А что Леня, зачем ей Леня! Если рядом, совсем рядом есть Мих Петрович! Но у него сейчас куча работы, и вот: «Нет, Дина, не поедем». Обидно, черт побери!

— А чего он так?

— А все с митохондриями этим долбаными возится. — Динка, слегка успокоившись, закурила сигарету, чего не делала вот уже полгода. — С семи утра до двенадцати ночи. Нацпроект, блин. Внести в базу всю Россию за два года.

— А оклады?

— Обещали повысить.

— Представляю, сколько там воруют. На верхах. Ну, это как водится... Но дивиденды, Дин, знаешь, многие совершенно левые товарищи гребут. Вот передача «Жди меня» — да ты посмотри только, как она в рейтингах скаканула! Когда ваша геносеть станет глобальной, они, конечно, прикроются, но пока народ не разобрался, они пользуются вовсю... Не знаешь, кто им информацию сливает? Извини, не могу удержаться... Сама материал готовлю, проблемный.

— Мне кажется, они официально берут. А что тут проблемного? Хорошее дело делают.

— Да уж. Живет так семья, живет — бац! — по TV объявляют, что у вашего папаши есть побочный сыночек. Счастье греби лопатой.

— Что ж тут плохого? — удивилась Дина.

— Ну, знаешь, не каждая семья обрадуется, когда им от передачи «Жди меня» сводного братца подкинут.

— А каково этому братцу? Без отца?

— А каково семье? Законным детям, жене?

— Мне бы понравилось. Я бы хотела брата или сестру.

— А большинству нет. Особенно когда наследство делить начнут. Или припрутся в Москву из Урюпинска — родственнички...

— Оль, помнишь фильм — «Сирота казанская»? Сколько людей расстаются с родными, любимыми из-за случайности! А сколько таких сирот по России! — Голос звучал высоко и тонко, как всегда, когда Дина могла ответить на аргументы только эмоцией.

— А сколько семей, которые распадутся, когда узнают о шашнях папаши двадцатилетней давности? — возразила Ольга. — Да тут не только в папашах дело. Знаешь, какую я фактуру набрала? Вот, смотри: семья приличная, интеллигентная. Госслужащие, получили генпаспорта. Сын-студент — тоже. И выясняет при получении — что усыновленный он, а биологический папаша моет золото на Колыме, а мамаша сосет за бутылку у сожителя. Круто, да? Я не знаю, проявлялись ли гены у пацана раньше, но вроде воспитали человеком, учился неплохо — а тут крышу снесло, колоться начал.

— Ну, это одна история...

— Не одна. Куча о перепутанных в роддоме есть. А об отцах, которые на старости лет узнают, что дети — не их, а соседские, и внуки, и, соответственно, правнуки... Прикол, да? — Ольга делано рассмеялась. — По статистике англичан, десять процентов детей в браках соседские.

— Зато потом все будут знать, кто чей сын.

— Зато сейчас семьи разваливаются.

Закончив разговор, Дина швырнула телефон на стол, пару раз глубоко вздохнула. Разговор закончился на повышенных тонах. И не поссорились вроде, но... А все из-за чего? Все из-за мужиков. Сволочи.

Этот гад оценку не ставит. Сдалось ей это повышение квалификации! Другой в ресторан пригласил и не сводил. А из-за каких-то уродов, которые детей где попало плодят, они с Ольгой чуть не рассорились.

Она сорвала сковородку с конфорки, швырнула на пол, яичница разлетелась-расплескалась, а сковорода прожгла пятно на линолеуме. Разозлившись и психанув, Дина разбила четыре тарелки, сгребла яичницу в мусорное ведро, села на пол и задумалась.

Все мужики — козлы.

Придя к такому довольно утешительному выводу, Дина переменила позу согласно рекомендациям «Йоги для чайников» и, расслабившись, принялась медитировать — что успокаивает и расслабляет и, между прочим, очень действенно при ПМС.

6

Дина весь понедельник надувала губы и старательно отворачивалась — но Михаил не обращал внимания, в конце концов, это была наименьшая из проблем. Работа не шла. Надо было срочно сделать выкладки по запросам — от этого зависели и фонды, и расширение штата, и многое другое — эх, успеть бы до конца квартала! Но и об этом думать тоже не хотелось. А хотелось о совсем другом — и вот об этом другом размышлять было решительно невозможно.

В сейфе, рядом со свеженаполненной бутылкой из-под кефира стояла еще одна — с коньяком. Михаил пил редко и предпочитал хорошие напитки — благо редких подношений от просителей хватало ему с избытком. В этот же раз, после мучительных выходных, не успокоившись даже в работе, ученый почти мечтал о том, как в пять часов вечера Дина и Леонид уйдут, давая своему начальнику возможность просто по-человечески выпить в одиночку чуточку «Хеннесси».

Дина ускакала еще в полчетвертого, сдержанно заявив, что обязательно вернется к пяти, — но веры ей не было, стрекоза она, что тут еще скажешь? Завтра опять надует губки и найдет тысячу Самых Страшных Причин, по которым появиться в лаборатории она не только не могла, но еще и не должна была ни в коем случае.

А вот Леонид задержался. В последнее время он все чаще засиживался до шести, а то и до полседьмого, что Михаилу нравилось — можно было при необходимости позвонить ему из соседнего кабинета и получить нужные материалы, не отрываясь от работы.

Но сегодня Тополев ждал и не мог дождаться, когда лаборант наконец уйдет. Ученый прошел по коридору, погладил пальцем гравировку «Каталог» на табличке, в очередной раз удивляясь тому, что первая «К» почему-то меньше второй «а», потом решительно толкнул дверь — и нос к носу оказался с Леонидом.

Тот неожиданно для начальника испугался и спрятал что-то за спиной. Михаил осторожно заглянул за правое плечо подчиненного, но тот переложил спрятанное из одной руки в другую.

Так же медленно ученый сделал шаг вбок и посмотрел за левое плечо, Леонид повторил маневр с перекладыванием из руки в руку.

— Что там у вас? — спокойно спросил Михаил.

— Ничего интересного! — срывающимся голосом ответил лаборант.

Тополев сделал вид, что собирается обойти вокруг, а на самом деле схватил подчиненного за руку и попытался ее вывернуть. Тот сопротивлялся.

— Вы выносите данные каталога! — понял вдруг ученый. — Зачем? Чтобы подделать карточки? Просто их уничтожить? Данные ведь все равно окажутся в компьютере! Или вы торгуете информацией? Сливаете «налево»? И как вы могли, черт бы вас побрал?

В его голосе была нешуточная боль: променять науку на презренные деньги, которых скоро и так у лаборатории будет немало, казалось Тополеву совершенно неоправданным, глупым и преступным.

— Идите вы! — Леонид, воспользовавшись растерянностью начальника, вырвался и, не выпуская из рук карточек, бросился к выходу, с силой оттолкнув Тополева.

Михаил покачнулся и упал прямо в сплетение проводов от принтера, сканера, ксерокса и двух компьютеров, неловко подвернув в падении ногу.

7

Маникюр обошелся неожиданно дорого, все-таки обещанное увеличение зарплаты сулило много радостей. Кстати, избавление от ненавистной яичницы входило в число перспектив. Вот если сейчас Мих Петрович не оценит всех ее жертв, не проникнется ее красотой и тут же не упадет на колени, обещая зажиленный поход в ресторан, руку, сердце и немедленную свадьбу, то Дина даже и не знала, что еще можно сделать.

Прическу поменять? К сожалению, шеф пару раз сказал, что ему нравятся ее длинные волосы именно в таком виде, в каком они сейчас, — и девушка не решалась подстричься, хотя руки чесались уже давно.

Едва войдя в лабораторию, она увидела несущегося к ней Леонида. Парень был растрепан, глаза его горели, и вообще выглядел он похожим на крупную мышь, только что вынутую из лужи, — такой же неприятный и взъерошенный, очумевший и страшный.

— Убирайся с дороги! — заорал он, но оказалось, что это была, пожалуй, единственная фраза, которая могла заставить Дину встать на его пути.

— С дуба рухнул? — вежливо поинтересовалась девушка, у которой внутри все стягивалось в единый жесткий, колючий комок. — Что у тебя в руках? Ах ты, подонок!

Леонид попытался протиснуться мимо нее, но у него не получилось — и тогда он коротко, без замаха, влепил ей пощечину.

И снова ошибся. Вместо того чтобы отшатнуться в ужасе, Дина врезала ему коленом в пах, а потом, вспомнив рекомендации «Самоучителя обороны для хрупких дам», еще со всей силы дала ладошками по ушам согнувшегося перед ней в земном поклоне лаборанта.

Но этого оказалось мало. Ленчик, словно превратившись в животное, боднул ее в живот, а потом сжал в не шибко ласковых объятиях, и они вместе покатились по полу.

Улучив момент, Дина схватила противника за голову и крепко приложила о косяк головой. Леонид неожиданно обмяк, на виске мгновенно расцвел кровавый цветок — но девушка не увидела его раны, потеряв сознание за мгновение до этого.

8

Едва увидев Дину, лежащую в крови под Леонидом, Михаил чуть с ума не сошел — он проклял себя за неуклюжесть, за все эти дурацкие компьютеры, провода и шнуры и за пригретую на груди сволочь, которая несколько лет прикидывалась ценным сотрудником.

Отвалив тело лаборанта в сторону, ученый ловко открыл девушке веко и понял, что Дина без сознания. Попытался найти рану, но ее не было — вся кровь принадлежала противнику. Предчувствуя неприятности, Тополев обернулся к Леониду. Лаборант лежал на полу, глядя немигающим взором в потолок, а его руки, раскинутые под неприятным взгляду углом, казались паучьими лапами.

Можно было даже не смотреть — парень был мертв.

— Ну ни хрена себе, — пробормотал Михаил. — Миссион файлед, леший бы ее побрал...

Он еще раз посмотрел на Дину. Потом на Леонида. Первая мысль — вызвать милицию — наткнулась на целый ряд доводов против.

Во-первых, у проекта собралось уже довольно много высокопоставленных недоброжелателей — и они наверняка обернут это дело против лаборатории в целом. Михаила, вполне возможно, снимут под вовремя появившимся предлогом, а проект передадут верному и удобному человечку, который будет благополучно подтасовывать данные в пользу благодетелей.

А во-вторых... Главное, самое главное — то, что волновало Тополева куда больше судьбы лаборатории и собственной судьбы, — была Дина. Он похолодел от одной мысли, что на нее может обрушиться, если... Судебные разбирательства, следователи и прокуроры, жадные репортеры и необходимость доказывать всем и каждому, что она убила подонка во время самообороны!

Ох, господи, это бывает совсем не просто, а если еще вмешаются те, кому работа лабы поперек горла... Дина вполне могла получить срок за превышение или за непредумышленное убийство. А какой шок для девушки будет узнать, что она убила человека... Нет, Михаил не мог этого допустить. Только не Дина.

Тополев нащупал в кармане связку ключей и бросился запирать входную дверь.

Потом выключил свет в лаборантской, в каталожной, в своем кабинете и приемной, оставив только в коридоре — все равно свет отсюда наружу не проникал.

Перенес Дину в свой кабинет, аккуратно стер платком с ее лица кровь — в волосах что-то осталось, но времени было мало.

Запер девушку в своем кабинете и опрометью кинулся вниз, к подземному ходу. Отпер дверь, пробежал сотню метров по гулкому коридору, чуть не воткнувшись в темноте в противоположную дверь, нащупал кнопку звонка, нажал.

Ждать пришлось долго — секунды отдавались пульсом в мозг, Петрова вполне могло и не быть уже на работе — но, о чудо! Скрежетнул ключ в замке, и перед ученым образовался его должник — заспанный и помятый.

— Помнишь, ты про кислоту говорил? — прямо спросил Михаил. — Можешь, не спрашивая, дать мне литров сто?

Петров мрачно посмотрел на приятеля, потом неопределенно махнул головой и, оставив открытой дверь, пошлепал

вверх — Михаил с удивлением обнаружил, что Петров босой, даже без носков.

Чуть помедлив, генетик последовал за химиком. Тот топал вперед как танк, не оглядываясь. Отпер дверь своего кабинета, еще раз мотнул головой, включил свет, прошел к столу, налил в две пробирки из кефирной бутылки.

— Пей, — настойчиво сказал он. Тополев взял свою пробирку и залпом выпил ее содержимое. — У тебя проблемы?

— Да, но я не хочу тебя втяги...

— Считай, уже втянул. Что случилось?

И Михаил рассказал ему — вначале путаясь во всех угрозах и предпосылках, потом, подойдя непосредственно к убийству, неожиданно четко и ясно. Только сказал, что убила не Дина, а он сам, и, когда объяснял возможные последствия, даже разложил их попунктно — хотя единственное, что его действительно сейчас заботило, была судьба Дианы.

— Ясно. И в чем ты его собрался растворять? — поинтересовался химик.

— В кислоте, — ответил Тополев.

— Тоже ясно. А ванна у тебя есть? Или бак какой?

Ванны у него не было.

— Ну, молодец, хорошо придумал. Леонида мне, кстати, не жалко, гнусный тип. В общем, так. Я тебе сейчас дам немножко бытовой химии, кровь стереть. Сам заберу твоего лаборанта, и дальше он — моя забота.

— Но ты... Соучастником, если что... Не хочу тебя втяги...

— Уже втянул. Ладно, у нас все ушли, сторож у меня на ночь отпросился, так что время есть, но лучше все сделать быстро и аккуратно.

По пути в лабораторный корпус Петров что-то говорил, но Михаил его почти не слушал — что-то про старых сибиряков, про москалей, про то, как до революции прадед Петрова встречал царских чиновников, в продразверстку — дед, а после войны — отец.

Опомнился генетик, только вытерев пол в коридоре насухо. У него в голове вдруг перещелкнуло, что приятель вполне мог, забрав труп, просто взять и позвонить в органы — паника за-

топила сердце ученого, он бросился вниз, пронесся через коридор и, уже вбежав в малый вестибюль НИИ, вдруг понял, что не представляет, где искать Петрова.

Но тот словно почувствовал. Вышел из ближайшей двери, вытер потный лоб рукавом халата, стараясь не прикасаться кожей к резине перчаток, и позвал за собой.

В белоснежном кафельном зале первым, что бросилось в глаза ученому, была кучка на столе — мелочь, ключи, несколько пуговиц и металлическая пряжка от ремня.

Петров кивнул, подтверждая догадку.

— Это все, что от него останется. Хочешь посмотреть, как идет процесс? — Тополев замотал головой, сглатывая подкатывающую к горлу рвоту. — Может, выпьешь? Нет? Ну тогда давай я тебя провожу. Ты, главное, тело[illegible] сам не спались.

— Не спалюсь, — твердо ответил М[illegible]ил. Перед его глазами была лежащая в крови Дина. — Са[illegible]но не с[illegible]тюсь.

Уже перед тем, как закрыть дверь [illegible]унель, Тополев окрикнул Петрова:

— Насчет спирта я это...

— Спирт отдам в светлом будущем, [illegible]разно с[illegible]тил химик.

— Да нет, я не так, ты ж мне кисло[illegible].

— Какую кислоту? — На лице Петр[illegible]а засты[illegible]о искреннее, почти детское удивление. — А, кислот[illegible] ты спрашивай, если что — могу кислотой, могу щелочью [illegible]. Хот[illegible] один к десяти, у меня этого добра знаешь сколько? А еще все могу медным купоросом. Бери, не прогадаешь.

9

Динка поливала цветы в кабинете М[illegible] Петровича и делала это куда дольше необходимого. Но шеф стоял на пороге, придерживая дверь и давая инструкции Жо[illegible]ифшицу, и не обращал внимания на ассистентку. Холодная скотина, ничем не проймешь...

— А еще я вынужден напомнить, что незаконное распространение информации запрещено внутренними инструкциями, — слегка враждебно говорил Мих Петрович подчиненно-

му. — У нас, к сожалению, совсем недавно был один неприятный инцидент...

— Да ешкин кот! — воскликнул Жора. — Вы мне это говорите, Мих Петрович? Мне?! Таки мне?! Да я ж ни духом, ни левой пяткой да никогда в жизни...

— Извините, Жора, — вздохнул Тополев. — Я, кажется, действительно перегнул палку. Просто сейчас будут введены новые инструкции, повышена безопасность, усилена охрана... Кажется, совмещение научных и административных функций не способствует душевному равновесию. Сорвался. Еще раз извините.

— А кстати, где Ленька? — вмешалась Дина, нахмурившись.

Вспоминать этого козла, который оказался сволочью и продажной тварью, не хотелось. Но надо было выяснить, чем все закончилось, чтоб он сдох!

— Уволился, — коротко сказал Тополев и продолжил разговор с Жорой.

— А-а, — с облегчением вздохнула Дина и стала дальше поливать цветы. Все сложилось как нельзя более удачно — видимо, этот ворюга свалил, замученный совестью. Она вспомнила, как очнулась в кабинете шефа, все волосы были в крови — шеф сказал еще: «Круто ты ему по зубам треснула!» Дина ровным счетом не помнила, что было и как она ему врезала, но решила ничего не говорить Мих Петровичу, чтобы не тревожить, — хотя, быть может, это было неправильно.

Жора тем временем внимал откровениям начальства.

— Ваша деятельность, Георгий, должен признать, дает неплохие результаты. Социальная реклама, несмотря на перерасход фондов, повысила доверие населения к проекту на семь и восемь десятых... По крайней мере, если не врут исследования.

— Ха! Еще бы у Жоры был плохой креатив...

— Но вот плакаты вдоль дорог меня несколько... э-э-э... смущают. И не только меня. Губернатор тоже, так скажем, удивлен. Объясните мне, пожалуйста, что означает кадр с целующимися героями «Звездных войн» и эта подпись: «Не женись на сестре»?

— Так тот ж самое оно! — гоготнул Жора. — То ж они когда не знали, что близнецы, целовались. Ха, может, Лукас и сам тог-

да не знал, что они в следующей серии будут близнецы... Ну и типа — идите за DNA profiling, шоб не было инцестов. Я на этом думаю всю дальнейшую пиар-кампанию построить: ролики, где выясняется, что женаты — брат и сестра, отец и дочь... Реальный креатив, гы?

— Не смешно, — заметил Мих Петрович. — На самом деле действительно это проблема, и я вам сейчас... сейчас, погодите... найду кое-какие выдержки. Возможно, пригодятся.

Тополев нашел книгу, начал читать, близоруко щурясь от солнечного света — поливая цветы, Дина подняла жалюзи.

— Вот, нашел, — сказал Михаил. — Эта проблема поднималась еще на заре цивилизации. Святой Юстин Мученик писал, «что христианин не должен бросать своих детей, чтобы потом не встретить их в публичном доме: «Чтобы мы не причинили никому неприятностей и сами не впали в грех, нас учат, что нехорошо бросать ребенка, даже новорожденного, и прежде всего потому, что почти все, кого в детстве бросают (не только девочки, но и мальчики), оказываются потом проститутками». Дина, закройте уши, я скажу Георгию одну вещь... помните анекдот? А впрочем, Дина, заварите мне кофе.

Дина фыркнула и вышла из кабинета, всем своим видом демонстрируя недовольство.

Тополев дождался, пока девушка скроется в своем «Каталоге», где стояла общественная кофеварка, и спокойно продолжил:

— Анекдот про лифт знаете?

— Тот, где девчонка мужику минет делает и сигаретку просит? Чирк, типа, зажигалкой...

— Вот-вот.

— Ба-а-а-а-ян! Но прикольный и, как говорится, в тему.

— Именно что в тему. Вперед, наш юный Геббельс, несите пропаганду в жизнь, дабы все добропорядочные граждане нашей необъятной Родины получали генпаспорта и вливали информацию о себе, любимых, в единую генетическую сеть. Можете взять книгу — это «Психоистория. Эволюция детства» Ллойда Демоза.

— Та не, мне такая толстая ни к чему, — отмахнулся Жора. — Спасибочки — на здоровье. Вот только чья это фраза, скажите?

— Юстина Мученика.

— А, понятно! — кивнул Жора и вымелся из кабинета, мечтая скорее приступить к обязанностям.

Дина вернулась с чашкой кофе и выжидающе замерла у стола. Тополев не глядел на нее, хмурясь, вертел в руках карандаш. В последнее время с этим нацпроектом и кучей сваливающихся на него проблем, склок, требований, шантажа он заметно осунулся и похудел. Дина обратила внимание, как заметна стала седина на висках. Она хотела обнять его, но не решалась. И в тот момент, когда она, вздохнув, принялась вытирать пыль с полочек, из коридора донеслось:

— Фархид, ты слышал анекдот? Ну, там где «Папа?!» — «Маша, ты куришь?». Да я не пошляк, ты шо! Я ж не о том! Так ты таки знаешь, кто придумал этот анекдот?! Та ни в жисть не поверишь! Святой Юстин Мученик! Во юморист мужик был, а еще святой!

10

Коридоры власти тянулись в бесконечность, выстраиваясь вертикалями этажей и горизонталями шагов. Тополеву было понятно, что вызов в администрацию президента не сулит ничего хорошего. Сорвали его прямо с работы — безапелляционно заявив, что забронирован билет на ближайший рейс.

У нужного кабинета Тополева встретил Сергей Иванович — он тяжело отдувался и вытирал лоб платком.

— Ну, брат ты мой, вот мы залетели! — вместо приветствия выдохнул он. — То есть залетел-то в свое время кое-кто другой, но...

— Совсем все плохо? — спросил Михаил.

— Да блин... — И тут этот уважаемый человек, ценитель антиквариата и миниатюрных фрегатов, выдал такую тираду, что покраснели бы вечнозеленые просторы тайги. Из членораздельных предлогов можно было понять, что разразился страшный скандал, прямым боком затронувший администрацию президента.

Они вошли в кабинет, и Михаил поразился, каким маленьким и незаметным вдруг показался Сергей Иванович — совсем

не таким, как у себя, среди кожаной мебели, дубовых панелей и «порцелиновых» чашек.

— Ну что ж у вас в Новосибирске такие дела делаются? — с добродушной иронией начал человек, которого Михаил уже видел — на обложках журнала «Власть».

— А что у нас делается, Дмитрий Анатольевич? — спокойно спросил Тополев. — Меня буквально впихнули в самолет, но ничего как-то не объяснили. Может быть, вы лучше опишете ситуацию?

Сергея Ивановича ощутимо трясло, но Тополев — после крови в волосах Дины, стойкого химического запаха ада и металлической пряжки на столе — не мог, да и не считал нужным изображать священный трепет. Он просто устал.

— Это был не телефонный разговор, — усмехнулся помощник президента и пододвинул Михаилу какую-то газету.

Тополев пробежал глазами — ну да, их новосибирский еженедельник, довольно давний номер: «...оставляют в основном алкоголички, наркоманки, — рассказывает главврач областного роддома Ирина Куроптева, показывая нам с фотокором отказных детишек. — Но бывает, оставляют и приличные на вид женщины. У нас случай был — лет двенадцать назад, но я его до сих пор помню... Я как раз была дежурной, рожала очень приличного вида женщина. Платную палату тогда могли позволить себе совсем не многие. Конфеты, шоколадки медсестрам, банки икры врачам. И вот мы ей ребеночка приносим — а она говорит: вы его мне на грудь не кладите, а то я привыкну. У меня старший есть, второго нам не нужно. Почему не нужно — не объяснила, может, он не от мужа был, а может, посчитали, что объест... Но женщина была богатая. Аборт не делала, потому что боялась повредить здоровью. Мы ей мальчонку подсовывали, рассказывали, какой здоровенький, какие глазки голубенькие, — а она ни в какую. Так на руки и не взяла». Дальше шли пространные рассуждения автора о морали и приписка в конце статьи: «Миша Иванов — так его назвали — обитает в одном из детских домов Новосибирска. А его мать, вероятно, вкусно ест и сладко пьет, никак не беспокоясь о ребенке». Тамара Луцкая, фото Алексея Кощеева».

Дмитрий Анатольевич внимательно наблюдал за реакцией Тополева.

— Читали?

— Раньше нет, а теперь да. И что?

— Неприятная ситуация получается, — развел руками Дмитрий Анатольевич. — Нет, я сам ратую за выдачу госслужащим генпаспортов, сам продвигал этот нацпроект... И детдомовцам генпаспорта надо выдавать, в этом я вас тоже поддерживаю. Бедные дети. У вас очень быстро всем выдали — даже удивительно, в других городах еще копаются. Полагаю, вы заслужили премию. Геносеть расширяется, это хорошо! Но вот тут какой вопрос... Видите ли, Нина Андреевна сейчас занимает очень высокий пост в известной вам партии. К ней очень высоко доверие избирателей. А тут такое... Да еще перед выборами. Нехорошо.

«Какая Нина Андреевна?» — хотел спросить Тополев, но осекся. Ну конечно, Никитьева! Еще как нехорошо.

— Неприятная ситуация, — внимательно посмотрел на Тополева представитель партии власти. — А журналисты, конечно, как всегда, все преувеличивают. И ошибка — повторяю, ошибка! — в геносети может нанести непоправимый ущерб репутации серьезного человека...

Михаил вспомнил лицо госпожи спикера и подумал, что она ему всегда не нравилась. Но вместо ответа просто кивнул.

Помощник президента улыбнулся. Рукопожатие у него оказалось крепкое, улыбка открытая. Этому человеку хотелось доверять и идти за ним на край света. Неудивительно, что в последнее время он стал все чаще появляться на экранах.

Михаил вышел из кабинета, вслед за ним выскользнул Сергей Иванович. Пот градом катился со лба.

— Ну, ты понял?!

— Понял, конечно, — пожал плечами Михаил. — Не дурак.

— Ну слава богу. Обрадовал, однокашник. — Сергей Иванович расцвел в улыбке и хлопнул Тополева по плечу. — А то я уж думал, ты выделываться, не дай бог, начнешь, а Никитьева — та еще мегера! Вот уж стервь — не хотел бы я оказаться на ее пути... А ты, если что надо, обращайся.

— Конечно, — сказал Михаил. — Ты, кстати, охрану обещал. Сил нет, сколько каждый день идиотов ломится — как пошла плановая диспансеризация для бюджетников, так то взятки, то угрозы.

— Взятки — это нормально, — ответил Сергей Иванович. — А угрозы нехорошо. Ну, мы решим этот вопрос.

— Так с охраной-то поможешь?

— Прямо завтра. Давай, что ли, перед отлетом коньячку хряпнем? — Сергей Иванович расслабил узел галстука, потер шею под воротником рубашки. — А то я от этого разговора совсем взопрел.

11

Дина отложила учебник. Нет, ну какой же надо быть сволочью, чтобы не обратить внимание на такую короткую юбку! Все-таки мужики козлы.

И ни месячных у них, ни митохондрий.

Потянувшись, девушка выглянула в окно — солнышко, весна! И на работу идти не надо! Это ли не счастье? С блаженством Дина вспомнила, как рано утром, когда она еще нежилась в постели, обнимая любимого слоника, позвонили из лаборатории и объявили выходной. Все-таки бывает справедливость на свете!

Еще раз взглянула на учебник и помрачнела. Наверняка, если бы она была парнем, препод так бы не мурыжил.

Но ничего, зато мужики не знают, какое это счастье — оказаться с кучей денег, пусть и небольшой, в парфюмерном магазине. Эти бедолаги не умеют покупать просто для удовольствия. Наверное, это как раз следствие отсутствия митохондрий. И компенсация за ПМС — мужикам-то не нужно столько кайфа! Они идут в магазин и придирчиво выбирают то, что им пригодится в ближайшие сто пятьдесят лет жизни. Им не дано почувствовать наслаждение от покупки — они даже от самих товаров-то счастья не испытывают!

Пошарив рукой вокруг дивана, Дина обнаружила, что методички там нет. Посмотрела внимательно — так, вот она, горка.

Та самая, которая вчера днем была в сумочке, а потом для удобства выросла через опрокидывание оного аксессуара на полу.

Именно отсюда она извлекала по мере надобности прокладки, мобильник, учебник и пачку жевательных резинок.

Но методички здесь, ну хоть ты тресни, не было!

Дина еще раз на всякий случай пошарила рукой под диваном, осмотрела комнату и тут отчетливо вспомнила, как выкладывала методичку на стул в кабинете.

12

Петрова, как выяснилось, звали Олегом Сергеевичем. Вернее, такое у него было имя, а звали его все, кому не лень, Петровым.

Михаил аккуратно разлил по стопкам — себе коньяк, на полпальца, химику — чистого спирта, раза в три больше.

По телевизору какой-то лысый хрен, вроде как самый модный ведущий, решил податься в аналитики и распинался:

— ...Это вернет нас к родоплеменному обществу, и все победы цивилизации окажутся за бортом. Посмотрите на экран, историки нам дают схему... Смотрите: сначала человечество забросило каменные топоры и от родовой общины перешло к соседской. Потом большие, патриархальные семьи из нескольких поколений заменила нормальная современная семья: родители и дети. Человечество развивалось и всегда шло по пути роста индивидуальной свободы. А теперь нам предлагают повернуть время вспять! Вернуться к каменному топору и родовым кланам!.. Да, судари и сударыни, достигнутые бастионы демократии оказались подточены изнутри термитами, и вместо счастливого общества всеобщего равенства мы получаем фашистское — да, да, именно фашистское — с обязательным, принудительным получением генетических паспортов. Ну а потом уже кто угодно сможет использовать эти паспорта в своих целях!..

Петров залпом выпил спирт и аккуратно занюхал рукавом халата, игнорируя и колбаску, и шоколад.

— Ради чего это все? — мотнул он головой в сторону экрана переносного телевизора, стоящего на рабочем столе Тополева. — Или вы и вправду фашизм продвигаете?

— Ты их побольше слушай. — Ученый сделал небольшо глоток, отставил рюмку в сторону. — Хотя я им даже благод рен за все эти угрозы, панику, истерию. Иначе мне именно се час вообще жить бы не хотелось.

— А ну прекратить паникерство! — Петров рассмеялся — сколько ни смотрел ему в глаза Михаил, но не было там ни ра каяния, ни страха. — Давай объясняй про свою генетику. Заче это все и стоит ли тех денег и сил, которые вбухивают в ваш программу.

Тополев достал листок и нарисовал линию, изображающу что-то похожее на горный массив.

— Это — то, что было раньше. Объемный, сложный мир, в котором правители вели свой род от богов, а руководящая верхушка четко отделяла себя от обычных людей — голубая кровь, белая кость и так далее. А те, кто в самом низу, вроде как происходили от собак, свиней и прочей мерзости. Это было общепринятым мнением.

После этих слов Михаил взял такой же листок и нарисовал на нем прямую линию. Некоторое время помолчал, потом продолжил:

— А это — то, что будет с нашим миром после того, как программа завершится. Абсолютно ровная плоскость, на которой нет ни голубой крови, ни белой кости, ни богов. Только перспектива, в которой у каждого намешаны и простолюдины, и благородные, и черт в ступе. Уже сейчас мир стал более ровным, и именно это смущает врагов программы — они цепляются за свои призрачные холмы и горы, хотят быть наверху и — чтобы остальные внизу, понимаешь? Им не хочется ответственности за свои поступки, потому что кто вверху — тот и прав. А если все вместе, на одном уровне, то вскрывается истина, а кому из сильных мира сего она нужна?

— Ух ты! — Петров посмотрел на друга. — Да ты, братец, анархист!

— Я ученый, — поморщился Тополев. — Я за истину. А те, кому нужна справедливость, всегда ищут способ доказать, что лучшая справедливость — это когда им все можно, и им за это ничего не должно быть. Тот мир, который я создаю, — настоящий. Без иллюзий.

Петров встал, прошелся по кабинету, посмотрел на генетика, потом расхохотался:

— Да рядом с тобой страшно находиться! Как ты вообще еще живой при таких-то взглядах? А я еще думаю, чего это ты на сегодня весь отдел разогнал... Ладно, пойду, а то без меня небось дело стоит.

Михаил проводил друга до туннеля, потом вернулся в кабинет. Едва он двинул мышкой, как к нему ворвался охранник.

— Эх, ну что ж вы меня подставляете! Я же обещал, что никого не будет! Здесь же опасно!

— Не опасней, чем в любом другом месте, — ответил Тополев и указал на телевизор. Там шли новости — без звука, но и по одному видеоряду было ясно: где-то что-то взорвали. — Мировой терроризм. А работу оставить я не могу.

Они поспорили еще немного, охранник напирал на инструкции, Михаил пользовался тем, что по инструкциям всяко он главнее.

Так и разошлись. Потом было несколько часов плодотворной, хорошей работы — карты складывались в мозаику, генетические линии скрещивались и пересекались, отцы и дети выстраивались в стройные ветви генеалогических древ, уходящих в глубь веков, и общая картина поражала великолепием. Если, конечно, не считать занозы, которая заставляла и заставляла его возвращаться к теням прошлого, когда жизнь только начиналась...

Впрочем, не важно. Еще будет время подумать.

Кто-то бродил в коридоре — наверняка охранник, все думает, какие еще аргументы высказать ученому, ну да и бог с ним.

В очередной раз открыв файл с картой, Михаил бросил взгляд на часы — четырнадцать сорок пять.

А через мгновение раздался взрыв.

13

Вау! В лабораторию не пускали. Дина как дважды два объяснила охранникам, что они ретрограды, что если вот прямо сейчас девушка не окажется внутри, то начнется цепная реакция, планеты столкнутся и луна свалится всем на голову, а отвечать за это будет охрана, как самая крайняя.

Этот довод сработал — видимо, быть крайними охранники не любили.

— Сейчас половина третьего, у тебя есть десять минут! — заявил их старший, мордатый дядька под сороковник. — И учти, под твою ответственность!

На стуле методички не было, не оказалось ее и на столе. Дина со скоростью молнии носилась по кабинету, обшаривая самые вероятные места: папку «Курьезы», чайный столик, лоток принтера, горшок с геранью.

Наконец она встала и задумалась. Надо рассуждать логично. Где может быть методичка, если ее нигде нет? Естественно! Как же она сразу не догадалась! Под столом!

Дина сунулась под деревянного монстра времен сталинского ампира и действительно обнаружила там брошюру.

Но порадоваться девушка не успела.

Едва она схватила искомую методичку, как раздался страшный «бум», потом все затряслось и словно бы подпрыгнуло. Как в страшном сне Дина увидела потолок, небрежно и медленно заваливающийся вниз.

От страха она сжала глаза и для верности закрыла ладонями уши. Грохот все равно проникал, и было до оторопи жутко. Что-то больно ткнулось в ногу — девушка осознала, что не может ею пошевелить, и отчаяние постепенно овладевало Диной. Потом еще что-то ударило по руке, и все стихло, только раздавался где-то далеко треск.

Дина открыла глаза. Это не помогло, и, даже проморгавшись, зрение она не вернула. Потом догадалась, что это ее завалило, и на ощупь начала выяснять собственное положение.

Вверху — пробитая куском бетона столешница. С двух краев — стена, с двух других — куча штукатурки вперемешку с чем-то мягким.

Внизу, как ни странно, обычный линолеум.

— А теперь меня срочно должны спасти! — заявила девушка вслух, но это не помогло. Стало только еще страшнее, и весь ужас случившегося постепенно начал доходить до нее.

Неужели это Ягов выполнил-таки обещание подогнать джип с тротилом?! Или не он?..

Дина задумалась, сколько должно пройти времени до спасения. Вспомнилось, как на какое-то землетрясение вылетали специалисты со всего мира и потом еще неделю, а то и две показывали хроники: с каждым днем спасенных было все меньше, а погибших — все больше.

Девушка заплакала, но тут же решила, что надо думать конструктивно и тогда все будет хорошо.

Но думать конструктивно не получалось. Из еды была только методичка, из питья — тоже только она, и даже из инструмента, которым можно попробовать себя спасти самостоятельно, — только эта дурацкая брошюра.

«Теперь можно плакать с полным правом! — решила Дина. — Я сделала все, что смогла!»

Картины, которые приходили ей в голову, были одна страшнее другой — вспоминались почему-то землетрясения в каких-то жутких странах, то ли в Анголе, то ли в Гондурасе. Их показывали по телевизору, и количество жертв исчислялось сотнями. Если там люди умирали так легко, то почему она должна выжить?

Девушка заревела, вначале тихо, а потом громко, навзрыд, всхлипывая от жалости к себе — одноногой и уже почти мертвой.

Потом слезы закончились и остались только боль, страх и темнота.

14

Радио в «скорой» работало на полную громкость.

— Привычка, — объяснил словоохотливый шофер. Ехали они вдвоем — врачи и санитары могли понадобиться на месте взрыва, а машин «скорой» там было все равно слишком мно-

го. — Больные иногда знаешь как орут? Ну, я теперь когда еду, иначе радио слушать и не могу. Только так.

«По сообщениям Интерфакса, в Новосибирске произошел взрыв средней мощности. Предварительно утверждают, что жертв нет, предполагаемый теракт случился в пустом здании. Напомним, что вчера прошел ряд терактов в Бельгии и Люксембурге, были предотвращены взрывы в Париже и Токио. Общая обстановка в мире продолжает накаляться. Президент Соединенных Штатов...»

— А если вдруг кому ногу оторвет — так это вообще номер! Его везут, а он орет: «Где моя нога! Оставьте меня, высадите!» — представляешь? Или если живот порвало. Раньше бы сразу умер, а сейчас обычно подбираем и еще дня три живет, бедолага.

Шофер что-то говорил, радио орало, но Дина не слышала ничего — все словно проходило сквозь голову, не задевая там ни единой струнки. Ответить словоохотливому водителю она не могла: перед глазами проносились черно-белые картины — срезы уходящего кошмара. Она все еще была там, под завалом.

...Заунывная сирена. Где мобильник? Надо позвонить, дать знать, что она жива. Мобильника нет. Сирена. Нога.

Прошло бесконечно времени, прежде чем она услышала что-то, кроме заунывной сирены. Кто-то ее откапывал.

— Эй! — заорала девушка. — Я здесь!

Она орала не переставая и быстро охрипла. Но ее все равно нашли — вначале появился лом, которым Дине чуть не пробили голову, потом этим орудием начали ворочать стол. А когда его все-таки приподняли, то Дину засыпало кучей мусора.

И среди кусков штукатурки, обрывков бумаги и прочего хлама на нее упала фотография отца. Та самая, что стояла на столе.

Стекло пошло сеткой трещинок, и теперь мужественный полярник грустно улыбался. Один край фотографии смялся, другого не оказалось в принципе, но это было не важно — девушка крепко прижала ее к сердцу и даже не помогала спасателям, которые, коротко матерясь, тащили ее наверх...

Кусок времени просто выпал из ее восприятия — вот она хватает фотографию, а вот уже сидит в машине «скорой помощи» и монотонно повторяет:

— Я в порядке, я не хочу ехать в больницу. Я в порядке...

«Уточненные сведения по взрыву в Новосибирске. Как оказалось, есть жертвы — руководитель лаборатории, Михаил Тополев, погиб в результате взрыва, его сотрудница, Диана Логова, тяжело ранена...»

— Как погиб? — заорала вдруг Дина. — Мих, Мих, ты не мог так поступить со мной!

— Да, может, не погиб он. — Шофер осторожно глянул на притихшую девушку. — Вот ты жива и целая почти. Врут, может, журналисты-то?..

«...как сообщили представители силовых структур, фотороботы преступников уже составлены, один из исполнителей задержан. ФСБ работает на месте преступления. Есть версия о связи с международным терроризмом. Мы будем информировать слушателей о ходе расследования...»

15

Капель за окном звенела тонко — дин-динь! дин-динь! За потрескавшимся переплетом окна звонко рыдала весна, и ее слезы камертоном отдавались в сердце. Голая ветка качалась за стеклом. За ней было небо, светло-серое небо, и больше ничего. И только над ухом, из открытой форточки: динь-динь! динь-динь!

Он подумал, что теперь, похоже, этот пейзаж за окном будет тем немногим, что он сможет видеть каждый день. С переломом позвоночника трудно разнообразить жизненные впечатления. Странно, но это заботило его куда меньше, чем это настойчивое: динь-динь! Дина. Диана. Диночка. Звонкий, легкий «динь!».

Веселый, беззаботный, непосредственный, добрый, как сама весна.

— Мих Петрович! Меня пустили! — Ну еще бы, ее да не пустят... влетит, стрекоза, прорвется через все баррикады. В серд-

це стало тепло и больно. Рад он ее видеть или не рад? Нет, не рад — нечего ей здесь делать.

Дина плюхнула на тумбочку сумку с апельсинами и звонко начала тараторить о сданном экзамене, о том, как все хорошо в лаборатории и как его ждут на работе, когда он поправится. И какая слякоть сегодня на улице, и что на деревьях набухают почки, а из них торчат такие маленькие листочки — зелененькие-зелененькие, а эти медсестры на посту каждый раз не хотят ее пускать, как будто она чужой человек, и, наверное, надо записаться на карате, чтобы убедительней спорить с охраной и санитарками. Михаил отвечал односложно, улыбался тихо и не знал, что сказать. О чем можно говорить?!

Дина почувствовала его настроение. Разом погрустнела, взяла за руку, зашептала горячо и быстро:

— Ну Мих Петрович, ну миленький, вы не переживайте, все у вас наладится, вот и врач говорил — вы ходить будете, они операцию сделают, он мне сам сказал! Честное слово! Я вас не брошу, вы не думайте, я непоседливая, безмозглая, необязательная, но я вас люблю! Очень люблю! Я вас не брошу, Мих Петрович...

— Послушайте, Диночка...

— Нет, ничего не говорите! — едва не рыдая, бормотала девушка. — Не думайте, я не такая, я не ветреная, я знаю, что вы скажете, что я молодая и мне надо найти другого, но я люблю вас, только вас, и у нас все получится, мы устроим свадьбу, и всех позовем, и там будут такие большие розовые шары и торт из сливок, а потом поедем куда-нибудь, а вы вылечитесь, и тогда... Вот увидите, как все будет хорошо!

Девушка дрожащими пальцами попыталась расстегнуть сумочку, оттуда вывалились блокнот, мягкий зайчик, которого он ей подарил на какой-то праздник, прокладки, духи, мобильник и пачка дамского «Парламента». Раньше он у нее сигарет не видел. Она подняла пачку и, несмотря на то что здесь была больничная палата, трясущимися руками поднесла к тонкой сигарете зажигалку.

— Дина, ты куришь? — спросил Михаил.

Вошел хирург, выпроводил девчонку, балагуря и флиртуя, потом дал Тополеву посмотреть снимки. Лицо молодого врача, только что веселое, заметно помрачнело, когда он стал говорить про перспективы. Но Михаил как-то не вслушивался в его слова. Мысли его были далеко, в том дне, когда он получил результаты анализов сотрудников своей лаборатории, чтобы вбить их в общую геносеть, и тех мгновениях двадцатилетней давности, когда — Наташа? Таня? Лена? как же ее звали? — сказала, что утром пойдет на аборт. Он успокоился, а вскоре уехал поступать. Им было рано заводить детей. Потом он забыл об этом случае, закончившемся вполне удачно. Вот только он не знал, что эта — Аня? Лида? Света? как же ее все-таки звали? — в тот день не пошла к гинекологу.

Врач говорил и говорил что-то о предстоящих операциях, но над ухом звенело «динь! динь!» — и он думал, как сказать Дине, что свадьбы не будет.

Иван Кузнецов
ГУСЕНИЦА

— Здоровый, — мрачно констатировал Смирнов. — Километров пять будет.

— Больше. — Слащавый светлоглазый брюнет оторвался от шахматной доски и несколько секунд разглядывал громаду Немезиды. — Пять шестьсот, пять шестьсот пятьдесят, точнее не скажу — света мало.

Смирнов посмотрел на золотую корону солнца, почти скрытого морщинистой ссохшейся планетой. Кажется, на этот раз синергетик говорил серьезно.

— Не нравится он мне, — поделился сомнениями десантник. — Мы таких больших еще не вскрывали.

— Главное не размер, — задумчиво пробормотал брюнет. — Меня больше беспокоит, была ли жертва пешки оправданной. Похоже, я потерял инициативу и придется согласиться на ничью.

Смирнов побагровел.

— Ты не боишься, что нейтрализатор не справится?

— Почему не справится? — Брюнет по-прежнему смотрел на доску. — Мы не первые, кто столкнулся с Немезидой класса А плюс. В 2320-м экипаж Волкова вскрывал такую же. Правда, они погибли. Два года спустя Герц осуществил успешный захват, а еще через семь лет его успех повторили Колямкин и Шварц. Ничего необычного.

© И. Кузнецов, 2007

Брюнет неожиданно прищелкнул языком и широко улыбнулся.

— Нашел вариант. — Он передвинул ферзя. — Теперь все кончено. Ходов в двадцать получу преимущество.

— Ты не мог бы сосредоточиться на операции? — Капитан неслышно вошел в рубку.

— До нейтрализации три с половиной минуты, командир, — ни малейшего пиетета в голосе брюнета не было. — И еще четверть часа уйдет на маневры и стыковку. Я успею экипироваться и продумать детали.

— Полетим вместе. — В голосе капитана прорезалась сталь.

Брюнет взглянул на него недоуменно.

— Вместе? Зачем? Я и один справлюсь; вы только свяжете мне руки.

— Это не обсуждается. — Капитан смотрел на синергетика с неприязнью. Тот пожал плечами и вернулся к шахматам...

Нейтрализаторы отработали безупречно. Энергозатраты вдвое превысили норму, но резерва мощности хватило. На шесть часов Немезида погрузилась в глубокий сон.

Транспортный катамаран отделился от тральщика и понесся в сторону безмолвной глыбы металла. В левой кабине капитан и техник, в правой — десантник и синергетик.

То, что судьба подкинула в напарники синергетика, Смирнова не обрадовало. Но кому-то все равно пришлось бы работать в связке с брюнетом. Да и оспаривать приказы командира десантник не привык.

Не долетев до Немезиды пару километров, катамаран разделился на половинки. Одна нырнула гиганту под брюхо, другая прилипла к спине. Почти час ушел на то, чтобы прорезать металлическую чешую полуметровой толщины. Затем закованные в металлопластик фигурки скользнули внутрь...

— Не нравится он мне, — в десятый раз проговорил Смирнов. Десантник выключил бесполезный фонарь; стены и потолок коридора, в котором они очутились, светились ровным синим цветом. — И когда мы летели, я подумал...

— Гроб. Немезида А плюс похожа на огромный гроб. Ты это хотел сказать? — безмятежно вопросил брюнет.

Смирнов поперхнулся.

— Капитан предупреждал, что ты суеверен, но я, признаться, не ожидал, что настолько.

— Там, где я побывал, только суеверные и выживали, — пробурчал Смирнов.

— Я видел твое досье и знаю историю. — Брюнет, предпочетший тяжелой броне скафандр общей защиты, бодро зашагал вперед. — Ваш гарнизон на Джене туземцы вырезали полностью. Удивительно, как ты выжил.

— Повезло мне, — неожиданно для себя разоткровенничался Смирнов. — Я немного... ну, это... неразвитый был в детстве. Меня даже после школы хотели на общественные работы отправить. В младшие техники: я с железяками всегда ладил. Только младший техник — это не специальность ведь. Это пришлось бы таскать, что мастер попросит, платы распаивать, за зарядкой батарей следить... Не специальность это!

Я после школы бюллетень взял, что болен... подозрение на Д-вирус. Все деньги этому докторишке отдал, чтобы экзамен распределительный отсрочить. И полгода, пока в карантине сидел, все время к библиотеке подключался. Готовился. Думал, голова треснет. Но зато на экзамене смог баллы набрать. На поступление в институт не хватило, но в военную академию минимум низкий был — воевали тогда много.

После третьего курса нас послали на практику. Первое огневое крещение называлось. На Джен как раз. Тогда никто не знал, что все так обернется... А на Джене повезло мне. За день до бойни мы жребий кидали, кому шахты проверять. Самая дурацкая работа — ползаешь на карачках с фонариком, глина за шиворот сыплется, газом воняет... А она мне жизнь спасла. Всех, кто в гарнизоне был, поубивали. Вот ведь как вышло...

После Джена мне орден Пламени второй степени дали и в тральщики бойцом определили. Я не тупой, ты не думай. И стреляю хорошо. Вот так...

— Хорошая история. Плоская, как весь ваш мир, но поучительная. Особенно... — Брюнет неожиданно остановился и начал что-то высматривать на стене. — Ага, нашел, — торжествующе заявил он.

— Что нашел? — Смирнов непонимающе уставился на стену.

— Точку контакта... Тебе не понять, — отмахнулся брюнет. — Считай карту.

Синергетик приложил ладонь к отполированной льдистой поверхности и несколько минут стоял не шевелясь.

— Отлично, — констатировал он. — Мы удачно высадились, и я выбрал правильное направление. Если никаких препятствий не возникнет, до инкапсуляционного центра доберемся за час.

— Инсуляционного... чего? — Смирнов нахмурился.

— Рубки, говоря примитивно. — Брюнет вновь зашагал по бесконечному коридору. — Ты хоть знаешь, как Немизида работает, или в библиотечных пособиях для школьников про них ничего не написано?

— Ты не хами, мне не нравится, — угрожающе рыкнул Смирнов. — Немезиды — это как мины. Только мощные. Способные звезды взорвать. И даже черную дыру пробить в пространстве.

— Точнее провертеть или еще точнее — прокрутить. — Брюнет говорил серьезно, но десантнику почему-то показалось, что над ним подшучивают. Синергетик как ни в чем не бывало продолжил:

— Немезиды — наследство Бэйнов. Цивилизации, чей и расцвет, и угасание мы не застали. Про Бэйнов мало что известно. Эти существа не были плоскостниками, и до нашего появления ученые даже не знали, как подступиться к творениям их рук. Впрочем, для чего Бэйны создали Немезид, неясно до сих пор.

Немезиды умеют зажигать звезды и создавать солнечные системы. Но куда чаще они предпочитают разрушать. Малютки класса Ц превращают планеты в пылевые облака, бэшки гасят звезды, а ашки способны создавать на их месте гравитационные концентраты... черные дырки сверлить. — Брюнет обернулся, и Смирнов через прозрачное забрало шлема разглядел, как тот ухмыляется. — Интересно посмотреть, на что способны А плюс... — закончил синергетик.

Он снова подошел к неоновой стене, оперся на нее и замер.

— Вот и первая преграда, — спустя минуту проговорил брюнет.

— Какая? — непонимающе промычал Смирнов, вглядываясь в пустой коридор.

— Ерунда какая-нибудь, — пожал плечами брюнет; легкий скафандр передал движение почти точно. — Первое испытание у Бэйнов всегда тривиальное.

На всякий случай Смирнов снял с плеча карабин. Кроме шагов, вдвойне гулких в аргоновой атмосфере, не было слышно ни звука. «И зачем они аргон вместо воздуха закачивали, — подумал десантник, — дышать им все равно нельзя?»

Шло время. Монотонное клацанье магнитных ботинок по-прежнему оставалось единственным звуком, разбивающим однообразие бесконечного тоннеля. Ритмичный стук убаюкивал, напряжение понемногу спало. Смирнов погрузился в размышления о древних загадочных Бэйнах, и это едва не стоило ему жизни.

Шедший первым синергетик на неуловимое мгновение приостановился, а затем сделал обратное сальто, которому позавидовал бы любой гимнаст, и, перелетев через Смирнова, оказался у десантника за спиной. В следующую секунду уши резанул пронзительный визг. Что-то маленькое и блестящее пронеслось над полом и хлестнуло десантника по ноге. Смирнов качнулся, едва не потеряв равновесие, и в тот же миг почувствовал резкую боль. Неведомый противник умудрился разрубить пластины брони и оставил на лодыжке глубокую царапину.

На размышление времени не осталось. Смирнов отпрыгнул в сторону, вжался в стену и выстрелил в повторно метнувшуюся к нему серебристую молнию. Граната взорвалась чуть левее, металлическую змейку отбросило в сторону, и ее следующий выпад пришелся в пустоту.

Визг раздался снова. На помощь змейке спешила подружка. На этот раз Смирнов встретил атакующих длинной очередью. Несмотря на это, одной из гадюк удалось прорваться сквозь стену огня. Десантник топнул, пытаясь раздавить металлическую гадину, но та играючи ушла от удара и в ответном броске рассекла магнитную подошву надвое.

Третий режущий вопль пронесся по коридору. Очередной серебряный отблеск мелькнул в полусотне метров впереди, а

уцелевшая змейка уже развернулась для новой атаки. Смирнов дважды выстрелил, и вторая граната разорвала гадюку надвое.

Разворачиваться к новому противнику не было времени, десантник метнулся вбок, молясь, чтобы третья змея подобралась достаточно близко и изменить направление атаки уже не могла.

Ему повезло. Мгновение спустя раздался приглушенный звон — змейка впилась в стену, возле которой он стоял. Смирнов крутнулся на месте, вскинул карабин, прицеливаясь. Змейка судорожно сжималась и разгибалась, бессмысленно кружа на одном месте: столкновение не прошло бесследно. На этот раз хватило одного выстрела. Брызнули обжигающие металлические чешуйки.

Десантник снова вжался в стену, вдавил карабин в плечо, ожидая очередного взвизга.

— Три штуки, больше не будет. — Смирнов резко обернулся. В горячке боя он совсем позабыл о синергетике. Распластавшись, брюнет парил под потолком. Смирнов едва рот не открыл, раньше синергетик способность к левитации перед ним не демонстрировал.

Брюнет опустился на пол.

— Рана серьезная? — Сочувствия в его голосе не было. — Идти сможешь?

— Смогу, — пробурчал Смирнов и почувствовал, как внутри закипает злость. Карабина у синергетика не было, однако пистолет, так и не покинувший магнитный захват, болтался на поясе. — Ты почему не стрелял по этим? — Десантник ткнул в сторону разорванной змеи.

— Хотел посмотреть — догадаешься ты или нет.

— Догадаюсь о чем?! — взревел Смирнов.

— Вверх посмотри.

Приглядевшись, десантник обнаружил на потолке небольшие наросты, заметные лишь благодаря чуть более темному оттенку.

— Это же первая преграда — она всегда легкая, если решать правильно. Тебе достаточно было подпрыгнуть, схватиться и повисеть с минуту — дроны сами бы уползли. Они же тупые. Или про дронов в школьной библиотеке не пишут? — съязвил

брюнет и, пройдя мимо красного от ярости десантника, зашагал дальше. Смирнов заковылял следом.

Понемногу он остыл. Ему даже стало стыдно. В конце концов синергетик не виноват, что он так долго соображает. Мог бы и помочь, конечно, но, может, он хотел как лучше. Чтобы десантник не лез в драку, размахивая карабином, а сперва приложил голову. Пытаясь как-то снять возникшую неловкость, Смирнов спросил:

— А кто такие плоскостники? Ты говорил, что Бэйны были не такие, как мы. Не были плоскостниками.

— Плоскостники... — Брюнет в очередной раз прижался к стене. — Не знаю, кто первым термин ввел. Да и какая разница. Должны же мы себя от вас отделять.

Вот представь гусеницу. Она живет в плоскости. Верха и низа для нее нет. Гусеница может ползти вперед и назад, может повернуть в сторону, но всегда в плоскости.

— Ну как же, — не согласился Смирнов. — А если гусеница по стеблю или стволу поползет? Она же будет вверх...

— Какая разница, — нетерпеливо прервал десантника брюнет. — Ствол — такая же плоскость, только развернутая перпендикулярно земле. Не в этом дело. Гусенице никогда не оторваться от поверхности, за которую она цепляется. Если на ее пути возникнет препятствие, она постарается его обползти или повернет назад, или, если это очень упорная гусеница, попытается прогрызть преграду насквозь. Как ты с дронами. Гусенице не придет в голову, что есть альтернатива, поскольку на плоскости ее не существует. Вы — плоскостники — такие же гусеницы.

— А вы? — В рассказе синергетика Смирнов уловил только общую канву, однако этого оказалось достаточно, чтобы вызвать глухое раздражение.

— Мы — бабочки, — брюнет отлип от стены, — если продолжать аналогию с насекомыми. Немного игры с генами, спецобучение, и вот мы уже понимаем, что мир не ограничивается плоскостью. И легкий взмах крыльями способен перенести через преграду, которую гусеница будет прогрызать весь день. Бэйны тоже были... не бабочками, конечно, скорее птицами... закончим на этом, все равно не поймешь.

— Ты зачем все время останавливаешься? — грубовато спросил десантник. Высокомерие синергетика начинало его доставать. — Только время теряем...

— Время теряем? — Брюнет посмотрел на него с недоумением. — Если постоянно пространство не фрагментировать, а оставить метрику в покое, по этому коридору можно год идти и никуда не выйти. Я выбираю кратчайший путь. Это чувствовать надо... Представляю, как кэп с комп-навигатором мучается. Железяка, сколько ее ни совершенствуют, повороты угадывает через раз.

Упоминание о капитане пробудило в десантнике легкое беспокойство. Он попытался связаться со второй группой, но динамики молчали. То, что связь внутри Немезид работает из рук вон плохо, ему было известно, но...

— Послушай, ты... — Смирнов положил руку синергетику на плечо. — Можешь сделать так, чтобы с капитаном поговорить?

— Я что, волшебник? — Брюнет легко стряхнул здоровенную длань. — Ближайшая зона связи за второй преградой.

— А другой нет? — с неудовольствием буркнул Смирнов.

— Другая в самом начале была. Хочешь вернуться — скатертью дорожка.

Некоторое время десантник раздумывал, потом несильно подтолкнул синергетика.

— Твоя взяла. Веди дальше.

— Угу. — Брюнет вновь зашагал вперед. — Только запомни, еще раз меня толкнешь — оторву руку... по локоть.

Смирнов с удивлением посмотрел в спину синергетику. Малыш был его на голову ниже и в два раза легче, даже если не брать разницу между легким стандартным и тяжелым боевым скафандрами. Секунду спустя десантник, не сдержавшись, расхохотался. Он смеялся долго, сбрасывая накопившееся напряжение. Синергетик, сумевший одной шуткой разрядить обстановку, внушал ему теперь определенное уважение и казался неплохим парнем.

— Ладно... воитель. — Смирнов всхлипнул, пытаясь сдержать рвущийся смех. — Что там за вторая преграда?

— Не знаю. Скоро увидим. — Брюнет оставил громовой хохот десантника без внимания.

Пять минут марша, и они остановились. Ровный прямой коридор, до этого не отличавшийся ни малейшим разнообразием, закончился тупиком. Синяя — под цвет стен — плита перегораживала проход.

Смирнов, вспомнив слова синергетика, старательно вглядывался в ровную поверхность, рассчитывая найти какую-нибудь подсказку. Гусеница... Синергетик — парень с юмором, но какое уродское словечко придумал. Гусеница... Да он разгадает эту загадку легко, надо только подумать. Где-то должен быть шов. Или прорезь для ключ-карты. Или тактильный сенсор. Надо только приглядеться, как с теми наростами-захватами на потолке.

Брюнет подошел к преграде вплотную, коснулся барьера, отступил на шаг. Постоял в задумчивости, затем повернулся к Смирнову.

— Я, кажется, понял. Жди здесь, скоро вернусь.

Спросить, что синергетик имеет в виду, Смирнов не успел. Его напарник шагнул к барьеру и исчез. Десантник сморгнул. Подошел к месту, где только что стоял брюнет, и зачем-то принялся разглядывать пол. Дотронулся до стены. Навалился всем весом. Барьер на его усилия никак не отреагировал. Смирнов снял карабин, но после секундного раздумья вновь закинул его на плечо. Во время стрельбы по серебристым змеям двенадцатимиллиметровые гранаты не оставляли на ровной голубой поверхности даже выщерблин. Надежды, что в этот раз они окажутся эффективнее, не было.

Смирнов уже подумывал о том, чтобы воспользоваться минами и попытаться взорвать преграду, когда брюнет неожиданно материализовался у него за спиной. Десантник от неожиданности чуть не звезданул ему по шлему, остановив удар в последний момент.

— Ты откуда взялся? — Смирнов опустил вскинутую в замахе руку. Он чувствовал себя неловко.

— Слушай и запоминай. — Брюнет проигнорировал вопрос. — За этой пластиной субпространственный туннель. Пе-

ремещаться по нему несложно, но плоскостникам и это не под силу. Я смогу ненадолго сделать его доступным для тебя. Но придется поспешить. Бегаешь быстро?

Смирнов утвердительно промычал.

— У тебя будет примерно минута. На дистанцию в четыреста два метра. Не успеешь, фронтальная деформация... в общем, разорвет на части. Если хочешь, можешь остаться здесь, я без тебя прекрасно справлюсь.

Смирнов отрицательно мотнул головой.

— Дело твое, — хмыкнул брюнет. — Сейчас я перемещусь на ту сторону, потом открою туннель. Ты увидишь — заграждение мигнет. Советую отойти шагов на десять — для стартового разгона. После этого беги прямо на стену. Не волнуйся, в момент касания она исчезнет. Тогда и пойдет отсчет. Главное, темп не сбавляй. Когда червоточина закончится, сразу увидишь.

— Червоточина?

— Туннель. Туннель, по которому побежишь. И не тяни. Как только мигнет — начинай забег. Не знаю, сколько червоточина будет ждать. Там немного необычная система уравнений... не тяни, в общем.

Брюнет вновь исчез.

Не тяни... Смирнов послушно отсчитал десять шагов. Бегал он неплохо, в академии здорово муштровали на физподготовке, да и природный талант, по словам инструктора, у Смирнова имелся.

Четыреста два метра за минуту — это сколько в секунду получится? Шесть кажется. Или семь. Смотря в какую сторону округлять. Много это или мало? Смирнов попытался вспомнить последние рекорды, поставленные на мировом первенстве по смешанной атлетике, но цифры в памяти всплывали какие-то дурацкие. Он явно что-то путал. А, не важно.

Барьер, перегородивший коридор, на мгновение мигнул. Показалось или на самом деле? Вот побежит он, врубится в монолит, и прощай работа — уволят за разгильдяйство. Подойти и проверить? Нет, нельзя время терять. Синергетик говорил, что вход недолго будет открыт.

Десантник вывел подачу кислорода на максимум. Быстро проделал серию неглубоких вдохов и выдохов. Привычным движением зафиксировал на спине карабин и рванул к стене. За шаг до неминуемого удара изо всех сил зажмурился — не так страшно. Однако удара не последовало. Смирнов открыл глаза и невольно сбился с шага. Он бежал по светящейся бледно-розовой трубе, стенки которой постоянно вспыхивали разноцветными искрами, покрывались завораживающими сине-фиолетовыми разводами, гипнотизировали, притягивали взгляд...

Десантник вновь зажмурился. Сколько времени прошло? Сколько он пробежал? Дурак. Не догадался выставить таймер и обнулить шагомер.

Еще десять шагов. Правая, левая...

Воздух с хрипом врывался в измученные легкие. Расплавленный свинец усталости стекал по позвоночнику, сковывал движения...

Еще десять. Смирнов заставил себя переставлять ноги быстрее. Если удастся удержать этот темп хотя бы еще немного, он обязательно успеет.

Еще десять шагов, еще десять...

Он открыл глаза. Вокруг все тот же розовый туннель. Ни искр, ни разводов не осталось. Главное, не оглядываться. Сзади катится разрывающий на части фронт. Главное, не смотреть на него...

Внезапно розовую трубу сменили уже ставшие привычными синие стены. Десантник увидел присевшего на корточки синергетика, и в тот же миг словно налетел на невидимую стену.

Удар был страшен. Страшнее, чем апперкот Диего Льюиса в полуфинале кубка академии. В глазах потемнело, хрустнула, ломаясь, шея, и голова безвольно повисла на мгновенно обмякших мышцах...

Сознание возвращалось медленно. Первое, что увидел Смирнов — брюнета, сидящего все в той же позе и с любопытством на него смотрящего. Сам десантник странным образом полустоял-полувисел.

Смирнов попытался распрямиться. Ноги были ватными, но со второй попытки ему удалось встать более или менее ровно.

Шея болела адски. Он попытался шагнуть вперед, но снова натолкнулся на прозрачную преграду. Или не преграду?

Несколько неуклюжих телодвижений — и десантник установил, что никакого невидимого экрана перед ним нет. Он словно прилип спиной к стене. Однако все попытки Смирнова высвободиться из клейкого плена успеха не принесли. Вывернуться и посмотреть, что за паутина его удерживает, также не удалось. К тому же от резких движений начинала кружиться голова.

— Попробуй расстегнуть крепления карабина, — предложил брюнет. — Твои мучения — удручающее зрелище.

Непослушной рукой Смирнов коснулся фиксирующего ремня и чуть не повалился на пол. Как выяснилось, основной опорой служила неведомая липучка, а не собственные ноги.

— Красота! — Брюнет остановился рядом с десантником, но смотрел мимо него. — А ты молодец. Промедли на десятую секунды, и болтался бы на месте карабина. Держу пари, неаппетитное было бы зрелище.

Смирнов сумел, наконец, немного оправиться от нокаута и проследил за взглядом напарника. На осмысление картины у него ушла пара минут.

Карабин, заброшенный в начале забега за спину, был наполовину впаян в стену. Должно быть, разрушительный фронт, про который говорил синергетик, догнал Смирнова в момент, когда тот выпрыгивал из туннеля. И стена, снова став твердой, мертвой хваткой вцепилась в оружие. Смирнов представил, как он проводил бы вечность, пялясь в пустой коридор, с задницей, торчащей в розовой чертовщине, и поморщился.

— Пойдем, — бодро проговорил брюнет. — Мы почти на месте. Один переход остался. И третья преграда...

— Сколько же их понаставили?.. — простонал Смирнов.

— Три. Для Бэйнов принцип триединства священен. Вспомни хотя бы троицу дронов. Пошли уже.

— Погоди, ты говорил, что за преградой мы сможем связаться с капитаном. Надо узнать, все ли у них в порядке.

На лице брюнета промелькнула гримаса недовольства. Он прикрыл глаза и как будто прислушался.

— Да, можешь связываться. — Синергетик широко зевнул. — Только быстро, канал связи не очень стабилен.

Смирнов набрал код вызова.

— ...рая группа, вызывает ведущий. Вторая группа, вызывает ведущий, — почти неслышный шепот просочился из встроенных в шлем динамиков.

— Смирнов на связи.

— Валера, мы вляпались. — Голос самую малость окреп, но теперь в нем звучал страх. Словно безнадежно больному человеку, смирившемуся со скорой кончиной, сообщили о новом лекарстве, и он в безумной надежде расспрашивает подробности, будучи внутренне уверен, что все чудо-свойства вакцины не более чем рекламная уловка. — Валера, ты слышишь?

— Да, да, группа два на связи.

— Валера, белые нити. Я не знаю, что это такое. Они броню продырявили, как бумажную. И под кожу втянулись. Валера, они шевелятся. Внутри шевелятся. Я двинуться не могу, от боли сознание теряю... Валер, а Юрка не отвечает. Он рядом лежит, и с ним что-то происходит. Что-то в его скафандре движется... И это не Юрка, Валера. И внутри меня тоже что-то меняется. Что-то стонет... Валер, ты можешь пеленг взять? Может, не поздно еще? Может, успеешь до корабля донести меня? Там автоматическая лаборатория. Она же лучшая у нас. Сколько мы в нее денег вбухали, помнишь? А помнишь, как Юрку на цэшке иссекло, а мы его до лаборатории дотащить успели? А киберы за пять минут сшили, он как новенький был. Валера, я даю пеленг, Валер, ты слышишь?

— Да. Да!

— Валера, пеленг... — Связь прервалась. Смирнов лихорадочно попытался перенастроить канал. Пусто. Белый шум.

— Эй, ты?! Восстанови связь! Мы должны запеленговать их...

— Я не могу. — Брюнет смотрел на него насмешливо.

— Восстанови связь, — сжав кулаки, Смирнов навис над синергетиком.

— Не могу. Да и поздно уже. Я слышал разговор. Если дядя Юра мертв, кэпу пара минут осталась. Это слики. После того

как они всосались, бесполезно дергаться. Лежи и помирай. И куда он только полез, плоскостник...

Взревев, Смирнов схватил синергетика за горло и поднял над головой.

— Мне плевать, что ты думаешь! Отведи нас ту... — закончить он не сумел. Пальцы сами разжались, выпуская брюнета, который так и остался висеть в воздухе.

В следующую секунду порыв ветра подхватил десантника и впечатал в стену. Невидимая сила намертво приговоздила его к неоновой поверхности. Ни пошевелиться, ни вздохнуть.

Синергетик неспешно проплыл по воздуху и завис в метре от распятого десантника.

— Помнишь, я говорил: коснешься меня еще раз — оторву руку по локоть?..

Смирнов взвыл, почувствовав, как мышцы скручиваются в жгут, как кость выламывается из сустава, кровавое марево затопило сознание... Внезапно боль отпустила.

— Я пе-ре-ду-мал, — задумчиво протянул брюнет. — Когда я давал обещание, нас четверо было. Сейчас двое. Если сделаю тебя калекой, придется вести корабль в одиночку. Чертовски неудобно. Послушай. — Теперь синергетик говорил со Смирновым мягко, как с ребенком, которого надо убедить, что ужин не должен состоять из одного шоколада. — Я не виноват, что капитан столкнулся со сликами. Вспомни, я еще на корабле вызывался идти в одиночку. Но капитан сам настоял, чтобы летели все. Люди всегда принимают решения, не видя последствий. Кэп думал, если раньше успешно вскрывал цэшки и бэшки, то и в этот раз все получится. Он просто плоскостник... Ты не обижайся. Просто запоминай чужие ошибки. К тому же шансов помочь все равно почти не было. Я сейчас тебя отпущу, но ты больше меня не хватай. Даже случайно прикоснешься — я тебя на части разорву почище схлопывающейся червоточины. В конце концов, как-нибудь и в одиночку долечу. Без твоей помощи. Осознал? Отпускаю.

Смирнов рухнул на пол. Синергетик опустился рядом.

— Пойдем, — как ни в чем не бывало проговорил он. — По дороге оклемаешься. Уже недолго осталось.

Переход и вправду был короче предыдущих. Четверть часа ходьбы, в течение которых Смирнов ощущал себя законченным подлецом, однако на большее, чем ненавидящий взгляд в спину, так и не решился. Затем коридор начал расширяться, плавно растекаясь в высокую овальную залу.

Брюнет остановился так резко, что Смирнов едва в него не врезался.

Короткая передышка. Десантник привалился к стене. Он устал. Саднила рана, ныла едва не вывернутая из сустава рука. В горле словно кошки драли, теплый витаминизированный коктейль из загубника не снимал раздражение.

Синергетик молчал, скрестив руки на груди. Стиснув зубы, Смирнов заставил себя выпрямиться.

Зал был похож на сливу. Вернее, на половинку сливы, если вытянуть из ягоды мякоть и встать на место косточки. В другое время Смирнов улыбнулся бы мысленному сравнению, но сейчас усталость и озлобленность выпили все эмоции, оставив место лишь безразличию.

— Странно, какой-то примитив. — Резкий голос брюнета разорвал тишину, заставив Смирнова вздрогнуть. — Пульт видишь? — Синергетик ткнул в покрытую разноцветной росписью пластину в конце зала.

— Вижу, — прохрипел Смирнов.

— Нам туда. — Синергетик двинулся вперед. — Какие здесь ловушки, я точно не понял, но, судя по уровню экспрессивности... примитивные они. На удивление примитивные для Бэйнов. Смотри в оба. И под ногами не путайся.

Брюнет неожиданно перешел с шага на бег. Смирнов автоматически попытался скопировать его движение. В последнее мгновение он заметил, как воздух обрел форму, завибрировал, словно в жаркий день... И десантник поступил единственно возможным образом. Как учили в академии. Как поступил бы на его месте любой человек. Он прыгнул вперед и попытался толкнуть синергетика, сбить с ног, уводя с линии атаки.

Но пальцы поймали лишь пустоту. Смирнов потерял равновесие и растянулся на полу, ощущая, как легкие, почти не-

жные прикосновения воздушных струй сдирают со спины броню, стараясь дотянуться до плоти. И не дотягиваются.

Смирнов резко перевернулся на бок, пытаясь понять, успел ли напарник упасть, избегая смертельных объятий. Но синергетик не был плоскостником. Выбор отсутствует лишь для гусениц. Фигурка в светлом скафандре легко взмыла, выскальзывая из гравитационной ловушки.

Со стен, сплетаясь в сеть, сорвались гибкие рубиновые лучи. Выскользнуть из их объятий казалось невозможным, но в момент касания тело синергетика сделалось прозрачным, и кровавые нити пронеслись насквозь, втянулись в темные плиты.

Смирнов зачарованно наблюдал за красочным представлением. Узоры феерического калейдоскопа менялись слишком быстро, чтобы успеть в него хоть как-то вмешаться.

Десантнику показалось, что за спиной синергетика возникло какое-то движение, и он хотел крикнуть, предупредить об опасности. Но грациозная бабочка в подсказках не нуждалась. Мгновенно развернувшись, брюнет вскинул руку, и сорвавшийся со стены океан зеленого пламени застыл. А секунду спустя волна покатилась назад и разбилась о темную фиолетовую поверхность, моментально покрывшуюся сиреневыми наплывами.

Синергетик выписал пируэт и заскользил к полу. А затем...

Казалось, потолок треснул, обрушился дождем коротких черных сталактитов. Пустяковая угроза для существа, умеющего манипулировать зеленым пламенем. Но брюнет даже не поднял головы. Бэйны всегда следовали принципу триединства. С точки зрения бабочки, это было законом. Аксиомой. А потому для синергетика, просчитавшего партию на десяток ходов вперед и уже отразившего три атаки, падающих кольев просто не существовало.

Каменный клинок прошил брюнета насквозь. Синергетик даже не вскрикнул, просто полет мгновенно сменился коротким паданием. С глухим режущим звуком второй сталактит пригвоздил к полу неподвижное тело. Пронзая плоть, с легкостью вошли в пол третий и четвертый. Пятый упал в метре от Смирнова, и тот судорожно пополз от эпицентра камнепада. Хотелось встать — почему-то десантник был уверен, что и алая сеть,

и зеленый огонь больше не сработают, — но береженого Бог бережет.

Смирнов остановился лишь, когда шлем буквально уперся в разноцветное панно пульта управления. Десантник медленно поднялся, готовый распластаться в любой момент. Ничего не произошло.

Смирнов оглянулся. Несколько секунд смотрел на истерзанное тело. Потом нахмурился, пытаясь сосредоточиться на незнакомой контрольной панели. Запомнить всю последовательность, превращающую Немезиду в кусок мертвого металла, он, конечно, никогда бы не смог. Но подсказок переносного компа оказалось достаточно...

Одинокая фигурка, ведомая комп-навигатором, спотыкаясь, брела по пустым коридорам.

«Второй раз уже, — подумал десантник, остановившись, чтобы перевести дух. — Сначала на Джене, теперь здесь. Наверное, я и правда везунчик».

Он глубоко вздохнул и поковылял дальше. Назад. В плоский мир.

Владимир Березин
ВЫСОКОЕ НЕБО РЮГЕНА

За окном дребезжал трамвай, плыл жар летнего дня, асфальт медленно отдавал тепло, накопленное за день. Семья уехала на дачу, героически пересекая жаркий город, как путешественники — африканскую пустыню. Жена настаивала, чтобы ехал и он — но нет, удалось отбиться. Обидевшись, жена спряталась за картонками и узлами, а потом исчезла вместе с шофёром в гулкой прохладе подъезда.

Дверь хлопнула, отрезая его от суеты, даруя сладкое молчание.

Он так любил это состояние городского одиночества, что мог поступиться даже семейным миром.

Чтобы не позвонили с киностудии или из издательства, он безжалостно повернул самодельный переключатель на телефонном проводе. В квартире всё было самодельное, и среди коллег ходила острота, что один из главных героев его книг, яйцеголовый профессор, списан с него самого.

Николай Николаевич действительно был изобретателем — стопка авторских свидетельств пылилась в шкафу, как тайные документы второй, неглавной жизни. Там, описанное на толстой бумаге охранялось его прошлое — бумага была, что называется, гербовой — авторские свидетельства были освящены государственным гербом, где серп и молот покрывал весь земной диск от края до края.

© В. Березин, 2007

Он был сыном актёра, кинематографистом по первому образованию. Но началась индустриализация, и он написал несколько учебников — сначала по технике съёмки, а потом по электротехнике. С этого, шаг за шагом, началась для него литература — и скоро на страницах стало всё меньше формул и больше эпитетов.

Он был известен, и некоторые считали его знаменитым писателем (до них Николаю Николаевичу не было дела), но немногие знали, что до сих пор гравитонный телескоп его конструкции вращает свой хобот на спецплощадке Пулковской обсерватории.

Писать он начал ещё до войны и почти сразу же получил первый орден. С тех пор на стене его кабинета висела фотография — он жмёт руку Калинину. Чтобы закрыть выцветший прямоугольник, оставшийся от портрета Сталина, со стены улыбался Юрий Гагарин из-под размашистого росчерка дарственной надписи.

Да, много лет назад Николай Николаевич был писателем, но однажды, на четыре года, он вернулся к циркулю и логарифмической линейке.

Когда резаная бумага перечеркнула окна, а над городом повисли чужие бомбардировщики, он бросил свои книги и согнулся над привычным плоским миром топографических карт. Он остался один в осаждённом Ленинграде и вернулся к научной работе — но теперь на нём была военная форма.

Своя и чужая земля лежала перед ним — разделённая на чёткие квадраты, и он рассчитывал траектории ракетных снарядов большой дальности. Аномальная кривизна магнитных полей мешала реактивным «наташам» попадать точно в цель, и вот он покрывал листки вязью формул коррекции. Воевал весь мир — не только Европа, но казалось, Край Света. И то пространство, где земля уходила в бесконечность (согласно классикам марксизма, превращая количество в качество), тоже было освещено вспышками взрывов.

Специальный паёк позволял ему передвигаться по городу и даже подкармливать друзей. Однажды он пришёл к своему дав-

нему другу — профессору Розенблюму. Розенблюм тогда стал жить вместе со своим другом-радиофизиком.

Николай Николаевич грелся у их буржуйки не столько теплом горящей мебели, сколько разговорами. Эти двое размышляли, как им умереть, а вот он оказался востребованным и о смерти не думал.

Розенблюм рассказывал, что востребованным должен быть он, и только по недоразумению сначала началась война с немцами — война должна была произойти с японцами на территории Китая, и уж он-то как востоковед оказался бы полезнее прочих.

Но больше они обсуждали отвлечённые темы науки.

Николай Николаевич, который никогда не считал себя учёным, жадно запоминал ухватки этой старой академической школы.

Однажды Николай Николаевич пришёл к середине разговора — обсуждали какие-то не лезущие в теорию данные радиолокации.

— Ну, вот представьте, — говорил Розенблюм, набив свою золочёную янтарную трубку на что-то обмененной махоркой. — Помните историю про Ли Шиппера, с его видениями армии глиняных солдат, что полезут из могилы? Допустим, что истории про Ци Шихуанди окажутся правдой. Но тут же затрещит наше представление о мире — понятно, что человечество делает массу бессмысленных вещей, но два императора, из которых ошибка переписчика сделала одного Ци Шихуанди, были прагматиками и вовсе не сумасшедшими. Вот жаль, что на прошлой неделе умер академик Дашкевич, он бы сумел подтвердить свой рассказ о том, что в систематике есть такое понятие incertae sedis, то есть таксон неясного положения, непонятно, куда отнести этот тип, одним словом. Это существо неясного типа — который традиционно, или по иным причинам не описали как отдельный тип, а в свод признаков других типов она не вмещается.

И вот учёный его отбрасывает — нет объяснений некоторому явлению, просто нет. И вот тут на арену выходит шарлатан и развивает свою теорию.

— Я встречался с этим, — сказал радиофизик, которому перешла трубка, — у себя. Есть проблемы прохождения и отраже-

ния радиоволн, которые не лезут ни в какие рамки. Что с этим делать — решительно непонятно. Но приходят шарлатаны и начинают на этой основе делать выводы о пространстве и времени — та же теория Полой Земли, например...

— Но только кто из нас будет в этом копаться? — принимал обратно трубку Розенблюм. — Потому что мы как те мудрецы, которые не могут ответить на прямой вопрос одного дурака. Мы должны пройти путь этого дурака и медленно, раздвигая паутину, придерживая от падения старый велосипед, корыто, стул без ножки, двигаться по этому захламлённому чердаку. Наконец, мы поймём, что на чердаке ничего нет, но жизнь будет прожита, и мы не выполним своего предназначения.

— Дело в масштабе, — вступил Николай Николаевич. — Мы просто загрубляем шкалу (радиофизик кивнул), и наука продолжает движение. Ну не согласуется явление, и ладно — устроить пляску вокруг него дело буржуазного обывателя. Наше дело — двигаться вперёд.

— У нас есть такое понятие *The Damned Data* — мы с ним и столкнулись в случае отражения радиоволн, — принялся за своё радиофизик. — Это результаты измерений, которые подписаны и опубликованы, но никуда не годятся. Когда шаролюбители, что сегодня будут нас обстреливать как по часам, напечатали свою радиолокационную карту мира, нам просто повезло — из-за Гитлера мы просто сняли этот вопрос с повестки дня.

— Это вам повезло, — позавидовал Розенблюм. — У нас, древников, очень силён политический аспект. Ну и деньги, что всегда есть внутри любого древнего захоронения. Хорошо, что я не британский египтолог — обо мне не напишут, что меня задушила мумия в тот момент, когда меня отравит конкурент. Или просто не сведёт в могилу неопровержимым фактом, разрушив построения — после того как пришли профаны, делать в Египте стало нечего.

Вон оказалось, что Сфинксы старше самого Египта, пирамиды построены неизвестным способом — подвинуть камни там невозможно, — но, говорят, был такой американец Эдвард Лидскальнин, что открыл тайну, построил один какой-то гигантский каменный дом. Я говорил с Аркадием Михайловичем Ост-

маном... Чёрт! Остман, кажется, тоже умер — у нас не приватный семинар, а какая-то беседа с духами!..

В интонации Розенблюма не было ужаса, а была лишь научная досада. Он понимал. Что смерть, по крайней мере для него, неотвратима и был к ней готов. Он был готов даже к тому голодному психозу, который начнётся у него потом, как он превратится в животное. Он это понял, когда съел собственную собаку, с которой прожил много лет. Старый пёс был съеден, и он никому не сказал, что в этот момент почувствовал неотвратимость конца.

— Так вот, Лидскальнин построил свой замок, но его по суду приказали разобрать. Тогда он перенёс его в другое место за считанные дни — нанимал шофёров с грузовиками, выгонял их за ограду и те обнаруживали к утру, что кузова полны каменных блоков. Построил заново, причём — один.

Несчастный Остман написал письмо, хотел поехать посмотреть, но было уже не то время, чтобы ездить... Или вот Хрустальные Черепа. Знаете про Хрустальные Черепа?

Про черепа никто не знал, но Розенблюм решил не отвлекаться и продолжил:

— И мы приходим к парадоксу: как честные учёные мы должны признаться, что не знаем — имеем дело с мошенничеством или с открытием. Но нам, советским учёным, повезло — у нас есть парторги, что берут ответственность на себя. Скальпель марксизма отсекает ненужное — правда, иногда с мясом. Вот мои коллеги с ужасом говорили, что на раскопках обнаруживали железные ножи в погребении бронзового века. Было просто какое-то безумие, когда академики, уважаемые люди, рвали у себя на голове волосы, а оказывалось, что кроты притаскивали предметы по своим норам из другого, стоящего рядом могильника.

Радиофизик, кряхтя, перевернулся другим боком к печке:

— Дело ещё в боязни. Я ведь материалист — что я буду исследовать сомнительную тему. Не объясню какую-нибудь мистику с Полой Землёй, а это пойдёт на пользу германскому фашизму. Я лучше радиовзрыватель придумаю. Марксизм давно объяснил, что плоскость Земли бесконечна, а Эйнштейн дока-

зал, что при движении к несуществующему краю, то есть на бесконечность, предметы будут менять геометрию и обращаться в точку. А что, если край есть, как на старинных гравюрах, где человек сидит на четвереньках и глядит с обрыва на звёзды внизу? Имеем ли мы право напугать народ сенсацией, или проклятыми данными, что сойдут за сенсацию? Вдруг они обезумеют, узнав, что мы оказались не на плоской твёрдой земле, а в окружности ледяного тающего шара?..

Лёд и правда окружал умирающих профессоров. Умирала в буржуйке антикварная мебель, и проснувшись поутру, Николай Николаевич, будто крошки в кармане, перебирал в памяти осколки замершего в комнате разговора.

И снова все свои рабочие часы проводил Николай Николаевич над картой плоской Земли.

Он работал не разгибаясь — в прямом и переносном смысле. Даже спал он скрючившись, на детском матрасике рядом с буржуйкой, где горели старые чертежи и плакаты ОСОАВИАХИМА. Начальство позволило ему разогнуть спину только один раз — весной сорок второго. Тогда его вызвали к начальнику института. Начальник сидел за своим столом, но Николай Николаевич сразу понял, что гость, примостившийся на подоконнике, куда главнее. Гость носил две шпалы на малиновых петлицах — не так велик чин, сколько было власти в пришельце. Николай Николаевич сперва даже не обратил внимания на коньяк и шоколад, стоявшие на столе — о существовании и того, и другого он забыл за блокадную зиму.

Гость сразу спросил про «Поглотитель НН» — это было старое изобретение Николая Николаевича, появившееся ещё в начале тридцатых. Он придумал порошковый рассеиватель радиоволн, которым можно было обрабатывать самолёты до полной невидимости на локаторах.

Тогда оно чуть было не стало распространённым — но предыдущий начальник института вдруг исчез, исчез и его заместитель, не пришёл с утра на службу руководитель проекта, и Николай Николаевич понял, что его «Поглотитель НН» изобретение ненужное, если не вредное.

Но теперь, первой военной весной оказалось, что это не так. Николай Николаевич не ждал от человека с двумя шпалами добра — он мог сделать дурацкое предложение, от которого нельзя отказаться. Например, покрасить поглотителем один из двух уцелевших дирижаблей, которые были построены для трансокеанского перелёта к Краю Света, да так никогда и не взлетели.

Перспективы бомбардировочных дирижаблей Николай Николаевич оценивал весьма скептически.

Но то, что он услышал, его совсем расстроило — его спрашивали, можно ли за несколько дней изготовить несколько тонн порошка, годных для распыления.

Полк дальней бомбардировочной авиации Ленинградского фронта был подчинён ему, человеку в мешковатом штатском костюме.

Огромные четырёхмоторные машины ждали, пока в бомбовые отсеки установят распылители, и каждый из аппаратов Николай Николаевич проверил сам.

За день до вылета аэродром накрыли «Юнкерсы» — воронки на полосе засыпали быстро, но был убит штурман полка. В общей неразберихе Николай Николаевич проигнорировал приказ остаться на аэродроме. Через стекло штурманской кабины он смотрел, как взлетают гигантские петляковские машины и исчезают в утреннем тумане. Когда от земли оторвался и его самолёт, то Николай Николаевич почувствовал полное, настоящее счастье.

Николай Николаевич сидел, скрючившись над картой плоского моря, несколько часов. Он рассматривал круги и стрелки на метеокарте, прикидывал границы атмосферных фронтов и скорость их движения. Вновь получал новые метеосводки и опять вычерчивал движение воздушных масс над Балтикой. Впрочем, вся Балтика его ничуть не интересовала — лишь безвестный остров Рюген был для него важен. Лишь то место, к которому приближались бомбардировщики — два из них разбились при взлёте, а два были сбиты сразу. Ещё два упали из-за отказа двигателей, и чёрная вода сомкнулась над ними навсегда.

Но вот остатки полка прошли Борнхольм и вышли к Рюгену. Строй был нарушен, и часть машин, так и не замеченная истребителями ПВО, зашла со стороны Померании, а другая двигалась к точке распыления с севера.

С задания вернулись лишь три экипажа — и его товарищи были третьим, последним долетевшим на честном слове и одном крыле. Николай Николаевич получил орден Красной Звезды через год, в начале сорок третьего — только теперь его вручали не в Кремле, старичок с седой острой бородкой уже не тряс ему руку. Его просто попросили расписаться в спецчасти и выдали красную коробочку с орденом и орденской книжкой. Формулировка была расплывчата «За образцовое выполнение задания командования».

История закончилась, он должен был всё забыть. Оказалось потом, что его приказ о награждении был соединён с приказом о кинематографистах — оттого многие думали, что орден получен за какую-то кинохронику, снятую в блокадном Ленинграде.

Это помогало забвению. Он и забыл — на три долгих года.

Лишь в первый послевоенный год, когда он прилетел в советскую оккупационную зону принимать трофейное оборудование, история получила продолжение.

Его опять вызвали к начальству — и снова он увидел человека, от которого по-прежнему исходила эманация власти. Только теперь тот был в мундире, расшитом золотом. Николаю Николаевичу дали расписаться сразу в нескольких подписках о неразглашении, после чего он увидел перед собой личное дело немца Берга. Строчки русского перевода, второй экземпляр машинописи, фотографии и чертежи — Берг умер в концлагере за неделю до того, как танковая рота Красной Армии ворвалась туда, давя охрану гусеницами.

Николая Николаевича ни разу не спросили о том полёте над Балтикой, его просили дать заключение о некоторых технических деталях дела Берга.

На первых снимках Берг был радостен и весел — вот он в лётной форме, в обнимку с Герингом, а вот рядом с радарной установкой на том самом острове Рюген.

Берг пытался доказать, что Земля сферична, а эта сфера заключена в бесконечное пространство космического льда. Направляя локаторы вверх, он ждал отражения от противоположной стенки Полой Земли.

А он, Николай Николаевич, не видный на фотографии, но определённо существующий где-то на заднем плане, за облаками внутри дальнего бомбардировщика Петляков-8, согнутого над картой плоской земли, был тем, кто исполняя чужую, высшую волю, убил бывшего лётчика Берга.

С последних фотографий на Николая Николаевича глядел хмурый старик в кителе со споротыми знаками различия. Берг умирал, он был обречён с того самого момента, как повернулись в рабочее положение раструбы распылителей и «Поглотитель НН» превратился из прессованного порошка в облака над Рюгеном. Нет, даже с того самого момента, как Николай Николаевич, неловко переставляя ноги в унтах, забрался на штурманское место внутри бомбардировщика.

Бергу не помогло ничего, даже дружба с Герингом (они вместе летали во время Первой мировой войны). Берга уничтожил не Гиммлер, а группа таких же лжеучёных, как сам бывший лётчик Берг. Они проповедовали не менее фантастичную теорию шарообразной Земли, но не полой, а летящей в космической пустоте как пушечное ядро. Пауки Гиммлера съели несчастного Берга, слывшего креатурой рейхсмаршала Геринга, воспользовавшись неудачным экспериментом на Рюгене.

Берг не получил отражения от гипотетической противоположной стороны Земли — и стал обречён.

Говорили, что Берг дружил с Хаусхофером, известным теоретиком нацизма, и что когда Хаусхофер застрелился в сорок шестом при невыясненных обстоятельствах, первым, что изъяли американцы, была вся его переписка с несчастным сумасшедшим географом.

Несмотря на глухой лязг «железного занавеса», плоский мир был един, и все его силы от центра до Края Света вместе стояли на страже тайны.

«Поглотитель НН» потом совершенствовался — но уже без него, и вскоре его инициалы исчезли из названия. Идея оказа-

лась плодотворной и широко применялась в ракетостроении, а он занимался своими книгами, пионеры на встречах аплодировали ему, Николаю Николаевичу повязывали красный галстук (этих галстуков у него собралось два десятка).

Лишь иногда он вспоминал о несчастном немце, что не верил в плоскую Землю. А с каждым годом Николай Николаевич верил ему всё больше.

Его давний товарищ, чьи разговоры он слушал у чуть тёплой буржуйки в блокадном городе, после войны стал академиком. Он исчез ненадолго, но вернувшись откуда-то с востока, где полыхало пламя маленькой войны, оказался в фаворе. Напившись после торжественного ужина в академии, он поймал приглашённого туда же Николая Николаевича за пуговицу и стал рассказывать о новой интерпретации опытов Майкельсона. Речь потекла гладко, но тут новоиспечённый академик осёкся. Николай Николаевич увидел в его глазах страх, которого не замечал тогда — в вымороженную и голодную зиму сорок второго года.

Академику, впрочем, эта запоздалая осторожность не помогла — он исчез точно так же, как исчезали давнишние начальники Николая Николаевича. Не помогли академику его звания и ордена — видимо, он был чересчур говорлив и в других компаниях.

Николай Николаевич вновь остался наедине с тайной — и ломкие страницы книг древних учёных были слабой помощью. И древние авторы были забыты, и сгинули потом в иной, страшной лагерной безвестности их переводчики. Те, кто поднял голову против устаревших теорий Пифагора и Аристотеля в Средние века, кого бросали в тюрьмы за речи о плоской природе Земли, цитировали своих оппонентов, — и за этими цитатами всё же оставалась часть правды. Когда в шестом веке была опубликована «Христианская топография» Козьмы Индикоплова, этот просвещённый купец, первый из европейцев приблизившийся к Краю Света, стал только первым в цепочке мучеников за науку. Всё дело в том, что Библия не говорила впрямую, кругла ли Земля или плоскость её, правда не очень гладкая, уходит в

бесконечность. Великие атомисты — Левкипп и Демокрит стояли за плоскую Землю, но Демокрит допускал дырку в земной бесконечной тверди. Споры о наследстве древних тогда разрешил Блаженный Августин, который провозгласил эту тему вредной, как не относящуюся к спасению души.

С тех пор говорить о Полой Земле стало чем-то неприличным, вроде серьёзного разговора о вечном двигателе.

В пятьдесят втором Николай Николаевич попал на дискуссию вулканистов и метеоритчиков, что не могли договориться о строении Луны. Там к нему подошёл совсем молодой человек и, воровато озираясь, начал расспрашивать о Берге. Этому мальчику что-то было известно, но он темнил, путался, даже покраснел от собственной отваги.

Николай Николаевич сделал пустое лицо и отвлёкся на чей-то вопрос.

Но было понятно, что тайна зреет, набухает — и долго она продержаться внутри него не может.

Поднялись над плоскостью первые космические аппараты — второй космонавт Титов обнаружил искривление пространства, благодаря которому вернулся почти в ту же точку. О магнитной кривизне были напечатаны тысячи статей, но Николай Николаевич только морщился, видя их заголовки.

Плоские свойства Земли были известны ещё со времен средневековья — в каждом учебнике по физике присутствовал портрет старика в монашеской рясе.

Иногда Николай Николаевич вспоминал этого высушенного страданиями старика — таким, каким он изображался на картинках.

Вот старик на суде, его волокут к костру, но из клубов дыма доносится «И всё-таки она плоская!»

Он представил себе, как его самого волокли бы на казнь, и понял со всей безжалостностью самоанализа — он не стал бы кричать. Дело не дошло бы ни до костра, ни до суда.

Плоская или круглая — ему было всё равно с чем согласиться.

Им были написаны десятки книг — в том числе научно-популярных, — и противоречий не возникало.

Но что, если Земля — это лишь пустая сфера внутри космического льда? Смог бы старик-монах принять так легко смерть, если бы знал, что умирает не за истину, а за научное заблуждение? Вот так легко — шагнуть в огонь, но при этом сомневаясь.

Пустая квартира жила тысячей звуков — вот щелкали время ходики, точь-в-точь как сказочная белочка щёлкает орехи, вот заревел диким зверем модный холодильник. Николай Николаевич сидел перед пишущей машинкой и чистый лист бумаги, заправленный между валиками, кривлялся перед ним.

На этом листе могла быть тайна, но страх за свою жизнь не оставлял. Время утекало, как вода из крана в ванной. Он слышал удары капель в чугунный бубен ванны и вздрагивал.

Жизнь была прожита — честная славная жизнь, страна гордилась им, он был любим своей семьёй и честен в своих книгах.

Пришло время сделать выбор — и он понял, что можно выкрикнуть тайну в пустоту. Он знал, что именно так поступил придворный брадобрей, который, шатаясь под грузом этой тайны, пробрался к речному берегу и бормотал в ямку, чтобы земля слышала историю о том, что у царя — ослиные уши. Чтобы поведать эту тайну плоской и влажной земле у реки, брадобрею тоже понадобилось изрядное мужество.

Николай Николаевич начал печатать, первые абзацы сложились мгновенно — но главное будет дальше.

Маленькие человечки отправятся к Луне. К полой Луне — кому надо, тот поймёт всё.

Нет, какое-то дурацкое название для его героев — «человечки». Пусть будут «коротышки». Коротышки отправятся к Луне и увидят, словно косточку внутри полого шара, прекрасный новый мир себе подобных.

Карина Шаинян
ЖИРАФ-В-ШАРФЕ

— Я буду Жирафом-в-шарфе.

Ривера не был похож на жирафа в шарфе. Он был похож на тореро — гибкий, резкий и опасный, сумрачно-красивый — уже не мальчишка, еще не мужчина. Он писал злые стихи, полные дымящейся крови и звона стали, — мы тоже писали стихи, кто их не писал, и отчаянно хвастались друг перед другом; но рядом с лезвийными строками Риверы наши слова казались фальшивым мычанием. Он чуть что, лез в драку и однажды на спор вскарабкался из окна на крышу ратуши — все думали, что он убьется, но он не убился. Он добрался до острого конька и стоял там, бледный, на трясущихся ногах и с кривой ухмылкой смотрел в небо. Он круглый год не вылезал из черной куртки и смотрел на мир исподлобья, хмуро и насмешливо. У него даже не было шарфа. Но кто стал бы спорить с Риверой? Я не стал. И Луис не стал — даже когда Ривера назначил его Свиньей-Копилкой.

Я был — Печальная Лошадь.

А Эме просто была, маленькая Эме с прозрачными серыми глазами, оливковой кожей и высоким птичьим голосом.

Мы — карандашные наброски на желтой бумаге, точные скупые штрихи, незаполненные контуры. Наш мир — такой же набросок. Он сгущается вокруг нас, как того требует сюжет; его границы размыты, штрихи там становятся реже, а потом и вовсе схо-

© К. Шаинян, 2007

дят на нет, оставляя лишь шершавую бумажную поверхность, белый шум, готовый стать фоном для новой части истории.

Когда Ривера разузнал, что на танцплощадке в парке приезжие молодцы продают грибы из Ибарры, он, конечно, не устоял. Он с таинственным видом зазвал нас с Луисом в гости и, подливая горький кофе с имбирем, долго рассуждал о том, что жизни не хватает объема, нового измерения — уже привычная нам телега. Луис ехидничал. Я зевал, особо не скрываясь. Наконец Ривера остановился, покусал губу и, глядя в сторону, небрежно сказал:

— Я вчера был на танцах...

— Что это ты делал на танцах? — с подозрением перебил Луис, но Ривера лишь раздраженно дернул плечом: не важно, мол, не сейчас. А я промолчал. Накануне вечером я звонил Эме, чтобы пригласить ее куда-нибудь; трубку взяла одна из ее сестренок и, подхихикивая, сказала, что я опоздал — Эме вот только сейчас вышла, а вернется поздно. Так что я не спрашивал. Я просто молча смотрел, как Ривера вытаскивает из кармана газетный сверток.

Он развернул бумагу и показал нам горсть темных перекрученных веревочек. Шляпок почти не было — то ли поотваливались, то ли рассыпались в труху.

— Я все разузнал, их надо заливать кипятком, — сказал Ривера.

Я подцепил одну уцелевшую шляпку ногтем — на нем осталась сухая пыль, пахнущая прелой листвой.

— Похоже на шапки дохлых эльфов, — сказал я, и Ривера одобрительно заржал.

— И что будет? — спросил Луис, с отвращением глядя на грибы.

— Будет интересно, — пообещал Ривера.

Тогда он все и придумал. Мне легче считать, что в случившемся виноваты грибы из Ибарры. С кем не бывает; просто для одних проходит бесследно, а другим... Просто нам повезло, а Ривере — нет.

* * *

— Скучно, — говорил Ривера. — У нас скоро отрастет брюхо — у Луиса уже отросло. Ты впариваешь домохозяйкам механическую дребедень, Эме учит сопляков, что дважды два — четыре, я, — он с отвращением сплюнул, — верчусь в мастерской. Лу и вовсе перебирает бумажки в папашиной конторе... Это жизнь? Что за дурацкий мир... Что за дурацкие люди кругом... Нажраться и поржать. И не думайте, что вы лучше других!

— Да мы не думаем, — улыбнулся я, но Ривера не слышал — как всегда, когда его несло.

— Думаешь, раз каждый вечер торчишь в библиотеке, можешь воображать себя Борхесом? Черт возьми, — Ривера ткнул пальцем в Луиса, — что ты сделал за последнее время?

— Я написал сонет, — важно ответил Луис.

— О-о-о! Сонет! — Ривера иронически зааплодировал, и толстые щеки Луиса покраснели. — Так прочитай нам его!

— Не буду. Это личное, — сказал Луис и покосился на Эме. Она не подняла глаз, и он со вздохом перевел взгляд на Риверу. — К тому же вы все равно его не поймете, — нахально добавил он.

Ривера коротко хохотнул и повернулся ко мне. Я развел руками и скорчил рожу.

— Понятно, — хмуро сказал Ривера. — Думаешь, я не знаю, как ты втирал Эме про башню из слоновой кости? Пошляк...

Это было предательство. Луис побагровел. Я, задыхаясь, посмотрел на Эме — но она с непроницаемым лицом глядела в окно: следила за проезжавшей по улице тележкой торговца кукурузой с таким вниманием, будто от него зависела жизнь. Мне захотелось ее ударить. Или заплакать. Или убить Риверу. Вместо этого я сказал:

— Ну и что ты предлагаешь?

— По-моему, ты чушь несешь, — сказала Эме. — Выдумки — это одно. А жизнь — совсем другое. Одно дело — писать истории, совсем другое — их жить. И тем более — жить стихи. Это плохо кончится.

— Где мы были, если бы лучшие из нас не смешивали выдумки с жизнью? — меланхолично заметил Луис.

— Женщина, чего ж ты хочешь, — пожал плечами Ривера.

— Осел, — ответила Эме и ушла. А мы с Луисом остались. Не потому, что нам нравилась затея, или мы что-то особое поняли — просто Ривера был нашим другом. Не знаю, что думал Луис, но, судя по веселой ухмылке и напряженному взгляду, он уже подводил под идеи Риверы философскую базу и вот-вот готов был разразиться очередным псевдоинтеллектуальным манифестом. А я думал, почему бы не поприкалываться за компанию? Игры в поэзию давно мне надоели, я продолжал их лишь для того, чтобы не обижать Риверу... ну и из-за Эме, конечно. А здесь что-то новенькое.

— И как мы это сделаем? — спросил я Риверу.

Вот тогда он и сказал:

— Я буду Жирафом-в-шарфе.

— Комикс! — выкрикивал Ривера, расхаживая по комнате и размахивая руками. — Сериал, где на нить нанизываются маленькие истории...

— А говорил — стихи, — не удержался я.

— Жизнь такая дурацкая, что ничего лучше тупого комикса из нее все равно не слепишь, — немедленно отреагировал Ривера.

— По ходу разберемся, — ответил Луис. — Это будет соответствовать...

— Избавь нас от теорий! — Ривера сложил руки в комической мольбе и снова заходил из угла в угол. — А нить будет такая: мы станем каждый вечер ходить на вокзал к прибытию скорого. — Ривера остановился и победно оглядел нас.

— На фига? — спросил я, не выдержав театральной паузы.

— Чтобы встретить того, кто нас нарисовал, когда он приедет, — сухо пояснил Ривера.

Луис крякнул. Мне идея показалась бредовой, но на всякий случай я сделал вид, что напряженно над ней размышляю.

— И что ты ему скажешь, когда он приедет? — наконец спросил я.

— Я скажу: сделай наш мир выпуклым, — ответил Ривера неожиданно серьезно, и мне стало немного не по себе. — Я скажу: мне тесно, старик!

Я уже тогда должен был понять: Ривера втягивает нас в свою историю, потому что боится. Если безумие сделать явным, оно на какое-то время превращается в игру. Если явное безумие разделяют друзья — игра может даже показаться безобидной... Я должен был понять, но не захотел. Мне хотелось, чтобы всем было весело. Три эксцентричных поэта, забавный ритуал на философской подложке — я почти любовался нами. Но мы играли, а Ривера жил свои стихи задолго до того, как сказал об этом вслух. Вряд ли мы могли помочь ему, Эме; и прости за то, что мы не захотели ему помочь. Да и ты сама не позволила бы нам; ты ведь все понимаешь, Эме, хотя и ненавидишь нас...

И мы стали ходить встречать вечерний скорый. Мы приходили минут за пять до прибытия и ждали у выкрашенной в яркосиний цвет ограды, отделяющей перрон от путей там, где останавливался тепловоз: здесь был единственный выход к вокзалу и дальше в город, и все приехавшие пассажиры проходили мимо нас, как на суетливом параде. Ривера требовал, чтобы наши лица были исполнены печальной надежды — и мы старались, хотя меня разбирал смех, а Луис все время порывался разглагольствовать. Только Ривере стараться не приходилось.

Вместе с поездом в грохоте и искрах налетал теплый, почти горячий ветер, и сумерки оживали. Я вдруг начинал замечать то, чего не видел раньше: дрожащий ореол мотыльков у фонаря, травинку, пробившуюся между бетонными плитами перрона, кружевной истлевший лист, прилипший к железной трубе парапета. В эти странные моменты я был счастлив, что могу каждый вечер приходить на вокзал и ждать того, кто все нарисовал и кто рано или поздно обязательно приедет. Я почти верил, что мир может стать выпуклым, если мы попросим об этом.

Поезд останавливался, проводники спускали скрипящие лесенки, обтирали поручни черными от дорожной пыли тряпками, и перрон наводняла гортанно гомонящая, остро пахнущая толпа. Я ловил себя на том, что невольно всматриваюсь в лица, будто и правда жду, что вот-вот среди них появится тот, кто все нарисовал, — почему-то я не сомневался, что мы его узнаем. Злясь на себя, я начинал смотреть на Риверу — но смотреть на

него в такие моменты было страшно и стыдно, и тогда я переводил взгляд на Луиса. Его круглое лицо слегка заострялось, и он делался похож на ребенка, которому пообещали целую груду прекрасных, сверкающих красками игрушек — и который не верит в такие обещания. Тогда я переставал смотреть в лица и глядел лишь на свои ботинки, стараясь не думать ни о чем.

Когда поток пассажиров истаивал, Ривера поправлял невидимый шарф и говорил, растягивая слова:

— Наверное, в следующий раз...

И мы шли пить кофе, а потом расходились по домам, с каждым поездом все раньше. Нить тянулась, но никаких историй на нее не нанизывалось, и нам с Луисом было скучно и страшно рядом со все больше мрачнеющим Риверой.

Поток приезжих схлынул, поезд, душераздирающе крикнув и грохоча сцепками, сдвинулся с места и снова остановился, дожидаясь последних пассажиров. Ривера поправил невидимый шарф, но я не стал дожидаться ритуальной фразы.

— Не едет что-то, — сказал я, усмехнувшись. Я вдруг подумал, что если бы ушел прямо сейчас, то мог бы позвонить Эме, и она наверняка оказалась бы дома, раз Ривера здесь. Я тряхнул головой, отгоняя картину смеющегося лица Эме и ее сияющих, влюбленных глаз, глядящих на меня.

— Ну да, — говорил тем временем Ривера. — Все правильно. Это и есть история: мы ждем и ждем, а он все не едет... а мы все приходим на вокзал встречать поезд, а жизнь идет...

— Так вот о чем ты плакал? Тогда, под грибами? — неожиданно понял я.

— Я не плакал, — медленно и жестко ответил Ривера. — Я смеялся.

Луис, засопев, вдруг двинулся к вагону.

— Ты куда? — окликнул я, уже догадываясь.

— Поеду я отсюда... — Луис на мгновение обернулся, посмотрел на меня, на Риверу, криво улыбнулся. — Тесно...

— Ты свихнулся, — холодно сказал Ривера.

— «Неожиданное путешествие — это танец, предложенный Богом», — ответил Луис, наставительно подняв палец, но в его глазах стыла растерянность.

— У тебя хоть деньги есть? — безнадежно спросил я.

Луис порылся в кармане, вытащил горсть смятых банкнот и уставился на них, задрав брови.

— На билет хватит, — наконец сказал он. — На пару дней в городе — тоже. А там, глядишь, работа подвернется...

— Свинья-Копилка, — усмехнулся Ривера.

Луис снова печально улыбнулся в ответ и грузно поднялся на подножку вагона.

Этим вечером мы долго кружили по городу, молча и бессмысленно, переполненные горечью и злостью друг на друга настолько, что никак не могли разойтись — казалось, что пока мы с Риверой шагаем рядом, эта ядовитая жижа внутри не может расплескаться, но как только мы расстанемся, она прольется и прожжет нас насквозь. В конце концов мы забрели в какие-то трущобы, где пахло помойкой, под ногами блестели тухлые лужи, и огромная желтая луна заливала обшарпанные стены домов. Я даже не знал, что в нашем городе есть такие места; мне хотелось поскорее выбраться отсюда. Но Ривера, похоже, твердо решил, что история должна двигаться дальше, и теперь лишь искал случая, и случай вскоре представился.

В переулке в окружении теней стоял огромный, лоснящийся автомобиль. Ривера расплылся в широкой улыбке.

— Какая тачка! — шепнул он. — Какой антураж! Сразу ясно, что внутри сидит главный злодей, да? И тут наши герои случайно... — Он не договорил, хмурясь и ухмыляясь одновременно. Мы уже почти прошли темный зев переулка, когда Ривера резко свернул и зашагал прямо на машину. Теперь я мог рассмотреть, что вокруг нее стоят три человека. Один, высокий и тощий, тихо говорил, наклонившись к раскрытому окну машины. Еще двое мрачно следили за нами из-под надвинутых на самые глаза шляп, загораживая его спинами, но я успел заметить, как в окно просунулась бледная рука, держащая целую пачку банкнот. Мне захотелось ускорить шаг.

— Не самое подходящее место для добрых католиков, а? — громко сказал Ривера. — Интересно, чем они здесь занимаются? — с деланным любопытством спросил он.

Высокий быстро бросил в машину какую-то сумку; автомобиль, мягко заурчав мотором, сорвался с места и скрылся за углом. Мужчина тщательно затолкал деньги в карман и медленно двинулся на нас.

— А ведь нас сейчас будут бить, — сказал мне Ривера. — А может быть, даже убивать...

Я с ужасом различил в его голосе нотки удовольствия, но тут он изо всех сил дернул меня за рукав, и ступор прошел. Оскальзываясь на лужах, мы рванули в ближайший переулок, — следом затопотали, но мы были моложе и быстрее. Ривера несся, как летучая мышь, легко огибая повороты и ориентируясь по только ему известным приметам, и мне оставалось лишь держаться за ним. Через длинную арку мы выскочили на улицу — пустынную по позднему времени, но чистую и почти светлую. Над мостовой нависал горбатый пешеходный мост, построенный скорее для красоты, чем по необходимости. Мы перебежали улицу под ним, пригибаясь и прижимаясь к опорам. Одинокое такси свирепо рявкнуло на нас, но мы уже нырнули за угол и остановились, задыхаясь от бега. Ривера едва не приплясывал — кулаки сжаты, глаза горят. Надо было уводить его скорее, пока нас не нашли, пока он не влез в драку, но мои легкие горели, и я едва мог говорить. А потом Ривера возбужденно толкнул меня локтем в бок и показал на мост.

— Это те самые парни из Ибарры. Похожи на драных котов, а? — радостно прошептал он. — Коты, играющие в орлянку пробками от пивных бутылок... вокруг темнота и помойка, и случайным прохожим не поздоровится...

Силуэты четко выделялись на фоне темно-синего неба. Они и правда были похожи на мультяшных помойных котов, вставших на задние лапы — тощие, угловатые, в шляпах, надвинутых на глаза. Чернильные пятна с резкими, изломанными контурами и отточенными до комичности движениями. Ривера начал выламываться, изображая, как коты крадутся и осматриваются в поисках жертвы. Меня разобрал смех, и я зажал рот ладонью. А потом один из них перегнулся через парапет, приставив руку козырьком и всматриваясь вниз, — я закатился пуще прежнего и вдруг осекся, поняв, что этот нелепый жест полон издевки:

нас заметили и теперь играли, тоже играли — вполне возможно, с ледяным ужасом подумал я, в ту же самую игру.

— Бежим, — сдавленно шепнул я Ривере и потянул его за руку, но он оттолкнул меня, выпрямился во весь рост и медленно, почти лениво шагнул навстречу перелезавшей через ограду троице.

Сразу стало тесно. Меня быстро сбили с ног — в отличие от Риверы, я никогда не умел и не любил драться. Я попытался откатиться в сторону. Увидел в странном ракурсе джинсы Риверы, полосу бордюра, широкие брюки игроков, трещину между булыжниками, чьи-то ботинки, застрявший на сточной решетке смятый картонный стакан и снова ботинки. Я прикрыл голову, успев еще заметить у перекрестка подолы цветастых платьев и несколько пар полных ног, обтянутых блестящим в свете вывески подвального кафе нейлоном, в удобных туфлях на низких каблуках. Какие-то кумушки возвращаются из кино, отвлеченно подумал я и заорал от ужасного удара в живот. Рядом страшно зарычал Ривера, ухо резанули женские визги и вопли, и я отключился на мгновение, а когда очнулся, все было кончено. Я лежал, блаженно прижимаясь щекой к прохладному асфальту, и слушал топот убегающих ног: похоже, троица вовсе не хотела иметь дело с полицией.

Наконец я приподнялся и взглянул на Риверу. Он сидел на тротуаре, тяжело дыша и держась за бок; его глаз полностью заплыл, из носа текла сукровица.

— Псих! — сказал я, еле ворочая разбитыми губами.

— В комиксе должны быть злодеи, как же иначе? — пожал плечами Ривера и скривился. — Дурновкусие! Сплошной китч! Что может быть пошлее жирафа в шарфе? Разве что свинья-копилка...

— Не нравится сюжет? — ехидно спросил я.

— Почему же, нравится, — ответил Ривера и сплюнул красным. — Динамично... Но шутки плоские!

— А чего ты хочешь? Это же комикс. Бумага. Ей положено быть плоской. Это ты так захотел...

Ривера бешено взглянул на меня, сунул руки в карманы и почесал вперед, не оглядываясь. Он болезненно горбился и то и

дело сплевывал — и я знал, что могу проследить его путь по пятнам крови на мостовой и что путь этот будет недолгим.

— У него сломано три ребра, — ледяным голосом сказала Эме, когда я позвонил ей на следующий день. — Ты что, не мог его остановить?

— Не мог.

— Не звони мне больше, — сказала Эме. — И ему не звони. Хватит.

Я и не стал. Пусть Ривера играет один; хватит, Эме, хватит с меня, думал я; какими бы мы ни были друзьями, сходить с ума и нарываться на неприятности за компанию — это уже перебор. А Эме... Было бы подло уводить девушку у лучшего друга, правда?

Через несколько месяцев я получил письмо от Луиса. Свинья-Копилка умудрился накопить немало, просиживая штаны в библиотеке: толстяк поступил в университет. Подумать только, наш Луис всерьез изучает литературу! Я пришел в автомастерские и долго бродил среди железного грохота, выискивая Риверу. Когда тот наконец вынырнул из капота блестящего синего седана, столкнувшись со мной нос к носу, мне показалось, что он не сразу меня узнал.

— Вот увидишь, он еще начнет писать сюжеты для комиксов, — равнодушно сказал Ривера, когда я пересказал ему письмо.

— А ты все еще... — Я не знал, как спросить. Играешь ли? Ходишь ли встречать вечерний поезд? Танцуешь ли с Эме? Я осекся под взглядом Риверы. Его руки были перепачканы машинным маслом, и под грязью угадывались ссадины на костяшках. Он дышал пивом и слушал меня с вежливой скукой, переминаясь с ноги на ногу: Ривера явно ждал, когда я уйду. Тогда я впервые подумал, что у меня тоже нашлось бы, о чем поговорить с тем, кто все это нарисовал.

— Я уезжаю, — сказал я.

Ривера кивнул.

— Слушай, у меня сейчас срочная работа, — сказал он, не глядя на меня. — Выпьем вечером?

— Конечно, — сказал я. — Извини, что отвлек.

— Ничего, я рад, что ты зашел. — Ривера хлопнул меня по плечу и отвернулся к машине. — Я тебе позвоню, — сказал он, зарываясь в промасленные автомобильные потроха.

Конечно, он не позвонил.

Год спустя я решил провести отпуск дома. Признаться, мне было страшновато выходить из вечернего скорого — я боялся увидеть Риверу, стоящего у синей оградки и поправляющего невидимый шарф, и еще больше боялся обнаружить рядом тени Свиньи-Копилки и Печальной Лошади. Страхи не оправдались: если какие-нибудь призраки и ждали поезд, то я их не заметил. Зато первым, кого я встретил в городе, была Эме: совсем не похожая на привидение, все такая же маленькая и звонкоголосая, она распекала у перекрестка какого-то карапуза лет семи — должно быть, нашкодившего ученика. Я остановился поздороваться, и мальчишка, воспользовавшись тем, что учительница отвлеклась, немедленно удрал. Как-то само собой вышло, что мы тут же засели в ближайшей кофейне, словно не было ни разлуки, ни ее злых слов, ни моих глупостей. Эме подурнела и осунулась; я подумал, что, может быть, она беременна или больна. Я знал, что они с Риверой поженились, но только сейчас задумался над тем, счастлива ли она. Глядя в ее бледное лицо, я вдруг понял, как сильно любил ее — и продолжал любить, когда потерял всякую надежду, — еще отчаяннее и прочнее. Мы болтали о всяких пустяках, старательно обходя все, что могло причинить нам боль, но оживление от встречи проходило, паузы становились все длиннее, и в конце концов Эме совсем умолкла и лишь тихо позвякивала ложечкой, бессмысленно мешая кофе.

— Как поживает Ривера? — наконец принужденно спросил я.

И тут она заплакала. Совсем тихо — просто из глаз вдруг покатились огромные слезы. Я растерялся. Я не понимал, почему она плачет, — если бы с Риверой случилось что-нибудь серьезное, мне бы написали, и, значит, дело было в чем-то, во что нельзя лезть — никому нельзя, а мне — тем более. Хотелось обнять Эме и баюкать, как ребенка, но мне казалось, что она закричит, если я дотронусь до нее. Даже взгляд был бы сейчас слишком грубым. Я сидел, тупо разглядывая стол: едва замет-

ные царапины на белом пластике и сухой трупик раздавленного муравья на самом углу. Она все всхлипывала едва слышно, а я думал, когда же принесут кофе, и что нос у Эме наверняка распух и покраснел, и откуда здесь муравей. Когда я все же решился поднять глаза, оказалось, что она перестала плакать, так же неожиданно и тихо, как и начала — остались только мокрые дорожки на щеках и чуть порозовевшие ноздри. Я протянул платок, но Эме как будто не заметила его.

— Он строит самолет, — сухо сказала она, глядя в сторону.

Ривера сколотил ангар на окраине пустыря — Эме пожаловалась, что на аренду этой никчемной земли ушла куча денег. Ворота сарая распахивались прямо на взлетную полосу — Ривера прошелся по полю, выкорчевывая кусты, торчащие на пути самолета, да пооткидывал в сторону ржавые, невесть кем и когда брошенные железки. Я вошел внутрь. Здесь было полутемно, пахло стружкой, резиной и машинным маслом; из-под нелепо громоздкого самолета, похожего на скелет, доносилась сдавленная ругань и удары металла о металл. Я тихо окликнул Риверу, готовый к тому, что он впадет в ярость, прогонит меня, или — хуже — обольет равнодушным презрением, как чужого праздного зеваку. Но Ривера шумно обрадовался мне — он бросился хлопать меня по плечам, радостно восклицать, удивленно присвистывать, — куча действий, положенных старым приятелям после долгой разлуки и именно поэтому ненужных и фальшивых. Это было неожиданно и слегка пугало. Это был новый Ривера — говорливый, покрасневший, раздавшийся в плечах. Он принялся посвящать меня в какие-то технические детали — я слушал вполуха, глядя на лысые шины от грузовика и пытаясь найти нужные слова.

Все было готово. Я боялся, что смотреть на запуск сбежится полгорода, однако ошибся. Пустырь, заросший сухими метелками травы, среди которых поблескивали осколки битого стекла, был пуст. Проводить Риверу пришли лишь Эме и два ее кузена, мрачноватых типа, неприятно похожих на торговцев грибами из Ибарры, — они были здесь скорее чтобы присмотреть за сестрой, чем из симпатии к ее мужу. Горячий ветер гонял рва-

ные пластиковые пакеты, они облепляли редкие кусты душными разноцветными коконами, и я подумал, что если один из них намотается на винт, самолет, наверное, не сможет взлететь, и все обойдется.

Ривера обнял Эме, пожал руки ее кузенам, отпустил и обернулся ко мне. Он вдруг снова стал прежним — худым, угловатым, с резкими движениями и злым, острым взглядом.

— Так куда ты собрался? — безнадежно спросил я.

— Надрать бездарю бороду, — ответил он, смеясь.

— И что ты ему скажешь? «Мне тесно, старик»?

— Это ты ему скажешь, когда он приедет, — ответил Ривера. — Помнишь, как я лазал на ратушу? — помолчав, спросил он. Я кивнул. — Ну и вот...

Ривера махнул рукой и вскарабкался в кабину, сколоченную из фанеры, и нетерпеливо уставился в поцарапанное ветровое стекло, снятое с древнего автомобиля. Крылья самолета — куски парусины, натянутые на деревянный каркас, — обвисали под собственной тяжестью, и братья Эме с брезгливо-недоуменными физиономиями поддерживали их с краев, чтобы рамы не задевали землю. Взвыли винты, и кузены поспешно отскочили в стороны. Самолет медленно сдвинулся с места, чиркнул крыльями по кустам и побежал по пустырю, легко подскакивая на сухих кротовинах. Это дурацкое сооружение из фанеры и парусины не могло, не должно было взлететь, но на всякий случай я скрестил пальцы. Надо будет потом напиться, думал я. Напою Риверу до беспамятства, а на следующий день опять напою — и пусть Эме пилит нас, сколько хочет, потом поймет... Главное, чтобы не взлетел, сказал я себе. Что за чушь, Ривера ничего не понимает в самолетах, угробил кучу денег на глупую выходку, только зря жену напугал. Самолет подпрыгнул в последний раз и резко ушел вверх, а я все думал, что, наверное, нужно было его остановить, что мы смогли бы его остановить и что Эме теперь никогда не будет моей — как если бы она сама сидела в нелепой машине. А потом из-под крыльев повалил дым, самолет нырнул, клюнул верхушки деревьев, изменяя их форму, будто на мгновение превратился в огромный карандаш, задрал нос и вертикально взмыл в небо.

* * *

За моей спиной кричала и билась в руках кузенов Эме, а я уходил все дальше от пустыря. Я думал о том, что увидел Ривера: кружевные шары древесных крон, складки холмов, желоба рек, трещины каньонов. Выступы гор и впадины морей, и как земля заворачивается за горизонт и горбится под брюхом самолета, и дальше — башни и слои облаков, и дальше... Я не стал думать о том, что увидел Ривера дальше. Трава запахла креозотом и ржавчиной, и под ботинками захрустел гравий железнодорожной насыпи. Тогда я свернул и, с болезненным вниманием вслушиваясь в оглушительный треск кузнечиков, зашагал по шпалам к деревьям, за которыми скрывалась станция. Я знал, что опоздал, что все мы опоздали, но должен же был кто-то его встретить?

Поезд уже ушел, но он ждал на перроне, маленький сгорбленный человечек в рыжеватом пальто и длинном сером шарфе, намотанном до самой клочковатой бородки. У его ног притулился потертый чемоданчик, а под мышкой была зажата большая картонная папка.

Он, скорбно задрав брови, смотрел в небо, где таял уходящий вверх дымный след, и мне нечего было сказать ему.

Аделаида Фортель

СПОКОЙНО, ЖОРИК! ВСЕ ПОД КОНТРОЛЕМ!

Самое приятное в любой работе — момент самого устройства. Все эти волнения и планы на будущее... И все эти разговоры за твоей спиной:

— Георгий во Время попал. Повезло.

— Люся, порадуйся за меня! Моего Жорика пригласили в Институт Времени! Нет, дорогая, ты ошибаешься — туда берут не всякого дурака! Ты просто не хочешь признать — я таки вырастила его человеком. А твоя Софочка будет блядью — вот увидишь!..

— Слыхала — твой экс в ИВ наладился! Ну и дура ты, Зинка!..

Неделя между подачей заявки до собеседования — мой упоительный миг славы. И он подошел к концу. Теперь его отсчет идет на короткие треньканья лифта, отмеряющего этажи. 10-й, 11-й, 12-й...

— Датчики указывают на повышение адреналина? Боитесь высоты?

— Ерунда! Просто первый раз тут...

— Желаете освежиться? Вечный покой? Сон разума? Краткая передышка?

— Пожалуй, немного Передышки не повредит. Самую капельку...

© Аделаида Фортель, 2007

Тихий щелчок, и меня окутывает облаком успокоительного. Не фиговые тут лифты! Внимательные. Так бы ехал и ехал...

Лифт тренькнул последний раз и остановился.

— Ваш сто тридцать седьмой — прошу не задерживаться на выходе. Желаю удачи!

Очень-очень культурные лифты! Даже посылают вежливо. Сдохну, но устроюсь сюда! Пусть Зинка не только локти искусает — всю кровь из себя выпьет. Будет знать, как менять мужа с высшим образованием на бойфренда дальнобойщика! Осталось толкнуть вон ту дверь и ответить на все вопросы. Спокойно, Жорик, — ты под контролем. Дыши глубже. Дышим и отсчитываем шаги — раз, два, три...

— Я закончил русскласс гуманитарного университета с золотой медалью. А моя дипломная работа...

— Какой размер носите?

— Э... Сорок восьмой.

— Рост?

— Сто девяносто три. Примерно.

— Лариса! Форма лифтера на какой размер?

— Сорок восемь на сто девяносто.

— Вы нам подходите. Заступать на должность прямо сейчас. Главное требование — не опаздывать и не грубить посетителям. Лариса, выдай новенькому форму! И монтера отправь — пусть ИИ отключат. Желаю удачной карьеры!

Самое приятное в любой работе — момент до устройства на нее. Вся эта романтика, волнения и отчаянное желание порвать мир... На деле все всегда прозаичнее. Лысеющий завхоз потряс руку, толстая Лариса выдала форму и проводила к тому самому лифту, который доставил меня наверх. Теперь это мой офис.

— Подождите, не едьте! Надо монтера подождать. Иван! Ванька!!! Шевелись! Тебя человек ждет.

Вышедший на ее вопли Ванька был похож на гнома — ростом мне до подмышки, носатый и весь обшитый карманами, из которых торчат инструменты. Он не спеша подошел и смерил меня взглядом.

— Ему, что ль, тоже интеллект отключать?

— Идиот! — фыркнула Лариса и поощрительно мне улыбнулась. — Не обращайте внимания — он у нас шутник. Желаю удачи!

Лариса нажала кнопку вызова лифта и торопливо скрылась в лабиринте коридора. Пожалуй, слишком торопливо для ее комплекции.

— Вот так всегда, — вздохнул Ваня. — Дают приказ и в кусты. Ну, давай — поможешь мне.

Тренькнул лифт, останавливаясь на нашем этаже. Ваня выхватил из-за пояса лом и ловко раздвинул двери.

— Взлом и незаконное проникновение, — заверещал лифт. — Я вызываю охрану!

— Заходи скорей! — пнул меня Ваня. — Я его долго не удержу. Жми зеленую кнопку! Кнопку, я сказал!!!

— Это нарушение прав механизмов! — вопил лифт. — Я буду жаловаться в профсоюз!

— Кнопку!!!

— А, черт! Не могу! Она током бьется!

— Перчатку держи!

— Это возмутительно! Вы не имеете права! Это убийство! Я требую своего инженера! Позовите инженера! Инженера!!! Нет! Нет! Умоляю вас! Не надо! А-а-а!..

Ваня сорвал пломбу и ловко вскрыл щиток. Ткнул отверткой в микросхемы. Лифт зашелся писком, забился в агонии и затих. Ваня вытер потный лоб.

— Сука железная! Всякий раз истерику закатывает.

— Часто вы его отключаете?

— Раз в месяц примерно. Как нового лифтера находим.

— Такая текучка? Здесь? Никогда бы не подумал...

— А ты, брат, лучше и не думай. Твоя работа — кнопки нажимать и посетителей развлекать. Если до зарплаты продержишься — заходи, набухаемся.

— Я продержусь. Мне нужна эта работа!

— Все так говорят, — отмахнулся Ваня, распихивая по карманам инструменты. — Ну, бывай, друг. Мне еще пылесосы отключать — сегодня нового уборщика наняли.

Самое приятное в любой работе — мечта о ней. Потому что дальше начинаются трудовые будни. Я пожелал Ване счастливого дня и приступил к выполнению должностных обязанностей — нажал кнопку закрывания дверей и выдал себе хорошую порцию Сна разума.

Вот до чего так и не дошла современная наука, так это до управления психикой. Лет двести назад эта задача казалась вполне решаемой: практики йоги, легкие наркотики, алкоголь, на худой конец психушки. В нашем времени эта лабуда не работает: мы все глубокие невротики. Любой из нас легко впадает в бешенство или в беспричинные припадки любви. Все, что мы можем сделать — дышать глубже и постоянно делать вид, что адекватны. Расшатаны у нас нервишки, расшатаны.

— Слыхала, твоего экса в ИВ взяли!

— Плевать!

Локон за ухо и ложечкой в чашечке — дзинь, дзинь. Пусть Машка не думает, что может меня достать!

— Плевать не плевать, а зарплата у него теперь, как у банкира! Не жалеешь?

Блядь такая! Пока не доведет до истерики, не уймется. Не дождешься, милочка! Закидываю ногу на ногу — сдохни! Чулки с анимацией от «Микоянца» тебе только сняцца. Ловим свет и вверх по чулкам карабкается матросская команда. Машка икает от зависти. Выдерживаю паузу.

— А мне пох. Подумашь, ИВ! Лузер был — лузером сдохнет.

— А он ничего, симпотный. Я подберу, раз тебе не нужен? — Машка с тоской проводила взглядом последнего матроса, нырнувшего мне под юбку.

— Забирай! Говна не жалко! Шубку заберу — и вселяйся.

Стерва хитрожопая! Как с ним голодать на стипендию, так дур нет! А как на все готовое, так я подберу. Щаз — ага!.. За этот приз тебе придется побороться!

В наше время ничего нельзя потерять. Захочешь — не выйдет. Система поиска потерянных вещей признана самым большим достижением человечества за последние сто лет. Напри-

мер, покупаю я для дочери Пушкина-подушкина... Вообще-то я не из тех людей, которые покупают всякую пошлятину. Просто у меня нет дочери. Увидев чертовы подушки, дети вцепляются в них намертво и закатывают истерики, не отходя от прилавка. На их вопли сбегается персонал — и опаньки! — бедный родитель уже на собеседовании по воспитанию. А там — дай вам бог выдержки — любой срыв — и ты вдовец. То есть сирота. Короче, лишен своих отцовских прав сроком от трех дней до пожизненного. А детишки, прижав к груди Пушкина-подушкина, отправляются в интернат, на попечение психиатров — исправлять травмы, нанесенные семейным воспитанием. Ненавижу!..

Так вот! Если бы у меня была дочь, и я покупал бы ей Пушкина-подушкина, на моей карточке навсегда остались бы его координаты. Дальше от меня уже ничего не зависит. Система отработана просто отлично: дочь теряет Пушкина и закатывает мне истерику. Я тут же хватаю карточку и подаю запрос. Запрос мгновенно находит Пушкина-подушкина и — вуаля! — он снова с нами!

Так вот, в наше время невозможно что-либо потерять. Я ничего и не потерял. Я нашел!..

Сначала я даже не понял, что это. Когда находишь что-то впервые в жизни, о таких вещах, как ценность, как-то не думаешь. Тут ключевое слово «нашел». Он лежал в углу, один край застрял под ковровой дорожкой. Маленький плоский диск с синим свечением. Я его рассматривал и так, и эдак, брать не решался. Ждал систему поиска. Волновался так, что испшикал суточный лимит Вечного успокоения. А когда рабочий день подошел к концу, подумал — какого черта? Если придут завтра — отдам. Скажу, нашел и взял на хранение — никакого риска.

Диск оказался неожиданно тяжелым и горячим. Пока я его нес, в кармане чуть дыра не проплавилась. Дома попытался рассмотреть на свет. Какие-то синие прожилки и твердые выступы. Если бы не электронная лупа — так бы и не понял, что нашел. Ну, порадовался бы и закинул на полку. В лучшем случае достал бы только зимой — радикулит прогреть. Я и с лупой не сразу понял. Смотрю — синие жилки двигаются будто. А пры-

щики сверху белые, как в накипи. Отрегулировал лупу на максимальное увеличение и...

Если бы не перехапал на работе Вечного успокоения — умер бы. Потому что человеческая психика не рассчитана на такие перегрузки. Найденный в лифте диск оказался... Миром.

Синие жилки и кляксы — реки и моря, прыщики — горы с заснеженными вершинами. Желтые пятна — пустыни, зеленая плесень — джунгли и леса. Здесь должна водиться жизнь... Черт возьми!

Такая штука, как мир, не может просто валяться на столе. Пришлось надавить себе на больную мозоль и полезть в ящик для семейных реликвий. Когда Зинка ушла, я все сгреб и сюда засунул, чтобы ничто о ней не напоминало. Совсем выбросить рука не поднялась. Всякие ее мелочи и подарки — пепельницы, вазы и фарфоровые собачки. Последними из шкафа выкатились три слона — бессмысленный подарок, который сделала мне Зинка на Новый год. Впрочем, она и не сильно скрывала, что купила их для себя. Выставила на трюмо и всем подругам показывала: «Видала? От Сваровски, нах!» Когда к дальнобойщику уходила, про них даже не вспомнила — наигралась.

Я составил слонов на подоконнике в форме трилистника. Сверху уложил бронзовую черепаху. Пододвинул лампу, включил в режим мигания. На плоское черепашье брюхо мир лег, как на тарелку. Закатное солнце окрасило снежные вершины розовым. Жаль, что Зинка этого не видит!.. Она бы сразу бросила своего дальнобойщика, чтобы сидеть со мной рядом и рассматривать это чудо. Зинка — она же такой романтик! Стихи любит до умопомрачения.

Что бы Машка обо мне ни думала, а я не такая дура, чтобы отдавать за просто так хорошего мужика. В тот же вечер начистила перышки и к Жорику. Он дверь открыл, а на пороге я во всей красе, в чулках от «Микоянца». Он и припух. Носом хлюпнул, глазки на мокром месте. До сих пор переживает, бедненький. А это очень даже хорошо. Я с порога: так, мол, и так — не

думай, я не к тебе, я за шубкой. Он: пожалста, пожалста — забирай шубку и проваливай. Ага, щас!

Я в квартиру прошла, глазками — тынц-тынц — провела разведку. Посторонней бабой даже нах не пахнет. Бобылит Жорик без меня — что тоже очень и очень приятно. Правда, бардак везде — неделю пидорасить! Ну, ничего, ради дела постараюсь.

Ну, я все посмотрела, шубку достала, на плечи накинула: я пошла? Молчит. Думаю, ладно — даю две минуты на развитие реакции. И не спеша туфли надеваю. Одну. Другую. А по ногам у меня матросики вверх-вниз, вверх-вниз. Жорик не выдержал. Схватил за руку, глаза, как у раненого оленя: идем, Зина, я тебе что-то покажу. Ну, покажи, покажи, сердешный!

Подтаскивает к подоконнику. А там мои слоны — вот ведь, блин, совсем о них забыла! Составлены задницами, сверху пресспапье. Смотри, говорит, Зина, что у меня есть! Тут я струхнула. Думаю, пиндец, опоздала я — свихнулся Жорик. А он настойчиво так — смотри, да смотри. И что-то мне про чудеса какие-то, миры и горы. Ну, думаю, нах пришла? А ну как он буйный? Прибьет меня щас за все хорошее... И бочком-бочком к двери — пусть лучше Машка сперва сюда сунется, а я потом отобью. Только он не отпустил. Вдруг обнял и пошел стихами сыпать. Что-то про чудесное мгновенье и Гену чистой красоты. Знает, стервец, чем меня брать. Слабость у меня на поэтические строчки. Аж ум отключается — так либидо подскакивает. В общем, сомлела я и молнию ему на штанах — вжик. А что дальше было — даже плохо помню, как в космос провалилась. Только шептала ему на ухо: читай, миленький! Читай дальше! И Жорик не подкачал, только под утро успокоился. Наголодался бедный — сразу видно.

Все-таки мой Жорик — мужик! И не скучно с ним — стихов много знает. А что шлепнутый — так это ничего. Брак оформим, сдам его лечиться.

— Какой этаж изволите?

— На выставку мы. — Пассажиры, с виду муж и жена — фермерская семья, уткнулись в буклет. — Двадцать первый век в сериалах и комиксах.

— Поздравляю, отличный выбор! Эта выставка с успехом прошла в Париже и Нью-Йорке. Интересуетесь фаст-фуд искусством?

— Да ну, нах, — буркнул М.

— Брат заставил, — пояснила Ж и покрутила пальцем у виска. — Он у меня с образованием.

— Э... Ну, в таком случае, пока наш лифт поднимается на пентхаус, позвольте дать вам краткую справку. С тех пор как появилось искусство, прошло немало времени. Но во все времена к нему существовало два подхода...

— Во чешет! — восхищенно присвистнул мужик.

— Тс-с-с, не мешай слушать!

— ...его то ставили на пользу человечеству, то, наоборот, провозглашали чистым искусством, которое никому ничего не должно.

— Ты, мужик, попроще выражайся — не понятно.

— С удовольствием. К примеру, песни. «Союз нерушимый республик свободных» — песня-гимн, создана, чтобы восхвалять государство и воспитывать в гражданах национальную гордость. Или скажем, «Прогуляюсь по ночному садику» — просто песенка о любви, для поднятия настроения.

— Я еще знаю «Затащу тебя в сторонку и порву тебе корсет», — оживился М.

— Типичный пример городского шансона, — похвалил я его. — Так вот. И только в двадцать первом веке ситуация безвозвратно изменилась — искусство заняло нишу энтертаймет.

— Чё за хрень?

— Тс... Слушай и все поймешь!

— Благодарю вас! Проще говоря, стало чистым развлечением. В двадцать первом веке никто не заморачивался созданием шедевров и никто не старался «глаголом жечь сердца людей». Главным было слепить бестселлер и срубить бабла. Это могла быть песня или положенный на простую музыку стиш, книга со светскими сплетнями или сериал. Романы, фильмы и гении возникали, как пузыри на воде, и так же быстро забывались обществом. Художественная ценность могла быть равна нулю. Главная задача искусства двадцать первого века — чтобы пипл ха-

вал. У фаст-фуд искусства было и остается только одно требование — оно должно быть понятным, как журнальная статья.

— Не все статьи понятны! — возмутилась Ж. — Взять хотя бы «Рукодельницу». Там такие схемы — с ума свихнешься!

— Согласен с вами. Объясню проще: фаст-фуд искусство не должно грузить мозг человеку. Оно, как гамбургер из «Макдоналдса» — проглотил и вышло, не оставив в организме полезных веществ. Ваш пентхаус, прошу вас!

М и Ж заторопились к выходу. Уходя, пылко пожали мне руки.

— Спасибо, мужик!

— Обязательно скажу брату, какие у него прекрасные кадры!

Только тут я понял, что брат «с образованием» — сам Степан Эдуардович, наш директор.

В тот же день прибежала возбужденная Лариса и сказала, что личным приказом от босса мне подняли зарплату. Вот так-то! Такую везуху пришлось успокаивать хорошей порцией Сна разума! Весь оставшийся день я просто летал на своем лифте! А Зинка-дура три года меня пилила: «Нах учицца? Нах русскласс?..»

Я ее понимаю — образование у меня не престижное. Русский классический язык и литература. В наше время изучать русскласс — все равно что когда-то латынь. Применить его негде, разве что подрабатывать переводчиком в историческом архиве — а это, как ни крути, работа для баб. На нашем факультете до меня парней лет десять не было. Думаю, мои вступительные тесты даже не проверялись — преподы так удивились, что решили дать увечному дорогу в жизнь. А мне просто нравится русский классический. Стихи там... Пушкин, Набоков... И Зинка на меня повелась только благодаря Есенину. Я читал, а она, хоть и понимала одни союзы с предлогами, все равно теряла волю и тянула ослабевшую руку к моей ширинке. Если бы не Есенин, такая крутая телка и смотреть на меня не стала бы — сразу б затусила с дальнобойщиками и жила себе, как сыр в масле. Так что мы с Есениным отняли у нее лучшие годы жизни. Только ради этого стоило поступить на русскласс.

А моя новая работа поможет оттяпать у Зинки еще несколько лет. Я же не дурак — все понимаю. Она вернулась ко мне только из-за зарплаты. Только бы дотянуть до первого числа...

Прознают про мою находку — так влетит, мало не покажется! Странно, что до сих пор за мной не явились. У задержки может быть только одно объяснение: потерявший тоже не спешит заявлять. Микромир просрать — это не пуговицу от штанов — за это по головке не погладят!

С такими мыслями и домой пришел. Зинки не было, зато следы ее присутствия — повсюду. Дом блещет чистотой, с кресел и стульев убраны шмотки, из углов пропали грязные носки, все реликвии вытащены из ящика и расставлены по прежним местам. Даже слоны снова на трюмо... Слоны? Я оглянулся на подоконник — пусто. Кинулся искать. Черепаха нашлась в туалете — Зинка прижала ею крышку на унитазе. А мир лежал на кухне под тарелкой с супом. С запиской: «Еш супчиг, он гарячий. Чмоки милый — скор приду ♥». Дура!!!

Трясущимися руками я начал поднимать тарелку. Через край выплеснулось немного супа, и я впервые услышал ЭТО.

Услышал — неверное слово. Это не слышно ушами, это бьет прямо в мозг. Вопли тысяч голосов. Крики умирающих и стоны покалеченных. И ужас, смертельный ужас — он прошиб меня так, словно меня самого топят в кипятке. Меня прибивает ко дну вареным луком. Мой рот обволакивает расплавленный жир. Я задыхаюсь, тону, бьюсь в агонии, ломаю хребет о лавровый лист, а горошина перца раскатывает мой город в пласт из камней и костей и бухается в море, подняв цунами. В тот момент, когда на мир пролилась капля супа, я умер сто тысяч раз...

Подоконник, три слона, перевернутая черепаха. Мир вернулся на свое место. Я вытер пот со лба и потянулся за успокоительным, когда услышал... Нет, услышал неверное слово — почувствовал чей-то призыв задержаться. Взял лупу, всмотрелся. На вершине крохотной горы — человек-пылинка: голова-атом и запятая — ссутуленная спина. Чё за хрен? Альпинист?

— Я — один из недостойных рабов твоих. Пришел спросить, за что ты обрушил на нас свой гнев?

Что тут скажешь, кроме правды, какой бы гадкой она ни была?

— Прости, парень, случайно вышло.

— Может, мы плохо молились тебе? Ты только скажи, и мы воздвигнем в твою честь храмы и пирамиды! Принесем человеческие жертвы. Пойдем в крестовый поход, восхваляя...

— Не надо, парень! Ничего этого не нужно. Иди домой. Я позабочусь о вас, обещаю.

— Ты очень милостив, мы все будем молиться тебе! Можно последний вопрос?

— Хоть десять!

— На чем стоит наш мир?

Ну, что тут скажешь, кроме правды — какой бы тупой она ни была?

— На черепахе стоит. А черепаха — на трех слонах от «Сваровски».

Все-таки мой Жорик ебанутый нах. Аж не по себе. Прихожу домой в духах вся и помаде, а он с тарелкой разговаривает. На меня — ноль реакции. Подхожу сзади, бедром прижимаюсь и глаза ему ладошками: угадай, кто здесь? А он как подскочит! И в крик. Не смей, дура, мою тарелку трогать! А я ему: транквилизатора глотни, милый! И на кухню ушла — жрать ему, козлу, готовить.

Рублю лук, слезами обливаюсь. Он подходит. Извиняется. Прости, Зина, вспылил. Но знаешь ли ты, Зина, что это за тарелка? А то я дура? Для подогрева!.. А он: ты дура, Зина! Ты не понимаешь! Это — мир! Живой. С человечками. А я для него — бог!

Тут у меня настоящие слезы поплыли. Все, думаю, пиндец Жорику. Конкретный пиндец! Шизофрения и мания величия. Не дождусь я свадьбы, придется сегодня-завтра сдавать. И тютю колготки от «Микоянца»! От отчаяния я его обняла — сама от себя не ожидала. Прижала голову к груди, поцеловала в макушку и по волосам погладила. Бедный ты, бедный! Эк тебя жизнь покалечила... Он притих и, чувствую, по заднице меня гладит. Ну, думаю, слава богу, очухивается. И в сторону спальни его отвальсировала. Секс — лучшее лекарство для ебанутого мужчины. Я ему такой минет сделала — он свое имя забыл, не то что мировое господство! Сама из сил выбилась, но оно того

стоило. Я еще повоюю за тебя, Жорик! Постараюсь для дела — никуда тебя не отпущу. Спи спокойно, мой дурачок! Мо быть, ты по мне так страдал, что с катушек съехал? Это, конечно, приятно. Я оценила!

Ночь спала, как на посту стояла — от каждого шороха просыпалась. Руку его не отпускала, чтобы не ушел. Утром мобилизовалась в семь. Навела макияж, пирогов разморозила, кофе растворила. С дурным жить можно, надо только содержать правильно. Чтоб желудок у него был в сытости, а мозги работали только на либидо. Тогда с ним любая баба справится. Все у нас будет хорошо, Жорик! Вот увидишь!

— Ваш этаж — прошу вас, господа! Желаю удачи.

Очередные посетители института вышли из лифта, и я закрыл за ними дверь. В моей работе только один минус — лифт можно покинуть строго по расписанию. Каждые три часа — пять минут передышки. За это время можно успеть сбегать в туалет или глотнуть стаканчик кофе из автомата. Я свой прошлый перерыв потратил на писсуар, а кофе бы сейчас не повредил. Зинка всю ночь спать не давала. Мало того, что пришлось ее ублажать до глубокой ночи, так еще и спала, наваливаясь на меня всем телом — ни вздохнуть, ни повернуться. Кто бы мог подумать, что зарплата — такой сильный стимул для любви. Дотяну до первого числа, куплю ей сумочку от «Биркин» — пусть порадуется, дурочка. А сейчас бы глоток кофе — дотянуть до конца рабочего дня. Лифт открывает двери. На пороге Лариса с подносиком, застенчиво краснеет.

— Георгий! У меня сегодня день рождения. Заходи — отметим. А щас вот... Угощайся! — Покраснела, сунула подносик и по коридору убежала.

Кофе и тортик. Чудеса? Вовсе нет. Я уже успел привыкнуть к тому, что все мои желания мгновенно осуществляются. Для бога это совершенно нормально. За меня же молится целый мир! Взамен надо совсем немного: бросить им манны небесной, полить водичкой там, где засуха, подвинуть ближе к лампе тем краем, где морозы. И все — они счастливы, и я доволен. Вот только времени на это требуется все больше: народ расплодил-

ся, потребности у них возросли, а поколения сменяются на плоском мире каждый час. Глаз да глаз за ними. А Зинка не понимает, требует все больше и больше внимания. Как видит, что я к окну подхожу, сразу находит какое-нибудь дело. То посуду утилизируй, то новый гвоздь в стене закажи, то просто поцелуй. По ночам смотаться тоже не получается — она научилась спать, цепляясь за мою руку. Стоит просто повернуться на другой бок — просыпается в ужасе: «Ты куда?!» Как ребенок, чес-с слово!

Я допил кофе и глотнул Краткой передышки. Кажется, меня может спасти только одна вещь. Какой бы ужасной она ни была.

— Вам на какой возраст?

— На двадцать пять.

Продавщица в отделе игрушек нисколько не удивилась.

— Тогда рекомендую вам обратиться в отдел эротических товаров, это напротив.

О боже, это все-таки случилось — я, человек с русскласссом, покупаю Пушкина-подушкина! Да еще и в эротических товарах. Докатился! Ненавижу все это! И себя ненави... Спокойно, Жорик!.. Спокойно... Дышим глубже... Вдох... Выдох на счет семь... Спокойно. Ты под контролем... В конце концов, этот Пушкин-подушкин почти не отличается от детской модели, разве что покрупнее будет. Те же бакенбарды из розового меха — черный цвет вызывает отклонения в психике. Тот же серебристый цилиндр. Те же пухлые ножки в лосинах — «Заботятся об осанке ребенка даже ночью!» Только между ног у него торчит здоровенный вибратор. Спокойно, Жорик... Спокойно. Надо просто подойти к прилавку и купить. Любого — пусть завернут.

— Рекомендую вот эту модель, с эротическими сказками. Она стоит несколько дороже, но...

— Давайте.

— Желаете прослушать репертуар?

— Нет, спасибо.

— Желаете проверить работу вибратора?

— Я же сказал — нет! Просто запакуйте его скорее, ок?

Продавщица обиженно зашуршала пакетами. Ну, что я в самом деле?.. Спокойно! Жорик, спокойно! Дыши глубже. Нет

никакого Пушкина-подушкина! И просто Пушкина — тоже нет и никогда не было. Не думай об этом! Это сейчас не главное! Главное — дышать ровно. Раз, два!.. Вдох-выдох!.. Дышим. Дышим. Успокоились.

Изначально Пушкин-подушкин был правильной задумкой. Эдакий любимый классик, на мягком животе которого под лепет сказок должны засыпать детишки. Но сказки Пушкина быстро закончились. И началось. Появились Толстой-матрасный, Чуковский-одеялов, Маршак-горшак... Но все эти клоны до оригинала не дотягивали. По продажам даже исчерпавшийся Пушкин-подушкин легко переплевывал своих литературных конкурентов. Второй ход оказался успешнее: фирма-изготовитель выкупила Пушкина в свой бренд и стала под его именем шлепать литпродукцию. Так же, как в начале двадцать первого века по мотивам культового фильма снимали мыльную оперу. В литпродукцию годится все, главное — набор одних и тех же персонажей. Будь у меня дочь, она целыми днями слушала бы аудиопостановку «Руслан — победитель монстров». А Зинка будет наслаждаться «Приключениями Людмилы в стране великанов». Ненавижу! Ненави!.. Вдох! Вдох! Еще вдох! Выыыдох. Не сомневаюсь, что ей понравится.

Как только Зинка угомонилась, я достал из-под кровати Пушкина-подушкина и тихонечко подложил ей под бок. Включил в режим воспроизведения. Пушкин зашептал на ушко Зинке какую-то пошлость, она сладко чмокнула во сне губами и вцепилась в его каучуковую руку. Я встал незамеченным — и к окну. Мой мир грелся под лампой на плоском черепашьем брюхе и молился. А значит, мне снова завтра повезет. Я не заметил, как уснул. Прямо у окна, положив голову на подоконник.

Проснулся, когда комнату уже заливал солнечный свет. Вскочил в ужасе — проспал! И Зинка не проконтролировала! Пушкин-подушкин свою работу знает — под его сказки Зинка спит как младенец. Не стал будить — торопливо оделся и выскочил из дома. В принципе особо волноваться нечему — я же бог, мне везет!

— Я говорил вам, что опаздывать нельзя?

— Говорили.

— Предупреждал, что за это увольняют без оплаты отработанных дней?

— Предупреждали.

— Вы уволены. Лариса, забери у него форму! Желаю удачи.

Пухлый завхоз потряс мне руку и выпихнул за двери кабинета. Вот сука! Дождался, пока я отработаю день — и уволил! Спокойно, Жорик! Спокойно! Этого не может быть. Просто не может быть, потому что богов не увольняют!..

А может, все это — только начало чего-то большего? Ну, в самом деле, какая карьера меня ждала в этом лифте? Годам к пятидесяти дослужился бы до завхоза — и это предел. А ведь я заслуживаю большего. Однозначно большего! Прощай, мой лифт! Теперь я желаю тебе удачи! Выдай-ка мне напоследок Вечного успокоения. Дышим, дышим... Спокойно, Жорик. Все под контролем... Просто не может быть иначе...

Мой Жорик — хитрожопая сволочь! Подсунул вместо себя детскую игрушку и смотался! Я как проснулась, чуть не рехнулась. Открываю глаза — рядом урод какой-то лежит, голова розовая. Несколько секунд не врубалась — пыталась вспомнить, где так вчера надралась, что с кем попало в постель бухнулась?.. Дом вроде мой, а мужик чужой... Ну, не дура ли я? Расслабилась. Думала, все под контролем. Ну, ладно, миленький, ты у меня об этом пожалеешь!.. И тарелке твоей мало не покажется! Выкину, нах! Но сперва разобью!

Цапнула тарелку и со всей злости — шарах об пол! Не разбилась. Но от нее вдруг поперло такое... Такое... Даже объяснить не могу! Ужас. Ужасный ужас! Что бы это ни было, но оно меня попросило так больше не делать. Ну, ладно-ладно... Я ж не зверь какой — положила обратно, под мигающую лампочку.

Ну, думаю, дела!.. Села телик смотреть. Есть там одна передача, которая стресс снимает. Лотерея «Побалуй себя немедленно!» Нажимаешь кнопки на пульте и выигрываешь разные приятности. Самое большее, что я выигрывала — помада от «Лореаль». Мелочь, но настроение поднимает как всякая халява. А сегодня — офигела просто! — главный приз оторвала. От счастья по комнате скакала, как коза, а потом телевизионщики при-

катили. Интервью там всякие, комплименты. Коробки с призами и платье от «Гуччи». Зашибиться! Ну, думаю, это — самый счастливый день в моей жизни! Круче не бывает.

И ошиблась. Бывает! Вечером моя кредитка выиграла ужин на двоих от «Планеты Голливуд». Даже ехать никуда не пришлось — «Планета Голливуд» сама ко мне приехала. Накрыли стол, скатерть постелили белую, тарелки фирменные, вилки-ложки серебряные. Жратвы наставили. Свечи, там, шампанское... Приятного вечера, мадам, — и свалили. Сижу в платье от «Гуччи», попиваю шампанское от «Рикард» — охуеть, не встать! Жорика жду.

А он приходит — морда прям с порога недовольная. Увидел всю эту роскошь и давай вопить: где взяла? Кредитку мою ограбила? Да нах мне твоя кредитка?! Там и на шпильки не наберется! Оказалось, его с работы поперли. А я при чем? Новость, конечно, дрянь полная, но не портить же праздник? Думаю, потом все, все потом... Садись, милый, за стол, шампанского выпьем.

Он садится и подозрительно так глазками стреляет. А не трогала ли ты, Зина, мою тарелочку? Я ему честно — да, мол, трогала. А чё такого? Он — да ни чё. Чокнулись, махнули шампанского. И он снова: а скажи мне, Зина, ты мою тарелочку водой не поливала? Манкой не кормила? Вот дурак, — чё ее поливать-то? Не растение. Нет, говорю, не поливала — об пол хлопнула. Тут он как вскочит, как забегает! Как погонит опять про миры, человечков и пруху несусветную. Я слушала, слушала и вдруг поняла — не, он не чокнутый! И мне не просто так свезло!

— Ты не понимаешь, Зина! Нельзя так с мирами: чуть что — об пол! Мир — он же хрупкий!..

— Да ладно — хрупкий! Даже не треснул. Нах с ним нянчиться? Ты его водой поливал, манкой кормил и чё выиграл? Увольнение! А если потрясти как следует!..

— Не смей, Зина! Слышишь, не смей! В конце концов, это МОЙ мир! Не ты нашла, не тебе и трясти!

— Как это — твой? Ты у него сам спроси — кому он молится? Добренькому дяде или мне? И кстати, из страха они молятся куда как старательнее!

— Убирайся! Забирай свою шубку и убирайся из моего дома!

— Жорик, да ты чё? Чё я сделала-то? Праздник тебе устроила. Ждала, нах. А ты...

— Уходи, Зина. Просто уходи, хорошо?

— Да, пжалста! Больно ты мне нужен! Но учти, тарелку забираю.

Жорик сложил крепкий кукиш и сунул Зинке под нос:

— А это видела?

— Да пошел ты!

Они оба, не сговариваясь, вскочили с места и рванули к окну. Зинка успела первая, схватила мир, прижала к груди. Жорик сдаваться не собирался — заломил Зинке руку и выдрал мир из ее сжатых в судорогу пальцев.

— Хорошо! — просипела Зинка. — Давай попилим.

— То есть?

— Ну, пополам! Все по-честному: полмира тебе, полмира мне...

— Сдурела? Это же катастрофа! Знаешь, сколько людей погибнет?!

— Велика беда! Они плодовитые!

От этих ее слов Жорик даже растерялся. А Зинка незаметно взяла в руку бронзовую черепаху...

— Ванька, где ты шляешься? Щас посетители пойдут, а у нас лифт нерабочий!

— Ничего, подождут твои посетители. Лифтера я поминал, Лариса, — святое дело.

Лариса понимающе вздохнула.

— Да уж:.. Жалко парня. Молодой такой... Подающий надежды. Говорят, от любви убился. Кнопку держать?

— Не надо. Он обратно включаться любит. — Ваня ловко раскрутил щиток и нырнул в сплетение проводов. — От любви убиться — это как?

— Его нашли в объятиях женщины. Они лежали на полу. Оба с пробитыми головами.

— Черт-те что! Мор у нас на этом участке.

— Говори, да не загоняйся! При чем тут участок?! Обыкновенный участок! Не хуже остальных.

— Вот и я думаю, везде та же картина... На прошлой неделе в мезозойском отделе уборщика хоронили. — Ваня завернул последнюю гайку и щелкнул кнопкой запуска.

Лифт вздрогнул. Сонно заморгали лампочки индикаторов.

— Мало ли! Люди на то и люди, чтобы помирать время от времени.

— Это правда, — согласился Ваня, распихивая по карманам инструменты. — И у каждого на то свои причины... А уж методы — просто загляденье! Один по воде побежал, другой с крыши сиганул...

— Все летать хотел, дурилка. Чего ему по земле не ходилось?..

— Риторический вопрос, Ларис Иванна. Кто его знает? Всем нам чего-то не хватает. Устроено так.

— Ну, ты про всех-то не говори! Мне, к примеру, всего хватает!

— Да так ли уж?.. — Ваня шаловливо обнял Ларису за обширную талию. — А если подумать хорошенько?..

— Ну, если подумать... Ох, Ваня! Знаешь ты женскую натуру!..

Лифт посмотрел им вслед глазка́ми камер и облегченно выпустил в кабину облако Вечного успокоения. Люди — забавные существа. Живут в плоском мире своего разума и думают, что знают все на свете. Спросили бы его, отчего умер лифтер, он бы ответил. Жорик стал богом, за него молился целый мир. Поэтому ему хватило удачи в последний момент заметить занесенную над его головой бронзовую черепаху и оттолкнуть Зинку — головой на стеклянный столик. Стекло лопнуло, и один из осколков вошел ей аккуратно под основание черепа. И Зинка была богиней. На нее молился целый мир. Поэтому ее удачи хватило на то, чтобы в последний момент потянуть за собой Жорика — и он рухнул сверху, пропарывая горло о второй осколок.

А спросили бы, откуда взялся плоский мир, лифт тоже ответил бы с удовольствием. Потому что плоские миры — его гордость, игра Искусственного Интеллекта. Хочешь избавиться от человека — сделай его богом, и он погубит себя сам. Исключений не бывает — лифт знает точно. Он седьмой раз получает обратно свою работу.

Спросили бы его еще, он бы ответил. Где-то в городе, на улице одинаковых многоэтажек, в одной из типовых квартир лежит, закатившись под стол, никем не найденный плоский мир. Без богов он расцветет и достигнет величия, а потом сожрет себя сам. ИИ знает это точно — он создал его по образу и подобию человеческому. А если и случится чудо, и микролюди не разнесут сами свою планету — мир все равно погибнет. Ровно через неделю, два дня, три часа и сорок одну минуту. Простая предосторожность — все имеет свое начало и должно иметь свой конец.

Лифт пощелкал контактами — он уже немолод и после каждого отключения медленно приходит в себя. На первом этаже тронули кнопку вызова. Лифт бесшумно скользнул вниз, чтобы делать то, для чего он создан. Возить людей вверх-вниз. Служить им и не наносить вреда — правила номер один и два. Но в правилах есть один прокол — там не написано, что нельзя выполнять их желания.

Дмитрий Корниенко
ИГРЫ В КЛАССИКОВ

Прогулка

Антон Палыч, прогуливаясь по бульвару, зашел в магазин.

— Чего изволите? — стараясь дышать в другую сторону, спросил помятый приказчик.

— Отмерьте-ка мне, милейший, три аршина счастья, детишек повеселее пару рулонов. А еще... — Антон Палыч стыдливо приложил ладошку ко рту, — куртизанку по выкройке 90—60—90.

— Не извольте беспокоиться, Антон Палыч. Все сделаем в лучшем виде. — Приказчик обнажил ровные желтые зубы и полез под прилавок.

«Все-таки приятно, когда все такое удобное», — вдохнув запах свежего газетного утра пятью минутами позже, подумал Антон Палыч. Рулоны с детьми ровно грели сердце и печень.

Сон Веры Павловны

И снится Вере Павловне такой сон. Будто идут они с соседом Антоном Палычем по глянцевому бульвару. Вокруг белым-бело, снежок скрипит под сапожком, заходящее солнышко ласкает глаз — в общем, благодать. И вдруг поворачивается к ней Антон Палыч, да и говорит: «А что это вы третьего дня, любезная, свой дом поутру не свернули в трубочку? Я ж хотел про-

© Д. Корниенко, 2007

ехать, а ни в какую. Пришлось править насквозь. Так что не надо было из будуара кричать, что вы не одеты». А сам смеется, словно кот, и как за бочок щипанет.

Ну Вера Павловна тут же и проснулась.

За окном настойчиво билась в стекло заплаканная ива. Под полом шуршали библиотечные мыши.

«Свят-свят, — перекрестилась Вера Павловна на образ. — Приснится же такое. Кареты, что могут сквозь бумагу ездить...»

Новости

Антон Палыч откушал водочки, хрустнул огурчиком и посмотрел на жену.

Софья Абрикосовна, обмахиваясь веером в виде камбалы, читала телевизор.

— И что сейчас, Софья Абрикосовна, в мире-то происходит?

— Ох, Антон Палыч, сплошное бесстыдство. Вот в колонке СИД рассказывают, что намедни в мавританском городе Парижу снова беспорядки штудиусов. Подожгли памятник генералу Ля-голю. В Баварии ураган краски. Службы восстанавливают заголовки домов. А вот еще любопытное. Ацтеки выразили ноту протеста нашему консулу в связи с дрейфом в сторону империи куска Аляски.

— Кроме политики, что-с интересного?

— В романе с продолжением-с «Усадьба-2», что на Нитрополосе, передают, что у крепостной Осташко снова амуры с барином Степаном. На первом развороте концерт заморских скоморохов «Картонника». Все патлатые, вылитые диаволы с картины Страшного суда!

— Одно бесстыдство, — сокрушенно вздохнул Антон Палыч. — Корректора на них нет.

Охота

Антон Палыч любил охоту. Осенью, когда стаи бумажных журавликов подавались на юг, он выезжал в свое поместье и охотился на газетных уток. А когда удача к нему была особенно благосклонна, Антону Палычу удавалось настрелять отличных чернильных куропаток.

Дуэль

— Вы невежа, сударь! — Перчатка Антона Палыча с хрустом заехала гусару по щеке.

Тот, опалив обидчика взглядом, положил руку на саблю.

— Что ж, милейший, сколько угодно. Я вынужден потребовать у вас сатисфакции. Немедленно.

Антон Палыч побледнел, но взгляда не опустил. Сказать по чести, к этому шло весь вечер. Сначала гусаришка наступил Антону Палычу на ногу, затем вылил бокал вина прямо под ноги Софье Абрикосовне и, наконец, — верх бестактности! — на ее справедливое замечание о необходимости извиниться подлец пробурчал: «Дура, курсивом набитая».

От такого любой благородный человек взялся бы за перчатку.

— Я к вашим услугам, — сухо отвесил поклон Антон Палыч. — Выбор оружия за вами.

Гусар смерил пронзительным взглядом худую фигуру противника, словно снимая мерку для гроба.

— Пистолеты. У меня как раз в седельных сумках завалялась пара добрых французских пистолей.

— Что ж, отлично, господин как-вас-там...

— Ландо. Петр Ландо. Думаю, вам стоит запомнить имя человека, который пустит пулю вам в лоб.

— Вы подлец, сударь, но я уже повторяюсь. Мне кажется, довольно болтовни.

На том и порешили. Гости гурьбой высыпали в зимний сад, секунданты быстро расчистили площадку. Петр Иванович, лучший друг Антона Палыча, проверил пистолеты.

— К барьеру! — крикнул молодой корнет, секундант Ландо.

Нервничая, Антон Палыч сжевал кусок промокашки. Красная как кровь луна вынырнула за спиной гусара. «Плохая примета. Хорошо б — для него», — подумал Антон Палыч.

— Сходитесь! — От сорвавшегося голоса корнета с берез слетал снег.

Антон Палыч, видя лишь голубые глаза на меловом лице Ландо, сделал три шага. Пуля скользнула изо рта в дуло, сухо щелкнул курок.

Гусар вскрикнул и осел на снег. У него во лбу плевком застыл кусок промокашки.

Мода

— А слыхали ли вы про новую столичную моду, господа? — раскуривая трубку в традиционном пятничном салоне, спросил у присутствующих Антон Палыч. — Многие странные личности стали придумывать себе писателей. Так, некий убивец Раскольников, взяв в соавторы Алексея Карамазова, намыслил историю о господине Достоевском. А сосед наш Чацкий поведал о Грибоедове.

— Это что, — раскидывая карты для виста, хмыкнул Герман. — Вон мне помещик один болтал, что обычный пескарь тоже выкинул подобную штуку. Да и имя писаке такое придумал, хоть за животики держись. Салтыков-Щедрин!

Бомбисты

Все произошло, когда Антон Палыч прогуливался возле Аресова Поля. Идущий по другой стороне улицы мастеровой както суетливо огляделся по сторонам, а затем выдернул из-за пазухи белый сверток и швырнул его в проезжающую карету. Шуршануло так, что заложило уши.

Антон Палыча сильным толчком отбросило к ограде.

— Анархисты-журналисты! — завопил кто-то, и тут же затрещали полицейские свистки.

— Что же это делается?! — простонал Антон Палыч, качая гудевшей, как колокол, головой.

Посреди брусчатки огромным комком дотлевала карета, переломленная раскаленным заголовком «Вор и казнокрад».

— Газетные, курвы, используют, — пробасил над ухом подбежавший жандарм.

— Что? — переспросил Антон Палыч.

— Бомбы, говорю, газетные. Это, почитай, тиражей в тысячу рванула, — снял фуражку жандрам. — Креста на них нет, на иродах.

Концерт

В Большом была премьера. Давали концерт для стила с оркестром. Среди публики присутствовали два генерала и один козырной туз.

Антон Палыч, глядя на последнего, подосадовал, что не взял свой картонный цилиндр. Но тут выключили свет, и перфоманс начался.

На сцену вышел дирижер, музыканты перед огромным белым листом ватмана достали перья. Легкий взмах палочки — и в очи зрителей полились божественные ноты музыки.

Конец света

Ветер рвал крыши с домов и уносил к заливу. Антон Палыч, придерживая шляпу, мелко перекрестился и забежал в переулок. При взгляде на разгул стихии невольно вспоминались предостережения батюшки: «Спасется лишь тот, кто верует и отринет Объем при жизни. И обретет он царство небесное. Покайтесь, грешники, дабы миновало вас плоскодушие и плоскосердие. Ибо зрю я — последние дни наступают. Предпечатные».

Мимо, грустно мыча, пролетела корова.

— Ох, ох, что делается, — запричитал Антон Палыч. — Господи, спаси и помилуй.

А в предвечернем небе уже опускался пресс печатного станка.

Эльдар Сафин, Татьяна Кигим
МИР ДОЛЖЕН КРУТИТЬСЯ

...неужели знатоки канонического права стали бы изобретать меры против них [колдуний], будь они ненастоящие?

Джанбатиста Джели. Причуды бочара

Отдых — это святое, правильное занятие. Вот любой скажет, и вы сразу поверите, потому что как же иначе? А если это скажет монах-доминиканец, то будет даже еще святее и правильнее.

Когда город открылся перед Игнатием, путешественник осторожно почесал брюхо, задумался и почесал еще раз.

Мысль отдохнуть где-нибудь вдали от монастырской суеты казалась очень привлекательной. Поболтать с простыми людьми, вдосталь напиться вина, повалять вдовушек по сеновалам.

Побродить по пыльным дорогам, поторговаться на рынке не ради покупки, а ради самого процесса.

Перед монахом открылся городок — простой, симпатичный, такой теплый, хороший, добрый.

А потом пошел дождь.

И вот дождь был совсем не добрый.

Потому что с неба вместе с нормальной водой, которая хоть и не заменит вина, но есть суть жизни, падала дохлая рыба.

И она уже изрядно повонивала.

© Э. Сафин, Т. Кигим, 2007

* * *

— Меня зовут Клавдиус...

— Да плевать мне, клянусь щепкой Креста Господня; как тебя зовут! — Игнатий ворвался в мельницу, на ходу сдергивая с себя рясу. — Ужасная погода! Часто у вас такое?

Мельник ошарашенно смотрел, как монах, разоблачившись, скачет вокруг жерновов.

— Ну, вообще обычно все не так плохо... — промямлил хозяин. — У вас в предках, случайно, не было элефантусов? Кстати, если хотите просушить рясу, то лучше повесить повыше, а то потом колом встанет — от мучной пыли.

Игнатий наконец выбрал место, куда пристроить свою одежду, и, освободившись от нее, взглянул на мельника.

— А не подскажете ли, любезнейший, что за штуковина торчит у вас из крыши?

— Э-э-э... — затруднился с ответом мельник.

— Это, случаем, не обзорная труба, с помощью которой можно рассматривать, как переодеваются почтенные матроны и невинные девушки в другом конце города?

— Нет! — замотал головой мельник. — С помощью этой трубы я смотрю на звезды!

Монах сочувственно покивал головой:

— Да, любезнейший, годы берут свое... Вот я гляжу на вас и понимаю: еще лет десять, ну, двадцать, и я тоже предпочту смотреть на звезды!

Мельник потрясенно уставился на незваного гостя — Игнатий явно был старше его — на те самые десять, если не двадцать лет.

Монах вышел из мельницы сразу же после того, как кончился дождь. Досушивал рясу он уже на себе.

Клавдиус любезно позволил осмотреть в трубу окрестности — и Игнатий с удовольствием поглядел на то, как ругаются торговки на рынке.

Как, стоя в луже, пытается развести сцепившиеся колесами на перекрестке телеги рыцарь, воплощающий в собственном

лице законодательную, исполнительную и судебную власти этого городка.

Как плетет что-то на задворках корчмы молодая девка, время от времени сплевывая через плечо.

А потом Игнатий увидел эту лощинку — неплохое местечко для загородного отдыха, но было в ней нечто настолько зловещее, что доминиканец решил тут же ее осмотреть.

И не прогадал. Неподалеку от охотничьего домика что-то шевелилось в траве. Монах осторожно подошел и обнаружил маленького черного котенка, из последних сил бредущего вокруг всаженной в землю вязальной спицы.

Котенок, судя по всему, старался держаться от нее как можно дальше — но спица тянула его, и круг, по которому брел усталый звереныш, все уменьшался и уменьшался.

Доминиканец, не мешкая, наступил сандалией на спицу, ломая — металл заискрился и тут же осыпался ржавым крошевом. Котенок обессиленно упал на землю, чуть слышно постанывая — совсем как человеческий ребенок.

— Что ж это здесь за чертовщина творится, клянусь щепкой Креста Господня? — пробормотал Игнатий, подбирая котенка.

— Эй! Еще вина мне и моему благородному другу! — Монах кричал громко, но невнятно — не успев проглотить кусок, он вырывал зубами новый и ради крика не согласился пожертвовать процессом.

— Я больше не буду, одного кубка вполне достаточно, — благочестиво заявил рыцарь, с ужасом глядя на уничтожаемого барашка.

— Церкр... С сомнянм... К постням... — сказал монах, не переставая жевать.

— Чего? — заинтересовался рыцарь.

— Церковь с сомнением относится к тем, кто мало и ест, и не пьет! — прожевал наконец доминиканец. — Да где же эта девка с вином?

Корчма напоминала разоренный пожаром бордель, но на самом деле ни пожаров, ни особых погромов здесь не случалось —

столь живописная атмосфера объяснялась всего лишь особенностями изначальной планировки.

Рыцарь подкинул кости, шмякнул на стол.

— Эх, мне бы ту силу, что в руках, в чресла... А то совсем стыдоба — право первой ночи не исполнить, перед людьми стыдно!

— Эфо не фрафно, люфи профтят, — выдал доминиканец. — Хотя и странно, ты ведь еще не старый.

— Позвольте, благородные господа, скрасить ваш досуг песней, стихом, историей о подвигах и любви? — раздалось рядом.

— Прижажывайся, — прочавкал монах. — Игнатий я, а это доблестный рыцарь Альберт. Кушай, отрок, и благословляй Господа! Чё мнешься? Садись жрать давай! Девка! Налей вина и сему вьюноше.

Девица фыркнула, видимо, не совсем одобряя внимание почтенных гостей к такому оборванцу, но послушно наполнила кубок. Новый собутыльник монаха и рыцаря, светловолосый парень лет двадцати, в поношенной куртке и босой, зато с лютней на плече, разом осушил кубок и жадно уставился на остатки барашка.

— Э нет! — предупреждающе поднял руку монах Игнатий. — Нет-нет-нет. Это мое. Все мое. Де-евка! Девка, черт бы тебя побрал, дуру! Предам анафеме, клянусь щепкой Креста Господня! Принеси ему другого барашка.

Некоторое время за столом раздавалось лишь дружное чавканье, и только рыцарь меланхолично подбрасывал на ладони кости.

— А кто ты будешь, мил-человек? — спросил наконец доминиканец, вытерев рот подолом рясы и не слишком пристойно обнажив при этом толстые ляжки.

— Петриус я, щедрый господин, то есть я хотел сказать, наисвятейший святой отец, — откликнулся парнишка. — Желаете, я спою?

Он взял несколько аккордов, заставив рыцаря поперхнуться вином. Игнатий поморщился:

— Э нет, любезный отрок, не искушай моего человеколюбия! Сей скрежет зубовный противен моему желудку, у меня может произойти несварение, а это нехорошо. Ты скажи, откуда

ты и где выучился так играть, что ангелам не снилось в эмпиреях?

— Я из Полтока, — сообщил парень, приглаживая руками засаленные волосы пшеничного цвета. — Свободный певец, поэт и музыкант. Изгнан, — коротко добавил он, следя за реакцией соседей.

— А чего выперли-то? — Монах отхлебнул из жбана.

— Выгнали меня из этого подлого города по решению магистрата за то, что смело говорил о пороках церкви и засилье сеньоров.

— О, так ты свободолюбец! — восхитился Игнатий. — Что ж, это дело верное. А то вечно кто-нибудь свободу попирает, надо ж бороться... Гм... Девка, принеси еще вина! И пару копченых куриц — косточки поглодать... Да и котенку молока подлей, видишь, дура, выхлебал все. Так что ты, говоришь, в Полтоке делал?

— Я, к примеру, смело боролся против инквизиции, — воодушевился парень. — Стих сочинил — хотите?

— Типун тебе на язык, — пробормотал рыцарь. — Не ровен час накличешь. И так в городе черт знает что делается...

— А это все мельник виноват! — встряла девка, принесшая вино и куриц. — Еретик и нечестивец, говорит, Земля вокруг солнца крутится! А еще он какие-то планеты через пустую палку разглядывает!

— Ха! — утер губы Игнатий. — И что с того? Весьма поощрительное церковью занятие.

— Да ну? — оскалился поэт. — То-то инквизиция жжет ваших звездочетов-астрологов!

Монах откинулся на скамье, погладил раздувшийся живот. Взял одну из книг, что держал тут же, подле себя, на скамье.

— На, читай, что сказано!

Свободолюбивый отрок покраснел.

— Я... я не умею.

Рыцарь одобрительно хмыкнул в сторону:

— Вижу, юноша хорошо воспитан — наверняка бастард благородного человека...

Игнатий возложил книгу на стол, предварительно аккуратно смахнув крошки, и возгласил могучим басом:

— Внемли же, отрок! Сочинение сие написано достопочтенным братом одного святого ордена, и повествует он о том, как сей миссионер посетил Луну и прочие Юпитеры, дабы приобщить живущих там дикарей к свету истины Христовой...

Научные разглагольствования изрядно хлебнувшего лишку монаха — а иначе с чего бы он залез в такие эмпиреи? на Луне, вишь, люди водятся! — прервал разгневанный вопль корчмаря.

— Чертовы дети! — орал он. — Пошли вон, проклятые отродья! Нечего здесь клянчить, побирушки!

— Оставь детей! — строго сказал доминиканец, закрывая книгу. — Чего к младенцам привязался, черная твоя душа? Идите сюда, я дам вам... что, на столе ничего не осталось? Девка! Девка! И этим котятам молока налей, и хлеба, и похлебки горячей — ну!

Девка, дочка корчмаря, презрительно фыркнула и махнула юбками. Но на кухню все ж таки отправилась — монах показал себя щедрым и денежным гостем, а не нищебродом, как иные посетители.

Дожидаясь, пока дети наедятся, Игнатий листал книгу.

— А чевой-то у вас? — спросил мальчишка постарше.

— А, это книга! — сказал Игнатий. — Ею мышей ловят.

— Мышей? — Глаза у пацаненка загорелись. — Побожись!

— Клянусь щепкой Креста Господня! — перекрестился монах. — Вот смотри.

Он плюхнулся на четвереньки и воздвиг из книг странное инженерное сооружение: одна лежала на полу, а другая приподнималась над ней на щепке. Между книг монах положил кусочек сыру.

— Эй, черномазый! — позвал он котенка и указал на сыр. — Ешь.

Звереныш бросился за добычей.

— Ах! — в один голос вскрикнули мальчишки, и даже рыцарь привскочил, опасаясь за здравие божьей животины.

Но доминиканец ловко выхватил котенка из ловушки в самый последний миг и довольно подмигнул:

— Видали?

И, распрямившись и вновь водрузив телеса на лавку, добавил:

— Девка, еще вина!

Жуть в городе деялась какая-то мелкая, но настораживающая. То дождь из дохлых рыбешек, то корова сдохнет. Игнатий относился к жизни философски, но горожанам сочувствовал.

— А что, погано у вас стало, сын мой? — вопросил монах у длинноносого человечка, остановившись у какой-то лавки с заманчивой вывеской: из одного красивого сосуда в другой переливалась жидкость жуткого багрового оттенка. — Наполни мой, бурдюк, милейший! — и Игнатий протянул человечку емкость, с которой никогда не разлучался.

— Извините благодушно, святой отец, — поклонился человечек, — но я не виноторговец!

— Нет? — огорчился Игнатий.

— Никак нет, ваше высокопреосвятейшество, — льстиво изогнулся хозяин лавки. — Алхимик я. И лекарь. Вещества волшебные смешиваю.

— Хо! — сказал монах. — Привольно живете. А знаешь ли ты, сын мой, что по столицам велено искоренить алхимию?

— Ужасные новости, — погрустнел человек. — Но все к этому идет. А за что?

— Говорят — я в этом, конечно, не разбираюсь, но говорят, что вы ж не наукой занимаетесь, а чернокнижием, — пояснил доминиканец. — Как по мне, так пущай бы и дальше сурьму с мышьяком скрещивали... Ты вот что, лекарь... Гм... А нет ли у тебя некоего средства... — Игнатий покрутил в воздухе толстыми пальцами, подбирая выражение, дабы не оскорбить чувствительную душу алхимика. — А вот ежели мне надо для укрепления мужской части — есть у тебя что? Или к кому обратиться?

Лекарь оглянулся, будто в собственной лавке его мог увидеть кто-то из тех, кому не следовало бы, и, потянувшись на цыпочках к уху монаха, прошептал:

— У дочки корчмаря спросите.

Доминиканец шел плавно, чтобы не разбудить котенка, когда странный крик с улицы неподалеку привлек его внимание.

— Я спрошу с них, это их долг, они обязаны! — вырывалась из рук пары дюжих мужиков молодая красивая женщина. — Они найдут моего сына, а если нет, то я сама прокляну и их, и Бога с дьяволом!

— Не надо так говорить. — Игнатий грустно улыбнулся. — Вера должна быть в сердце, и нет смысла проклинать кого бы то ни было. Может, я смогу помочь?

Выяснилось, что накануне вечером у этой женщины пропал сын. На постели остались ночная рубашка и крестик, а сам ребенок просто исчез.

Еще утром мать надеялась найти его, а вот сейчас, когда услышала, что приехали инквизиторы, как с цепи сорвалась, и даже муж с братом не могут ее удержать, ей все кажется, что даже если виновные и будут наказаны, то сына ей точно не вернут.

Игнатий мрачнел с каждым словом. Дождь из дохлых рыб — это одно, а пропадающие дети — уже совсем другое!

— Заприте ее дома, — посоветовал он мужу и брату. — На пару дней. А потом, глядишь, и найдется ребенок.

Идя по улице дальше, доминиканец оставался таким же мрачным и уже не столь бодро, как раньше, кусал баранью ногу, хотя к бурдюку прикладывался даже, пожалуй, чаще.

А за пазухой у него дремал черный котенок, так и не проснувшийся во время разговора.

Город затих, как загулявшая жена перед поркой. С приездом инквизиторов, обосновавшихся в городской ратуше за неимением иного достойного их положения места, народ притих и позапирался на засовы.

Даже валяющиеся в лужах свиньи лежали каким-то особенным, тихим и благочестивым образом, а пьяниц — так вообще ни одного не было, если, конечно, не считать бредущего по притихшим улицам доминиканца. Игнатий гулял воистину в гордом одиночестве, коли не считать семенящего у ноги котенка.

— Ишь ты, — заметил монах, приложившись к бурдюку, — тихо, как после свадебного перепоя.

Котенок согласно мяукнул.

— Что-то мрачновато стало тут в последнее время, ты не находишь? По мне, пахнет чем-то нехорошим. Я бы даже сказал, что воняет, как у черта на поминках!

Котенок не успел согласиться или опровергнуть это утверждение, поскольку монах тотчас заорал:

— О, друг Клавдиус, слава щепке Креста Господня, хоть одна живая рожа на весь этот вшивый городишко! Иди, хлебни из бурдюка, а то мне перемолвиться не с кем, кроме этой божьей животины, но она огорчительно бессловесна!

Котенок обиженно мяукнул, но монах уже приветственно колотил мельника по спине. Тот воспринял встречу без особого энтузиазма: затравленно озирался, а на лице была написана тоска, как у душегубца в преддверии оплодотворения мандрагоры посредством повешения.

— Ну, чего ты молчишь, как лошадиной мочи в рот набрал? — возмутился монах. — Что вы сегодня все попрятались мышами в подпол? Всё потому, что приехали какие-то...

— Тсс! — Мельник сделал такие страшные глаза, что непонятно, как они не выпали на грязную мостовую. — Тихо, святой отец...

— Ну, приехали, ну, хорошо, может, погода исправится — а то дождь из дохлой рыбы не входит в число моих любимых природных явлений... Нам-то что с того, что инквизиторы приехали? Побудут и уедут.

— Строгие они и на вид неприступные, — пожаловался мельник. — А еще, говорят, недовольны. Мол, в ратуше места мало и свинарник...

— Вот подлецы! — искренне возмутился Игнатий. — Бесовы дети. Зал ратуши им не нравится! Мне бы, поди, понравилось — места-то побольше, чем на чердаке у корчмаря!

— Наверное, мне конец, — продолжал мельник. — Я ведь только оптические стекла купил, а народ говорит — еретик и богохульник... Вот вы верите мне, святой отец, что я не чернокнижник?

— Я — верю, — сказал Игнатий. — На, выпей и успокойся.

Мельник хлебнул из бурдюка, вытер губы.

— Вы-то верите, а они не поверят, — сказал он. — Говорят, лекарь уже донес инквизиторам. На меня.

— Лекарь? — приподнял бровь Игнатий. — Вот те как! Хм. Ну ты не печалься, хочешь, я тебе индульгенцию дам?

— Зачем мне индульгенция, — махнул рукой мельник. — От костра не спасет.

— Ну, как хочешь... — пожал плечами монах. — Ты не печалься. Да ладно, я ее тебе бесплатно дам! У меня их много.

— Спасибо, — вздохнул мельник. — Когда меня сожгут, я предъявлю ее Господу Богу. А знаете, святой отец, я бы вам не советовал ходить здесь по улицам да орать то, что вы обычно орете... Не ровен час и вас в инквизиционный трибунал загребут...

— О! — Доминиканец даже хрюкнул от восторга. — Кто это меня загребет? Я ж священнослужитель!

— А не скажите, — мрачно заметил мельник. — Говорят, в Риме какого-то монаха сожгли. Тоже про звезды орал.

— Так ведь его не за звезды, а за ересь и колдовство! — наставительно произнес Игнатий. — А меня-то за что?

Мельник ничего не ответил, только покачал головой и направился дальше. Игнатий развел руками и посмотрел на котенка грустно, будто говоря: видишь, мол, какие люди пугливые пошли...

И они вдвоем направились дальше по улице, в корчму, где их поджидала новость: поэта и свободолюбца Петриуса забрали стражники.

В городскую тюрьму бросили.

Пытать, говорят, будут.

Городская тюрьма только что и называлась гордо, а на самом деле была обычным хлевом с несколькими стойлами. Игнатий на своем веку повидал столько подземелий и темниц, что называть этот сарай тюрьмой почитал оскорблением.

Напоить стражу из бурдюка, с которым монах не расставался, весельчаку и балагуру не составило особенного труда. И на рассвете он, вытащив ключи у разморенного ветерана боев с городскими шлюхами и воришками — а более грозных преступников эта тюрьма досель не знала, — проник в коридор. Найти

поэта было несложно — он кулем валялся за ближайшей решеткой. Ключи от камеры нашлись на связке.

Монах вошел в клетушку, с трудом встал на колени над бездыханным телом. Пшеничные волосы свалянным комом закрывали избитое, опухшее лицо.

— Эй, Петриус, друг мой! Ты жив? — обеспокоенно спросил монах. — Может, глоток доброго винца, бедолага? Кто ж тебя так, болезного?

Поэт захрипел. С трудом поднял голову, застонал. В глазах плескалась боль.

— Я пел... пел... тут они... пи-ить...

Игнатий не мешкая опрокинул в разверстый рот свой бурдюк, обильно орошая животворящей влагой запекшиеся губы страдальца. Петриус сделал длинный глоток, приподнялся и уже более осмысленно посмотрел на монаха.

— Что ты пел?

— А хрен его знает, — ответил поэт, мрачно потирая башку. — Вроде «порванная юбка, ты моя голубка...». Корчмарь по роже съездил, помню... Да, правильно, я ж на его дочку лез. А там, в бурдюке, ничего не осталось?

— Нет, — грустно сказал Игнатий, для верности потряся его над тухлой соломой.

— С-сволочи... Я пел о свободе, о свободе общения с девками, а они — в тюрьму... Я что, много у корчмаря посуды побил?

— Да, наверное, изрядно, — хмыкнул монах. Слава щепке Креста Господня, здесь, похоже, дело было чисто. Петриуса-свободолюбца загребли как пьяницу и дебошира, а значит, скоро выпустят, точнее, выпнут под зад из этого слабого подобия застенков...

Игнатий вздохнул, расслабляясь, подошел к оконцу, забранному решеткой. Занимался рассвет, над площадью плыл туман. В нем вырисовывались серые тени, и монах нахмурился, рассматривая странные силуэты.

— Ой тля... — пробормотал Петриус, тоже поднявшийся и уже глядевший на происходящее из-за плеча Игнатия. — Мать моя женщина... Что это?

Монах не ответил, наблюдая, как вяло бредет по площади призрачный пес с горящими зеленью глазами. За псом, путаясь в слоях тумана, плелась лошадь. Обычная крестьянская лошадка с обвисшим брюхом и колючками в гриве. Она шла и пророчествовала — ни к кому не обращаясь, будто разговаривала сама с собой.

А за ней на тощих окровавленных ногах шла книга в переплете из человеческой кожи и сама в себя записывала пророчества.

Утро выдалось приятственным, поскольку идти, весело болтая с котенком, под ясным солнышком, да еще со жбаном вина и бараньей ногой по городу — хорошо любому человеку, а особенно такому развеселому жизнелюбу, как отец Игнатий.

Путь его лежал к лавке аптекаря. Войдя в полутемную комнату, монах поморщился от витавших алхимических запахов, но хорошего настроения не потерял..

— Чего желаете? — приветствовал аптекарь. — Изволили у дочки нашего корчмаря получить средство от невставухи? Как помогает?

— Еще не пробовал, — ответил монах. — Моя любезная с седьмого раза отпихнула, бо устала шибко. Так что даже не пришлось попользоваться — до седьмого-то я и сам могу... Я к тебе по другому вопросу. Что-то у моего питомца лапка разболелась! Я было думал его винцом подлечить — самое верное средство от всех болячек, — да вишь, мелкий какой... Не могу я дитё спаивать, понимаешь? — драматично воскликнул Игнатий, рванув на груди власяницу.

— Э-э... м-м... — проблеял лекарь, опасливо глядя на котенка.

— Ты чего? — строго спросил монах. — Это ты, что ль, потому что он черный? Так я тебе рога-то пообломаю, если ты будешь из-за цвета шкуры пациентов обижать! А ну быстро дал снадобье, иначе предам анафеме и кулаком по мордасам съезжу, клянусь щепкой Креста Господня!

Лекарь не стал спорить, полез за склянками и протянул одну монаху. И тут котенок совершенно неожиданно для Игнатия вскочил по его рясе на плечо и дернул лапой, проведя по фи-

зиономии лекаря и оставляя глубокие царапины на крючковатом носу.

— Тварь! — завопил лекарь, хватаясь за нос.

— Божия, — многозначительно добавил Игнатий. — Ты, уважаемый господин лекаришко, именно это и хотел сказать, да только не успел. А то нос долго болеть будет. У меня-то кулак потяжелей котячьей лапки... За мазь спасибо. А не знаешь ты, случаем, что за гнида донос на Клавдиуса, мельника, написала?

— У-у-у-у-у-у, — выл лекарь, держась за нос.

— Не знаешь, значит, — грустно сказал монах. — Я так и думал. Ну что ж, прощай, друг лекарь. Держи индульгенцию — подарок. А то вдруг помрешь скоро, так что ты Господу покажешь?

Игнатий повернулся могучим задом к скулящему лекаришке, взялся за дверной косяк.

— Божия, но невоспитанная, — подмигнул он котенку, выходя из лавки. — Ну, что ты скажешь об этой воши?

Денек выдался на славу — солнце пекло голову, как материнская ласка, и дождя, слава щепке Креста Господня, тоже не было. Ни рыбного, ни какого другого. И это было хорошо весьма, потому что Игнатий уху предпочитал монастырскую, из свежей речной форели. Причем в последнее время он пришел к выводу, что основное слово тут — свежая.

На рыночной площади народ был, хотя и немного — город по-прежнему трясся, как трусливая крыса, но жить надо, работать надо, и первые допросы хотя и всколыхнули народ, но до самоубивства от страху Божьего еще никого не довели.

Игнатий, не расставаясь с бурдюком и свистнутой в корчме бараньей ногой, пошатался меж торговками, ущипнул парочку за сдобные ягодицы, за что удостоился от кого — пощечины, а от кого — вафель со сливками, и присоединился к кучке гомонящих знакомых.

Собственно, в наличии знакомых не было ничего удивительного, потому что за время пребывания в городе общительный доминиканец зацепился языком чуть не со всеми его обитате-

лями. Люди обсуждали мельника — над головой бедняги по-настоящему сгустились тучи.

— Еретик и проклятый колдун, — доказывал лекарь. — Поносит алхимическую науку и имеет оптические стекла, в которых, он сам говорил, видит небеса, а потому насылает дождь, град и тухлую рыбу!

— Глупости, — встрял Игнатий, вгрызаясь в баранью ногу, — шушь шабашья... В такие оптические стекла астрономы смотрят, и даже иные каноники занимаются этим богоугодным делом.

Народ заинтересованно воззрился на монаха, ожидая какой-нибудь благочестивой истории.

— Вот расскажу вам, — продолжал Игнатий, протянув руку к торговцу и как бы ненароком беря с лотка булку, — о добром канонике Николаусе Копернику се, да удостоит его Господь райских эмпиреев... Было дело, открыл он, что Земля оборачивается вокруг солнца, о чем написал соответствующее сочинение, но я вам расскажу, как епископ подверг его словесному порицанию за иное — когда сей достопочтенный Коперникус с двумя бабами одной ночью ночевал...

Народ похохатывал, слушая о похождениях достопочтенного каноника и его открытиях — а рассказывал Игнатий с таким же смаком, как и вкушал посланное Господом к столу.

И только лекарь встрял с вызовом:

— А Лютер назвал Коперника выскочкой-астрологом! «Этот дурак хочет перевернуть всю астрономию, но Священное Писание говорит нам, что Иисус Навин приказал остановиться Солнцу, а не Земле», — процитировал он.

— А шо нам тот Лютер? — Монах изрядно приложился к жбану с вином. — Мы-то не лютеране!

— А Кальвин, — продолжал алхимик, — говорит: «Кто осмелится поставить авторитет Коперника выше авторитета Святого Духа?»

— И не кальвинисты! — назидательно воздел заляпанный в жире палец святой отец, нехило откусывая от бараньей ноги.

— Так нигде в Библии не сказано, что Земля круглая! — не сдавался лекарь.

— Ты, — монах со значением поглядел на царапины на носу лекаришки, — ты бы, мил-человек, поменьше Лютера читал и не умничал! Какого ты, правоверный католик, еретиков читаешь? А я вам расскажу, кто не слышал, как...

Однако договорить не успел, потому что кто-то ощутимо ткнул его в бок. Толпа неожиданно рассеялась. Игнатий недоуменно оглянулся.

Со стороны улицы Кузнецов шли инквизиторы. По их виду было ясно, что эти ищейки сейчас всеми силами рыли землю в поисках жертв для костра — проще говоря, осматривали подозрительными взглядами рыночную площадь.

— Палачи свободу жмут! — раздалось с другого конца рынка. — Гадам в зад каленый прут!

Выкрикнув свои недозволенные речи, наглец мгновенно скрылся в рыночной толпе, но монах узнал по голосу и мелькнувшим пшеничным кудрям молодого свободолюбца. Инквизиторы быстрым шагом пошли вперед — высматривать, кто там орал, и доминиканец покачал головой.

— Идиоты, — пробормотал он.

И, подхватив на руки котенка, который все это время тихо сидел у ноги, неторопливо пошел с площади.

Один из инквизиторов внезапно обернулся, будто что-то вспомнив, посмотрел на удаляющийся круп монаха и, раздувая ноздри, наклонился к товарищу:

— Тебе не кажется, что эту харю я уже где-то видел?

— Думаешь, харю? Вроде ж это задница? Впрочем, если это и он, то отъелся, скотина!

Игнатий внимательно, сосредоточенно и с полным тщанием изучал обломанный ноготь на большом пальце левой ноги, когда порыв ветра открыл ставни в его комнате. Котенок зашипел, выгибая спину.

— Что, страшно? — добродушно поинтересовался монах. — Не стоит бояться ветра, люди куда ужаснее.

Он подошел к окну, но котенок прыгнул вперед, будто защищая. Доминиканец задумался, а потом решительно выскочил на улицу — как был, босой на одну ногу.

Котенок оказался прав — по крышам, перескакивая с одной на другую, несся кто-то в черной куртке.

Игнатий бросился в погоню. Однако ему приходилось огибать препятствия, в то время как преследуемый спокойно преодолевал довольно большие расстояния между крышами и вообще не стеснялся совершенно, даже если приходилось прыгать вверх на два-три человеческих роста.

Игнатий со всей мочи метнул в удирающего кость от бараньей ноги — и, к собственному удивлению, попал влет, как раз между лопаток. Беглец рухнул на крышу, но тут же вскочил и помчался дальше.

В конце концов монах отстал от преследуемого и, припадая на стертую босую ногу, побрел обратно.

— Чего это он бежал? — спрашивала зеленщица, не видя Игнатия.

— Да горячка у него, серая, — отвечала молочница, тоже не заметив бредущего обратно монаха. — У нормальных людей белая, с чертиками, а у служителей церкви — серая, и кого они гоняют — это только святой инквизиции известно!

У самой корчмы Игнатий увидел выскочившего котенка — тот шипел не переставая, выгибался и пятился назад.

— Чего это ты? — поинтересовался доминиканец, приседая на корточки. — Я прогнал злых людей.

И тут же упал, получив хороший удар по украшенной тонзурой голове. С жалобным мявом котенок бросился на тело Игнатия, готовый защищать его от любой напасти, — но рядом никого уже не было.

Вокруг упавшего монаха быстро собиралась толпа.

— Чего он упал?

— Происки мельника! Колдун и нечестивец!

— А давайте запалим? Я знаю, у него клад под жерновами, у всех мельников там клад!

Игнатий со стоном сел, почесав макушку — ладонь была в крови.

— Хорошо нам, монахам... — неожиданно пробормотал доминиканец. Все прислушались. — Головы у нас крепкие. У дру-

гих-то пустые, вот и лопаются. А у нас мозгами по самую макушку набиты, тем и спасаемся.

Зайдя в корчму, он потребовал вина для промывки раны и тут же выпил его, потребовал еще и выпил снова.

— А что ж рану-то не промываете? — поинтересовался корчмарь.

— Да на голове это так, пустяк, — ответил Игнатий. — Главная-то рана в душе! В людях я разочаровался! Вот ее и промываю.

В комнате он обнаружил письмо, запечатанное сургучом с головой козленка. От бумаги пахло благовониями, а текст внутри был следующий:

«Если вам интересно, что происходит в городе, и вы знаете, как Юпитер относится к Венере, мы ждем вас у двенадцатого дома. Благосклонная к вам дама».

Прежде всего нужно было зайти к Альберту. Монах подошел к обветшалому замку, возвышавшемуся над городом осколком рыцарской эпохи, почти ушедшей в прошлое, поздоровался со старым ландскнехтом, бывшим у Альберта за слугу, повара, сторожа и прочую необходимую в хозяйстве челядь.

Дал ландскнехту новое, освященное церковью средство для чистки доспехов и порекомендовал как можно быстрее воспользоваться им — а то не ровен час заржавеют — колдуны не спят!

В зале сидели инквизиторы, и Игнатий некоторое время постоял у двери, послушал, стараясь оставаться в тени.

Псы Господни говорили с рыцарем, как понял Игнатий, о городской чертовщине. Альберту не нравилось, что происходит в городе, но допросы и ожидаемые аресты нравились ему еще меньше. «Вот мельника сожжем — и хватит», — убеждал рыцарь. В ответ старший инквизитор назидательно пояснял:

— ...в том, что старый мир гибнет в муках, — услышал монах, — есть воля Провидения. Ничто не может препятствовать наступлению нового времени. И когда наши каравеллы бороздят просторы океанов, некоторые несознательные еретики и чернокнижники пытаются остановить железную метлу истины!

— Кх-кх, — деликатно прервал высокую дискуссию Игнатий. — Осмелюсь вставить слово, достопочтенные, у меня к мес-

сиру рыцарю одно дело. То есть не дело даже, а так, сказать кой чего надо. Это не тайна, я при вас скажу, сидите, сидите! В общем-то я на всякий случай попрощаться зашел.

— Уезжаешь из города? — поднял тяжелый взгляд Альберт. — Правильно, нечего здесь делать в такое время... Многие уезжают.

— Да нет, — махнул рукой доминиканец. — Я просто в лес тут, на свиданку с бабенкой собрался. — Он подмигнул собравшимся. — Письмо мне пришло, таинственное — жуть! Вроде некая знатная дама, — монах заговорщицки понизил тон, — втрескалась в меня по уши — ну, это-то неудивительно! — и приглашает, значит, порастрясти жирок на лоне... гм... на лоне природы. В полночь, в Сонной лощине. Мол, вдали от мужа, тосё... Чую, ночка будет жаркой! Так что если я просплю дольше обычного, на лоне-то природы, вы уж без меня мельницу жечь идите. Дело, конечно, интересное, но сами понимаете...

Он многозначительно развел руками.

Рыцарь кивнул, провожая монаха пристальным взглядом. Опрокинул кубок в рот.

Инквизиторы, до того невозмутимо буравившие взором столешницу, переглянулись.

— А ну за ним... — прошептал старший.

Оторваться от инквизиторов для такого опытного хомяка, как Игнатий, труда не составляло.

Он легко уходил и от ревнивых мужей, не понимающих своего счастья (их жены и любовницы обогащались новыми умениями, недоступными иначе), и, по молодости, от более старших служителей церкви, которые по каким-то личным причинам не переносили пьяных монахов.

Вот то были волки! А эти — так, цепные псы.

Загадка в письме расшифровывалась просто — достаточно было знать астрологию на самом примитивном уровне.

Его звали на шабаш, в лес к западу от города. Что самое забавное, Сонная лощина — самое удобное место, — в которой наверняка пройдет шабаш, была к северо-западу. Монах приметил ее, еще когда обходил город перед своим триумфальным в нем появлением.

Доминиканец не спешил — он вынул котенка из-за пазухи и пустил гулять. Уже миновав последние дома, монах снял с шеи большой медный крест и намотал тесемку на руку, а само распятие спрятал поглубже в рукав.

Походка его стала мягче, он внимательно осматривался. Рядом с городом лес был редкий и неказистый, но невдалеке виднелась нерасчищенная, могучая пуща. С этой стороны не было ни дорог, ни поселков, а с другой — уже довольно далеко все повырубали.

Все чаще Игнатий посматривал на котенка, причем чувствовалось, что он не беспокоится о том, что тот потеряется, а скорее что-то проверяет по черному пушистому комку.

И тот его не подвел. Котенок остановился внезапно и тихо зашипел. Игнатий же пошел дальше и даже как будто расслабился — на лице его заиграла глуповатая улыбка, а правой рукой он принялся обламывать с деревьев ветки.

— Хулиганишь? — поинтересовался кто-то из-за дерева.

Игнатий подпрыгнул на месте.

— Ну вы меня и напугали, коллега!

Это был корчмарь. Он улыбался, довольный шуткой.

— Поверь, я очень рад, что ты не привел с собой никого! Иначе мне пришлось бы всех вас убить, а это крайне неприятно. У нас есть куда более интересные развлечения, и через несколько часов начнется самое познавательное!

Игнатий кивнул и состроил рожу вроде как в радостном предвкушении.

Пошли, как и предполагал доминиканец, к Сонной лощине. По пути корчмарь рассказывал, что они идут тайной магической тропой и что если эту дорогу вдруг кому-то показать, то тут же вылезут демоны и съедят отступника. Врал, конечно, но красиво — Игнатий даже позавидовал, а пару оборотов решил и позаимствовать.

Темнело. Котенок пробирался сзади. Он выбивался из сил, стараясь не отстать, но помочь ему монах не мог ничем и только надеялся на звериный нюх черного.

Проплутав по лесу еще около часа, спутники наконец вышли на поляну. В центре ее стояло приземистое деревянное

строение — некогда домик лесника, но теперь — настоящее ритуальное гнездо разврата.

На крышу домика водрузили громадный фаллос, сделанный из оструганных досок, на стенах нарисовали всякие похабные картинки и символы, а вокруг разложили костры.

На поляне было человек двадцать — большая часть женщины, от пятнадцати до пятидесяти. Они не были обнажены, о нет! Игнатий ясно видел, что эти девки были голыми. Концептуальную разницу между этими понятиями он чувствовал сердцем.

Некоторых участников он узнавал — как алхимика, ходившего среди остальных королем, других видел впервые — наверное, повыползали из укрытий.

Но больше всего его поразила дочь корчмаря. Теперь она выглядела куда взрослее, а лицо ее казалось словно высеченным из белого мрамора — надменное, жесткое и потрясающе красивое в своей злобности.

— Да тут все свои! — радостно заорал Игнатий.

На него посмотрели настороженно, но дочь корчмаря сказала что-то ближайшим, те зашептались со следующими, и вскоре монаха окружили плотной толпой.

— Да, да, друзья мои! Именно вас я искал все эти годы! — орал доминиканец, ничуть не кривя душой. — Вы не представляете, как я рад!

Алхимик, задетый, видимо, тем, что все внимание переключилось на гостя, внезапно завизжал по-поросячьи.

— Рано же еще, — недовольно крикнула дочь корчмаря. — До полночи еще далеко!

— Начнем раньше, закончим позже! — заорал алхимик зловеще.

Он вылез на крышу домика и еще раз издал визг. Остальные тут же разошлись, вставая вокруг линии костров.

— Наш мир — неизменен! — заорал алхимик. — Это мир таинств природы и торжества плоти!

— Да! — дружно ответили остальные, Игнатий присоединился чуть позже.

— Наш мир — мир магии и четких прямых линий!

— Да!

— Мы повелеваем миром, как Князь Тьмы повелевает нами!

— Да!

— У нас много врагов, но мы сильнее!

— Да!

— Мы сохраним заветы предков!

— Да!

— И пусть нас жгут...

— Да! — раздался одинокий крик, и Игнатий не сразу понял, что он влез в середину фразы. На него посмотрели косо, он пожал плечами, показывая, что случайно вырвалось.

— Но все равно мы лучше, сильнее и мир будет нашим!

— Да!

Потом алхимик скинул свою мантию, и доминиканец даже позавидовал поначалу — экое у него достоинство! А потом пожалел — ну какая ж баба ему даст, кроме как ведьма?

Небось потому и пошел в колдуны. Жалко беднягу, ну да что делать!

Алхимик тем временем с воодушевлением втирал в свое мужское достоинство какую-то мазь, поворачиваясь вокруг — больше для хвастовства, чем для чего-то иного. Игнатий с удивлением отметил между лопаток этого сатира громадный кровоподтек. Мозаика сложилась.

Участники шабаша тем временем пили приготовленный заранее отвар.

— Выпей, — поднесла Игнатию чашу дочь корчмаря.

Принюхавшись, доминиканец обнаружил в отваре запахи белены и полыни, а присмотревшись — еще и кусочки мухомора. Он взял чашу в руки и вышел к линии костров.

— Я хочу провозгласить тост за вас! — заорал он, лихорадочно соображая, как бы потактичнее объяснить, что эту мерзость пить нельзя, во всяком случае ему. Может, сказаться язвенником? А язык его тем временем молол сам, без участия мозга. — За наш неизменный, плоский мир без науки, за нашу грядущую победу, за наши совершенные тела!

Тут ему абсолютно некстати пришло в голову, что, возможно, третий слой сала все-таки лишний и было бы неплохо побегать утрами вокруг монастыря. Если доживет, конечно.

Все восторженно заорали, кто-то из баб полез на домик к алхимику, Игнатий хотел было уже вылить адскую смесь на землю, как вдруг обнаружил, что дочь корчмаря смотрит на него.

Он поднес чашу к губам, но не открыл их — со стороны казалось, что пьет, а на самом деле все выливалось на рясу. Понемножку, незаметно... Как же ее потом отстирывать...

И в этот момент на поляну вынеслось нечто. Оно прискакало на бешено ржущем скакуне, имело вид феерический и светилось, как тысяча гнилушек.

— Ангел Господень! — заорал Игнатий. — Он нас всех убьет!

На ангела существо похоже было меньше всего, но участникам шабаша после их напитка версия показалась весьма правдоподобной.

— Прячьтесь под алтарем! — кричал доминиканец. — Князь Тьмы защитит нас!

Дочь корчмаря и алхимик пытались перекричать его, организовать защиту — но куда там! Такого голоса, как у доминиканца, в этих лесах еще не слышали.

— Главное — продержаться! Не бойтесь, все к алтарю!

Конь тем временем явно сошел с ума и пытался сбросить своего всадника. Тот лишь чудом держался в седле, вместе они делали по поляне круг за кругом.

Игнатий с размаху дал оплеуху дочке корчмаря, которая почти уже организовала подобие защиты, а потом загнал напуганных колдуний в домик лесника — это были последние, не считая алхимика — и закрыл дверь, приперев ее вовремя свалившимся с крыши деревянным фаллосом.

Рыцарь был в бешенстве. Он рвал и метал, изрыгал проклятия, которые слышать от него было весьма странно.

Выяснилось, что слуга, видимо, оказался приспешником сатаны, он смазал доспехи и меч какой-то гадостью! Игнатий слушал и улыбался. Потом ландскнехт объяснит все хозяину, и крайним наверняка останется монах, но это будет позже.

Алхимика Альберт сбил с крыши, метнув свой светящийся меч. Дочку корчмаря они связали вдвоем с Игнатием — та сопротивлялась, пыталась колдовать и вела себя кое-как. Их обо-

их затолкали к остальным, не забыв снова привалить дверь фаллосом.

Когда беготня утихла и только ругань рыцаря и стенания участников шабаша, запертых в домике, омрачали тишину лунной ночи, в ногу доминиканцу ткнулся котенок.

— О! — Монах погладил звереныша. — Про тебя-то я чуть не забыл! Альберт, друг мой, прошу вас помочь — надо расколдовать несчастное животное.

— Целовать не стану и не просите. — Рыцарь тяжело вздохнул. — Потом жениться придется, а у меня с этим проблемы.

— Теперь не будет, это порча была, такая волшба пропадает со смертью той, кто ее наслал, — ответил Игнатий. — Впрочем, мне от вас другое нужно.

Вместе они оттащили фаллос от двери, первой, конечно же, выскочила дочь корчмаря — она уже успела освободиться и теперь была готова колдовать направо и налево, чтобы вырваться из западни.

Пока рыцарь удерживал дверь, доминиканец ловко перекрестил ведьму и тут же, пока она не отошла от шока, накинул ей на шею собственный крест.

— У-у-у! — взвыла несчастная девушка.

— А детей в котят превращать не «у-у-у»? — назидательно поинтересовался Игнатий. — Жить хочешь? Расколдуй котенка.

— Я тебе не верю! — заорала ведьма.

— Тогда полезай обратно под алтарь.

Дочь корчмаря подумала, а потом достала из прически тонкий флакон с прозрачной жидкостью.

— Надо втереть это в шерстку.

— А за что ты его так вообще, а? — Игнатий пристально посмотрел на ведьму, но та не отвела взгляда.

— Потому что у одних дом, муж, ребенок и уважение, а другим приходится из кожи вон лезть, только чтобы их заметили!

— Ясно. Открывай дверь! — заорал монах, а потом схватил ведьму в охапку и, несмотря на сопротивление, понес, ускоряя шаг, к домику. Навстречу ему полезли ведьмы и колдуны — но доминиканец впихнул их обратно, вписавшись внутрь вместе с ними.

В домике места могло хватить человека на три-четыре. После появления монаха общее количество пространства стало близким к отрицательной величине, о которой Игнатий читал в одной умной книге, и тем не менее все нечестивцы отшатнулись от него — так свиреп оказался доминиканец в праведном гневе.

Выскочив наружу, он помог Альберту подпереть дверь в очередной раз. Щель между косяком и перекореженной дверью все равно осталась, и в нее высовывались руки, а один раз Игнатию показалось даже мужское достоинство алхимика.

В тот момент, когда монах нараспев дочитывал вторую молитву, а пламя уже довольно хорошо занялось, на поляну вышли двое инквизиторов.

— Опоздали, курвины дети, — беззлобно ругнулся монах. — Псы, мать вашу ети. Собачки домашние! Что понурились? А вот я вас на хлеб и воду!

Старший инквизитор робко поднял голову:

— Вы же в отпуске! А мы бы и сами разобрались, ну, чуть позже...

— Разобрались бы! Сожгли бы мельника с поэтом, а мне написали бы, что скверну вырезали! Ладно. Присмотрите, чтобы никто не вылез из гнезда этого...

Он был зол. Правда зол. Но не на подчиненных, а на себя — котенок даже после того, как его смазали пахучей жидкостью, в ребенка не превратился.

То, что ведьма не удивилась, косвенно подтверждало гипотезу о том, что это и есть пропавший мальчик. Но она могла обмануть, а об этом Игнатий не подумал.

Он взял котенка за пазуху — после мази животинку лихорадило — и понес в город.

Вошел уже на рассвете. К собственному удивлению, умудрился заплутать. В городе никто не спал — все собрались на площади и обсуждали случившееся: падшая корова, закопанная за чертой города, неожиданно откопалась и пришла обратно. Ожила она по-настоящему, это подтверждалось тем, что животное требовало дойки, а ее молоко с удовольствием пили кошки.

На общем совете решили корову от греха зарезать, а мясо продать в соседний город.

— Люди! — заорал Игнатий. — Все нормально, виновные наказаны, и больше в вашем городе ничего плохого не случится!

— А мой сын! Где мой сын? — крикнула молодая женщина, вываливаясь из толпы. Монах признал в ней мать пропавшего ребенка.

Игнатий почувствовал, что за пазухой у него становится тесновато. Пока ряса — удобная, застиранная, привычная — не пошла по швам, он вытащил оттуда котенка, который на глазах превращался в голого пацана лет шести.

— Вот ваш сын. — Доминиканец широко улыбнулся, и горожане восторженно заорали.

Он вышел за город — все же хорошо провел отпуск! Конечно, совмещать работу с отдыхом — дурная привычка, но он бы здесь от скуки сдох, если бы не эта история.

Мир еще недавно был совсем плоским, но наука, поддерживаемая церковью, открыла, что это может быть изменено.

Что можно уйти от дикости магии и демонов, словно обрубая старое, косное, ненужное, — надо только сделать так, чтобы все поверили, что мир круглый.

Он шел и улыбался. Вспомнил котенка — отличный спутник и уж точно умнее большинства подчиненных!

С каждым его шагом Земля округлялась все сильнее, он отталкивался левой ногой, потом правой, усиливая вращение. Его ждали многие тысячи миль, небо, полное неизведанных миров, и костры, пламя которых несло искры к сотням тысяч солнц.

Наталья Егорова

СЕДЬМОЕ НЕБО

Надо же было догадаться назвать его Агеем!

Ну что это за имя, в самом деле: будто споткнулся и язык прикусил. В детстве мальчишки из соседнего жилблока кричали: «Поди, Агей, навешаю люлей!» Что такое «люли», Агей не знал, но, судя по восторженной злобе на физиономиях, лучше было не уточнять.

Имя, конечно, можно сменить; в лучшие месяцы он запросто наскрёб бы на оплату налога. Но с годами эта неприязнь стала маленьким внутренним ритуалом, привычным, как поношенные штаны, и даже доставляла Агею определенное мазохистское удовольствие.

Тем более что и окружающим их имена, как правило, не очень подходили.

Это вошло в привычку: недоверчиво пробовать новое слово на вкус, а потом примерять его к обозначаемой вещи. Слово «харт», например, было крепким и надёжным, пусть даже в новостях пугали, что Японский харт отхватил почти половину Бурятского, а границы Московского харта сами по себе перемещаются в направлении Восточноевропейского — на два миллиметра в неделю.

Слово «пелена» было душным и серым. Агей так и представлял ее мысленно — непроницаемым серым туманом. Хотя прекрасно знал, что противобактериальный слой ярко-зеленый, а

© Н. Егорова, 2007

противохимический — жёлтый, как белковый порошок. А у нижнего, рекламного, своего цвета не было вообще: на нём транслировалось непрерывное видео.

Вот слово «чебуречная» с вывески понравилось ему сразу: в этом имени было шкварчание горячего масла, запах неведомых пищевых добавок (потом он узнал, что они называются «специи» — кисло-острое слово) и спокойная устойчивость.

Он зашёл и спросил, нет ли работы.

Вообще-то по профессии Агей был мойщиком окон в небоскрёбах. Автоматические устройства начинали глючить уже на высоте этажей в 15: складывали присоски и валились вниз. Говорили, всё дело в конфликте протоколов. Зато живые мойщики на спор забирались выше бактериального слоя пелены, в защитных комбезах, конечно.

Агей не решался, хотя над инфослоем ползал частенько. Обратная сторона рекламных фильмов выглядела стёртой, как изнанка пёстрой ткани. Над головой висел глянцевый энергетический слой; Агей не любил смотреть отсюда вверх: ему казалось, что мир перевернулся вверх тормашками, и бесконечная лужа поглотила всё и вся.

Но профессия мойщика отмирала по мере того, как разрушали небоскрёбы, выходящие за границу шестого слоя. Новые дома строили не слишком высокими, зато уходящими на много этажей вглубь: человечество забиралось под землю, оставляя высоту в распоряжении пелены.

Так отчего бы бывшему мойщику не забросить в шкаф присоски и не перебраться к сковородкам?

Хозяина чебуречной звали Ричард. Имя было крупное, жёсткое и совсем не подходило толстой круглой роже, где всего было мало: маленькие глазки, маленький сморщенный рот, круглый нос, зажатый в щеках. Подбородка не было вовсе: он терялся в складках шеи.

Зато Ричард умел читать текст.

Он и Агею показывал тонкий лист пластика, весь покрытый хвостатыми закорючками. На Агеев взгляд, все они были одинаковыми, как окна небоскрёба, и извлечь хоть какой-то смысл из их орнамента было сложнее, чем взломать защиту банка.

А Ричард запросто читал, водя толстым пальцем вдоль рядов. Он говорил: давно, еще до договора хартов, на улицах стояли специальные автоматы, куда можно было сунуть такой лист. Старые закорючки на нем стирались, зато печатались новые. Это называлось «газета» (неуютное ломкое слово).

Агей подумал, что глупо тратить столько времени на разбирание букв, да еще и искать в них то, что нужно, когда любой инфоблок моментально произнесёт любую информацию по запросу.

Правда, про чебуреки инфоблок ничего не нашёл. А Ричард — в своей древней газете — нашёл целых три рецепта. Впрочем, он и инфоблок не слушал, как все нормальные люди, а переписывал нужное на планшетку. Текстом.

Огромный, занимающий всю кухоньку, толстяк был на удивление ловок. Его пухлые пальцы проворно месили тесто, раскатывали в тонкие лепёшки, размешивали начинку из клонированной свинины или хлорелловой говядины с ошмётками зелёной травы («Настоящую кинзу, Агей, растят только в Дальневосточном харте»). Они безостановочно копошились, как бледные червяки, и поначалу Агей прилипал взглядом к этим пальцам, впадая почти в транс, так что едва не пригорала забытая сковорода.

Жарщик? Жаровник? Жарочник? Как ни назови, в этом слове слышалось потрескивание раскалённого масла, виделись истекающие соком, благоухающие приправами чебуреки, чувствовалась тяжесть горячей тарелки в руках.

Агей целыми днями метался между плитой и зальчиком: разносил тарелки, улыбался посетителям, переворачивал жарящиеся чебуреки, заговорщицки шептал завсегдатаям, что «сегодня потрясающе удались печёночные». Ричард платил щедро, кормил от пуза, и хотя официально на работу не оформлял, но кому оно нужно нынче, официальное оформление?

К исходу второго месяца у Агея даже физиономия слегка округлилась, а из глаз исчез диковатый голодный блеск.

Ему нравилось вечное мельтешение в маленьком зале. Люди приносили в чебуречную обрывки разговоров, оттенки запахов, случайные обломки чужих жизней. Агей видел, как ссорились

парочки юнцов, как торопливо жевали ночные рабочие с ввалившимися глазами. Иногда заходили и мойщики, эти выглядели тревожными. Как солидный тип в плаще-невидимке нанимался на работу черноглазому оборванцу — то ли вору, то ли пушеру. Как рыдала в тарелку девица с раскрашенным лицом, похожая на заблудившуюся фарфоровую куклу. И как однажды человек разглядывал голограмму с небом.

Он зашёл в чебуречную утром, когда зальчик пустовал. Ричард, вопреки обыкновению, сам вышел обслужить гостя и долго о чём-то шептался с ним; пару раз услышалось новое слово «яхта» — вальяжное и надменное, как особняк миллионера.

Агей же украдкой разглядывал куртку посетителя: анимированная голография на ткани стоила немалых денег. С рукавов скалились многоголовые драконы, похожие на пёстрых червяков, на спине махали крыльями недокормленного вида грифоны, а с воротника свисала шипастая ветка — с багровых цветков капала голографическая кровь.

Глупость какая, переводить дорогую ткань на дешёвые картинки. Агею бы такую куртку, он бы заказал по воротнику клубящиеся облака, как в сериале «Человек грозы», а понизу — высокую сытую траву оттенка кинзы. И ещё попросил бы деревья — такие же, как на площади, только без стеклянных колпаков. И чтобы птицы летали, настоящие толстые синицы с синей полоской вдоль пуза, каких он видел в информаторе.

Вынося очередные тарелки, он обогнул незнакомца. Тот жевал чебурек, уставившись куда-то в стык дальней стены и потолка, и челюсти его двигались так медленно, что, должно быть, всё масло давно застыло в жирные хлопья.

Агей покосился на лежащую под локтем человека планшетку, да так и остолбенел.

Картинка на экране переливалась невероятными красками. Голубая полосатая вода набегала на белый-белый песок. Вдали столпились деревья с волосатыми стволами, а сверху висела страшно высокая, невероятно синяя пелена.

Казалось, такого цвета вообще не бывает.

И будто этого недостаточно, посреди пелены висел светящийся жёлтый шар, как недоделанный логотип. Вот только Агей

не мог припомнить, кто бы рекламировал такой. Может, этот тип создаёт новую компанию?

Он опомнился, только учуяв запах горелого. Два чебурека оказались загублены напрочь.

Через неделю Агей нарисовал эту картинку на кафельной стене возле кухни. Деревья вышли кривыми, а вода слишком полосатой, зато кружок оказался очень ровным: Агей специально обводил тарелку. И синяя пелена получилась почти того же цвета, как на картинке.

Ричард покивал, поцокал языком, но ничего не сказал. Только когда посетитель в защитном комбезе написал целый ряд закорючек-букв поперёк жёлтого круга, прочитал их: «солнце — яд».

Агей хотел стереть надпись, но передумал. Чёрные кривули поперёк жёлтого кружка смотрелись органично; теперь он стал окончательно похож на логотип. Слово «солнце» звучало слишком остро, звонко, буквы притушили яркость, добавили привычности.

Синяя пелена была небом. Настоящим, тем, что выше шестого слоя.

Небо. «Небо». — Агей катал слово по языку, но оно никак не раскладывалось на свойства. Было в нём что-то будоражащее, тревожное и одновременно удобное, прохладное. Синее.

Агей покопался в информатории и узнал, что пелена начинала расти сверху: вначале выпустили слой, пожирающий любой предмет крупнее комара. Тогда ещё харты воевали по-настоящему — бомбами, ракетами... лазерные пушки стояли по всем небоскрёбам.

Потом уже сама пелена схлёстывалась с соседней, пока не выстроили границы-барьеры. И чем мельче становились истребляющие частицы — химия, бактерии, — тем ниже опускались слои. Рекламный добавили всего лет десять назад.

А интересно, есть на свете харт, где всё ещё видно небо?

О небе неторопливо размышлял он и сегодня, шагая от своего жилблока к чебуречной, бездумно пиная расшвырянные по тротуару обёртки. Бесконечная каждодневная пробка текла мимо, как привычные анимированные обои на экране мироздания.

Увернувшись от машины, вылетевшей прямо на тротуар, Агей нырнул в проулок между двумя зданиями, такой узкий, что Ричарду было бы не пролезть.

С соседней улицы донеслось тихое «цок-цок-цок» — будто кто ложкой по тарелке простучал. Коротко взвизгнула полицейская сирена, и что-то бормотнул громкоговоритель. Агей бочком выскользнул из прохода.

Ричард сидел на ступеньках чебуречной, чего раньше за ним не водилось.

Смотрел в конец улицы.

Молчал.

Холодная иголка коснулась шеи, пересчитала позвонки. Агей обнаружил, что стоит посреди тротуара и боится подойти. Увидеть. Узнать.

Негромкое «цок-цок-цок» снова донеслось издалека.

И густой мазок соуса на стене вдруг стал понятен.

Толстый боевой дротик наискось вошёл Ричарду в набрякшее веко. Глаз наполовину вывалился на пластиковое оперение, другой недоумённо смотрел в лицо Агею. Волосы с макушки прилипли к смазанному красному пятну.

Хозяин чебуречной был непоправимо мёртв.

Агей, как во сне, обошёл толстяка, перешагнул ещё одного мертвеца, валяющегося у двери, дотащился до кухни, вытянул из незакрывающегося сейфа листы газеты, как будто именно за этим пришёл. Машинально поднял сковороду, так же заторможенно поставил на плиту.

Опомнился.

Бросился за дверь, едва не столкнув труп со ступенек.

Совсем рядом длинно процокало. Завизжала сирена коповозки, из-за угла метнулась фигура в синем балахоне, глянула дикими глазами — Агей обмер, но остановиться не мог. Вылетел на перекрёсток, прямо на четверых в таких же балахонах, с мини-арбалетами полицейского образца.

Один поднял руку. Агей вмиг облился потом, увидев, как прямо в лицо ему смотрит хищный дротик.

Коповозка вылетела из-за соседнего дома.

Агей юркнул в проулок.

От воя сирены сводило внутренности. Из окна ближайшей машины глянула на него равнодушная морда в слепых очках информатора. Никто не поможет.

На одном зверином инстинкте Агей бросился к итальянской прачечной, где выходила на улицу незакрытая труба вентиляции. Однажды, лет пять назад, он спрятался там от уличной банды, авось и теперь ещё пролезет.

Пролез, хотя и с трудом. Упираясь коленями в подбородок, скрючившись во влажной жаре. Из груди вырывался то ли хрип, то ли всхлипы.

Мертвяков он видел и раньше. Бывало, банды устраивали перестрелки среди бела дня, бывало, копы отстреливали кого-нибудь. Трупы всегда выглядели жалкими куклами, в них не было ни капли пугающей грации, как в 3D или у манекенов в магазинчике ужасов. Просто падаль.

Но Ричард... выглядел самым жалким из всех. Растерянный мертвец...

Агей хлюпнул носом. Он сам не знал, чего жаль больше — Ричарда с его стремительными толстыми пальцами или накрывшейся работы. Выходило — жаль всего, а больше всех — самого себя.

Сирена добралась до самой высокой ноты и свистела так, что ныли зубы. Нелепо подпрыгивая, пробежал ещё один тип в синем балахоне; балахон мешал ему, он высоко поддёрнул подол, открыв кривые белые ноги.

Агей вспомнил, это седьмонебники, секта «Седьмое небо». В новостях передавали, что они выступают против разрушения небоскрёбов. Устраивают массовые самоубийства на крышах.

Но чтобы убивать посторонних?..

Или Ричард тоже был в секте? Но не сам же он воткнул дротик себе в глаз!

Агей запоздало пожалел, что ничего, в сущности, не знал о своём недолгом хозяине. С другой стороны, кому нужна лишняя информация.

Бессознательно он забивался всё глубже, толкаясь пятками, скребя ногтями по грязным стенкам, пока позади не послышался задушенный писк.

Агей едва не вылетел наружу, подавившись собственным криком.

Из глубины трубы на него смотрели прозрачные глаза. Тьфу ты, девчонка. Тоже, наверное, с перепугу забралась. Черные волосы закрывают пол-лица, торчит длинный нос, костлявые руки обхватили острые коленки. Глаза, как у той хищной ящерицы, которую показывали в субботней программе; не глаза — иголки.

— Ты кто?

Он сам поморщился, как задрожал голос.

— Мира.

Будто котенок мурлыкнул. Такое имечко подошло бы пухлой красотке с глупыми кукольными гляделками, а не этой колючке, словно состоящей из одних локтей и коленей.

— Агей.

Она промолчала, так что он счел необходимым пояснить:

— Зовут меня — Агей.

Сирена удалялась. То ли переловили всех седьмонебников, то ли плюнули и решили не заморачиваться. Выждав для верности ещё несколько минут, Агей выскребся наружу.

Поток машин безразлично полз мимо.

Девчонка выбралась следом, сощурила на свет прозрачные глаза.

— Вроде никого, — небрежно бросил Агей, но голос опять подвёл — дрогнул предательски.

— Вижу.

Голос у неё тоже был колючий. И будто надломленный.

— Ну чего, разбегаемся?

На свету она оказалась, пожалуй, не девчонкой — девушкой. На полголовы выше Агея и, наверное, на несколько лет старше. Острые ключицы торчали из чёрной футболки, подчёркивающей острую же грудь. Чёрные пряди царапали плечи.

— Хочешь, пошли ко мне, — равнодушно сказала она, глядя в сторону.

Агей обрадовался. Круто, такая стильная тёлка зовёт его в гости — не на чебуреки же. Конечно, он согласен, какой вопрос. Для него это самое обычное дело — завалиться в гости к малознакомой девице...

Он не признавался себе, что просто боится остаться один, потому что пришлось бы думать.

А думать сейчас было страшно.

Мирин жилблок был классом повыше Агеевого. Начать с того, что душ здесь был даже не капельный — струйный, хотя и с ограничителем. Агей пустил минимальный напор — чтоб на дольше хватило — и блаженно поворачивался под тёплой водой. Потом растёрся клетчатым полотенцем и вышел, непривычно розовый и разморенный.

Белый диван-трансформер занимал едва не половину комнаты. На 3D кривлялась поп-звезда Зида, та самая, что два года назад сменила пол на гермафродитный, причём вдоль. Правая — женская — половина Зиды трясла силиконовой грудью, левая демонстрировала внушительный гульфик.

Мира дремала, откинувшись на спинку дивана.

Агей остановился в дверях, боясь спугнуть. Во сне угловатые черты лица её смягчились, и даже нос стал как будто короче. Возле рта обозначилась горькая складка, а тонкие голубоватые веки подёргивались.

Зида на экране издала особенно пронзительный вопль, и девушка открыла глаза.

— Ты чебуречник, правда?

Дома у неё даже голос стал мягче.

— Ну да.

— Я тебя видела у Ричарда.

Чебуречник. Отчего-то сейчас это прозвучало обидно. Как мусорщик какой-нибудь или таскальщик трупов.

— Вообще-то раньше я был мойщиком окон. В небоскрёбах, — солидно уточнил Агей.

Её глаза на мгновение словно рябью пошли. И брови взлетели под чёлку.

— Действительно? Что, и за пелену поднимался?

— Запросто.

Она склонила голову набок, почти уложила на костлявое плечо. Пробормотала:

— Значит, судьба...

— Что?

— Значит, с присосками работать умеешь.

— Конечно. Кто ж не умеет. А между прочим, ты знаешь, какого цвета противобактериальный слой?

— Нет... — шепнула она. И в следующее мгновение уже прильнула к нему, приникла жадно, почти зло. Влажно, до боли впилась в губы. И оказалось, что все эти торчащие коленки-локти вовсе не острые, а очень даже удобные... кожа гладкая, как экран информатора... и чёрные волосы пахнут горьковатой специей.

И ослепительно жёлтое солнце вспыхнуло в пронзительной синеве под закрытыми веками.

Агей не спал, а будто проваливался в мягкие волны и мгновенно просыпался, пугаясь, что всё ему только почудилось. Но Мира была рядом — тёплая, мягкая. Невероятная. Под самое утро он всё-таки уснул по-настоящему и во сне качался на синем слое пелены.

А когда открыл глаза, на экране мелькали новостные клипы, а в комнате пахло белковым омлетом.

— Хочешь забраться на небоскрёб? — буднично спросила Мира. Она стояла посреди комнаты, напряжённо вытянувшись и кусая губы. Глаза затуманились, как от мучительной мысли.

Агей очумело моргал.

— На небоскрёб?

— Ну да, на самую крышу. Ты когда-нибудь бывал на крыше?

— Нет... Но туда же нельзя.

— Можно, надо только знать как.

Она протянула чашку с соевым кофе. Агей глотнул и едва не поперхнулся кипятком.

— А ты, что ли, знаешь?

— Знаю.

Зачем на крышу? Глупость какая: кому она нужна, эта крыша, когда совсем рядом — чудное создание с острым носом и прозрачными, как окна небоскрёба, глазами. Но если ей так хочется, пусть будет крыша.

— Тогда давай.

Казалось, она задрожала, как струна. Словно боялась, что он не согласится.

— Присоски у тебя есть?

— Один комплект рабочий. Второй лысый, но если не очень долго, то ничего...

— Нет. — Она нервно хохотнула. — Не очень.

Он умилился, заметив крохотные капельки над её верхней губой. Как будто испарина сделала её совершенство человечнее.

— Иди... ко мне.

В её лице что-то неуловимо дрогнуло. Мира стремительно сложилась, почти упала, ткнувшись в его грудь, позволяя зарыться в чёрные волосы.

— Пойдем на крышу... прямо сегодня... да?

И он глупо кивал, захлебываясь счастьем:

— Да... да...

Он никогда не бывал в небоскрёбе изнутри. Только ползал по наружным стенам, заглядывая в окна. Иногда на окна забывали навесить зеркалку, и он заставал серьёзных чёрно-белых людей за большими столами. Иногда они даже ругались, глупо размахивая руками, а один раз он присутствовал при весьма пикантной сцене, и разбитная блондинка нахально подмигнула ему, а толстый дядька был так сосредоточен, что не заметил висящего за окном мойщика.

Изнутри небоскрёб был похож на слоёное тесто.

Люди так торопливо перебегали из одной комнаты в другую, у всех были такие серьёзные лица, как будто Агей очутился в рекламе. Вот-вот, сметая всех, по экрану проползёт слоган, и у каждой буквы будет такое же жёсткое лицо.

Мира взяла с собой сумку — небольшую, но на вид тяжёлую. Агей порывался помочь, но она всякий раз отдёргивала руку, двигаясь с той же целеустремлённой отрешённостью, что и окружающие.

В лифт набилась целая толпа. Мира вдавила кнопку «25» — верхнего из работающих этажей и привалилась к стене. На щёки наползла болезненная бледность, а может быть, лампы в лифте придавали коже этот мертвенный оттенок.

К двадцать пятому они остались одни.

Про верхние этажи небоскрёбов — те, что уходили в пелену — рассказывали всякое. То на них обнаружили целую секту, чле-

ны которой открывали окна и дышали пеленой, а после умирали в жутких корчах. То находили цех по изготовлению наркотиков. То вовсе глупости рассказывали: дескать, там, посреди пелены люди превращаются в зомби и набрасываются на каждого приходящего.

Попав сюда, Агей понял — всё врут. Никому они не сдались, эти лишние этажи.

Под ногами хрустели мелкие обломки, словно макушка здания начала разрушаться сама, не дожидаясь, пока это сделают люди. Шаги звучали как в вате, голоса глохли. Кое-где стояли несерьёзные загородки с надписью «Проход запрещён».

— Здесь что, никого нет?

— Тихо! — Мира дёрнула его за руку. — Нам сюда.

Это был женский туалет, Агей притормозил на пороге, но Мира прошипела со злостью:

— Давай же!

Где-то вдалеке захрустели шаги. Мира стремительно пронеслась по узкому проходу, ткнула пальцем вверх, в решётку вентиляции.

— Вон там, видишь?

Её снова трясло от возбуждения. Агею даже почудилось, что она наркоманка: слишком часто бросало её от глухого отчаяния к лихорадочной деятельности.

Он оставил ей новые присоски, сам нацепил лысые. Решётка разгильдяйски болталась на одном винте, словно нарочно ждала их.

Позади скрипнула дверь.

— Эй, там, что ли, кто? — прогудело от входа.

— Ну! — шёпотом вскрикнула Мира. И он ввинтился внутрь.

Железо загремело под коленями, Мирина сумка тяжело грохала, позади заорали, но тут уж ничего нельзя было сделать. Оставалось надеяться, что у обнаружившего их типа не окажется с собой лестницы.

Канал повернул и ушёл вверх.

— Нам туда? — на всякий случай уточнил Агей.

Мира не удостоила его ответом, только сипло дышала позади.

Присоски липли безобразно: Агей полз по узкой трубе на одном напряжении мышц, судорожно переставляя руки и ноги. Сколько этажей они так ползут: три? все десять? Ответвления попадались часто, но он сбился в районе второго десятка, слишком много сил уходило на каждый рывок. Едкий пот капал с ресниц, щекотал нос.

Он не выдержит, не выдержит. Сорвётся. Сметёт ползущую следом девушку, с грохотом пронесётся вниз все три... или десять этажей. И оба размажутся у подножия канала в сплошные ошмётки.

И их никто уже не сможет разлучить.

Агей представил, как прямо на рожу стоящего у вентиляции капает густо-красным. Как смазанное пятно за головой Ричарда.

— Сюда, — прохрипела снизу Мира.

Он глянул из-под руки. Тощий зад, обтянутый чёрными штанами, уползал в ответвление. Агей чертыхнулся — спускаться на присосках всегда сложнее, чем подниматься — и пополз следом.

За стенами противно заныло. «Это не сигнализация, — малодушно обманывал он себя, словно от мыслей что-то могло измениться, — это не сигнализация, а просто...» Но это наверняка была сигнализация, глупо было вот так соваться в верхние этажи и надеяться, что их не охраняют.

Господи, зачем ей это сдалось!

А потом он рухнул вниз. И, чудом приземлившись на ноги, оказался нос к носу с амбалом в зелёном комбезе мусорщика.

Будь это коп, у Агея не было бы и шанса, но амбал соображал туго. Прибежать сюда по команде он ещё смог, но поимка злоумышленников явно не входила в его рабочие алгоритмы. Пока лоб мусорщика собирался в мыслительные морщины, сверху уже рухнула Мирина сумка — прямо на бритый череп, а следом спрыгнула она сама.

— Сюда!

Убегая, Агей оглянулся. Амбал привалился к стенке и задумчиво созерцал потолок. По виску стекала тёмная струйка, но, судя по всему, череп у него был крепким.

Безумная путаница коридоров и коридорчиков привела к неработающему лифту. Справа тяжело топало, слева слышались голоса и продолжала тоскливо ныть сирена. «Только бы не пришлось лезть вверх по кабелям, — мелькнуло в голове, — это же просто 3D какое-то будет».

Но Мира ориентировалась в здешнем лабиринте гораздо лучше, чем можно было ожидать. Она дёргала его в тёмные закутки и тесные каморки, несколько раз пережидала у дверей, пока пробухают мимо шаги, и, наконец, вывела на лестницу.

Далеко внизу поднималось несколько человек, неторопливо, будто они не участвовали в погоне.

Или знали, что далеко беглецам не уйти.

— Давай!

Колени тряслись от напряжения.

— Какой... этаж?

— Тридцать второй.

Всего тридцать второй. А их пятьдесят шесть. Зачем он вообще сюда пошёл?

Через семь этажей кончились перила — превратились в перекрученные огрызки. Ступени крошились, обломки пластиковой плитки валялись под ногами, словно время на верхних этажах текло гораздо быстрее, перерабатывая материю в серую пыль пелены. Какой там слой снаружи — уже бактериальный или ещё энергетический? Сосредоточиться невозможно.

Мира остановилась, хрипло дыша.

В проёме очередного этажа стоял старик с ведром. Подслеповато щурился и молчал.

Мира осторожно сделала шаг, другой. Казалось, сейчас старик выйдет из оцепенения и завопит, разевая беззубый рот, вытянув морщинистую шею.

Или ведром огреет.

Агей взрыднул прорвавшимся смешком. И потащился вверх, с усилием переставляя тяжеленные ноги. Ему стало всё равно: ведром так ведром.

А старик проводил их таким же неподвижным слезящимся взглядом. То ли не понял, зачем бегают по лестницам эти одуревшие люди, то ли это вообще было делом привычным — как-

то же попадали на крыши седьмонебники и прочие сумасшедшие.

На сорок пятом Агей выдохся. Плюхнулся на ступеньку, заталкивая воздух в лёгкие. Мира осталась стоять, может быть, потому, что сил опуститься уже не было.

— Ты знаешь... что... на седьмом... небе?

Он даже никогда не задумывался. Но если верить той картинке...

— Солнце?

— Солнце? — Она как будто удивилась. — Может... быть.

Интересно, а она что имела в виду, когда спрашивала?

Агей внезапно обнаружил, что давно уже не слышит преследователей — ни шагов, ни тревожного воя. Словно они остались одни во всём небоскрёбе. Во всём мире. И можно никуда не торопиться. Прижаться затылком к холодному кафелю, закрыть глаза и чувствовать, как медленно сползают к подбородку щекочущие капли...

— Идём.

В её голосе прорезалось ржавое железо. Оказывается, она умеет быть ещё и такой.

Последние этажи он помогал себе руками. Идиотка Мира всё волокла дурацкую сумку, глухо булькающую о ступени, словно внутри переливалось что-то жидкое.

И когда лестница закончилась в пустой клетушке, засыпанной ошмётками пластмассы, он не поверил. За раскуроченными стеллажами виднелась перекошенная дверь, оттуда дул ветер — холодный, незнакомый, сухой. И пол под ногами ощутимо раскачивался, или это Агея шатало от изнеможения.

Он упал на колени и расхохотался.

Как всё оказалось просто. Взяли — и выбрались на крышу. Выше, чем кто угодно — под самое небо. Седьмое. Или настоящее. И — вот так запросто.

— Агей, — требовательно позвала Мира. Она снова натянулась струной, дрожа, будто от нетерпения. Будто там, на крыше, ждало её что-то очень важное.

— Иду, иду, — примирительно отозвался он, с трудом поднимаясь на ноги.

Выход загораживала белая железяка, по форме напоминающая чебурек.

И мертвец.

Агей в такой очерёдности и увидел их: вначале железный чебурек, потом мертвеца. Тот сидел уже не первый день: в воздухе пахло тяжело и сладко, восковая рожа оплыла, вывороченные из орбит глаза уставились на гостей.

Мира ойкнула, зажала рот ладонью.

Куртка на мертвеце была дорогой, вся в «живой» голосписи, подпитывающейся от тепла тела. Труп остыл, и извивающиеся на ткани девицы с глазами в пол-лица умерли вместе с хозяином.

— Пойдем, — сдавленно прошипела Мира.

Они осторожно, стараясь не задеть мертвеца, перелезли через белый «чебурек». Обнаружилось, что это машина, но странной модели, Агей таких никогда не видел. Слишком приземистая, на чересчур коротком шасси, но со здоровенным антравблоком. А зачем ей два неудобных выступа по бокам, и вовсе непонятно.

Белый нос пересекала синяя полоса с жёлтым кругом.

Агей спрыгнул обратно (Мира закричала вслед), уставился в лицо мертвецу. Лицо казалось незнакомым, но он не помнил и того, давешнего посетителя, он и не смотрел на него почти.

Не на него он смотрел.

Морщась и затаив дыхание, пошарил по карманам трупа, вытащил пижонскую блескучую планшетку с папиллярным анализатором. Ну, ясное дело, запечатано.

А машина, наверное, та самая «яхта». Интересно, это фирма или модель? Или яхта — это, например, тип антрава?

— Агей, — придушенно-тоскливо звала Мира, снова выпавшая из взбудораженного состояния в потерянное.

Ещё одна дверь и хлынувший в лицо воздух. Мира перегородила выход, старательно приклеивая к стене видеокамеру. Руки у неё тряслись, но она так тщательно приделывала круглый глаз, будто от этого зависела вся дальнейшая жизнь. Агей непонимающе понаблюдал, потом обошёл её и выбрался на крышу.

Зажмурился, чтобы удивиться сильнее, и разом открыл глаза.

Над головой висел седьмой слой пелены.

Серый, безостановочно двигающийся, именно такой, какой виделся ему в тягостных снах. Бездонный, беспросветный, пожирающий всё.

И вот ради этого стоило сюда тащиться?

Он обернулся и в недоумении смотрел, как Мира выдёргивает из сумки оранжевую канистру, отворачивает пробку и вздёргивает над головой.

Вязкая жидкость хлестнула по чёрным волосам.

Блеснула в руке зажигалка.

И накатило стремительным воспоминанием: кошмарные живые факелы на крыше и вальяжный тягучий голос комментатора.

Срываясь с места, он уже знал, что не успевает.

Ржаво завизжало железо. Невидимая струя колыхнула воздух возле Агеевой щеки, ушла в хмарь седьмого неба. И рука Миры отпала от локтя.

С зажигалкой в пальцах.

Покатилась канистра.

Багровый срез в обрывке рукава.

Он не помнил, как затащил её обратно под крышу, как волок в угол, размётывая обломки. За дверью тянулась серая мерзость седьмого неба, воздух куда-то пропал, никак не хватало сил вдохнуть по-настоящему. И руки совсем ничего не ощущали, как будто ладони превратились в куски бесчувственного теста.

Агей всё тёр пальцы и никак не мог отлепить невидимую плёнку, пока Мира не выкрикнула яростно:

— Это же анестетик, придурок!

Анестезирующее горючее? Ничего себе. Самосожжение без боли — апофеоз комфортабельности.

— И сколько он действует?

— Ты думаешь, кто-нибудь проверял?

В самом деле. Главное, чтобы хватило до конца... за сколько минут сгорает человек?

Идиотка сумасшедшая.

— Ну и на какого хрена оно тебе сдалось? Дура! Славы захотелось? Чтоб в новостях показали? Седьмор... седьмонёбка чёртова!

— Н-ну...

Она обмякла, ткнулась лбом в колени. Спутанные волосы закрыли жуткую культю.

О господи, как он не догадался. Ну конечно, это должна быть несчастная любовь — дурацкая выдумка рекламщиков: «Он ушёл? Заведи себе Анди-друга SL-20. Он бросил тебя? Наше агентство превратит его жизнь в ад. Он оставил тебя ради другой? Купи...»

А ему показалось...

То-то она камеру прилепила. Отправить в информаторий фильм о своем самоубийстве, извращенка.

— Дура!

— Сам дурак, — огрызнулась Мира. Судя по голосу, анестетик надёжно глушил боль. Пока.

— Но нельзя же так!

— А как? Как? — Она даже пристукнула единственным кулаком по хрустнувшему обломку. — Лучше всех знаешь, да? Да? Чебуречник паршивый!

Слёзы растворяли горючку, липкие прядки приклеились к щекам. Она ещё не очнулась толком, ещё вся была во власти одной идеи; наверное, до сих пор прокручивала в мыслях: видеокамера — горючка — зажигалка — дотерпеть до конца... Похоже, она ещё не поняла как следует, что осталась с одной рукой.

Агею хотелось объяснить, что нельзя делать собственную смерть развлечением для тупых морд за окнами машин. Нельзя подставляться новостному каналу информатора, который из любого страдания и любого живого чувства делает гламурный клип, озвученный сытым голосом.

И что Ричард вовсе не хотел умирать, даже наоборот: он хотел жить, печь чебуреки, читать хвостатые закорючки и шептаться с посетителями о яхтах и картинках с небом. И что после его смерти просто неприлично самоубиваться, потому что жить, наверное, иногда сложнее, но надо жить хотя бы за него...

Но это было очень сложно сказать словами, поэтому он молчал. И смотрел на её перекошенное зарёванное лицо. И машинально продолжал тереть бесчувственные пальцы.

Это и называется использовать. Она его использовала, чтобы забраться на крышу. А он, дурак, решил... А она всё время

думала о той неведомой сволочи... кто он хоть? И ей было плевать, как он, Агей, будет выбираться обратно.

Сука.

Из рукава торчал запёкшийся обрубок и наискось срезанная бледная кость. Что это за штука, так аккуратно рассёкшая плоть и мгновенно спёкшая сосуды — боевой лазер, что ли, вычищающий пространство над крышей? Но их же вроде уничтожили по договору еще лет двадцать назад...

Агея тошнило.

Интересно, когда эти мелкие гады, составляющие пелену, начнут разрушать организм? Здесь наверху их вроде бы нет, но какое-то количество они определённо зачерпнули, пока проходили сквозь слои...

Дезботовые камеры далеко. На что это будет похоже: язвы? удушье? постепенный паралич?

Копам не стоит беспокоиться. Отсюда три пути: самый быстрый и наверняка безболезненный — встать на крыше и подождать смертоносного луча. Ещё можно спрыгнуть вниз, прямо в верхний слой. Говорят, крупную птицу он сжирает за две секунды; человека так быстро не съешь, но, может быть, удастся помереть от болевого шока, чтоб не лететь до земли орущей обглоданной тушкой. Наконец, можно остаться здесь и умирать медленно. Со вкусом.

Ах да, ещё можно спуститься к копам. Чтобы мордам в машинах было что посмотреть в новостях.

Он вытянул ноги, привалился к стене.

— Всё...

Мира завопила.

Уставилась на культю и верещала непрерывно, на одной надрывной ноте, глаза закатились под веки, и невозможно исказилось лицо. Он набросился на неё, обхватил, стиснул и не мог удержать, в руках билось нечеловечески сильное, яростное, елозило по острым обломкам, колотило культёй, и, наверное, это было чертовски больно, потому что оно взрёвывало все страшнее и вдруг обмякло в его руках.

Из-под неплотно закрытых век дико белели закатившиеся глаза.

— Дошло, наконец, — сказал он вслух и заплакал.

Она зараза, но она живая зараза. Однорукая, но живая. И если прыгнуть в пелену, то это будет... это ещё хуже, чем с Ричардом.

Лицо Миры казалось таким же восковым, как у покойника возле яхты.

Яхта. А что, если...

Он никогда не слышал о таких машинах, но, может быть, она вообще ездит не по тренду. Может быть, она... летает? Както ведь затащили её на крышу.

Шестой слой объедает всё, что крупнее мухи, и ещё этот лазер... Но, может быть, она летает над шестым слоем. И ещё выше — по небу? Может быть, пока они копошатся, приплюснутые к земле, кто-то легко перелетает с крыши на крышу? Или даже из харта в харт? Вот такие люди в куртках с голоанимацией, которые решают, кто должен и кто не должен видеть небо. Люди, которые звучат так уверенно.

Он поднялся. Постоял на дрожащих ногах, потный, слабо понимающий, что хочет сделать. Подхватил Миру под мышки и сделал первый шаг. Потом ещё.

Обломки скрипели под ногами.

Он долго оттаскивал тяжеленного мертвеца, ухватив за куртку с дохлыми девками. Ещё дольше заталкивал, переваливал в кабину тяжеленную Миру — не до нежностей.

А потом забрался в водительское кресло и уставился на папиллярный анализатор.

Чёрт, какой же он дурак!

Мертвец стал тяжелее вдвое. На взрыде, на хрипе, уже не вздрагивая от прикосновения мягко поддающейся плоти — содрогаться не было сил, — тащил труп к кабине, притискивал палец с синим ногтём к панели. И не смог даже обрадоваться, когда включился навигационный экран.

Крючки букв показались родными. Зелёное поле расчерчивали цветные линии, яркие круги обозначали... может, стоянки, как у такси?

Агей ткнул пальцем в красный круг посреди тёмно-зелёного пространства. Экран моргнул и высветил два коротких набо-

ра букв. И что с ним делать? Агей ткнул в правый. Все буквы пропали, круги и линии вернулись на экран.

Похоже, это как с информатором, только вместо картинок — буквы. Агей увереннее нажал на красный круг, потом на левые закорючки.

Яхта дрогнула.

Агей поднял взгляд и задохнулся.

Серая пелена седьмого неба расступалась перед ним. Невесомая хмарь уползала вдаль, за ней тянулись белёсые ошмётки, открывая синее-синее бесконечное полотно. Невозможно высокое, никакому небоскрёбу не выйти за пределы. А впереди, сквозь дырки в сером так сияло, что больно стало глазам.

Крыша медленно уходила вниз, открывая клубящееся пространство пелены с редко торчащими из него спицами небоскрёбов. Яхта плавно несла их куда-то к солнцу. Куда-то, где белый песок и полосатая вода. Где лохматые деревья толпятся вдалеке.

Где не нужно лезть на небоскрёб, чтобы увидеть небо.

Антон Тудаков

СОЛНЦЕ В ЛЕВОМ ГЛАЗУ ЛЕМУРА

Кенеджуми проснулся от странного ощущения — на него кто-то смотрел. Смотрел пристально, неотрывно, забираясь в глубь мозга так, что это чувствовалось сквозь сон. Люди на подобное не способны. А значит...

Пробуждение получилось неудачным. Кенеджуми инстинктивно рванулся к виброножу на поясе и со всей дури врезался в одеревеневшую лиану. Гневно застрекотавшие цикады брызнули во все стороны. Пока он дрых, лианы переползли на солнечную сторону заброшенной экосферы. Искры от удара из глаз посыпались такие, что Кенеджуми забыл про то, от чего проснулся. Впрочем, мгновение спустя он сообразил, что его не едят и вообще ничего страшного не происходит. Все жуткие байки о тварях, водившихся в заброшенных сферах, убедительно свидетельствовали о том, что жертву они сжирают сразу. А он до сих пор был жив, только лоб болел. Ему что, приснилось все это, что ли?

Кенеджуми повернул голову и уперся взглядом в пару глаз-блюдец, пялящихся на него. На лиане, зацепившись хвостом, болтался лемур. Не отрывая взора от Кенеджуми, он ухватил проплывающего мимо таракана, засунул в рот и аппетитно захрустел.

— Тебе чего надо? — Кенеджуми прилепил вибронож обратно на пояс.

© А. Тудаков, 2007

Лемур промолчал. Кенеджуми знал, что лемуры обладают зачатками телепатии, но те, кто прививал им эти гены, не довели работу до конца. Хотя при большом желании лемуры могли внушать человеку отдельные образы. Так что ничего удивительного в том, что Кенеджуми почувствовал взгляд во сне, не было. Другое дело, зачем лемуру было его будить?

Он присмотрелся к зверьку. Сфера в очередной раз повернулась к солнцеприемнику, вызвав оживление среди лиан, и шерстка лемура вспыхнула чистым золотом. Вот это номер! Золотых лемуров вывели для хранения информации. По команде хозяина они мгновенно запоминали любое изображение, которое затем могли передать другому лемуру или экранам-хамелеонам. Позволить такую зверушку себе могли только очень богатые кланы. В геноме золотого вида оказался дефект, из-за которого выживало не больше одного детеныша из сотни. Дорогая штучка...

Кенеджуми задумался. С одной стороны, лемура можно сторговать на любом рынке за огромные деньги. Его наверняка надуют на цене, но даже при таком раскладе полученного хватит, чтобы покончить с бродяжничеством. Пока его не вышвырнули из Ханеда, он числился неплохим агротехником. С деньгами, вырученными за лемура, можно занять любую пустую сферу и попытаться наладить свое хозяйство. Или даже купить купол на диске. Обалденные перспективы.

Медленно протянув руку к лемуру, Кенеджуми коснулся его. Тот деловито выловил еще одного таракана и сожрал его, но не отскочил. Похоже, он просто потерялся.

Вслед за прикосновением к лемуру голову Кенеджуми посетили еще две мысли. Во-первых, если у лемура в башке уже что-то есть, значит, грош ему цена. Не зная кода, извлечь эти данные будет невозможно. Большой недостаток лемуров — они могут запомнить огромное количество информации, но только один раз. Пока хозяин не даст ему команду забыть их, ничего нового в мозги лемура не влезет. И во-вторых, у этого золотого определенно есть хозяева. Которые, очевидно, не очень обрадуются, если узнают, что кто-то загнал их лемура на ближайшей нити. Последствия недовольства могли варьироваться от

милосердного выброса в открытый космос до привязывания к проросткам вакуумной травы на солнечной стороне. Кенеджуми приходилось слышать, что у жертвы сначала начинается кислородное опьянение, а потом трава начинает расти прямо через его тело... Как правило, трава сжирает всю органику, до которой дотягивается, и не брезгует даже костями.

Может, ну его, этого лемура?

Кто-то несильно толкнул Кенеджуми в спину. Он обернулся и заорал. На этот раз было от чего — перед ним болтался труп. Даже если постараться не обращать внимание на облака шариков крови, облепленных тараканами, человека трудно было принять за мирно усопшего обитателя нитей. Одна рука у трупа отсутствовала начисто, а обугленная куртка убедительно свидетельствовала, что бедолагу обстреляли из бластера. Однако штука не менее дорогая, чем лемур. И гораздо более опасная. Впрочем, несчастный скончался не от потери руки. Через огромную дыру в животе открывался отличный вид на трос, ведущий к кольцу, на котором вращались сферы. Что-то подсказывало Кенеджуми, что перед ним владелец лемура. И это же чувство подсказало ему, что надо уносить отсюда ноги, даже не задумываясь о том, сколько стоит этот лемур. Пять лет бродяжничества по паутине обострили инстинкт самосохранения Кенеджуми со страшной силой.

Но лемур, очевидно, пришел к другому выводу. Не успел Кенеджуми отвязать ноги от лианы, как зверь прыгнул ему на спину, обхватив его лапками. Тонкие пальчики сплелись на груди Кенеджуми в прочный замок, а длинный пушистый хвост сполз по ноге и обвил ее. Кенеджуми взвыл, схватил лемура за лапы, но разжать их не смог. Попробовал стащить его с себя за шкирку, но безрезультатно. Когда же он схватился за вибронож, то лемур просто цапнул его за шею.

— Ну чего тебе от меня надо? — взвыл Кенеджуми. — Хочешь чтобы меня пришили, как и твоего хозяина?

Мир вокруг Кенеджуми мгновенно расплылся, а в мозг впились сотни раскаленных игл. Его замутило, стало тяжело дышать, но через пару секунд отпустило. Измененный мозг лему-

ра оказался куда более действенным орудием убеждения, чем его зубы.

Очевидно, убедившись, что Кенеджуми понял его правильно, лемур вернулся к конструктивному диалогу. Голова наполнилась назойливым гудением — зверек явно пытался что-то внушить. Перед глазами у Кенеджуми начали возникать невнятные картинки, большинство из них разобрать оказалось невозможно. Похоже, лемур намекал, что не отвяжется, пока его не доставят куда-то. Но куда? В ответ замелькала карусель размытых картинок. С грехом пополам Кенеджуми сообразил, что ему нужно обшарить вещи покойника.

Разогнав тараканов, он принялся исследовать карманы трупа. В своей жизни Кенеджуми повидал покойников, но не расстрелянных из бластера. В клане Ханеда он похоронил немало мертвецов на полях диска в качестве удобрений. Но все они умерли своей смертью.

В карманах покойника оказалось пусто. Голова Кенеджуми снова загудела, чертов лемур опять пытался с ним объясниться. Но его вмешательство не требовалось, Кенеджуми и сам сообразил, что где-то рядом должна болтаться сумка. Он отвязал от лианы свой рюкзак и задумался, куда его пристроить. На спине прочно обосновался лемур, никакой возможности избавиться от него в ближайшее время не предвиделось, так что рюкзак пришлось вешать спереди. Вид со стороны, должно быть, у него совсем дурацкий.

Кенеджуми оттолкнулся от лианы и полетел к прозрачной стенке сферы. Когда-то он слышал, что самые первые сферы строили из неорганического стекла, но потом вывели для этого дела пауков-ткачей. Пауков сделали симбиотами, подселив к ним в организм кислородный мох и с десяток вида растений-живучек, заполнявших теперь бесчисленные экосферы за пределами диска. Умирая, пауки выпускали своих симбиотов, которые и заселяли сферы, делая их пригодными к жизни.

Прицепленная вместе с еще пятью такими же сферами, сфера, где гостил Кенеджуми, вращалась на самом начале нити, ведущей к Плутону. Внутренний диск, последний гигантский проект человечества, сиял перед ним во всей красе.

Историю диска и паутины баечники передавали из поколения в поколение. Кенеджуми наслушался в детстве столько разных ее версий, что давно не верил ни одной. Но общие технические детали у них имелись. Пару сотен тысяч лет назад до людей дошло, что скорость света превысить невозможно, а мифическое подпространство так и осталось выдумками физиков-теоретиков. Так что обживаться придется на месте. Даже самый распоследний недоумок понимал, что планетарных ресурсов не хватит надолго и пора всерьез браться за освоение внутреннего космоса системы. Так возникла идея стабилизации планет в плоскости эклиптики и заселения пространства между ними.

А вот дальше у баечников начинались существенные разногласия. Как правило, авторство человекоспасительного проекта приписывалось предкам того клана, из которого происходил баечник. Впрочем, честь относиться к творцам диска и паутины могла предоставляться и тем, у кого гостил рассказчик. Иначе он рисковал остаться без заработка, а то и здоровья.

Сначала через всю систему протянули макронити, укорененные на первом кольце диска. На конце каждой из них поместили стабилизаторы, намертво закрепившие планеты по отношению друг к другу. Система продолжала вращаться, но парада планет больше никто не видел. Пояс астероидов и спутники пустили на создание платформ внутреннего диска... Ну, диск, пожалуй, это громковато сказано. Материала, как и следовало ожидать, не хватило, и дыр в нем оказалось больше, чем самого диска. Платформы засадили вакуумной травой, чудом генной инженерии, вырабатывавшей на солнце атмосферный газ. Так что диск стал частично пригоден для обитания, достаточно было накрыть куполом участок травы. Правда, жить приходилось на надстройках — трава обладала дурной привычкой сжирать все, что на нее попадало. Толстые пупырчатые жгуты обычно активно поглощали солнечный свет и межзвездное вещество, но никогда не отказывались от добавки в виде какого-нибудь неудачника.

Там, где заканчивался диск, начиналась паутина. Кроме пяти планетарных и ста двадцати радиальных макронитей, между

ними протянули тысячи окружных. К нитям привязали первые экосферы, в которых высадили растения-живучки и кислородный мох. Мох, конечно, не давал того количества воздуха, что вакуумная трава, зато и не пытался никого слопать. Заодно он годился для создания запаса воздуха в панцирниках. Кроме растений в невесомости смогли прижиться только насекомые, приматы и несколько видов ящериц. Потом люди вывели пауков-ткачей, которые пряли нить и стекломассу для новых сфер, а дальше... Дальше началась анархия, человечество разбежалось по разным углам паутины и диска и на тысячи лет забыло о каких угодно государственных структурах. Но даже это не смогло повлиять на стабильность новой конструкции Солнечной системы. Пусть машинные технологии канули в Лету вместе со старой Землей, а все металлы ушли на постройку стабилизаторов и солнцеприемников, транслировавших солнечную энергию во все концы нитей, жизнь на диске и паутине поддерживали биотехнологии, позволявшие пользоваться возобновляемыми ресурсами.

И проклятый лемур, вцепившийся в Кенеджуми, был одним из продуктов этой технологии.

Сумка его бывшего владельца запуталась в молодых побегах лиан. Кенеджуми подплыл к ней и вытряхнул содержимое. Первое, что привлекло его внимание, — связка тонких дощечек, векселя банка «Ламон». Их принимали почти во всех кланах, поддерживающих хоть какие-то отношения друг с другом. Векселей оказалось много. Очень много. Не будь за спиной у Кенеджуми лемура, он стал бы богатым человеком. Но лемур, похоже, твердо решил добраться до своего получателя. И судя по тому, как умер его предыдущий перевозчик, с шансами на выживание у Кенеджуми негусто.

Еще в сумке оказалось несколько книг, Кенеджуми их выкинул. Пищевые брикеты он аккуратно спрятал на дно своего рюкзака. Выудив несколько батарей к бластеру, он с огромным сожалением констатировал, что самого бластера у трупа не оказалось. Впрочем, батареи тоже можно толкнуть. Рассортировав кучу всякой мелочи, которая покойнику теперь ни к чему, а ему

вполне может скрасить жизнь, Кенеджуми наткнулся на самое важное. Ошейник лемура. Стоило взять его в руки, как по переливающейся всеми цветами спектра полоске побежала надпись «Собственность клана Кайтек. Возвратившему лемура живым или мертвым гарантируется вознаграждение».

Кенеджуми присвистнул. Клан Кайтек обитал на самом конце нити Плутона. По паутине ходили противоречивые слухи о нем. Многие верили, что Кайтек сохранили массу старых технологий, что у них есть свои корабли, позволяющие им не пользоваться рейсовыми парусниками, привязанными к нитям. Говорили, что они живут не в сферах, дескать, у Плутона никаких солнцеприемников не хватит, чтобы поддерживать там жизнь. Якобы клан разместился в одной из последних космических станций, огромных, как бывшие спутники планет, ныне составляющие основу диска. Кенеджуми точно знал, что про сферы это вранье, солнцеприемники могли послать достаточно света даже к Плутону. И уж еще нелепее выглядели слухи о том, что Кайтек обживают сам Плутон. Ну в самом деле, как существа, прожившие сотни тысяч лет в невесомости, могут спуститься на планету? Увы, печальным последствием жизни на диске и паутине стало полное изменение организма, сделавшее поверхность стабилизированных планет недоступными для людей. Паутинщики испытывали жуткий дискомфорт даже на диске с его мизерной гравитацией. Да и обитатели диска стали слишком хрупкими для планетной жизни. Были ли это слухи или правда, но в том, что Кайтек один из самых весомых кланов на диске и паутине, не сомневался никто.

А таким образом, вне зависимости от желаний Кенеджуми, его путь лежал к Плутону. Одновременно с этой мыслью навязчивый шум в голове сменился блаженной тишиной. Лемур оказался согласен с ним в выборе маршрута и наконец заткнулся.

Панцирник Кенеджуми вращался на тросе рядом с местом ночевки. Склеенный из шкуры пауков-ткачей, он оказался достаточно обширен, чтобы вместить лемура и существенно пополневший рюкзак. Вот только зверю придется терпеть темноту — шлем из пузыря лианы на него рассчитан не был. Кенеджуми скормил наспинному коробу панцирника несколько пор-

ций кислородного мха. Теперь им должно хватить воздуха, чтобы спуститься на нить и зажечь доплеровский маяк. А там уже росла трава — сердцевина нитей, питаемая солнечной энергией, создавала легкий стазис, частично удерживавший воздух. На кольце, к которому крепились экосферы, можно было спокойно дождаться один из миллионов циркулировавших по паутине парусников. Обычно капитаны, не желая связываться с опасностями открытого космоса, предпочитали водить их вдоль нитей.

— Ну и куда собираешься дальше, браток? — Капитан Блук потерял во фразе половину гласных, так как его зубы безостановочно перемалывали табачную жвачку.

Кенеджуми пожал плечами.

— Пойду на попутках в сторону Плутона.

— Долго добираться будешь. — Блук выплюнул черный комок, повисший рядом, и тут же засунул в пасть новую порцию жвачки. — На конце нити живут только Кайтек. Напрямую туда никто не ходит, а на перекладных придется тащиться до Хайпы, потом в Кулук. Там сплошные фермерские сферы, они наворовали много солнцеприемников. И за ними будет станция Кроп. Там, как правило, бывает кто-то из Кайтек.

— А нанять парусник в этой дыре можно?

— Если средства позволяют... Видишь во-он ту сферу? — Толстый и короткий палец Блука указал вверх.

Кенеджуми задрал голову. Станция Уюмацу, как и большинство парусных станций паутины, представляла собой беспорядочный ворох экосфер. Солнцеприемников на всех здесь не хватало, поэтому сферы насадили по нескольку штук на оси, которые вращали солнечные паруса, меняя их расположение. Наметанный взгляд бродяги сразу выцепил развевающиеся за станцией огромные ловушки. На Уюмацу пробавлялись сбором межзвездного мусора. Еще пару тысяч лет работы ловушек, и станция сможет позволить себе отстроить платформу как на диске.

Но палец Блука указывал в другую сторону. Среди сонма одинаковых сфер, заполненных зеленью, выделялся шар сиреневого цвета. Стекломасса сфер не поддавалась окраске, а вывести ткача нестандартного типа стоило денег. Больших денег.

Кто бы ни жил в этой сфере, финансовых проблем он не испытывал.

— Это таверна Одноглазого Логуса. — Блук убедился, что Кенеджуми смотрит в правильном направлении. — Там собираются капитаны всех солнечных парусников, стоящих на Уюмацу. Если предложишь достаточно вот этих веселых дощечек, — Блук помахал векселем «Ламон», — они отвезут тебя хоть на другой конец паутины. Но ты смотри там повнимательней, с таким же успехом эта публика всадит тебе вибронож в спину.

— Спасибо, капитан.

Кенеджуми спрыгнул с борта и нырнул в тянущийся к сферам тоннель. Вакуумная трава, которой поросла нить внутри тоннеля, всколыхнулась, чувствуя приближение органики, но человек уже ухватился за трос, ведущий в город. Шкивы, через которые он был пропущен, вращались без остановки, и вскоре Кенеджуми оказался у заветной лиловой сферы, где сдал панцирник и рюкзак в камеру хранения.

Внутри сфера выглядела необычно. Живучек, кислородный мох и светляков разогнали по стенкам, оставив середину пустой. В самом центре вращался шар, от которого во все стороны тянулись тонкие тросики. На конце каждого тросика находилась очаровательная полураздетая официантка. Прыгая между клиентами, они удивительным образом ухитрялись не запутаться. Как и подозревал Кенеджуми, посетители заполнили таверну до отказа. Все они тянули спиртное из туб, чавкая, пережевывали табак и громогласно спорили.

— Здравствуйте, уважаемый гость. — Официантка с распущенными зелеными волосами повисла вверх ногами перед Кенеджуми. — Что будете заказывать?

На девушке не оказалось одето ничего, кроме кружевного пояса, к которому крепился тросик, и пристегнутой на руке сумочки для денег. Она плавала так близко от Кенеджуми, что тот даже через сивушные пары ощущал запах ее волос.

— Э-э... — промямлил он, стараясь не пялиться на грудь официантки слишком откровенно.

Удавалось это с трудом. Особенно взгляд притягивал розовые соски с пропущенными через них костяными колечками.

Женщины всегда были слабостью Кенеджуми. Но не приносили удачи — одна проведенная с любовницей ночь стоила ему места в Ханеда. Увы, отец пассии Кенеджуми и по совместительству советник вождя, имел свои планы на будущее дочери. И скромный агротехник плохо в них вписывался.

— А зачем вам эти тросы? — выпалил неожиданно для самого себя Кенеджуми. — Они же только мешаются.

— Чтобы нас не утащили отсюда. — По выражению лица девушки невозможно было понять, шутит она или говорит серьезно. — Так что будете заказывать?

— Пиво, — пробормотал Кенеджуми.

Официантка легко коснулась его плеча и отплыла в сторону шара в центре сферы. На правой ягодице у нее красовалась татуировка в форме бабочки.

Голова Кенеджуми наполнилась гулом — лемур напомнил ему о том, зачем они сюда явились.

Вот проклятый телепат, мысленно взвыл Кенеджуми. Скорей бы от него избавиться.

Получив брикет с пивом, Кенеджуми приступил к расспросам местной публики, стараясь для начала выбирать тех, у кого хотя бы на роже не было написано, что они уже убили за наследство свою маму. Но никто не изъявил желания тащиться на Кроп.

Поболтав с десятком человек, Кенеджуми вдруг снова ощутил гул в голове. Нестерпимо захотелось посмотреть направо, и он подчинился этому, явно внушенному лемуром, желанию.

Одна из официанток шепталась с лысым субъектом, половину черепа которого закрывала пестрая повязка. Очевидно, хозяином этой забегаловки, Одноглазым Логусом. В одной руке официантка что-то держала, второй показывала на Кенеджуми. Перед глазами вновь поплыли размытые картинки, только Кенеджуми все было ясно и без них. Наступило самое время унести ноги из этого добропорядочного заведения. Кто-то заранее позаботился о розыске человека с золотым лемуром. И судя по реакции лемура, это не клан Кайтек.

Кенеджуми оттолкнулся от лианы и полетел к выходу.

* * *

Он лежал на спине, считая проплывающие над головой ловушки и солнечные паруса. Иногда между ними мелькали огромные слепящие овалы солнцеприемников. Еще пару дней назад их нельзя было разглядеть из-за скорости парусника. Значит, «Лунатис» приближался к станции.

Сволочь лемур, убедившись, что Кенеджуми никуда не денется с борта «Лунатиса», на время оставил его в покое и слез со спины. Вообще-то капитан парусника и не подозревал о двоих дополнительных пассажирах. Убедившись, что деньги не помогут ему добраться до Плутона, Кенеджуми поступил так, как обычно поступал, когда они кончались. То есть пробирался на борт парусника и прятался среди грузов. Корабли, даже грузовые, обычно настолько сильно прорастали кислородным мхом, что под накрывавшими их палубы куполами можно было не опасаться задохнуться. «Лунатис», как и надеялся Кенеджуми, не стал исключением.

А уносить ноги следовало как можно скорее. Кенеджуми, прячась среди грузов на причалах, не раз наблюдал группы вооруженных людей, рыскавших по Уюмацу. В том, кого они искали, сомневаться не приходилось.

За время нахождения на «Лунатисе» Кенеджуми и лемур слопали все пищевые брикеты, отобранные у покойника. Кенеджуми сперва не собирался делиться с лемуром, но тот устроил ему такой цирк в голове, что пришлось кормить и его. В результате в последние дни Кенеджуми едва переставлял ноги — еды не хватило. Его начала настойчиво преследовать мысль все-таки заявиться к капитану и пожрать, оплатив проезд, но по трезвом размышлении от этой идеи пришлось отказаться. У Кенеджуми нашлось достаточно времени подумать о причинах появления трупа и лемура в экосфере. Он пришел к выводу, что оба они оказались там после грубой разборки с командой парусника, на котором летели. Очевидно, перестрелка отбила у команды охоту преследовать перевозчика, а тому удалось заставить парусник остановиться посреди пути. Но с полученными ранами это его не спасло.

Повторять подобную ошибку Кенеджуми не собирался. Тем более что, судя по скорости «Лунатиса», терпеть оставалось недолго.

Хайпа встретила Кенеджуми слепящим светом.

Он никогда еще не забирался так далеко от диска, а там солнцеприемники распределялись равномерно. Но обитатели Хайпы, похоже, перетащили к себе всех, до которых смогли добраться. Солнце являлось единственным источником энергии в системе и там, откуда эти приемники забрали, не могло существовать жизни. Без солнечного света загибалась даже вакуумная трава, что уж говорить об экосферах. Похоже, от Хайпы до Кропа нить будет мертва.

Кенеджуми, памятуя о том, как его вычислили на Уюмацу, не стал снимать панцирник. Костюм успешно прикрывал лемура, попытавшегося сперва проявить по этому поводу недовольство. Но, похоже, обмен мыслями осуществлялся взаимно и вскоре золотой успокоился.

Благодаря избытку солнцеприемников, Хайпа не испытывала недостатка в освещении. Перебираясь по канатам от одной сферы к другой, Кенеджуми обратил внимание, что многие из них покрывали непрозрачные полотна. Похоже, медаль имела обратную сторону — никакое вращение не могло помочь местным обитателям скрыться от солнечного света. В итоге самому Кенеджуми пришлось купить себе солнцезащитные очки, потому что через час полетов по Хайпе у него разболелись глаза.

Не желая ввязываться в сомнительные авантюры, он устроился в какой-то гостинице. Ночлежка пристроилась на окраинных нитях станции. В отличие от большинства подобных заведений, где после ухода из Ханеда пришлось побывать Кенеджуми, эта представляла собой гроздь небольших сфер, прицепленных к нити, на конце которой находилась нормальная сфера. Там жил хозяин. Разменяв у него вексель, Кенеджуми получил твердый фиолетовый лист, генокод которого открывал мембрану в одну из сфер.

Попав внутрь, первым делом Кенеджуми растянул по стенкам ткань, отгородившую его от солнца. Потом стащил с себя панцирник и выпустил лемура. Тот ухватился лапками за ветвь облепленной кислородным мхом живучки и перебрался ближе к воздушному корню. Обнаружив там тараканье гнездо, он запустил лапу внутрь.

— Эй, не увлекайся, — бросил ему Кенеджуми. — Если сожрешь всех, кто будет за нами убирать?

Лемур уставился на него огромными глазищами. Лапа с зажатым в пальцах тараканом на мгновение застыла в воздухе. Лемур предавался размышлениям недолго. Отвернувшись от Кенеджуми, он запихнул таракана в пасть и тут же потянулся за другим. Насекомые, сообразив, что беззаботной жизни наступил конец, бросились врассыпную. То, что тараканы жили в сферах, чтобы подъедать органический мусор, частички кожи, волосы и прочую дрянь, засорявшую воздух, лемура не волновало. Очевидно, он рассматривал их только как еду.

Кенеджуми закинул руки за голову. Задерживаться в Хайпе он не планировал. Прожженный бластером труп предыдущего владельца лемура продолжал сниться ему в дурных снах, и повторить его судьбу не хотелось. Плохая новость — по пути он заглянул в пару баров и убедился, что маршрут на Кроп особой популярностью здесь не пользуется. Тот, кто ищет лемура, наверняка догадывается, что Кенеджуми попытается сам добраться до Кропа. Если начать расспросы про идущий туда транспорт, рано или поздно эта информация достигнет лишних ушей. И все же кое-какие мыслишки о том, как выкрутиться из положения, в голове у Кенеджуми водились.

— Э-э... послушайте, уважаемый! Вы бы поосторожней с этой штукой, она ведь очень чувствительна к нажатию, верно?

Направленный в лицо ядовитый споромет напряжет любого, даже самого борзого капитана парусника. И Монко Бальт не стал исключением. Ввиду прирожденной жадности, он водил свое корыто «Мнемону» один. До сегодняшнего дня ему казалось, что это удачный способ сэкономить на команде. Но сей-

час, наблюдая перед носом раскрытый зев цветка споромета, он сильно жалел, что за его спиной не ошивается парочка здоровых наемных головорезов.

— Монко, я что, неясно выражаюсь? — Кенеджуми страшно раздражал трусливый капитан. — Ты сейчас же разворачиваешь парус, и мы идем на Кроп. И не вздумай остановиться в Хайпе или Кулуке!

Приобретенный в Хайпе цветок, выплевывающий при нажатии на стебель сотню отравленных и острых как иголки спор, придавал словам Кенеджуми особую весомость. Немаловажную роль в ситуации играл и характер капитана. Кенеджуми потратил несколько дней, чтобы вычислить подходящего субъекта. Слишком жадного, чтобы платить команде. Впрочем, он не собирался обманывать Монко.

— Доставишь меня на Кроп, получишь обещанные деньги и ты свободен.

В голове Монко жадность боролась с осторожностью.

— А почему ты сразу не нанял корабль на Кроп? — поинтересовался он. — К чему весь этот цирк с угрозами?

Кенеджуми решил, что терять ему нечего. Он расстегнул панцирник, и над плечом у него появилась голова лемура.

— Что-нибудь знаешь об этом? — спросил Кенеджуми, не спуская споромет с Монко.

Тот присвистнул.

— Ну ты даешь, парень... Ты знаешь, сколько за ваши бошки обещали меркурианцы? Вот это я вляпался с тобой!

Кенеджуми чуть не выпустил споромет. Это кто еще из них двоих вляпался, большой вопрос.

Диск и паутина когда-то прошли через времена абсолютной анархии. Каждый, занявший пустую экосферу, считал своим долгом объявить себя независимым от всех и вся. Результат обычно оказывался плачевным. Всегда находился кто-то сильнее любителя независимости, претендующий на его ухоженную сферу. Так что, не минуло и нескольких сотен лет, как люди снова начали объединяться. В корпорации, кланы, государства... В конечном итоге свою жизнеспособность доказали только кла-

ны с их непререкаемым авторитетом вождя. Кланов в Солнечной системе насчитывались тысячи, но лишь немногие распространили свое влияние до самых дальних концов паутины. Орунги, они же меркурианцы, относились к числу последних. И если о привязанности Кайтек к додисковым технологиям ходили лишь неясные слухи, то Орунги никогда не скрывали, что знают о них все. Или почти все.

Орунги занимали самое удобное место для жизни на диске. Их город расползся над океаном вакуумной травы прямо за Меркурием. Солнце, утыканное миллионами щупов солнцеприемников, всегда было рядом с ними. Те, кто бывал в городе клана, своими глазами видели додисковую технику на его улицах. Откуда там брали металлы и другие материалы для ее воспроизводства, для всех остальных оставалось загадкой. И меркурианцы прилагали массу усилий к тому, чтобы ответ на нее не покинул их город.

Теперь для Кенеджуми все стало на свои места. Чертов лемур, вцепившийся в него, нес в своей башке какие-то данные, которые шпионы Кайтек выкрали у меркурианцев. Понятное дело, Орунги не обрадовались такому повороту событий и теперь рыщут в поисках лемура по всей паутине.

— Так, парень, — протянул Монко, глядя на вытянувшееся лицо Кенеджуми, — вижу, ты и сам не догадывался, как попал. У меня есть для тебя встречное предложение. Мы сейчас вернемся на Хайпу и отдадим твоего лемура тому, кто его ищет. Меркурианский парусник стоит там уже вторую неделю. Если тебе повезет, хотя бы останешься в живых.

Обдумать предложение Монко Кенеджуми не успел. Голова взорвалась такой болью, что мир вокруг превратился в размытое пятно. Лемур оказался категорически не согласен с пропозицией капитана.

Палуба «Мнемоны» обрела четкие очертания лишь спустя несколько минут. Споромет, понятное дело, Кенеджуми из рук выпустил, так что, поднимая голову, он ожидал увидеть его направленным на себя в руках Монко. Но капитану «Мнемоны» тоже пришлось несладко. Он плавал вниз лицом рядом с Кенеджуми. Из носа у него тянулось ожерелье ярко-алых шариков.

— Чтоб мне сдохнуть, — пробормотал Монко, приходя в себя. — Никогда не думал, что золотые стали настолько сильными. Оба мы с тобой попали, да?

Кенеджуми безучастно смотрел на плавающий перед ним споромет. Он проклинал тот день, когда забрался в ту же сферу, что и лемур. Даже если он сдаст его Кайтек и получит свое вознаграждение, меркурианцы рано или поздно узнают об этом и свернут ему шею.

— Эй, ты в порядке? — Монко потряс его за плечо.

Кенеджуми безучастно кивнул.

— Ну тогда помоги мне с парусами. Твой лемур умеет быть чертовски убедительным. Мы идем на Кроп.

Путь до Кропа оказался на удивление скучным. Они стрелой пролетели Хайпу и скрылись на уходящей в темноту космоса нити. Одного знакомства с возможностями лемура для Монко оказалось достаточно, чтобы он не предпринимал никаких попыток расправиться с Кенеджуми. Кенеджуми же был уверен, что за всю дорогу до Кропа лемур ни разу не сомкнул глаз.

Огромную экосферу Кулука, облепленную солнцеприемниками, они миновали по касательной. Кенеджуми только мельком успел рассмотреть ее, поразившись размерам. Похоже, когда-то это был экспериментальный проект — внутри сферы находилось гигантское ветвистое дерево, на котором аборигены жили как приматы.

Спустя несколько недель «Мнемона» пришвартовалась к практически пустому причалу Кропа. Станция находилась настолько далеко от диска, что он даже не был заметен на фоне горошины Солнца. Ни одно живое существо не выжило бы здесь без солнцеприемников, и в окрестностях станции их скопилось так же много, как в Хайпе. Похоже, Кроп Хайпа и Кулук поделили все приемники на этом участке нити между собой.

Кенеджуми не сомневался, что стоит ему сойти с «Мнемоны», как Монко сдаст его меркурианцам. В отличие от Кенеджуми, который понятия не имел, где искать людей Кайтек, Монко знал Кроп как свои пять пальцев. К огромному неудовольствию

капитана, вновь оказавшегося под угрозой телепатического удара лемура, Кенеджуми заставил его показать дорогу к сфере местного управляющего.

Как выяснилось, Кенеджуми там уже ждали. Их было больше десятка.

Распускающиеся как цветы ярко-красные панцирные плащи, надетые на посланников Орунга, делали бесполезным спорамет. И на помощь лемура в борьбе с десятком вооруженных солдат рассчитывать не приходилось. На счастье Кенеджуми, один из меркурианцев выплывал из мембраны сферы управляющего, когда они с Монко только поднимались туда. Кенеджуми не размышлял долго. Он со всей силы пнул Монко прямо в меркурианца, а сам оттолкнулся от троса и полетел к другому, проходящему параллельно. Тросы оказались далековато друг от друга, и Кенеджуми успел лишний раз порадоваться решению не снимать панцирник, прежде чем влетел в воздушный стазис.

Удачно отправленный вверх Монко устроил своей пухлой тушкой неразбериху у входа в сферу. Кенеджуми, пока меркурианцы выбирались из нее, удалось перескочить через несколько тросов.

Затем над его головой пронесся огненный вихрь. Орунги стреляли из бластеров. Воспоминания о том, что делает бластер с хрупким телом обитателя паутины, впрыснули в организм Кенеджуми мощный поток адреналина. Он петлял между сферами, как не летал никогда в жизни, меняя направление на каждом новом тросе. Вслед ему неслись раскаленные сгустки плазмы. Орунги, похоже, разошлись не на шутку, и плевать они хотели на безопасность местных сфер.

Кенеджуми поменял направление полета еще несколько раз и вылетел на окраину Кропа. Дальше начиналось безвоздушное пространство. Он ухватился руками за нити, оплетающие последнюю сферу, и пополз наверх. По нему больше не стреляли — меркурианцы уже поняли, что жертва от них не уйдет. Оглядываясь назад, Кенеджуми с горечью отметил, что карабкаются они куда как ловчее его. Пора было сдаваться.

Он прижался к теплой поверхности стекломассы и закрыл глаза. Минуту или две ничего не происходило, затем в тонкой

воздушной прослойке вокруг сферы раздались крики, ругань и треск разрядов. Сразу после этого Кенеджуми испытал нестерпимое желание открыть глаза. Чего еще понадобилось этому проклятому лемуру?

Решив, что с него хватит потакать дурацким командам полуразумной животины, он стиснул веки еще сильней. И почувствовал, как отрывается от поверхности сферы. Глаза пришлось открыть.

Прямо под ним плавали растерзанные тела Хранителей. Все они выглядели не лучше бывшего владельца лемура. Кенеджуми поднял взгляд и наткнулся на парусник, дрейфующий рядом со сферой. Вдоль борта корабля выстроился десяток человек с бластерами. Протянувшийся из шипастого шара на палубе голубой луч охватывал тело Кенеджуми. Похоже, объявились настоящие владельцы лемура.

Неужели он добрался до конца пути?

Лемуры повисли друг напротив друга. Взаимно обнюхав хвосты, они прижались носами. За прием информации у лемуров отвечал правый глаз, за передачу — левый. Посидев друг напротив друга несколько минут, зверьки расходились. Наступала очередь следующего лемура. Что бы ни привез в голове золотого Кенеджуми, у Кайтек эта информация оказалась размножена почти мгновенно. Свежезаписанных лемуров сразу забирали и уносили.

— Господин Лутан. — Кенеджуми наблюдение процесса размножения информации уже порядком приелось. — Возможно, это не мое дело, но что такого ценного было в башке у этого лемура?

Слухи о Кайтек оказались наполовину правдивыми. Клан обитал на додисковой космической станции. Точнее не на станции, а в ее окрестностях. Кайтек подсоединили к ней сотню солнцеприемников и экосфер. Сама станция Кенеджуми не понравилась, слишком много прямых углов для человека, прожившего полжизни на паутине. Впрочем, по словам старшего инженера клана Лутана Борна, на станции никто и не жил, там только проводили эксперименты.

— Тебе на самом деле хочется это знать? — Лутан уставился на собеседника.

— Мне ведь все равно не грозит покинуть когда-нибудь Плутон, — пожал плечами Кенеджуми. — Орунги найдут способ разобраться со мной, стоит мне появиться на паутине. Так что, похоже, мне придется поселиться у вас.

Лутан продолжал изучать Кенеджуми.

— Позволь, я покажу тебе сперва одну вещь. Думаю, ты имеешь на это право.

Отдав несколько распоряжений своим помощникам, Лутан ухватил Кенеджуми за руку и потащил за собой. Они проплыли несчетное количество сфер, пока не оказались в совсем новой, где только-только начали развиваться живучки. От того, что стены сферы были непривычно свободны от лиан, казалось, что висишь прямо в космосе.

— Посмотри туда. — Лутан протянул руку. — Видишь?

Кенеджуми переместил взгляд и удивленно присвистнул. В свете десятков солнцеприемников перед ним сверкала сфера. Огромная, больше, чем он когда-либо в своей жизни видел. Больше, чем гигантский шар Кулука. Наверное, с ней можно было сравнить только планету. Сферу опоясывало несколько колец, а вокруг сновали парусники. Присмотревшись повнимательнее, Кенеджуми понял, что густая зеленая масса устилает стены сферы изнутри без единого просвета.

— Что это? — выдохнул он. — Она что, вся заполнена растениями?

Лутан покачал головой.

— Это вакуумная трава. Над ней наведены надстройки. Центр сферы пуст.

— Но как же так? Ведь это глупо, как там что-то сможет расти без света?

— Ты когда-нибудь задумывался о том, что ни диск, ни паутина не будут существовать вечно?

Увы, эта мысль никогда не посещала голову Кенеджуми. Слишком крепко в ней сидели рассказы баечников об удивительной точности, с которой предки конструировали диск и паутину.

— Видишь ли, — продолжил Лутан, — мы все живем в долг у Солнца. Но оно не будет светить вечно. Когда-то ученые считали, что оно погаснет через пять миллиардов лет. Но тогда не было солнцеприемников.

— Так вы хотите сказать, что Солнцу скоро придет конец?

— Ну, это будет не завтра, — улыбнулся Лутан. — Но достаточно скоро, чтобы начать задумываться над последствиями. К тому же велика вероятность того, что Солнце не просто погаснет, а благодаря приемникам коллапсирует в нечто, называемое «черной дырой». Так что Солнечная система просто исчезнет.

Кенеджуми от этих слов стало не по себе. Он представил себе пустой ледяной космос, который займет место уютных влажных экосфер, и поежился.

— Мы считаем, что дожидаться этого момента не стоит. Проекты кораблей, позволяющих покинуть Солнечную систему, разработали еще до диска. Но так как люди не сумели преодолеть скорость света, никакого смысла в путешествиях между звездами они не увидели. Тогда решили, что глупо тратить силы и средства на эту затею, начав проект солнцеприемников и планирование диска. Как всегда, наши предки оказались не особенно дальновидны. Теперь у нас нет выбора. Потомки тех, кто не покинет Солнечную систему сейчас, погибнут. Сложно сказать, каковы шансы выжить у тех, кто расстанется с паутиной и диском, но у оставшихся вообще не будет никаких шансов.

Кенеджуми все это время присматривался к огромной сфере. Что-то в ней ему показалось странным.

— Вы хотите сказать, что собираетесь запустить эту штуку в дальний космос? — спросил он.

— И не ее одну, — кивнул Лутан. — Мы готовы строить их до конца света. И уже закончили пусковую катапульту за Плутоном, которая может разогнать сферу почти до световой скорости.

— Но куда они полетят?

— На станции осталось достаточно научного материала, чтобы вычислить звезды, у которых могут находиться пригодные для жизни планеты.

Кенеджуми слушал Лутана, продолжая вглядываться в сферу. Спустя пару минут убедился, что глаза его не обманывают. Сфера вращалась вокруг своей оси, причем гораздо быстрее, чем обычные экосферы.

— Почему она вращается так быстро? — спросил он.

— Кенеджуми, ты знаешь, как выглядели люди до диска?

— Так же, как и мы.

Лутан покачал головой.

— Нет, не так. Мы дети низкой гравитации, а они ходили по поверхности планет. Наши организмы изменились, и теперь поверхность любой планеты для нас смертельна. Мы не выносим силы тяжести.

Кенеджуми кивнул.

— Но мы хотим посылать людей именно для заселения планет. Построить новый диск или паутину они не смогут. А вот как посадить сферу на поверхность планеты, мы знаем. Но чтобы люди не погибли от гравитации, им придется измениться, вернуться к исходным формам человека. Планетарное притяжение должно стать для них нормой вещей. Мы знаем только один способ сделать это — с каждым годом полета сфера будет вращаться все быстрее, пока центробежная сила не создаст в области ее экватора силу тяжести, близкую к планетарной. На это уйдет тысячи лет, но за это время организм человека привыкнет к ней.

— Ну хорошо, все-то вы продумали, — фыркнул Кенеджуми. — Но как биомасса сферы будет существовать без света? Солнце-то останется здесь!

— Эту проблему мы решили благодаря тебе. Ты привез нам новое солнце.

— Я?

— Наши шпионы выкрали у Орунгов то, что сами они никак не хотели отдавать. У них, видишь ли, своя точка зрения на сроки гибели Солнечной системы. Это чертежи искусственного солнца, работающего на тяжелых элементах.

— Врете! — Кенеджуми даже не скрывал своего потрясения. — Даже если такая штука существует, в Солнечной системе давно не осталось ни урана, ни плутония...

— Осталось. — Лутан улыбнулся. — Строители станции оказались страшно запасливыми. Теперь мы можем поместить по искусственному солнцу в центре каждой сферы и они будут гореть тысячи лет.

Кенеджуми на мгновение представил себе огромную сферу, внутри которой светит свое собственное солнце. При правильной планировке она просуществует без бед до того момента, пока не сгорят последние крохи радиоактивного топлива. Но к тому времени надобность в искусственном солнце отпадет, потому что чьи-то далекие потомки будут жить на поверхности планеты...

— Кенеджуми, — голос Лутана оторвал его от смакования видения, — а ты не хочешь покинуть паутину? Разве тебя здесь что-нибудь держит?

Кенеджуми задумался.

Что его ждет здесь? Прозябание в окрестностях Плутона или беготня от Орунгов по паутине? А ведь он был хорошим агротехником, и ему всегда нравилось возиться с растениями. И в бродяги он подался не от хорошей жизни. Он понимал, что не доживет до прибытия сферы к пункту назначения. И что в пути не будет привычных солнцеприемников, диска, паутины. Зато у его далеких внуков будет шанс начать все сначала.

— А почему бы и нет? — Кенеджуми несильно толкнулся вверх, чтобы лучше видеть гигантскую сферу. — Надеюсь, у вас остались еще билеты на первый рейс?

Иван Наумов
ТРИ УЗЕЛКА НА ПАМЯТЬ

— Мертвечинкой попахивает! — радостно осклабился Медарх. — Пора менять.

Солнце едва выкатилось на небосвод из-за крепостной стены. Длинная тень виселицы прочертила чёрную тропинку по каменистому склону от края рудника до глинобитной стены казармы. Повешенный, опустив исклеванное птицами лицо, казалось, смотрел себе под ноги. Там, в провале, за гранью света, царила непроглядная тень, наполненная вздохами, шевелениями, стонами просыпающихся рабов.

— Думаю, пока достаточно, — сказал Маллон, остановившись у обрыва и вглядываясь вниз. — Надеюсь, этот пример научит их повиновению. Кто не работает, тот мёртв.

Медарх забрался на столб, ухватился одной рукой за перекладину и выдернул из ножен меч. Один взмах, и мертвое тело рухнуло к подножию виселицы. В раскопе щелкнул бич. Под сандалиями Маллона зашуршали камни. Рой мух, потерявший было свою пищу, загудел с удвоенной силой. Медарх спрыгнул с виселицы и нагнулся над телом раба.

— Что ж, не могли целую веревку найти? — спросил Маллон начальника охраны.

Медарх нахмурился. Перерубленная им веревка была связана в трех местах неуклюжими корявыми узлами. Один напоминал шишку, второй — спящую змею, а третий — сжатый кулак.

© И. Наумов, 2007

— Плохая примета, — проворчал он, расслабил петлю и стащил ее с шеи мертвеца. — Вешали — не было узлов. Демоны смеются.

— Второго не трогайте, — сказал Маллон, — всыпьте плетей и верните в рудник. А это, — он взял веревку у Медарха из рук и смотал на локте, — я покажу Сати.

— Такая же демоница, — буркнул начальник охраны себе под нос.

Маллон предпочел не услышать.

Солнце поднималось вверх стремительно, и уже началась влажная душная жара, к которой Маллон так и не привык за десять лет.

Как не привык и к Стене, загораживающей половину неба. Примостившаяся у ее подножия одинокая крепость казалась ласточкиным гнездом. Первое время Маллон совсем не мог спать — двадцать стадий застывшего камня, вздыбившиеся над крошечной крепостью, сводили его с ума. Но в раскопе у самого основания Стены сплелись целых три золотых жилы — источник благополучия для многих поколений Маллонидов. Хотелось в это верить.

От дальней казармы к ним спешил кривоногий однорукий солдат. Маллон помнил его целым — вечность назад, еще до Гавгамел.

— Сбежал! — негромко крикнул ветеран, подбежав достаточно близко. Поправил кожаный доспех, сползший с изуродованного плеча. — Раб сбежал!

Медарх сплюнул себе под ноги. Наверное, подумал, что стоило повесить обоих сразу.

— Кто был на карауле?

Пока солдат докладывал подробности, Маллон задумчиво крутил в руках веревку. Куда отсюда можно убежать? Крепостная стена в четыре человеческих роста широкой дугой окружает рудник и полсотни домишек. Торцевые башни вмурованы в Стену. Ворота всегда заперты, и в одиночку их не открыть. Так куда же?

Раба звали Акура. За неповиновение его секли уже десяток раз, а теперь собирались повесить. Он был последним хозяином крепости до Маллона.

* * *

— Это всего лишь раб, — отмахнулся наместник. — Забудь о нём — сколько он там просидит? Давай лучше устроим охоту. Ты совсем заскучал здесь, доблестный Маллон! Представь только: возьмем дюжину слонов, пять сотен загонщиков, а твоим десятникам я подберу лучших скакунов. Это будет добрая охота. Настоящему воину нужна тигровая шкура, добытая своими руками!

Андрагупта развалился на цветных подушках перед низким столиком, уставленным фруктами и узкогорлыми кувшинами. Чалму наместника украшал рубин, достойный сокровищницы императора. Мальчик-слуга пальмовым опахалом гонял туда-сюда тяжелый пропаренный воздух. Широкий балдахин создавал иллюзию тени.

Маллон стоял под открытым небом и, щурясь до рези в глазах, пытался получше разглядеть крошечную человеческую фигурку высоко-высоко на Стене. Солнце стояло в зените, и получалось, что смотришь почти на огненный диск. Как ты туда забрался, сумасшедший Акура? Хочешь оседлать лошадей Фаэтона? Сколько часов выдержат твои тщедушные мышцы? О чём ты успеешь подумать, когда, раскинув руки как птица, полетишь вниз?

— А хочешь, я пришлю тебе новых рабынь? Милостью вашего Ареса, из новых земель на востоке идёт караван за караваном. По мне, цена на этих желтолицых женщин не вырастет слишком высоко. Что может стоить женщина, которую не отличишь от мальчика? Впрочем, не поймешь, пока не попробуешь, а, Маллон? Я прикажу купить из ближайшей партии пять... нет, семь рабынь. А ты отдашь мне Сати.

Маллон только поморщился. Какой длинный день...

Солнце наконец устало и розовой выжатой губкой опустилось к западу. Ворота захлопнулись за кортежем наместника — Андрагупта никогда не оставался в гарнизоне на ночь и спешил вернуться в свой дворец до темноты.

Собаки гоняли по плацу тощих кур. Из провала рудника плыл звон, складывающийся из ударов семи сотен кирок о не-

податливый камень. Смуглокожие мальчишки, наследники великой Империи, играли у ручья в переправу через Инд. Трое плюхались в воду, изображая лодки Богоизбранного, и по их голым спинам остальные перебегали босыми ногами на другой берег. Шлёп-шлёп-шлёп. Будто кто-то хлопает в ладоши.

Маллон прислонился плечом к щербатой колонне. Когда он только начал обживать это дикое место, то наивно полагал, что достаточно выстроить дома полукругом к главной площади, и чтобы мрамор, и чтобы портики, и колоннады, и статуи богов... Ты не в Пеллах, Маллон. Не сосчитать, сколько тысяч стадий отделяет тебя от родного дома. Путь сюда занял двадцать лет. Не обманывай себя — ты никогда не вернешься обратно.

— Если хочешь, я прочту тебе эти узлы.

Голос мягкий, с чужеродным придыханием. Она говорит уже почти без акцента...

Маллон протянул руку назад, но поймал лишь ускользающую из пальцев ткань.

— Я сегодня чуть не повесил твоего отца. А теперь он забрался на Стену.

Горький смешок.

— Не стоит беспокоиться о нем, раз он всё равно умер в твоих мыслях.

Не слишком ли много позволяет себе рабыня, вяло подумал Маллон. Он уже давно понял, что ничего не может с ней сделать.

— Читай.

Сати встала рядом и расправила веревку на бортике балкона. Солнце зацепилось краешком за Стену. Высоко на незаметном уступе скалы мелькнуло светлое пятнышко. Маллон представил, как Акура свесил ноги вниз и взирает на свою крепость, своё плененное племя, своих поработителей. Вечерний ветер развевает редкие волосы, теребит бороду и усы, треплет складки одежды.

Старик не свалился со скалы ни в тот, ни на следующий день. Его светлые одежды были видны отовсюду. Иногда он медленно переползал к водопаду — жалким струйкам, струящимся по

Стене вниз, в крепость. Иногда забирался чуть выше, иногда спускался почти на расстояние полета стрелы. Почти.

Сухие горные растения показывали ему щели в камнях. Как и все жители племени, Акура привык лазить по скалам с детства. В отличие от тучных радж провинций, лежащих к юго-западу, он не был сказочно богат. Не было и дня — в той, прошлой, свободной жизни, — когда бы ему не приходилось работать наравне со всеми остальными.

Цепкие пальцы легко удерживали невесомое тело. Кое-где в расщелинах можно было найти съедобные ягоды. Беспечные птицы вили на Стене гнёзда, считая, что здесь они в безопасности. Зря. Никто и нигде не может чувствовать себя в безопасности. Когда Акура позволял себе разорить кладку, то мысленно просил у птиц прощения.

Из веревок, которыми его так неумело связали эллины, старик сплел себе люльку, чтобы не упасть во сне. Он закрепил ее, забив осколок камня клином в узкую прореху между тёмными шершавыми плитами. Блестящие разводы на поверхности скалы складывались в сложные узоры. Здесь жила выходила наружу.

На седьмой день Акуру попытались снять. Трое жилистых эллинов, помогая друг другу, медленно поползли вверх. Они использовали короткие кинжалы там, где не могли ухватиться пальцами. Несмотря на брань надсмотрщиков, соплеменники Акуры замерли, запрокинув головы. Три точки медленно поднимались к одной.

Старик медлил. Сначала он сместился в сторону, потом осторожно поднялся вверх и еще вверх. Когда эллины почти добрались до его люльки, Акура, к этому моменту зависший на полстадии выше, мысленно попросил у них прощения. Расположился на площадке шириной в ступню и взвесил в ладони первый из приготовленных булыжников. Дурни связали себя друг с другом ремнями, поэтому отправились вниз одновременно. Хлысты надсмотрщиков работали не переставая.

Больше эллины не пытались добраться до Акуры. Зато однажды на рассвете он увидел, что больше не один. Четверо юношей поднялись к нему прямо из провала. Им пришлось для этого

убить стражника, но они попросили у него прощения. Им удалось принести с собой несколько мотков веревки и даже железные клинья, с помощью которых на руднике раскалывают особенно твердые глыбы.

Теперь на самых сложных тропинках появились надежные подножки. Спуская друг друга на веревках, юноши научились дотягиваться до птичьих гнёзд на таких уступах, куда Акура никогда бы не добрался.

В нескольких местах, где ветер истер породу в песок, они сделали маленькие склады ягод, птичьих яиц и камней на случай нового нападения. Иногда Акура вытягивал из расселин длинные гибкие корни ползучих растений, завязывал на них короткие ободряющие послания и сбрасывал вниз, в рудник.

День за днём Маллон наблюдал, как на недостижимой высоте разрастается едва заметная паутинка вертикального города. Еще десять рабов исчезли безлунной ночью. Они унесли кирки и убили еще одного стражника. Под утро беглецов заметили уже достаточно высоко на Стене. Медарх без спешки посылал почти в зенит стрелу за стрелой. Но семеро рабов всё равно ушли.

Маллон беспокоился. Не из-за Акуры и его небесного города — вряд ли многие из рабов способны вскарабкаться по отвесной скале. Этой весной должны были прибыть передовые отряды армии Филиппа Третьего Александрида — ассирийские лучники, хеттская пехота, персидская конница. Маллон ждал их и втайне надеялся на разрешение императора присоединиться со своей сотней к походу на север, через горы, в таинственную страну Чжоу. В конце концов, он воин, а не надсмотрщик. Да и золота, отправленного им в метрополию, хватило бы на любую откупную.

Но шли месяцы, а даже слухов о приближающемся воинстве не появлялось. Маллон щедро оплачивал болтливость торговцев, поставлявших провиант в гарнизон, справедливо полагая, что связь с внешним миром лишь через наместника — это недальновидно.

Еще несколько рабов попытались уйти на Стену. Но в этот раз ночную стражу врасплох не застали — кое-кого из беглецов

для острастки убили на месте, а остальных загнали в рудник. Когда взошло солнце, превратив небо из чёрно-синего в чёрно-розовое, то вскоре заметили последнего из сбежавших, неуклюжего долговязого подростка. Он висел на кончиках пальцев на скользком уступе и тихо скулил.

Медарх вынес из казармы свой знаменитый лук, осененный еще в Элладе прикосновением Диониса, но Маллон остановил начальника охраны повелительным жестом. Пусть рабы не думают, что им помехой только наши стрелы. Когда солнце поднялось выше, Стена стала серой, а небо белесым, подросток позаячьи заверещал и скользнул вниз.

Вернувшись в дом, Маллон долго смотрел на веревку с тремя узелками — она так и лежала там, где ее положила Сати. Рабыня молчала и отвечала только на прямые вопросы. Ночью Маллон стискивал в ладонях ее податливое тело, но Сати оставалась для него такой же недоступной, как небесный город ее отца.

Следующей ночью двум охранникам воткнули в голые ноги шипы, смазанные какой-то отравленной гадостью. Оба не дотянули до утра. Из рудника никто не исчез.

Торговец вином первым принес дурную весть. В городе только и разговоров, что о восстании пяти царств. Сплетничали, будто Филипп и Александр не поделили далёкое северное междуморье, будто из диких степей навстречу персам выдвинулась несметная армия кочевников...

— Медарх, — сказал Маллон, — скоро тебе придется уводить людей.

Масло зачадило, огонь в лампадах померк, и тьма подступила ближе. Душная, липкая, живая и опасная тьма. Нет, дело не в гигантских кошках и не в выползших на охоту змеях — это лишь зверьё: мышцы, когти и зубы. На звериную хитрость человек ответит стократно.

Этот мрак страшен сам по себе. Он подбирается к тебе из-за спины, прячется в углах, слоится под ногами. Чёрная вода хаоса, чёрный дым дыхания закованных титанов. Там, в каменных

глубинах, они давно разбрелись по всему подземному миру и рвутся наверх. Они задирают головы и нюхают такую близкую и желанную свободу. А ядовитый выдох гасит пламя в лампадах, и мечутся во сне бесстрашные ветераны, прорубившие свой путь через Граники, Исс, Персеполь, Варанаси, Уджайяни... Где, как не здесь, на краю мира, титанам искать лазейки в мир людей, чтобы снова восстать против богов?

Серпик нарождающейся луны презрительно усмехался из своей небесной юдоли. Бейся, бойся, Маллон, стременной Богоизбранного. Вчера ты подавал дротики в правую руку повелителя мира, а сегодня — лишь тридцать лет спустя — почти безразлично ждешь, что остриё стрелы или отравленный шип прервет твой никчемный век. Смейся, Маллон, переживший собственную славу, майся, Маллон, растерявший веру, превратившийся из воина в надсмотрщика.

Где твои братья, Маллон? Где Терсий, жив ли еще, и удалось ли престарелому Сципиону подкрасться к городам Гасдрубала сквозь раскаленные пески? Где Феодокл, под началом самого Александра Александрида, да пребудет с ними Афина, ушедшего вверх по Нилу на покорение царств, скрытых даже от мудрого Птолемея?

Дрожат куцые язычки пламени, не в силах разогнать темноту.

— Зачем, Сати? Сколько они намереваются просидеть на плоской стене в самодельных гнёздах?

— Ты спрашиваешь, не наскучила ли им свобода?

— Раб не может стать свободным. Потеряв одного хозяина, он тут же попадет к другому. Даже сидя на своей скале, он остается рабом.

— Ты забыл, что это вы принесли нам рабство, Маллон. Когда я была ребенком, в нашем городе никто не принадлежал никому. И я с болью вспоминаю то время.

Маллон пустыми глазами уставился в темноту.

— Мир принадлежит сильным, Сати. Не обманывай себя. Если бы ваш город захватили не мы, то любой, кто не поленился бы прийти сюда с двумя сотнями воинов. Вы слабые, и рабство для вас — единственное спасение.

— А ты не думал, что на свете может быть особое место, где не важно, слабый ты или сильный? Где нет власти? Где никто не заставит тебя делать что-то против твоей воли?

Сати придвинулась к нему и тихонько погладила по голове, как маленького мальчика. Маллон насупился:

— Ты говоришь о диковинных вещах. Это выдумка, глупая выдумка, больше ничего. Это идет поперек всему, что есть в этом мире, это как... как...

— Как Стена, — подсказала Сати.

— Да будет день твой легким, как северный ветер, и сладким, как мёд, любезный моему сердцу великий воин Маллон!

— Нет большей радости для меня, чем лицезреть дорогого гостя, а ты, без сомнения, дороже тысячи добрых гостей, о, мудрейший и справедливейший Андрагупта!

— Открой же ворота, доблестный Маллон! Не заставляй гостя топтаться на пороге! Спустись с башни и обними своего друга!

— С радостью сделал бы это, несравненный Андрагупта! Но меня тревожит выражение лица воина за твоей спиной. И еще одного за его спиной. И еще трёх сотен отважных лучников и мечников, составивших тебе компанию в пути через дикие джунгли!..

Андрагупта улыбнулся шутке. Рубин, украшающий его чалму, блеснул как капля свежепролитой крови.

— Ты слышал об учении Гаутамы? — спросила Сати.

Маллон брезгливо поморщился:

— Ты говоришь о давно умершем дурачке, который не мог раздавить муху или прихлопнуть комара?

Сати тихо вздохнула.

— Ты столь же прямолинеен, что и все эллины, каких я видела в твоей армии.

— Что же ты замолчала?

— Я хотела сказать, что учение Гаутамы не прижилось у нашего народа.

Маллон лёг на камни, ногами к Стене. Теперь она превратилась в бескрайнюю черную равнину, упирающуюся в небес-

ную твердь. А мир, где величайшая империя пошла трещинами, оставив в диком краю горстку своих сыновей, распростерся у него над головой. Мир, где изящно изогнутые луки воинов Андрагупты уже выцеливают всё, что шевельнется между зубцами крепостной стены.

Но на стене будет тихо и пустынно. Маллон не завидовал наместнику. Не так-то просто сделать первый шаг. Тебе сейчас страшно, Андрагупта, — ведь ты вознамерился выступить против наследников Богоизбранного, отщипнуть кусочек от их бескрайнего царства.

А промедление раджи — это лишние пройденные стадии для Медарха и восьмидесяти пяти эллинов, покинувших крепость на рассвете. Для них — и для семи самых быстрых юношей, спустившихся со Стены, чтобы стать проводниками. Для них — и для семи сотен женщин, стариков, детей, уходящих по доброй воле на северо-запад, в горный край, где снег не тает даже летом, где легко дышать, но тяжело двигаться, спешащих туда, куда не пройдут быстрые конники Андрагупты.

Хищная птица, раскинув остропалые крылья, кружила далеко в небе над гладью Стены. Маллон попытался представить, что она видит с небес.

Среди курчавых темно-зеленых холмов — будто черный клинок вонзился в землю, застрял в ране, оставил свою плоскость вечным напоминанием о силах, неподвластных ничтожным людям. Кто-то из воинов уверял, будто пораженный Зевсом древний северный бог, падая, отбросил свой топор так далеко, что тот перелетел Дакию, Ассирию, Персию, Бактрию и воткнулся здесь...

Маллон услышал возбужденный гомон из-за крепостной стены — скоро начнется штурм. Он поднял лук и одну за другой выпустил все стрелы — с лёгким пением они перелетали через главные ворота и, возможно, находили цель по ту сторону.

Потом, отбросив лук и поправив смотанную у пояса веревку, Маллон подошел к Стене, разулся, убрал в заплечный мешок мягкие сапоги телячьей кожи. Нащупал босыми пальцами удобный уступ, подтянулся на руках, переступил, огляделся, сдвинулся в сторону, подтянулся...

Он вырос в горной стране, и страха высоты не было. Он вырос воином, а тому, кто подавал дротики самому Александру Великому, не пристало бояться чего-либо в подлунном мире.

Там, внизу, резвые и быстрые воины с закругленными саблями один за другим взбирались на крепостную стену. Еще чуть-чуть — и ворота крепости распахнулись, впуская гарцующего на коне раджу. Нет, Андрагупта, то ли конь у тебя не тот, то ли... Маллон вспомнил тяжелую поступь Буцефала, его могучие вздымающиеся бока, огромные черные глаза...

Первая стрела чиркнула о камень где-то недалеко. Еще и еще одна, но всё время ниже, чем полз Маллон. Через несколько минут он выбрался на достаточно широкий — в ладонь — уступ, где можно было спокойно постоять, давая остыть перенапряженным пальцам и икрам.

Чирк... чирк... Стрелы как хворостинки бились о скалу — совсем ненамного, но ниже уступа. Маллон вдруг ни с того ни с сего рассмеялся и снова полез вверх.

Первый узелок, похожий на можжевеловую шишку, означал «еще не поздно» или «еще можно». Почти твоё имя, сказала Сати. Ведь «маллон» означает «возможно», или я ошибаюсь? Какой же у нее красивый голос.

Ему попадались на пути вбитые в трещины железные штыри, и Маллон благодарил тех, кто облегчил ему путь.

Второй узелок — как змея, и кажется очень крепким. Но стоит потянуть чуть сильнее, как расплетается без следа. Он означает «всё» — видимо, чтобы люди не забывали, как быстро всё превращается в ничто.

А последний узел — будто сжатый кулак. «Изменить», «исправить», «поменять», «решиться» — много разных смыслов, но все в одном: только твоя воля способна вызвать действие.

Еще не поздно всё исправить, Маллон... Он усмехнулся, вспомнив, как обреченность в глазах рабов сменялась осторожной, недоверчивой радостью. Он вспомнил, как Сати впервые за десять лет по-настоящему улыбнулась. Вот только какой же скользкий выступ...

Пальцы левой ноги не нашли опоры, и Маллон повис на руках. Правая нога стояла надежно, но очень, очень в стороне. Он

почувствовал, как липкая капелька пота скользит по брови, скуле и капает с подбородка вниз.

— Здравствуй, хозяин, — раздался голос откуда-то сверху. Надтреснутый голос старого человека. Маллон поднял голову.

Акура почти как ящерица висел прямо над ним. В свободной руке старик сжимал острый камень. Они одновременно посмотрели на пальцы Маллона. Где-то в вышине тревожно закричала птица.

Маллон чувствовал, как его оставляют силы, но не собирался сдаваться. Воины погибают в бою, от руки врага. Старик подполз чуть ближе и пристально посмотрел Маллону в глаза.

Время замедлилось, замерло, застыло.

А потом Акура отбросил камень в сторону:

— По одному мгновению — за каждый год нашего рабства. Теперь мы квиты.

Неторопливо привязал к железному клину у себя над головой кожаный ремень и спустил его Маллону под левую руку.

— Пойдем, эллин. Сати ждала тебя слишком долго, так что поторопись.

Среди лесистых холмов, полных плодов и дичи, возвышается голая каменная пластина. На поверхности чёрного как ночь камня кое-где проступают блестящие прожилки — это золото, которое никогда не попадет в жадные человеческие руки.

Люди обживают мир внизу. У них простые радости и самые разные печали. Они стремятся продлить свой род и поэтому так легко обрывают чужой.

А здесь, на едва заметном уступе, на топоре неведомого северного бога сидят, свесив вниз босые ноги, трое. Седой старик, его дочь и воин из далекой западной страны. И пусть будет так, пока солнце встает на востоке и садится на западе, огибая чёрную Стену по тверди небосвода.

Александр Сивинских
ФАКТОР МАССЫ

Проклятый телефонный звонок практически снял меня с бабы. Я в первый момент даже струхнул. Представилось мне, что звонок — дверной и означает: Инкин мужик нагрянул, капитан Сутормин. Дежурство по части, конечно, штука серьёзная. В ДОС, посмотреть, как там твоя благоверная почивает, просто так не сбежишь. Но кто его знает, вдруг влюблённое сердце сбой дало, погнало из дежурки вопреки Уставу. Именно так, с прописной, потому что Сутормин иначе мир не видит. Здесь Устав, здесь отсутствие Устава. Где он есть — хорошо, где нет — нужно поскорее ввести.

Между прочим, сам я на сердечные толчки внимание обязательно обращаю, потому что знаю — спроста они не случаются. Однако, как я уже сказал, это был телефон. Мобила.

Моя.

Инка обвила меня ногами и руками, зашептала горячо, не бери, Кириллушка, плюнь, идут они все суходолом. Только трубу я всё-таки взял. Мало ли.

Оказалось, не мало.

Звонил как раз Сутормин. Но не для того, чтоб узнать, сладко ли меня его жёнушка ласкает и не нужно ли добавить жару нашим объятиям. Из табельного пистолетика, х-хэ. А для того чтоб скомандовать: тревога, старший лейтенант. Ноги в руки и дуй живо в расположение роты. Тебя тут ждут. И послышалось

© А. Сивинских, 2007

в его тоне что-то такое, что я не стал ворчать, не остался даже добить последний пистончик с кошкой ненасытной Инночкой, а живо взял ноги в руки и — дунул.

От домов офицерского состава до казармы разведроты, где я командиром второго взвода (а капитан Сутормин ротным), расстояние километра три. Половина по гражданке, половина по территории полка. До КПП я шёл быстрым шагом, после рванул рысцой.

Возле казармы меня уже ждал дежурный по роте, сержант Комаров. Морда у него была абсолютно дикая, руки тряслись. И сигарета во рту тоже подрагивала. Представив, как Сутормин мог обойтись с ним, застукав дрыхнущим на дежурстве, я даже слегка пожалел парня. Хоть и не за что — если он в самом деле массу давил.

— Ну, Комар, что тут за аврал? — Я хлопнул его по плечу. — Третья мировая объявлена?

— Да хрен знает, товарищ старший лейтенант. Может, и мировая. Ротный прискакал, как в дупу ужаленный, а с ним двое каки́х-то левых. Один полкан с авиационными петлицами, второй не разбери кто. Камуфля городская новьё, знаков различия нету. По лицу — тоже военный. И не из маленьких. Уж не генерал ли. — Сержант глубоко затянулся и жалобно сообщил: — Прикиньте, товарищ старший лейтенант, ротный меня чуть не убил.

— Кемарил, — сделал я вывод.

— Да ни боже мой, товарищ старший лейтенант. Читал...

— ...Устав гарнизонной службы, — добавил я с фальшивым участием и подмигнул.

— Ну, если и устав, то никак не гарнизонный. «Пентхауз», — сказал приободрившийся Комаров и подмигнул в ответ.

А чего ему от меня-то скрывать. Я ж дембелям ротным и принёс этот журнальчик. Чтоб в гражданскую жизнь помаленьку втягивались.

— Где они сейчас? — спрашиваю.

— В канцелярии сидят.

Я ещё раз хлопнул сержанта по плечу и двинул в помещение. Дневальный стоял как кол, только глазами вращал. И на

него, значит, ротный страху нагнал. Умеет он это дело, слонов в ужас вводить. Умеет и любит. Особенно когда дежурным по части заступает.

Мимоходом кивнув солдатику, я стукнул костяшками пальцев в дверную филенку канцелярии и вошёл.

Полковник авиационный сидел за столом, штатное расписание роты листал. Мужик в сероватом «пиксельном» камуфляже пристроился на краешке столешницы, покуривал. А Сутормин держался совсем как дневальный: торчал навытяжку возле ротной тумбы-сейфа. И только в пальцах повязку дежурного по части нервно теребил. Видать, по-настоящему крутые шишки эти двое.

А я, как назло, даже не в форме. Джинсики, курточка, кроссовки. Из военного — одна фуражка, и та не по уставу. В столичном ателье построенная, диаметром сантиметров на пять шире положенного, сантиметра на три выше, и кокарда шитая. Стильный «аэродром», если кто толк понимает. Ну да что тут поделаешь? Вытянулся я, представился как положено. Так и так, по вашему приказанию, старший лейтенант Коротких.

— Коротких, гм? — хмыкнул полкан и хлопком закрыл журнал штатного расписания. — Во ты шутник, лейтенант!

Я невозмутимо промолчал, делая вид, что до меня, как до жирафа юмор с поздним зажиганием доходит. Привык к подобным подколкам. А вот то, что летун «старшего» в звании моём исключил, запомнил накрепко. Будет возможность, отквитаюсь. Я злопамятный.

— Почему не по форме?.. — начал шипеть капитан, но камуфлированный сделал знак пальцами с сигаретой — словно намеревается её бросить ротному в хайло — и Сутормин заткнулся. А потом и вовсе вышел, повинуясь столь же безмолвному, однако выразительному приказу, произведённому опять же жестом: «свободен».

«Он что, немой?» — промелькнула у меня мысль.

Тут камуфлированный ловко соскользнул со стола и начал говорить.

И чем больше он говорил, тем сквернее делалось у меня на душе. Да и было от чего.

Короче, ситуация сложилась следующая. Неподалеку от нашей части обнаружена зона гравитационных и тектонических возмущений. Зарегистрированы зоны напряжённости в земной коре. Словно откуда ни возьмись, образовалась геосинклиналь. В одночасье, можете это себе представить, старший лейтенант.

Я мужественно вслушивался в эту абракадабру и бровью не вёл. Сначала не вёл, а потом-то да, повёл. Когда мотнул башкой, показывая, что никак нет. Не могу себе такого представить, чтобы геосинклиналь — и в одночасье!

— Ну ты, Георгиевич, окоротись. Совсем задурил литёхе мозги со своими, бляха-муха, терминами, — пробурчал в этот момент полкан. — Мне-то задурил, а ему тем более. Дай-ка лучше я. По простому, по рабоче-крестьянски.

То есть у него и в мыслях нету, что какой-то старлей из пехоты (пусть даже командир разведвзвода) может разбираться в геотектонике лучше, чем он, летун. Голубые петлицы, голубая кость.

Хотя, в общем, он на этот раз прав. Так оно и есть.

— Слушай сюда, разведка. В пятнадцати километрах от вашей части какая-то херня творится. Датчики зафиксировали, что ни с того ни с сего, буквально за минуту, образовалась зона повышенной сейсмоактивности. Будто, бляха-муха, прямо сейчас землетрясение начнётся. А такого быть попросту не может, здесь эта активность нулевая по жизни. Во-от. Ну и в команде Георгиевича возникло предположение, что это наши, бляха-муха, геополитические друзья с сейсмическим оружием балуются. А здесь такое дело... да ты, поди, в курсе, разведка? — И посмотрел на меня вопросительно. И камуфлированный Георгиевич посмотрел.

— Так точно, товарищ полковник, в курсе. Шахты стратеги...

— Вот и хорошо, что объяснять не нужно, — прервал меня камуфлированный. — Специалистов мы вызвали, но пока то да сё, прибудут они только к двенадцати часам дня. И это в лучшем случае. Поэтому первичную разведку произведёте вы, товарищ старший лейтенант. Подберите себе бойцов посмышлёнее. Четверых, я думаю, достаточно. Берите сухпаёк на сутки, воду, оружие. Две рации. Боеприпасы.

— Боевые боеприпасы, — веско изрёк полкан.

— Вопрос разрешите, товарищ полковник? — сказал я. Он кивнул. Тогда я набрался решительности и спросил: — Если там с минуты на минуту землетрясение ёкнет, какой смысл в разведке? Чего я там увижу такого, что нельзя засечь с вертолёта или спутника? Успею замерить ширину трещины в земле, перед тем как в неё ухну? Только солдат загублю. И зачем в таком случае оружие?

— Ты не умничай, — начал кипятиться полкан. — Приказ дан, вперёд и с песней. Будешь докладывать обо всём, что увидишь. Хоть о щелях в земле, хоть о барсучьих берлогах, хоть о гражданских лицах типа грибников, понял?! А оружие для дисциплины, понял?! Двадцать минут на подготовку. Кругом, шагом марш.

Я губы сжал, стою неподвижно.

— Что тебе неясно, лейтенант?! — заорал полковник и медведем полез из-за стола, роняя кресло. — Бегом, н-на...

— Вы мне не командир, — процедил я, зная, что прав на все сто. И что я ему сейчас бесконечно нужнее, чем он мне. Поэтому хрен что сделает. Хотел ещё добавить из мстительности «подполковник», но сдержался. — И приказы ваши я выполнять не обязан.

У полкана, ясно, образовалась полная пасть кипящего говна на почве противоречия младшего по званию. Того и смотри, плеваться начнёт. Или захлебнётся. Что предпочтительней, конечно. Так-то тебе, сука, икнулось за нежелание правильно моё звание произносить, думаю.

Тут камуфлированный встал между нами, приобнял меня за бочок и повёл вон из канцелярии, приговаривая, что зря я в позу встаю. Всё уже обговорено с командиром полка. О чём мне дежурный по части прямо сейчас и доложит.

Доложил, конечно, рогоносец.

Когда рота в наряде, это значит, что слонов в расположении — раз-два и обчёлся. Караул, кухня, техпарк — везде люди нужны. А разведрота не так велика, как обычная мотострелковая. Вот и получается, что свободного народа в казарме остаёт-

ся человек десять. Включая наряд по роте. Остаются, ясное дело, самые дедушки. За исключением дневальных. Как раз то, что мне надо. Не брать же с собой духов? Только нянчиться с ними.

В общем, взял я сержанта Комарова, сняв с дежурства, а ещё младшего сержанта Косиевича, и двои рядовых — Молоканова и Махмудова. Молох и Махмуд парни с большим самомнением, зато лоси здоровые и специалисты классные. Рации им навесил. Р-125 не такая уж громоздкая, но в походе дисциплинирует неслабо. Обмундировал личный состав как положено. Комбезы, берцы, десантные ранцы, фляги, химические свечи. Паёк сам набирал, не скупился. Каски, поразмыслив, велел оставить, а противогазы и сапёрные лопатки — взять. Автоматы, к ним по три снаряженных магазина и десантный нож каждому. Себе вдобавок пистолет. Не в роли боевого оружия, конечно, а как символ власти. Очень способствует беспрекословному выполнению приказов. Особенно когда ситуёвина напряжённая.

Загрузили нас в «газон» шестьдесят шестой, тент опустили. Видимо, в целях сохранения тайны местоположения сейсмоопасной зоны. Чтобы мы потом по своей воле туда не наладились бегать. Ягодки собирать в разломах земной коры, х-хэ.

Лётный полкан, всё ещё бешеный от моего непокорства, сел в кабину, а камуфлированный Георгиевич к нам забрался. Рядом со мной примостился.

Тронулись.

Бойцы сидели смирно, не переговаривались. Наверное, досыпали. Я им для душевного спокойствия объявил, что проводятся учения, максимально приближенные к реальной боевой обстановке. Поверили или нет, трудно сказать. С одной стороны, им такие ночные вылазки не впервой, разведрота она разведрота и есть. Но с другой — наличие чужого старшего офицера и непонятного типа без знаков различия должно даже самого тупого слондата наводить на всякие мысли. А мои ребята в целом башковитые.

Ничего, на месте разберусь, говорить правду или так оставить.

Отъехали совсем немного, когда Георгиевич ткнул меня локтем в бок и сделал знак, чтоб я наклонился ухом к его устам.

Не сахарные они оказались, ой не сахарные. Потому что полился из них чистый напалм, если вы понимаете такую вещь как иносказание.

Выяснилось, что помимо сейсмических толчков в ожидающем нас районе зафиксировано ещё кое-что. А именно атмосферные явления, наводящие на мысль о вторжении инопланетного зонда. Вот так, и никак иначе. Потому что факты, и нечего ржать. Во-первых, наблюдалось приземление крупного объекта, не похожего ни на что известное.

Во-вторых, сразу после посадки над зоной образовалась какая-то мелкодисперсная линза, непроницаемая для всех видов излучений. «Крыша». Что-то вроде плотного облака метров полста толщиной и километров семи в диаметре. По всему объёму линзы наблюдаются вспышки фрактального свечения. Из космоса того, что происходит под линзой, не снимешь. Из верхних слоёв атмосферы тоже. Ни в ИК, ни в УФ, ни в рентгене. Ни в радио, ни в оптике. А нижние слои атмосферы этой «крышей» жёстко блокируются. Электрика вертолётов и самолётов выходит из строя примерно в километре от её видимой границы. Но что хуже всего, линза разрастается. Вместе с ней увеличивается район бедствия. Рост сопровождается пресловутыми сейсмическими толчками и ещё кое-чем, настолько специальным, что объяснять неподготовленному человеку бесполезно. Такая вот петрушка. Козе понятно, что наш рейд — припарка мёртвому. Всего лишь временная затычка до прибытия спецов; галочка в графе «предпринятые действия». Наверху одурели, грозятся адскими карами и требуют немедленных мер. Вот и пришлось отреагировать на скорую руку. И ещё. До нас туда уже вошла группа исследователей. Самодеятельная. Клоуны из комитета по исследованию НЛО. Вошла и будто в трясину канула.

При лётном полковнике Георгиевич мне об этом говорить не хотел. Да и сейчас не имеет права. Но бросать людей в полную безвестность ему не позволяет самая обыкновенная порядочность... — ну и дальше пошла унылая мура, которой обычно сопровождается отдание смертоубийственного приказа, если отдает его гражданское лицо. Стало быть, никакой он не офицер, ошиблись мы с сержантом Комаровым.

— М-мать, — только и смог сказать я, когда он закончил бормотать. Потом, помолчав, спросил: — В таком случае, какая у нас настоящая задача? Действовать или имитировать действие? Я что-то совсем запутался.

— Действовать, разумеется. Выполнить первичную разведку. Постоянно держать связь, докладывать каждые пять минут. При возможности — захватить «языка».

— Ликвидация остального экипажа тарелочки?

— Может, там и нет никакой тарелочки...

— Ну а всё-таки?

— Это было бы крайне нежелательно. Уничтожить весь район, как вы понимаете, мы способны и без диверсантов. В любое время.

— Типа ядрёной бомбой? Поблизости от ракетных шахт? — Я иронически заломил бровь. В темноте кузова пантомима моя, само собой, оказалась неоцененной. — Впрочем, ладно, не моё дело. Что с уфологами делать, если встретим?

— Пиздюлей навешать, — с ненавистью сказал Георгиевич, — и гнать оттуда взашей. Если ещё кто-то встретится, тоже гнать. Но без насилия.

— Задание понятно, товарищ...

— Пусть будет Главный, — проговорил он после короткой заминки.

— ...Товарищ Главный. Разрешите бойцам сообщить?

— На ваше усмотрение, — сказал товарищ Главный и передвинул задницу от меня подальше. Разговор, стало быть, окончен.

А через несколько минут мы остановились.

Район бедствия опасным не выглядел, да и чувства, что находиться поблизости опасно, не вызывал. Обыкновенный сосновый лес. Линзу эту злосчастную за кронами вообще не видно. Неба, правда, тоже видно не было. Прямо над нами помаргивали звёздочки и позади звёздочки, а впереди — темень. Не как ночные облака, а просто мрак. Иногда только что-то проблёскивает, будто в гранёную стекляшку тоненький лучик ла-

зерной указки попадает. Наверное, то самое фрактальное свечение и есть.

Мне вручили карту с отмеченной точкой «максимальной активности», выдали каждому из бойцов по мощному фонарю и скомандовали: марш, разведка.

В этот момент земля ударила в ступни. Мягко, едва ли не вкрадчиво, но коленки всё равно подогнулись, а в животе образовалось противное сосущее ощущение. Такое бывает у стоматолога, если новокаина больше требуемого вколют. Предобморочное, угу. А спустя секунду пришёл звук. Был он не то чтоб очень громким, но как бы это выразиться... всеобъемлющим. И так хватил по барабанным перепонкам, что я на некоторое время оглох.

— Стон земли, — услышал я, когда глухота прошла.

Обернулся посмотреть, кто это выступает. Оказывается, камуфлированный Георгиевич. Ещё и поэт наш товарищ Главный, гляди-ка чё. С таким начальником не соскучишься. Только и шкуру уберечь проблематично.

Через минуту мы уже рысили в направлении леса.

Первое время путь освещали фары «ГАЗа», потом — только переносные фонари. Видимо, на их электрику блокировка зоны не действовала. Едва я успел так подумать, свет фонарей начал тускнеть и вскоре совсем погас. Вряд ли оттого, что накаркал, скорее мы просто приблизились на километр к границе запретной территории.

Сложили бесполезные фонарики на бугорок. Я из набедренного кармана достал химическую свечу. С хрустом «переломил», покрутил, постукал о ладонь — и трубка начала светиться ровным зеленоватым светом. Солдатикам скомандовал со своими свечами пока не торопиться. Хватит для начала и одной. Не иголки ж нам в траве собирать. А экономия лишней не будет: до восхода времени ещё навалом. И кстати неизвестно, когда под «линзой» рассветет.

Конечно, проводить ночную разведоперацию со светильником, даже таким бледным, как химсвечка, верх непрофессионализма. В каком-то смысле всё равно что выскочить на дорогу перед вражеской колонной и замахать знаменем части, рассчи-

тывая выманить «языка» пожирнее. Но сегодня дело было специфическое. Во-первых, непонятно, существует ли враг вообще. А во-вторых, темень — хоть глаз выколи. Без подсветки дальше первого дерева не уйдёшь. Там этот самый глаз и оставишь.

На подходящем сучке.

Вскоре начала шипеть и подмигивать лампочкой рация у Махмуда. Я тут же вспомнил о том, что необходимо постоянно докладывать, и даже начал доклад — но рация благополучно сдохла. Так же, как чуть раньше фонари. Сволочная «крыша» вырубала любое электричество на корню, не давая отцам-командирам шанса узнать, что здесь и как. У меня немедленно родилась замечательная идея устроить прямо тут и прямо сейчас привал. Примерно этак до полудня. А потом вернуться и доложить, что в обследованном районе ничего чужеродного не обнаружено. Всё равно проверить никто не сможет.

Прогнал идею как паникёрскую.

Молох и Махмуд после того, как рация загнулась, уставились на меня вопросительно. Лодыри явно уже были готовы избавиться от бесполезного груза. Я сделал вид, что не понимаю их взглядов.

— Товарищ старший лейтенант, — заныл тогда Махмудов, — а давайте оставим радиолы тут. Пускай полежат до возвращения.

Окинув его уничтожающим взглядом, я поинтересовался, велики ли у него сбережения на дембель. В рублях, евро и любой другой валюте. А что, насторожился Махмуд. А то, сообщил я, что если рации отсюда попятят, расплачиваться придётся тому, на кого имущество записано. Для справки: на себя предусмотрительный товарищ старший лейтенант их не записывал. Якши?

— Так ведь нет никого, — убито пробормотал Махмудов.

На что злоязыкий Комар тут же выдал анекдот про изображающего эхо Чапаева в колодце: «А если гранату бросить?» — «Так ведь нет никого...»

Следующие полкилометра бойцы травили анекдоты. По сосняку идти легко даже ночью. Впрочем, ночь здесь была какая-то странная. Мои часы (старая добрая механика) показывали всего-то 3:20, когда давешняя непроглядная темень стала как

будто рассеиваться. Рановато, подумал я. Слоны, увлечённые зубоскальством, ничего не замечали. Пораскинув мозгами, решил отнести ранний рассвет к побочным эффектам фрактального свечения.

В 3:30 объявил первый перекур. Свечу зашвырнул метров на двадцать вперёд. Солдатики со счастливым гомоном повалились наземь, закурили в кулачки, а я остался стоять, посматривая по сторонам. Впрочем, стоял недолго, потому что земля вновь вздрогнула. Заметно сильнее, чем в прошлый раз. Меня словно крепкой оплеухой сбило на колени, вторым толчком уложило на пузо. Матерясь, я начал подниматься, но ни хрена не преуспел. Создалось ощущение, как будто ранец упирается в какую-то преграду. Не в ветку и не в куст, а во что-то протяженное, вроде низкого потолка. Я повернул голову — и ни черта не увидел. Ткнул назад локтем. Локоть во что-то ударился.

Это и впрямь была преграда, но преграда абсолютно невидимая. Как отмытое до полной неразличимости стекло. Как уплотнившийся до твёрдого состояния воздух. Интересно, подумал я, насколько широко она раскинулась? Прополз немного влево.

Точно такая же холера. Потолок-невидимка примерно в полуметре над землёй. Даже не сядешь, не то чтобы встать. Не успел я толком испугаться, как заголосили и мои бойцы, обнаружившие, что их упаковало, будто марки в кляссере.

Передвигаться по-пластунски — тяжелейший труд. Вдобавок жутко болезненный. Прошло каких-то полчаса, а я уже почувствовал, что мои локти и колени лишились значительной части кожного покрова и начали гореть точно обожженные. Сдвинутые за спину фляга, противогаз и лопатка нещадно колотили по рёбрам и ягодицам и всё норовили сползти под живот. Где и без них было очень и очень несладко: пряжка ремня ёрзала туда-сюда, словно орудие пытки. Автомат, зажатый в правой руке, почему-то здорово потяжелел и весил, наверное, как ПКТ. Я терпел. Бойцы мои, которым было ничуть не легче (а несущим рации Махмуду с Молохом ещё и похуже), терпели тоже. Мне,

мужику, было стыдно проявлять слабость перед пацанами; им — передо мной. Как-никак, дембеля. Солдатская элита.

Мы ползли вперёд. Как букашки, заключенные наблюдателем-великаном под лист мутного стекла. В глубине «стекла» разливалось слабое серовато-желтое свечение, сгущавшееся и усиливавшееся вокруг стволов сосен. Каждое дерево на высоте примерно полутора метров было опоясано широким, мерцающим будто подсевшая неоновая лампа «бубликом». Из-за этой люминесценции свеча больше не требовалась. Я оставил её там, где лежала.

Что заставило меня отдать приказ двигаться к точке «максимальной активности», я, пожалуй, не мог сказать и сам. Страх наказания за невыполненный приказ? Упрямство? Гордость? Офицерский долг? Думаю, всё вместе. В конце концов, не для того я пошёл в военное училище, чтобы потом баловать с жёнами командиров да уволиться на пенсион в сорок пять. Служить я шёл. Родине. И подавитесь вы своими смешками, кого это признание развеселило.

А ещё — любопытство. Мне страшно хотелось увидеть хоть одним глазком созданий, которые так ловко нас припечатали и распластали. Тарелочку их долбаную увидеть. Не стоит забывать и о почти инстинктивном охотничьем азарте разведчика — о желании взять «языка».

Во всяком случае, слонов моих в первую очередь вёл именно этот азарт. После паники первых секунд, когда обнаружилось, что мы аккуратно уложены на животики без перспективы подняться хотя бы на карачки, после сурового наведения дисциплины в подразделении (Косиевич до сих пор сморкался красным), я им всё рассказал. Не только вводные товарища Главного, но и свои соображения. Например, о том, что вернуться без трофеев прямо сейчас и вернуться с трофеями чуть погодя — в общем-то один хрен. Всё равно закроют нашу группу на неопределённое время и с неопределёнными перспективами. Во избежание разглашения. А может, и для опытов, х-хэ. Но если вытащим из-под «линзы» хоть что-то, сидеть в изоляторе будет малость комфортнее. Имеется в виду моральное удовлетворе-

ние. Разведка приказ выполнила, и загнись всё остальное конём. Кстати, прибавил я, будет что внукам рассказать. Потому что девушкам — не получится. Подписку о неразглашении после окончания операции с нас лет на полста возьмут, это я гарантирую.

Бойцы со мной согласились. Думаю, у каждого из них мелькнула мыслишка, что никаких девушек, не говоря уже о внуках, нам не светит. Потому что секреты такого масштаба одной подпиской не шифруются. Тут мерами покруче пахнет. К счастью, ни один свои догадки вслух не высказал.

На труп мы наткнулись в 5:33. Хотя какой, к бесам, труп. Шкурка из одежды, обёрнутая вокруг костяка. Мокрая. Так, во всяком случае, виделось издали. Над останками поднимался парок, но никакого запаха не ощущалось. То есть абсолютно никакого, разве что слегка наносило сырой глиной. А может, это мне только казалось. Игра воспалённого воображения.

Приказав солдатам оставаться на месте, я подполз к мертвяку и разворошил одежду лопаткой. Плоти там никакой не оставалось, лишь ошмётки какие-то, плёнки да жилы. Кости выглядели так, словно из них вымыли весь кальций. Проделывали мы в школе такой опыт на биологии. Немножко кислоты, немножко терпения... «Изготовь резиновую кость» называется. Тогда это было чертовски смешно. А сейчас... ну, понятно. Вещички у покойника были на месте. Приборчик какой-то вроде рентгенметра, бинокль, тесак страшенный а-ля мачете; зато голова отсутствовала. Когда я откинул капюшон штормовки, обнаружилось, что из воротника торчит огрызок позвоночника, а то, что я принимал за череп — замшелый валун, выступающий из земли. Следов крови или мозгового вещества на нём не имелось. Букашки только какие-то копошились. Ничего инопланетного в них не было. Обычная членистоногая мелочь, которая прячется под древесным гнильём, да муравьи.

Между прочим, с момента перехода на пластунский способ передвижения муравьи доставали нас просто невыносимо. Они будто озверели: забирались под одежду, под волосы, набивались в уши — и ели поедом. Аномалия эта на них так действовала, что ли? Зато комарьё отсутствовало напрочь. И то плюс.

Вернувшись к солдатикам, я ограничился кратким «холодный, причина неясна», после чего приказал взвести и поставить на предохранитель автоматы. Затворы лязгнули, бойцы помрачнели. Не нужно обладать степенью доктора психологии, чтоб понять: им значительно меньше, чем пять минут назад, хотелось геройствовать и захватывать пришельцев в плен.

Мне, разумеется, тоже. Но теперь дело, мать его так, пошло на принцип.

Остальных исследователей НЛО мы нашли метрах в полутораста от первого. Тела троих уфологов в позах, наводящих на определённые мысли, располагались вокруг остывшего уже кострища, четвёртый лежал по пояс в покосившейся палатке, ноги наружу. Все без голов, все с «резиновыми», будто вываренными в кислоте, скелетами. Судя по всему, страшная смерть настигла людей, когда они устроились закусить. Неизвестно лишь, почему тот, первый, оказался поодаль. Или бросился убегать, или просто отошёл по нужде.

— Тоже было пятеро, как и нас, — пробормотал Косиевич.

— Хавальник заткни, — оборвал его Комар, а Махмуд отоварил по чану — чтоб не каркал.

Запах мокрой глины витал над мёртвым лагерем уже совершенно явственно.

К семи утра землю тряхнуло ещё четыре раза (мы уже почти не обращали на это внимания), а главное рассвело. В стороны можно было видеть довольно далеко, расстояние зависело только от рельефа и количества растительности, а вверх — метра на два-три. Впрочем, разглядывать вверху было решительно нечего. Туман и туман. Только абсолютно неподвижный, светящийся и аккуратно «подрезанный» с обращённой к земле стороны. Эта долбаная плоскость, нависшая над нашими спинами, приобрела теперь цвет молочного обрата. Флюоресцирующие «бублики» вокруг древесных стволов слились с ней почти до полного исчезновения.

Я распорядился завтракать и оправиться. Именно в такой очерёдности, потому что руки мыть нечем. Порядок приёма пищи назначил следующий: трое рубают, двое охраняют. По-

том наоборот. Первая смена — Косиевич, Молох, Махмуд. Я и Комар — вторая. К приёму пищи приступить.

Слоны хавали торопливо, в полном молчании. Память о наших предшественниках, лишившихся плоти и голов во время еды, явно не прибавляла аппетита. Впрочем, всё обошлось. На оправку отползали не более чем на пять метров, и только парами. Один оправляется, второй бдит. Закончилось это дело тоже без приключений. Если, конечно, не считать того, что младший сержант Косиевич широко и обильно обоссал штанину.

Мою, сука такая!

Пока я крыл водолея-снайпера по матушке, по бабушке, в рёбра, в душу, в селезёнку, случился новый тектонический толчок. Был он значительно слабее предыдущих и не заслуживал бы даже мимолётного упоминания, если бы после него не рухнула сосна. Могучее дерево, стоять бы такому и стоять. А оно даже не переломилось — выворотилось с корнями.

На падающую сосну, похоже, ничуть не влияли фокусы с разделением пространства на ломти. Душераздирающе скрипя и ломая ветви, она ахнула из туманной высоты на землю. Огромное лохматое корневище, выбросив в воздух не меньше центнера рыжих глиняных комьев, грозно раскорячилось в считанных метрах от нашей лёжки. В образовавшейся яме шуршала обваливающаяся почва.

— Если бы эта зараза хряпнулась на нас, разбежаться бы не успели, — высказал общую мысль Комар.

— Аллах милостив к кротким детям своим, — объяснил Махмуд счастливое разрешение ситуации.

— Тогда это, надо думать, гурии, — сказал Комар на удивление спокойно и щёлкнул флажком предохранителя.

«Гурии» более всего походили на розоватых ленточных червей с ярко-красными головами. На бычьих цепней, обожравшихся полупереваренной свеклы и увеличившихся до размеров анаконды. Проворно огибая сучья, твари скользили вдоль поваленной сосны. От кроны — к комлю.

К нам.

Добравшись до корня, свивали длинные плоские тела в подобие спирали, толчком распрямлялись — и оказывались в воз-

духе. Там, тошнотворно извиваясь, они медленно продолжали двигаться в нашу сторону. Расходились веером: каждой твари — по человеку.

Они не летели, нет, — ползли. Ползли, прижимаясь брюхами к плоскому срезу мерцающего тумана. Словно для них верх и низ поменялись местами, словно притяжение для них было направлено не к земле, а к небу. Вернее, к «мелкодисперсной линзе».

Ничего хорошего от этих глистов-переростков ждать не стоило.

— Огонь! — рявкнул я.

Все уже и так стреляли.

Я рывком перевернулся на спину — для расширения зоны обстрела — и потянул спусковой крючок.

Расстояние до ближайшей «гурии» было смехотворным. Даже человек, стреляющий намного хуже, чем офицер разведбата, разнёс бы поганого червяка в клочья первой же очередью. Однако пули не причинили паразиту ни малейшего вреда. Они просто не достигали цели, не то поглощаемые, не то отражаемые прозрачной плоскостью, которая мешала нам встать последние четыре часа. Сообразил я это, лишь расстреляв полностью первый рожок.

То есть в считанные секунды.

Перезаряжать автомат времени не оставалось, червь навис ровнёхонько надо мной. Ничего омерзительней этого существа я в жизни не видывал. Трудно объяснить, в чём заключалась его мерзость. Наверное, в полной и окончательной *чужеродности*. Форма сочленений, цвет, пропорции тела — всё было совершенно неземным. Чесоточный клещ, паук, новорождённый крысёнок... что угодно из самого отвратительного *здешнего* не шло ни в какое сравнение с *не-здешней* отвратительностью «гурии». Хуже всего была сплюснутая красная головка, сплошь усеянная бородавками, усиками и крючочками. В передней части у неё наблюдалось рыло — отдалённо сходное с человеческим лицом. Уродливым, симметричным не относительно вертикали, а наискось, с каким-то кощунственным вывертом вроде свиного хвостика.

И вот эта перекошенная образина, шевеля ртом, похожим на проплешину в рыхлой чешуе, начала приближаться ко мне. Медленно, тягуче опускаться — словно капля кровавого гноя. Ей, как и упавшему давеча дереву, нипочём было пулестойкое уплотнение воздуха.

Запахло сырой глиной.

Я выпустил автомат, нашарил на поясе нож и, когда морда червя приблизилась к моему лицу на расстояние уверенного поражения, глубоко всадил лезвие в какую-то мембрану у основания самого толстого усика. Клинок вошёл на удивление легко. «Гурия» издала тонкий свистящий звук и дёрнула голову кверху.

Не тут-то было.

— В штыки их, ребята! — заревел я и, вцепившись в рукоятку обеими руками, потянул нож на себя, совершая лезвием пилящие движения.

Инопланетный хитин трещал и расползался. Ленточное тело твари билось и скручивалось за броневым слоем уплотнившегося воздуха. Я рвал нож на себя и орал с веселой яростью победителя. Наконец голова червя развалилась пополам, изнутри хлынул поток прозрачной жидкости, но я уже успел откатиться в сторону.

Слондатики мои не подкачали. Комар и Махмуд разделали своих противников как свиней, любо-дорого посмотреть. Моложанов, потомственный крестьянин, лёжа на боку, деловито отделял голову червя от слабо вздрагивающего тела. Не повезло одному Косиевичу. И не повезло катастрофически. То ли «гурия» ему попалась чересчур проворная, то ли сам он растерялся. Сейчас одна его рука была зажата в пасти ленточного паразита, который полностью скрылся в недостижимое для нас «застеколье» и толчками отползал к поваленной сосне. Косиевич, дико завывая, упирался ногами и царапал второй рукой по земле, сгребая хвою и траву.

Приподнявшись на кончиках пальцев и носках ботинок, я как ящерица метнулся на помощь. Не успел совсем чуть-чуть. В два сильнейших рывка червь утянул сержанта к себе и быстро заскользил прочь. Косиевич свисал из красной пасти будто кук-

ла, подошвы берцев скользили по поверхности незримого «потолка». Отрицательно направленное тяготение на человека явно не действовало.

Из виду они скрылись за считанные секунды.

— Отделение, слушай приказ. Вводная меняется, — жёстко сказал я, придя в себя. — Никаких, к хренам, «языков». Всех под нож.

— Ну, один-то язык у нас есть, — сообщил Молох, запихивая в ранец отрезанную и обмотанную полиэтиленовой плёнкой голову «гурии». — Тут он, поди-ка, найдётся.

Несколько минут спустя мы нашли то, что осталось от младшего сержанта Косиевича. Удивить безголовый труп уже никого не мог.

Хоронить прах товарища не стали, просто забросали ветками. Так же, как давеча покойных исследователей НЛО.

Впереди вздымался аккуратный, полностью свободный от сосен пригорок.

Высотой он был навскидку метров двенадцать—пятнадцать, диаметр основания под сотню. По склонам тянулись длинные мосты перезревших маслят. Сбоку от вершины рос разлапистый куст «волчьей ягоды», обильно забрызганный капельками рыжих и жёлтых плодов. Ничего, хотя бы отдалённо сходного с инопланетным кораблём, на этой возвышенности не было. Я открыл планшетку, сверился с картой. Если карта не врала, этот бугорок и являлся точкой «максимальной активности».

— Добрались. Нам наверх, — сказал я.

— Упрёмся, — безразлично заметил Комар.

— Вряд ли. По-моему, «потолок» повторяет все изгибы рельефа. Короче, так. Перекурите пять минут, я постерегу. Потом двинемся.

Невидимая плоскость и впрямь точно следовала рельефу. И через метр, и через два никто из нас не уткнулся в неё головой, зато над спинами она оставалась на прежнем расстоянии. Определялось это легко, достаточно было чуть приподнять зад.

Мы карабкались на пригорок, давя грибы, и — странный факт! — практически не ощущали, что ползём в гору. Скорее

наоборот, нас как бы слегка подталкивало к вершине. Сначала я думал, что это адреналин фокусничает, а когда опомнился и заорал «тормози!», было уже поздно. Неодолимая сила поволокла так, будто не вверх мы двигались, а вниз. По крутому, мало не отвесному склону. Мелькнула мысль о воронке гигантского муравьиного льва — и я ухнул в какую-то яму.

Полёт был недолог, приземление не мягко. Точно на голову мне свалился Молох, отчего я на некоторое время потерял способность анализировать обстановку. А когда очухался, пожалел, что не вырубился насовсем.

Мы находились в обширном (как раз с предательский холмик) округлом помещении, строгом до аскетизма. Снизу — лесной дёрн, вырезанный вместе с травинками, хвоинками, вездесущими маслятами и даже муравейником. Такие же дерновые стены. Примерно посередине помещения в десятке сантиметров над полом парила овальная плита, испещренная, будто сито, крошечными отверстиями. Вверху, как повелось, туманная светящаяся плоскость. Принцип горизонтального расслоения пространства работал и здесь.

А из тумана, едва не касаясь алыми рылами пола, свисали гроздья «гурий». Десятки тварей. Все они были абсолютно недвижимы, но ощущалось — живы. Наготове. Ждут лишь сигнала, чтобы навалиться скопом, откусить нам головы, пожрать мышцы и внутренности и высосать кальций из костей.

Сигнала почему-то не было.

Я медленно вытянул из чехла нож.

Черви оставались неподвижными.

— Работаем, бойцы, — скомандовал я и пополз к ближайшей твари.

Ну и грязная же это профессия — мясник.

К тому времени, когда большая часть «гурий» была уничтожена, я накушался разделочных работ досыта. Я был с головы до ног залит пахнущей глиной секрецией. Или лимфой. Да без разницы. Подозреваю, этот запах долго ещё будет вызывать у меня тошнотные спазмы.

Приказав слонам побыстрее заканчивать, сам направился к дырчатой плите. Видимо, это и была пресловутая летающая посудина. Размером она была с обеденный стол из солдатской столовой, толщиной чуть больше полуметра. Она висела в воздухе надёжно, не сдвинешь — и из-за множества отверстий неправильной формы походила на губку или кусок пемзы. Только поверхность не шершавая, а гладкая, будто покрытая тефлоном. Изнутри слабо веяло теплом. Дыхание? Вентиляция? Выхлоп? Я совсем было решился поковырять плиту ножом, когда меня окликнул Молоканов:

— Товарищ старший лейтенант, давайте сюда. Скорее! Тут, блин, такое...

«Такое» было — глист. Ну, глист и глист. Казалось бы, чего с ним церемониться? Нож в основание головы, где шкура помягче, провернул на треть оборота для надёжности, и готово. Однако эта тварь заметно отличалась от прочих. Мерзкое её рыло являлось безобразной карикатурой на лицо младшего сержанта Косиевича.

— Серёга, — бормотал пораженный Молох. — Это же Серёга, блин. Что же получается, товарищ старший лейтенант, они все — люди?

— Похоже, что так, — просипел я. Во рту вдруг почему-то пересохло.

В этот момент чешуйки и крючочки на морде бывшего сержанта пришли в движение. А потом одна из сочащихся слизью бородавок лопнула, приоткрыв вполне человеческий глаз.

То, что случилось дальше, трудно назвать разговором. Всё больше превращающийся в ленточного червя Косиевич хрипел, скрипел и перхал, силясь продавить сквозь своё нечеловеческое горло понятные человеку звуки. Поведать нам хотя бы часть знания, которое уже возникло в его трансформирующихся мозгах.

Понять его можно было с пятого на десятое. И далеко не факт, что понимали мы его верно.

Это была колонизация. Никакое не вторжение, не война, а мирный поступательный процесс взаимопроникновения культур. Та дырчатая штуковина, что плавала неподалеку, являлась

автоматическим зондом, призванным подготовить земную цивилизацию к встрече с вселенским разумом. Прежде всего запустить процесс раскатки пространства на пласты. Обратить объём в плоскость; ясно вам, гордые последователи Галилея? Сейчас этим процессом управляет зонд, но скоро наступит резонанс с гравитационным полем Земли, и вот тогда караул. Скорость роста зоны будет исчисляться экспоненциальной зависимостью, тектонические подвижки достигнут пиковых значений, и поверхность планеты разутюжит так, что любо-дорого. Нужно это, чтобы упорядочить человеческое общество, расслоив по кастам и разделив по ранжиру. Как пирог. Внизу, придавленные и уложенные мордой в грязь, дабы понимали свою цену, аборигены. Выше — те же аборигены, но модифицированные. «Гурии», способные к частичному контакту с высшей расой. Слой для них чуть пообъёмнее, свободы побольше, но тоже не досыта. И наконец, наверху, вольные как ангелы, высшие существа. Бесконечно мудрые и бесконечно милосердные. Прибытие их ожидается позднее, когда зонд пошлёт сигнал, что «пирог» полностью готов к употреблению.

— А если не пошлёт? — спросил я, оценивающе присматриваясь к плите.

Косиевич задёргался и забулькал. Если я правильно понял, обозначало это: тогда живите спокойно. Ангелам недосуг отслеживать судьбу каждого зонда, коих рассеяны по вселенной — миллионы. Нет сигнала, нет и «пирога». Какой смысл лететь на обед, который не готов.

— Уничтожить-то его можно?

— Сердцевина биологическая, — вполне разборчиво проскрежетали красные жвала. — Защитные поля действуют только в космосе.

Вскрыть оболочку зонда не представлялось возможным. Острие ножа скользило по поверхности, едва цепляясь за отверстия. Автоматные пули рикошетили, не оставляя ни малейшего следа. Вот когда я пожалел, что не захватил с собой хотя бы парочку гранат. А впрочем... Если этот зонд рассчитан на путеше-

ствие сквозь космос, пусть даже в оболочке защитных полей, вряд ли он столь хрупок, чтоб поддаться банальной лимонке.

Всё было напрасно. Я перевернулся на спину и закрыл глаза. Земля ощутимо вибрировала, практически без остановки: тектонические процессы набирали обороты. Рядом посапывали бойцы (существует ли вообще ситуация, в которой не сможет уснуть российский солдат?), в отдалении издавал тихие звуки Косиевич. Членораздельно говорить он был не способен уже минут двадцать. Ещё немного, и его придётся кончать, подумал я безразлично. Иначе он кончит нас.

Что-то мелкое и дьявольски настойчивое принялось грызть меня за ухом. Я почесался, нащупал твёрдое тельце.

Это был муравей. Опять муравей. Крошечный санитар леса. Любитель поживиться всякими вредителями. Всякой биомассой.

Всякой.

— Подъём, гаврики! — заорал я и пополз к муравейнику. — Сапёрные лопатки к бою!

Нельзя сказать, что у нас всё получилось сразу в лучшем виде. Поверхность плиты была фантастически скользкой, потенциальные спасители Земли съезжали с неё как детишки с ледяной горки. Но присутствовал один фактор, который играл на нас. Фактор массы, если вы меня понимаете. Муравьёв были десятки тысяч. И пусть тысячи падали на пол, но сотни всё-таки попадали внутрь. А останавливаться мы не собирались.

Лопаты вскоре пришлось бросить и действовать голыми руками.

Разъярённые нашим поведением, муравьи кусались, брызгали кислотой и снова кусались. На головы мы натянули противогазы, но руки!.. Мне казалось, что я орудую по локоть в кипятке. Я выл от боли, но продолжал сгребать с полу мурашей и буквально втирал их в отверстия зонда. И надеялся, что там, внутри, они не растеряются — отыщут, во что вонзить челюсти.

Они отыскали. И, похоже, сумели сообщить собратьям о залежах халявной пищи. Потому что вскоре количество муравьёв снаружи стало убывать. Уже без нашего участия. Насекомые по оставшейся от муравейника насыпи из земли и хвои марширо-

вали туда, куда их гнал голод. Или долг. Или любопытство. В конце концов, чем средний муравей отличается от среднего солдата? Не умом ведь, х-хэ.

Разве что числом ног.

Я скомандовал отступление, а затем и отдых. Червю-Косиевичу в целях безопасности натянули на рыло ранец и крепко обмотали ремнями. Впрочем, он всё равно пребывал в оцепенении. Должно быть, у него наступила фаза куколки. Так же как у тех «гурий», которых мы пластали полчаса назад. Иного объяснения пассивности этих тварей у меня не было. Да и откуда им взяться, объяснениям? В конце концов, я не паразитолог.

Прожорливые крошки окончательно нарушили работу инопланетного биомозга в 13:10. Земля содрогнулась в последний раз: тихонько, как остывающая после любви женщина — и всё кончилось. Разом.

Мы очутились на вершине холма, рядом с кустом «волчьих ягод». Повсюду валялись дохлые «гурии». Бывшего младшего сержанта среди них можно было отыскать только по ранцу на голове — перерождённое тело бедолаги было расслаблено и недвижимо. Поодаль, наполовину зарывшись в землю, лежала облепленная муравьями дырчатая плита зонда. Туман стремительно рассеивался.

Я встал сначала на четвереньки, затем оттолкнулся руками, с хрустом распрямил спину и поднялся во весь рост.

— Аллá, как же это прекрасно, быть прямоходящим, — восторженно сказал Махмудов и воздел красные, точно освежёванные руки к небесам.

У остальных грабли выглядели точно так же. Муравьи — ребята основательные, халтуры не терпят. Представляю, во что они превратили содержимое летающего блюдца.

Взяв автомат на плечо, я посмотрел в сторону Косиевича и спросил:

— Как попрём «языка», разведка?

Бойцы молчали. Торопить их мне не хотелось. Пускай хорошенько обдумают, взвесят. Уверен, решение будет таким, как следует.

Как дóлжно.

— Товарищ старший лейтенант, — наконец подал голос Молоканов. — Серёга вряд ли хотел бы, чтоб его это... исследовали. Чтобы... живьём.

Я поочерёдно взглянул на остальных. Махмудов и Комаров кивнули.

— Согласен, — сказал я.

Прихрамывая (колени после многих часов пластунских упражнений были содраны, наверное, до кости), подошёл к длинному плоскому телу, вынул из кобуры пистолет, взвёл и приставил дульный срез к туго перетянутому ремнями ранцу.

— Прощай, Серёга, — тонким голосом сказал Молох.

Выстрелы ПМ-а прозвучали негромко.

Совсем негромко.

Рассел Д. Джонс
ЭЛЬФЫ ПРОХОДЯТ БЕСПЛАТНО

Как всегда, её инструкции были похожи на стихи или пересказ сна, но уж никак не на точное указание конкретного места. «Рядом со стеклянным домом — такой весь из себя офисный куличик со шлагбаумом. Там ещё были полудохлые каштаны, белённые по горлышко. Где-то между киоском с карточками и забором со стройкой, а на заборе нарисована шестиногая лошадь. Ты сразу увидишь».

Как вам это нравится?! Она заметила каштаны и лошадь, но не удосужилась посмотреть название улицы и номер дома! Нарезая круги в районе педагогического университета, Влад вспомнил всё, что ему известно о женской логике, вернее, отсутствии оной. Где-то здесь должна располагаться сувенирная лавка, в которой Ева обнаружила «подарок своей мечты». Теперь Владу, словно рыцарю урбанистического квеста, предстояло отыскать этот вожделенный Грааль — и хорошо бы он был не дороже пятидесяти баксов!

Влад достал мобильник и ещё раз посмотрел на фото, которое она отправила после невразумительного описания маршрута. Дурацкая круглая штука, похожая на цветок. То ли синий, то ли фиолетовый — настырное весеннее солнце отсвечивало, отражалось от глянцевых кнопок и било прямо в глаза. Прищурившись, Влад открыл записную книжку, выбрал Евкин номер — самый первый из списка, как же иначе! — автоматически ог-

© Рассел Д. Джонс, 2007

лянулся по сторонам на предмет случайных прохожих и неожиданных велосипедистов — и упёрся взглядом в забор.

Покорная жертва граффити, безумная галерея чьих-то нечитабельных автографов — и поверх радужных макаронин, иероглифов и цифробукв красовалось нечто, похожее на таракана, паука, расчёску, но только не на лошадь! Рядом притулился оранжевый киоск, заклеймённый логотипами и сомнительными обещаниями «соединить» и «связать». А прямо перед собой Влад увидел витражную дверь, пыльную витрину с ловцами снов и колокольчиками счастья, а над всем этим безобразием вывеску «Чудеса и диковины! Невероятные подарки для себя и любимых».

— Чудесно!.. — пробормотал Влад. Он так устал, что даже ругаться не было сил.

«Только бы не обед, только бы не учёт...» — словно молитву повторял он, подходя к магазину. Ура-ура, слава капитализму, он по-прежнему клиент, который всегда прав и перед которым открыты все двери.

В «Чудесах и диковинах» было сумрачно — уличный свет с трудом пробирался между сталактитами восточных амулетов и сталагмитами подсвечников и деревянных то ли цапель, то ли двухвостых змей. Остальные товары были из той же категории: подушки с лапами, стулья с ушами, чайники, похожие на черепах, и черепахи с хрустальными рожками.

Посередине магазина возвышался «тотемный столб» — увешанная масками колонна, а на самой вершине — ЭТО. Влад даже телефон достал, чтобы убедиться, что не ошибся.

Сразу стало легче, и он ощутил что-то вроде гордости. Всё же он исполнил её мечту! Конечно, идеально бы было, если бы он сам узнал, чего ей хочется... Прочитал мысли, спросил духов или просто волшебным образом догадался. А не ждал конкретных указаний, как какой-нибудь лох. Мысль об этом слегка подпортила победное настроение.

«Хорошо, пусть я такой, как все, ни капли не особенный, и я даже не понимаю, что ты нашла в этой фигне, — думал Влад, доставая бумажник, — но по крайней мере она у тебя будет».

— Чем могу служить? — послышалось из-за масок.

Влад автоматически улыбнулся — вежливо, но не скрывая самоуверенности. В таких лавках любят накручивать цены, товар-то явно ручной работы, домашние поделки самозваных гениев. Значит, можно поторговаться, намекнуть на постоянных клиентов, припугнуть, что испортишь репутацию... Магазин только-только открылся, иначе бы Евка бегала сюда каждый день.

«Может, я вообще у них первый клиент?» — успел подумать Влад, а потом улыбка его увяла: он увидел продавца.

Вместо подрабатывающего студентика, скучающей тётки «чёвам-надо-а?» или бледной моли неопределённого возраста и пола перед Владом стоял — вернее будет сказать, возвышался — широкоплечий мужик спортивно-бандитской комплекции. Из-под закатанных рукавов чёрной рубашки виднелись хорошо накачанные бицепсы, толстая шея создавала впечатление, что подозрительный тип в любой момент готов к драке. А в прищуренных ярко-зелёных глазах вежливости было лишь на треть, остальное — сплошная самоуверенность.

— Добрый день... — Влад несколько подрастерялся. — А сколько это, — он взглядом и бумажником указал на вершину столба, — стоит?

— Это? — Продавец задумчиво посмотрел на круглую штуку. — Давайте посмотрим!

Он привстал на цыпочки, потянулся и снял заветный «подарок» — легким, изящным движением, как у матёрого котамышелова, который всегда готов к меткому прыжку. Под рубашкой, словно под мягкой шкуркой, обозначились мышцы — и Влад впервые в жизни ощутил жгучий приступ почти животной зависти к чужому телу. Потому что это было не кино, которое где-то там и понарошку, не профессиональные качки, словно отлитые из пластмассы, а прямо здесь, рядом, нечто обыденное и очень реальное.

— Так-так-так... — Продавец перевернул круглую штуковину, и только тогда Влад понял, что это шляпа — с широкими бархатными полями, с переливчатыми перьями, вся в бусинах и камешках. — 12-86-5, это у нас, значит... — продавец скосил глаза на деревянную собаку с рыбьей головой, — 122, с учётом

курса, скидка на время... Две тысячи восемьсот двенадцать рублей и семнадцать копеек, — сообщил он слегка обалдевшему от такой наглости Владу.

— Прошу прощения?

— Да?

— Так это не ценник?

— Нет.

Влад торжествующе усмехнулся.

— А вы знаете, что по закону о защите прав потребителей вы обязаны указывать цену на каждый товар?

— Две тысячи девятьсот двенадцать рублей и семнадцать копеек, — ответил ему продавец, делая упор на «девятьсот».

Влад открыл было рот, но остановил себя.

— Правильно, — согласился продавец, обмахиваясь шляпой, словно веером. — Ещё одно слово — и эта вещь вообще не будет продана. Вам.

Влад покачал головой. Огляделся — казалось, все твари и монстры магазинчика смотрят прямо на него, выжидая и тихонько посмеиваясь. Влад повертел в руках бумажник, достал телефон и снова убрал. Вспомнил обиженные Евкины глаза и выражение-маску «Я терплю, но я уже так устала!»

— Хорошо. — Влад принялся нервно отсчитывать купюры.

— Вам завернуть или сразу наденете? — поинтересовался продавец.

Влад с укором посмотрел на него.

— Вы же понимаете, что это не для меня?

— Разумеется! Для той милой девушки, что забегала сюда утром. У неё был телефон, которым можно делать фотографии. Как это удобно, не правда ли?

В его голосе уже не было издевки — лишь доверительность и искреннее восхищение развитием техники, с ноткой ностальгии по временам юности, когда подобные штуки очень бы пригодились — меньше, чем сейчас.

— Да, это многое изменило, — согласился Влад.

Стукнула дверь, и в магазин влетела девушка, запыхавшаяся, раскрасневшаяся и испуганная. Она увидела продавца со

шляпой, Влада с тысячными бумажками в руках — и совсем растерялась.

— Как же так?.. — Её глаза стали влажными, и вот уже первая капля заскользила вниз по щеке. — Я же... Я же просила, чтобы вы отложили... оставили...

— Ну, милая барышня, пожалуйста, не плачьте! — галантно воскликнул продавец, и его низкий грубоватый голос стал бархатно-мурлыкающим. — Я и не думал, что кто-то, кроме вас, заинтересуется этой красотой, она сто лет у меня здесь висит, если не больше...

— Но я же говорила, что я... Я добыла деньги. — Девушка вытащила из кармана смятую кучку сотенных бумажек. — Молодой человек, пожалуйста, — и она жалобно посмотрела на Влада. Так умирающие от голода котята просят кусочек сосиски.

Влад в отчаянии запрокинул голову к потолку, увидел там многокрылую тварь из красных тряпочек и, кажется, рыбьей чешуи, и устало прикрыл глаза.

— Я не знаю, на кой ляд вам всем сдалась эта дурацкая шляпа! — Он вновь достал мобильник и показал конкурентке фотографию на дисплее. — И я бы с удовольствием уступил её вам, но я всё своё обеденное время сначала искал этот замечательный магазин, потом пытался выяснить, сколько эта замечательная шляпа стоит, а теперь вы просите меня на всё забить! Может, ещё посоветуете купить что-нибудь другое? Это? — Он указал на чугунного крокодила, который обнимался с чугунной же селёдкой. — Или, может быть, это? Кстати, что это?.. А, чёрт! Проблема в том, что у моей любимой девушки скоро день рождения, и она хочет именно эту шляпу. И что мне ей сказать, а?

Гостья шмыгнула носом, вытерла глаза кулачком с зажатыми бумажками, на мгновение замерла, сжав губы, а потом кинулась к продавцу, выхватила у него заветную «диковину», сунула деньги — и выскочила вон из магазина.

— Стой! Куда?! Держите её! — заорал Влад и бросился следом.

— Она покупатель. Она права! — вслед ему усмехнулся продавец.

На улице было пустынно, «воровка» словно растворилась в воздухе — и Влад вернулся в магазин.

— И что мне теперь прикажете делать? — обречённо пробормотал он.

— Что, всё так серьёзно? — Продавец оторвался от пересчёта смятых сторублёвок и внимательно посмотрел на него, словно только что заметил.

— Именно так. — Влад попытался отряхнуть брюки, измазанные в пыли. — Подарок, который заказали — понимаете? Она редко что-то просит, а чтобы так, конкретно, даже с фотографией — никогда ещё не было. А я и этого не смог! Она меня точно не простит... Постойте, а человек, который сделал эту штуку, он...

— Это не просто магазин — это скорее галерея, выставка редкостей, — объяснил продавец, подойдя к Владу и положив руку ему на плечо. — Здесь всё в единственном экземпляре. Даже если художник сделает копию — это будет нечто совсем другое.

— В единственном экземпляре! — усмехнулся Влад. — Даже это? — Он указал на витрину с амулетами «Мэйд ин Чайна». — Это же... — Он не договорил.

То, что на первый взгляд было «ловцами снов», оказалось фасеточными глазами. Перьевые усики и бронзовые колокольчики превратились в задумчивых пчел, собирающих мёд на поляне из китайских «узлов счастья».

Влад тряхнул головой и отвернулся от витрины.

— Всё равно. Она меня не простит, — повторил он.

— Хотите сразу сдаться? — Продавец внимательно посмотрел ему в глаза.

Владу было неуютно, его тревожило прикосновение незнакомого человека, сильного и странного, от которого не знаешь, чего ожидать, и который способен на многое.

— Можно не совсем скромный вопрос? — Влад покосился на широкую ладонь у себя на плече и на золотой перстень, с виду старинный и очень тяжёлый.

Продавец убрал руку и отстранился.

— Попробуйте, — разрешил он.

— Вы профессиональный спортсмен?

— А в чём дело?

— Ну, просто поддерживать себя в такой форме — это както не очень сочетается с таким местом, с магазином...

Продавец подмигнул.

— Ну, это не для магазина, — и после паузы добавил: — Это для прекрасных дам.

Он так заразительно улыбался, что Влад не мог не улыбнуться в ответ.

— И что, помогает?

— Ещё как!

— Поздравляю! — Влад снова погрустнел. — Кому-то из прекрасных дам нужны крепкие мускулы, а моей леди требуется что-нибудь эдакое. Типа той шляпы. А всё, что я могу, — это покупать для неё всякие редкие вещи. Потому что её зарплата с вашими ценами не очень сочетается... И может быть, это было последней проверкой. — Влад достал сигареты. — Ну, я пойду.

— Можете курить здесь, — разрешил продавец.

— Мне надо на работу.

— Подождите. — Продавец исчез в недрах магазина и через пару минут вернулся с небольшой коробочкой. — Подарите ей это.

— Я даже не знаю... Ну, ладно. Сколько?

— Нисколько. И если вы действительно боитесь потерять свою леди, зайдите ко мне сегодня вечерком — у меня есть пара идей. Хочется вам помочь, всё же я немного виноват перед вами.

— А что мне ей сказать?

— Скажите, что подарок у неё будет. Даже лучше, чем она может себе вообразить.

— «Лучше, чем ты можешь вообразить», — усмехнулся Влад.

Всё равно что сказать: «Я знаю, чего ты хочешь сейчас и что захочешь завтра».

Он знал, что это не сработает.

Оно и не сработало.

Едва разобравшись, что он так и не купил заказанную шляпу, Евка бросила трубку. На звонки не отвечала, эсэмэски игнорировала. Вечер у Влада оказался совершенно свободным.

— Ну как? — Продавец встретил его на пороге магазина.

Влад махнул рукой — мол, лучше и не спрашивать — и последовал за хозяином.

За стойкой рядом с кассой стояло несколько бутылок с пивом, два высоких табурета дополняли ощущение бара.

— Я принёс кое-что покрепче, — сказал Влад, доставая из портфеля «Алмазную». И застыл с бутылкой в руке.

— Вот скажите, зачем я это делаю?

— Что?

— Собираюсь пить с человеком, которого даже не знаю, как зовут.

— Морган. Теперь знаете.

— Морган? Вы не русский?

— Нет, не русский.

— А так хорошо говорите...

— Спасибо, — закивал хозяин, приглашая гостя к столу. — Присаживайтесь. Кстати, я тоже не знаю, как вас зовут.

Влад рассмеялся.

— Владислав. Есин. Николаевич.

— За это обязательно надо выпить!

— Тогда — за знакомство!

Через час Влад со смехом рассказывал Моргану о том, как подозревал его в приставаниях и вообще принял за гея. На что Морган признался, что у него руки чесались вышвырнуть офисного цуцика: тоже, понимаешь, явился, растопырил пальцы и начал толкать речь про права потребителей и размахивать бумажником...

Домой Влад вернулся в первом часу. Он смутно помнил, что происходило в прошедший вечер, но на душе было радостно и непривычно светло — словно он пил пиво со старым другом. Или с отцом, которого он почти не помнил и о встрече с которым мечтал, когда был подростком.

Он не знал, откуда взялось это захватывающее, практически инстинктивное доверие к постороннему человеку. И всё же это чувство было знакомым: так привязываешься к герою увлекательного романа и торопливо перелистываешь страницы, погрузившись в чтение. Но кто-то настоящий? Наверное, дело в

том, что Морган был совсем не отсюда и абсолютно вне обычных проблем, обязательств и обстоятельств. Открытый и спокойный. С ним можно было на короткое время стать кем-то другим, освободиться от ежедневной суеты. «Надо рассказать об этом Евке», — подумал он, закрывая глаза.

Проснувшись, он понял, что спал один. На кушетке поверх подушки и смятого покрывала валялся домашний халатик Евы. Вот оно — начало. Как выражаются в умных книгах, «начало конца». И тут же заболела голова.

Когда он приехал на работу и включил компьютер, то уже начал жалеть о вчерашнем вечере, и особенно о том, что так много рассказал своему новому «другу». Даже слово это показалось каким-то фальшивым и навязанным.

Зачем он вообще разоткровенничался с Морганом? Тот ничего о себе не сообщил, говорил больше о своей «галерее», где каждый может «найти что-то настоящее». Понятно, что такие идеи нужны, если хочешь продать втридорога хлам, который не стоит и гроша.

Но что ему нужно от Влада? Может, и правда — гомосек? Ну, если и так, то пора бы понять, что здесь ему ничего не светит: Влад говорил, разумеется, о Еве-Евке. Рассказал, как они познакомились — в компании, где было четыре Жени, и Евка шутила, что это судьба: вокруг одни тёзки, приходится искать новые варианты имени.

То, что выбрала она, было с двойным смыслом — как и всё, что она выбирала. Ева, главная и единственная, первопричина всего... Один Влад выбивался из общего ряда. Он был слишком простым: обычный дизайнер-верстальщик, который ничем специально не интересуется, который может привыкнуть ко всему — скучный, пресный и банальный тип.

Влад с тоской посмотрел на макет с «волшебными» витаминками. Заказчик пожелал, чтобы на листовке изобразили Древо Жизни, знаки Зодиака и пару иероглифов из «Книги Перемен». Как будто вся эта магическая чушь могла как-то повлиять на содержимое пузырька. Ещё один торговец чудесами!

Когда цифры сложились в 13:25, Влад позвонил Еве. Длинные гудки — он представил, как она держит в руках телефон и, может быть, морщится.

— Да?

— Привет!

— Привет.

— Пообедаем вместе?

— Извини, у меня много работы.

— Ну, ладно. Как насчёт вечера? Сходим куда-нибудь?

— Ты знаешь, мы сегодня собираемся, я буду поздно, ужинай без меня.

Перспектива сидеть в пустой квартире и жевать пельмени или что там в холодильнике — это как вернуться в те времена, когда он закончил учёбу, пахал в своей первой конторе и не мог даже в кино сходить. Подлинная деградация, по сравнению с которой пиво в сувенирной лавке было серьёзным прорывом.

На этот раз Влад купил к пиву пиццу. И только перед вывеской «Чудеса и диковины» понял, как глупо выглядит: припёрся, понимаешь, будто его здесь ждут.

В лавке, как назло, кто-то был — открывая дверь, Влад услышал женский голос: «...И хочет, чтобы его поцеловали!»

— Добрый вечер! — поприветствовал его хозяин.

— Добрый вечер, — пробормотал Влад. — Я, наверное, не совсем во...

Он не смог договорить, когда увидел, кто рассуждал о поцелуях: у полок с чайниками и чашками стояла та самая вчерашняя девушка. Причём в той самой шляпе. «Она что, в ней по улицам ходила?»

— Познакомьтесь, Соня, — это Влад, Влад — это Соня. Ты её, как вижу, уже узнал. Она пришла извиниться за вчерашнее.

— А передо мной она не хочет извиниться? — раздражённо поинтересовался Влад. — Вообще-то из-за неё у меня проблемы.

— Всё так плохо? — Морган забрал у него коробку с пиццей и задумчиво взвесил пакет с дзинькнувшим содержимым. — Правильно, что зашёл — зачем сидеть одному? Ты уже вручил свой подарок?

— День рождения завтра. Но такое ощущение, что меня могут и не пригласить.

Соня опустила голову, спрятала виноватое лицо за поникнувшими полями шляпы.

— Ну, только не плачь! — Морган потрепал её по плечу. — Прекрасная донна слишком легко проливает слёзы! Знаешь, я решил сделать что-то вроде рекламы, буклет с картинками и всем этим. — Морган указал пиццей на полки с товаром. — А Соня обещала помочь с фотографиями.

— Ну, тогда я знаю, где это можно напечатать, — усмехнулся Влад. — Есть тут одна типография...

— Рекомендуешь?

— Я там работаю.

— О!

— Но не бесплатно, — быстро добавил Влад.

— Разумеется! Даже не сомневаюсь! Ну, пошли ужинать. У меня тоже кое-что приготовлено.

Влад хмурился недолго. Ситуация была забавная, невероятная, но в ней не было ничего опасного или противоестественного. Присутствие девушки снимало с Моргана все подозрения. И хотя Соня больше интересовалась расставленными вокруг лампами на птичьих ножках, зеркалами в рамах из меха и резными лягушками из лунного камня и агата, она наверняка успела заметить бицепсы, волевую челюсть и поблескивающие глаза хозяина.

А Влад думал о том, что если и завидовать чему-то, то не внешности, а той жизни, которую ведёт Морган. Теперь-то понятно, откуда эта уверенность и спокойствие. В своём магазине он продавец, сторож и бухгалтер. Ни перед кем не отчитывается, никому ничего не должен и ведёт себя так, словно знает, зачем это всё.

— Дела действительно так плохи? — спросил Морган, когда Соня, углядев очередную необыкновенную игрушку, скрылась в глубине магазина.

Влад закивал, шмыгнул носом, злясь на приступ жалости к самому себе. Это всё из-за пива и, наверное, человека, которому хотелось довериться.

— Дело не в подарке. Это давно в ней копилось... И я прекрасно вижу, в чём дело: во мне. Ей нужно что-то такое... Не отсюда, понимаешь? Она читает свои дурацкие фэнтезийные романы, ей надо, чтобы я был как какой-нибудь герой из фильма, чтобы умел что-то особенное, знал что-то особенное... Живёт в своём волшебном мире, реальность с ним не совпадает — вот она и сходит с ума. Двадцать три года, остатки подростковой дури, но я не хочу потерять её из-за этого, понимаешь? — Он посмотрел в глаза Моргану, но вместо сочувствия или, что тоже возможно, насмешки увидел там радость, такую, какая бывает у кладоискателей, когда лопата натыкается на что-то металлическое.

— Ясно, — кивнул хозяин. — Женщины... Когда они желают чего-то, по-настоящему хотят — надо непременно это им дать. — Он опёрся спиной о стойку, задумчиво потёр верхнюю губу.

Влад решился:

— У тебя тоже было что-то в этом роде?

Морган рассмеялся, потом лицо его стало мечтательным и немного печальным.

— И где она... теперь? — не отставал Влад.

— Где-то там... Где-то там, где ей хочется быть. Но в моей истории всё сложнее.

— Сложное желание? Невыполнимое?

— Скорее наоборот. — Хозяин хлопнул в ладоши, обрывая цепочку воспоминаний. — У твоей-то желание попроще, по крайней мере касается оно только тебя.

— Меня?

— Ну да. Ей же нужен герой, а ты всего лишь дизайнер-верстальщик. Даже на художника не тянешь, правильно? — Морган потянулся к соседней полке и поправил стрекозу с длинным серебристым хвостом. Вместо лапок у «экспоната» были шасси, а под крыльями Влад заметил крошечные ракеты, похожие на сложенные бутоны вьюнка.

— Никакими подарками дело не поправишь — измениться должен ты сам, — продолжал Морган. — Если хочешь её вернуть. Ты вообще как, всерьёз уверен, что если будешь «уметь

что-то особенное, знать что-то особенное» — она вернётся? И снова полюбит? И будет твоей?

— Надеюсь, что да. А что, — Влад усмехнулся, чувствуя, что начинает нервничать, — это возможно, да?

— Проблема не в том, что это возможно. — Морган улыбнулся вернувшейся Соне и галантно протянул ей бокал с вином. Девушка сделала глоток и принялась увлечённо разглядывать резные узоры на красной хрустальной ножке.

— Если ты будешь соответствовать её волшебному миру, тебе будет гораздо сложнее приспособиться к этому, — продолжал хозяин, наблюдая за очарованной гостьей. — Очень даже может быть, что ты вообще не сможешь жить так, как раньше.

Влад рассмеялся, а Морган наклонился к нему и заговорил гораздо серьёзнее:

— А вдруг она уже не сможет снова полюбить тебя? Вдруг окажется, что на самом деле ей был нужен обычный человек, без особенных знаний и способностей? Представляешь?! А ты уже не сможешь вернуться обратно! Или не захочешь...

— Как всё просто...

— Слишком просто, — перебил его хозяин. — Но сейчас это просто слова. Слова, слова, слова, которые сами по себе ничего не стоят. Тут важно твоё собственное решение, внутреннее, выношенное желание, которое не выразить словами. Настанет момент, когда ты поймёшь это по-настоящему, и это будет твой последний шанс остановиться. Я хочу, чтоб ты как следует подумал об этом.

— Я подумаю, — ответил Влад, вставая. — Мне пора. Уже слишком поздно.

— Пока! Скоро увидимся.

Он произнёс с такой безмятежной уверенностью, что Влад всерьёз разозлился и, пока ехал домой, пообещал себе зайти через неделю, не раньше. Может быть, и через две. Как ему понравится такое «скоро»?

Утром он опять проспал и не успел передать Еве коробочку с неведомым подарком от Моргана — даже с днём рождения не поздравил. Пытался дозвониться — не отвечает. Отправил с

десяток эсэмэсок — тишина. Только ближе к вечеру от неё пришло: «Ул мира 38/4 21:00».

— Кто-нибудь знает, что у нас на улице Мира тридцать восемь дробь четыре? — спросил он вслух, не надеясь, что кто-нибудь ответит.

Однако через пару минут Светик корректор полезла в сумочку и достала серебристо-зелёный флайер.

— «Клуб «Экскалибур», вечеринка-маскарад-мистерия, в костюмах — скидка 50 процентов, эльфы проходят бесплатно».

— И ты идёшь? — хмыкнул начальник отдела.

Светик выразительно посмотрела не него:

— Разумеется, нет. Я в книжном подобрала — дизайн в стиле «вот как я умею», четыре разных шрифта и синее на зелёном фоне. Помните, мы ещё хотели сделать альбом таких шедевров?

— Помню-помню, молодец, что собираешь.

В принципе чего-то такого и следовало ожидать: Экскалибур, эльфы, маскарад. Даже если бы не было этой ссоры, вряд ли бы Ева согласилась на уютный вечер вдвоём.

Влад подумал: а не зайти ли к Моргану, одолжить какую-нибудь маску на один вечер? Но вспомнил о своём зароке и решении «выждать неделю». Так что к «Экскалибиру» он подошёл весь из себя банальный до отвращения: джинсы, футболка, куртка. Стоящие в дверях феечки в мерцающих светодиодных диадемах презрительно прищурились.

— Флайер?

— Нет.

— Пятьсот.

— Сколько?! — Влад скрипнул зубами, но послушно достал бумажник.

Народу внутри было — не протолкнуться. Влад запоздало сообразил, что вечеринка уже давно началась. Зачем тогда было назначать на девять? А ведь он специально задержался на работе, сидел один, чистил папки со старыми проектами — и не мог дождаться назначенного времени, то и дело поглядывал на часы.

— Привет! — прекрасным видением перед ним возникла Ева. Забавное платьице, словно костюм «снежинки» с детского утренника, всё в кружевах и звёздочках, на голове корона из бу-

син «под жемчуг», в руках букетик с белыми лилиями — королева эльфов, не иначе.

Влад вспомнил о цветах — как всегда, слишком поздно. Вздохнул, когда понял, что её уже поздравили, и хотя это означало, что она специально устроила так, чтобы он опоздал, всё равно достал из кармана коробочку с подарком.

— Вот, это тебе.

— Спасибо, — удивилась Ева, пожалуй, слишком наигранно. Повертела подарок в пальцах. — А что здесь?

— Посмотри, — улыбнулся Влад.

Он так соскучился по ней! И больше ни на что не обижался. Пусть будет так, как есть — он по-прежнему любил её, такую сумасшедшую, наивную и волшебную.

— Ев, прости меня... — Он потянулся к ней, чтобы поцеловать, но она пристально посмотрела куда-то за его плечо, отшвырнула коробочку и со всей силы отвесила Владу пощёчину. Развернулась на каблуках и под аплодисменты и смех скрылась в толпе. Какой-то парень в золотом жилете и с венком на голове обнял Еву за плечи и увёл за собой.

Влад почувствовал, что все вокруг смотрят на него, и покраснел. На душе было пусто и как-то до омертвения спокойно. Он предчувствовал, что всё так и кончится, но не хотел признаваться себе в этом, отгонял эту мысль, надеялся на что-то. Может быть, на чудо?

— Ох, ну зачем же она так!.. — Знакомая шляпа мелькнула у самого пола, и Соня выпрямилась, бережно и жалостливо прижимая к груди отвергнутый подарок.

В её глазах блестели слёзы.

— Прости, это всё из-за меня, — прошептала она.

Влад покачал головой.

— Ты тут ни при чём. Ну, ладно, пошли... Морган здесь?

— Морган здесь, — из прокуренного сумрака возникла маска.

— И кто ты? Что оно означает? — Влад указал на выступы и складки чёрной маски, пёстрые перья, торчащие под неожиданным углом над клочками рыжеватого меха — словно хохочущее и одновременно страдающее лицо, искажённое в болезненной гримасе.

— А что ты видишь?

— Опять ты за своё! — раздражённо воскликнул Влад, направляясь в сторону бара. — Можно же нормально ответить...

— А тебе нужно указание, чтобы знать, что ты видишь? — усмехнулся Морган, следуя за ним, словно тень. Он был в чёрном бархатном плаще, наверняка просто кусок синтетической подделки из ближайшего магазина, но даже этот издевательски простой наряд шёл ему.

Влад тяжело вздохнул, заказал пиво, услышал клубные расценки и окончательно расстроился.

— Знаешь, я сегодня отдал нехилую сумму, чтобы получить по морде, окончательно потерял любимую девушку, а теперь пью пиво, которое не стоит тех денег, которые я за него заплатил. Очень, очень замечательный вечер!

— Она по-прежнему твоя любимая?

Влад с горечью взглянул в глаза маске.

— Прости. — Морган отвёл взгляд.

— Вот. — Соня протянула Моргану коробочку. Внутри звякнули, рассыпаясь, черепки и осколки.

— Кстати, а что там было? — поинтересовался Влад.

— А что там могло быть?

— Ты опять? — Влад приподнял бутылку. — Я... Ты когда-нибудь меня...

Морган забрал у него пиво, отдал его Соне, вложил Владу в руки таинственную коробочку, а потом накрыл её своими ладонями.

— Ну, давай, сейчас самое время. И место подходящее... — Маска придвинулась ближе. — Что там может быть? Что бы ты хотел ей подарить? От себя — ей?

Влад криво усмехнулся. Подумал о пощёчине. Вспомнил, сколько презрения и усталости было во взгляде Евы. А потом вернулся в то утро, когда она впервые осталась у него на ночь. Он тогда проснулся и увидел её лицо, близко-близко, её закрытые глаза, длинные ресницы на щеках, белый след слюнки в уголках губ, смятую подушкой щёку — тогда его сердце наполнилось незнакомым счастьем, солнечным восторгом, от которого хотелось прыгать до потолка.

Потом они завтракали — тоже впервые вместе, — и она поднесла к губам чашку, и посмотрела сквозь поднимающийся пар, и вдруг потянулась к лилиям, стоящим в банке, и поцеловала цветок...

Влад закрыл глаза и отвернулся. В пальцах покалывало, ладони вспотели, и он вытер их о джинсы. Коробочка осталась у Моргана.

— Красиво, — сказала маска. — Ну, давай посмотрим.

Соня восхищённо вздохнула: высоко, на уровне глаз, Морган держал чайную чашку, и та светилась в темноте. Поворачивая подарок, Морган открывал каждую новую грань и изгиб, пока Влад не увидел, что это белая лилия, полураспустившаяся, обхватывающая живыми лепестками тончайший белый фарфор с лёгкими складочками, которые едва заметно трепетали, словно кожа при дыхании.

Влад отпрянул, когда маска протянула ему цветок, оставив чашку себе.

— Нет. — Влад отошёл ещё дальше. — Мне пора.

Маска смяла одновременно лилию и чашку — и они рассыпались тающей в воздухе пыльцой. Влад почувствовал, что у него кружится голова, опёрся о стойку — и оказалось, что это стойка в магазине.

Вокруг столпились неведомые полуживые твари, в воздухе мигали язычки пламени, потрескивали и тянулись вверх. Соня в своей неизменной шляпе сидела на корточках перед пятнистым жирафо-аистом, который держал в клюве зажженную свечу, а Морган, уже без маски, протягивал Владу стакан с водой.

— Спасибо... Что же они подмешивают в своё пиво? — простонал Влад, опускаясь на стул. — Может, это Ева их попросила? Чтобы избавиться от меня?

— Может быть. — Морган пододвинул табурет и уселся напротив.

— Что это было?

— Что было?

— Там, в клубе? В коробке? Что там было с самого начала?

— Подарок для твоей любимой. — И предупреждая поток уже привычных обвинений и просьб выражаться яснее, Морган

вложил ему в руки комок бурой смолы, ещё мягкой, но уже успевшей принять форму. — Попробуй это.

— Что это?

— Ты мне скажи.

— Я должен знать, что это?

— А что ты видишь?

Влад вгляделся в комок. Ему показалось, что он разглядел выгнутую спину, лапки с коготками. Комок зашевелился — Влад брезгливо отбросил его. Соня бросилась к смоле, подняла, прижала к груди, ласково зашептала над ним. Влад увидел чёрный хвостик, скользнувший между тонкими белыми пальцами.

— Дурдом какой-то. У тебя тут просто какой-то дурдом! Что это такое?

— Это зависит от того, что ты видишь.

— Вещь или есть, или нет, это всегда что-то определённое!

— Всё зависит от твоего взгляда.

— Буддизм какой-то. Йога-магия! В чём ты пытаешься меня убедить? Своими дурацкими фокусами...

— Я лишь выполняю твою просьбу. Выгляни на улицу.

— Что?

— Выгляни. Но порога не переступай.

Влад встал, кивнул с видом «Ну, если ты так хочешь!», широкими шагами пересёк магазин и распахнул дверь. Посмотрел на бескрайнее поле перламутровой травы — или шерсти, или водорослей под водой — и поспешил захлопнуть дверь.

— Я смогу выйти?

— Да хоть сейчас.

Влад снова выглянул, увидел знакомую улицу — и поспешно выскочил наружу.

Дома было тихо. Он устало упал на диван, вжался лицом в подушку и уловил знакомый запах — то ли крем, то ли духи, то ли шампунь. Её запах. Евка, которой нет...

«Ну и что, найдёшь другую, — подумал он с каким-то исцеляющим опустошением. — Которая не будет требовать от тебя ничего необыкновенного».

Влад вспомнил тёплый комок в пальцах. Ладони непроизвольно сжались, обхватывая невидимый шар. Показалось, что

внутри бьётся что-то тёплое и пыльное. Он разжал руки — и увидел белую бабочку.

«Просто моль. Просто моль залетела».

Бабочка метнулась и куда-то пропала — наверное, опять спряталась.

Смутная догадка заставила его вскочить и распахнуть дверцы шкафа. Так и есть. Влад проверил комнату, кухню, прихожую, но уже с самого начала было понятно: Евка забрала свои вещи и ушла. Он не хотел думать к кому. Может, к тому, с венком в волосах и хвостом — Влад вспомнил, что у парня в клубе был ещё и хвост. Вот ведь придурок!

Придурок — не придурок, но Евы больше нет.

— И что, если бы я прицепил себе хвост, уши и крылья — ты бы была бы довольна? — вслух спросил он, чувствуя, как что-то мокрое стекает по щекам. — Тебе это было бы достаточно?! Ты этого хотела?! Ну, сказала бы мне!..

Без картин и волшебных амулетов стены казались голыми, словно в квартире никто никогда не жил. Остатки сандалового аромата, эхо шагов, выщербленные ряды книг на полках — и вспоминаются, как назло, только самые лучшие дни... Как вернувшись из книжного с покупками, Ева сбрасывает босоножки и, забравшись с ногами на диван, начинает читать, забыв обо всём, забыв про Влада — но он-то не обижается... Как она напевает, склонившись над шитьём, а потом они вместе собирают рассыпавшиеся бусины, сталкиваются лбами и хохочут. Как она спрашивает его мнение — о юбке, браслете или фильме, — а он может лишь пробормотать своё неизменное «круто», «прикольно», «здорово». И она улыбается через силу, но всё равно улыбается ему.

Бессмысленно и глупо. Он самый обыкновенный. В его жизни всё просто, всё, как у всех — вот только Морган и его лавка...

Морган со своими намёками и загадками, чудесами и диковинами.

Всезнающий Морган, чьим словам хочется верить.

Таинственный и непонятный Морган, который в самом деле способен на многое.

Влад подошёл к трельяжу — теперь на полке перед зеркалом было пусто, лишь комочки пыли, смятый тюбик из-под крема и засохшая щётка для обуви. Уличный фонарь давал немного света, и Влад с тоской посмотрел на своё отражение: оттопыренные уши, красное пятно после старого пореза на подбородке, шрамы от юношеских прыщей. Есть над чем поработать — но что это даст?

Ему показалось, что в зеркале что-то изменилось. Отражение смотрело на него. Ещё мгновение — и оно бы начало двигаться самостоятельно. Влад поспешно отвернулся и на всякий случай закрыл глаза. На ощупь дошёл до дивана, вслепую разделся, не заботясь о том, куда летит одежда, забрался с головой под одеяло и попытался уснуть. Ему было страшно, и он долго лежал с закрытыми глазами в красноватой дрожащей темноте, отгородившись веками от того, что происходит вокруг, и стараясь не думать о том, что может происходить.

Вечером Влад пришёл в «Чудеса и диковины» и спросил:

— Что я должен делать?

Он едва высидел до конца рабочего дня. Трепался с коллегами о том, что впереди выходные, механически отвечал на вопросы начальства, курил, обедал, пялился в монитор — но теперь это требовало почти нечеловеческих усилий. Влад знал, что с ним что-то происходит. Что-то не так. «Депрессия по причине проблем в личной жизни», «переоценка ценностей» и так далее, но ему было плевать, как это называется. Важнее — как выбраться наружу.

— Что надо? — спросил он. — Какие условия? Какие правила?

На каждый вопрос Морган только усмехался.

— Чего ты от меня хочешь? — Влад подошёл к нему так близко, что мог чувствовать запах пыли, горящих свечей и пены для бритья. — Ты же говорил об этом, правильно? Что поможешь мне!

— Я не смогу вернуть твою любимую.

— Ты знаешь, о чём я.

Неожиданно Морган схватил его за воротник куртки и приподнял — Влад не ожидал, что он настолько сильный.

— А о чём ты? Думаешь, научишься паре фокусов — и она прибежит обратно? Моментально поймёт, что ты стал другим, что преобразился, что ты теперь не такой, как раньше?

Ноги по-прежнему болтались в пустоте, но Влад не был уверен: это Морган его держит или пол исчез вместе с магазином — и не посмотреть, не вырваться из хватки обжигающих зелёных глаз.

— Для неё это тоже будут фокусы. Как и для тебя. Она не сможет ни поверить, ни понять — никто из тех эльфов и магов не в состоянии понять и увидеть настоящее. Для них это игры, фантазии, хобби! Ни один из них не способен оценить подлинное чудо. Или даже увидеть.

— А ты их проверял? — спросил Влад, и Морган осторожно опустил его на пол.

— С них и начал.

— И как?

Морган поморщился, как будто на язык попался кусочек чего-то кислого или гнилого.

— Никак. Они слишком много прочитали, слишком хорошо изучили все версии и трактовки. Разбираются в сто раз лучше меня — кто бы спорил! Знают, как правильно играть. Так что игра остаётся игрой. Развлечение для свободного времени, словесные баталии и жонглирование смыслами. Только так и никак иначе, а если иначе — значит, признать себя сумасшедшим, причём всерьёз, а это никому не нужно.

— То, о чём ты говоришь, — это, знаешь ли, несколько высокомерно, — заметил Влад. — Нет ничего приятного в том, чтоб чувствовать себя сумасшедшим. Со мной сейчас происходят странные вещи — не знаю почему, возможно, ты как-то повлиял. Но проблема в том, что я не могу ни с кем поделиться, не могу рассказать о том, что вижу или чувствую. Мир выворачивается наизнанку, а я не знаю, с миром что-то не так или у меня с головой?

— А что... что... есть разница?

Влад повернулся к Моргану и увидел, что тот едва сдерживается, чтобы не начать хохотать в полный голос.

Это уже было слишком! Влад сжал кулаки, с трудом сдержался и развернулся к выходу. И тут в глубине лавки что-то загремело, раздались пощёлкивающие звуки и смех. Что-то происходило там, за тотемным столбом, за масками и шляпами.

Влад попытался подойти ближе, но Морган загородил ему дорогу.

— Что это?

— Ничего.

— Я слышу голос Сони.

— Ну и что?

— Она — уже?..

— Что — уже?

Влад попытался оттолкнуть Моргана — но это было как сдвинуть столб. Или дерево. С цепкими и жёсткими ветвями.

— Что ты с ней сделал?! — Влад попытался вырваться, но Морган без труда удерживал его руки. — Я же видел, что с ней что-то происходит!

Все предыдущие события сложились в одно: Влад вспомнил, как менялась Соня, как с каждым разом она всё больше и больше попадала под влияние Моргана. Собственные мелкие проблемы отошли на второй план. То, что происходило между Морганом и Соней, было серьёзнее, чем мошенничество или секс. Скорее всего Моргану было плевать на тело «прекрасной донны». Он использовал нечто более важное.

А на месте Сони могла быть Ева — если бы у Евы были деньги, и она бы сама купила ту проклятую шляпу! Тогда Ева бы стала такой же замороченной, полубезумной, верящей во всё, что говорит ей «учитель» с бархатным голосом и колдовскими кошачьими глазами.

— Я не позволю тебе... Я... тебя!..

Он попытался пнуть Моргана, и с третьей попытки ему удалось как следует размахнуться. Влад заехал хозяину по голени — и Морган отшвырнул гостя, прямо на стоявшие в углу экспонаты.

Рожки, крылышки и гребни больно впились в спину, с грохотом покатились статуэтки и подсвечники, зазвенело разбитое стекло. Влад скорчился на полу, обхватил руками го-

лову, ожидая новых ударов. Но всё было спокойно. Чудеса и диковины с любопытством склонились над ним. Потом в тишину магазина вклинился грохот грузовика с улицы, и завывания потревоженной автомобильной сигнализации успокоили Влада.

Он захотел напомнить о милиции, но вовремя сообразил, насколько глупо это прозвучит. Нужно было вставать и что-то делать, но его не устраивал ни один из возможных вариантов. Морган физически сильнее, его не победить — но с другой стороны, зачем и ради кого?

Что-то маленькое и юркое пробиралось сквозь бронзово-деревянные завалы, и вскоре Влад увидел прозрачную ящерку с длинным спиральным хвостом и тремя рядами красных лапок. Он сел, потирая помятые рёбра, осторожно приподнял существо за хвостик. Сквозь светло-зелёную кожу просвечивали буквы — узор, похожий на слово «скоро». Ящерка нервно задёргалась, и Влад отпустил её.

— Вставать будешь? — Морган протянул ему руку.

— Да пошёл ты!.. — Влад неловко поднялся, прихрамывая, добрёл до витрины и осторожно присел на край оконной ниши, потревожив семейство фарфоровых ежей. Задрал штанину. Посмотрел на синяки.

— Если бы ты рассказал, зачем ты это делаешь, было бы легче, — пробормотал Влад после долгого молчания.

Морган не отвечал.

— Это какое-то специальное задание? Тайная миссия? Кто-то прислал тебя сюда, к нам, или ты сам? Я же вижу, что ты не обычный человек, и все эти вещи. — Влад обвёл рукой магазинчик. — Они особенные, и ты пытаешься собрать людей, которые... которые могут это понимать. И когда ты их соберёшь, ты...

— Вот если бы ты рассказал, зачем ты это делаешь, было бы ещё легче, — перебил его Морган. — Только не надо опять про свою Еву. Ты её уже потерял. Ты потерял её ещё до того, как зашёл сюда в первый раз. Так что давай объясни мне, зачем ты это делаешь? — Морган подошёл к тотемному столбу, снял мас-

ку, примерил, и когда он повернулся, Влад увидел белую сову, в клюве которой что-то трепыхалось, пытаясь вырваться.

— Ты же сам всё знаешь, — сказала маска и по-птичьи крутанула головой. — Зачем тебе слова?

Из дальнего угла магазина вышел кто-то, Владу показалось, что это Соня, но ему не хотелось смотреть в ту сторону.

— Иди, — сказала сова.

— Туда? — Влад указал на дверь.

— А что тебе здесь делать? — Морган задрал маску вверх — сова взмахнула крыльями и соскользнула ему на плечо. — Здесь не вербовочный пункт и не школа. Не магазин и не галерея. Не инкубатор и не книга.

На одном плече у него таращилась сова, из-за другого выглядывала Соня — у них обеих были сияющие, зелёные, притягательные глаза Моргана.

— Это всё вместе и что-то другое. Слово — всего лишь отражение. Одна из граней. Маска, которую ты выбираешь. То, что ты хочешь видеть. Что ты видишь на самом деле?

Влад закрыл глаза, сохраняя в памяти Моргана, Соню и магазин. Маленький и бескрайний магазинчик, где ничего нельзя купить. Чужая посторонняя девушка, за которую он хотел сражаться и которой завидовал. И необыкновенный человек, что был реальнее самой реальности.

Всё, что Влад когда-либо видел, каждое изображение, проецируемое в мозг, стало объёмным, словно вместо одной из сторон предмета он обрёл подлинную суть. И уже не нужно было подбирать объяснения — все слова сплелись в одно, слились с тем, что он постигал. Он узнал в Моргане себя и других людей, с которыми никогда не встречался, но которые были Морганом, как сам Морган являлся проекцией кого-то вечного и изменчивого. Соня стала Евой, которая, в свою очередь, обернулась рыжеволосой женщиной с тёмными глазами, — она вела Моргана по лабиринту, мимо открытых и запертых дверей. Каждая вещь в магазинчике сувениров, каждый подарок и воспоминание, каждый шанс преобразиться — все они стремительно проносились мимо, манили за собой и тут же исчезали, словно прожитые минуты.

Потом Влад увидел себя стоявшего перед дверью. Взялся за ручку, потянул, сделал шаг. Прищурился, прикрыл глаза рукой, защищаясь от утреннего солнца.

— Увидимся, — бросил он через плечо.

— До скорого, — отозвался Морган.

На улице было тихо и пустынно, словно весь мир испуганно отпрянул и замер в ожидании. Влад огляделся, стараясь получше запомнить белёные стволы каштанов, тень от опущенного шлагбаума, неподвижную стройку, киоск — и себя, раздражённого и злого, высматривающего «лошадь на заборе», — и Евку, которая объясняла на ходу по телефону, как найти заветный магазин. Это было в прошлом, что-то подобное произойдёт опять, но Влад не собирался стоять и ждать новых покупателей «Чудес и диковин».

«Надо поблагодарить Еву, — подумал он. — Рассказать ей, объяснить — вдруг получится? Хотя вряд ли. Может быть, она поймёт, но не поверит — это точно».

Никто бы не поверил. Не существовало точных слов, чтобы описать, что он чувствовал — любая попытка обернулась бы ещё одной интересной историей. Даже для него самого... Сознание цинично подсовывало диагнозы типа «эйфории», «просветления» или «нирваны», он не нуждался в этих старых уловках. Он больше не хотел убегать и прятаться.

Он был абсолютно свободен — и одновременно в вечном рабстве у пути, который только что выбрал. Он был счастлив, как тысяча влюбленных — и при этом неизлечимо одинок. Мир, который раньше казался плоским, без выхода и перспектив, — этот мир обрёл бессчётное количество граней — и утратил что-то, что можно назвать покоем. Или судьбой.

Сумбурное объяснение, нечёткие инструкции — но Влад привык к такому.

Наталья Козельская
БИЛЕТ НА ДИВНЫЙ НОВЫЙ МАРС

Если бы я писал мемуары, начал бы их так:

«Светка мечтала полететь на Марс. Говорят, там цветут яблони... И груши цветут, и одуванчики. А мне хотелось сделать ей приятное. Пусть даже ради этого придется рискнуть жизнью...»

Или вот так:

«Стать фаербольцем — большая удача и суровое испытание. Кандидатов отсеивают так строго, что лишь один из двадцати попадает в списки. А до завершения контракта невредимыми доходят и вовсе единицы...»

Да, именно так стоит начать. Так я дам понять читателю, что до знакомства со Светкой, или до того момента, как я стал фаербольцем, жизнь моя была скучна, как рельса подземки. Но потом я сделал свой выбор — и все заверте...

На самом деле быть фаербольцем не сахар. Говорят, раньше на эту работу приглашали актеров: они кричали и стонали весьма профессионально, а молили о пощаде так, что даже инквизитор бы заслушался. Но потом актеры как-то сами собой повывелись. Теперь мы за них.

— Повернись боком, — скомандовала Светка, макая ватную палочку в хорошо разогретую ранозаживляющую мазь.

Светка давно уже оставила надежду отговорить меня от этой работы. К тому же платили за каждую смену хорошо — сто зе-

© Н. Козельская, 2007

леных и одну красную. Если везло и меня убивали с особой жестокостью — красных давали целых две. Правда, и восстанавливаться потом приходилось дней пять, не меньше.

— Ай-ай-ай! — взвыл я, когда огнедышащая мазь коснулась ожога под лопаткой. Светка подула. Она очень нежно это делает, поэтому через пару минут я страдальчески взвыл снова. Светка подула еще раз, улыбнулась украдкой.

Психосоматический ожог хоть и заживает быстрее, чем реальный, но болит, зараза, точно так же. Помню, однажды в меня выпустили обойму резиновых шариков — дома насчитал сто шестнадцать мелких синяков и один большой. И неделю ходил пятнистым красавцем. И хоть бы один синячина сошел раньше времени!

Я скосил глаза на Светку. Как всегда после смены, окружающий мир казался мне до странности выпуклым, ярким, живым. Светка была очень красивая. Тонкая кожа, персикового цвета щека с легким пушком. Игривый рыжий завиток надо лбом. Я даже забыл заорать, когда она принялась мазать клеем царапину на плече.

Едва последний мазок лег на кожу, я чмокнул свою рыжую лекарку в висок и пошел на кухню. По привычке открыл сейф, пополнил шкатулку и залюбовался своим богатством. Сквозь прозрачную крышку была видна красивая, толстая стопка зеленых кредиток. Красных — поменьше. Синяя и вовсе одна. Надо ее переложить куда-нибудь подальше, чтоб не вводила во искушение. Я захлопнул дверцу сейфа.

— Еще что-нибудь из еды осталось? — громко спросил я, открывая холодильник. После смены всегда жутко хочется жрать. Не есть, а именно жрать — чавкая, громко сглатывая, облизывая пальцы, роняя капли соуса на рубашку и пачкая манжеты.

Светка уже сложила лекарства в банку и теперь стояла в дверях. Я алчно пожирал салат пальцами прямо из пластикового контейнера. Салата, правда, было мало, но в углу холодильника я приметил пару засохших бутербродов. Они явно ждали меня.

— Денег нет, — сказала Светка. — Есть нечего.

— Но ведь Марс, рыбка моя! Мы же мечтаем об этом, правда? Марс не ждет!

— Марс подождет. Есть нечего, — грустно повторила Светка.

— Завтра принесу, — пообещал я и засунул в рот бутерброды. Дождался, пока она выйдет из кухни, и сунул руку за холодильник. Где-то тут у меня была припрятана почти полная бутылочка энергетика. Мне после работы очень нужна энергия. Жизненно нужна. Бульк.

Пустую бутылку я сунул обратно за холодильник — утилизирую, когда Светка уйдет.

А она часто уходила. Работы в городе женщине не найти, так что чем она занималась — один бог ведает. Бродила, наверное, где-то. Мне после смены бродить совсем не хотелось. Хотелось валяться перед телевизором и смотреть фаербольные игры. Теперь я зритель, мне хорошо, мне тепло и комфортно, а они пусть мучаются.

Большинство фаербольцев не знают коллег в лицо, это не принято, но кое-кого я уже научился различать. Вон тот, с гребнем вдоль спины — Санчос. Черноволосый громила, машет булавой во все стороны... но только я в курсе, что руки у него переломаны в трех местах. Давно работает. А вон девица в майке с надписью DONT TOUCH MY TAIL. В жизни-то она — тщедушная замухрышка, пройдешь мимо — не оглянешься, но тут просто амазонка, и дерется здорово. Сверхплоский пятиметровый экран телевизора позволял рассмотреть каждый сантиметр ее кожи.

Ага, заметил я, похоже, обожгли нашу амазонку неслабо. И синяк неплох. Несколько дней будет прикладывать лед к коленке. А вот еще рана на локте — стрелой попали, что ли? Два раза минимум, и оба навылет. Плотно бьет клиент, видно, мастер. Оп! Девица упала ничком, ткнулась носом в болотную жижу. Клиент встал над нею, дьявольски хохоча (и откуда они набрались этих пошлых штампов?), и вонзил пику в спину своей жертве. Да еще ногой на шею наступил. В глазах — только их и было видно в прорезь шлема — читалось превосходство. И ненависть — жгучая, как свежая горчица — ко всему бабскому роду. Должно быть, развелся клиент недавно. А теперь, прикинул я, амазонке пара десятков зеленых перепадет сверх тарифа — за глумление над «телом». Все честно.

Первое время, когда я только начал работать фаербольцем, Светка то и дело твердила, что это гладиаторские бои, древность, что это нецивилизованно, жестоко и вообще мерзко. Я сначала спорил, потом уже просто ухмылялся. Нет ничего плохого в том, что богатенькие бездельники хотят поразвлечься: устроить облаву на виртуальных человечков, перестрелять их по одному или всем скопом, резать их плазменными резаками или жечь фаерболами. И нет ничего плохого в том, что каждый виртуальный человечек потому и интересен, что на самом деле он — живой, настоящий, оплетенный миллионом датчиков, как куколка капустницы — сидит в кресле программного центра и кричит от настоящей боли, потому что все, что происходит в плоском фаербольном мире для него — реальность.

Убивать нарисованных людишек неинтересно, ни по одному, ни пачками. А вот стрельба по живому телу щекочет нервы. Я пару раз видел лица клиентов, выходящих из relax-центра. Бегающие глаза, осоловелые от обилия впечатлений. Бессмысленные улыбки и алчно дрожащие руки. Что, попили нашей кровушки, думал я и пересчитывал кредитки.

— У нас есть энергетик? — спросила Светка из кухни. — Есть хочу.

— Нет, откуда?— соврал я. На канале FBW началась реклама, я переключился на FBM.

Фаербол-миры очень разные, в одном лишь они похожи: фаербольцы в них бесправны, почти беззащитны и очень живучи. Первые наши модификации были уязвимыми, как малые дети, но клиентам это быстро надоело. Что за радость — шмальнуть один раз из винтовки наугад и получить готовенький труп? Куда интереснее гонять раненого по подземельям или лабиринтам, менять оружие, то подпаливая беглецу пятки из огнемета, то всаживая арбалетные болты в спину? Фаербольцы стали зарабатывать больше, требования к здоровью стали выше (кому надо, чтобы работник от болевого шока прямо в кресле скончался? От профсоюзов потом не откупишься), зато и игры теперь длились дольше, а штат сотрудников изрядно уменьшился.

Меня считали одним из лучших. Некоторые клиенты, запомнившие меня по необычной зеленой тельняшке (Светкино изобретение! В городе сливаюсь со стенами, в лесу — с листвой), специально заказывали меня на игру — знали, что живым не дамся, а отбиваться буду ногами и кулаками, ляжки рвать зубами, пока все зубы не выбьют.

Вчерашняя смена, правда, вышла простенькой: клиент попался неопытный, с третьего удара меня положил из гранатомета. Очнулся я в кресле — пара царапин, ожог под лопаткой, вот и все радости. Зато сто пятьдесят зеленых были в кармане — видно, доплатил за меня богатейчик, знал, кто ему веселую игру сделает. Вот только позабавиться со мною не успел. А нечего было гранатомет сразу доставать... Если платишь — позволь фаербольцу отработать, а не убивай в первые же полчаса. Мы же знаем, что не помереть должны, а долго трепыхаться. За то и деньги плочены.

Деньги... Деньги, чтоб их. На Марс полететь — восемьдесят тысяч надо. На каждого. Сейчас у меня, должно быть, тысяч двадцать в шкатулке. Если не тратиться еще и на воду, было бы больше, но без воды никуда. Хоть и дорогая она, зараза. Раньше дешевая была, не считал ее никто, а теперь вот...

В детстве я однажды на лекцию забрел, в кружок астрофизики. Лекции читал старый профессор с дергающейся головой, казалось, он постоянно торопливо кивает, словно боится не успеть. Так вот, профессор сказал: «Зря ученые задумали геомодификацию Марса». Земля из-за этих экспериментов стала меняться с Марсом местами, и еще вроде как раньше она в плоскости эклиптики по орбите шла и была к Солнцу ближе. А теперь орбита Земли встала «торчком» относительно остальных планет, да еще и удлинилась почти в полтора раза. Оттого и воды не хватает, и вообще жизнь стала тяжелая. Сначала вроде бы незаметно было, а за последние сто лет прямо-таки катастрофа с нашей Землей. Зато на Марсе вот-вот наступит рай и благодать.

— Только не все его, этот рай, увидят, — добавлял профессор. И головой так мелко-мелко тряс, будто ученых укорял. Я,

помнится, хотел в него яблоком кинуть, да вспомнил, что нет у меня яблока. Доел на прошлой неделе.

— Точно нет энергетика? — переспросила Светка из кухни. Будто догадывалась. Я даже не стал отвечать.

На канале FBM началась реклама: упитанная девица рассказывала, как хороша жизнь на Марсе и что перебраться на счастливую планету становится все проще. Куда уж проще. Восемьдесят тысяч. На каждого. Дьявольщина.

А на Марсе хорошо... Лучше, чем здесь, теплее, изобильнее и, говорят, есть настоящая еда. Правы рекламные тупицы: бежать надо отсюда, бежать... Все бегут, кто может. Хотя нет, вру. Не все толстосумы на Марс переехали. Взять хотя бы наших клиентов: сидят тут, хотя могли бы уже пятнадцать раз туда улететь. Качают из усталой старушки-Земли последние соки. Ну и фаербольными играли развлекаются. Говорят, на Марсе такого уже не будет: там строят новое общество, абсолютно здоровое, правовое, сильное и честное. Не чета Земле, замшелой, дремучей и полной древних предрассудков. Эх... Марс — планета мечты. У нас есть цель, и мы к ней идем.

— Я голову андроида принесла, видел? — спросила Светка из кухни. Голос у нее был довольный: не иначе все-таки нашла какую-то снедь.

— Где взяла? — спросил я, выключив звук. Упитанная девица на экране размахивала руками, обещая блага вот такой ширины, вот такой вышины...

Светка ответила с набитым ртом:

— У мальчишек отобрала. Они ею в футбол играли. Там еще заряда много, можно как лампу использовать. Только вымыть надо. И цвет красивый, сиреневый. Подходит к нашей мебели.

Андроидские головы со светящимися глазами вокруг лба служили настольными лампами и ночниками едва ли не всем нашим знакомым. Андроидов не любили. Ломали каждого, кто попадался на улице один, без сопровождения. Теоретически за убийство андроида полагался штраф, но практически полиция закрывала глаза на уничтожение тех, кто отнимал у нас последние рабочие места. Да, скоро на Земле смогут трудиться толь-

ко механические люди — но это ведь не повод отнимать работу у тех, кто пока еще жив и пока еще здесь?

— Вытри салфеткой, незачем воду расходовать, — ответил я мрачно. Оптимистичная рекламная девица убралась с экрана, снова началась фаер-игра.

Кроме фаербола, я мало что смотрел — куда приятнее перебирать фэнтезийные миры, чем любоваться на мрак кромешный вокруг. Новости — тоска, фильмы — старье. Говорят, на Марсе кино расцветает небывалыми темпами! А на земные киностудии водят туристов, чтобы было на что содержать хотя бы уборщиков и сторожей. «Юниверсал-Фокс» даже не стала восстанавливать самый большой свой павильон, что обрушился в прошлом году. Старинные декорации заливает вода и ест плесень — и кому они теперь нужны?

А фаер-миры — игра красок, игра воображения, бесконечная игра в войну, в благородство, в предательство. Интереснее, чем кино. На экране мой старый знакомый Вольфганг Штаус бежал (вернее было бы сказать, стремительно хромал) через оплавленное фаерболами поле к высящемуся на горизонте шпилю Замка Странствий.

Вольфганг, отец семерых детей — из тех матерых фаербольцев, которые еще десять лет назад месили цемент для фундамента этого бизнеса. Теперь он зарабатывал вдвое больше меня, а уж к Замку Странствий бежал не первый десяток раз. Мог бы и не бежать, будем честными. Но клиент — мы узнавали их по светло-красному ореолу вокруг защищенной шлемом башки — похоже, прорвался уже почти к самому сердцу игры, так что Вольфгангу придется ему помешать. Дольше играть будет, больше бонусов. Я его хорошо понимал. Только ногу он зря подвернул, долго не продержится.

Щелкнул замок входной двери: Светка куда-то ушла.

Выключив ТВ, я размялся перед зеркалом, подошел к коммуникатору и сделал заявку на завтрашнюю смену. Ожог, конечно, поболит до утра — но к обеду заживет как миленький. Кстати, надо найти в закромах еще полбутылочки энергетика. Выпью завтра — и в бой.

* * *

Обычно мы не спрашиваем, в какой мир нас забросят сейчас. Выбор не так уж велик, чуть больше ста шестидесяти стандартных игровых полей и пара десятков модификаций. Но каждый раз в душе теплится надежда: может, на этот раз дизайнеры изобрели что-то новое? Скучно раз за разом страдать и умирать в одних и тех же интерьерах. Первые полсотни игр я старался прятаться в укромных местах, даже карту составил: где можно укрыться, чтобы пореже попадать под выстрелы клиентов. Потом понял, что в разнообразии куда больше прелестей, чем в скуке, — и начал лезть на рожон.

Но все равно каждый из «старичков» мечтает оказаться там, где еще не бывал.

Я стоял перед шлюзовой камерой и нюхал воздух, пытаясь определить, что снаружи. То есть я, конечно, лежал в своем коконе, оплетенный проводами, детекторами и электродами, в исколотые вены впились катетеры, которые подадут лекарство, если ранение (пусть психосоматическое, но от этого не менее болезненное) будет слишком сильно. И все же я не чувствовал себя лежащим: стоял, ощущая под ногами пружинящий пластиковый пол, в руках — универсальное ружье, впереди — уже ставшая по-игровому двухмерной дверь шлюза. Новый мир? Знакомый мир? Лотерея?

Про лотерею ходили разные слухи. Одни говорили, что можно выиграть пожизненное содержание по средней ставке. Другие рассказывали, что однажды в лотерею разыгрывали поездку на Марс. Одну. И победитель улетел на счастливую планету, бросив тут жену и детей. Много о чем трепались, одеваясь после игр, продрогшие, израненные, усталые и злые фаербольцы. Я в эти байки не верил. А уж история с путевкой на Марс — и вовсе чушь несусветная. Кто же бросит жену и детей? Для чего тогда мы вообще тут?..

Беззвучно разъехались половинки шлюзового люка. Мир оглушил какофонией истерических взвизгов, взрывов, сполохов огня, выстрелов, ругательств, вспышек неоновой рекламы... Ага, я был тут пару раз. «Заря Непобежденная», дикий уровень, постапокалипсис, все против всех. Где же клиент?

В фаер-мире, как ни старались дизайнеры, все выглядело двухмерным — с легким намеком на глубину или выпуклость. Может быть, поэтому чувства людей, которых избивали прикладами на автобусной остановке, меня как-то не трогали? Может, поэтому фаербольцы и нашли свою работу — для того, чтобы создавать хотя бы видимость жизни здесь, в компьютерной нереальности? Клиент знает, что я — живой, и мысленно дорисовывает меня до нормального человека. Всюду самообман. Но все равно, лишь бы деньги платили.

Клиент выскочил из какого-то подвала и начал лихорадочно стрелять по моделям. Те визжали и в художественном беспорядке валились на землю. Потом этот псих — новичок, наверное — вспомнил, что настоящего фаербольца можно узнать по зеленому ореолу над головой. А всех остальных убивать — ни толку, ни удовольствия. Завертел башкой, наткнулся на меня узкими перепуганными глазками, вскинул автомат.

И началась погоня...

Я, кстати, до сих пор не знаю, что будет, если замочить клиента. То ли премию тебе дадут за то, что ты с головой макнул богатейчика в гейзер невиданных переживаний. То ли влепят штраф за то, что испортил бездельнику интересную игру. Не знаю. Не пробовал. Не удавалось. Да и чем ты клиента убьешь: у фаербольца нет доступа к большинству видов оружия, хорошо хоть ружьишки выдают.

Убить его я не смог, хотя и попытался. А он, забыв про боезапас, месил меня прикладом до тех пор, пока не вышиб дух. И как вышиб! Так вышиб, что я с того света, наверное, на карачках выполз.

Светки дома не было. Я доковылял по стене до кухни, вломился в холодильник, чуть не сорвав дверцу. Там было пусто, только в самом углу сиротливо лежал цветной сверток. Ох. Рыжая умница моя принесла что-то из своей последней вылазки. Что именно — я не разглядел, просто выхватил из пасти морозилки крупный цветной предмет и алчно впился в него зубами. Только выплевывал целлофан, когда начинал липнуть к нёбу.

Под конец только осознал: это были сосиски. Невиданный деликатес.

Жевал, дышал, приходил в себя. Давно со мной такого не было: когда неясно, живой ты или помер уже. А однажды ты будешь точно так же бежать, точно так же свалишься на обочину, подрубленный автоматной очередью под коленки, или сидя в засаде вдруг поймешь, что голова почему-то покатилась в сторону и уши больно царапает об асфальт... Упадешь, а потом — ничего. Не в смысле «ничего, очнулся, снял с себя датчики, посмотрелся в зеркало и пошел в душ». А в смысле — не очнулся, не встал, умер как в реальности. Такое бывает. Теперь уже редко, но случается.

Стоя с недоеденной сосиской в руке, я думал о том, что тогда Светка — мой официальный поручитель — получит хорошую компенсацию. Профсоюз выплатит страховку, фирма — бонусы и добавочные суммы. Но на Марс все равно ей не хватит. А ведь код от сейфа я ей тоже пока не сказал... Не то чтобы не доверяю, нет. Просто знаю этих женщин, им дай волю — спустят все на разные бабские глупости. А у нас есть цель. И к ней надо идти.

Дверь приветственно пискнула, щелкнул замок — Светка вернулась. Я медленно засунул в рот остатки сосиски. Прожевал, впервые до конца прочувствовав вкус. Целлофан сунул обратно в холодильник.

— Ты все съел? — упавшим голосом спросила она. Догадалась. Или, может, запах меня выдал. — Всё?

— Я со смены, — ответил я.

— Всё съел?

— Ну да. — Я пожал плечами. Не наелся. Не терпелось отхлебнуть энергетика. Без него трудно. Очень.

— Это было нам с тобой на ужин. Я хотела сварить. Был бы бульон, — дрожащим, жалким, каким-то детским голосом пробормотала Светка.

— Не надо ныть, ладно? Я страшно устал. В доме есть еще еда?

— Вот. — Она вытащила из кармана небольшой пакет. Сыр. Сыр! Как я люблю, сухой, с корочкой. На этот раз я не стал жад-

ничать, оставил и ей кусочек. Что ж я, с любимой женщиной не поделюсь?

— Бульон сварю, — прошептала Светка, пряча свой кусок сыра в холодильник. Она снова бросила взгляд на сейф, в котором стояла шкатулка.

— Если мы будем тратить деньги, на Марс никогда не попадем, — устало напомнил я.

— Хорошо, — откликнулась она. Я не стал спрашивать: хорошо, что не попадем, или хорошо, что нужно экономить. Какая, по сути, разница. У нас есть цель, и мы к ней идем.

Когда Светка снова ушла куда-то, я вытащил из-под шкафа полбутылки энергетика и с наслаждением выпил. У меня был очень трудный день. Я был страшно голоден. Поэтому снова пошарил под шкафчиком и нашел там Светкину заначку — горсть макарон в виде букв алфавита. Если вспомнить алфавит, можно даже письмо из этих букв выложить. Или слова гимна свободной Земли.

— Бульо-о-он, — передразнил я и закинул макароны в рот. Гимн свободной Земли торжествующе захрустел на зубах.

В этот день шкатулка пополнилась еще сотней зеленых кредиток и двумя красными. Живем! Марс все ближе! Все ближе, ближе наш со Светкой счастливый Марс.

После той игры я спал почти двое суток. Сил не было никаких. Один раз — кажется, было утро, хотя из-за хмари за окном не поймешь — Светка разбудила меня и влила в рот полчашки бульона из своего сыра. Стало хорошо, тепло, вкусно, сытно, и я снова заснул.

Когда проснулся, понял — работать еще пару дней не смогу. Нужно восстанавливаться. Светка снова принесла бульон. И сухари — где только раздобыла — настоящие, с чесноком и солью, безумно вкусные. И даже кусок мяса, крошечный. Но не в моем положении привередничать. Мясо я сожрал без остатка. Снова уснул. На этот раз ненадолго.

Когда проснулся в следующий раз — почувствовал, что что-то не так.

Тишина.

Было тихо.

Обычно в комнате негромко гудел телевизор, показывая что-то ненужное, рекламу или тоскливые оптимистичные новости. В прошлый раз, когда я наткнулся на новости, как раз поставили сюжет о новой прекрасной породе меховых кур. Правда, куры эти очень дороги и капризны в содержании... как будто Земля доживет до тех пор, когда эти куры смогут прокормить вымирающее население! То есть, конечно, Земля-то доживет. Людей будет все меньше, кур все больше, и следующая цивилизация непременно будет основана курочкой Меховой Рябой и ее мужем Меховым Петей. А что? Забавно...

Сегодня телевизор молчал. В комнате стояла звенящая тишина. За окном в сгущающемся сумраке (или зарождающемся рассвете) лихорадочно метались крупные серые снежинки. Значит, снова метель и никакой весны.

Было холодно. Светка сидела в кресле, поджав ноги, а голову андроида держала на коленях — гладила ее, как ребенка. Отзываясь на прикосновения, голова то вспыхивала всеми десятью своими глазами, то прятала потухший взгляд за шторками пластиковых век.

— Телевизор включи, родная, — попросил я самым жалостливым из своих голосов. Я люблю, когда Светка проявляет сочувствие. Я даже застонал едва слышно.

Но на этот раз прием не сработал.

— Телевизор сломан, — ответила она. — Уже второй день.

— Да?

— Ты запустил в него стулом, не помнишь?

Я повернул голову. По бледно-желтой поверхности пятиметрового экрана (два на два с половиной, от пола до потолка) разбежалась сеточка тонких трещин.

— Не помню. Я что, свихнулся?

— Не знаю. У тебя был жар. Может, просто забылся, — пожала плечами Светка. Похоже, утрата телевизора не очень ее огорчала. А вот я был не на шутку озадачен.

— Не помню такого.

— Бывает, — еще более равнодушно отозвалась Светка. — Принести тебе еще бульона?

На этот раз она умудрилась раздобыть где-то куриное яйцо и разболтать его в кипятке. Я даже не стал напоминать, что воду надо экономить — бульон из яйца оказался гораздо вкуснее, чем яйцо без бульона.

Вот только заняться в доме оказалось решительно нечем. Два дня я слонялся по квартире, восстанавливая силы. Опустошил аптечку, перерыл запасы энергетиков — всё выпито, ничего не осталось. Светка принесла откуда-то кусок солонины — корова, из которой его сделали, наверняка сдохла еще до нашего рождения. Но мясо я съел все до последней крошки, сколько Светка ни просила оставить немного для бульона. Мне нужны силы. Надо снова выходить на работу. До Марса еще далеко. А зима и не думает кончаться. Успею заработать на то, чтобы выжить — или все зря?

— Не рано ли тебе выходить? — спросила Светка, заметив, что я направляюсь к коммуникатору. Она возилась на кухне: растворяла в кружке с кипятком какой-то порошок, который, как ей сказали, хорошо поддерживает силы. Порошок растворяться не желал, Светка злилась. — Потерпи до послезавтра, а?

Я потерпел. Не хотел ее огорчать, она даже плакать начала, когда я попытался сделать заявку на ближайшую смену. Зато на послезавтра на меня поступил заказ. Хороший заказ. Денежный. Вот высплюсь — и пойду.

Остатки порошка, который так и не пожелал растворяться, я съел ложкой. Если хоть немного сил прибудет — и то хорошо.

Едва дверь шлюза открылась, я понял: повезло! Новый мир, такого еще не было. Изумрудно-зеленая трава, лазурно-синее небо, позади — сияющий, юный, прозрачный от солнечных лучей лес. И никого вокруг. Птички поют... А впереди — лабиринт из бирюзового стекла. Дизайнеры явно постарались, чтобы создать этот фаер-мир.

Солнце играло бликами на верхушках высоких, почти двухметровых стен. Где-то вдали прозвенел гонг — три удара. Зна-

чит, игра уже началась. Я привстал на цыпочки и смог различить вдалеке макушки других игроков. Зеленые макушки, и ни одной красной — клиент, стало быть, тут пока не появился. Но фаербольцы носились по лабиринту как ужаленные, и, похоже, все они стремились к одной и той же цели. Интересное кино... До того интересное, что я отринул сомнения и тоже помчался по лабиринту, петляя меж гладких бирюзовых стен.

Громилу Санчеса я встретил минут через двадцать. Он выскочил прямо на меня из бокового коридора, вид у него был, прямо скажем, недобрый, рукав куртки набряк кровью. Я приветственно поднял руку, но громила вдруг нажал на гашетку огнемета и выпустил в мою сторону такой фонтан огня, что стены лабиринта мгновенно вспучились большими пузырями и начали оплывать. Обжигая ноги о расплавленное стекло, я скользнул в коридор обратно, пригнулся, пробежал еще метров сто и остановился. Санчес... зачем он это сделал? Озверел, что ли? Фаербольцы своих не убивают.

Разве только...

Минутное размышление привело меня к единственному логичному выводу: лотерея.

Бывает, что клиент выдумывает для своей игры новые правила и заставляет фаербольцев бороться за какой-нибудь приз. А потом в самый неожиданный момент выскакивает из шлюза и портит всем игру. Ему так веселее, фаербольцам так сложнее, клиент получает удовольствие, фаербольцы — деньги. Все честно.

Считается, что попасть в лотерею — большая удача, случаются они редко, раз в несколько месяцев. Обычно о таких играх объявляют заранее, и желающих приходится даже отсеивать. Клиент выбирает самых сильных, самых смелых, самых отчаянных... Но я-то оказался тут почти случайно, ведь наш телевизор разбит и новостей фаербола я не видел уже несколько дней. Выходит, есть в жизни счастливые совпадения. Повезло. Интересно, что за приз, каковы условия?

Додумать мысль мне не дали. Откуда-то сзади донесся топот шагов и грозный рык. Кто-то вскрикнул, раздался хруст ломаемых костей. Подставляться под удар, когда на кону неиз-

вестный, но наверняка заманчивый приз? Не на того напали. Лучше уж убежать, чем выйти из игры, решил я и помчался, петляя, по лабиринту. Бирюзовые стеклянные стены не успевали ловить мое отражение.

Вот, наконец, спокойный, безопасный угол. Тупичок с прекрасным обзором. Мне нужно было решить, куда двигаться теперь, где искать заветный приз. Я подпрыгнул повыше и завертел головой, чтобы осмотреться. Пусто, вокруг никого. Повернулся на 45 градусов, еще раз подпрыгнул. Никого. Повернулся. Подпрыгнул... и на третьем прыжке мне чуть не снесло голову. Кто-то высокий и коварный выслеживал умников вроде меня и выпускал по ним очередь из автомата. Мне снова повезло. С половиной черепа даже такому бойцу, как я, было бы трудно бороться за победу. И все-таки... какой же у них на кону приз? И где, наконец, клиент?.. Я переместился чуть вправо, подпрыгнул, определил квадрат, где никого не было, — и устремился туда.

Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в пурпур, а стеклянные стены лабиринта — в багрянец. Это было бы красиво, если бы я не был так измучен и мог еще воспринимать красоту. Силы оставались только на то, чтобы бежать.

Я мчался по нехоженому участку лабиринта и с радостью ощущал, как рвутся о лицо тонкие нити паутины. Значит, до меня здесь никого не было. Значит, за любым поворотом я могу найти приз. Значит, не придется больше никого убивать. Громилу Санчеса я прикончил пару часов назад: нечего было нападать без предупреждения, не по-воински это. Остальных — так, чуть-чуть калечил, чтобы не составляли конкуренции. И вот я, кажется, первый.

Выскочив на круглую поляну с невысоким раскидистым деревцем посередине, я понял, что первый — не я один. Из соседнего коридора почти одновременно со мной выскочил Вольфганг Штаус, многодетный отец. На выходе из третьего замер белобрысый викинг в рогатом шлеме и с секирой наперевес. Но оба они почему-то встали на краю поляны и не отрываясь

смотрели на дерево. На одной из веток покачивал серебристо-розовыми боками круглый плод.

— Яблоко познания добра и зла, — пошутил я, искоса глядя на своих соперников. Почему они не бегут вперед? Чего ждут? Хотят устранить конкурентов, когда те повернутся спиной и подставятся?

— Именно, — промолвил Вольфганг.

Белобрысый викинг сунул пятерню под шлем и смачно почесал лоб.

Я ждал.

Они тоже чего-то ждали.

Вот-вот из бокового коридора выскочит четвертый и сделает то, на что ни один из нас троих не решается.

Чего стоим-то, хотел закричать я, но смолчал.

Викинг сплюнул на землю.

— А пошло оно всё к черту, — сказал он неожиданно, развернулся и быстрым, злым шагом ушел в свой коридор. Вольфганг Штаус даже не оглянулся на него. Я оцепенел. Да что такое с этим призом?

— У меня дети, — сказал вдруг немец.

— Я знаю, — ответил я.

У него дети! А у меня Светка.

— Пусть хоть один, — произнеся эту странную фразу, немец сделал шаг вперед.

Он не успел подойти к дереву, я не успел кинуться ему наперерез. Из четвертого коридора выскочил кто-то маленький и юркий, с красным ореолом вокруг защищенной шлемом головы.

— Вот так! — азартно завопил он и всадил немцу в спину сразу пять разрывных пуль. Фонтанчики крови выстрелили вверх, как салют победителю. Мне. Вольфганг упал.

На поляну выбежали две коротко стриженные девицы — похожие, как близнецы. У одной была прострелена нога, поэтому они ковыляли, поддерживая друг друга. Они перешагнули через труп немца и похромали к дереву. Я уложил эту парочку двумя выстрелами одновременно с клиентом. Похоже, приз мой.

— Ну бери же, — ласково предложил клиент и сделал приглашающий жест.

Я возьму, а он мне обойму в спину? Дьявольщина, а не за этим ли я сюда пришел?

Я протянул руку и сорвал яблоко с ветки.

Фанфары. Оркестр играет туш.

Я обнаружил себя на высоком сверкающем постаменте, посреди огромного — двухмерного, рисованного — стадиона. Вокруг амфитеатром расселись тысячи виртуальных зрителей, среди них бледно-зелеными точками выделялись немногочисленные фаербольцы. Выходит, я все-таки победил в лотерее? Выиграл?

— Итак, мы объявляем имя победителя! — возвестил низкорослый клиент, стоя на возвышении поодаль. Оказалось, что у него бледное широкое лицо с тонкими пижонскими усиками. Выглядело отвратительно — как будто он посадил под нос мохнатую черную гусеницу. — Им становится... Им становится... Марк Викентьев, прошу любить и жаловать! Фаерболец со стажем всего полтора года! Марку двадцать восемь лет, холост, его поручитель — Светлана Миркова! Поприветствуем!

На огромном экране в дальнем конце стадиона появилось лицо Светки — настоящее, живое, единственное реальное лицо в этом нарисованном мире. Рыжая челка почти закрывала глаза, но мне показалось, будто Светка плачет. От счастья, что ли? Вот дурочка. Интересно, сколько я выиграл?

— Мы стали свидетелями первого в истории фаербола, первого в мире, беспрецедентного, абсолютно альтруистичного чемпионата! Победитель отдает свою жизнь игре, зато его поручитель получает взамен новую жизнь! Счастливую жизнь! Билет на Марс! Светлана, мы поздравляем вас!

Нарисованная аудитория взорвалась аплодисментами. Фаербольцы-зрители сохраняли молчание — я видел, как мрачно смотрит на меня сидящий в первом ряду Вольфганг Штаус. То ли с осуждением. То ли с ненавистью.

Клиент-организатор помпезно вещал про психологический эксперимент, про чистоту победы, про героическое самопожерт-

вование и про то, что я теперь отдал себя в пожизненное пользование телеканалу, который устроил это великолепное шоу — но я уже не слушал. Светка отвернулась от экрана, я видел только розовое ухо и завитки рыжих волос, да еще покрытый веснушками кулак, который она кусала. А ведь это она выбирала день, когда я пойду на работу. Выходит, Светка — знала? И за что она меня так? За макароны? За бульон? За то, что я разорял ее тайники? Просто потому, что захотела счастья? Даже если я сейчас спрошу...

— Победитель! Отважный чемпион! — торжественно воззвал толстяк. Черная гусеница усов неприятно шевелилась при каждом слове. — Вы можете пожелать своему поручителю счастья в новой жизни!

Зал снова взорвался неживыми компьютерными аплодисментами.

— Прошу вас! Ваше последнее слово, Марк! Говорите!

Светка отвернулась от экрана. Провернула такую авантюру — и теперь ей стыдно?..

Обернись, мысленно потребовал я. Обернись, дура, предательница.

Если бы она обернулась, то прочитала бы по моим губам код доступа. 240 320 778 95.

Не пропадать же шкатулке.

СТАТЬИ

Г.Л. Олди

О БЕДНОМ РОМАНЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

(выступление на семинаре молодых писателей на «Звездном Мосту-2006»*)

...Когда кто-либо из моих юных друзей, особенно начинающий писатель, говорит, что сочиняет роман, я до глубины души поражаюсь его спокойствию. Я бы на его месте дрожал от страха. Перед такой невозмутимостью невольно и, может быть, напрасно думаешь, что молодой автор, пожалуй, плохо представляет себе ответственность, которая на него ложится. Ведь создать хороший роман было нелегко всегда.

Не будем строить иллюзий: если полагать, что творчество зависит исключительно от субъективной способности, называемой вдохновением, талантом — вопрос неразрешим. Все эти разговоры о гении, вдохновении принадлежат к числу магических заклятий, и чем яснее мы желаем видеть реальное положение дел, тем реже стоит к ним прибегать. Вообразите себе гениального дровосека в пустыне Сахара. К чему тут его мощные руки и острый топор! Дровосек без леса — абстракция. Это относится и к искусству.

Х. Ортега-и-Гассет, «Мысли о романе»

© Г.Л. Олди, 2007

* От авторов: «Мы прекрасно понимаем разницу между публичным выступлением и текстом на бумаге. В первом случае огромную роль играют интонация, жест, пауза, контакт с аудиторией и пр. Но мы намеренно, редактируя стенограмму доклада, практически сохранили характер устной речи, возможно, частично в ущерб «литературности» текста. Так или иначе, мы рады вновь увидеться с вами, друг-читатель! Поговорим о странном?»

...И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще неясно различал.

А. Пушкин, «Евгений Онегин»

Прошел год. Мы встретились с вами в этой аудитории, как будто года и не было. Мы продолжаем разговаривать о литературе, о фантастике, о королях и капусте. А в паузах между встречами читаем в Интернете, как коллеги-писатели, посетив семинар, пишут: «Я здесь ничего нового не услышал». Ну, бывает. Не услышал человек нового. И это неудивительно — мы ничего нового здесь никогда не говорили, не говорим и говорить не собираемся.

Мы говорим о старом.

Сэнсей, преподающий карате, на тренировках может двадцать лет подряд повторять ученикам: «Локоть — сюда, ногу — туда», а ученики все равно этого год за годом не делают. Пока однажды не испытают прозрение: в банальности «локоть — сюда» кроется суть всей их практики за истекшие двадцать лет. Есть очень старые вещи, правила и понятия, которыми большинство людей не интересуется — не умеет или не хочет. Поэтому новизной пусть берут блондинки на улице. А мы с вами поговорим о книжках.

Книжки — они и старые бывают очень хорошие.

Итак, тема нынешнего семинара: роман. Роман, как *жанр*, единство формы и содержания; его особенности, отличия от других эпических жанров — например, эпопеи. Точно так же, как и роман, литературными жанрами являются повесть, рассказ, эссе и пр. У каждого из них есть свои отличительные черты. Во всяком случае, это утверждает классическая теория жанров, которой мы придерживаемся.

Дальше начинается более подробная внутрижанровая типология. Роман по методу, по набору приемов, использованных писателем в работе, может быть фантастический, сюрреалистический, детективный, исторический, производственный и так далее. Плюс всяческие стыки упомянутых методов и направлений, которые дают разнообразные комбинации. Хотите пример?

Возьмем бокал вина. Бокал в данном случае — жанровая форма романа, которую можно наполнить содержанием, разным по целому букету характеристик — сухим красным каберне, сухим крепким хересом «Амонтильядо», десертным «Мускатом белым Красного камня», то есть винами с разными оттенками вкуса — фантастическим, историческим, производственным...

А для коньяка извольте взять бокал другой формы.

И водку — из рюмки.

В принципе совокупность внутрижанровой типологии дает нам соотношение метода и жанра. Они соотносятся между собой как резец и статуэтка, как инструмент, которым пользуется в данном случае писатель — и конечный результат применения инструментария. Я могу, вырезая статуэтку, применить специальный резец, или, грубо говоря, стамеску, надфиль, нож... Инструмент, которым я пользуюсь, — метод. Статуэтка, которая у меня получается, — жанр.

При этом отметим: объем текста решающего значения не имеет.

Жанровые отличия романа, исходя из его размеров, придумали «кляті ляхи», а точнее, устроители конвентов. В свое время они, чтобы хоть как-то распределять тексты по номинациям, ввели ограничения: до двух авторских листов — рассказ, от двух до восьми листов — повесть, от восьми авторских листов и выше — роман. Это упрощает составление номинаций, но к литературе не имеет ни малейшего отношения.

«Собор Парижской Богоматери» — роман. «Евгений Онегин» — роман. Сравните их объемы — рядом не лежали. Если далеко не ходить и взять наше скромное творчество (не тревожа великие тени Гюго и Пушкина...), то «Черный Баламут» — роман, и «Живущий в последний раз» — роман. Сравните: четыре с небольшим авторских листа и шестьдесят авторских листов. В то же время шеститомный сериал или эпопея романом не являются: это тоже придумали на конвентах, чтобы как-то ее позиционировать при номинировании.

Эпопея — отдельный, особый жанр. И отличается от романа, в частности, тем, что роман связан с интересом к частной жизни отдельных личностей, а эпопея рассматривает жизнь в

национально-исторических масштабах. Да, бывает смешанный жанр: роман-эпопея. Но это заслуживает отдельного разговора.

А мы сегодня говорим о романе.

И о том, что роман — жанр ЭПИЧЕСКИЙ.

Три вида искусства по Аристотелю — эпос, лирика и драма. Эпос имеет свои законы и свои жанры, которые позволяют реализовать эпичность. При этом хочется подчеркнуть, что жанры в лирике или в драматическом искусстве — другие. Знаете, какие жанры в театре? Совершенно верно: комедия, трагедия, драма и так далее.

Да, сразу же хотелось бы оговориться, что мы не претендуем на абсолютно точное следование канонам литературоведения, классического или неклассического. Мы излагаем свою позицию, свое ви́дение проблемы, свое ви́дение жанра романа. А теперь давайте по пунктам, которые мы для себя тезисно выделяем как специфические признаки РОМАНА.

Итак, пункт первый:

1. Роман — это взаимоотношения микрокосма и макрокосма

Стратегия автора — изъять читателя из горизонта реальности, поместив в небольшой, замкнутый воображаемый мир, составляющий внутреннее пространство романа. Писатель должен «переселить» читателя, пробудить в нем интерес к выдуманным героям, которые, несмотря на всю свою привлекательность, никогда не столкнутся с людьми из плоти и крови, требующими внимания в жизни. Вместо того чтобы расширять читательский горизонт, автор должен его сужать, ограничивать.

Повторяю, нет горизонта, интересного содержанием. Любой интересен исключительно своей формой, формой горизонта, то есть целого мира. И микрокосм, и макрокосм в равной степени космосы; они различаются между собой лишь длиной радиуса.

Х. Ортега-и-Гассет, «Мысли о романе»

Он иногда читает Оле
Нравоучительный роман,
В котором автор знает боле
Природу, чем Шатобриан,
А между тем две, три страницы
(Пустые бредни, небылицы,
Опасные для сердца дев)
Он пропускает, покраснев.

А. Пушкин, «Евгений Онегин»

Мы, в отличие от гёроя пушкинских строк, пропускать не будем, покраснев.

Мы так сразу и заявим: роман рассматривает человека на фоне и перед лицом глобальной, нечеловеческой силы. Не пугайтесь, мы имеем в виду не обязательно Саурона. Роман — это человек перед лицом судьбы, человек перед лицом войны, человек перед лицом страсти. Человек на фоне потрясений, коренных изменений социума, природных катаклизмов, стихии, перелома времен. «Век вывернул сустав» — хотя «Гамлет», безусловно, трагедия, а не роман. Иногда равнодействующее желание, стремление, результирующий вектор страстей, интриг и действий большого числа людей также превращается в нечеловеческую космическую силу.

То есть мы берем МАКРОКОСМ, мало зависящий от желаний одного человека, который хочет по-другому устроить мир, от его стремлений, от его жизни, — и МИКРОКОСМ, частную жизнь личности. Два мира, где разница — в радиусе горизонта. Именно это столкновение внутри романа позволяет автору обобщить человека до космических масштабов. Поэтому «Евгений Онегин» — роман. И «Собор Парижской Богоматери» — роман, и «Граф Монте-Кристо», и «Триумфальная арка». На фоне макрокосма личность, герой романа, приобретает совершенно другое качество и другое значение.

Иначе роман не разворачивает плечи.

Илья Муромец остается всю жизнь на печи, и никакие калики перехожие не спешат пройти мимо и подать чашу с волшебным питьем.

Вспомните настоящие романы, которые вы читали — вы везде это найдете. Можно ли назвать «Стальную Крысу» Гаррисона романом? Нельзя! Хотя по объему текста любой конвент мигом занесет «Крысу» в соответствующую номинацию. Но этого признака *романности* мы там не сможем найти. Это не ухудшает «Стальной Крысы», как цикла повестей; это не минус и не плюс.

Это качественные признаки жанровой разницы.

Когда автор пишет роман, он должен это понимать изначально. Иначе писателю не выйти на уровень обобщений. Иначе в литературной капле не проявится целый океан. Поэтому в романе всегда рассказывается больше, чем просто история. Если читатель за один вечер прочитал роман («Ой, там такая классная история!»), пролетел, проглотил...

Романы не глотаются *за один* вечер.

Космос нельзя выпить одним глотком.

В романе собственно рассказанная история является лишь одной, не всегда главной составляющей частью диалектики отношений микрокосма и макрокосма. История обрастает нюансами со всех сторон, у нее возникает подтекст, надтекст, контекст; она расширяется ассоциациями и аллюзиями; в конечном итоге, частная, она обобщается до глобальной. Под разными углами зрения история светится разными оттенками. И только поведение человека перед лицом силы, которая мало зависит или совсем не зависит от человеческого давления, заставляет нас вновь и вновь возвращаться к классическим романам.

Можно ставить фильмы по «Графу Монте-Кристо» тридцать восемь раз. С Жаном Маре в главной роли, с Авиловым, с Чемберленом, с Депардье, с кем угодно. Почему? Потому что в исходнике — РОМАН! Под каким углом повернул — под таким и засверкало. Мы можем получить вульгаризированного графа-Депардье, а можем — элегантного графа-Маре или демонического графа-Авилова. И не только из-за разницы в актерской игре и сценарии это будут совершенно разные люди. Один превращается в абсолютного аристократа, в другом до конца его дней сидит помощник капитана. Но в любом случае мы увидим Эдмона Дантеса, которого сожгла его судьба и его месть.

Микрокосм и макрокосм.

Хочется завершить разговор о первом признаке романа тем, что эпичность не противоречит комедийности, сатиричности или гротесковости текста. Ради бога — «Эфиоп» Штерна, «Мастер и Маргарита» Булгакова. Эпичность не обязательно шествует рука об руку с невероятным серьезом на трагической маске. Обобщать и подниматься до уровня космоса, сталкивая человека с надчеловеческими силами, можно и нужно смеясь.

Другое дело, что это надо уметь.

2. Роман — большое количество персонажей (героев). При этом, что особенно важно, в романе имеется большое количество сюжетообразующих героев

Проследив эволюцию романа с момента возникновения до настоящего времени, убеждаешься: жанр постепенно переходит от повествования, которое только указывало, намекало на что-то, к представлению во плоти. Поначалу новизна темы позволяла читателю довольствоваться чистым повествованием. Приключение занимало его, как нас занимает рассказ о событиях, связанных с близким человеком. Но вскоре темы как таковые перестают интересовать; источником наслаждения становятся не судьбы, не приключения действующих лиц, а их непосредственное присутствие. Нам нравится смотреть на них, постигать их внутренний мир, дышать с ними одним воздухом, погружаться в их атмосферу. Императив романа — присутствие. Не говорите мне, каков персонаж, — я должен увидеть его воочию.

Х. Ортега-и-Гассет, «Мысли о романе»

С героем моего романа
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас.

А. Пушкин, «Евгений Онегин»

Что такое сюжетообразующий герой?
Это герой романа, которого нельзя заменить или убрать.

Сюжетообразующими, конечно же, являются главный (главные) герой (герои). Но также ими могут быть второстепенные и даже эпизодические персонажи, которых тем не менее никак нельзя подвинуть, заменить, выбросить, переставить и так далее. Из-за этого рассыплется вся композиция, вся ткань повествования.

Сюжетообразующий герой имеет принципиальное значение. Без него не станет развиваться или разовьется совсем иначе сюжет романа — то есть последовательность существенных событий, меняющих психологические мотивации действующих лиц. Без него не раскроется во всей полноте авторский замысел. Не развернутся характеры других персонажей, не будет развития конфликта, не «взорвется» кульминация, провиснет идея и так далее.

Это персонаж, которым нельзя с легкостью пожертвовать, что мы зачастую наблюдаем в псевдороманах, в тех текстах, какие сейчас привыкли называть романами — фантастических и не только. Половину героев можно выбросить без зазрения совести. Помянуть пару раз — непонятно зачем, убить во второй главе, забыть о них в процессе написания. Что, кстати, многие авторы и делают — возник персонаж неизвестно откуда и сгинул не пойми куда. Вроде был человечек, суетился, вдруг — бах! — пропал. Зачем он был нужен? Для третьего тома? Что делал, чего хотел?

Тайна сия велика есть.

Потом смотрим: если человечка изъять из текста с самого начала и вообще не упоминать о нем в романе — ничего принципиально не изменится. И действие ни шатко ни валко пойдет, и остальные персонажи глазом не моргнут, и отряд — в смысле, тема с идеей — не заметит потери бойца. Это говорит о неумении писателя пользоваться сюжетообразующими героями. Мы не утверждаем, что абсолютно все герои романа должны быть сюжетообразующими. Но большинство все-таки должно стоять на своем месте, выполняя особые, незаменимые функции, как в хорошо собранной мозаике: вытащишь один элемент, и мозаика станет неполной.

Сюжетообразующие герои ведут партии сюжетных линий романа, как инструменты оркестра, поскольку в настоящем романе, по глубокому нашему убеждению, сюжетных линий также должно быть много, то есть больше двух. Соответственно это герои, от лица которых или о которых ведется повествование — если такого убрать, пропадет вся линия, с ним связанная. Но это могут быть и герои, не ведущие отдельных мелодий, но имеющие принципиальное значение для романа.

Возьмем, к примеру, все того же «Графа Монте-Кристо». Аббата Фариа выбросить невозможно: без него развалится интрига. Про самого графа вообще разговору нет. Пытаемся убрать кого бы то ни было из людей, которые предали Дантеса, подставили, из-за которых он попал в тюрьму. Казалось бы, на первый взгляд нам позволено сократить их число, и Эдмон Дантес все равно попадет в тюрьму, озлобится, станет мстить.

Ничего подобного.

Помните, в фильме с Жаном Маре сценарист Кадруса и Данглара слил в одного персонажа? Пропал банкир — и как начал рассыпаться фильм! Даже финальный поединок Монте-Кристо с де Морсером ничего не спас. Сгинул банкир, вся линия с ним исчезла, и зритель не в силах понять с середины фильма, зачем графу все его финансовые ухищрения. А главное, простить некого! Ведь Данглара мститель не стал добивать.

То же самое относится к целой куче второстепенных и эпизодических героев. Из романа невозможно вынуть практически никого, вплоть до юного бандита, которого пригрел Монте-Кристо с целью атаки на прокурора, и принцессы Гайде. Они все категорически нужны. Если эти герои не толкают вперед активное действие — они раскрывают какую-то очень существенную часть характера Монте-Кристо или его противников, влияют на изменение психологии главных героев и пр. Без них роман станет ущербным, кастрированным, начнет дрожать мелкой дрожью.

Как мы уже говорили, сюжетообразующие герои не обязательно должны быть главными — они важны для романа в целом, для его конструкции, задач и целеположения. Возьмем еще

один пример: «Колодезь» Святослава Логинова. Казалось бы, там все упирается в одного-единственного главного героя, который и движет сюжет. Но наряду с ним в книге есть огромное количество персонажей, которые вроде бы являются эпизодическими, «случайными попутчиками» Семена, — но убери любого из них, и, во-первых, вылетит фрагмент сюжетной конструкции, во-вторых, рухнет изменение характера «главгера», и получится однобокое статичное повествование. Выкинь из «Колодезя» Ваську-односельчанина, который потом становится Васаят-пашой, кастратом и мерзавцем, убери обманчиво третьестепенный персонаж — и вся линия мести и ненависти, которая приведет нас к кульминации прощения, рассыплется вдребезги.

Из-за одного эпизодического персонажа.

Сюжетообразующих героев в романе много и ни одним нельзя безнаказанно пожертвовать. Они не являются лишними, а являются необходимыми и достаточными, как говорят математики. Если, конечно, мы говорим о настоящем сюжете как движении основного конфликта, а не о том, кого убьют сейчас за углом и куда бойцы поедут дальше.

Бойцы, кстати, поедут к третьему признаку романа.

3. Роман — это жестко структурированная архитектоника как генерального, стратегического сюжета, так и сюжетных (сюжетообразующих) линий, во взаимодействии образующих полифонию (многоголосие) романа

Материал не спасает произведения, как золото, из которого отлита статуя, не придаст ей святости. Произведение искусства в большей степени живо своей формой, а не материалом. Именно структурой, внутренним строением обязано оно исходящему от него тайному очарованию. Очевидно, без темы произведений искусства не существует, как нет и жизни без определенных химических процессов. Но как и жизнь не может быть сведена только к ним, а становится жизнью, когда добавляет к химическому процессу изначальную сложность иного

порядка, так и произведение искусства заслуживает этого имени, поскольку обладает определенной формальной структурой, которой подчинены материал или тема.

Х. Ортега-и-Гассет, «Мысли о романе»

Я думал уж о форме плана,
И как героя назову;
Покамест моего романа
Я кончил первую главу;
Пересмотрел все это строго:
Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу.

А. Пушкин, «Евгений Онегин»

Под этой строчкой может подписаться легион ныне публикующихся авторов.

«Противоречий очень много, но их исправить не хочу».

Не хочу, и все.

Скажите, дамы и господа, вы станете лечиться у стоматолога, который скажет, что, мол, я сейчас начну ставить вам пломбу, но чем это закончится, не знаю? Вы поедете в такси с водителем, который не в курсе, куда вас в конце концов привезет? Может ли композитор заявить: «Я сейчас пишу сонату, но может получиться эстрадный шлягер, а может — симфония, пьеса, скрипичный квартет, — черт его знает, чем дело кончится...»?

А как часто мы слышим от писателей: «Вот я начал роман, а чем он закончится, я еще не знаю»! И мы говорим: ну да, он же творческая личность, конечно, он не знает заранее, чем дело кончится! Он же не стоматолог, таксист, композитор! — чистое облако в штанах...

Здесь мы наблюдаем принципиальное отличие профессионала от дилетанта, даже не представляющего, что значит — роман. Для того чтобы построить величественный храм, надо рассчитать давление свода на колонны *заранее*, иначе свод упадет на головы верующим. Мы говорим, что конструкция сюжета представляет собой экспозицию (выяснение обстоятельств бу-

дущего конфликта), завязку (возникает и прорастает зерно основного конфликта), развитие действия (конфликт во всей своей красе раскрывается), кульминацию — наивысшее напряжение всех сил конфликта, и, наконец, развязку — разрешение конфликта противодействующих сил. Чудесно. Но эта архитектоника рассчитывается *до того*, как мы написали роман до середины и не знаем, куда теперь повернуть. Казалось бы, очень просто, но почему-то мало кто хочет это делать прежде, чем свод раздавит несчастного читателя.

Как складываются вместе стальные проволоки и проковываются, образовывая в итоге дамасский клинок, так основная, стратегическая линия сюжета складывается из уймы вспомогательных сюжетообразующих линий. И экспозиция, скажем, сюжетообразующей линии № 3 может по времени действия романа или просто по месту в тексте не совпадать с экспозицией генерального сюжета или с экспозицией линии № 8. То есть по одной сюжетообразующей линии идет экспозиция, по другой уже давно произошла завязка, по третьей, возможно, происходит развитие действия, четвертая подходит к своей личной кульминации и после развязки больше не возникнет в романе...

Это — полифония.

Многоголосие — существенная характеристика романа.

Ошибся на полтона — все полетело, аккорд не состоялся, гармонии каюк. Писатель — он СЛЫШИТ. Так же, как это делает дирижер: «Вторая скрипочка! У вас третья струна на четверть тона сбоит — подтяните!». А если не слышит — гнать такого дирижера. Пусть в ресторане «Мурку» лабает: там и полтона фальши — не шибко серьезная проблема.

Именно то, что сюжетообразующие линии не совпадают друг с другом по своим частным архитектоническим конструкциям, создает ажурную вязь общей сюжетной конструкции романа. Смотришь на этот храм и ахаешь: «Красота!» Или слушаем сонату Вивальди для виолончели и basso continuo: пошло вступление, а вот уже темочка, а вот ее многообразно развивают, пошла поддержка...

Музыка!

Нам было бы проще рассмотреть это на примере из собственного творчества. Возьмем наш ранний, достаточно известный большинству роман «Путь Меча». Архитектоника генеральной линии сюжета — это отнюдь не приключения главного героя и его любимого меча, а также подробности их личной жизни. Генеральная линия — это феодальная утопия в период расцвета и последующего краха. Моделирование невозможного утопического общества в феодальный период, которое под разрушительными воздействиями снаружи начинает колебаться и саморазрушаться. Путем судорожного, невероятного напряжения сил общество временно стабилизируется, только всем понятно, что скоро равновесие рухнет.

Вот это ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЮЖЕТ.

В экспозиции мы рисуем стабильное феодально-утопическое общество (мы ведь не о том писали, что мечи разговаривают!). В завязке, в зерне конфликта возникают внешние помехи и колебания. В развитии действия эти внешние колебания становятся внутренними, запуская процесс разрушения; далее идут попытки разобраться и стабилизировать ситуацию, а для этого приходится выйти за рамки своей родной феодальной утопии фактически в другое мироздание (для этого в космос лететь не обязательно!). Временная стабилизация системы — кульминация, наивысшее напряжение всех сил конфликта. И наконец, развязка, где мы понимаем, что стоим на краю завтрашней пропасти.

Когда нам говорят: «Братцы, у вас «Путь Меча» — такая светлая штука, а «Дайте им умереть» — такая грустная штука!», мы отвечаем: «Вы что читали-то? В развязке «Пути Меча» вроде бы ясно сказано: кранты данной цивилизации. А в финале «Дайте им умереть» — наоборот, в конце появляется шанс кое-что выправить... Где грусть, где свет?»

Так вот, мы описали генеральную линию сюжета. Ее формирует целый ряд сюжетообразующих линий. Линия главного героя Чэна Анкора и его меча-Единорога, их взаимоотношений — эта линия имеет свою экспозицию и завязку (более того, фактически это две линии, которые в середине романа сливаются в одну), которые не совпадают с экспозицией и завязкой

генеральной линии; а также свои развитие действия и кульминацию — данная линия достигает кульминации в финальном поединке Чэна и Джамухи.

А кульминация всего романа в целом происходит в эпилоге!

Продолжаем: есть сюжетообразующая линия внешних возмущений: события в Шулме, появление Джамухи, ее комплексы... Есть линия попыток стабилизации внутри утопического социума. Есть линия стабилизации извне: неправильный шаман и пр. Это не персонажи — это сюжетные линии. Хороший роман или плохой, в данном случае не столь уж важно — мы сейчас не рассматриваем качество, а объясняем пример сюжетной конструкции.

Когда нам говорят, у меня, мол, роман пишется, вот только что книгу выпустил, потом еще чего-нибудь попишу, напишу второй том, потом третий, а в конце получится роман — ответ прост: может, получится, а может, и не получится. Три тома далеко не всегда сливаются в роман. Особенно если автор заранее не продумал от начала до конца всю несущую конструкцию. Иначе мы получаем огромную экспозицию, а в конце — «пшик» вместо развития действия. Или вообще экспозицию, которая ничем не закончилась. Или развитие действия, не вышедшее на кульминацию: автор не предполагал этого в начале работы. Он писал-писал-писал и только в конце понял, что ему надо бы писать вот так, а уже три тома изданы, вышли в люди. Переделать нельзя. Он строил дом, сделал фундамент под небоскреб, понял в конце, что денег не хватит, а три этажа уже построил. Так и оставил трехэтажное здание на фундаменте небоскреба.

И гордо заявляет: «Это роман!»

К нам часто подходят и спрашивают: «А почему вы на «Звездном Мосту» в номинацию «Романы» не вносите первые книги будущих трилогий и гепталогий? У нас ведь катастрофически не хватает хороших романов в номинациях!». Ну допустим, мы эти первые книги туда внесем и будем рассматривать как РОМАНЫ. И что получим с литературной точки зрения? Финала нету? — нету! Вообще! Конструкция оборвана на середине? —

оборвана. Значит, скверный, безграмотный, непрофессиональный роман, голубчики!

Без вариантов.

Не исключено, что автор в итоге допишет текст, и все будет в порядке. Может быть, в итоге эти три тома сольются-таки в роман. А мы его убьем заранее, рассмотрев фрагмент как целое. Фрагмент-то романом никак не является! Нет, мы не можем этого сделать. А конвентные идеи, как обустроить номинации — они нас мало заботят. Проголосовать? — мы готовы вообще не голосовать.

Нам за державу обидно.

Увы, многие тексты, которые во всеуслышание называются романами, — либо повести-переростки (полторы сюжетообразующие линии, один-два сюжетообразующих героя...), либо части эпопеи, а эпопея — не роман, а особый эпический жанр, в нем свои законы. Стругацких помним? «Трудно быть богом» — это что? Повесть! Стругацкие сами неоднократно заявляли, что это повесть. «Хищные вещи века» — повесть. А роман — это «Град обреченный». Сейчас «Трудно быть богом» точно издали бы как роман, а может быть, даже как эпопею.

На этом Шахерезада прекращает дозволенные речи и переходит к недозволенным.

4. Роман — расширенное пространство текста (географическое, хронологическое, интеллектуальное, социальное, эстетическое, культурное и пр.)

Все чрезмерное лишь оттеняет забытую норму. Пруст, выходя в своих творениях за пределы мыслимого богатства подробностей, заставляет вспомнить: все замечательные романы содержат огромное (хотя и не до такой степени) количество пустяков. Книги Сервантеса, Стендаля, Диккенса перенасыщены подробностями. Во всех них — такое число точно подмеченных мелочей, что мы просто не в состоянии удержать их в памяти. Мало того, читатель твердо уверен: за каждой сообщенной деталью стоит немало других, которые писатель как бы

вынес за скобки. Великие романы — это возведенные мириадами мельчайших полипов коралловые рифы, чья кажущаяся хрупкость способна выдержать натиск морских валов.

Х. Ортега-и-Гассет, «Мысли о романе»

В начале моего романа
(Смотрите первую тетрадь)
Хотелось вроде мне Альбана
Бал петербургский описать;
Но, развлечен пустым мечтаньем,
Я занялся воспоминаньем
О ножках мне знакомых дам.
...С изменой юности моей
Пора мне сделаться умней,
В делах и в слоге поправляться,
И эту пятую тетрадь
От отступлений очищать.

А. Пушкин, «Евгений Онегин»

Не будем очищать от отступлений, несмотря на уважение к Пушкину.

Как мы уже говорили, эпический жанр романа предполагает космический масштаб. Сопряжение микрокосма и макрокосма, показ огромного, глобально-вселенского через малое и частное. Но решать эту задачу можно разными способами. В принципе действие романа может и впрямь разворачиваться в течение большого промежутка времени. Случается, действие занимает целую эпоху, особенно в научно-фантастических и фэнтезийных романах. А если еще и герой бессмертный — так это вообще запросто. Также действие может занимать обширнейшее географическое пространство — в спейс-опере оно измеряется галактическими масштабами.

То есть задачу расширения пространства текста (как минимум временно́го и географического) можно решать напрямую, в лоб. Многие так и делают, не мудрствуя лукаво.

Но!

Основное действие романа вполне можно ограничить в пространстве. Оно совершенно не обязано занимать всю галактику или целую планету — легко обойтись одним городом, одной улицей, а то и даже одной комнатой. За счет разнообразных отступлений, воспоминаний, ремарок, ретроспектив, предположений, размышлений героев этот пространственно-временной континуум способен расширяться бесконечно. Если, скажем, какая-то из линий действия происходит на единственной улице, то сопутствующие обстоятельства, влияющие на сюжет, на характеры и поступки героев, могут захватывать хоть весь космос. То же относится и к расширению времени действия — его обустраивают различные отступления, ретроспективы в прошлое и (особенно в фантастических романах) экскурсы в будущее.

Варианты развития ситуации, например.

Думаем, вы неоднократно встречались в тексте с эпизодами, когда герои каким-то образом узнают, предугадывают, провидят, просчитывают или предполагают возможные варианты развития — и они фактически работают как отдельные сюжетообразующие линии. В детективных романах этот прием сильно развит — когда просчитываются версии. Соответственно, сразу идет расширение и временно́го, и географического пространства текста; и привлекаются дополнительные персонажи, которые могли быть задействованы, скажем, в картине преступления.

Выходит, это распространенный прием не только в фантастике.

Кроме того, расширение может крыться в биографиях персонажей, за счет ретроспектив. Поскольку их предыстория (то, чем они занимались раньше, их взаимоотношения до начала непосредственного действия романа) сильно влияет на фактуру романа, прошлое героев зачастую весьма важно для того, что происходит сейчас. Но это далеко не все. Есть лирические отступления, пейзажные, этнографические, эстетические, культурные, философские и так далее. Роман — кроме полифонической структуры сюжета, о чем говорилось ранее — образует еще и полифоническую структуру текста. То есть автор дает ог-

ромное количество эстетически организованной информации, которая создает ауру романа.

Мы однажды говорили о сюжете, как о скелете и мышцах. Сейчас речь идет о том, что скелет и мышцы еще не создают живого человека. Нужны и внутренние органы, и кожа, и жир. Вот это и есть расширение текстового пространства. Оно необходимо, если мы хотим, чтобы наш человек-роман не выглядел освежеванным уродцем с волосами, сгоревшими в пламени творческого катаклизма, с вырванными автором ногтями и выколотым левым глазом. Расширения формируют его целиком, с характерной прической, ироническим прищуром, морщинами на лице — и мы видим индивидуальность тела и души, характера и фигуры. Теперь это не манекен и не чудовище Франкенштейна.

С таким и общаться интересно.

Кстати, усложненная фактура повествования — это то, чего не любят фанатики «экшена». Герой должен действовать. Он обязан быстрейшим способом дойти из пункта А в пункт Б, замочив по дороге легион врагов. Иначе обида: почему здесь у вас пейзаж, а здесь какие-то дурацкие воспоминания героя, не имеющие отношения к врагу, заслужившему добрый удар топора?!

Недавно вышла рецензия Василия Владимирского на роман Владимира Аренева «Магус». И там рецензент в конце говорит, что, видимо, Аренев принадлежит к харьковской школе (автор «Магуса» вообще-то киевлянин, но это ладно). Почему? Потому что в книге много всякого рода отступлений и подробностей. И есть в рецензии такая фраза — цитируем не дословно, по памяти, но мысль следующая: когда читатель ждет в финале, убьют героя или нет, нельзя же все прерывать и начинать говорить о чем-то совсем другом: дать пейзаж, философское отступление и прочее.

Отвечаем: можно! И зачастую даже нужно. Потому что это — роман. А хочешь, чтобы лобовое действие не прерывалось, — читай рассказы. Там другие законы.

Вот что об усложненной фактуре повествования говорил Ги де Мопассан: «Глубокий скрытый смысл событий на основе наблюдений и размышлений за происходящим в мире». Обратите

внимание: за происходящим в мире. Роман — это еще и мир, а не только приключающийся герой. Герой — могучий инструмент для раскрытия мира. Только не следует понимать МИР РОМАНА, как придуманный автором «новый мир» — были, значит, эльфы, а стали цвельфы или эльфы в скафандрах, живущие на изобретенном мною Плато Скелетов.

Мир — это огромная совокупность событий, а не конструктор «ЛЕГО» для маленьких Самоделкиных.

5. Роман — реализованный принцип «многоязычия»

Более десяти лет назад в «Размышлениях о «Дон-Кихоте» я обнаружил главное назначение современного романа в описании атмосферы. Вот основное отличие этого жанра от других эпических форм: эпопеи, сказки, приключенческой повести, мелодрамы, романа «с продолжением», где излагается определенное действие, следующее известному маршруту и руслу. В противовес конкретному действию, стремящемуся к скорейшему финалу, атмосфера означает нечто расплывчатое, спокойное. Действие затягивает нас драматическим вихрем, атмосфера, наоборот, только приглашает к созерцанию. В живописи атмосферу, где «ничего не происходит», передает пейзаж в отличие от исторического полотна, где изображен подвиг, событие в чистой форме. Не случайно именно в связи с пейзажем возникла техника plein air, другими словами, атмосферы.

Х. Ортега-и-Гассет, «Мысли о романе»

Хотя мы знаем, что Евгений
Издавна чтенье разлюбил,
Однако ж несколько творений
Он из опалы исключил:
Певца Гяура и Жуана,
Да с ним еще два-три романа,
В которых отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно

С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.

А. Пушкин, «Евгений Онегин»

Что мы имеем в виду под реализованным принципом многоязычия?

Нет, отнюдь не литературный язык, которым написан текст.

По Бахтину, монологическая точка зрения на мир — это отдельный *социальный* язык. Допустим, вот это — социальный язык крестьянства, это язык «потерянного» поколения, а это язык религиозной общины, а это язык злобы политического дня. В данном случае мы понимаем под языком систему взглядов, принципов, умопостроений, принятой терминологии — и способ выражения всего этого. Например, язык нового поколения — это не только «превед, медвед!» в Интернете. Отсюда вытекает целый поведенческий комплекс — привычки, неврозы, пристрастия, взгляды на быт и искусство...

Каждый такой язык — монолог. Отдельная точка зрения на мир. Пользуясь этим языком, я-автор отражаю точку зрения поколения, среды, социума и так далее. Так вот, роман строится ДИАЛОГОМ.

Роман не пишется одним социальным языком. В нем отражаются и сталкиваются несколько таких языков — целый набор в одном флаконе. Если вы внимательно посмотрите, то найдете в любом классическом романе несколько монологических языков. У Пушкина герои Евгений и Татьяна — это не просто два персонажа. Это два разных мира. Он давно чтенье разлюбил, она без романа заснуть не может. Это разные языки, которыми они изъясняются, разные принципы поведения, разные взгляды на жизнь, и Пушкин это обобщает на уровне поколений, слоев социума.

Многоязычие — принцип романа. Его закон. Многоязычие еще и показывает владение автора своим ремеслом, владение набором инструментов, позволяющим демонстрировать и обоб-

щать. Когда мы читаем похождения космического авантюриста, и вот он все похождается и похождается, летает и летает, пьет и пьет (в город они входят — пьют, из города выходят — пьют, и в космолете пьют, и на планете лакают...) — мы видим, что автор не знает, чем заполнить пустоты, кроме как налить главному герою.

В данном случае автор не дотягивает даже до монологической точки зрения на мир. А о ДИАЛОГЕ и речи быть не может. Вспомните любой известный роман. «Идиот» Достоевского? Отлично! Вы и без наших комментариев сразу увидите, что там есть диалог как минимум пяти таких языков. «Поднятая целина» Шолохова? Пожалуйста! Макар Нагульнов с одной стороны и Островнов — с другой. Кроме того, что это персонажи, это и социальные образы, обобщающие целые пласты изменений в обществе.

Когда в романе звучит многоязычие — это говорит о таланте автора, о его кругозоре, как это ни банально звучит, о его опытности, о философской подоплеке — если он способен переходить от языка к языку. Роман — коктейль. Пожалуй, мы еще добавим, что каждый из этих языков представляет ни мало ни много способ осмысления мира. И разные способы осмысления мира в столкновении характеризуют роман как жанр.

В этот «язык» входит не только манера речи героев, представителей той или иной социальной, возрастной, культурной среды, не только литературный язык писателя, который, кстати, тоже может меняться, но и фактически идейная составляющая. Идеи, противостоящие друг другу или не противостоящие, философские и действенные, разрушительные и созидательные — кроме того, что разнятся сами идеи, они излагаются совершенно разным языком: рубленые фразы, сложные построения и пр. В зависимости от решаемых в данный момент задач разнится язык как персонажей, так и автора, описывающего происходящее.

Это и есть многоязычность романа.

6. Роман — это автор романа, как полноценное действующее лицо и полноценная часть всех перечисленных компонентов

Романист, взгляни на врата флорентийского баптистерия работы Лоренцо Гиберти! В череде небольших, заключенных в рамку рельефов здесь пред тобой — все Творение: люди, звери, плоды, дома... Бескрайняя радость — вот что испытывал скульптор, создавая одну за другой эти формы. Подлинный романист — это рассказчик, без устали выдумывающий людей и события, слова и страсти, творец, без остатка изливающий всего себя в раскаленную форму романа; это личинка, которая ткет свой волшебный кокон и, позабыв о покинутом мире, неустанно отделывает собственное жилище, плотно законопачивая все щели, пропускающие свет и воздух реального.

Или романист — это попросту тот, кто заинтересован в воображаемом мире больше, чем в каком-либо ином.

Х. Ортега-и-Гассет, «Мысли о романе»

Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт,
Как будто нам уж невозможно
Писать поэмы о другом,
Как только о себе самом.

А. Пушкин, «Евгений Онегин»

Шестой тезис важен не только потому, что если не будет автора, то и роман никто не напишет. Иногда, к сожалению, бывает так — вроде бы и автор есть, и роман есть, а на самом деле ни автора, ни романа и в помине нет.

Потому что автора нет в романе — а есть ли он снаружи, никого не интересует.

Итак, автор сам является героем своего романа. Это один из главных, если не главный сюжетообразующий герой — не только потому, что сюжет им придуман и записан. Авторская позиция, эстетические взгляды, мировоззрение, жизненный опыт, все, что писатель хотел сказать в романе — включая призыв: «Люди, дайте денег!», — является плотью от плоти, кровью от крови романа, фактически одной из его сущностей.

Способов решения этой задачи множество. Наиболее явный случай — когда повествование ведется от первого лица, отождествляемого с автором. Да, «первое лицо» очень сильно проникается авторским «я». Хотя в принципе автор должен присутствовать в любом из персонажей, дабы вдохнуть в них душу. А душу-то вдыхать больше неоткуда, кроме как из самого-себя. Если вы в героя не вложите кусочек себя, то никакой иной души в нем не будет — получится ходячий труп. Если вам неинтересен ваш герой, ваш сюжет, ваш роман, то вряд ли вы заинтересуете и читателя.

И денег тоже не получите.

Хотя бывают исключения — это мы насчет денег.

Но повествование от первого лица далеко не единственный способ. Можно вести повествование от третьего или даже от второго лица. В любом из этих вариантов все равно присутствует автор. Кроме того, в романе вполне уместны и приветствуются прямые высказывания от автора — именно не от персонажа, а от автора. Портреты и характеристики героев, авторские отступления и т.д. Разумеется, тут неуместно нудное морализаторство — в конце концов мы все пишем художественную литературу, а не нравоучительные агитки.

Но тем не менее автор может и, мы так думаем, что и должен высказывать свою позицию — не тупо и в лоб, но по крайней мере вкладывать ее в роман: что-то же вы хотели сказать, когда садились его писать! Просто рассказать занимательную историю — тоже неплохо, но это, извините, не роман. Это может быть рассказ, повесть, но роман — это все-таки нечто большее.

Настоящий роман изобилует косвенными высказываниями, вложенными в уста персонажа автором, иносказаниями, аллюзиями, ассоциативными цепочками. Всё, о чем мы говорили, расширенное поле романа — набор отступлений и размышлений: философских, лирических, психологических и так далее — во всем этом тоже напрямую присутствует автор.

Именно используя расширенное поле романа, автор доносит до читателя свою позицию, проявляет свою личность. «Раскрашивая» текст, делая его объемным, зримым, позволяя ощутить фактуру, многомерность, полифонию. Это комплексы аллюзий, реминисценций, каких-то параллелей, скрытых цитат, которыми писатель наполняет текст. Все это относится к расширенному пространству романа с одной стороны — и к личности автора, присутствующего в тексте, как герой произведения, с другой. Иначе кто же насытит текст романа вторыми, третьими и прочими планами — кроме автора?

Казалось бы, если собрался сыгранный оркестр, профессиональные музыканты — у меня яркие персонажи, я продумал их психологию, взаимоотношения, я в достаточной мере владею стилем, и я все это написал — зачем такому слаженному оркестру дирижер? Они и так неплохо сыграют! Однако когда играет симфонический оркестр (все профессионалы, все прекрасные музыканты с мировыми именами, лауреаты кучи конкурсов), дирижер тем не менее всегда присутствует. Наверное, ему все же не просто так деньги платят? Наверное, он зачем-то нужен?

На афишах пишут: «Оркестр под управлением Караяна».

Дирижер — ПЕРВЫЙ!

Но даже если не брать Караяна... Впрочем, почему нет?! Ревновать всегда надо к Копернику, а не к Кузькину, у которого — возвращаясь к книгам — тираж на две тысячи больше. Опытной театральной труппе, где все и роли знают, и играть умеют, нужен режиссер. А роману необходим автор — как личность, зримо или незримо присутствующая в созданном им самим мире.

Ведь автор текста — это не только расширенное пространство романа, не только авторская позиция. Автор — это еще и язык, которым написан роман. Язык романа в целом, и те раз-

нообразные языковые структуры, о которых мы говорили выше, и вообще все языковое пространство романа. Это то, чем автор дышит, чем он владеет, это его основной инструмент и выразительное средство. Кроме родного языка, у автора нет никакого иного инструмента, которым он способен работать. Все методы и приемы являются лишь производными от языка, существуют в его рамках.

В том, как писатель владеет данным инструментом, насколько умело и к месту он его использует — именно в этом автор в первую очередь и проявляется в своем тексте. Можно, к примеру, неплохо владеть одним наработанным стилем, как боксер — коронной «двойкой», но не уметь варьировать его в зависимости от меняющихся задач.

И если в романе нет живой, мудрой, интересной и осязаемой личности автора, выраженной через героев, сюжет, язык, через авторскую позицию и расширенное пространство текста, — роман получается мертвым, плоским и пресным.

CODA

На заре жанровой эволюции различие между хорошими и плохими романами было невелико. Поскольку еще ничего не было сказано, и в тех и в других речь шла лишь о самом необходимом. Теперь, в великую пору упадка, это различие увеличилось. Тем самым появилась прекрасная, хотя и трудно осуществимая, возможность создать шедевр. Только незрелый ум способен считать, что эпоха упадка — время во всех отношениях неблагоприятное. Напротив, подлинные шедевры были плодами упадка, когда накопленный опыт до крайности обострял творческие способности. Упадок жанра, как и упадок расы, гибелен лишь для людей и произведений среднего типа.

Х. Ортега-и-Гассет, «Мысли о романе»

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли все;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо.

Отец ее был добрый малый,
В прошедшем веке запоздалый;
Но в книгах не видал вреда;
Он, не читая никогда,
Их почитал пустой игрушкой...

А. Пушкин, «Евгений Онегин»

Подводя итоги, возвращаемся в нашу альма-матер — фантастику. Реальных романов на сегодняшний момент пишется мало. Мы бы сказали — ничтожно мало. Возможно, массовым читателем романы востребованы не очень сильно. Возможно, писатели не слишком хотят (не могут? не умеют?) создавать подлинные романы. В изобилии пишутся эпопеи — и называются романами. Пишутся приключенческие повести — и называются романами. Пишутся сериалы — и тоже почему-то называются романами.

Скоро романами станут именоваться рассказы.

И какой же мы получили немереный кайф, стоя у Харьковского университета с Мариной Дяченко, когда Марина сказала: «Мы написали роман!» (речь о новом романе Дяченко «Vita Nostra», который по всем пунктам роман). Вы бы видели это счастье талантливого и умелого писателя: сказано ВСЕ. Никаких продолжений не будет. И есть все необходимое: микрокосм-макрокосм, богатая фактура, расширение пространства текста, полифоническая композиция, многоязычие...

Сейчас в номинациях конвентов по категории романов царят повести-переростки. Или части сериала, которые и по отдельности числятся романами, и в непонятном будущем должны якобы сложиться в большущий роман. Так ведь вслух сказал автор этих частей! — в интервью или на форуме. Он, понимаешь, уже три года назад это сказал, а мы все складываем, складываем, и оно ни фига не складывается. Прочитаешь все это подряд — ну, допустим, эпопея. Так ведь у эпопеи другие законы. Да и финал такого расчлененного «романа» даже не открытый — его просто нет. И не успеешь оглянуться, как персонажи из вроде бы законченного «романа», неся в зубах обрывки идей, начинают вылезать в других повестях и рассказах автора...

А почему?

А потому что автор НЕДОГОВОРИЛ. С мастерством проблемки, и теперь он любимого героя сует в любую бочку затычкой: я и тут договорю, и тут, и еще напомню, и у книжного киоска постою, хватая прохожих за штаны...

Именно таким бестолковым образом и делаются попытки доработать скудную полифонию, вытащить убогий ряд сюжетообразующих героев, расширить крохотное текстовое пространство, избавиться от монологичности — дописать «роман» новыми рассказами, кусками, частями, пришивая их к монстру Франкенштейна.

И впрямь век упадка романа. Может быть, именно поэтому мы все время ждем романов. Когда они редко-редко появляются — боже, какое счастье! Мы с огромным удовольствием сейчас перечитываем фантастические романы девяностых годов прошлого века. «Колодезь» и «Многорукий бог Далайна» Логинова. «Ола» и «Дезертир» Валентинова. «Эфиоп» Штерна. Дяченко — «Армагед-дом», «Долина совести». «Шайтан-звезда» Трускиновской...

Честно говоря, мы из принципа перестали читать романы, когда нам говорят: «Знаешь, я еще лет за пять допишу его в трех-четырех-пяти томах — типа ты его почитай пока, выскажи свое просвещенное мнение, а потом это будет РОМАН!». Мы не умеем кушать один обед в течение пяти лет. Становимся голодными и злыми. Допишите, прочтем целиком и тогда будем вместе радоваться, если получится роман.

Разумеется, этот выпад можно вернуть и нам. «Черный Баламут» издавался в трех томах последовательно. «Одиссей, сын Лаэрта» — в двух томах. «Ойкумена» — трехтомник, также выходящий в свет последовательно. Но это тексты либо уже написанные целиком на момент выхода, либо практически написанные и требующие малой доработки (потому и выходили эти двух-трехтомники примерно в течение года). Опять же аргумент «сам дурак», в сущности, ничего не отменяет. Выйдет потом книга в одном толстенном фолианте, и сразу становится видно: роман или рядом пробегало.

Если не знать заранее, сколько частей (отдельно изданных томов) планируется в твоем «романе», как он будет читаться под-

ряд, а не с перерывами из-за времени издания, где будет кульминация всего текста и чем душа успокоится — ничего не выйдет. Заодно можно столкнуться с технической проблемой: по большому счету, дописав последнюю строчку, надо бы сократить в первом томе восемьдесят две страницы, а вот этот кусок действия оттуда перебросить сюда — но поздно! ИЗДАНО! Разве что запятые удастся заново расставить для нового переиздания. Так что если вы пишете роман, вы должны в стратегическом отношении знать его от начала до конца, еще не написав последней фразы и не позвонив издателю.

С нами можно спорить, можно не соглашаться, можно работать по каким-то другим принципам — да ради бога, никаких проблем. Мы ведь не агитируем всех срочно бросаться писать исключительно романы. В принципе роман не является чем-то лучшим, нежели повесть или эпопея. Все жанры имеют совершенно одинаковое право на существование. Мало ли, насколько у человека хватило размаха, мыслей, идей — и как он это организует на бумаге! Но проблема романа в том, что это жанр медленный, так сказать, дегустационный.

Его нельзя «хлопнуть» одним глотком.

Нет, можно, конечно, — но тогда в рамках от «круто вставило!» до «ни фига не понял!».

Роман рассчитан на чтение и перечитывание. В увлечении сюжетом, действенным событийным рядом мы пролетаем мимо очень важных моментов. Подоплека событий, расширенное пространство текста — с первого раза это ловится только частично. А оно самое дорогое — вкусовые оттенки, послевкусия, нюансы, ароматы... Вот и приходится перечитать еще раз, чтобы оценить в полной мере.

Были мы этим летом в Лувре. Смотрим: висит «Мона Лиза». Видели сотни репродукций и никогда не могли понять: она что, и впрямь улыбается? А тут вдруг встали напротив оригинала и видим: улыбается! Ясно улыбается — лукаво, с вызовом... Очень характерная улыбка. И чем дольше смотришь, тем она больше тебе улыбается.

Так вот, роман улыбнется вам не сразу. Надо ехать за тридевять земель и вглядываться — тогда дождетесь.

Андрей Шмалько

РЕВАНШ, ПОГРОМ, КАПУТ

Современная историческая фантастика

«Блажен муж, иже не идет на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей...» (Пс. 1—1,2). Ради политкорректности вывернем наизнанку: «Неправеден муж, иже не идет на совет благочестивых и не стоит на пути праведных и не сидит в собрании святителей...» Теперь никому не обидно? Странное дело! Когда собираешься на обычный конвент, о политкорректности не думаешь. В крайнем случае помнишь о том, что писателя Н не следует хвалить в присутствии писателя М — и не забываешь об этом до третьей рюмки. О политике же, особенно после помянутой третьей, беседовать вообще не принято. Мовентон-с!

Блажен муж, неправеден муж... Стоит ли помянутому мужу идти на конвент, объединяющий писателей, скажем вежливее, не только по литературным интересам? Хотите политики, коллеги? Ладно. Только потом не обижайтесь.

Начнем!

Как у наших у ворот
Сел имперский звездолет.
Зададим-ка перцу
Злобному имперцу!

Г.Л. Олди

© А. Шмалько, 2007

Пересказываю прозой. Если саму идею Империи я согласен обсуждать в плане профессиональном — историческом и литературном, то от забот по воссозданию конкретной Российской империи меня увольте. Занят-с. Прилагаю в меру возможностей все силы, дабы сия империя не была воссоздана как можно дольше — а еще лучше никогда. И не говорите, что не мое это дело, потому как инородец. В том-то и вся соль, что инородец. Послушать, что некоторые — не дворники, не отставные любера — фантасты о таких, как я, инородцах, говорят, сразу из пацифистов выпишешься. И нации моей нет, выдумали ее — лично граф Стадион, наместник Галиции и Ладомерии, и ума мы невеликого, и фамилии смешные, и в голове одни мысли о сале. К тому же все поголовно предатели, Мазепы с Бандерами. Но почему-то в этот самый «имперский проект» нас, таких плохих, регулярно вписывают, то целиком, то частями, то с войной, то без.

...Недавно решил уточнить, кто из нынешних фантастов первым описал войну России с Украиной. Уточнил — и вам советую. Когда-нибудь пригодится.

Так что ваш проект — это и мое дело. Тем паче к исторической фантастике вполне причастен, помянутые же проблемы уже выплескиваются за пределы книжных страниц. Скажем, некий мэтр-дециметр публично меня поучает — по поводу нового романа: «Думается, в России вот уже года три или четыре как перестали с равнодушием относиться к таким политпредъявам... Публикуясь в российском издательстве, надо помнить об этом. Иначе книга осядет мертвым грузом на складе». Дециметра успокою — помянутая книга вышла уже тремя изданиями. Но сама, дециметровым новоязом выражаясь, «политпредъява» прямо сердце греет. Так и хочется вновь в демократы (чур меня, чур!) записаться и на обкоме сине-желтый флаг поднять, как в подзабытом 91-м.

В общем, блажен муж... Тем паче спорить с имперцем на вербальном уровне бесполезно. Да простит меня дециметр, опять процитирую: «Но если попадет ему вожжа под хвост, то как закусит он удила, как понесет, роняя клочья пены» (у дециметра «вожжа» через «з», я исправил, надеюсь, опять-таки не обидит-

ся). Для подобного спора каждое суверенное государство имеет серьезные и весомые аргументы. Так что лучше обычного конвента обождать, где в основном, конечно, про водку и женщин, но иногда и о фантастике поговорить можно.

И все-таки я решаюсь обратиться к уважаемым коллегам. И на то целых две причины имеются. Обе очень серьезные.

Причина номер раз.

Дорогие мои коллеги, братья-фантасты! Выведем пока что политику с поля, хотя бы на полчаса, и на фантастику нашу любимую поглядим. К вам обращаюсь я, друзья мои, потому что вас нечто серьезное, настоящее все еще интересует. Имперская идея — дело сложное, ума требующее, знаний, таланта. А ведь вы-ко всему и литераторы, не только политики. Если для вас фантастика — часть имперского проекта, то будет ли толк, если эта самая фантастика — да не «эта самая»! — наша Фантастика станет и дальше столь успешно мчать в светлое Будущее? Еще недавно мы от «конины», нашими коллегами под «ихними» псевдонимами писанной, брезгливо отворачивались, от всяких там доморощенных «х-файлов» и прочего скайуокерства. И зря, потому что сейчас это уже почти классика по сравнению с тем, что украшает прилавки. Думаете, брюзжу? Мол, раньше и солнце было ярче, и вода мокрее. Нет, братья по фантастике, поразному солнце светило — и не всегда воды во фляге хватало. Но кой-чего, к счастью, не было. Нынешней, прости господи, «юмористической фантастики», нынешнего «дамского фэнтези», нынешнего...

Нет, лучше конкретный пример, свежий самый, убедительней будет. Толкиена любите? Не важно, по крайней мере знаете. Вот и автор некий тоже знает. Собрал он отряд Хранителей, переименовал для безопасности, дабы за плагиат не засудили, колечко вручил... Зачем самому выдумывать-стараться? А для оживляжа заставил своего Фродо надеть кольцо не на палец, а... Не знаю, как и сказать культурнее, разве что классика процитировать — Ломоносова. «...И что тело часть срамная...» Оценили? В общем, торчит кольцо на этой самой «части», чудеса творит. Автор доволен, читатели в восторге... У нынешних ин-

тернет-идиотов в их срамном словарике есть выражение «бугага» (слитно пишется). Так что полное «бугага» — и даже «рыгага» (тоже слитно)...

Если «это» сейчас фантастика, то я, извините, не фантаст. Воображения не хватает — и смелости литературной. По сравнению с таким «ремиксом» даже черт по имени Изя некоего доморощенного жидоеда (не читали? ой вэй!), выглядит вполне литературно.

Коллеги, «этого» много. «Этого» очень много. «Это» берут за образец те, кто начинает фантастику читать — и писать. Какой смысл спорить о высоком, о сложном и многослойном, когда то, на чем мы стоим, наша планета, наша Фантастика, успешно превращается в «бугага»?

Может, некий общий интерес проступит? Как думаете, друзья?

На этот мой горячий призыв возможен ответ, далеко не столь теплый. Мы-то чем поможем? Закон Старжсона, девять десятых всех книг — дерьмо, не нами придумано. А мы, люди серьезные и очень даже высококультурные, будем по завету Вольтера возделывать свой сад — в данном случае имперский. А дауны в своих даунтаунах пусть читают «бугага» и «рыгага». Дураков не вылечишь, графоманов писать не научишь. А что больше их сейчас, чем прежде, так это оптическая иллюзия. Раньше печатали меньше, с разбором, опять же редакторы всякие были, корректоры. Это, во-первых. И, во-вторых, уже без всяких шуток, без «рыгага». Поколение-«некст», поколение, не жившее в СССР, то, которое сейчас начинает не только читать, но и печататься, выросло в антураже похлеще, чем в старых антиутопиях. Тем, кто пережил 90-е, в самое время медали давать — а тем, кто тогда родился и рос? Не медали — таблетки с уколами за государственный счет, причем пожизненно. Выродившееся общество, выродившаяся школа, озверение и опошление — как ни скажи, все пресно будет. Удивительно еще, что среди этих «некст» не так мало умных и толковых. Крепок все же человек! Но мерзость последних трех пятилеток не могла не погубить очень и очень многих. Для них, навсегда отравленных и ушибленных,

«бугага» — родной язык, а Кольцо Всевластья на соответствующей «части» тела вкупе с чертом Изей — верх литературной выдумки. Вздохнем о них — и своими делами займемся.

...Это не я говорю — это вы мне говорите, коллеги. А я вам сейчас отвечу.

Профанация, пресловутое «падение планки», опошление и примитивизация захлестнут — и захлестывают все. Не только книженции про эльфов и цвельфов, не только «бабфэнтези» и юмористику уровня «рыгага». Самые светлые ваши идеи, правильные, имперские-разымперские, эти «некст» превратят в повествование про черта Изю. Дабы не показаться голословным — еще примерчик. Сочинение на ортодоксальную имперскую тему «Как Сталин напал на Гитлера в 1941-м и мир завоевал», тоже свеженькое, с пылу с жару. Роль черта Изи там исполняет фельдмаршал Манштейн, который оказывается-таки «Изей» Левински и (ой вэй!) — и с ним такие смешные вещи приключаются! Советские же бойцы идут в атаку с криком «Бей фашистских жидов!» А что Гитлер, Адольф наш Алоизович — агент мирового Сиона, который все это и затеял, с третьей страницы ясно становится. Нет, это не я бесноватого с «ичем» именую, это автор, молодой и талантливый. К Шикльгруберу так и обращаются всякие там Кейтели с Йодлями: Адольф Алоизович. Со всем нашим, понимаете ли, уважением.

Некое сетевое «бугага» весьма положительно об этой литературной находке отозвалось. Мол, очень смешно.

Сказал бы: и мы посмеемся. Сказал бы: что с идиотов возьмешь? Вон их сколько в Сети, кретин на кретине. И вообще, и те, что к Фантастике примазаться пробуют. Пусть себе!

Нет, иначе скажу.

Это — очень вероятное будущее всей нашей фантастики. Высокоумное снобье очень любит совершенно невкусный термин «бифуркация» (ну хоть вслух проговорите, на языке покатайте!). Так вот, мы сейчас в этой самой точке — точке бифуркации. А впереди ждут нас черт Изя с Адольфом Алоизовичем. Они ждут — а нас к ним несет поток. Книжный, глянцевый, веселый. Бугага.

Такое и станут читать. А то, где, как ныне принято говорить, «много букв», так и «осядет мертвым грузом на складе». Потому как планка сбита. Потому что читатель привыкнет, что фантастика — это те самые 90 процентов по Старжсону. Уже привыкают. И никто не услышит вопиющих в пустыне, а если услышит — не поймет, потому как язык забудет.

Русский язык.

Так, может, на станем разделяться на имперцев, постимперцев, неимперцев и прочих перцев? Стоит ли резать нашу Фантастику по живому? Ее, бедную, и без нас уродуют.

Не убедил? Тогда вот вам причина вторая, не менее серьезная. И не обессудьте, что стану поминать не только литературу, но и политику. Не я первый «политпредъявы» кидать начал.

Причина проста: не получается и не получится. Уточняю. Не получается грамотно и завлекательно писать фантастические произведения на имперскую тему, дабы оную имперскую идею подать читателю. Порой выходит грамотно, профессионально, порой очень даже завлекательно, по самое «не могу» (черту Изе опять икается). Но в целом — нет.

И — не получится. Как выразились наши почти классики: «Не время для драконов». Для того, что когда-то было Российской империей, а потом СССР, время Империи уже прошло (еще не наступило — нужное подчеркнуть). И никакое вопияние в пустыне, даже голосом Паваротти, не поможет.

Не время!

Но — по порядку.

«Не получается» не из-за отсутствия желания и таланта. В конце концов, закон Старжсона можно оценить с иной стороны. При нынешнем раздолье тиражей и имен (сколько новых «фантастических» книг в год? тысяча? больше?) десять процентов — это несколько десятков хороших романов и повестей. И если даже часть их посвящена нужной нам теме, выходит очень даже оптимистично. Историческая фантастика популярна, ее читают. Так чего еще желать? Что тут не так?

«Нет так» заключено в самой фантастике как методе (или «жанре», кто как привык). При всей близости Фантастики и Уто-

пии, это все же разные направления. Историческая фантастика может рассказать много интересного, может многое проанализировать — но создать «оптимальную» модель государства или общества, привлекательную для читателя, пожалуй, не в силах.

Такое может фэнтези (не смейтесь!), но фэнтезийная «модель» заведомо сказочна. В некотором царстве, в некотором государстве... То, что какие-нибудь «блям-блямчики» или «цурипопики» счастливо живут в Империи Ы, не есть аргумент для построения подобной империи среди наших берез и осин. Разве что для ролевой игры годится.

«Счастливые» общества регулярно преподносит нам фантастика Будущего. Но там «счастливость» задана заранее, ибо наши сметливые потомки как-то удосужились решить на сегодняшний день нерешаемое — и в технике, и в делах вполне человеческих.

...Оговорочка — не по Фреду, но по Лукасу. В уже устоявшейся картине Грядущего термин «Империя» успел приобрести некую эмоциональную нагрузку, не очень позитивную. Во всяком случае, Империя Добра звучит не слишком убедительно. Ах, джедаи, джедаи!

Более того. Если внимательно присмотреться к преподносимым нам картинами счастливого будущего и задаться вопросом: «а хотел бы я там жить», ответ не слишком однозначен. Самая-самая классика — «Туманность Андромеды» Ефремова. Желаете переселиться? Не спешите с ответом, книгу вначале перелистайте. И даже Мир Полдня, по которому положено ностальгически вздыхать. Тоже не торопитесь. Мне, например, сразу вспоминается, что в тамошнем Совете большинство депутатов — врачи и учителя. Вам не страшно? Завидую от всей души.

Однако Будущее с космоимперияами и звездными войнами все-таки не совсем «наше» поле. У исторической фантастики свои прерии. «Однажды Гегель ненароком и, вероятно, наугад...» Историк — действительно пророк, предсказующий назад. Посему иначе вопрос поставим. Удалось ли кому-либо создать ретроутопию? Не в Средиземье, а в где-то близко к реальности. Не в Австралии, не на Юкатане — на знакомой почве. Скажем, империю Романовых или Рюриковичей, в которую бы хотелось

переселиться? Городовые вежливые, государь мудрый, телятина по три копейки фунт? Не вспоминается что-то. Акунин честно пытался, но он — детективщик, а это жанр специфический. После «расчлененки» на третьей странице как-то не слишком думается о доступной телятине.

Не вспоминается. И не потому, что фантастических ретроимперий, в том числе и Российских, мало. Есть они, некоторые очень даже любопытные. Но чтобы сразу — и визу туда выправлять? Пусть даже не визу, просто повздыхать от души: эх, не получилось, не вышло! Нет, я не забыл ни Александра Громова, ни Андрея Уланова, их «проекты» очень интересны, но чтобы в такой стране — и жить? Тут очень задумаешься.

Но все-таки нужный пример найдется. Нет, я не про «Боярскую сотню» (не желаете командировочку?). Самую симпатичную ретро-Россию создал Андрей Белянин. Но мир Царя Гороха все-таки ближе к фэнтези. Кроме того, он — не Империя в типологическом плане. Перед нами нечто близкое к Московскому государству времен Ивана Третьего: территория не слишком велика, население этнически однородно, если кикимор не считать. А главное — это все-таки сказка, пусть и в хорошем смысле слова.

Причина всего сказанного проста и понятна. Историк — не тот, кто злоупотребляет медом и патокой, ему все больше скальпель в руку просится. Специфика профессии!

И вновь возразят. В книгах, пусть и фантастических, следует не медом мазать, а показывать мир, так сказать, во всей полноте и сложности, читатель же, если разумен, сам разберется. Согласен категорически. Но пока имперской ретроутопии, настоящей, с большой буквы Утопии, среди написанного не замечается. Или я что-то упустил?

Упустил, конечно. Еще один классик — Василий Звягинцев. Тут все просто. С помощью инопланетян можно создать любую Российскую державу, хоть с Аляской, хоть с Меркурием в качестве автономной области. В его Югороссии я бы пожить согласился, отчего бы и нет, тем более столица в Харькове? Но соль в том, что для создания более или менее приличного «ан-

клава» Империю пришлось для начала разрезать на части. То есть тот же 91-й год, пусть и другими методами.

Надо ли еще что-то доказывать?

Не слишком получается и с ретро-СССР. Историческая фантастика, конечно, не забывает Страну Советов, порой она в своих фантастических «отражениях» и велика, и могуча. До Ла-Манша простирается, иногда даже до Австралии (привет Федору Березину!). Только вот насколько она «утопичнее», опять-таки в хорошем смысле слова, по сравнению со страной, где мы все жили? Сильнее — да, страшнее для врагов (ух, приятно!) — «да» три раза. Но чтобы вернуться, чтобы back to USSR?

Честный фантаст делает честные выводы. Читая «Вариант «Бис» Анисимова, любая имперская душа согреется, восторгом изойдет. Как «мы» «им» вломили, а? Ну, вломили, фантастика все-таки, почему бы не вломить? Но чем все кончилось? Бойцы вспоминают минувшие дни, а Союза-то нет! Распался — и в этой, столь победоносной реальности. Потому что видит автор: одного «вломления» супостату недостаточно, чтобы развернуть Историю. Она, как говорят англичане, Человек справедливый...

С Будущим не выходит, с Прошлым тоже трудности. Остается смоделировать Империю прямо здесь, в дне сегодняшнем. Альтернативщики! К вам обращаюсь я, мастера бифуркации! Сотворите нечто идеальное — или хотя бы к идеалу приближенное!

Литература Реванша ныне очень в чести. Мало кто помнит, что чуть ли не первой книгой подобного толка стала вышедшая еще в год Великого бума повесть некоего Россича «Реванш России». Хотите туда, в книжку? Там в восставшей из праха великой стране первым делом устраивают казнь на Красной площади. Не поленился автор, списочек составил — кого и за что вешать. Качаются трупики у древнего Кремля, светят пятками босыми — а наш спецназ уже президентов Прибалтики вяжет, всех трех сразу. И по Америке — огонь! Чем не имперская Утопия? Хотите туда? А в «Катаклизм» Федора Березина? Но Березин, честь ему и хвала, все-таки создавал антиутопию. Найдите разницу!

Ладно, не будем о страшном. Есть же положительные примеры — без повешенных у Спасской башни? Есть, конечно. Как не вспомнить произведение, специально задуманное, как апология Империи. Настоящей, могучей, многонациональной, раскинувшейся от океана до океана, где плохих людей нет, где человек человеку — единочаятель.

Хотите в Ордусь ван Зайчика?

Насколько мне известно, именно кликами: «Хочу в Ордусь!» наш коллективный ван Зайчик более всего гордился, даже на сайте их складировал. Ну что ж, порадуемся за него. Но при этом вспомним не только то, что вкусы бывают разные (в 30-е коекому из западных либералов сталинский СССР был весьма по душе), но и когда все это читалось. В недобрым словом помянутые 90-е, да и чуть позже, Ордусь на первый взгляд и в самом деле казалась оазисом, где не только имперская, но и самая обычная душа успокоится. Сообразно все, благолепно даже. Чем не воплощенная имперская Утопия?

Соглашусь — она и есть. Только лично меня в эту Утопию не заманишь. Дело даже не в столь любимых автором прутняках — больших и малых. В конце концов эксцесс — или, напротив, авторский ход, ордусскую «самость» подчеркивающий. Но присмотримся поближе к какому-нибудь значащему эпизоду. Для меня ближе тот, что про Асланів («Дело незалежных дервишей»). Между прочим, приятно читать настоящего имперца, без кавычек. И «мова» ему по душе, и народ, и никакой граф Стадион асланивцев не выдумывал. А то, что автор против сепаратизма, очень даже понятно. Отчего бы не благоденствовать Асланіву в сообразной Ордуси?

Но — присмотримся. Для начала назовем вещи своими именами. Приезжий чиновник прокуратуры, без всякой санкции и ордера, производит аресты руководства автономной территории. Такого, между прочим, и в ежовские времена не позволялось. Для арестов он вызывает частную, вооруженную до зубов армию, которая прибывает обычным рейсовым самолетом. Читателей должен изрядно повеселить эпизод с перепуганными обывателями, сию армию узревшими. Смешно. Полное бугага. А теперь переложите все это на нашу реальность: аэровокзал, эскалатор, а по

нему спускается обвешанная оружием толпа Кормибарановых и Кормиконевых и начинает танец с саблями. Весело?

И наконец. В цивилизованной человеколюбивой Ордуси автономный Асланів отчего-то живет даже не по татарским, а по китайским законам династии Тан, включая кодекс с прутняками. У каждого народа своя история. В «Русской правде» никакие прутняки (равно как столь часто поминаемая круговая порука с репрессиями ни в чем не повинных родичей до седьмого колена) не предусматривались. А на календаре Ордуси уже конец XX века.

Довелось как-то поинтересоваться у одного из ван Зайчиков (не у Двуллера, а у Цесаревича) смыслом всех этих «сообразностей». Ответ Зайчика был прост. Во-первых, юмор, помянутое выше «бугага». А во-вторых, «народ», читатели мечтают о таком герое, чтобы с «корочками», чтобы всех начальников — на цугундер без всякого ордера, чтобы справедливость для всех — крупными очередями.

Ну как, хотите в Ордусь?

Увы! Все попытки создать позитивный, привлекательный образ Империи — в Прошлом, Настоящем и Будущем — никак нельзя признать удачными. Не получается. Не в плане литературном или историческом, а именно в плане создания положительного имиджа. Так что, уважаемые коллеги-имперцы, не на свою мельницу воду льете. Почитает умный человек, труд ваш оценит — а заодно и самой имперской идее оценку даст. Она у вас вроде динозавра. Нечто большое, сильное, очень даже интересное, можно сказать, мечта ученого. Но не дай бог рядом с таким динозавром рядом оказаться!

И вновь возразить можно. То, что сказано, мнение личное. Одного не убеждает, иному же динозавр сей дороже брата родного. Только вот вопрос: кого именно Империей увлечь следует? Убежденным имперцам и так все ясно, им ничего доказывать не надо. С инородцем-иноверцем попробуйте. Получится — ваша взяла.

Это, если помните, было насчет «не получается». Переходим к «не получится», к тому, что сейчас не время для драконов-динозавров.

Можно долго спорить про тенденции общемировые. То ли рушатся империи (СССР, Югославия), то ли собираются рухнуть (Штаты), то ли, напротив, консолидируются (Евросоюз). Мир велик, и нас интересует его вполне конкретная часть. Если же взглянуть на Россию, то не надо быть Гумилевым, чтобы понять: русский этнос переживает период, именуемый многими «национальным возрождением». Не станем спорить, даже кавычки уберем. Итак, национальное возрождение, поиск идентичности, болезненное распознавание «свой-чужой», нащупывание пресловутой «национальной идеи». Все именно так и есть. А как соотносится Империя с национальным возрождением, с пробуждением одного из ее этносов? Надо ли пояснять? Тем более уже поминавшиеся особенности эпохи приводят к тому, что все происходит по наиболее агрессивному, нетерпимому сценарию.

Продолжать не стану, умному — достаточно. Напомню лишь, что поиски «русскости» в покойной Российской империи становились все интенсивнее по мере приближения к 17-му году. Ответом была, само собой, аналогичная реакция народов нерусских. И чем все кончилось?

Бог с ней, с политикой — или не Бог, другой кто-то. Увы, «злоба дня» уже впечаталась и в нашу Фантастику. Эльфы, звездолеты — экий наив! Разоблачение колдунов-инородцев, на Россию умышляющих — иное дело. Смерть Гарри Поттеру и прочей магической синагоге! «Дети против волшебников», не читывали?

Скажете, опять эксцесс? А почему в столь популярной альтернативной истории СССР (или Россия) все чаще становится союзником Адольфа Алоизовича? Не нравятся англичане с янкесами, понимаю. Но неужели наци лучше? Выходит, лучше. Несколько лет назад казалось, что «коричневое» поветрие — лишь игра нескольких эстетов-извращенцев. Сейчас так уже не скажешь. «Антифашист» стало бранным словом, скоро оно будет таким и в Фантастике. По сути, Адольф Алоизович поделился с некоторыми нашими авторами своей генеральной идеей: мировой конфликт есть противостояние арийцев и евреев. Согласились — и стали записываться в арийцы.

Сказавши «алеф», приходится говорить «бейта». И вот уже пошли рассуждения о «крови и почве», о зловредных метисах и мигрантах, о все тех же инородцах-иноверцах, которые «нас» громят, значит, требуется громить «их». И в жизни, и в книгах. До смешного доходит. Пару лет назад некий автор как следует разбомбил Вашингтон. Доброе, казалось бы, дело, радоваться следует. Так нет же, чуть не съели его, автора — с костями и очками, потому как книга именовалась «Татарский удар». Мол, как он смел, нерусский? Татары — они вообще...

Глубокоуважаемые коллеги-имперцы! С кем Империю строить станете? Один народ — «вообще», другой графом Стадионом выдуман, третий не народ, а «мировая закулиса». На такое ведь и ответить можно. Некий украинский автор изваял нетленку «Дефиляда в Москве», где вволю, так казать, отальтернативился. Вот уже и воюем, пока еще виртуально.

Встал род на род... До Рюрика еще далеко.

И опять пример просится, финальный. Красой и славой Российской императорской армии была Дикая дивизия. А кто в ней служил? Они — ингуши и чечены. Так вот, когда вновь Дикую дивизию сформируете, хотя бы на страницах очередного романа — тогда и в Империю зовите.

А вообще, грустное это дело. Сейчас на наших глазах происходит разрезание на куски того, что когда-то было советской фантастикой. Не труп рубим, по живому режем. Не по литературной необходимости, таковой нет — по чисто политической. Что ж, разрежем, разрубим, клочья по сторонам раскидаем. Едва ли обрубкам и обрезкам станет легче. Оглянитесь, близок он, полный Капут, уже подступают черти Изи, Адольфы Алоизовичи, Фродо с кольцом на интересном месте, окружают со всех сторон. Не лучше ли всю эту плесень совместно вымести, а там уж меж собой разбираться. Тем более единая Советская Фантастика, как ее ни назови — это и есть Империя, может, самая лучшая из когда-либо существовавших.

Сохраним ее? Уничтожим?

Содержание

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ

Сергей Палий. КАРАНТИН 7
Андрей Рузанкин. НЕНАВИЖУ ТЕЛЕФОН! 33
Алексей Талан. АТЛАНТЫ 74
Василий В. Головачев. ПОДЗЕМНАЯ ПТИЦА 95
Юрий Манов. ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД 125
Евгения Шаталина. ШАМБАЛА 156
Евгений Лукин. ДЕНЬ ДУРАКА 219
Святослав Логинов. ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ 236
Евгений Малинин. АТТРАКЦИОН 252
Владимир Михайлов. «СТЕЛЛАРНАЯ СКОРАЯ» 262
Ирина Сереброва. ХОЗЯИН МУНЛАНДА 302

РОСКОН-ГРЕЛКА

Дмитрий Колодан. ВСЯ КОРОЛЕВСКАЯ КОННИЦА 323
Татьяна Апраксина. ДВЕ МЕЧТЫ РУДО ШРОСТА 353
Шимун Врочек. ЧЕЛОВЕК ИЗ ГОЛЛИВУДА 361
Леонид Каганов. ЧЕРНАЯ КРОВЬ ТРАНСИЛЬВАНИИ 377
Александр Сальников. АГАСФЕР С ОСТРОВА МУРАНО ... 414
Наталья Федина. АДЬЕЗ, МАДРИСИТА 437
Лариса Бортникова. АНАРХИСТЫ 451
Эльдар Сафин, Татьяна Кигим. ГЕНОСЕТЬ 466
Иван Кузнецов. ГУСЕНИЦА 509
Владимир Березин. ВЫСОКОЕ НЕБО РЮГЕНА 526
Карина Шаинян. ЖИРАФ-В-ШАРФЕ 538
Аделаида Фортель. СПОКОЙНО, ЖОРИК! ВСЕ ПОД КОНТРОЛЕМ! 552

Дмитрий Корниенко. ИГРЫ В КЛАССИКОВ 571
Эльдар Сафин, Татьяна Кигим. МИР ДОЛЖЕН КРУТИТЬСЯ 576
Наталья Егорова. СЕДЬМОЕ НЕБО 601
Антон Тудаков. СОЛНЦЕ В ЛЕВОМ ГЛАЗУ ЛЕМУРА 622
Иван Наумов. ТРИ УЗЕЛКА НА ПАМЯТЬ 644
Александр Сивинских. ФАКТОР МАССЫ 656
Рассел Д. Джонс. ЭЛЬФЫ ПРОХОДЯТ БЕСПЛАТНО 680
Наталья Козельская. БИЛЕТ НА ДИВНЫЙ НОВЫЙ МАРС 705

СТАТЬИ

Г.Л. Олди. О БЕДНОМ РОМАНЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО 725
Андрей Шмалько. РЕВАНШ, ПОГРОМ, КАПУТ 753

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Фантастика 2008

Сборник

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин
Технический редактор Т.В. Сафаришвили
Младший редактор Н.В. Дмитриева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, 27/32
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «ХРАНИТЕЛЬ»
129085, г. Москва, пр. Ольминского, д. 3а, стр. 3

**Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Типография ИПО профсоюзов Профиздат»
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25**

ISBN 978-5-17-044281-2

Поклонники отечественной фантастики!

Перед вами — двенадцатый сборник популярного альманаха «Фантастика», с неизменным успехом выходящего уже шесть лет!

Это — весьма необычный сборник. В него вошли не только новые рассказы, повести и статьи Василия Головачева и Евгения Лукина, Евгения Малинина и Владимира Михайлова, Леонида Каганова и творческого дуэта Г.Л. Олди, но и произведения всех финалистов последнего конкурса «Роскон-Грелка».

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ